

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-10-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-10-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Сапрыкин М.Е. Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова	1
Василова Д.А. Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России: фактор полицентричности	9
Ли Ю. Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху	21
Алтынбекова Б.А. Структурные типы адаптации существительных при киргизско-русском переключении кода	38
Максимова А.М. Трансформация заголовков в сетевых СМИ под влиянием каналов дистрибуции контента	52
Чжан Ш. Изображение революции в романе В. Лаврова «Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа»	62
Смоленская М.А. Ненадежная наррация в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	73
Меркулов Г.В. Фонетические особенности старорумынского языка XVI-XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)	86
Пуряева Н.Н. Лубочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице	96
Амиргамзаев Г.М., Гамзаев Р.Г. Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой	103
Булгарова Б.А., Сейшелль М.Ф., Юрова Ю.В., Шабаетова И.Ю. Глобализация и зависимость от СМИ: взаимоотношения между франкоязычными африканскими странами и зарубежными СМИ (2019-2024 годы)	117
Щетинина Д.А. Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций	136
Чжан В. Влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык	152
Ван Ш., Ван Т. Сопоставительный анализ семиотики еды и стратегий нейминга в русской и китайской лингвокультурах	166
Масликова А.В. Шаблоны английского научного текста: технология отбора	178
Петрова П.С. Вторичная номинация с компонентами-соматизмами в военной лексике (на материале русского, английского и французского языков)	190
Чжан Х. Влияние образной системы игровых произведений XIX в. на русскую литературу XX в.	200
Чжан Ю., Сюй Ю., Коваленко А.Г. Социально-исторический конфликт в романах Владимира Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени» и «Асан»	208
Чжан Х. Рецепция китайской поэтической традиции в творчестве Леонида Черкасского: культурная трансляция как путь к поэтическому синтезу	222
Гао Ц. Полифония как форма репрезентации женской памяти о войне в документально-художественной прозе С. Алексиевич: на примере романа «У войны	232

не женское лицо»

Цзян Ю. Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)	245
Бушуев А.В. Термины-метафоры в составе английского подязыка юриспруденции	261
Колядин А.В. Сравнительно-сопоставительная проксеменная модель архитектуры будущего (на материале статей журналов «Вокруг Света» и "National Geographic")	274
Каратаракис Н. Словообразовательная производность глаголов с общей семой «перемещения объекта» в греческом и русском языках	284
Тянь Ю. Многомерная языковая игра как механизм юмористической конструкции в российских сценических миниатюрах: на материале диалогов из шоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club»	293
Ван Ц., Вэнь Б. Когнитивные и дискурсивные особенности медиатекстов в контексте интеграции кино и игрового дизайна	303
Менжулина Д.Е. Метафорическое структурирование представлений о любви участников публичного диалога	313
Гэ Ю. Черный миф: Укун — игровой нарратив и стратегия распространения	328
Платонов Ф.Е. «Происшествие на реке Тун» Вс. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии	342
Сапрыкин М.Е. Чужое слово в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960–1980-х гг.	352
Англоязычные метаданные	362

Contents

Saprikin M.E. Inner speech as one of the aspects of poetry by V. S. Nekrasov	1
Vasilova D.A. Media Image of the Republic of Tatarstan in Post-Soviet Russia: The Factor of Polycentrism	9
Li Y. Video Games as a Tool for Shaping Political Perception in the Digital Era	21
Altynbekova B. Structural types of noun adaptation in Kyrgyz-Russian code-switching.	38
Maksimova A. Transformation of headlines in online media under the influence of content distribution channels	52
Zhang S. The representation of revolution in V. Lavrov's novel "Gallows and Money, or The Mistake of Azef"	62
Smolenskaya M.A. Unreliable Narration in M.Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"	73
Merkulov G.V. Phonetic features of the Old Romanian language of the 16th-17th centuries (Codex Neagoeanus, 1620)	86
Puriaeva N.N. Lubok story about Cavalry Maiden by Kukel	96
Amirgamzaev G.M., Gamzaev R.G. The specifics of the representation of Islamic movements in modern media: between religious content and political agenda.	103
Bulgarova B.A., Seychelle M.F., Yurova Y.V., Shabaeva .Y. Globalization and Media Dependency: The Relationship Between Francophone African Countries and Foreign Media (2019-2024)	117
Shchetinina D.A. Discursive strategies of digital activism in the context of media-political transformations	136
Zhang W. The Influence of Subjective Factors on the Representation of Linguocultural Meanings in the Translation of F. M. Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment» into Chinese	152
Wang S., Wang T. Comparative Analysis of Food Semiotics and Naming Strategies in Russian and Chinese Linguistic Cultures	166
Maslikova A.V. Phrases in EAP academic writing: selection technology	178
Petrova P.S. Secondary nomination with somatic components as a part of military vocabulary (a case study on Russian, English and French)	190
Zhang H. The influence of the imagery system of game works of the 19th century on Russian literature of the 20th century	200
Zhang Y., Xu Y., Kovalenko A.G. The socio-historical conflict in the novels of Vladimir Makanin "Underground, or a Hero of Our Time" and "Asan"	208
Zhang H. The reception of the chinese poetic tradition in the work of Leonid Cherkassky: cultural transmission as a path to poetic synthesis	222
Gao Z. Polyphony as a form of representation of women's memory of war in the documentary-artistic prose of S. Alexievich: based on the example of the novel "War's Unwomanly Face."	232
Jiang Y. The Reasons for the Popularity and Genesis of Eastern Themes in the Russian Literature of the 1920s (a Case Study of the Works of Vsevolod Ivanov and His	245

Contemporaries)

Bushuev A.V. Metaphor terms in the English sublanguage of jurisprudence	261
Koliadin A.V. Comparative-contrastive proxemic model of architecture of the future (based on articles of the magazines "Vokrug Sveta" and "National Geographic")	274
Karatarakis N. Derivational productivity of verbs denoting object movement in Greek and Russian	284
Tian Y. Multidimensional Language Play as a Mechanism of Humorous Construction in Russian Sketch Comedy: A Case Study of Dialogues from "Ural Dumplings" and "Comedy Club"	293
Wang Z., Wen B. Cognitive and Discursive Features of Media Texts in the Context of Film and Game Design Integration	303
Menzhulina D. Metaphorical structuring of ideas about the love of participants in a public dialogue	313
Ge y. Black Myth: Ukun — Game Narrative and Distribution Strategy	328
Platonov F.E. "Incident on the Tun River" by Vs. Ivanov: a oneiric projection of the future and the enclosed space of dystopia	342
Saprykin M.E. The Foreign Word in the Poetry of V. N. Nekrasov in the 1960s–1980s	352
Metadata in english	362

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сапрыкин М.Е. Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75713 EDN: SLYXGV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75713

Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова

Сапрыкин Михаил Евгеньевич

ORCID: 0009-0002-0030-113X

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

108840, Россия, г. Москва, г. Троицк, Троицкий округ, Октябрьский пр-кт, д. 29А

✉ mikhail2909@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75713

EDN:

SLYXGV

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2025

Дата публикации:

04-09-2025

Аннотация: Предметом статьи является такая особенность поэтики неофициального поэта Вс.Н. Некрасова, как сходство синтаксической структуры текста с внутренней речью. В статье анализируются различия между тем, как функционирует внутренняя речь в поэзии Я.А. Сатуновского, на творческие открытия которого ориентировался Некрасов, и в поэзии самого Некрасова: если в поэзии Сатуновского сохраняется законченный характер синтаксиса, то структура стихотворений Некрасова лишена целостности, поскольку основной текст произведений составляют многочисленные дискурсивные маркеры и дейктические единицы. Представляется, что использование этих языковых единиц в качестве основной части художественного произведения является общим для конкретизма в России, стремившегося отказаться от «опоэтизированного слова» и ориентировавшегося на повседневную речь в качестве поэтической. Методология исследования строится на лингвопоэтике: в первую очередь отмечается такая

особенность внутренней речи в структуре поэтических произведений Некрасова, как частотное использование дискурсивных маркеров и дейктических единиц, а затем предпринимается попытка анализа их функционирования в тексте. Основными выводами проведенного исследования является то, что при помощи графики текста, различных приемов фоники и других приемов поэт создает особую композицию произведений, при которой смысловой акцент в его произведениях ставится на последний стих. При этом основная часть художественного произведения может состоять из дискурсивных маркеров или дейктических единиц. Однако в отличие от повседневного дискурса, где эти языковые единицы обеспечивают успешность коммуникативного акта, в творчестве Некрасова они вместе с другими художественными приемами осуществляют прием остранения, лежащий в основе всякого художественного акта. Таким образом, дискурсивные маркеры и дейктические единицы как обнаруживают свое собственное творческое начало, так и актуализируют внутреннюю речь как источник поэтического высказывания, что представляется отличительной чертой поэзии Некрасова.

Ключевые слова:

Вс.Н. Некрасов, Я. Сатуновский, лингвопоэтика, внутренняя речь, дискурсивные маркеры, дейктические единицы, неофициальная литература, Лианозовская группа, конкретизм, графика

Поэт Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) играет важную роль в истории русской неофициальной литературы второй половины XX века: на рубеже 1950–1960-х гг. Некрасов входил в состав одного из первых неподцензурных объединений — Лианозовскую группу, в 1970–1980-е гг. был одной из главных фигур в среде московских концептуалистов, а в 1990–2000-е гг., после снятия цензурных ограничений, активно публиковался в официальной печати. В результате своей активной деятельности поэт в 2007 г. был удостоен премии Андрея Белого в номинации «За заслуги перед литературой». Таким образом, актуальность данной статьи обусловлена, с одной стороны, исключительно важной ролью поэта в позднесоветском и постсоветском литературном процессе, а с другой стороны, насущной необходимостью исследования различных аспектов поэтики Некрасова.

Предметом исследования данной статьи является такая особенность поэзии Некрасова, как сходство структурного устройства его текстов с внутренней речью. Л.С. Выготский в работе «Мышления и речь» определяет функцию внутренней речи как «способствующего фактора при переходе от мысли к громкой речи» [\[1, с. 6\]](#), а ее формальные отличия от речи письменной видит в следующем: «Внутренняя речь есть максимально свернутая, сокращенная, стенографическая речь. Письменная речь есть максимально развернутая, формально более законченная даже, чем устная. В ней нет эллипса. Внутренняя речь полна ими. Внутренняя речь по синтаксическому строению почти исключительно предикативна. Подобно тому как в устной речи наш синтаксис становится предикативным в тех случаях, когда подлежащее и относящиеся к нему части предложения являются известными собеседникам, внутренняя речь, при которой подлежащее, ситуация разговора известны самому мыслящему человеку, состоит почти из одних сказуемых. Самим себе мы никогда не должны сообщать, о чем идет речь. Это всегда подразумевается и образует фон сознания» [\[1, с. 21\]](#). Сходство поэзии Некрасова с этим типом речи уже отмечалось многими культурологами и литературоведами, в частности Б.Е. Гройсом [\[2\]](#), В.С. Библером [\[3\]](#), В.Г. Кулаковым [\[4\]](#). Однако нам представляется, что

исследование этого аспекта поэтики Некрасова может быть углублено. Помимо фрагментарности синтаксиса, структурный строй поэзии Некрасова с внутренней речью сближает активное включение в текстовую ткань дискурсивных маркеров и дейктических единиц. Основываясь на лингвопоэтике как методе исследования, мы собираемся проанализировать функцию названных языковых единиц, что позволит выявить своеобразие творчества Некрасова.

Для начала приведем несколько примеров из поэтических текстов Некрасова, в которых отчетливо видно сходство с внутренней речью. Если во многих стихотворениях поэта первой половины 1960-х гг., несмотря на графическое исполнение и отсутствие знаков препинания, сохраняется цельный синтаксис: «Физик физик / Математик / Дядя Коля Комаров / Косо криво засыпает / На горе Карабалах // По закону / Комарова / На горе / Карабалах // Горы горы / Интенсивно / Искривляют темноту» [5, с. 56], то уже во второй половине 1960-х гг. синтаксис большинства стихотворений становится более похож на синтаксис внутренней речи с ее эллипсами и отсутствием формальной завершенности: «да // куда / я знаю куда // а откуда / откуда я знаю откуда // нет // откуда / это я знаю откуда // а куда / откуда я знаю куда» [5, с. 235], а в 1970–1980-е гг. тексты, в которых можно зафиксировать цельный синтаксис письменной речи, практически отсутствуют. Это изменение в поэтике, произошедший на рубеже 1960–1970-х гг. комментировал сам Некрасов, связывая его с влиянием творческой манеры Я.А. Сатуновского: «Сатуновский действовал своими идеями. Они у него такие органичные были: "главное иметь нахальство знать, что это стихи". Собственным примером: существует человек, который нет-нет — и вдруг как-то ловит себя на поэзии, именно ловит. Ловит себя на поэзии — это самый добротный конкретизм. То, что ты должен отметить, то, что есть на самом деле, вроде регистрации заголовков и вывесок — только внутри самого себя. Своя внутренняя речь — только отмечай то, что действительно того стоит. Я видел, что Сатуновский так делал — и у него получается — что так можно существовать. Я не сразу, но понял, что это для меня и есть пример» [6, с. 116].

Это сопоставление с Сатуновским нуждается в дополнительном комментарии. Сходство поэзии Сатуновского с внутренней речью уже отмечал К.М. Корчагин [7]. В своей статье Корчагин, на наш взгляд, верно замечает, что стихи Сатуновского фиксируют «специфически промежуточную, "внешне-внутреннюю" речь» [7, с. 560]. В самом деле, синтаксис в поэзии Сатуновского действительно лишь частично схож с тем описанием, которое внутренней речи дает Выготский — в стихотворениях поэта часто сохраняется формальная законченность предложений, хотя инверсия, повторы и фоника текста напоминают речь внутреннюю, как в следующих примерах: «Вчера, опаздывая на работу, / я встретил женщину, ползавшую по льду, / и поднял её, а потом подумал: — Ду- / ра, а вдруг она враг народа?» [8, с. 9], «Старый город немцы взорвали. / Пошатнулась, покатила мостовая. / Я бежал по дымным развалинам. / Я бегу до сих пор, не переставая, / я бегу...» [8, с. 114], «Здесь расстреляли тётю Лизу, тётю Соню, тётю Лену. / Полжизни спустя меня привели и ткнули носом в Место казни» [8, с. 351]. Впрочем, в корпусе текстов Сатуновского встречаются и такие тексты, которые построены на перечислении дискурсивных маркеров, а не предикатов или субъектов, что совершенно непохоже на синтаксис письменной речи: «Коль скоро, / прежде чем, / поскольку, / не так чтоб...» [8, с. 95]. Однако таких текстов у Сатуновского значительно меньше, в то время как в поэзии Некрасова синтаксическая организация текста, схожая с внутренней речью, явно преобладает. Симптоматична в процитированном выше фрагменте из интервью и ссылка самого Некрасова на конкретизм как на отличительную

особенность творчества. Конкретизм в его русскоязычном изводе, как это показывал в своей статье М.Г. Павловец [\[9\]](#), строился на недоверии и отказе от поэтизированного слова и, если поиски Некрасова и других поэтов Лианозовской группы в 1960-е гг. вели их либо к натурализму (случай И.С. Холина), либо к повседневной разговорной речи (случай Вс.Н. Некрасова), то в 1970-е гг. Некрасов закономерно обращается к внутренней речи, поскольку она в большей степени, чем какой-либо другой тип речи, лишена литературности, что определяется как ее функцией, так и внешними признаками. Можно утверждать, что, вдохновляясь Сатуновским, Некрасов вместе с тем шел дальше в тех поисках, которые были начаты им еще в начале 1960-х гг. и были связаны с конкретизмом.

Следует выделить несколько особенностей того, как используется внутренняя речь в поэзии Вс.Н. Некрасова. Во-первых, в своих произведениях 1970–1980-х гг. Некрасов чрезвычайно часто (практически в каждом тексте) использует различные дискурсивные маркеры. При использовании этого термина мы опираемся на то определение, которое ему дают О.В. Соколова и Е.В. Захаркив в своем недавнем исследовании: «<...> ориентируясь на различные определения этих единиц, мы формулируем рабочее определение **дискурсивных маркеров** [выделено авторами. — С.М.], под которыми понимаем слова, словосочетания и устойчивые конструкции, участвующие в прагматической и структурной организации высказывания, обладающие интерактивной и метатекстовой функциями» [\[10, с. 136\]](#). Примерами дискурсивных маркеров являются слова *итак, следовательно, вообще, так, в общем, наконец, короче, значит, получается, тем не менее, с одной стороны, с другой стороны, напротив, наоборот, однако, говорят, поговаривают, по слухам, известно, кроме того, более того, кстати, например, вернее, точнее, скорее, то есть, я имею в виду, вот, уже, безусловно, несомненно, бесспорно, конечно, возможно, вероятно, может быть, думаю, предположим, допустим, по правде говоря, если честно, разумеется, действительно, да, нет, конечно, точно, знаешь, послушай, видишь, понимаешь, смотри, подожди, постой, если честно, эй, извините, пожалуйста, спасибо, здравствуйте, привет, до свидания, прощай, привет, прости, ах, ох, боже (мой), о. ого, эх, ура, ой, черт, блин, эй* и многие другие. Корпус текстов Некрасова 1970–1980-х гг. изобилует примерами текстов, в которых большая часть использованных слов будет относиться к дискурсивным маркерам. Приведем лишь несколько примеров: «радоваться надо // да я / да / радуюсь // поздно вато / надо правду сказать» [\[5, с. 268\]](#), «и увы // Как бы сказал / Пушкин // Милые мои // Вот и мы» [\[5, с. 296\]](#), «и тогда я понял / что да // а тогда — тогда я понял / что нет // и тогда / когда я понял / что да / что тогда / когда я понял / что нет / что не да / что нет уж» [\[5, с. 327\]](#), «да // едва ли только / это та простота // да и навряд ли / это та доброта // и простота / была неспроста // и доброта / не довела до добра» [\[5, с. 388\]](#), «у кого / право // кому тут больше всех / надо // жить хочешь // скажи скажешь // и не жить тебе тут // пока молчите / пока живите / пока так / а там видно будет» [\[5, с. 450\]](#).

Другая особенность состоит в частом использовании дейктических элементов. Как известно, в сферу дейксиса входят лексические и грамматические единицы, указывающие на участников речевого акта, а также на время и пространство, в которых он протекает. Более того, в количественном плане дейктические единицы могут преобладать над существительными, глаголами и прилагательными: «Не за этим / Не за этим / А за этим // Под тем небом / Нет под тем // Не то под тем // Одним словом / Вот / Там // Сколько лет / Сколько зим / Целый клад // Где-то тут / Тут у нас лес / Где-то тут» [\[5, с. 305\]](#). В этом тексте всего три самостоятельных существительных («небом», «склад»,

«лес»), одно прилагательное («целый») одно личное («у нас») и одно неопределенное («где-то») местоимения, весь же остальной текст состоит либо из дискурсивных маркеров («одним словом», «вот», «сколько лет / сколько зим») и дейктических элементов («за этим», «нет под тем», «там», «тут»).

Таким образом, можно сказать, что внутренняя речь в текстах Некрасова не только (и не столько) предикативна, как об этом писал Выготский, сколько дискурсивна, поскольку ведущую роль в ней играют элементы, организующие функционирование высказывания в той или иной коммуникативной ситуации. Однако пока что без внимания оставался вопрос о том, какую функцию дискурсивные маркеры и дейксис играют в поэтических текстах Некрасова, а не в повседневных коммуникативных ситуациях. Вопрос о функциях этих элементов в поэзии в целом ставили Соколова и Захаркив в цитирувавшемся выше исследовании. За частотным обращением к дискурсивным маркерам исследовательницы видят «метаязыковую рефлексию, часто принимающую форму критики конвенционального использования языка, что там самым противопоставляет поэтический другим типам дискурса и реализует дестеоретипизацию языковых клише и деавтоматизацию восприятия» [\[10, с. 213\]](#). В использовании же дейктических единиц Соколова и Захаркив (на основе анализа поэзии Е. Мнацакановой) усматривают «тенденцию к новым формам выражения субъективности с помощью речевых жестов» [\[5, с. 272\]](#). По отношению к поэзии Некрасова эти наблюдения кажутся нам в целом верными, но в то же время недостаточными для выявления собственно специфики функционирования дискурсивных маркеров и дейксиса в текстах поэта.

Ответ на этот вопрос осложняется еще одним важным обстоятельством. Пользуясь терминологией Ч. Пирса, дейктические единицы можно отнести к знакам-индексам: они выполняют функцию указания и наполняются конкретным смыслом только в конкретной коммуникативной ситуации. Однако на что могут указывать дейктические единицы в художественных (и особенно в поэтических) текстах? Можно было бы предположить, что они организуют ситуацию диалога между автором и читателем, однако это объяснение кажется нам явной натяжкой: ситуацию взаимодействия автора читателя и автора, о которой много рассуждал Некрасов в своих прозаических текстах, происходит за рамками художественного текста (последний в этом случае играет роль медиума), в то время как дейктические единицы принадлежат внутренней структуре текста и никак не могут формировать коммуникацию между автором и читателем. Учитывая это, следует сделать следующий шаг и поставить вопрос о том, какую роль в таком случае играют дискурсивные маркеры и дейктические единицы, которые явно не выполняют свою первоначальную функцию, поскольку они также не могут отсылать ни к какой коммуникативной ситуации, возникающей за рамками художественного текста. Анализируемые нами языковые единицы оказываются в таком случае знаками-индексами, указывающими на пустоту.

Семантика пустоты уже становилась исследований В.С. Библера [\[3\]](#), Ю.Б. Орлицкого [\[11\]](#) и М.Г. Павловца [\[12\]](#), хотя в этих работах внимание преимущественно уделялось ее визуальному решению, то есть пробелам и отступам на графическом уровне текста. Тем не менее, нам представляется крайне важной статья М.Г. Павловца, в которой исследователь сделал важное наблюдение о природе «пустотных текстов» (то есть таких текстов, основным визуальным компонентом которых является пустота книжного листа, создающая композиционную антитезу с минималистичной формой напечатанного стихотворения) Некрасова. В своем исследовании Павловец спорит с Б.Е. Гройсом, который в статье «О пользе теории для искусства» [\[13\]](#) причисляет Некрасова к

художникам-авангардистам, тем самым косвенно упрекая поэта в архаичности, поскольку он, как и его предшественники-авангардисты, упрощали произведение до минимальных смыслоразличительных форм (в качестве примера такой экстремальной редукции фигуративных элементов мы предлагаем вспомнить хрестоматийную картину К. Малевича «Черный квадрат»). Павловец же утверждает, что пустота в текстах Некрасова выступает не как результирующий поиски финал, но, наоборот, как пространство, которое актуализирует саму возможность будущего поэтического поиска. Нам представляется, что ценные наблюдения исследователя могут пролить свет и на функциональность дискурсивных маркеров и дейктических единиц в текстах Некрасова.

Если взглянуть на композицию художественных текстов Некрасова, то можно заметить, что особенно сильный акцент в его стихотворениях приходится на финал текста, где содержится главная метафора, обнаруживается находка на фоническом уровне текста или используется другой художественный прием. Приведем несколько примеров из корпуса произведений поэта: «лето // эх лето лето // да нет / плохого-то / это лето не делает // только проходит» [5, с. 322]; «ибо / небо // и правильно // да иногда // винограда» [5, с. 376], «Москва столица // Москва Москва // а может хватит Москва // Вместе с тем / И сколько в ней / Смысла» [5, с. 507]. В первом тексте главное лирическое переживание содержится в последнем стихе, причем слова «только» и «проходит» при помощи аллитераций и ассонансов связываются со всеми предыдущими стихами, что и создает сильный акцент на этом стихе. Во втором тексте слово «винограда» образует неточную рифму со словом «иногда» из предшествующей строки, кроме того, слово «винограда» является единственным существительным во всем стихотворении, что также выделяет его финал. В третьем произведении заключительный стих создает композиционную антитезу между недовольством Москвой («а может хватит Москва») и признанием общей культурной и, вероятно, глубоко личной значимости этого города для лирического субъекта текста. То есть во всех трех случаях финальный пуант подготавливается системой дискурсивных маркеров («эх», «да нет» «плохого-то», «и правильно» «да», «а может хватит», «вместе с тем») и дейктических единиц («это лето», «иногда», «хватит»), которые составляют основную часть поэтической ткани произведений. Это позволяет утверждать, что роль дискурсивных маркеров и дейктических единиц, которыми наполнена внутренняя речь человека, в поэзии Некрасова оказывается чрезвычайно важной. Эти языковые единицы в сочетании с графическими приемами (отступами, делениями строк, сносками и пр.) и фоническим уровнем текста организуют композиционную структуру произведения и тем самым подготавливают его кульминацию — остранение повседневного слова или словосочетания, в которых обнаруживается творческое начало, содержащееся, по мнению Некрасова, потенциально в каждом фрагменте речи. Не случайно тексты Некрасова, которые уже сравнивали с партитурой [10], зачастую имеют сложно организованную и построенную на интонационном звучании композицию, кульминацией которой и становится остранение речи (в данном случае внутренней), которую лирический субъект и «ловит себя на поэзии» [6, с. 116], то есть находит в ней поэтическое начало.

Таким образом, подобно тому, как незаполненное пространство листа, не обозначающее ничего, подразумевает саму возможность поэзии (что было убедительно показано М.Г. Павловцом), дискурсивные маркеры и дейктические единицы в текстах Некрасова являются источником поэтического слова, рождающегося из, говоря словами А.А. Ахматовой, фрагментированного «сора» внутренней речи. Элементарные по своей форме, эти языковые единицы часто составляют основной текст произведений, однако их

функция заключается не в отсылке к какой-либо конкретной коммуникативной ситуации, а в актуализации поэтического начала в самых простых элементах речи. Функция дискурсивных маркеров и дейктических единиц в поэзии Некрасова заключается в актуализации внутренней речи как источника возможного поэтического высказывания, в чем нам и видится одна из своеобразных черт поэтики Некрасова.

Библиография

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
2. Гройс Б.Е. Поэзия, культура и смерть в городе Москва / Гройс Б.Е. Ранние тексты. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. С. 107-125.
3. Библер В.С. Поэтика Вс. Некрасова. // Замыслы: в 2 кн. М.: РГГУ, 2002. Кн. 2. С. 985-1001.
4. Кулаков В.Г. Несколько слов об особых заслугах: Речь о Всеволоде Некрасове // Премия Андрея Белого. 2007–2008. Альманах. № 2. С. 147-149.
5. Некрасов Вс.Н. Стихи 1956–1983. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.
6. Некрасов Вс.Н. Из интервью В.Г. Кулакову // "Живем словом": Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / сост. и отв. ред. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 56-125.
7. Корчагин К.М. "Констриком, но с новолетофевским уклоном". Ян Сатуновский и эволюция конструктивистской поэтики // Лианозовская школа: между барачной поэзией и русским конкретизмом. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 547-571.
8. Сатуновский Я. Стихи и проза к стихам. М.: Виртуальная галерея, 2012. 816 с.
9. Павловец М.Г. "Лианозовская школа" и "конкретная поэзия" // Лианозовская школа: между барачной поэзией и русским конкретизмом. М.: Новое лит. обозрение, 2021. С. 32-59.
10. Соколова О.В., Захаркив Е.В. Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 327 с.
11. Орлицкий Б.Ю. Визуальный компонент в современной русской поэзии // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 181-192; EDN: QWNSAX.
12. Павловец М.Г. "Нулевые" и "пустотные" тексты в русской поэзии: от "исторического авангарда" к неподцензурной поэзии второй половины XX века // Сто лет русского авангарда. М.: НИЦ "Московская Консерватория", 2013. С. 375-384.
13. Гройс Б.Е. О пользе теории для искусства // Литературная газета. 1990. № 44. С. 5.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Всеволода Николаевича Некрасова достаточно интересно, отлично от ряда других поэтов, следовательно, привлекает внимание исследователей. Предметом рассмотрения рецензируемой статьи становится «внутренняя речь как один из важных аспектов лирики Вс. Некрасова». Думаю, что подобный расклад вполне конструктивен и научно оправдан. Автор статьи в начале дает общий обзор фигуры поэта, отмечая его важные творческие этапы / составляющие. Далее дается информационная справка относительно того, что такое «внутренняя речь» с должной цитацией научных источников. В частности отмечено, что «внутренняя речь по синтаксическому строению почти исключительно предикативна. Подобно тому как в устной речи наш синтаксис

становится предикативным в тех случаях, когда подлежащее и относящиеся к нему части предложения являются известными собеседникам, внутренняя речь, при которой подлежащее, ситуация разговора известны самому мыслящему человеку, состоит почти из одних сказуемых». На мой взгляд, некая органика теории и практики есть залог правильного раскрытия темы, достижения поставленной цели. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся с учетом объективной коннотации: например, «Помимо фрагментарности синтаксиса, структурный строй поэзии Некрасова с внутренней речью сближает активное включение в текстовую ткань дискурсивных маркеров и дейктических единиц. Основываясь на лингвопоэтике как методе исследования, мы собираемся проанализировать функцию названных языковых единиц, что позволит выявить своеобразие творчества Некрасова» и т.д. Автору удастся ввести в работу и обзор критических источников по творчеству Вс. Некрасова, это явно необходимо и правильно, ибо собственный взгляд на проблему формируется благодаря уже сказанному. Таким образом, диалог с оппонентами складывается удачно. Работе присущ должный академизм, логику тексту придает выверенный анализ текстов Вс. Некрасова, точечное обращение к языковому строю поэтического наследия. Цитаты по ходу работы аргументируют предложенный вектор тезисов как реализуется «внутренняя речь» в текстах Вс. Некрасова: например, «Физик физик / Математик / Дядя Коля Комаров / Косо криво засыпает / На горе Карабалах // По закону / Комарова / На горе / Карабалах // Горы горы / Интенсивно / Искривляют темноту» [5, с. 56], то уже во второй половине 1960-х гг. синтаксис большинства стихотворений становится более похож на синтаксис внутренней речи с ее эллипсами и отсутствием формальной завершенности: «да // куда / я знаю куда // а откуда / откуда я знаю откуда // нет // откуда / это я знаю откуда // а куда / откуда я знаю куда» [5, с. 235]» и т.д. На мой взгляд, работа имеет завершенный вид, она самостоятельна, оригинальна. Работу отличает и должный комментарий в ряде мест, где это явно необходимо: «следует выделить несколько особенностей того, как используется внутренняя речь в поэзии Вс.Н. Некрасова. Во-первых, в своих произведениях 1970–1980-х гг. Некрасов чрезвычайно часто (практически в каждом тексте) использует различные дискурсивные маркеры. При использовании этого термина мы опираемся на то определение, которое ему дают О.В. Соколова и Е.В. Захаркив в своем недавнем исследовании: «<...> ориентируясь на различные определения этих единиц, мы формулируем рабочее определение дискурсивных маркеров [выделено авторами. — С.М.]». Подобный вариант дает возможность читателю правильно оценивать ту или иную исследовательскую мысль. Список источников объемён, ссылки на исследования В.С. Библера, Ю.Б. Орлицкого, М.Г. Павловца и других оправданы. Общие требования издания учтены; фактическая правка текста излишня. Выводы по тексту соотносятся с основным блоком. Материал можно использовать в вузовской практике при изучении истории русской литературы, а также творчества Вс. Некрасова. Рекомендую статью «Внутренняя речь как один из аспектов поэзии Вс.Н. Некрасова» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Василова Д.А. Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России: фактор полицентричности // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75678 EDN: WNASGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75678

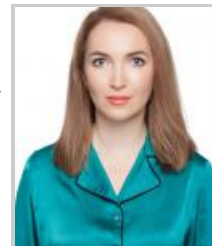
Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России: фактор полицентричности

Василова Диана Анваровна

преподаватель; высшая школа журналистики и медиакоммуникаций; Казанский (Приволжский) федеральный университет
Заместитель руководителя; Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям "Татмедиа"

420061, Россия, респ. Татарстан, г. Казань, Советский р-н, ул. Разведчика Ахмерова, д. 9-86

✉ vasilova18@gmail.com

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75678

EDN:

WNASGW

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2025

Дата публикации:

05-09-2025

Аннотация: Одним из индикаторов государственной информационной политики в медиасфере является проявление фактора полицентричности на региональном уровне. Широкое поле для исследования представляет постсоветский период развития медиапространства, когда различия в формировании повестки и ее оценок особенно отчетливо разнятся на федеральном и региональном уровнях. Исходя из анализа медиаобраза региона по выделенным критериям, можно сделать выводы о влиянии полицентричности на государственную информационную политику – на федеральном и региональном уровнях. В исследовании проведен анализ телевизионных материалов федерального и регионального эфира, выведены критерии анализа медиаобраза, такие как тематика образа, актуальность образа (его соответствие действительности), функция образа, методика создания образа (в текстовом или аудиовизуальном ряде).

Исследование имеет практическую направленность, его методология может быть использована в дальнейшем для изучения медиаобраза региона, а также для анализа трансформации государственной информационной политики государства или отдельного региона. В исследовании рассмотрен именно постсоветский период истории развития медиасферы. При этом значительные ограничения накладывает отсутствие структурированного видеоархива материалов выбранного периода. В исследовании применен метод выборочного контент-анализа телевизионных материалов федеральных и региональных телеканалов в период с 1990 по 1998 годы. Новизна исследования заключается в выведенной методологии анализа телевизионных материалов на предмет фактора полицентричности. Полицентричность рассматривается в статье как составляющая комплекса государственной политики в области телевидения. В настоящее время исследований, рассматривающих полицентричность как часть государственной политики в области СМИ, широко не представлено. Анализ позиционирования Республики Татарстан в федеральном телеэфире постсоветского периода, позволил выделить 3 основных периода изменения фактора полицентричности, а также их важные характеристики. К примеру, 1990–1994 годы – время выхода материалов критического характера на центральных телеканалах. Основная семантика сообщений строится на якобы сепаратистской деятельности республики. Данные анализа для наглядности и оценки по крупным медиатопикам выделенных периодов по выведенным критериям представлены в качестве сравнительной таблицы, где раскрыта специфика освещения медиатопиков в региональном телевизионном эфире Республики Татарстан и в федеральном эфире общероссийских телеканалов.

Ключевые слова:

Государственная информационная политика, Медиасфера, Регулирование сферы СМИ, Телевидение, Региональное телевидение, Медиаобраз региона, Полицентричность, Факторы ГИП, история СМИ, история региональных СМИ

Анализ трансформации государственной политики в области средств массовой информации предыдущих десятилетий, в частности, телевидения, является основой для выстраивания актуального вектора государственной политики в данной сфере.

Одним из индикаторов государственной политики в области регионального телевидения является фактор полицентричности, или соотношение влияния региональных и федеральных властей на формирование государственной политики.

Целью настоящего исследования является определение фактора полицентричности на формирование государственной политики в области регионального телевидения. Основными задачами - проведение анализа телевизионных материалов с 1990 по 1998 годы, создание методологии исследования медиаобраза региона, выведение основных этапов формирования медиаобраза Республики Татарстан постсоветской России в региональном и федеральном телевизионном эфире.

В комплексном исследовании Формирования государственной региональной информационной политики в Татарстане Васильева Ю.А. определяет информационную политику как «процесс преобразования информации, поступающей с выходов политической системы во входные каналы информационной и наоборот». Исследователь также выделяет важный аспект функционирования региональной информационной политики - полицентрический характер, проявляющийся в наличии двух субъектов –

региональной и федеральной власти, формирующих информационную политику в отношении объекта. В части данного исследования, также можно говорить о *факторе полицентричности*, и изменения соотношения влияния сил на формирование региональной политики в области СМИ.

Таким образом, полицентричность как индикатор государственной политики в области СМИ, необходимо исследовать в практической плоскости реализации - репрезентации образа региона. В данном исследовании проводится анализ репрезентации образа Республики Татарстан как одного из национальных регионов, где процессы трансформации в постсоветский период истории имели свои особенности, связанные, прежде всего, с темами национального самоопределения и самостоятельности.

Репрезентация образа Республики Татарстан в медиапространстве связана с понятием *медиаобраза*, под которым Е. Н. Богдан подразумевает «особый образ реальности, представляемый массовой аудитории медиаиндустрией»^[1]. Н. Л. Фишер считает, что медиаобраз — это передаваемое средствами массовой информации отражение фрагмента реальной действительности с помощью знаковых систем^[2]. И. С. Важенина отмечает, что «...образ региона — очень разноплановый, иногда искусственно создаваемый образ объекта, который складывается в сознании людей»^[3].

Телевидение представляет собой специфическое СМИ, сочетающее в себе также семиотику аудиовизуального порядка, в связи с чем необходимо обратиться к разработанной А.А.Хлызовой методике анализа аудиовизуальных образов, репрезентируемых телевидением. Так, А.А.Хлызова выделяет социально-исторический контекст, организацию работы телевизионной системы, звуко-зрительные образы, а также характеристики объектов, репрезентируемых посредством звуко-зрительных образов^[4]. А.А.Хлызова выделяет следующие критерии анализа: тематика образа, актуальность образа (соответствие условиям настоящего времени), его цель и задачи, способ репрезентации и интерпретации действительности (телевизионный, экранный или художественный) и разновидность (реалистический, фантастический или абстрактный), функция образа (повествование, воссоздание обстановки, истолкование мыслей, идей, чувств, трансляция или конструирование символа, имитация, идентификация, напоминание), оправданность использования данного образа в контексте жанра телепроизведения, роль автора в создании образа и степень авторской интерпретации, определяющей уровень персонификации образа, методика создания образа телевизионными средствами выразительности^[5].

Анализ репрезентации образа Республики Татарстан в медиапространстве, или **медиаобраза региона, в телевизионном пространстве постсоветской России, необходимо провести по следующим критериям:**

- тематика образа
- актуальность образа (его соответствие действительности)
- функция образа
- методика создания образа (в текстовом или аудиовизуальном ряде).

Автор данного исследования считает необходимым представить фактор полицентричности по основным переходным периодам, характеризующимися трансформацией государственной политики в области телевидения.

Наиболее интересным для изучения и неоднородным является период 1990-х годов, когда вместе с борьбой жителей республики за право на национальное самоопределение, суверенитет, растет и самостоятельность в формировании собственного медиаполя.

Исследователь проводит контент-анализ телевизионных материалов федеральных и региональных телеканалов в период с 1990 по 1998 годы. Ввиду ограниченности аудиовизуального материала, который сохранился в фондах лишь частично из-за специфики выбранного исторического периода, проведен анализ не всего объема материалов, а выборочно, по основным трансформационным периодам.

В самые острые моменты политической борьбы – в момент принятия Декларации о суверенитете и проведении референдума – федеральное и региональное телевидение переходили в позицию прямого противостояния.

Так, в 1992 году, в ходе подготовки к проведению Референдума о суверенитете Татарстана, Конституционный суд РСФСР вынес решение о неправомерности проведения референдума и необходимости его отмены. Заседание Верховного Совета РСФСР, куда был вызван председатель Верховного Совета Татарстана Фарид Мухаметшин, транслировалось в прямом эфире. Председатель Конституционного суда заявил, что если на вопрос референдума будет получен положительный ответ, то это будет юридической основой для независимости». Московские СМИ транслировали мысль о том, что референдум направлен на выход Татарстана из состава России^[6]. Многие общественные деятели открыто называли повестку, транслируемую на центральных телеканалах и в прессе, «антитатарской кампанией в средствах массовой информации». В дни самого референдума с обращением по ТВ к избирателям выступил президент Борис Ельцин, который заявил, что «если на референдуме ...скажут «да» суверенному статусу Татарстана, то назавтра русские жители республики проснутся второстепенными гражданами»^[7]. Вслед за Борисом Ельциным к татарстанцам обратился Минтимер Шаймиев, разъясняя позицию Татарстана и опровергая слова главы государства. В это время в Казань приезжало несколько групп «московского телевидения», чтобы снять людей, желающих сказать «нет» на вопрос референдума, отмечает Индус Тагиров.

В ходе экспертного интервью Л.В.Агеева, отмечает, что в 1990-е годы собственные корреспонденты многих федеральных СМИ рассказывали, что следуют установке «ничего хорошего про Татарстан». Часто это проявлялось не только в формате появления негативных материалов, но и в отсутствии Республики Татарстан в федеральной телевизионной повестке. Появление в ней могло быть связано с одновременным появлением вместе с первым лицом государства. При этом государственный телеканал придерживается более мягкой риторики, чем, к примеру, частный телеканал НТВ.

В 1992 году на канале РТР выходит материал «Слово имеет Татарстан», в котором Ф.Мухаметшин комментирует принятие Конституции Татарстана. На вопросы журналиста «Есть мнение, что действие этой Конституции, как и некоторых сил в Татарстане, направлены на отделение республики от общей федерации России» Ф.Мухаметшин подробно разъясняет положения Конституции, подчеркивая, что граждане Татарстана являются и гражданами России. При этом автор интервью подчеркивает, что это вызвало «неправильную трактовку», что поддерживает Мухаметшин, называя это «спекуляцией». Автор материала также поддерживает точку зрения Татарстана, говоря: «Соглашусь со словами Мухаметшина, ведь сами российские власти говорят о том, чтобы передать больше полномочий на месте, на территории, децентрализовать управление»^[8].

В 1993 году на федеральных телеканалах проходит телевизионный сюжет о том, что в Татарстане признаны несостоявшимися референдум по новой Конституции страны и выборы в Федеральное Собрание РФ. В репортаже корреспондента А.Николаева выделяются следующие фразы: «13 декабря подсчитали итоги и оказалось, что избирательная активность равнялась 13,8%. В Казани голосовали лучше – *все-таки сказались демократические традиции* – здесь проголосовало 23% горожан»^[9]. Также звучат такие оценочные суждения как «результатам вряд ли удивились», «слишком региональные силы были заинтересованы в провале московской затеи». Кроме того, автор репортажа отмечает, что в Актанышском районе, «родине Президента Татарстана Шаймиева», на выборы пришли 3 человека.

Так же в 1993 году телеканал НТВ транслирует сюжет о повышении потребительских цен в Татарстане. При этом ведущий определяет Татарстан как "еще один непростой регион на карте России».

Относительное снижение уровня критичности материалов о Татарстане в федеральном телевизионном эфире происходит после подписания Договора о разграничении полномочий.

Так, в период подписания первого Договора о разграничении полномочий в 1994 году в Москве проходит пресс-конференция. На ней журналисты в разных вариациях озвучивают вопрос, «не ущемляет ли Договор суверенитет Татарстана», «не является ли он первым официальным документом о «вхождении Татарстана в состав России»^[11]. 18 февраля Минтимер Шаймиев обращается к жителям республики по телевидению и радио с подробным разъяснением сути подписанного Договора, цитируя основные его положения.

Одним из первых «прорывов информационной блокады» Татарстана в федеральном эфире в экспертном интервью Римма Ратникова, возглавлявшая Союз журналистов Татарстана порядка 15 лет, называет 1995 год, когда были проведены первые Дни культуры Республики Татарстан в Москве: «*Дни республики стартовали в полной информационной блокаде. Но так случилось, что проводили мы их в центральном доме журналистов, и туда приехали журналисты ведущих СМИ, благодаря нашему сотрудничеству с Союзом журналистов России. Два часа шла пресс-конференция Минтимера Шаймиева, и он буквально «завоевал» эту аудиторию, и на следующий день об этом событии написали все ведущие СМИ. И был огромный подъем: москвичи пошли на татарские спектакли, концерты...».*

Вскоре после подписания Договора в программе на телеканале НТВ выходит репортаж о том, что в Татарстане сформировался единый блок демократических сил накануне выборов в федеральный парламент.^[12] Так, журналист озвучивает следующие оценочные суждения: «Договор... вызвал в России неоднозначные оценки», «однозначно Договор подписывают лишь его подписанты – первые лица Республики Татарстан». То есть в федеральном телевизионном эфире даются негативные субъективные оценки событий, происходящих в Татарстане.

В 1994 году, после подписания Договора о разграничении полномочий, проходит визит президента России Бориса Ельцина в Татарстан, в котором отношения двух лидеров на федеральных телеканалах демонстрируются как позитивные, а ситуация в Татарстане показана с точки зрения благополучия в сельском хозяйстве и культуре.

В 1996 году сообщение об избрании Минтимера Шаймиева Президентом Татарстана на

телеканале РТР звучит в информационном стиле, без оценок журналистов прошедших выборов и их результатов^[13]. Тогда как на телеканале ОРТ образ лидера Татарстана представляют в положительном ключе: «в Татарстане нет фигуры такого же масштаба и авторитета как Шаймиев»^[14].

Признаками развития отношений в медиапространстве телевидения становится открытие корреспондентских пунктов телеканалов в Татарстане. Так, в 1994 году собственным корреспондентом «Общественного российского телевидения» становится Эдуард Хайруллин, где в 1995-1996 гг является заведующим корреспондентским пунктом Дирекции информационных программ в Татарстане, а в 1996-1997 - заместителем заведующего Поволжского бюро «ОРТ» в Нижегородской области, Башкортостане, Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Чувашии и Татарстане.

В 2003 году в Татарстане было создано Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа», одной из целей работы которого стало создание позитивного имиджа региона в федеральной медиаповестке.

В 2004 году в Татарстане открылся корпункт программы «Вести» (ВГТРК «Россия»). Заведующим корпунктом стал Рафаэль Даминов. Первыми были подготовлены и показаны на канале «Россия» сюжеты о проведении праздника Сабантуй в Нижнекамске, о визите президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева в Татарстан.

Также в 2004 году начались переговоры об открытии корреспондентского пункта канала НТВ. В августе 2004 года прошла встреча Президента Татарстана Минтимера Шаймиева с генеральным директором ОАО «Газпром-медиа» Николаем Сенкевичем. По словам Николая Сенкевича, для НТВ развитие регионального телевидения является первоочередной задачей^[15].

В 2009 году одним из центральных сюжетов о Татарстане в федеральном телевизионном эфире становится визит Хиллари Клинтон и продвижение «модели Татарстана» как примера толерантности, межнационального и межконфессионального мира и согласия. Конструирование данного образа активно началось в начале 2000-х годов и получило развитие в 2010-е годы, сегодня данный семантический ключ активно используется в федеральном медиапространстве.

Подводя итоги анализу позиционирования Республики Татарстан в федеральном телеэфире постсоветского периода, можно выделить следующие периоды и их характеристики:

- 1990-1994 годы – время выхода материалов критического характера на центральных телеканалах. Основная семантика сообщений строится на якобы сепаратистской деятельности республики;
- 1994-2000 годы – время постепенного смягчения риторики в отношении Татарстана; критика сохраняется на телеканале НТВ, телеканалы ОРТ и РТР меняют семантику сообщений на позитивную;
- 2003 – по н.в. – формирование медиаповестки, в том числе, федеральной под влиянием Республиканского агентства «Татмедиа», создание образа Тысячелетней Казани, трансляции «модели Татарстана», построение медиаобраза спортивной столицы России.

Данные анализа для наглядности и оценки по некоторым крупным медиатопикам

выделенных периодов по выведенным ранее критериям можно представить в качестве таблицы (таблица №1).

1	Критерии анализа медиаобраза	Тематика образа	Актуальность образа (его соответствие действительности)	Функция образа	Методика создания (в тексте аудиовизуальном ряду)
1. 1990-1994 годы					
2	Татарстан	Суверенитет Республики Татарстан	Позитивная семиотика сообщений: <i>право на национальное самоопределение</i>	Создание медиаобраза: Татарстан – национальная республика	Информационный стиль, привлечение официальной для комментирования тематики
3	РФ		Негативная семиотика: признак сепаратизма	Создание медиаобраза: Татарстан – «проблемный регион»	Оценочные суждения привлечение экспертной негативной оценкой негативно окрашенного видеоряда (попроса улицах, люди в заброшенном здании)
2. 1994-2002 годы					
4	Татарстан	Договор о разграничении полномочий	Усилия Татарстана по совместной работе в построении федеративного государства РФ	Создание медиаобраза: регион, открытый к диалогу	Комментарии основных информационных поводов лицом Республики Татарстан
5	РФ		Негативная семиотика: обвинения в сепаратизме	Создание медиаобраза: отголоски национализма и сепаратизма	Игнорирование информационных поводов, создаваемых Республикой Татарстан привлечение собственной экспертной
3. 2003 год – по н.в.					
6	Татарстан	«Модель Татарстана»	Позитивная семиотика	Татарстан как пример межнационального и	Трансляция образов
7	РФ				

				межконфессионального мира и согласия	национал праздник межнацис браков, междунар сотруднич РТ

Таблица №1. Анализ медиаобраза Республики Татарстан на основе телевизионных материалов

Необходимо подчеркнуть, что подобное развитие образа Республики Татарстан в федеральном медиапространстве связано с последовательной государственной политики руководства республики, направленной на создание положительных информационных поводов и нивелирование негатива.

Как показывает проведенный анализ, фактор полицентричности в региональной госполитике в области СМИ усиливается вместе с усилением процессов централизации политической жизни в стране, в отдельные исторические периоды региональное и федеральное медиаполе вступают в прямую конфронтацию. Данное направление научных исследований является перспективным для дальнейшего изучения.

Библиография

1. Фишер Н. Л. Медиаобраз и изменения в языке на основе изменений путей передачи информации // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации. Вологда: Вологодский государственный университет, 2022. С. 15-28.
2. Важенина И. С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования // Экономика региона. 2008. № 1. С. 52. EDN: JWVUAH.
3. Хлызова А. А. Анализ аудиовизуальных образов, репрезентируемых телевидением // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 4. С. 85-92. EDN: PUZOOB.
4. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122. EDN: ICDAKV.
5. Вартанова Е. Л., Дунас Д. В. Россия. Средства массовой информации. Медиаполитика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/rossiia-sredstva-massovoi-informatsii-mediapolitika-fe2351>.
6. Васильева Ю. А. Формирование государственной региональной информационной политики в Республике Татарстан: автореферат дис. кандидата полит. наук / Казанский гос. университет. Казань, 2005. С. 15-18. EDN: NJSZXV.
7. Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2013. № 11. С. 91-94. EDN: RSXGRN.
8. Данилов А. А. Государственная политика в области регионального телевидения в 1990-х годах – начале XXI века // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 39-46. EDN: KDYIXL.
9. Даутова Р. В. Власть и региональные СМИ: история взаимоотношений (период "хрущевской оттепели" в республиках Поволжья и Приуралья): монография. Казань: Юникорн, 2019. 346 с.
10. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: МГУ, 2008. С. 43-47. EDN: QTPFSV.
11. Драчева Ю. Н., Ильина Е. Н. Введение // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография. Вологда: Вологодский государственный

университет, 2021. 329 с.

12. Евдокимов В. А. Массмедиа как сфера применения политических технологий: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2018. 356 с. EDN: YOPVOR. DOI: 10.12737/textbook_59d230b58e4868.44153905.

13. Potschka C., Golding P. The Structural Developments of Regional Television in Britain and Germany. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. С. 443-448.

14. Vukanovich Z. (ed.) Television and Digital Media in the 21st Century: New Business, Economic and Technological Paradigms. Montenegro: Media Art Service International, 2009. С. 113-114.

15. Quandt S., Calließ J. (eds.) Die Regionalisierung der historisch-politischen Kultur: Nahwelt und Geschichte im Rundfunk [Regionalisation of the Political Culture and Broadcasting History]. Giessen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1984. 187 с.

16. Нисневич Ю. А. Государственная информационная политика России сегодня и завтра // Информационное общество. 1999. Вып. 2. С. 4-9. EDN: HRNSGN.

17. Реснянская Л. СМИ и политика: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007. 254 с.

18. Фатыхова М. Х. Редакция пропаганды Казанской студии телевидения как элемент советской идеологии // Научные ведомости БелГУ: Серия Гуманитарные науки. 2015. № 24 (221). Выпуск 28. С. 118-122.

19. Цыбульский И., Шайдуллина Н. Минтимер Шаймиев. М.: Изд-во АО "Молодая гвардия", 2016. 591 с.

20. Щербина В. В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 113-124. EDN: SMHNTP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью «Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России»

Рецензируемая статья посвящена анализу репрезентации образа Республики Татарстан в медиапространстве постсоветской России, преимущественно в телевизионном дискурсе. Предметом исследования выступает формирование и трансформация медиаобраза региона в контексте взаимодействия федерального и регионального уровней власти.

Методологической базой статьи является семиотико-дискурсивный анализ телевизионных текстов с опорой на методику А.А. Хлызовой. Автор учитывает социально-исторический контекст, организацию работы телевизионной системы, специфику звуко-зрительных образов, а также их интерпретацию. В исследовании выделены ключевые временные периоды (1990–1994, 1994–2000, 2003 г. – по настоящее время), что позволяет отследить динамику изменения медиаобраза Татарстана.

Проблематика статьи, несомненно, актуальна. Вопросы репрезентации регионов в медиапространстве связаны с процессами формирования национальной идентичности, политической интеграции в федеративное государство и информационной политики России. Татарстан — регион с особым политическим и культурным статусом, что делает анализ его медиаобраза значимым для понимания более широких процессов в постсоветском обществе.

Новизна статьи проявляется в систематизации телевизионных репрезентаций Татарстана и выявлении логики их эволюции: от образа «сепаратистского региона» в начале 1990-х годов к позитивной модели межнационального и межконфессионального согласия в 2000–2010-е годы. Важным вкладом является выявление роли республиканских структур («Татмедиа») в формировании позитивного информационного поля и влиянии на федеральную медиаповестку.

Статья отличается академическим стилем, последовательной структурой и логикой изложения. Теоретическое введение, методологический блок, аналитическая часть и выводы выстроены в единую композицию. Табличное представление результатов повышает наглядность материала. Вместе с тем, отмечается перегруженность текста фактологическими деталями и цитатами. Для усиления аналитичности рекомендуется расширить интерпретационный компонент и сократить описательные элементы.

Список литературы разнообразен и включает как отечественные, так и зарубежные источники. Присутствуют современные публикации (2021–2022 гг.), что подтверждает актуальность работы. Однако целесообразно расширить англоязычный сегмент библиографии за счет исследований последних лет, связанных с региональными медиа и политической коммуникацией.

Автор корректно соотносит свои выводы с позициями исследователей (Е.Н. Богдан, Н.Л. Фишер, И.С. Важенина и др.). Привлечение экспертных интервью усиливает достоверность материала. Вместе с тем, в статье недостаточно сопоставлений с аналогичными процессами в других национальных республиках России, что несколько ограничивает сравнительную перспективу.

В заключении автор делает обоснованные выводы о политической обусловленности эволюции медиаобраза Татарстана и о значимости республиканской информационной политики. Статья представляет интерес для специалистов в области журналистики, медиалингвистики, политологии и регионоведения.

В заключение отметим, что статья обладает актуальностью и научной ценностью, соответствует требованиям академической публикации и может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без существенных замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться, что «одним из индикаторов государственной политики в области регионального телевидения является фактор полицентричности, или соотношение влияния региональных и федеральных властей на формирование государственной политики». СМИ, так или иначе, ориентированы на формирование образа той иной республики РФ, области или края фактурно, полновесно, целостно. Анализ данного вопроса, на мой взгляд, необходим, причем он должен быть конструктивным и беспринципным. Автор статьи точно останавливается на анализе образа Республики Татарстан в медиапространстве, что вполне интересно, актуально и не так системно представлено в массе критических наработок. Суждения по ходу работы объективны, вариант оценки дается верно; удачно получается автору выстроить диалога с потенциально заинтересованным читателем: «автор данного исследования считает необходимым представить фактор полицентричности по основным переходным периодам, характеризующимися трансформацией государственной политики в области телевидения». Считаю, что стиль соотносится с научным типом, грубых нарушений в

тексте не выявлено; понятийный аппарат соответствует современной терминологии. Методы анализа, которые применяются в работе, уместны, фактор систематизации выверен, магистрален. Работа имеет завершённый вид, она самостоятельна, оригинальна, практически применима. Пожалуй, это и будет являться гранью преодоления научной новизны. Текст имеет цельный вид в границах логики, тема раскрывается последовательно, планомерно. Вариант языковой раскладки наукообразен: например, «В 2009 году одним из центральных сюжетов о Татарстане в федеральном телевизионном эфире становится визит Хиллари Клинтон и продвижение «модели Татарстана» как примера толерантности, межнационального и межконфессионального мира и согласия. Конструирование данного образа активно началось в начале 2000-х годов и получило развитие в 2010-е годы, сегодня данный семантический ключ активно используется в федеральном медиапространстве». Цитации даются частотно, но они могли иметь более строгий вид – «...» [2, стр. 222]: «также в 2004 году начались переговоры об открытии корреспондентского пункта канала НТВ. В августе 2004 года прошла встреча Президента Татарстана Минтимера Шаймиева с генеральным директором ОАО «Газпром-медиа» Николаем Сенкевичем. По словам Николая Сенкевича, для НТВ развитие регионального телевидения является первоочередной задачей[15]». Полученные данные обобщены в табличном виде: это «Тематика...», «Актуальность...», «Функция образа», «Методика создания...». Думаю, что работа все же при положительной оценке нуждается в расширении – это нужно сделать во вводной [цель, задачи, методы] и заключительной части [общий итог в соответствии с темой]. Скорректировать необходимо и библиографический список, он не соответствует требованиям издания. После внесения незначительной правки статья «Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России: фактор полицентричности» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России: фактор полицентричности" рассматривается медиадискурс, посвященный Республике Татарстан в контексте полицентричности.

Цель исследования - определение фактора полицентричности на формирование государственной политики в области регионального телевидения.

В задачи исследования входило проведение анализа телевизионных материалов с 1990 по 1998 годы, создание методологии исследования медиаобраза Республики Татарстан, выведение основных этапов формирования медиаобраза Республики в постсоветской России в региональном и федеральном телевизионном эфирах.

Материалом послужил медиадискурс, посвященный Татарстану, за период с 1990 по 1998 гг.

В качестве метода был использован контент-анализ.

В основной части автор последовательно анализирует медиадискурс, посвященный Татарстану, в хронологическом порядке по годам.

В качестве критериев анализа выступают следующие компоненты: тематика образа, актуальность образа и его соответствие действительности, функция образа и методика создания образа в текстовом и аудиовизуальном формате.

На основании проведенного анализа автор выделяет три периода в формировании образа Татарстана в российских СМИ:

«- 1990-1994 годы – время выхода материалов критического характера на центральных телеканалах. Основная семантика сообщений строится на якобы сепаратистской деятельности республики;

- 1994-2000 годы – время постепенного смягчения риторики в отношении Татарстана; критика сохраняется на телеканале НТВ, телеканалы ОРТ и РТР меняют семантику сообщений на позитивную;

- 2003 – по н.в. – формирование медиаповестки, в том числе, федеральной под влиянием Республиканского агентства «Татмедиа», создание образа Тысячелетней Казани, трансляции «модели Татарстана», построение медиаобраза спортивной столицы России».

В заключении автор приходит к выводу о том, что «фактор полицентричности в региональной госполитике в области СМИ усиливается вместе с усилением процессов централизации политической жизни в стране, в отдельные исторические периоды региональное и федеральное медиаполе вступают в прямую конфронтацию».

На основании представленных материалов анализа данный вывод можно признать достоверным.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки.

Так, не описаны актуальность и новизна исследования, предмет и объект исследования. Помимо этого, исследование не обладает структурой научной статьи и не состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Кроме того, представляется неуместным использование 3-го лица для описания собственных результатов исследователя.

Статья «Медиаобраз Республики Татарстан в постсоветской России: фактор полицентричности» является исследованием, открывающим новые перспективы в области национального медиадискурса, но на данном этапе она не может быть рекомендована к публикации в журнале Litera без доработки.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Ю. Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху // Litera. 2025. № 9. С. 21-37. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75746 EDN: ZHTTFC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75746

Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху

Ли Юйкай

ORCID: 0009-0000-7334-4777

аспирант; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 1-я В.О., д. 26

✉ lyk485772815@gmail.com

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75746

EDN:

ZHTTFC

Дата направления статьи в редакцию:

31-08-2025

Дата публикации:

07-09-2025

Аннотация: Объектом исследования выступают цифровые видеоигры как медиаплатформы, способные оказывать влияние на политическое и философское мышление современного пользователя. Предметом исследования является анализ механизмов политико-философского воздействия видеоигр на сознание и ценностные установки игроков. Цель работы заключается в выявлении роли видеоигр как медиума формирования мировоззрения, социальной идентичности и политических норм. Исследование направлено на выявление ключевых философских и политических тем, представленных в видеоиграх (свобода воли, моральный выбор, идентичность, власть), анализ репрезентации властных и идеологических структур в сценариях и игровых механиках, изучение процессов формирования коллективной идентичности в игровых сообществах и киберспортивной среде, а также оценку потенциала видеоигр как

инструмента культурной дипломатии и формирования национального имиджа. Используются качественный контент-анализ и кейс-анализ с тематическим (индуктивно-дедуктивным) кодированием; интерпретация ведётся через призму процедурных правил и санкций, пространственной «нарративной архитектуры» и агентности игрока/практик сообщества. В выборку вошли «Cyberpunk 2077», «Metro: Exodus», «Counter-Strike 2», «Assassin's Creed: Unity», «Battlefield 1». Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении видеоигр как медиаплатформ политической социализации: от анализа сюжетных архитектур и игровых механик – к объяснению воспроизводства дискурсов власти, формирования коллективных идентичностей и потенциала игр как инструмента «мягкой силы». Такой подход выводит дискуссию за пределы дихотомии нарратология/лудология и помещает её в политико-философское измерение в диалоге с ключевыми авторами исследования видеоигр (И. Богост, Э.Аарсет, Д.Мюррей). цифровые видеоигры в условиях цифровизации выполняют функцию политической социализации на медиаплатформах. Через выбор, ролевые сценарии и коллективные практики они формируют представления игроков о власти, морали и ответственности. Игровые пространства становятся аренами идеологического взаимодействия, в которых воспроизводятся и трансформируются структуры дискурса, ранее свойственные традиционным институтам. Это позволяет рассматривать видеоигры не только как культурный артефакт, но и как активный механизм формирования политической субъектности в цифровую эпоху.

Ключевые слова:

Видеоигры, Интерактивные медиа, Мягкая сила, Политическая социализация, Медийная идентичность, Политическое восприятие, Цифровая эпоха, Политическая коммуникация, Социальные конструкторы, Идеологическое воздействие

Введение

Современные видеоигры, обладая интерактивностью и высокой иммерсивностью, предоставляют уникальное пространство, в котором моделируются социальные конфликты и проверяются границы индивидуальной свободы. Они формируют не только эстетическое восприятие, но и политическую чувствительность в условиях цифровизации.

Актуальность исследования заключается в том, что видеоигры всё чаще рассматриваются не как средство эскапизма, а как инструмент формирования социальных норм и идеологических установок. Отражая и одновременно конструируя мировоззрение пользователя, они становятся частью медийной социализации, в которой виртуальные выборы и моральные дилеммы влияют на повседневное поведение и отношение к власти, справедливости и ответственности. Согласно систематическому обзору литературы (PRISMA 2020; WOS/SCOPUS; N=45), проведённому Cerezo-Pizarro и соавт., видеоигры оказывают прямое влияние на культурную трансмиссию и идентичность, что подтверждает их роль как значимого медиума культурно-идеологической социализации [\[1\]](#).

Видеоигры — это не только площадки, на которых разыгрываются культурные, социальные или политические практики; это также медиумы, в которых сами культурные ценности получают выражение [\[2\]](#).

Объектом исследования выступают цифровые видеоигры как медиаплатформы, способные оказывать влияние на политическое и философское мышление современного пользователя. Предметом исследования является анализ механизмов политико-философского воздействия видеоигр на сознание и ценностные установки игроков. Цель работы заключается в выявлении роли видеоигр как медиума формирования мировоззрения, социальной идентичности и политических норм. Исследование направлено на выявление ключевых философских и политических тем, представленных в видеоиграх (свобода воли, моральный выбор, идентичность, власть), анализ репрезентации властных и идеологических структур в сценариях и игровых механиках, изучение процессов формирования коллективной идентичности в игровых сообществах и киберспортивной среде, а также оценку потенциала видеоигр как инструмента культурной дипломатии и формирования национального имиджа.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении видеоигр как медиаплатформ политической социализации: от анализа сюжетных архитектур и игровых механик — к объяснению воспроизводства дискурсов власти, формирования коллективных идентичностей и потенциала игр как инструмента «мягкой силы». Такой подход выводит дискуссию за пределы дихотомии нарратология/лудология и помещает её в политико-философское измерение в диалоге с ключевыми авторами game studies (И. Богост, Э.Аарсет, Д.Мюррей).

Методология

Используются качественный контент-анализ и кейс-анализ с тематическим (индуктивно-дедуктивным) кодированием; интерпретация ведётся через призму процедурных правил и санкций, пространственной «нарративной архитектуры» и агентности игрока/практик сообщества. В выборку вошли «Cyberpunk 2077», «Metro: Exodus», «Counter-Strike 2», «Assassin's Creed: Unity», «Battlefield 1», отобранные с учётом масштабов аудитории и доступности поведенческих следов, наличия выраженной политико-философской проблематики, достаточной вариативности нарратива и механик, а также жанрового разнообразия. Теоретическая основа — подходы политической философии, социальной теории и философии техники (в том числе И. Богост, Э.Аарсет, Д.Мюррей М. Фуко). Эмпирическую базу составили обсуждения и отзывы игроков на Steam (включая «самые полезные» и «недавние»), тематические треды Reddit и стримы/VoD с чатами на Twitch; материалы киберспортивных сообществ (репортажи, регламенты, listen-in записи коммуникаций); отраслевые отчёты (например, Newzoo) и платформенная статистика (SteamDB/Steam API) для контекстуализации масштаба вовлечённости; а также рецензируемые публикации 2020–2025 гг. Единицами анализа выступают сцены и квестовые ветки, ключевые механики и санкционные контуры, паттерны коммуникации и координации, пользовательские практики (моды, гайды, эвристики). Процедура включает двойное кодирование и последующее согласование кодов; валидизация обеспечивается теоретической и источниковой триангуляцией. Этические соображения предполагают анонимизацию пользовательских высказываний и указание лишь площадки и даты.

Это обеспечивает как теоретическую, так и эмпирическую обоснованность выводов. Тем самым работа восполняет лауну, в которой нарратив, механики и культурная идентичность рассматривались отдельно, и предлагает целостный политико-философский анализ игр в цифровую эпоху.

Философская трансформация видеоигр в цифровую эпоху

Природа философии носит критический характер, но её взгляд всегда исполнен

глубокой человечности. Все великие философские идеи прошлого возникли из “неудержимого стремления”, пропитанного любовью философов к человеческой жизни, заботой о судьбе человечества, тревогой за его положение и надеждой на светлое будущее [3]. Однако в условиях цифровой эпохи эти надежды и тревоги всё чаще находят отражение в новом виде культурных продуктов — видеоиграх, которые уже выступают не только развлечением, но и философским медиумом.

Стремительное развитие цифровых технологий превратило видеоигры из формы досуга в сложный интерактивный медиум.

Основное свойство видеоигры — ее интерактивность [4] — обеспечивает одновременно высокую сложность и перспективность исследования данного медиума в контексте проблемы конструирования прошлого в медиа. Аудитория видеоигр способна (одновременно это является обязательным условием) переходить из категории наблюдателей и реципиентов авторского сообщения в категорию активных соавторов, обладающих установленной игровыми процедурами свободой действий при погружении в мир игры [5, с. 78].

Голландская философия техники предложила важную концепцию «возвращения к конкретной технике». Этот «эмпирический поворот» в философии технологий способствовал прогрессу дисциплины и вывел её из тупика абстрактных рассуждений. В рамках этого направления развилось отдельное направление философии игр, которое систематически анализирует философские вопросы видеоигр. Согласно данной школе, видеоигры неразрывно связаны с культурой, которая служит их фундаментом [6].

В последние десятилетия в результате значительного увеличения свободного времени и развития игровой индустрии и игрового капитализма появились новые исследовательские направления, полностью посвящённые изучению игр, особенно компьютерных игр. Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху [7].

Эти изменения сопровождались эволюцией самих игр: от демонстрации технологических новинок к углублённым сюжетам и разнообразным механикам. В итоге у игроков появилась возможность не только погружаться в более увлекательные и реалистичные миры, но и задумываться о нравственности, ценностях и смысле существования в ходе игрового процесса.

На волне повсеместной цифровизации философский аспект видеоигр становится всё более очевидным. На волне повсеместной цифровизации всё больший вес приобретают нелинейные повествования, динамические сценарии и сетевые сообщества, формирующие опыт принятия решений и совместной игры. Видеоигры, как и кино или литература, предполагают не непосредственный, а инструментально опосредованный опыт. Видеоигра занимает промежуточное положение между игроком и машиной (экраном), поэтому её нельзя изучать как полностью изолированный объект [8]. Каждый выбор игрока может повлиять на судьбу персонажа и на развитие истории, а вопросы свободы воли и ответственности выходят из поля абстрактных теоретических дискуссий и обретают конкретное воплощение в действиях пользователя. Через пробу и ошибку игрок невольно переосмысливает свою систему ценностей, оценивая нравственные границы, заложенные в игровой вселенной.

Тем временем развитие технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) ещё больше размывает границы между “виртуальным” и “реальным”. Когда игрок

исследует проработанные цифровые миры или взаимодействует с другими в реалистичных условиях, понятие "присутствия" теряет чёткость. Это ставит под сомнение вопросы морального выбора и самоидентификации.

Действия в цифровом окружении способны влиять на реальное самовосприятие человека. Тем самым усиливаются философские рефлексии об агентности и ответственности. Параллельно видеоигры играют всё более заметную роль в культурной и социальной репродукции: онлайн-сообщества, пользовательские модификации и фанатское творчество выводят пределы игрового мира за рамки задумки разработчиков, превращая пользователей в «соавторов» цифрового контента. В процессе такой коллаборации участники пересматривают важнейшие категории — правила, справедливость, свободу и принадлежность.

В то же время игры отражают глобализацию, ИИ и экологические кризисы в сценариях и механиках. Интерактивность обеспечивает эмоциональную вовлечённость и позволяет игрокам наглядно увидеть последствия своих решений. В отличие от литературы и кино, видеоигры делают пользователя ответственным за собственные действия и вызывают немедленную реакцию сообщества. Такая форма опыта усиливает роль игр в формировании ценностей и открывает пространство для философской рефлексии, связанной с реальностью.

Таким образом, эволюция видеоигр проявляется в формировании моделей политической социализации и медиаидентичности. Видеоигры становятся «лабораторией» цифрового опыта, где тестируются ценности, проверяются стратегии поведения и моделируются взаимодействия субъекта с властью. В условиях слияния виртуального и реального игровая среда выступает индикатором политико-культурных трансформаций, заслуживающим внимания современной политической науки.

Социальное воздействие видеоигр и их философская направленность

В современном обществе видеоигры переросли чистое развлечение и функционируют как межпоколенческий и межкультурный медиум. Видеоигра мульти- и трансмедийна: один проект процедурно может задействовать статические изображения и видео, звук и музыку, текст и речь, архитектуру и дизайн, анимацию и моделирование, интерфейс как способ управления и взаимодействия, искусственный интеллект и сообщества живых игроков^[9]. В связи с этим актуальны исследования рецепции аудиторией тех или иных аспектов видеоигры, ведь интерактивность предполагает потенциально разнообразные способы «игры в видеоигры»^[5,с.78].

Более того, индустрия растёт и институционализируется, включая киберспорт и стриминг. По данным Newzoo, в 2024 г. мировой рынок видеоигр составит \$187,7 млрд, а число игроков — около 3,42 млрд человек. По структуре выручки мобильный сегмент — 49% (\$92,6 млрд), консоли — \$51,9 млрд, ПК — \$43,2 млрд. Эти показатели подтверждают статус игр как массовой медиаплатформы, влияющей на практики социализации и коммуникации в цифровой среде^{[10][11]}.

В рамках «культурного» аспекта игра анализируется как культурный текст анализируется видеоигра как культурный текст, выделяя семь различных интерпретаций её смысла, отражающих культурные аспекты, заложенные в её структуре^[12].

Видеоигры репрезентируют объекты процедурно — создавая основанные на правилах модели выбранных тем^[2,с.123]. Виртуальный мир всё чаще становится местом для

сотрудничества или соперничества, общения и обмена опытом, причём эти активности постепенно перетекают из цифровой среды в реальную повседневную жизнь. Благодаря такому сдвигу вектора, в научных кругах и в обществе активно обсуждается, каким образом игры воздействуют на наше самопонимание, отношения с окружающими и восприятие мира.

Видеоигры воздействуют на ценностные ориентиры прежде всего через контрастные ситуации (насилие ↔ взаимопомощь), побуждая к моральным решениям и рефлексии об ответственности; одновременно пользовательские практики (моды, фан-проекты, гайды) делают аудиторию соавтором норм и смыслов, укрепляя коллективные идентичности и расширяя социальное влияние игр.

Благодаря своей способности воздействовать как на индивидуальное самосознание, так и на коллективные модели поведения, видеоигры занимают место полноценного узла социальной коммуникации: отражают и формируют представления о справедливости, власти, ответственности и свободе, всё чаще становясь частью публичных дебатов. Подобно литературе и кино, цифровые игры выполняют функцию символического медиатора между индивидом и обществом, создавая условия для переосмысления ценностных ориентаций. Именно в этом пересечении виртуального и социального проявляется их политико-идеологическое воздействие.

Игровая свобода воли и её значение для политической социализации

Современные видеоигры уже вышли за рамки развлечения и стали полноценной площадкой для обсуждения философских вопросов. От свободы воли до смысла существования — игрок сталкивается с выбором с глубоким моральным подтекстом, рефлексировав собственную роль в виртуальном мире и за его пределами.

Это становится возможным благодаря активному развитию виртуальных технологий. Поскольку виртуальные технологии в играх могут создавать множество возможных миров, традиционные философские концепции, такие как моральные дилеммы, понимание языковых понятий, контрафактические сенсорные стимулы и другие метафизические эксперименты, могут быть воссозданы с помощью игрового виртуального моделирования. Это позволяет испытуемым переходить от текстового восприятия традиционного философского эксперимента к иммерсионному опыту, принимая решения в интерактивной среде [\[13\]](#). При этом ключевым оказывается переход от наблюдения к действию: «удовольствие читателя — удовольствие вуайера: безопасно, но бессильно; напротив, чтец кибертекста — “рискующий игрок”, вовлечённый в борьбу за контроль повествования» [\[14\]](#). В этой рамке определение агентности — «способности совершать значимые действия и видеть результаты наших решений и выборов» — задаёт операциональные критерии анализа свободы воли в играх [\[15\]](#). В этой логике многие проекты предоставляют игрокам возможность самостоятельно определять поведение персонажа, формируя тем самым судьбу героев и развитие сюжета.

Ярким примером является игра «Cyberpunk 2077» [\[16\]](#), созданная польской студией CD Projekt Red, действие которой разворачивается в антиутопическом мегаполисе будущего, где технологии достигли невиданного уровня развития и тесно переплетаются с коррупцией, насилием и социальной несправедливостью. В этом виртуальном пространстве люди свободно используют модификации тела и даже оцифровку сознания, что вызывает глубокие философские вопросы о границах человеческой идентичности и природе личности. Главный герой игры, наёмник по имени V, вынужден принимать непростые моральные решения, которые меняют его судьбу и влияют на окружающих

[\[17\]](#). Виртуальный мир игры также подчёркивает, что технологический прогресс может иметь двойственные последствия: чрезмерное увлечение биомодификациями приводит к так называемому «киберпсихозу», проявляющемуся в потере самоконтроля и личности [\[18\]](#).

С иной стороны, в «Cyberpunk 2077» представлена альтернативная интерпретация «проблемы существования». В этом футуристическом мире передовые технологии позволяют оцифровывать сознание и модифицировать тело, размывая границы между физической и виртуальной реальностью. Эти новаторские решения ставят вопрос: можно ли считать «личностью» цифровой аватар, который сохраняет память и мысли человека, но при этом лишён привычной физиологической основы?

В качестве эмпирического кейса «Cyberpunk 2077» демонстрирует, как политико-философские смыслы конструируются при отсутствии формального «морального счетчика»: разработчики прямо подчеркивали, что в игре нет единой шкалы морали, а последствия распределены через квестовую архитектуру и системные ограничения выбора. [\[19\]\[20\]](#) На уровне рецепции это породило устойчивую полемику в сообществе: часть игроков утверждает, что «выборы мало что меняют», другая часть показывает взаимосвязанность веток и накопительный эффект решений (в т.ч. на основе официальных/полуофициальных схем квестов). [\[21\]](#) Масштаб аудитории усиливает социализирующий потенциал кейса: на старте проект собрал свыше 1,05 млн одновременных игроков в Steam и около 1,1–1,4 млн одновременных зрителей на Twitch, что закрепило его статус массовой медиапрактики и задало широкий публичный контекст обсуждения моральных дилемм и биополитических напряжений [\[22\]\[23\]\[24\]\[25\]](#).

Помимо вопросов морального выбора и личной ответственности, важными философскими темами в видеоиграх становятся вопросы смысла жизни и границ человеческого существования. Серия «Метро» переносит игрока в мрачный постядерный московский метрополитен, где дефицит ресурсов и постоянные угрозы делают выживание ежедневной моральной пробой. Основанная на романах Дмитрия Глуховского и представляет собой синтез шутера от первого лица и элементов хоррора на выживание с повествованием от лица Артёма и поиском «человеческого» в бесчеловечных условиях.

Экстремальность сеттинга превращает игру в «эксперимент»: игрок вынужден балансировать между моралью и инстинктом самосохранения, каждый раз уточняя цену жизни и границы ответственности.

Система метро в игре представляет собой модель микрообществ, в которых сосуществуют различные политические режимы — демократические, тоталитарные, анархические. Это позволяет наблюдать, какие формы организации оказываются устойчивыми в кризисе, а какие — распадаются.

На уровне эмпирики Metro: Exodus демонстрирует, что «хорошая развязка» коррелирует с морально-сдержанной игрой: система скрытых «кармических» баллов поощряет отказ от убийства небоевых NPC и сдающихся врагов, а также выполнение помогающих действий; для финала требуется, чтобы из трёх спутников (Duke, Damiir, Alyosha) как минимум двое дошли до конца [\[26\]\[27\]](#). Практические эвристики сообщества сводятся к формуле: «бандитов можно убивать; сдающихся, местных, рабов и „лесных“ — не трогать; предпочтительны стелс и оглушение» [\[28\]\[29\]](#). Вместе с тем игроки спорят о прозрачности правил: часть подчёркивает, что «пацифизм» не обязателен, другая сообщает о «плохом» исходе даже без убийства культовцев — это указывает на высокую

чувствительность системы к локальным действиям и коммуникационным разрывам [\[30\]\[31\]](#). Масштаб аудитории подтверждается платформенными данными: исторический пик одновременных игроков Metro Exodus в Steam составил 15 375 (16.02.2020) [\[32\]\[33\]](#).

Однако важно учитывать и рецепцию игроков, а не только сюжеты. По наблюдению Макмэхона, сюжет не является ключевым элементом большинства видеоигр. Напротив, многие пользователи оценивают игры с точки зрения внутриигровых механик — системы начисления очков, разработки стратегий победы, а также демонстрации своего игрового уровня перед другими пользователями во время игры, после её завершения и при повторном прохождении [\[34\]](#). Каждый выбор не просто влияет на внешний сюжет, но и меняет собственное восприятие «я» в данном мире.

Итог подглавы. Следовательно, Свобода воли в видеоиграх выступает механизмом политической социализации: через дизайн правил и архитектуру выборов она формирует ценностные ориентиры, чувство ответственности и понимание ролей в обществе. Кейсы «Cyberpunk 2077» и «Metro: Exodus» показывают, что без единой «моральной шкалы» политико-этические смыслы всё равно складываются на стыке процедур, пространства и агентности, а массовая рецепция усиливает их общественную значимость.

Социальная конструкция и групповая идентичность в видеоиграх

В современном мире видеоигры выступают не только развлечением, но и моделью виртуального сообщества: кооперация ради победы постепенно кристаллизует устойчивые связи — отряды, гильдии, кланы, с их нормами и ритуалами. В каком-то смысле они воспроизводят то, что социальная наука описывает как «социальную конструкцию» — процесс совместного создания правил и ориентиров, регулирующих поведение участников.

Согласно М. Фуко, власть представляет собой «всеобщую систему господства, которое осуществляется одним элементом или группой элементов над другими, и результаты этого действия пронизывают все социальное тело». Дискурс, по Фуко, рассматривается не просто как «поле, которое создается с отношением слов и вещей», а как «совокупность правил, которые образуют практики» [\[35\]](#). Это позволяет понять, каким образом устанавливаются неписанные нормы и правила поведения в виртуальных сообществах, а также как отдельные игроки приобретают влияние на других.

Ярким примером служит «Counter-Strike 2» (CS2), где командная цель требует координации, взаимных обязательств и согласования стратегий, тактики и неписанных норм. CS2 выступает не только как тактический шутер, но и как социальная экосистема: формальные правила матчмейкинга, рангов и турнирных регламентов сочетаются с неформальными практиками коммуникации и лидерства; как обновлённая версия CS:GO, игра сохраняет соревновательную механику и акцент на тактическом взаимодействии, а координация через голос/текст и участие в рангах/турнирах (в т.ч. CS2 Major) формируют устойчивые роли и иерархии, закрепляя коллективную идентичность киберспортивной культуры.

По платформенным данным (SteamDB; счётчик из Steam API), 16 марта 2025 г. пиковое число одновременных пользователей Steam достигло 41 239 880, что подтверждает статус игр как массовой медиаплатформы с глобальной вовлечённостью и создаёт условия для формирования устойчивых игровых сообществ и фанатских идентичностей вокруг соревновательных дисциплин вроде CS2 [\[36\]](#).

На уровне повседневной практики сообщество фиксирует дефицит внутриигровых голосовых коммуникаций в матчмейкинге (часто «no callouts»), что снижает согласование действий^[37]. Отсюда — запрос на нормативизацию участия: «players without mic shouldn't be able to queue for Premier»^[38]. Параллельно обсуждаются токсичность и недисциплинированные стаки, игнорирующие взаимодействие: «become worse in terms of toxicity»; «never communicate... will mock you if you try to strategize»^[39]. Есть и технический слой проблемы: часть игроков указывает на сбои Steam voice/настройки микрофона и необходимость правки параметра «voice_threshold»^[40]. Обсуждается и влияние внешних голосовых сервисов (Discord) на распад коммуникации в пабликах: «The in-game voice chat should be only way people can talk»^[41]. На профессиональной сцене, напротив, «voice comms» (BLAST Premier, listen-in) демонстрируют нормативную модель: плотные коллауты и распределение ролей как условие победы^[42].

На уровне дискурса это проявляется в совместном установлении норм «снизу» (форумы, стримы) и «сверху» (про-сцена), что консолидирует сообщества вокруг дисциплин вроде CS2.

Согласно теории власти М. Фуко, в CS2 можно наблюдать дискурсивные механизмы: опытные игроки и лидеры мнений устанавливают нормы поведения, а сообщества формируются как внутри игры, так и за её пределами. В более широком плане сам игровой медиум выступает и средой коллективной памяти: современные компьютерные игры не только структурируют взаимодействие, но и предоставляют возможность погружения в прошлое. В условиях цифровой современности человек всё чаще ощущает «нехватку исторического бытия» и, будучи исторически и культурно детерминированным, испытывает «тоску» по исчезнувшему времени, что и подпитывает интерес к минувшим эпохам^[43].

Таким образом, видеоигры не только формируют современные модели социального взаимодействия, но и отражают стремление людей к времени и памяти, особенно в контексте исторической реконструкции и переживания.

Такой перенос общения и дружбы за пределы игрового пространства подчёркивает важность коллективной идентичности и даёт повод говорить о глубинном влиянии видеоигр на культуру нашего времени. Игровой мир, казалось бы далекий от повседневной реальности, способен сплотить людей и сформировать у них общие ценности, языковые коды и способы взаимодействия. Одним из наиболее ярких примеров служит «Assassin's Creed: Unity»^[44], где детально воспроизведён Париж конца XVIII века, включая знаменитый Собор Парижской Богоматери. В 2019 году, после пожара, компания Ubisoft пожертвовала 500 000 евро на восстановление собора и на неделю сделала Assassin's Creed Unity бесплатной. Игровые модели — художественная реконструкция и напрямую в реставрации не применялись; реставрация опиралась на лазерные сканы и BIM-моделирование^{[45][46]}. Этот кейс демонстрирует, что видеоигры могут быть не только средством развлечения, но и инструментом сохранения культурного наследия.

Аналогичный эффект наблюдается в таких играх, как «Battlefield 1»^[47], которая позволяет игрокам окунуться в реалии Первой мировой войны, включая окопные сражения, применение химического оружия и военные кампании разных стран. Интерактивность усиливает эмоциональное понимание трагедии войны и углубляет

историческую рефлексию^[48]. Эти примеры подтверждают, что видеоигры способны не только удовлетворять интерес игроков к истории, но и способствовать межкультурному обмену, обеспечивая новый формат передачи исторических знаний.

Следовательно, видеоигры функционируют как социальные конструкции: правила, инфраструктура общения и иерархии совместно производят коллективные идентичности, которые усиливаются историко-мемориальными практиками. С учётом масштабов вовлечения игровые платформы выступают значимым пространством политической социализации и моделирования медиареальности; в цифровую эпоху они становятся аренами освоения новых форм участия, взаимодействия и самоидентификации, где интериоризируются нормы, ранее закреплённые офлайн-институтами. Отсюда вытекает необходимость рассматривать игры не только как объект культурного анализа, но и как устойчивый предмет политико-социологических исследований.

Обсуждение

С точки зрения теорий фрейминга и agenda-setting, игровые интерфейсы и процедурные правила задают рамки интерпретации и повестку обсуждений, транслируемых затем в медиа-экосистемах (стриминг, соцсети).

Политическая игра — это ситуация, при которой идеология и политика становятся предметом игры, игровых практик и игровой игривости. Игровая политика, как правило, применяется для того, чтобы обрамлять или маскировать политические высказывания под игру^[49].

В диалоге с классикой game studies наши кейсы позволяют уточнить распределение «источника политического смысла» между правилами, пространством и игроком. В логике Богоста процедурные правила действительно «убеждают»: ранги, санкции и командные зависимости в CS2 нормируют поведение и производят коллективную идентичность. Вслед за Аарсетом агентность игрока со-конституирует повествование и способна усиливать либо смягчать заданную процедурой норму: в Cyberpunk 2077 выборы V перестраивают моральные горизонты в пределах системных ограничений. В терминах Мюррей, где агентность и иммерсия задают «раму переживания», городской Париж в Assassin's Creed: Unity выступает медиатором политики памяти и исторической репрезентации; «этика выживания» Metro: Exodus выявляет критическое измерение институтов и общих правил.

Эти наблюдения согласуются с эмпирикой цифровой журналистики: СМИ используют игры для четырёх функций — аналитический репортаж, политический комментарий, критический контроль и репрезентация^[50]. Наши кейсы соотносятся так: CS2 — идентичность и нормы (комментарий/критический контроль); Cyberpunk 2077 — моральный выбор и биополитические напряжения (комментарий/аналитика); Metro: Exodus — выживание и критика институтов (критический контроль); Assassin's Creed: Unity — политика памяти (репрезентация).

Таким образом, правила, пространство и агентность совместно конструируют политические смыслы, выходя за пределы дихотомии «нарратив vs механика». В конечном счёте видеоигры предстают как мощные культурные инструменты, влияющие на различные аспекты современной жизни и на восприятие реальности^[1, с. 16].

Заключение

Практическое значение данного исследования заключается в необходимости системного

включения видеоигр в повестку культурной и молодёжной политики как массового культурного феномена и как инструмента формирования общественного и политического сознания.

Во-первых, полученные результаты могут быть использованы при разработке образовательных программ по цифровой медиаграмотности для молодёжи. Такие программы позволят пользователям лучше распознавать идеологические элементы и дискурсивные конструкции в играх, а также развивать критическое отношение к вопросам власти, идентичности и ценностей, транслируемых через игровой контент.

Во-вторых, исследование имеет прикладной потенциал для органов власти и общественных организаций, занимающихся оценкой когнитивных и идеологических рисков цифровых платформ. Оно способствует выработке подходов к регулированию деструктивных нарративов, манипулятивного контента и цифровой радикализации в виртуальной среде.

Кроме того, видеоигры могут быть использованы в качестве инструмента культурной дипломатии и продвижения «мягкой силы». Игровые проекты с выраженной культурной идентичностью и глубокой нарративной архитектурой позволяют государствам влиять на восприятие своей культуры и политической системы в международной среде, особенно среди молодёжной аудитории.

Таким образом, цифровые видеоигры в условиях цифровизации выполняют функцию политической социализации на медиаплатформах. Через выбор, ролевые сценарии и коллективные практики они формируют представления игроков о власти, морали и ответственности. Игровые пространства становятся аренами идеологического взаимодействия, в которых воспроизводятся и трансформируются структуры дискурса, ранее свойственные традиционным институтам. Это позволяет рассматривать видеоигры не только как культурный артефакт, но и как активный механизм формирования политической субъектности в цифровую эпоху.

Библиография

1. Сересо-Писарро М., Ревуэльта-Домингуэс Ф., Герра-Антекера Х., Мело-Санчес Х. Культурное воздействие видеоигр: систематический обзор литературы // *Education Sciences*. 2023. Т. 13. № 11. С. 1116. DOI: 10.3390/educsci13111116.
2. Богост И. Риторика видеоигр // *The Ecology of Games: Connecting Youth, Games, and Learning* / ред. К. Сейлен. Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 2008. С. 117-140. URL: <https://se4n.org/papers/bogost-rhetoric.pdf>
3. Чжоу В. Игра: архимедова точка философских исследований // *Академические исследования*. 2011. № 7. С. 32-37.
4. Эллиот А., Капелл М. В. Создание прошлого, которое “выстоит испытание временем”: обнаружение исторических фактов, построение исторических нарративов // *Играя с прошлым: цифровые игры и симуляция истории* / под ред. А. Б. Р. Эллиотта, М. В. Капелла. Нью-Йорк; Лондон: Bloomsbury, 2013. С. 1-30.
5. Черный С. Ю. Конструирование прошлого в видеоиграх: игрок как потребитель и соавтор исторического нарратива (проект “Europa Universalis IV”) // *Шаги/Steps*. 2017. № 2.
6. Ни Шаньчуань, Цай Чжун. Электронные видеоигры как механизм культурной идентичности: философская интерпретация на основе культурной герменевтики Дона Иде // *Цзяньхуай лунтан*. 2024. № 3. С. 140-146. DOI: 10.16064/j.cnki.cn34-1003/g0.2024.03.016.
7. Аарсет Э. *Computer Game Studies, Year One* // *Game Studies*. 2001. Т. 1, № 1.

- [Электронный ресурс] URL: <https://www.gamestudies.org/0101/editorial.html>
8. Мок. Полуперевод-обзор: читательские заметки по книге "Философия видеоигр" [Электронный ресурс] // GCORES // 22.07.2022. URL: <https://www.gcores.com/articles/153926>
9. Чатфилд Т. Особые трудности, особые возможности // Ранняя модерность и видеоигры / под ред. Т. Виннерлинга, Ф. Кершбаумера. Ньюкасл-апон-Тайн: Cambridge Scholars Publishing, 2014. С. xxi-xxiii.
10. Newzoo Global Games Market Report (Free Version) [Электронный ресурс]. Амстердам: Newzoo, 2024. PDF. URL: https://best-of-gaming.be/wp-content/uploads/2024/09/2024_Newzoo_Global_Games_Market_Report.pdf
11. Бейсман М. Мировой рынок видеоигр: оценки выручки и прогнозы на 2024 г. // Newzoo (блог) [Электронный ресурс]. 13.08.2024. URL: <https://newzoo.com/resources/blog/global-games-market-revenue-estimates-and-forecasts-in-2024>
12. У И. Философское исследование компьютерных игр и их дизайна: диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук // Юго-Восточный университет. – Нанкин: Юго-Восточный университет, 2019. – 248 с.
13. Сюэ Ш., Ван Юйсюань. Как видеоигры способствуют философским исследованиям // Исследования по естественной диалектике. 2022. № 12. С. 30-37. DOI: 10.19484/j.cnki.1000-8934.2022.12.018.
14. Аарсет Э. Кибертекст: перспективы эргодической литературы. Балтимор: Johns Hopkins University Press, 1997. 216 с.
15. Мюррей Дж. "Гамлет" на голодеке: будущее повествования в киберпространстве. Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 1997. 324 с.
16. "Cyberpunk 2077". Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cyberpunk.net/us/zh-cn/cyberpunk-2077>
17. -C1-1T053 (блог). Начиная с игры "Cyberpunk 2077", исследуем проблемы постчеловека и романтического бунта [Электронный ресурс] // GCORES. URL: <https://www.gcores.com/articles/133662>
18. Управление делами будущего (блог). Используя заметки объёмом 20 000 иероглифов, разберёмся в пяти ключевых философских вопросах, поставленных видеоигрой "Cyberpunk 2077" // GCORES. URL: <https://www.gcores.com/articles/132812>
19. Паркер Л. В "Cyberpunk 2077" нет единой шкалы морали – и это осознанное решение [Электронный ресурс] // GamesRadar+. 04.09.2019. URL: <https://www.gamesradar.com/cyberpunk-2077-no-morality/>
20. Бейли Д. Система морали в "Cyberpunk 2077": что известно [Электронный ресурс] // PCGamesN. 28.06.2019. URL: <https://www.pcgamesn.com/cyberpunk-2077/morality-system>
21. Reddit-тред: Does this game have meaningful choice? // r/cyberpunkgame. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/cyberpunkgame/comments/qa65yf/does_this_game_have_meaningful_choice/
22. Гилберт Б. "Cyberpunk 2077" заработала не менее \$480 млн до релиза – а затем возглавила чарты Steam и Twitch [Электронный ресурс] // Business Insider. 10.12.2020. URL: <https://www.businessinsider.com/cyberpunk-2077-earned-480-million-before-release-2020-12>
23. SteamDB. Most Followed Games – SteamDB. [Электронный ресурс] URL: <https://steamdb.info/stats/mostfollowed/>
24. StreamsCharts. Cyberpunk 2077 – release statistics (live). [Электронный ресурс] URL: <https://streamscharts.com/news/live-cyberpunk-2077-release-statistics>
25. PCGamesN. Cyberpunk 2077 – рекорд одновременных игроков в Steam. [Электронный

- ресурс] URL: <https://www.pcgamesn.com/cyberpunk-2077/steam-player-count>
26. Metro Wiki (Fandom). Moral Points. [Электронный ресурс] URL: https://metrovideogame.fandom.com/wiki/Moral_Points
27. Reddit-тред: What if you eliminate an enemy as they surrender? // r/metro_exodus. 2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/metro_exodus/comments/1g4wli1/what_if_you_eliminate_an_enemy_as_they_surrender/
28. Steam Community. Metro Exodus – общие советы по “хорошей” концовке (дискуссия). [Электронный ресурс] URL: <https://steamcommunity.com/app/412020/discussions/0/3109143313949997105/>
29. Reddit-тред: About getting good endings for regions in Exodus // r/metro. 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/metro/comments/1agri3d/about_getting_good_endings_for_regions_in_exodus
30. Steam Community. [Обсуждение правил морали в Metro Exodus]. [Электронный ресурс] URL: <https://steamcommunity.com/app/412020/discussions/0/598533015389407796/>
31. Reddit-тред: Got the bad ending in Volga without killing // r/metro. 2021. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/metro/comments/lp7xi3/got_the_bad_ending_in_volga_without_killing
32. SteamDB. Metro Exodus – Charts. [Электронный ресурс] URL: <https://steamdb.info/app/412020/charts/>
33. SteamCharts. Metro Exodus – Concurrent Players. [Электронный ресурс] URL: <https://steamcharts.com/app/412020>
34. Хуан Минфэн. Нарратология и лудология: дебаты в западных исследованиях цифровых игр в начале XXI в. // Журнал Нанкинского университета почты и телекоммуникаций (Социальные науки). 2011. Т. 13. № 1. С. 8-15.
35. Беляцкая Е. В. Дискурс и власть в концепции М. Фуко: точки пересечения [Электронный ресурс] // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2022. № 13.
36. SteamDB. Steam – Concurrent Users (AppID 753). 16.03.2025 – пик 41 239 880. [Электронный ресурс] URL: <https://steamdb.info/app/753/charts/>
37. Reddit-тред: What's with the severe lack of comms? // r/cs2. 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/cs2/comments/18ghapx/whats_with_the_severe_lack_of_comms/
38. Reddit-тред: Players without mic shouldn't be able to queue for Premier // r/GlobalOffensive. 2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/GlobalOffensive/comments/1iq2kyl/players_without_mic_shouldnt_be_able_to_queue_for
39. Reddit-тред: Toxicity in literally every single match is ... // r/cs2. 2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/cs2/comments/1b8tpj0/toxicity_in_literally_every_single_match_is/
40. Reddit-тред: A lot of my teammates seem to have mic issues... // r/GlobalOffensive. 2023. [Электронный ресурс] URL: https://www.reddit.com/r/GlobalOffensive/comments/178ym51/a_lot_of_my_teammates_seem_to_have_mic_issues
41. Steam Community. The in-game voice chat should be only way people can talk (дискуссия). [Электронный ресурс] URL:

- <https://steamcommunity.com/app/730/discussions/0/7342617747185416774/>
42. YouTube. BLAST Premier – voice comms (listen-in) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y7bTlr8tBSw>
43. Рутковская М. В. Философия игры: от исторических модусов к математике // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2011. № 2.
44. "Assassin's Creed: Unity". Официальная страница в Steam. [Электронный ресурс] URL: https://store.steampowered.com/app/289650/Assassins_Creed_Unity/
45. Ubisoft. Supporting Notre-Dame de Paris (новость). 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://news.ubisoft.com/enus/article/2Hh4JLk1GJIMEg0lk3Lf/supporting-notredame-de-paris>
46. The Guardian. Assassin's Creed creators pledge €500 000 to Notre-Dame restoration. 17.04.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/games/2019/apr/17/assassins-creed-creators-pledge-500000-notre-dame-restoration>
47. "Battlefield 1". Официальный сайт EA. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ea.com/games/battlefield/battlefield-1>
48. Отзывы игроков о "Battlefield 1" (КНП) // Zhihu. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zhihu.com/question/316154081/answer/2725732577>
49. Йоргенсен К. Игровая политика и политическая игра: концептуализация видеоигр как политической арены // Abstract Proceedings of DiGRA 2022 Conference: "Bringing Worlds Together 2022". Тампере: Digital Games Research Association (DiGRA), 2022. DOI: 10.26503/dl.v2022i1.1312.
50. Гомес-Гарсия С., де ла Эра Т. Игры как политические акторы в цифровой журналистике // Media and Communication. 2023. Т. 11. № 2. С. 278-290. DOI: 10.17645/mac.v11i2.6515.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху»

В представленной статье рассматриваются видеоигры как значимый медиум политической социализации и формирования мировоззренческих установок в условиях цифровой эпохи. Автор анализирует видеоигры не только как развлекательный продукт, но и как пространство философских и социокультурных практик, в рамках которых формируются идентичность, ценности, социальные и политические нормы. Предметом исследования становится анализ механизмов воздействия цифровых игр на политико-философское сознание, а также их роль в конструировании коллективной идентичности и политической культуры.

Автор опирается на междисциплинарный подход, совмещающий философию, политологию, социологию и медиаисследования. В методологическом плане использованы качественный контент-анализ и кейс-анализ популярных игровых проектов («Cyberpunk 2077», «Metro: Exodus», «Counter-Strike 2», «Assassin's Creed: Unity», «Battlefield 1»). Такой выбор позволяет проследить влияние различных жанровых и нарративных моделей на восприятие власти, свободы, идентичности и морали. Теоретическую основу составляют идеи М. Фуко, философии техники и культурной герменевтики. Однако в работе отсутствует чёткое описание критериев отбора кейсов, а также не хватает эмпирических данных о восприятии игр самими

игроками (например, социологических опросов или интервью), что снижает убедительность выводов.

Актуальность исследования очевидна: видеоигры в XXI веке стали одной из ключевых форм культурного производства, влияющих на ценностные установки молодёжи и механизмы социальной коммуникации. В условиях цифровизации, распространения VR/AR-технологий и массовой вовлечённости в киберспорт видеоигры всё чаще рассматриваются как арена политической социализации и носитель идеологического содержания. Статья отвечает современному научному запросу на изучение новых медиа как инструментов формирования общественного сознания.

Научная новизна работы заключается в комплексном подходе: видеоигры анализируются не только с точки зрения нарратива или геймплея, но и как медиаплатформы, воспроизводящие дискурсы власти и формирующие коллективные идентичности. Автор поднимает вопрос о потенциале видеоигр как инструмента «мягкой силы» и культурной дипломатии. Существенным достоинством является включение как западных, так и отечественных философских и культурологических подходов, а также попытка рассмотреть игры в широком контексте социально-политических трансформаций. Статья написана в академическом стиле, текст логично структурирован: введение, теоретико-философская часть, анализ конкретных кейсов, обсуждение и заключение. Язык изложения достаточно ясный, местами насыщенный философскими категориями, что соответствует научному жанру. В то же время текст страдает от некоторой избыточности и повторов, особенно в рассуждениях о свободе воли и моральных дилеммах. Было бы полезно сократить избыточные пассажи и четче формулировать ключевые тезисы. Кроме того, в работе отсутствует отдельный раздел с чётким описанием методологии, что необходимо для академической строгости.

Список литературы обширен, включает как отечественные, так и зарубежные источники (на русском, английском и китайском языках). Однако есть определённая несбалансированность: часть ссылок сделана на популярные статьи и интернет-ресурсы, что снижает академический уровень. Следует расширить использование рецензируемых публикаций последних лет (2020–2025), особенно в англоязычном академическом поле (journals по game studies, media studies, political communication). Кроме того, оформление списка литературы требует унификации.

Автор обозначает исследовательский пробел (отсутствие целостного анализа видеоигр как политико-философского феномена) и аргументирует необходимость комплексного подхода. Однако полемика с существующими исследованиями остаётся недостаточно развернутой: отсутствует прямое сопоставление с трудами ведущих исследователей game studies (И. Богост, Э. Аарсет, Дж. Дженкинс, С. Мюррей и др.). Более активное обращение к оппонентам усилило бы научный вес статьи.

Выводы статьи соответствуют заявленным целям: показана значимость видеоигр как медиаплатформ политической социализации, культурной дипломатии и формирования идентичности. Работа представляет интерес для философов, политологов, культурологов и специалистов по медиа, а также для широкой аудитории, занимающейся исследованием цифровых практик. В то же время для научного журнала высокого уровня статья нуждается в уточнении методологии и более строгом эмпирическом обосновании.

Статья представляет собой значимое исследование на стыке философии, политологии и медиатеории, отличается актуальностью и интересными аналитическими наблюдениями. Однако для публикации необходима доработка.

Существенные замечания для доработки:

1. Чётче обозначить методологическую рамку: критерии отбора кейсов, методы анализа, источники эмпирических данных.

2. Сократить повторяющиеся фрагменты и более ясно сформулировать ключевые тезисы.
  3. Расширить полемику с существующими исследованиями в области game studies, опираясь на современные англоязычные публикации.
  4. Усилить эмпирическую составляющую (данные о восприятии игр пользователями, статистика, результаты исследований аудитории).
  5. Унифицировать и расширить список литературы, уделив больше внимания рецензируемым международным публикациям последних лет.
- После устранения указанных недостатков статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху» автором рассматриваются проблемы формирования политических представлений с помощью видеоконтента. Работа представляет собой исследование в области риторики и политической философии.

Цель работы заключается в выявлении роли видеоигр как медиума формирования мировоззрения, социальной идентичности и политических норм.

Объектом исследования выступают цифровые видеоигры как медиаплатформы, способные оказывать влияние на политическое и философское мышление современного пользователя. Предметом исследования является анализ механизмов политико-философского воздействия видеоигр на сознание и ценностные установки игроков.

Актуальность исследования заключается в том, что видеоигры всё чаще рассматриваются не как средство эскапизма, а как инструмент формирования социальных норм и идеологических установок.

Научная новизна исследования, по мнению автора, заключается в комплексном рассмотрении видеоигр как медиаплатформ политической социализации: от анализа сюжетных архитектур и игровых механик — к объяснению воспроизводства дискурсов власти, формирования коллективных идентичностей и потенциала игр как инструмента «мягкой силы».

В качестве методов используются качественный контент-анализ и кейс-анализ с тематическим (индуктивно-дедуктивным) кодированием.

Материалом для исследования послужил контент видеоигр «Cyberpunk 2077», «Metro: Exodus», «Counter-Strike 2», «Assassin's Creed: Unity», «Battlefield 1».

Работа состоит из введения, основной части, обсуждения, заключения и библиографии.

В основной части автор рассматривает следующие аспекты видеоигр:

- 1) Философскую трансформацию игр в цифровую эпоху
- 2) Социальное воздействие видеоигр на игроков и их философскую направленность, подчеркивая их роль как межпоколенческого и межкультурного медиума
- 3) Игровую свободу воли и ее значение для политической социализации.
- 4) Социальную конструкцию и групповую идентичность в видеоиграх

В обсуждении автор указывает на механизм создания политического сознания игроков: «правила, пространство и агентность совместно конструируют политические смыслы, выходя за пределы дихотомии «нарратив vs механика»».

В результате автор статьи приходит к следующим выводам: «цифровые видеоигры в условиях цифровизации выполняют функцию политической социализации на

медиаплатформах. Через выбор, ролевые сценарии и коллективные практики они формируют представления игроков о власти, морали и ответственности. Игровые пространства становятся аренами идеологического взаимодействия, в которых воспроизводятся и трансформируются структуры дискурса, ранее свойственные традиционным институтам. Это позволяет рассматривать видеоигры не только как культурный артефакт, но и как активный механизм формирования политической субъектности в цифровую эпоху».

Данные выводы подкреплены достаточным количеством проанализированных данных, что позволяет признать их достоверными.

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Таким образом, статья «Видеоигры как инструмент формирования политического восприятия в цифровую эпоху» является исследованием, открывающим новые перспективы в области изучения философии контента видеоигр и может быть рекомендована к публикации в журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Алтынбекова Б.А. Структурные типы адаптации существительных при киргизско-русском переключении кода //

Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75757 EDN: YQQLKL URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75757

Структурные типы адаптации существительных при киргизско-русском переключении кода

Алтынбекова Бегайым Алтынбековна

независимый исследователь

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

✉ altynbek0810@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75757

EDN:

YQQLKL

Дата направления статьи в редакцию:

04-09-2025

Дата публикации:

15-09-2025

Аннотация: В данной статье рассматривается киргизско-русское переключение кода, являющееся естественным и закономерным процессом в ситуации языковых контактов. Объектом исследования являются случаи переключения кода в текстах комментариев киргизов билингов к сериалу. Предметом исследования являются структурные типы адаптации русских существительных при киргизско-русском переключении кода. В рамках данного исследования понятие переключения кодов рассматривается в широком смысле, включающем в себя вкрапления, которые необходимо различать от заимствований. Также в статье затрагиваются понятия, смежные с переключением кодов: смешение кодов и интерференция, выделяются подходы к изучению переключения кодов: социолингвистический, психолингвистический и собственно лингвистический. Для выявления структурных особенностей вкраплений русского языка

в киргизской морфосинтаксической рамке был применён собственно лингвистический подход к изучению киргизско-русского переключения кода. Используется метод структурного анализа. При анализе вкраплений был использован подход К. Майерс-Скоттон, согласно которому вкрапления подразделяются на собственно вкрапления, голые формы, пиджинизированные вкрапления и острова гостевого языка. Научная новизна работы состоит в анализе степени адаптации вкраплений, выраженных существительными русского языка в киргизской морфосинтаксической рамке. В ходе анализа материала было выявлено, что наиболее способными к грамматической адаптации являются имена существительные, поскольку в обоих языках данная часть речи имеет соответствия грамматических категорий (падеж и число), позволяющих без препятствий интегрировать в принимающий киргизский язык русские вкрапления. На основе материала исследования было установлено, что вкрапления, репрезентированные существительными, могут подвергаться ограниченной, неполной и полной адаптации в матричном киргизском языке. Также было установлено, что внедрение типов вкраплений: голых форм, пиджинизированных вкраплений, вкраплений в морфосинтаксической рамке – являются формальными стратегиями включения единицы переключения кода в матричный язык. Эти стратегии связаны с механизмами адаптации единицы переключения кода к структуре матричного языка.

Ключевые слова:

билингвизм, киргизский язык, русский язык, переключение кодов, матричный язык, гостевой язык, морфосинтаксическая рамка, вкрапления, существительные, аффикс киргизского языка

Введение

В Кыргызской Республике доминирует киргизско-русский билингвизм на социальном и индивидуальном уровнях: 4 763 842 человека (82,03 %) от 7 лет и старше уверенно владеют русским языком [\[1\]](#), растёт количество школ с русским языком обучения, высшее образование в целом ведётся на русском языке. Но языковая политика государства со времён обретения суверенитета посредством различных языковых мер стремится к распространению государственного киргизского языка. Однако в языковых практиках киргизов всё ещё продолжается процесс перехода с киргизского языка на русский в обиходной речи или в текстах неофициального характера (личные переписки, комментарии). Данное явление в лингвистике именуется переключением кодов, которое возникает в результате билингвизма.

Переключение кодов является одной из основных проблем языковых контактов. Наряду с переключением кодов в языковых контактах выделяют смежные понятия: заимствования, смешение кодов и интерференция. Однако возникают сложности при разграничении переключения кодов и заимствований, переключения и смешения кодов.

В исследуемом материале преобладают единицы русского языка длиной в слово/словоформу. Возникает вопрос, отнести ли эти единицы к заимствованиям, вкраплениям или же к переключению кодов? Для решения данной проблемы можно обратиться к Словарю социолингвистических терминов, в котором вкрапление определяется следующим образом: «Использование языковой единицы с сохранением признаков (фонетических, грамматических), свидетельствующих о ее иносистемном характере (...). Использование иноязычных В. в речи отличается от заимствований,

адаптированных к системе данного языка и подчиняющихся его нормам, и от переключения кодов, при котором другой код (язык, диалект, стиль), выбранный говорящим, реализуется как системное явление с соответствующими лексическими, фонетическими, грамматическими и др. свойствами его элементов» [\[2, с. 37-38\]](#).

Таким образом, заимствованию, в отличие от вкрапления, свойственна адаптация, а переключение кодов, в отличие от вкрапления, характеризуется наличием системы морфосинтаксических маркеров гостевого языка. Однако анализ исследуемого материала показывает, что языковые единицы гостевого языка могут быть подвергнуты различной степени грамматической адаптации, что затрудняет разграничение данных явлений. Кроме того, лингвисты в своих исследованиях рассматривают иноязычные единицы длиной в слово/словоформу в принимающем языке в качестве переключения кодов [\[3, с.166; 4, с.77\]](#).

Проблеме разграничения переключения кодов и заимствований посвящены труды К. Майерс-Скоттон [\[5\]](#), С. Томасон [\[6\]](#), Дж. Трефферс-Даллер [\[7\]](#) и др.

Другой важной проблемой является разграничение переключения и смешения кодов. Большая часть исследований при разграничении этих двух явлений предлагает учитывать критерий мотивированности/немотивированности перехода на другой язык.

Так, в Словаре социолингвистических терминов переключение кодов определяется как:

«Переход с определенного языка или формы его существования (кода, субкода) на другой код, обусловленный изменением ролевых отношений между говорящими в процессе коммуникации. (...) П.к. всегда мотивировано желанием говорящего достичь максимально эффективного общения (...) Способность к П.к. свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком(ами) и его(их) подсистемами (...) Мотивированное П.к. следует отличать от заимствования языковых единиц, их вкрапления в речь, от смешения языкового кода, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки и является, как правило, результатом неполноценного владения языком(ами), формами его существования, стилями. Граница между этими явлениями не всегда определена» [\[2, с. 163-164\]](#).

Из определения следует, что переключение кодов возможно, если говорящий свободно владеет контактирующими языками и его переход на другой язык является мотивированным. Однако в самом определении отмечается тот факт, что не всегда можно провести чёткую грань между переключением и смешением кодов.

Проблемой переключения и смешения кодов занимались Л. Милрой, П. Мэйскен [\[8\]](#), К. Майерс-Скоттон [\[9\]](#), Л.В. Щерба [\[10\]](#), Л.П. Крысин [\[11\]](#) и др.

Третьей проблемой является различие переключения кодов и интерференции. В Словаре социолингвистических терминов даётся следующее определение:

«1. (шир.) Взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия; выражается в отклонениях от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных индивидов.

2. (узк.) Отклонения от нормы второго языка под влиянием родного в письменной и устной речи билингва» [\[2, с. 82\]](#).

Таким образом, под интерференцией имеется в виду скрытое использование

лингвистической структуры одного языка в другом языке, а под переключением кодов – мотивированный переход на другой язык. Разграничением переключения кодов и интерференции занимались Э. Хауген [\[12\]](#). Дж. Трефферс-Даллер [\[7\]](#), В.А. Виноградов [\[13\]](#) и др.

С учётом того, что при разграничении таких явлений, как переключение кодов, заимствования и вкрапления, возникают сложности, что подтверждает и анализ эмпирического материала, в данной статье переключение кодов будет рассматриваться в широком смысле. В рамках данного исследования предлагается следующее определение: «Переключение кодов – это попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта» [\[14, с. 123\]](#). Таким образом, переключение кодов включает в себя единицы разной длины: слово/словоформа, синтагма и предложение, а языковые единицы русского языка длиной в слово/словоформу определяются как вкрапления, частный вид переключения кодов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в языковых практиках киргизов билингов русские вкрапления, которые в данной статье рассматриваются как частный вид переключения кодов, являются неизбежной составляющей коммуникативного акта.

Объектом исследования являются случаи переключения кода в текстах комментариев киргизов билингов к сериалу.

Предметом исследования являются структурные типы адаптации русских существительных при киргизско-русском переключении кода.

Цель данного исследования заключается в изучении структурных типов адаптации русских существительных при киргизско-русском переключении кода, так как именно вкрапления представляют большую часть исследуемого материала.

Научная новизна работы состоит в анализе степени адаптации вкраплений, выраженных существительными русского языка в киргизской морфосинтаксической рамке.

Материалом исследования послужили тексты комментариев к популярному киргизскому сериалу. Объём исследуемого материала составляет 2 594 комментария (154 646 знаков). При использовании текстов комментариев в качестве примеров орфография и пунктуация автора сохранены. При переводе приведённых текстов комментариев была предпринята попытка максимально сохранить синтаксический порядок слов киргизского языка. В примерах, где дословный перевод мешает восприятию, даётся и смысловой перевод.

При изучении структурных особенностей киргизско-русского переключения кода, как и во многих других исследованиях подобного характера, была использована Рамочная модель матричного языка (the Matrix Language Frame Model) К. Майерс-Скоттон [\[15\]](#).

Согласно данной модели, выделяются следующие термины: матричный язык, гостевой язык, собственно вкрапление, голая форма, пиджинизированное вкрапление и остров гостевого языка.

Матричный язык – язык, задающий морфосинтаксическую рамку предложения или высказывания с переключением кодов, иными словами, матричный язык устанавливает порядок следования морфем в предложении. Гостевой язык – язык, служащий источником иноязычных единиц в матричном языке и подчиняющийся его правилам. В нашем случае матричным языком является киргизский, а гостевым – русский.

Основная часть

Так как в случае киргизско-русского переключения кода взаимодействуют флективный и агглютинативный языки, то и определения вкраплений были подвержены небольшой корректировке. Голая форма в данном исследовании имеет широкое значение: голая форма – слово гостевого языка в матричном языке, не обеспеченное грамматическими аффиксами, требуемыми принимающим языком; под голой формой также подразумеваются вкрапления из русского языка, неподверженные грамматической адаптации в киргизском языке в силу определённых обстоятельств, к примеру, неизменяемые части речи (наречия, предлоги, союзы и др.), или же имена существительные в позиции подлежащего предложения; пиджинизированное вкрапление – слово гостевого языка с максимально упрощённой грамматической формой (к примеру, *женский машина* - здесь окончание прилагательного воспринимается в единстве со словом, а не как флексия); вкрапление в морфосинтаксической рамке – слово/словоформа из гостевого языка, которые подчиняются правилам матричного языка; остров гостевого языка – словоформа или словосочетание гостевого языка, демонстрирующие в матричном языке действие грамматики гостевого языка в пределах своей небольшой структуры.

В данном исследовании преобладают голые формы, в которых не наблюдается грамматической адаптации в киргизском языке ввиду определённых обстоятельств (неизменяемые части речи или их синтаксическая позиция подлежащего)

Наиболее часто встречаемыми в исследовании являются голые формы, репрезентированные именами существительными, частицами и союзами. Так как в статье делается акцент на существительные, далее будет приведён пример голой формы, выраженной существительным:

1. ... **интерес** жоголуп кетти ошол каналга (... интерес пропал к этому каналу).

В примере 1 голая форма представлена именем существительным, не требующим в киргизской морфосинтаксической рамке системных морфем матричного языка. В обоих языках существительные в данных примерах должны использоваться в И.п., что связано с их синтаксической позицией в предложении – подлежащего.

Как было отмечено выше, понятие голая форма в статье рассматривается в широком смысле. Приведём пример голой формы, не обеспеченной грамматическими аффиксами, требуемыми принимающим киргизским языком:

2. Жок дегенде **подписка** басып коелук тугандар (Хотя бы подписку оформим, друзья).

В примере 2 голую форму подписка необходимо было использовать с киргизской системной морфемой **-ны** с грамматическим значением В.п. Причина неоформленности содержательной морфемы в приведённом примере может быть связана со стремлением к экономии речевых усилий. Также можно предположить, что неинтегрированность содержательных морфем может быть связана с тем, что в памяти людей подобные слова всплывают как функции и основные компоненты интернет-каналов, которые на канале представлены в начальной форме.

Другим типом вкрапления являются пиджинизированные вкрапления.

Пример:

3. Мунусунда **индийский** кино болуп кетти го кечке элестетип (В этот раз индийское кино

получилось, всё время мечтает).

В примере 3 пиджинизированное вкрапление представлено русским прилагательным, которое в киргизской морфосинтаксической рамке намеренно лишается категории рода, что связано с интерферирующим влиянием киргизского языка, не имеющим грамматической категории рода. В большинстве случаев русские прилагательные при киргизско-русском переключении кода используются в мужском роде, даже если заимствуется не само прилагательное, а словосочетание со связью согласование. Таким образом, флексия прилагательного воспринимается как основа слова, а не окончание.

Ещё одним типом вкраплений являются острова.

Пример острова гостевого языка:

4. *Канча мактасан да ошканы **ненавижу***(Сколько бы вы ни хвалили, Ошку ненавижу [прим.: О – мобильный оператор]).

В примере 4 остров представлен глаголом в личной форме. Исходя из анализа материала, можно сказать, что глаголы в личной форме используются для выражения сильных эмоций: радости, восхищения, досады.

Однако большой интерес в исследуемом материале вызывают вкрапления в морфосинтаксической рамке. Наибольшую часть вкраплений в морфосинтаксической рамке составляют имена существительные, которые в киргизском языке подвергаются различной степени грамматической адаптации. Адаптация вкраплений в морфосинтаксической рамке может быть ограниченной, неполной и полной.

Существительные в материале можно подразделить на оценочные (молодец, красавчик, бомба, пушка и др.) и неогеночные (реклама, коллега, указ и др.). Подразделение существительных на оценочные и неогеночные связано с тем, что они подвергаются различной степени адаптации. В исследовании выявлено 859 оценочных существительных, которые при грамматической адаптации в матричном языке подвергаются ограниченной трансформации. Иными словами, оценочные существительные могут принимать аффиксы притяжательности и аффиксы числа, но при этом они не подвергаются падежной адаптации. Примеры:

5. *Маанилуу соонун кинолор чыгып атат акыркы убакта **молодец-синер***(Отличные фильмы со смыслом выпускают в последнее время, молодцы вы).

6. ***Красавчик-тер** ийгилик силерге* (Красавчики, удачи вам).

В примере 5 к слову **молодец** прибавлен аффикс принадлежности **-синер**, который одновременно указывает на лицо и число: 2-ое лицо множественного числа. Комментаторы в своих текстах не оформляют оценочные существительные пунктуационно. А эти вкрапления нуждаются в пунктуационном оформлении. Формально пример 5 напоминает односоставное предложение – назывное, поскольку в качестве главного члена будет выступать существительное, но в киргизском языке одно словоформа может содержать и субъект и предикат [16, с.154], что и наблюдается в примере 5. В данном случае аффикс 2-го лица множественного числа **-синер** является подлежащим, а молодец – сказуемым.

В примере 6 к существительному *красавчик* присоединён аффикс множественного числа **-тер**.

Как видно из примеров 5 и 6, оценочные существительные должны быть оформлены как отдельное предложение, в котором они выступают в качестве главного члена предложения. Если оценочное существительное принимает только аффикс числа, как в примере 6, то предложение будет назывным, если же к оценочному существительному присоединяется аффикс 1-го или 2-го лица, как в примере 5, то предложение становится двусоставным, где одна словоформа заключает в себе признаки и подлежащего, и сказуемого.

Неоценочные существительные способны принимать различные аффиксы: падежей, числа, принадлежности, а в некоторых случаях происходит сочетание аффиксов.

Примеры:

А) аффикс принадлежности:

7. *Шуманын **поведения-сы** (аффикс 3-го лица ед.ч.) жагатко чиркин!* (Шумы поведение нравится, эх!).

В примере 7 вкрапление **поведения** принимает аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа **-сы**. В данном случае значение принадлежности выражается синтетическим путём. В случае, если вкрапление принимает только аффикс принадлежности, то такие вкрапления также выступают в качестве подлежащего предложения.

Б) аффикс множественного числа:

8. ***Мурашка-лар** чыгып аябай ойлондум...* (Аж мурашки пошли, сильно задумалась...).

В) аффиксы падежей:

аффикс притяжательного падежа (кимдин? эмнени?):

9. ... ***список-тун** аягына тушуруп салам деп коркутат коо* (... в конец списка грозит отправить).

аффикс дательного-направительного падежа (кимге? эмнеге?):

10. ***Последствия-га** жооп берем деген эч ким жок* (За последствия нет человека, который бы взял на себя ответственность) / (Нет человека, который бы взял на себя ответственность за последствия).

В примере 10 наблюдается неполная адаптация существительного **последствия-га**. По правилам киргизского языка сначала к слову должен быть присоединён аффикс множественного числа **-лар**, и только после этого аффикс дательного-направительного падежа **-га**.

аффикс винительного падежа (кимди? эмнени?):

11. ***Время-ны** кобурук кылып койгулачы сураныч* (Время увеличьте, пожалуйста).

аффикс местного падежа (кимде? эмнеде?):

12. ... *молодцы ушинтип атып элди кондургондон кийин этномедиа **приложения-да** сатчынар эле антпейле койгула ээ* (... молодцы, вот только после того, как приучите народ [прим.: к бесплатному доступу], в приложении Этномедиа начинаете продавать, не делайте так, ладно?)

аффикс исходного падежа (кимден? эмнеден?):

13. Бала секирген **дом-дон** (аффикс Исходн. п.) тартылган окшойт (дословно: Парень прыгнувший из дома снимали, кажется) / (Кажется, снимали в доме, откуда прыгнул парень).

Далее приводятся примеры, в которых наблюдается сочетание аффиксов:

аффикс притяжательности+аффикс падежа:

14. ...**мнения-нар-ды** жазгылачы (... мнение ваше напишите).

В примере 14 вкрапление **мнение** интенрируется в киргизское предложение при помощи аффикса принадлежности 2-го лица мн.ч. **-нар** и аффикса В.п. **-ды**. Также нужно отметить, что у русских существительных на **-ие** при интеграции в киргизскую морфосинтаксическую рамку наблюдается тенденция замены **-е** на **-я** (такой процесс происходит и в примерах 7, 10 и 12).

аффикс числа+аффикс падежа:

15. ... турмушта болуп аткан боло турган **момент-тер-ди** чагылдырыпсыздар (... в жизни происходящие моменты передали).

В примере 15 вкрапление **момент** принимает аффикс мн.ч. **-тер** и аффикс В.п. **-ди**.

Особенность именительного падежа в киргизском языке заключается в способности сочетаться с послелогоми:

16. Даже рекламасын да **удовольствие** менен коро турган кылып чыгарыпсынар (Даже рекламу с удовольствием смотреть можно сняли) / (Сняли так, что даже рекламу с удовольствием можно смотреть).

В примере 16 в киргизскую морфосинтаксическую рамку включается три вкрапления из русского языка, причём они следуют друг за другом: *даже рекламасын да удовольствие*. Вкрапления существительные подвергаются грамматической адаптации: реклама принимает аффикс принадлежности 3-го лица ед.ч. **-сы** и аффикс падежа притяжательного падежа **-н**, а **удовольствие** используется с послелогом **менен**. Первое существительное интегрируется синтетическим путём, а второе – аналитическим.

Также нужно отметить, что при интеграции вкраплений в киргизскую морфосинтаксическую рамку происходит морфо-фонетический процесс адаптации русских существительных. В киргизском языке аффиксы множественного числа и аффиксы падежей имеют фонетические вариации. К примеру, множественное число существительных выражается следующими аффиксами: **-лар/-лер, -лор/-лөр, -дар/-дер/-дор/-дөр, -тар/-тер**. Выбор варианта аффикса числа зависит от конечной буквы слова. Если это глухая согласная, то присоединяется аффикс **-тар/-тер**, если основа слова заканчивается на звонкую согласную, то прикрепляется аффикс **-дар/-дер/-дор/-дөр**, если же основа слова заканчивается на гласную, то выбирается аффикс **-лар/-лер-лор/-лөр**. А выбор гласной в аффиксе числа связан с сингармонизмом: если в слове несколько слогов, то гласная последнего слога определяет гласные в прикрепляемых аффиксах. Если это гласная переднего ряда, то и в аффиксах числа и падежа будут гласные переднего ряда, если же это гласная заднего ряда, то и в аффиксах должна быть гласная заднего ряда.

Пример с морфо-фонетической адаптацией вкраплений:

момент-тер-ди (аффикс числа **-тер** + аффикс В.п. **-ди**) *чагылдырыпсыздар...* (... моменты показали...).

Слово **момент** заканчивается на глухую согласную, поэтому аффикс числа **-тер** начинается с глухой согласной. Гласная последнего слога является гласной переднего ряда, поэтому в аффиксах числа и падежа используются гласные переднего ряда.

Выводы

Анализируя киргизско-русское переключение кода на уровне языковой структуры при помощи Рамочной модели матричного языка К. Майерс-Скоттон, можно сказать, что типы вкраплений являются формальными стратегиями включения единицы переключения кода в принимающий язык. Формальные стратегии связаны с механизмами адаптации единицы переключения кода к структуре матричного языка. В исследовании выделяются следующие формальные стратегии адаптации вкраплений: голые формы, пиджинизированные вкрапления, вкрапления в морфосинтаксической рамке. Что касается островов, то они могут выражаться как словоформой, так и словосочетанием, поэтому остров не всегда является формальной стратегией адаптации языковых единиц.

Преобладание голых форм в исследовании можно объяснить тем, что они представлены неизменяемыми частями речи: наречиями, союзами, частицами, а также вводными словами, обращениями и междометиями. Также существительные могут выступать в качестве голых форм, при этом в принимающем языке они выступают только в качестве подлежащего. Вкрапления в морфосинтаксической рамке уступают голым формам в силу того, что грамматической адаптации при киргизско-русском переключении кода могут быть подвергнуты только определённые знаменательные части речи, в исследуемом материале такой частью речи выступают существительные. Это обусловлено тем, что в обоих языках имена существительные имеют одни и те же грамматические категории (числа и падежа), позволяющие легко адаптировать иноязычные единицы в матричном киргизском языке. Но вместе с тем необходимо отметить, что оценочные существительные подвергаются только частичной адаптации: принимают аффиксы притяжательности и числа, но не падежа, что также связано с их синтаксической функцией в предложении: оценочные существительные выступают только в качестве главных членов предложения. Неоценочные существительные-вкрапления подвергаются неполной или полной грамматической ассимиляции, и они могут выступать как в качестве главных, так и второстепенных членов предложения. При адаптации вкраплений необходимо учитывать и морфо-фонетический процесс ассимиляции русских существительных в принимающем киргизском языке.

Библиография

1. Sputnik Кыргызстан [Новостной сайт Sputnik Кыргызстан]: [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20230929/uroven-znaniya-kyrgyzskogo-russkogo-yazykov-regionah-kr-1079010702.html> (дата обращения: 23.08.2025).
2. Михальченко В. Ю. Словарь социолингвистических терминов. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 312 с. EDN: RVZDGH.
3. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Структурные типы внутрифразовых переключений кодов в речи трехлетних билингвальных детей // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 6 (93). – С. 160-171. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-14 EDN: IBPAIN.
4. Папинова Ж. Б. Лингвоструктурные характеристики переключения кодов в спонтанной речи бурят-билингвов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – Вып. 6. – С. 75-80. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-6-75-80 EDN: ZTHOLD.

5. Myers-Scotton C. Duelling languages: grammatical structure in code-switching. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 286 p.
6. Thomason S. Language contact: an introduction. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2001. – 312 p.
7. Treffers-Daller J. Mixing two languages: French-Dutch contact in a comparative perspective. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
8. Milroy L. One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching. – New York, 1995. – 365 p.
9. Myers-Scotton C. Duelling languages: grammatical structure in code-switching. – Oxford: Clarendon Press, 1993a. – 304 p.
10. Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.
11. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.
12. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. – М., 1972. – С. 61-80.
13. Виноградов В. А. Интерференция / В. А. Виноградов // Большой энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 197 с.
14. Проценко Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 123-127. EDN: PIJLBF.
15. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.
16. Абдулдаев Э. А. и др. Грамматика киргизского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. – Фрунзе: Илим, 1987. – 399 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье "Структурные типы адаптации существительных при киргизско-русском переключении кода" рассматриваются проблемы социолингвистики в области грамматики языковых контактов.

Цель данного исследования заключается в изучении структурных типов адаптации русских существительных при киргизско-русском переключении кода, так как именно вкрапления представляют большую часть исследуемого материала.

Материалом исследования послужили тексты комментариев к популярному киргизскому сериалу. Объем исследуемого материала составляет 2 594 комментария (154 646 знаков).

В качестве метода была использована Рамочная модель матричного языка (the Matrix Language Frame Model) К. Майерс-Скоттон.

Работа хорошо структурирована и состоит из введения, основной части, выводов и библиографии.

В основной части автор последовательно анализирует и комментирует процессы в большом количестве отобранного материала.

В качестве объекта для анализа выступают следующие компоненты: грамматические трансформации с послелогам или их отсутствием, синтаксические приемы адаптации русской лексики (синтетические и аналитические), фонетические адаптации, связанные с глухостью/звонкостью согласных на морфемном шве и сингармонизмом рамочного

языка.

В заключении автор приходит к выводу о том, что «В исследовании выделяются следующие формальные стратегии адаптации вкраплений: голые формы, пиджинизированные вкрапления, вкрапления в морфосинтаксической рамке. Что касается островов, то они могут выражаться как словоформой, так и словосочетанием, поэтому остров не всегда является формальной стратегией адаптации языковых единиц. Преобладание голых форм в исследовании можно объяснить тем, что они представлены неизменяемыми частями речи: наречиями, союзами, частицами, а также вводными словами, обращениями и междометиями. Также существительные могут выступать в качестве голых форм, при этом в принимающем языке они выступают только в качестве подлежащего. Вкрапления в морфосинтаксической рамке уступают голым формам в силу того, что грамматической адаптации при киргизско-русском переключении кода могут быть подвергнуты только определённые знаменательные части речи, в исследуемом материале такой частью речи выступают существительные. Это обусловлено тем, что в обоих языках имена существительные имеют одни и те же грамматические категории (числа и падежа), позволяющие легко адаптировать иноязычные единицы в матричном киргизском языке. Но вместе с тем необходимо отметить, что оценочные существительные подвергаются только частичной адаптации: принимают аффиксы притяжательности и числа, но не падежа, что также связано с их синтаксической функцией в предложении: оценочные существительные выступают только в качестве главных членов предложения. Неоценочные существительные-вкрапления подвергаются неполной или полной грамматической ассимиляции, и они могут выступать как в качестве главных, так и второстепенных членов предложения. При адаптации вкраплений необходимо учитывать и морфо-фонетический процесс ассимиляции русских существительных в принимающем киргизском языке».

Учитывая объем исследованных материалов, можно признать данные выводы достоверными.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных источников.

Стиль работы соответствует критериям научного и не содержит существенных недостатков.

Однако, в работе существуют небольшие недостатки в структуре.

Так, не описаны актуальность и новизна исследования, предмет и объект исследования.

Статья «Структурные типы адаптации существительных при киргизско-русском переключении кода» является исследованием, открывающим новые перспективы в области исследования языковых контактов и переключения кодов, но на данном этапе она не может быть рекомендована к публикации в журнале Litera без устранения вышеуказанных недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос, который рассматривается в рецензируемой работе, актуален, научно оправдан, по-своему конструктивен. Автор обращает внимание на процесс т.н. переключения кодов в практике языкового контакта: «переключение кодов – это попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта», «в языковых контактах наряду с переключением кодов выделяют смежные понятия, которые необходимо дифференцировать: смешение кодов, заимствования и

интерференция». На мой взгляд, данная тема интересна в режиме вообще объективной оценки естественных языков [развитие, становление], да и практики [узус] использования языка в различных ситуациях общения. Следовательно, данный вопрос соотносится с одной из рубрик издания, однако, качество данного материала можно оценить лишь удовлетворительно. Работа не имеет четкой, логически выверенной структуры [текст «для чего-то» дробится на пункты ... 1. 2. 3. и т.д.]. Автору необходимо объединить текст в единый массив, при этом дифференциация на т.н. смысловые блоки – введение, методология, основная часть, заключение уместна. Именно в таком варианте статья примет правильный научный вид. Отмечу, что в тексте встречаются опечатки, стилистические неточности, которые явно нужно устранить: например, «при включении в речь/предложение на одном языке единицу из другого языка, длиной в слово/словоформу, возникает вопрос о разграничении переключения кодов и заимствований» и т.д. Встречаются по ходу работы и части со сжатым смыслом, желательно эти блоки расширить / уточнить: например, «4. Переключение кодов и смешение кодов. Одни учёные рассматривают их как синонимичные понятия, другие смешение кодов определяют, как частный вид переключения кодов. Проблемой переключения и смешения кодов занимались Л. Милрой, П. Мэйскен [6], К. Майерс-Скоттон [7] и др.» и т.д. Целевой ориентир понятен, новизна обозначена: «цель исследования заключается в изучении структурных типов адаптации русских существительных при киргизско-русском переключении кода, так как именно вкрапления представляют большую часть исследуемого материала», научная новизна работы «состоит в анализе степени адаптации вкраплений, выраженных существительными русского языка в киргизской морфосинтаксической рамке». Считаю, что языкового материала достаточно, фактические данные могут быть полезны для новых научных изысканий: «объём исследуемого материала составляет 2 594 комментария (154 646 знаков). При использовании текстов комментариев в качестве примеров орфография и пунктуация автора сохранены. При переводе приведённых текстов комментариев была предпринята попытка максимально сохранить синтаксический порядок слов киргизского языка. В примерах, где дословный перевод мешает восприятию, даётся и смысловой перевод». Думаю, что и сноски нуждаются в верификации, правильном оформлении [некоей конкретики]: «...» [2, стр. 345]. Частотны по тексту все же вот такие вариации: «для установления мотивов и причин переключению кодов с точки зрения социолингвистического контекста употребления языков Дж. Гамперц и Я.-П. Блум [10] предлагают социолингвистический подход. Для того, чтобы установить, какие аспекты языковой способности билингвов позволяют им переходить с одного языка на другой, К. Беккер [11], Ж. Макнамара [12] предлагают психолингвистический подход». Аналитический уровень работы хороший, стремление к комментарию дает основание предполагать, что автор заинтересован предметом исследования: например, «в примере 2 голую форму подписка необходимо было использовать с киргизской системной морфемой -ны с грамматическим значением В.п. Причина неоформленности содержательной морфемы в приведённом примере может быть связана со стремлением к экономии речевых усилий. Также можно предположить, что неинтегрированность содержательных морфем может быть связана с тем, что в памяти людей подобные слова всплывают как функции и основные компоненты интернет-каналов, которые на канале представлены в начальной форме» и т.д. Примеры по ходу разнвариантны / ситуативны, что можно оценить положительно: например, «12. ... молодцы ушинтип атып элди кондургондон кийин этномедиа приложения-да сатчынар эле антпейле койгула ээ (... молодцы, вот только после того, как приучите народ [прим.: к бесплатному доступу], в приложении Этномедиа начинаете продавать, не делайте так, ладно?); аффикс исходного падежа (кимден? эмнеден?): 13. Бала секирген дом-дон (аффикс Исходн. п.)

тартылган окшойт (дословно: Парень прыгнувший из дома снимали, кажется) / (Кажется, снимали в доме, откуда прыгнул парень)» и т.д. При в целом положительной оценке работы, автору не удастся сформировать т.н. конструктивный диалог с оппонентами, ибо нет правильных сносок и цитаций; считаю, что этот момент нужно исправить, нужно «утяжелить» работы ссылками на работе смежной тематической направленности в режиме конструктивной критики. Выводы соотносятся с базовой частью, итог как таковой подведен. Список источников можно поправить, привести описания в единый формальный режим, желательно включить и работы не иностранного происхождения, «открытый» перекося фактически не оправдан. После внесения правки, доработки статья «Структурные типы адаптации существительных при киргизско-русском переключении кода» может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают структурные типы адаптации русских существительных при киргизско-русском переключении кода. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена возрастающим интересом лингвистов к одной из основных проблем языковых контактов, к феномену переключения кодов, который возникает в билингвальной среде («в языковых практиках киргизов билингвов русские вкрапления являются неизбежной составляющей коммуникативного акта»). Отмечается, что «наряду с переключением кодов в языковых контактах выделяют смежные понятия: заимствования, смешение кодов и интерференция», однако «возникают сложности при разграничении переключения кодов и заимствований, переключения и смешения кодов».

Теоретической основой исследования явились труды российских и зарубежных ученых, посвященные вопросам социолингвистики; языковым контактам; смешению языков; лингвоструктурным характеристикам переключения кодов; проблеме разграничения переключения кодов и заимствований и др. Библиография насчитывает 16 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако в работе отсутствует глубокий анализ данных источников, в большей части обзор литературы сводится к определению ключевых направлений и перечислению авторов (см «Проблеме разграничения переключения кодов и заимствований посвящены труды К. Майерс-Скоттон [5], С. Томасон [6], Дж. Трефферс-Даллер [7] и др.»; «Проблемой переключения и смешения кодов занимались Л. Милрой, П. Мэйскен [8], К. Майерс-Скоттон [9], Л. В. Щерба [10], Л. П. Крысин [11] и др.», «Разграничением переключения кодов и интерференции занимались Э. Хауген [12]. Дж. Трефферс-Даллер [7], В. А. Виноградов [13] и др.»). В дальнейшем рекомендуем автору(ам) проводить более подробный анализ научных источников, сопровождать обзор авторскими комментариями. Также автор(ы) не апеллируют к научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ отобранного материала, метод системного анализа,

контекстуальный и лингвокультурологический анализы, структурно-семантический метод и др. При изучении структурных особенностей киргизско-русского переключения кода использована Рамочная модель матричного языка (the Matrix Language Frame Model) К. Майерс-Скоттон. Эмпирической базой послужили тексты комментариев к популярному киргизскому сериалу. Объем исследуемого материала составляет 2 594 комментария (154 646 знаков).

В ходе исследования уточнено определение понятия вкрапления («так как в случае киргизско-русского переключения кода взаимодействуют флективный и агглютинативный языки»); подробно рассмотрены формальные стратегии включения единиц переключения кода в принимающий язык (голая форма, пиджинизированные вкрапления, вкрапления в морфосинтаксической рамке) и острова гостевого языка («они могут выражаться как словоформой, так и словосочетанием, поэтому не всегда являются формальной стратегией адаптации языковых единиц») и др. Обосновано преобладание голых форм над вкраплениями в морфосинтаксической рамке («грамматической адаптации при киргизско-русском переключении кода могут быть подвергнуты только определённые знаменательные части речи, в исследуемом материале такой частью речи выступают существительные»). В заключении обобщены выводы. Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в такие разделы знания, как языковые контакты, языковая интерференция, билингвизм, переключение и смешение кодов и др. Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер.

Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Максимова А.М. Трансформация заголовков в сетевых СМИ под влиянием каналов дистрибуции контента // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75581 EDN: ZJCSXQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75581

Трансформация заголовков в сетевых СМИ под влиянием каналов дистрибуции контента

Максимова Альбина Муратжановна

ORCID: 0009-0000-1562-7103

кандидат филологических наук

доцент; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

455038, Россия, Челябинская обл., г. Магнитогорск, Правобережный р-н, ул. Сталеваров, д. 15/3, кв. 78

✉ yusupova88@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75581

EDN:

ZJCSXQ

Дата направления статьи в редакцию:

20-08-2025

Дата публикации:

18-09-2025

Аннотация: Современная журналистика находится в состоянии глубокой трансформации, определенной, в первую очередь, развитием современных технологий создания (искусственный интеллект) и дистрибуции контента (социальные сети, мессенджеры). При этом меняется не только содержание журналистского творчества, но и формы воплощения медиапродуктов. Мы наблюдаем становление новой жанровой системы в СМИ, демонстрирующей изменение традиционных подходов к созданию элементов текста. Предметом исследования является заглавие как компонент журналистского материала. Сегодня заголовок создается не только с целью привлечь внимание читателя и аккумулировать важное содержание или идею текста, но и с учетом

технических особенностей распространения контента в Интернете. В статье рассматривается влияние каналов дистрибуции контента на построение заголовков с целью зафиксировать еще одно, относительно новое условие при формулировании заголовков в Интернет-СМИ. Эмпирической базой исследования послужили региональное и городское интернет-агентства Ura.ru и «Верстов.Инфо». Заголовки текстов указанных СМИ изучались методом качественного контент-анализа. В результате исследования автор приходит к выводу, что роль заголовка особенно возрастает в условиях беспрецедентной конкуренции за внимание читателя. В попытке привлечь внимание адресата СМИ трансформируют семантику, синтактику и способы оформления заголовка. В области семантики наблюдается жесткая, подчас на грани фола, языковая игра, использование слов-маркеров "сенсация", "эксклюзив", "скандал" и проч. В области верстки активно используются двусоставные заголовки-бирки, «ушки», заголовочный комплекс с иллюстрациями (например, фото автора). Сетевые издания при формулировании заголовков вынуждены учитывать влияние каналов дистрибуции контента. Последние во многом определяют формулировки заголовков сетевых СМИ, подчас вопреки профессиональным стандартам. При создании заголовка сохраняется общий тренд на привлечение и удержание внимания аудитории. При этом отмечается стремление к формализации: заголовки часто искусственно подгоняются под структуру, необходимую для успешной дистрибуции контента, что таит в себе определенные риски – стандартизация контента сетевых СМИ, отказ от традиционных принципов заголовка, таких, как информативность и лаконичность, сознательное допущение фактической неточности и эффект обманутого ожидания у читателя.

Ключевые слова:

журналистика, интернет-СМИ, дистрибуция контента, seo, агрегатор новостей, адресная аудитория, заголовок, массмедиа, текст, новостная повестка

Введение

Заголовок исторически является неотъемлемой частью публицистического текста. На заре становления печатной журналистики, роль заголовка заключалась не только в том, чтобы кратко резюмировать содержание текста. Заголовок был частью оформительской системы — в частности, участвовал в формировании визуальной иерархии на газетной полосе, помогал отделять одно сообщение от другого.

Однако ситуация меняется. Развитие Интернета привело к появлению новых типов медиа, в некоторых из них, например, в новостных телеграм-каналах, заголовок отсутствует вовсе. Однако в сетевых изданиях заголовок по-прежнему используется, более того, его функционал выходит далеко за пределы краткого резюмирования содержания текста.

Заголовок в рамках признанной в отечественной лингвистической концепции И.Р. Гальперина признается обязательным элементом текста. Издательский словарь-справочник определяет заголовок как название внутреннего подраздела произведения (главы, параграфа, части, раздела) или издания (раздела, части, элементов аппарата); название структурной части рубрики вспомогательного указателя, обозначающей объект поиска; название, определяющее номер и тему таблицы, содержание ее строк и граф [\[1\]](#).

Но рассматриваемый с точки зрения содержания заголовок в публицистическом тексте

наделяется более широким набором функций. Т.А. Ван Дейк полагает, что заголовки формируют «резюме» газетных публикаций [2]. Расположение в инициальной позиции возлагает на него важнейшую роль репрезентанта текста: «Заголовок занимает стилистически сильную позицию, называет текст и даёт первоначальную информацию о нём», – отмечает Л.А. Манькова [3]. В заголовке публицистического текста заключена основная мысль автора, содержание новости, суть события.

Эта функция заголовочного комплекса приобретает особую важность в сложившейся практике медиапотребления. Современные СМИ имеют дело с читателями-сканерами: информационное изобилие и дефицит времени приводят к тому, что знакомство с содержанием номера газеты или ленты сетевого СМИ превращается в чтение заголовков. «Мы работаем в ситуации, когда для большинства аудитории, которая не имеет устойчивого мотива штудировать издание от корки до корки, все содержание номера – это фотографии и заголовки, а многие тексты даже не читаются», – отмечает Д. Сурнин [4]. На этом фоне процесс озаглавливания текста приобретает особую значимость.

Помимо информирующей и репрезентативной функций, заголовок выполняет функцию воздействия (волюнтативную). Так, Е. Ифантиду полагает, что единственная функция заголовков – привлечение внимания, именно поэтому заголовки часто не отображают содержание материалов, которым предшествуют [5]. Поскольку основная задача заголовка – привлечь и удержать внимание читателя, в них частотно используются различные средства выразительности: прецедентные феномены, метафоры, сравнения, элементы языковой игры.

«Использование прецедентных феноменов в заголовках статей способствует формированию у читателя определенных представлений, ассоциаций, с помощью которых автор оказывает определенное воздействие, влияет на эмоциональное состояние читателя. Для того, чтобы кратко и четко передать основное содержание статьи в газетном заголовке, автор использует отсылки к прецедентным текстам (в неизменном виде или трансформированном) как наиболее узнаваемые читателем. Это делает материал статьи ярче и доступнее», – полагает Т.Л. Коннова. [6]

Во-вторых, через призму заголовка читатель воспринимает следующий за ним текст. Оценка, выраженная эксплицитно или имплицитно в заголовке, сопровождает читателя на протяжении всего процесса восприятия текста.

Так, интересное исследование механизма влияния заголовков на эмоциональное состояние читателей предлагают в своей работе М. Мусулиду, Л.Такситари и А. Христодулу. [7]

«Заголовки сами по себе, без полного контекста статьи, могут оказывать глубокое влияние на эмоциональное состояние. Эти результаты важны, учитывая, что постоянное чтение новостей с негативной окраской может отрицательно сказаться на благополучии людей», – отмечают авторы исследования.

Немалое значение имеют и формальные характеристики: заголовок в газете или ленте сетевого СМИ оформляется отличным от основного текста образом (используются увеличенный интерлиньяж, отступ от основного текста, кегли и особое начертание графем). В попытке привлечь внимание адресата печатные СМИ трансформируют семантику, синтактику и способы оформления заголовка на газетной полосе. Подробное исследование заголовков с точки зрения их грамматической и семантической структуры

предприняла Л. Бедржихова в работе «Заголовки и подзаголовки в газетных репортажах» [\[8\]](#).

В области семантики, мы наблюдаем жесткую, подчас на грани фола, языковую игру, использование слов-маркеров сенсация, эксклюзив, скандал и проч. В области верстки, активно используются двусоставные заголовки-бирки, «ушки», заголовочный комплекс с иллюстрациями (например, фото автора).

Особая позиция на полосе, специфические средства и особые правила оформления позволяют некоторым специалистам признавать заголовки отдельным жанром публицистики. Так, В.Г. Костомаров рассматривал газетные заголовки как «особый жанр публицистической речи», усматривая их специфику в «рекламной» функции [\[9\]](#).

Когда же речь идет о сетевых СМИ, на процесс создания заголовков влияют не только характеристики современного субъекта коммуникации (читателя) и условия, в которых он знакомится с публицистическим текстом. В этом случае на заголовки оказывают влияние и каналы дистрибуции контента. Нами предпринята попытка оценить степень этого влияния.

Методика исследования

Эмпирической базой исследования послужили региональное и городское интернет-агентства Ura.ru и «Верстов.Инфо». Было проанализировано более 100 публикаций, размещенных в период с 1 января 2025 года по 1 июня 2025 года.

Методология исследования носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод контекстуального и дискурсивного анализа, а также функционально-семантический анализ и методы классификации отобранных единиц, лингвистического описания и комментирования.

Автор ставил перед собой следующие задачи: 1) Отобрать и проанализировать корпус публикаций, заголовки которых явно создаются под требования дистрибуции контента. 2) Выявить основные маркеры, которые используются в таких заголовках.

Обсуждение результатов исследования

Сетевые издания при формулировании заголовков используют все «достижения» периодической печати, однако идут по другому пути.

«Градация функций заголовков в сетевых СМИ несколько иная. Так, графически-выделительная функция утрачивает свои позиции... Номинативная функция уступает место информативной, оценочно-экспрессивной и рекламной», — отмечает Д.С. Ищенко. [\[10\]](#)

Помимо этого, авторы в сетевых СМИ вынуждены учитывать влияние каналов дистрибуции контента. Последние во многом определяют формулировки заголовков сетевых СМИ, подчас вопреки профессиональным стандартам и требованиям здравого смысла.

На заре становления Интернета и сетевых СМИ большую часть трафика издания получали посредством прямых заходов на сайт: постоянные читатели добавляли сайт СМИ в закладки или делали его стартовой страницей браузера и с определенной периодичностью посещали ресурс. Однако теперь ситуация изменилась: основную массу

посетителей обеспечивают переходы из поисковых систем и социальных сетей. Так, магнитогорское информационное агентство «Верстов.Инфо» более 50 % трафика получает из поисковых сетей, 30 % – это прямые заходы, 14 % – переходы из социальных сетей.

К трафику из поисковых систем относятся как результаты поисковой выдачи по запросу, например «новости Магнитогорска», так и переходы из новостных агрегаторов типа «Яндекс новости».

Оба источника ставят перед собой задачу SEO-оптимизации текстов новости вообще и заголовков в частности. Именно с требованиями SEO связано обязательное использование в заголовках сетевых СМИ геолокации: Магнитогорск, магнитогорский, Челябинск, челябинский и так далее.

Иногда это приводит к созданию громоздких, сложных для читательского восприятия конструкций. Так, в Магнитогорске, для которого ПАО «ММК» является ключевым предприятием, вполне устоявшимися и понятными для аудитории обозначениями компании являются как аббревиатура – «ММК», так и просто «комбинат». Использование этих компонентов в заголовке, с одной стороны, удовлетворяет требованию лаконичности, с другой – будет однозначно истолковано аудиторией: в Магнитогорске слово комбинат всегда ассоциируется именно с ММК. Однако с учетом требований SEO – обязательное использование геолокации – журналисты вынуждены сооружать конструкции вроде «магнитогорский меткомбинат» [\[11 - 13\]](#), «магнитогорский вуз» [\[14, 15\]](#) и проч.

С обязательным требованием использования в заголовке геолокации связано и некорректное использование топонимики типа «под Магнитогорском», «в челябинском поселке», «челябинский Магнитогорск». Зачастую в новости, в заголовке которой фигурирует сочетание «под Магнитогорском» [\[16\]](#), речь идет о населенном пункте, расположенном от города на расстоянии 100+ км, а «челябинский поселок» [\[17\]](#) – это не поселок в пределах областного центра, как можно подумать, а любой населенный пункт в Челябинской области.

С необходимостью выделяться на «витрине» агрегатора новостей связана такая особенность заголовков сетевых СМИ как наличие дополнительной части заголовка, типа «Видео», «Скрин», «Документ».

Ресурс «Яндекс новости» аккумулирует на своей площадке свежие новости на текущий момент. Робот агрегатора с определенной периодичностью посещает сайты индексируемых сетевых СМИ и публикует ссылки на них на своей «витрине». Новости при этом выглядят так: Заголовок + ссылка на сайт-источник. Однако конкуренция такова, что одновременно по одному и тому же поводу публикуется множество материалов на разных ресурсах, поэтому агрегатор объединяет их в сюжет, заголовок которому дает самая популярная новость. С большей долей вероятности на нее и перейдет посетитель.

В рамках сложившейся ситуации для сетевых изданий одна из важнейших задач – возглавить сюжет «Яндекса». Сделать это непросто, и в заголовках сетевых СМИ появляются маркеры «Фото», «Видео», «Скрин» [\[18, 19\]](#) в качестве дополнительной мотивации для пользователя кликнуть именно по этому заголовку. Иногда такие конструкции создают у пользователя эффект обманутого ожидания, на который журналисты идут сознательно – в погоне за трафиком. Типичным примером может служить заголовок новости «В Челябинской области из-за утечки газа произошёл взрыв

в магазине. Видео»: заголовок вполне недвусмысленно настраивает читателя на восприятия видеоряда – он ожидает увидеть момент. Однако при переходе выясняется, что к новости прикреплено видео иного содержания – момент следственных действий постфактум, что уже не так интересно.

Со стремлением задержаться на «витрине» новостного агрегатора связана и эксплуатация одних и тех же тем.

«Особый интерес у агентств вызывают те новостные сюжеты, которые уже проиндексированы поисковыми системами. Применяются следующие методы использования уже существующей новости: 1) сделать рерайт с первоисточника; 2) оптимизировать заголовок и лид для поисковых систем с использованием ключевых слов; 3) ввести в новость новый поворот (мнение эксперта, реакцию одной из сторон конфликта), добавить комментарий официальных лиц либо мнение интересного спикера, которое, как правило, появляется в соцсетях», — отмечают О.Н. Володченко и Ю.В. Шелковенко [\[20\]](#). Для читателя это оборачивается искусственно созданной повесткой дня.

Еще один распространенный тип заголовка в сетевых СМИ – заголовок, содержащий вопрос. Этот приём противоречит основному принципу заголовка в традиционной журналистике – давать представление о содержательной основе текста (формирование пропозиции). Тип заголовка-вопроса обусловлен спецификой другого канала дистрибуции контента – социальных сетей.

Сегодня у каждого сетевого СМИ есть группа в социальной сети и/или канал в мессенджере, при этом многие интернет-ресурсы до сих пор не рассматривают их как отдельную площадку и не диверсифицируют контент. Основная задача группы – вынудить пользователя перейти из социальной сети на сайт СМИ. Если заголовок новости будет содержать суть новости, у пользователя не возникнет необходимости переходить по ссылке, поскольку минимальную информацию он получит из заголовка. Именно поэтому заголовок новости о грядущем потеплении не содержит дат, он сформулирован как интригующий заголовок-вопрос, упакованный в придаточную конструкцию: «Синоптики рассказали, когда в Челябинск и Магнитогорск придёт весна. Скрин» [\[21\]](#). В заголовке новости про результаты программы по озеленению Магнитогорска также не содержится цифр и фактов: «В мэрии Магнитогорска рассказали, сколько деревьев и кустарника высадили за год» [\[22\]](#).

Это можно считать более цивилизованной разновидностью кликбейта. По классификации, предложенной О.В. Лутовиновой, их можно отнести к кликбейтам четвертого типа:

«Кликбейты четвертого вида связаны с содержанием статьи, в которой действительно представлена информация, проанонсированная кликбейтным заголовком, однако сам кликбейтный заголовок создается таким образом, чтоб читатель, переходящий по ссылке, ожидал от статьи совсем другого, чем то, о чем в ней говорится на самом деле. В отличие от очевидных (явных) кликбейтов, имеющих сенсационную составляющую, скрытые (неявные) кликбейты с первого взгляда выглядят обычными заголовками, и только после прочтения статьи становится понятно, что на самом деле заголовок манипулировал вниманием и любопытством читателей» [\[23\]](#).

Выводы

Попытка оценить перспективы дальнейшего развития наметившейся тенденции позволяет

заклучить, что заголовки в современных сетевых СМИ всё ещё опираются на традиции печатной журналистики, но на наших глазах приобретают собственную специфику. При формулировании заголовка сохраняется общий тренд на привлечение и удержание внимания аудитории. При этом отмечается стремление к формализации: заголовки часто искусственно подгоняются под структуру, необходимую для успешной дистрибуции контента, что таит в себе определенные риски – стандартизация контента сетевых СМИ, отказ от традиционных принципов заголовка, таких, как информативность и лаконичность, сознательное допущение фактической неточности и эффект обманутого ожидания у читателя.

Библиография

1. Мильчин, Э. Издательский словарь-справочник [Электронный ресурс] / Э. Мильчин. – URL: https://publishing_dictionary.academic.ru/193/Заголовок (дата обращения: 25.03.2025).
2. Van Dijk, T. A. *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
3. Манькова, Л. А. Лингвистическая типология газетных заголовков (90-е годы XX века): Дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Манькова. – Симферополь, 2000. – 192 с. – EDN: NLPQEF.
4. Сурнин, Д. Газетный заголовок: структура и содержание [Электронный ресурс] / Д. Сурнин. – URL: <https://jmlst.ru/2018/07/13/7407/> (дата обращения: 25.03.2025).
5. Ifantidou, E. Newspaper headlines and relevance: Ad hoc concepts in ad hoc contexts. *Journal of Pragmatics*, 2009, 41, 699-720.
6. Кононова, Т. Л. Использование прецедентных феноменов в заголовках СМИ / Т. Л. Кононова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 3(42). – С. 110-116. – EDN IEZYYG.
7. Mousoulidou, M.; Taxitari, L.; Christodoulou, A. Social Media News Headlines and Their Influence on Well-Being: Emotional States, Emotion Regulation, and Resilience. *Eur. J. Investig. Health Psychol. Educ.*, 2024, 14, 1647–1665. – DOI: <https://doi.org/10.3390/ejihpe14060109>. – EDN: JALXGG.
8. Bedrichova, L. *Headlines and Sub Headlines in Newspaper Reporting: MA thesis*. Masaryk University, 2006.
9. Костомаров, В. Г. Из наблюдений над языком газеты: газетные заголовки / В. Г. Костомаров // Из опыта преподавания русского языка нерусским. – М.: Мысль, 1965. – 241 с. – EDN: ALKBXE.
10. Ищенко, Д. С. Базовые принципы создания заголовков для сетевых СМИ / Д. С. Ищенко // Казанская наука. – 2023. – № 8. – С. 122-125. – EDN SWBWZM.
11. Команда Магнитогорского меткомбината едет в Сочи на соревнования по многоборью ГТО // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/sports/komanda-magnitogorskogo-metkombinata-edet-v-sochi-na-sorevnovaniya-po-mnogoboryu-gto> (дата обращения: 01.06.2025).
12. Практики активного долголетия от магнитогорского меткомбината отметили на национальном уровне // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/praktiki-aktivnogo-dolgoletiya-ot-magnitogorskogo-metkombinata-otmetili-na-natsionalnom-urovne> (дата обращения: 01.06.2025).
13. На магнитогорском меткомбинате рассказали об экономическом эффекте в 1,2 млрд рублей // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/na-magnitogorskom-metkombinate-rasskazali-ob-ekonomicheskom-effekte-v-1-2-mlrd-rublej> (дата обращения: 01.06.2025).
14. Инновации в действии: в магнитогорском вузе появилась новая современная лаборатория // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.verstov.info/news/society/innovatsii-v-deystvii-v-mgtu-poyavilas-novaya-sovremennaya-laboratoriya> (дата обращения: 01.06.2025).

15. Сотрудницу магнитогорского вуза осудили и запретили ей преподавать – она писала курсовые своим студентам // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.verstov.info/news/society/sotrudnitsu-magnitogorskogo-vuza-osudili-i-zapretili-ey-prepodavat-ona-pisala-kursovye-svoim-student> (дата обращения: 01.06.2025).

16. В заповеднике под Магнитогорском уже появились первоцветы // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/v-zapovednike-pod-magnitogorskom-uzhe-poyavilis-pervotsvety> (дата обращения: 01.06.2025).

17. После взрыва газа в челябинском поселке возбудили уголовное дело // Ura.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://ura.news/news/1052909021> (дата обращения: 01.06.2025).

18. Свердловчан зовут работать сварщиками за 300 тысяч в месяц: подборка вакансий. Скрин // Ura.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://ura.news/news/1052913704> (дата обращения: 01.06.2025).

19. В Челябинской области из-за утечки газа произошёл взрыв в магазине. Видео // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/criminal/v-chelyabinskoy-oblasti-iz-za-utechki-gaza-proizoshel-vzryv-v-magazine-video> (дата обращения: 01.06.2025).

20. Володченко, О. Н.; Шелковенко, Ю. В. Влияние поисковых систем на формирование повестки дня информерагентствами / О. Н. Володченко, Ю. В. Шелковенко // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2017. – № 1. – С. 9-12. – EDN WOIYNE.

21. Синоптики рассказали, когда в Челябинск и Магнитогорск придёт весна. Скрин // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/sinoptiki-rasskazali-kogda-v-chelyabinsk-i-magnitogorsk-pridet-vesna-skrin> (дата обращения: 01.06.2025).

22. В мэрии Магнитогорска рассказали, сколько деревьев и кустарника высадили за год // Верстов.Инфо [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/v-merii-magnitogorska-rasskazali-skolko-derevev-i-kustarnika-posadili-za-god> (дата обращения: 01.06.2025).

23. Лутовинова, О. В. Манипулятивные приемы в кликбейтных заголовках интернет-СМИ / О. В. Лутовинова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 55-69. – DOI 10.29025/2079-6021-2023-2-55-69. – EDN SINMLU.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается трансформация заголовков в сетевых СМИ под влиянием каналов дистрибуции контента. Актуальность предмета исследования очевидна и обусловлена, как повышением значимости новостного заголовка в условиях современной масс-медийной коммуникации («информационное изобилие и дефицит времени приводят к тому, что знакомство с содержанием номера газеты или ленты сетевого СМИ превращается в чтение заголовков»), так и важностью изучения особенностей влияния на заголовки каналов дистрибуции контента.

Теоретической основой исследования явились научные работы, посвященные газетным заголовкам как отдельному жанру публицистики, а также лингвистической типологии газетных заголовков. Библиография насчитывает 15 источников, однако только два

носят научный характер. Очевидно, что такое количество научных источников недостаточно для обобщения и качественного анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, что и наблюдается в представленном материале. Автору(ам) следует внимательно изучить требования и рекомендации редакции журнала относительно списка литературы (см «рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года» и пр.).

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, метод контекстуального и дискурсивного анализа, а также функционально-семантический анализ и методы классификации отобранных единиц, лингвистического описания и комментирования.

В ходе исследования рассмотрены функции заголовков («в заголовке публицистического текста заключена основная мысль автора, содержание новости, суть события», «помимо информирующей и репрезентативной функций, заголовок выполняет функцию воздействия (волеуказательную)»), выявлены особенности современных заголовков («в попытке привлечь внимание адресата печатные СМИ трансформируют семантику, синтактику и способы оформления заголовка на газетной полосе»; «сетевые издания при формулировании заголовков ... вынуждены учитывать влияние каналов дистрибуции контента, ... подчас вопреки профессиональным стандартам и требованиям здравого смысла»); изучены распространенные типы заголовка в сетевых средствах массовой информации. Делается обоснованный вывод о том, что «заголовки часто искусственно подгоняются под структуру, необходимую для успешной дистрибуции контента, что таит в себе определенные риски – стандартизация контента сетевых СМИ, отказ от традиционных принципов заголовка, таких, как информативность и лаконичность, сознательное допущение фактической неточности и эффект обманутого ожидания у читателя».

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования расширяют знание в области эффективной медиакommunikации и специфики заголовков в современных сетевых средствах массовой информации, могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по медиалингвистике, информационным технологиям в журналистике, стилистике и интерпретации текста и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью. Однако объем рукописи недостаточен для раскрытия темы (рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков). Автору(ам) необходимо его расширить, в том числе за счет теоретического аспекта исследуемой проблематики.

В целом статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования данной работы актуален и нов, автор ориентирован на анализ

процесса трансформации заголовков в сетевых СМИ. На мой взгляд, данная тема нуждается в некоей дискуссионной разверстке, ибо факт трансформации заголовков наличен, причем на это влияет достаточно большое количество факторов. Автор в начале своего труда отмечает, что «заголовок исторически является неотъемлемой частью публицистического текста. На заре становления печатной журналистики, роль заголовка заключалась не только в том, чтобы кратко резюмировать содержание текста. Заголовок был частью оформительской системы — в частности, участвовал в формировании визуальной иерархии на газетной полосе, помогал отделять одно сообщение от другого». Стоит признать, что именно заголовок есть сильная позиция текста, именно он формирует и процесс дальнейшей оценки информации. В целом работа имеет завешенный вид, автор систематизирует должный ряд критических исследований, ссылаясь при этом и работы Т. ван Дэйка, и И. Гальперина и других. Цитаты по ходу разверстки темы даются уместно, контекстуально правильно. Стиль статьи соотносится с научным типом: например, «немалое значение имеют и формальные характеристики: заголовок в газете или ленте сетевого СМИ оформляется отличным от основного текста образом (используются увеличенный интерлиньяж, отступ от основного текста, кегли и особое начертание графем). В попытке привлечь внимание адресата печатные СМИ трансформируют семантику, синтактику и способы оформления заголовка на газетной полосе» и т.д. Думаю, что материал уместно использовать в вузовской практике при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Общие требования издания учтены; фактические ошибки как таковые не выявлены. Удачна и эмпирическая база исследования, это «данные регионального и городского интернет-агентства Ura.ru и «Верстов.Инфо». Автор отмечает, что в ходе исследования было проанализировано более 100 публикаций, размещенных в период с 1 января 2025 года по 1 июня 2025 года. Думаю, что этого материала достаточно для объективации сути данной темы. Методологическая основа актуальна, она уместна для исследований лингвистического порядка. Думаю, что можно усилить выводы по тексту, данного фрагмента явно не достаточно: «формулировании заголовка сохраняется общий тренд на привлечение и удержание внимания аудитории. При этом отмечается стремление к формализации: заголовки часто искусственно подгоняются под структуру, необходимую для успешной дистрибуции контента, что таит в себе определенные риски – стандартизация контента сетевых СМИ, отказ от традиционных принципов заголовка, таких, как информативность и лаконичность, сознательное допущение фактической неточности и эффект обманутого ожидания у читателя». Материал интересен, поставленные задачи решены, грейд аргументации выверен (может быть активнее можно было использовать и статистику, ибо она дала бы возможность фактурнее оценить степень важности вопроса). После небольшой коррективы статья «Трансформация заголовков в сетевых СМИ под влиянием каналов дистрибуции контента» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ш. Изображение революции в романе В. Лаврова «Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа» // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75929 EDN: ZGCPQB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75929

Изображение революции в романе В. Лаврова «Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа»

Чжан Шицун

ORCID: 0009-0006-2519-4560

соискатель; Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199406, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

✉ aidazh@126.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.75929

EDN:

ZGCPQB

Дата направления статьи в редакцию:

12-09-2025

Дата публикации:

19-09-2025

Аннотация: Предметом данного исследования является изображение образов социалистов-революционеров в романе Валентина Лаврова «Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа». Несмотря на обозначение жанра как детектива, писатель в романе стремится к обеспечению правдоподобия воспроизведения прошлого, чтобы закрепить в сознании читателей непривычную трактовку образа крупнейшего революционера-предателя в истории Российской империи – Евно Азефа. В данной статье текст романа сопоставляется с возможными документальными источниками, на которые автор опирался при изображении образов революционеров, таких, как Е. Ф. Азеф и С. В. Балмашов. Указываются соответствия и различия художественной репрезентации этих фигур с реальными историческими деятелями. Выявляются приемы, использованные Лавровым в процессе создания собственного нарратива о революционном подполье в имперской России. Основными методами исследования в данной статье являются

сравнительно-исторический метод и историко-генетический метод. Новизна данного исследования обусловлена тем, что малоисследованной остается специфика изображения революционного движения в произведениях современной исторической беллетристики, которые, как правило, играют значительную роль в формировании и фиксации общественно-исторического сознания. При этом художественное творчество Валентина Лаврова, несмотря на его популярность, практически не попадало в поле зрения исследователей. Автор статьи утверждает, что театральность представляет собой одну из главных категорий поэтики романа Лаврова. В историческом пространстве романа революционеры предстают актерами, играющими заданные роли в соответствии с распространенными мифологизированными представлениями о героизме и мученичестве революционеров. В построении романа писатель часто отступает от жанровой конвенции детектива. В образе главного героя, условного расследователя преступлений, сосуществуют противоречивые компоненты. Из вышесказанного следует, что роман Лаврова представляет собой пример размытия границы массовой и «высокой» литературы.

Ключевые слова:

Валентин Лавров, Эшафот и деньги, детектив, Евно Азеф, С. В. Балмашев, изображение революции, театрализация, историческая беллетристика, историко-генетический метод, сравнительно-исторический метод

Введение

В произведениях исторической беллетристики, как справедливо отмечает А. М. Лобин, наиболее полно представлены «качественные изменения в художественно-историческом дискурсе рубежа XX-XXI вв.» [\[1, с.33\]](#). В то же время тексты исторической беллетристики — своеобразное художественное моделирование общественно-исторического сознания. Массовая литература не только «отражает состояние современного русского языка и транслирует типичные для массового читателя ценности» [\[2, с.103\]](#), но и, как пишет И. П. Ильин, закрепляет в сознании читателя «принятые и распространенные взгляды и вкусы, стандартизируя их и доводя до уровня предрассудков» [\[3, с.156\]](#). Историческая беллетристика играет значительную роль в формировании и фиксации исторического сознания общества, вплоть до закрепления новых мифологизированных представлений о прошлом. Таким образом, представляется целесообразным и немаловажным исследование изображения революционеров в современной исторической беллетристике, которое позволило бы определить, насколько точно в этих текстах отражаются исторические реалии, какие идеологические нарративы транслируются публике через посредничество беллетристики.

Материалом нашего исследования служит роман Валентина Лаврова «Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа» (в дальнейшем: «Эшафот»). Несмотря на то, что жанр произведения обозначен как детектив, в центре романа стоит не остросюжетное повествование, а жизнеописание одного из крупнейших революционеров-провокаторов в истории поздней Российской империи — Евно Азефа. В предисловии писатель подчеркивает цель романа: развеять стереотипное представление об Азефе как о предателе и злодее и раскрыть глубинные причины возникновения феномена «азефовщины». Как подчеркивает Лавров, Евно Азеф, прежде всего, был борец с революцией, тайный агент охраны, выявлявший и пресекавший революционные интриги [\[4, с. 6-7\]](#). Все остальное в «историческом

детективе» подчинено этой центральной мысли.

В процессе построения собственного исторического нарратива Лавров стремился к обеспечению его правдоподобия, используя приемы, характерные для историографического дискурса. Так, писатель часто прибегает к обширным выпискам из исторических материалов: задействует переписку Азефа с чиновниками охраны, приводит письма, а также воспоминания тех или иных исторических деятелей. Повествователь в романе обладает всезнанием: порой встречаются фрагменты, содержащие информацию о развитии судеб персонажей, посторонних по отношению к основной сюжетной линии. По ходу повествования вставляются также и цитаты из документов с указанием источников. Более того, биографический автор иногда сливается с повествователем: цитируя тот или иной исторический материал, Лавров в случае необходимости дает объяснения от своего собственного имени (см., например: [\[4, с. 429, 281, 287\]](#)).

В предисловии автор пишет: «<...> те, кто называет Азефа предателем, не утруждают себя встать на объективную позицию, отрешиться от сложившегося и очевидно ошибочного мнения» [\[4, с. 6\]](#). В процессе построения собственного исторического нарратива Лавров стремился к обеспечению его правдоподобия и созданию эффекта объективности позиции автора при изображении Азефа и при интерпретации связанных с ним исторических событий, используя приемы, характерные для историографического дискурса эффекта. Тем самым писатель стремится вызвать у читателей доверие к своей непривычной трактовке общеизвестной фигуры. Однако в художественных текстах «объективность» повествования всегда условна. Сортировка и отбор исходных материалов, переработка подлинных исторических сюжетов и создание нового нарратива продиктованы изначально заданным представлением автора об изображаемом герое. В данной работе мы попытаемся выяснить, насколько точно воспроизводятся образы социалистов-революционеров, и до какой степени изображение этих фигур служит главной задаче писателя — создать новый образ Азефа как борца с революцией.

Обсуждение

Согласно Лаврову, Евно Азеф в начале своей «революционной карьеры» не намеревался всерьез бороться с самодержавием и совершенно не разделял революционных идей. Он попал в радикальный кружок, поддавшись уговорам своего друга Дмитрия Фишмана, хотя сам в то время «боялся страшных российских законов, а еще больше их исполнителей» [\[4, с. 26\]](#). Решаясь на провокации, Азеф исходил, с одной стороны, из соображений собственной выгоды, а с другой — из присущего ему азарта и стремления к величию: «И он сказал себе: "Евно, в своем деле ты должен стать Наполеоном, но без Ватерлоо! Тебе ненавистны идеи революции? Так надо бороться с теми, кто жаждет кровопролития и беспорядков, — дело заманчивое! <...>"» [\[4, с. 30\]](#).

Другими словами, в художественном мире романа Лаврова Азеф, по сути, представлен как человек, который никогда не был настоящим революционером. Исторический Азеф, по мнению историков, все же был увлечен в юности радикальными идеями, хотя вера в них была у него весьма неглубокой. Так, историк Анна Гейфман в книге «В сетях террора» пишет, что Азеф примкнул к социал-демократической студенческой группе из-за жажды уважения и одобрения со стороны окружающих, которое он в ранние годы был лишен из-за своей национальной принадлежности (Лавров с этим материалом был знаком. Он писал в предисловии романа, что «в последнее время застарелая точка зрения начала меняться. В первую очередь я имею в виду серьезное исследование Анны

Гейфман (США) «В сетях террора» (2002)» [\[4, с. 71\]](#). Из этого можно предположить, что автор не только читал эту книгу, но и во многом разделяет позиции историка). При этом юный Азеф даже не задумывался, насколько глубоко он разделяет революционные убеждения [\[5, p. 23-36\]](#).

Заданное в начале романа отчуждение Азефа от революционной среды позволяет автору при дальнейшем развитии сюжета раскрыть аморальную природу деятельности эсеров в начале XX века. Через точку зрения Азефа Лавров представляет на суд читателя целую галерею образов эсеров. Остановимся на сопоставлении представленного образа С. В. Балмашова в романе с образом исторического революционера (В романе фамилия революционера пишется как «Балмашов». Однако, в большинстве источников — «Балмашев». Мы будем использовать написание в соответствии с историческими источниками, говоря о реальном человеке).

Так, Балмашов предстает «заблуждающимся»: юный и наивный студент пошел на убийство, подпав под влияние манипуляций Гершуни, и только перед казнью осознал свою ошибку и принял христианские ценности. Примечательно, что образ Балмашова во многом соответствует тому, что известно об этом человеке, но лишь в плане внешних совпадений биографических фактов: он — сын революционера; убийца Сипягина; в тюрьме не просил о помиловании; был повешен. Опираясь на биографию реального Балмашева, Лавров при создании художественного образа «заблуждающегося» революционера практически полностью переосмысляет его жизнь, наделяя его мотивациями, резко отличающимися от тех, которые были у реального Балмашева.

Согласно В. М. Чернову, Балмашев был выбран исполнителем покушения на Сипягина не из-за влияния Гершуни, а, напротив, потому что «на Гершуни произведенное им впечатление было до такой степени неотразимо, что он не колеблясь согласился — и убедил других — уступить балмашеву первую очередь» [\[6, с. 161\]](#). Сам Балмашев, в отличие от слабовольного Балмашова-персонажа в романе, в котором оставалось еще «много детского» [\[4, с. 316\]](#), «резко выделялся серьёзностью не по летам: был задумчив и мечтателен; правдивость его была абсолютной» [\[6, с. 161\]](#).

В исторических источниках закрепился образ Балмашева как фанатически убежденного революционера, непоколебимого в сознании своей правоты и готового отдать жизнь ради общего дела. Он «слишком страстно стремился к этому <покушению на Сипягина. — Ч. Ш.>, он с трепетом ждал решения, боясь, что его молодость будет препятствием...» [\[7, с. 34\]](#). В самом покушении исторический Балмашев проявил «хладнокровье, точность и самообладание», «без малейшей тени колебания» [\[7, с. 35-36\]](#) в то время, как в романе Балмашов перед актом струсил, и, уже выстрелив в Сипягина, сразу понадеялся, что министр не был им убит. В реальности Балмашев до конца своей жизни оставался верен своим революционным убеждениям и вел себя героически на допросах и в суде. На первом допросе он заявил: «Я — Степан Балмашев; что я убил Сипягина — вы знаете, больше мне говорить вам нечего. <...> Права судей за вами, как за людьми заинтересованными, не признаю, а потому от дачи каких бы то ни было показаний безусловно отказываюсь». На суде он «воспользовался лишь своим правом последнего слова, в котором коротко и спокойно указал на ту атмосферу, в которой ему приходилось жить и воспитываться. Вся русская жизнь подготавливала его к политической борьбе» [\[7, с. 36-37\]](#).

Николай II заявил, что помилует Балмашева, если тот подаст прошение, после чего И. Н.

Дурново посетил убийцу с целью уговорить его. Эта сцена воспроизведена в романе, однако ответ Балмашова-персонажа совершенно противоположен ответу исторического лица. См. у Лаврова: «— Я виновен в убийстве, я прошу прощения у всех, кому министр был близок. Но грешника не может судить такой же грешник. Я признаю суд и воздаяние лишь единственного Царя — Небесного» [\[4, с. 348\]](#). А в реальной истории: «С. В. Балмашев сказал <...> уговаривавшим его: «Я вижу, что вам труднее меня повесить, чем мне — умереть. Мне никаких милостей от вас не надо. Одного только прошу, чтобы дали веревку покрепче — вы даже и вешать не умеете, как следует» [\[7, с. 36-38\]](#).

При создании нарратива о Балмашове Лавров часто цитирует документальные материалы, подвергая, однако, исторические тексты сокращению или переработке в соответствии с собственным художественным замыслом при изображении этого образа. Например, на суде исторический Балмашев ответил на вопрос об имени и виновности так: «Степан Валерианович Балмашев, 21 года, православный, потомственный дворянин, факт убийства признаю, но не признаю себя виновным» [\[6, с. 161\]](#). В тексте романа последняя фраза Балмашова заменена многоточием: «Православный, потомственный дворянин, возраст — двадцать один год. Факт убийства признаю...» [\[4, с. 341\]](#). Балмашов-персонаж на суде отказался давать показания потому, что «решил до конца трагедии доиграть героическую роль» [\[4, с. 342\]](#). Текст письма, оставленного Балмашовым родителям, в романе сопровождается его размышлениями о содержании этого текста, которые фактически опровергают правдивость того, что им было написано: «Балмашов <...> как в бреде, горячечно рассуждал: "А какие, собственно, беспощадные условия? Ведь моя жизнь была обеспечена, я все имел, что необходимо. Но если не писать про тяжелые условия, то чем тогда объяснить мой поступок? Ведь все именно так говорят! Нет, надо, надо писать об этом..."» [\[4, с. 322\]](#). Таким образом, исторические факты, доказывающие мужество, волю, убежденность в своей правоте и преданность революционной идее реального Балмашева в романе трактуются как проявления психологической «горячки» слабовольного юноши после совершения убийства.

Более того, историческое пространство превращено в некий театрализованный мир, где деятельность революционеров утрачивает теоретическую и идейную опору. Персонажи — будь то «главный бес» Гершуни, «заблуждающийся» Балмашов, или провокатор Азеф и мошенники-эгоисты Григорьевы — наделены актерским талантом и играют свои роли в спектакле под названием «революция». Этот мотив проявляется в романе многократно. Так, например, подбирая исполнителей покушения на Победоносцева, Гершуни как будто подбирает актеров для ролей «народных героев»: «Кандидатами в народные герои стали жених и невеста — сын парикмахера <...>, офицер Михайловской артиллерийской академии Микола Григоренко, живший много лет по паспорту Евгения Григорьева, и расторопная Юлия Юрковская, дочь польского дворянина, мечтавшая о сцене театральной, но неожиданно для себя оказавшаяся на сцене политической» [\[4, с. 303-304\]](#). Даже в тюрьме Балмашов, разрываясь от внутренней борьбы, все же помнит о своей героической роли: «Торопливо прошептал: — Клянусь жизнью своих родителей, что я не сломаюсь, не буду откровенен со следствием, ни за что не стану просить прощения на суде. Я не буду размазней, я буду тверд! — И еще раз повторил: — Клянусь жизнью папы и мамы» [\[4, с. 321\]](#). Сцена первой встречи Гершуни с Азефом также изображается весьма драматизированно: «Гершуни испустил какой-то горловой радостный звук, бросился к Азефу и прижался к его животу, заурчал, стал тискать, словно встретил горячо любимого брата <...> Азеф тоже изобразил идиотскую восторженность <...>» [\[4, с. 272\]](#).

Композиция романа в целом также подчинена эффекту «театрализации» истории. По внешней форме роман напоминает сценарий: повествование разделено на множество маленьких фрагментов под краткими заглавиями, указывающими на содержание каждой главки. Примечательно, однако, что исключением оказываются эпизоды с Балмашовым, раскрывающие его психологический перелом в тюрьме: они больше по объему и приобретают смысловую целостность; во многих случаях повествование об одном событии разделяется на две-три соседних главки. Возможно, эти эпизоды стали для автора экспериментальным полем для анализа революционных идей. Переосмысляя жизнь Балмашова, Лавров в то же время стремится продемонстрировать порочность политических убийств как метода общественного преобразования и указывает на иллюзорность и несбыточность революционных утопий.

Психологический перелом происходит с Балмашовым, когда интуитивно-душевное начало сталкивается с дьявольским. Мальчик с «ангельским ликом» [\[4, с. 317\]](#), он по натуре был наивен и слабодушен. Эти внутренние доминанты и порождают у Балмашова другой голос, который вступает в борьбу с дьявольским началом и в итоге раскрывает ему истину о никчемности политических убийств. Так, перед покушением у него «мелькнула мысль» о побеге. Выстрелив, он «почему-то стал молиться», чтобы Сипягин выжил. Когда увидел, что народ не приветствует его как героя, «явилась жуткая мысль: "А может, я ошибся? Неужели моя жертва напрасная?"» [\[4, с. 312, 315, 319\]](#). В этот момент побеждает разум: мальчик силой воли отогнал эти мысли, не желая признаваться в своей неправоте. Из-за краха мечты о героизме и страха, Балмашовым овладевает стремление как к превосходству, так и к демоническому разрушению существующего порядка: «И снова Сипягин стал ненавистным. Балмашов ненавидел его за то, что тот родился, за то, что стал министром и вынудил стрелять в него. Балмашов ненавидел теперь тупую толпу с ее примитивными запросами, не понявшую его героического поступка. <...> И снова он ощутил бешеную ненависть к царю, к Сипягину, к гнусной России. И он уже не искал причин этой ненависти, он просто всех и все проклинал, как сгубивших его, молодого, умного, особенного, отличного от всех остальных» [\[4, с. 321-323\]](#).

Имманентно-душевное начало одерживает верх и во время бесед со священником, который раскрывает Балмашову истину: «<...> на свете есть лишь одно, о чем надо заботиться — собственная душа, а остальное приложится» [\[4, с. 345\]](#). Внутренний диалог завершается в сцене казни, когда Балмашов, преодолев гордыню и страх смерти, понимает главное в жизни: «Не надо злобы, не надо мести! <...> Прости, Господи, мое страшное преступление! И не оставляйте меня. Когда Ты со мной, то и смерть в радость» [\[4, с. 351\]](#). Таким образом, процесс психологического перелома у Балмашова представлен в соответствии с мотивами, разработанными Ф. М. Достоевским: преодоление внутренними страданиями разума и «идеи», путь от «сверхчеловека» к Христу.

Безусловно, в эпизодах с Балмашовым представлена позиция самого писателя по отношению к революции: совершая то или иное преступление под пустыми лозунгами о благе пролетариев, социалисты-революционеры в действительности отчуждены от народа, движимого не идеями, а страхом, инерцией и невежеством.

В то время, как раскаявшийся Балмашов жалеет палача, Филиппов относится к нему с презрением и «чувством своего превосходства». Смерть мальчика-убийцы все равно вызывает у палача жалость, однако, эту жалость Филиппов выражает, исходя из утилитарной народной логики: «Он <Филиппов. — Ч. Ш.> с наслаждением втягивал дым и думал: "Вот — барин, дворянин, сопляк совсем, а уже дурак дураком, гниль болотная! Зачем министра-то убивать? <...> Коли жизнь своя не дорога, так хоть кассу пошел бы

грабить. Взял бы большую деньги да зажил бы припеваючи, сколько хочешь баб самых сладких, задастых имел бы, винца попил бы всласть. А теперь что? Выну из петли, а там глаза на лбу таращатся, из ноздрей и ушей кровь пенится. Тьфу, смотреть не на что! Дурак, право! Ну что, перестал дрыгаться? Нет, еще малость дрожит. Ишь, какой живучий! Молодой, вот поэтому... Кто старше, так те быстрее отходят..."» [\[4, с. 353\]](#).

Жестокая сцена казни молодого убийцы вызывает у Филиппева душевное движение, однако он не обладает способностью к какому-либо рациональному осмыслению вызванных насилием эмоций, которые нашли выход только в обращении к тому же насилию: «Тем же вечером Филиппев напился сильнее обычного и в кровь избил беременную жену» [\[4, с. 354\]](#). Через призму сознания грубого палача Филиппева показываются последствия использования насилия.

В эпизодах с Балмашовым Азеф держится своего рода «сторонним наблюдателем» происходящего. Когда Гершуни впервые привел Балмашова на собрание партийных вождей, которые вместе подталкивали юношу к покушению, Азеф чувствовал, что он как будто попал в «сумасшедший дом» [\[4, с. 274-275\]](#). Чистая натура юноши вызывает симпатию у Азефа, и тот, испытывая жалость к Балмашову, даже задумывается, как можно спасти его жизнь. Мы уже показали выше, что Балмашов в романе — это, по сути, вымышленный персонаж, при изображении которого Лавров использовал лишь некоторые факты из биографии исторического революционера для сохранения внешнего правдоподобия. Убежденный борец превращается в жертву демонического заманивания и манипуляций группы «бесов». Такая переработка играет важную композиционную роль: она позволяет указать на отчужденность Азефа среди революционеров, устранить двусмысленность его положения и тем самым укрепить исходный тезис писателя: Азеф с самого начала был всего лишь сотрудником Департамента полиции, внедренным в революционном подполье.

Авторская установка на изображение революционеров как группы «бесов» (или, как говорит Азеф математику В. П. Ломакину в конце романа, «исчадие ада») достаточно очевидна. В разговоре с математиком Азеф подводит итоги своей жизни, и взгляды Азефа, выраженные в этом диалоге, безусловно, разделяет и сам писатель. Революция и политические покушения — это симптомы массового обострения психической болезни. Прибегая к насильственным методам преобразования общества, революционеры пробуждали стихийные силы народа и направляли его к массовому террору, который мог привести только к моральной деградации и общему хаосу в стране: «Через кровь и насилие дорога всегда ведет в ад» [\[4, с. 559\]](#). В контексте такого понимания революции образу Азефа придается особый героический ореол.

Таким образом, театральность как «особый ракурс восприятия действительности» [\[8\]](#) представляет собой одну из главных категорий поэтики романа Лаврова. Переработка документальных материалов и внесение определенной доли вымысла позволяет выстраивать сценическое «удвоение» персонажей — исторические фигуры предстают как актеры, поведение которых характеризуется искусственностью и неестественностью [\[8\]](#). За счет этих переосмыслений исторических фактов в романе подчеркивается контраст между внешним актерством и внутренней сутью эсеров, который позволяют раскрыть «закулисное пространство» спектакля, куда «проецируются причины описываемых событий» [\[9, с. 7\]](#), то есть самая суть возрождения насильственных методов общественного преобразования в конце XIX — начале XX вв. Через описание реакции народа на убийцу Сипягина Лавров показывает восприятие зрителями игры персонажей-

революционеров. Театрализованное изображение революционной деятельности, таким образом, придает повествованию об исторических событиях оттенок условности и позволяет демифологизировать представления о героизме и мученичестве революционеров, закрепившееся в массовом сознании. При этом в сценическом развертывании действия Азеф выступает и как один из актеров, и как разоблачитель закулисы спектакля. Согласно распространенным представлениям, реальный Азеф занимался двойной игрой, обводя вокруг пальца и революционеров, и полицейских. В мире романа аморальность поведения Азефа снимается за счет того, что его игра оказывается всего лишь частью общего спектакля.

Несмотря на заявленный жанр «исторического детектива», Лавров в романе отступает от характерной для массовой литературы черно-белой поэтики. В романе условный «расследователь» Азеф постоянно оказывается в двусмысленном положении. Для осведомителя охраны «друзей» фактически нет. Как признает герой в конце романа, он имел «не одного противника — террористов, но и второго — охранку» [\[4, с. 566\]](#). Более того, в детективах, как правило, сыщики — это люди, по отношению к которым изначально предполагается невиновность в расследуемых преступлениях [\[10, с. 38, 79\]](#). Образ сыщика определяется жанровой конвенцией детектива: сыщик, разоблачитель преступников, выступает как восстановитель порядка и обладает моральной правотой. Безусловно, Лавров стремится обеспечить Азефу эту изначальную невиновность: выявляя планы покушений эсеров, главный герой чаще всего только наблюдает со стороны за ходом развития событий. Однако при всем стремлении писателя придать протагонисту героический и трагический ореол, невозможно было проигнорировать трусливость, алчность, эгоизм и пристрастие к роскоши Азефа. Таким образом, главный герой, вопреки привычному представлению о сыщике в детективах, становится не противником зла, а фактически его частью.

Вместо бинарной оппозиции добра и зла Лавров поднимает в романе проблему имманентных импульсов, заложенных в природе каждого человека. Эти внутренние силы фактически управляют поступками героев и определяют ход их жизни — и революционеры, и их противники оказываются бессильны перед напором подобных импульсов, будь то стремление к величию, тяга к насилию, пристрастие к комфорту, инерция, страх и т. д. Подлинными движущими силами развития истории империи становятся эти стихийные влечения человека. На рубеже веков революционеры чутко улавливали господствующие стимулы народа, подталкивали его к массовым разрушениям: «Смутяны, называвшие себя революционерами, понимали: легко уловить сердце бродяги и ушкуйника, подбить на дурное дело — на воровство, убийство, неподчинение властям. <...> Тут и крестьянская жадность ко всякой копейке пригодилась, агитаторы знали, чем тронуть душу чернорабочего <...>» [\[4, с. 55\]](#). В связи с этим несмотря на то, что образы некоторых исторических фигур в романе редуцированы до типажей, исторические события не трактуются по общей конвенционной схеме противопоставления добра и зла. Соответственно, в историях о различных убийствах отсутствуют какие-либо разгадки, которые свидетельствовали бы о победе лагеря добра.

С другой стороны, выявление Азефом планов убийств как условный процесс расследования в романе апеллирует, в соответствии с жанровой конвенцией, к рациональному мышлению, и Азефу-сыщику все же достается роль восстановителя порядка. В конце романа, говоря о математических расчетах, которыми он руководствовался в своих поступках, Азеф признает: «Я уподоблялся шахматисту. <...> Причем ходы врагов (террористов) и друзей (охранки) вносили хаос на доске. Эта доска называется реальной действительностью. Ставками здесь были человеческие жизни. И

все же я порой просчитывал до полутора десятка ходов. И от этого испытывал необыкновенное счастье» [4, с. 566]. Историк Анна Гейфман пишет, что Азеф не занимался любыми провокациями без разбора. В окружении революционеров он лишь играл роль сторонника политических убийств, но никогда не подстрекал своих товарищей к действиям, и покушения организовывались не по его инициативе [5, с. 168-169]. В книге Гейфман также есть уподобление Азефа шахматисту: «Гершуни и Гоц <...> говорили об Азефе, как о человеке с математическим складом ума, у которого если и есть известный недостаток в построении планов, то только один: <...> что он рассчитывает людей не как человеческий материал, а просто как шахматные фигуры» [11, с. 195]; «<...> он со своим математическим умом чрезвычайно напоминал шахматного игрока, рассчитывающего наперед все ближайшие перемены в комбинации фигур на несколько ходов вперед» [12, с. 21].

Гейфман ссылается на математический ум Азефа для выяснения причин того, как он смог добиться доверия в партии социалистов-революционеров — его прагматический склад личности пришелся по душе эсерам-идеалистам. В романе эта мотивация гиперболизируется: при уподоблении Азефа шахматисту образ главного героя возвышается до спасителя жизни и защитника государства. «Я не изображал благодетеля, не ставил перед собой великих задач, — говорит Азеф-персонаж, — но все, что я делал, было ради укрепления империи» [4, с. 566]. Гейфман же считает, что Азеф не был каким-то идеалистом, готовым рисковать своей жизнью ради блага страны. Действия исторического Азефа были мотивированы, в первую очередь, страхом, который играл роль «величайшего дьявола» в его тревожной душе [5, с. 180].

Таким образом, даже по сравнению с текстом Гейфман, образ Азефа в романе оказывается противоречив. Представленный как разоблачитель революционной лжи и защитник империи, Азеф остается не чужд стремлению к величию и тяге к комфорту. Им во многом движет страх и расчет, но иногда он оказывается способен проявить и сочувствие к невинным людям. Писатель словно делит своего героя на два уровня: с одной стороны, агентурная деятельность и психологический портрет реконструируются согласно исследованиям Гейфман; с другой стороны, Азеф порой становится носителем авторской государственнической позиции.

Заключение

Итак, театрализация повествования позволяет показать возможную искусственность исторических сюжетов, зафиксированных в том или ином источнике. Исторические тексты предоставляют автору «материалы для сценария», переработка которых — переписывание биографий исторических фигур, внесение вымысла и домысливание белых пятен реальности — позволяет обнажать внутреннюю логику развития событий. В историческом пространстве романа революционеры надевают маски и играют заданные роли в соответствии с распространенными мифологизированными представлениями о героизме и мученичестве революционеров. Театральность повышает выразительность и увлекательность романа, не подрывая при этом окончательно убедительность авторской позиции, сформулированной в предисловии. Из вышесказанного следует, что роман «Эшафот» по жанру более уместно считать серьезной исторической прозой, чем развлекательным остросюжетным историческим детективом.

Библиография

1. Лобин А. М. Беллетризация истории как метод репрезентации истории в русской

литературе XXI века // Грамота. 2017. № 12 (78). С. 32-35.

2. Гринкевич Е. В. Стереотипность текстов современной массовой литературы // Научная мысль Кавказа. 2023. № 1 (113). С. 103-107. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-103-107 EDN: INZDQZ.

3. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 256 с. EDN: IEPFRG.

4. Лавров В. В. Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа. М.: Центрполиграф, 2020. 571 с.

5. Geifman A. Entangled in terror: the Azef affair and the Russian Revolution. Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 2000. 247 p.

6. Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. М.: Междунар. отношения, 1993. 408 с.

7. Памяти С. В. Балмашева. Женева: изд. и тип. Партии социалистов-революционеров, 1902. 40 с.

8. Полякова Е. А. Театральность в литературе. URL: <https://sciup.org/teatralnost-v-literature-14914132> (дата обращения: 18.09.2025).

9. Легг О. О. Театральность как тип художественного мировосприятия в английской литературе XIX-XX вв. (на примере романов У. Теккерея "Ярмарка тщеславия", О. Уайльда "Портрет Дориана Грея", С. Моэма "Театр": дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2004. 170 с. EDN: NNABKH.

10. Как сделать детектив / пер. с англ., франц., нем., исп. Послесл. Г. Анджапаридзе. М.: Радуга, 1990. 320 с.

11. Из истории партии С.-Р. // Новый журнал. 1970. № 101. С. 172-197.

12. За кулисами охранного отделения: С дневником провокатора, письмами охранников, тайн. инструкциями / Сост. А. Б. Берлин: Н. Carspari, 1910. 348 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Изображение революции в романе В. Лаврова Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа»

Представленная на рецензирование статья посвящена анализу художественного изображения революции и революционеров в романе Валентина Лаврова Эшафот и деньги, или Ошибка Азефа. Центральным объектом рассмотрения является трансформация образа Евно Азефа и связанных с ним персонажей, а также способы художественного переосмысления исторической действительности. Автор справедливо подчеркивает, что роман, несмотря на маркировку жанра «исторический детектив», гораздо ближе к серьезной исторической прозе, где акцент смещается на интерпретацию революционного опыта начала XX века и его отражение в массовом сознании.

Исследование строится на комплексном анализе текста романа с привлечением широкого круга исторических источников и научных работ (А. Гейфман, В. Чернов, партийные публикации начала XX века). Автор статьи применяет сравнительно-исторический метод, сопоставляя художественные образы с биографическими и документальными свидетельствами, а также метод анализа нарративных стратегий — рассмотрение театрализации, цитирования документов, эффекта псевдообъективности повествователя. Привлечение концепта «театральности» как ключевой категории анализа поэтики романа позволяет выявить внутренние механизмы художественного моделирования исторического материала.

Тема статьи представляется своевременной и значимой. Современный интерес к исторической беллетристике в русской литературе рубежа XX–XXI вв. закономерен: подобные тексты не только транслируют массовому читателю определённые нарративы о прошлом, но и формируют новые мифологемы, влияя на восприятие истории. Анализ художественного образа революции и революционеров, а также переосмысление фигуры Азефа в литературе отвечает запросу современной гуманитарной науки на изучение механизмов коллективной памяти и идеологических конструктов.

Научная новизна исследования заключается в том, что автор статьи рассматривает роман Лаврова как особую форму исторического нарратива, в котором переплетены документальность и вымысел, а ключевой художественный приём — театрализация. Автор демонстрирует, как художественный текст перерабатывает исторические материалы, сокращает, редактирует и переосмысливает факты для достижения определённого идеологического эффекта. Особенно оригинальным представляется анализ образа Балмашова, сопоставленного с реальными источниками: показано, что Лавров целенаправленно трансформирует личность фанатичного революционера в слабовольного юношу, что служит общей задаче романа — оправдать Азефа как борца с революцией.

Статья отличается ясной логикой и чёткой структурой: введение, основная часть с последовательным рассмотрением образов и нарративных приёмов, заключение. Стиль изложения выдержан в академической традиции, аргументы подкреплены точными цитатами как из художественного произведения, так и из исторических источников. Автор умело сочетает филологический анализ с историко-культурным контекстом. Объём и глубина исследования достаточны для научной публикации. Вместе с тем, можно отметить некоторую избыточность в пересказе сюжетных линий романа: отдельные фрагменты могли бы быть более сжатыми, что усилило бы аналитическую составляющую. Список литературы включает как фундаментальные труды по теме (Чернов, партийные публикации, работы А. Гейфман), так и современные исследования по литературоведению и теории массовой литературы. Это свидетельствует о хорошей источниковой базе.

Автор статьи корректно и продуктивно работает с альтернативными точками зрения. В частности, упоминается позиция Анны Гейфман, трактующей Азефа как фигуру, движимую страхом и расчётом, без героического ореола. В сопоставлении выявляется, что художественный нарратив Лаврова существенно расходится с академической историографией, что само по себе является ценным наблюдением. Такой подход позволяет читателю самостоятельно оценить разницу между художественным и историческим дискурсами.

Выводы статьи логично подытоживают проведённый анализ: роман Лаврова представляет собой пример театрализованного художественного переосмысления революционной эпохи, где фигуры революционеров утрачивают свою идейную подоплёку и превращаются в актёров исторического спектакля. Это исследование будет интересно как филологам и литературоведам, так и историкам, изучающим механизмы мифологизации прошлого в массовой культуре. Чёткая аналитическая оптика и работа с источниками делают статью ценной для научного сообщества.

Рецензируемая статья соответствует требованиям к научным публикациям: она обладает актуальностью, оригинальностью, опирается на достоверные источники и содержит развернутый анализ. Несмотря на отдельные стилистические перегрузки в пересказе текста романа, может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без критических замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Смоленская М.А. Ненадежная наррация в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75918 EDN: WMKKIB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75918

Ненадежная наррация в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Смоленская Мария Александровна

ORCID: 0000-0002-9474-1955

старший преподаватель; кафедра литературы, журналистики и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет
аспирант; кафедра литературы, журналистики и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет

443010, Россия, Самарская обл., г. Самара, Самарский р-н, ул. Льва Толстого, д. 47

✉ pema96@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75918

EDN:

WMKKIB

Дата направления статьи в редакцию:

17-09-2025

Дата публикации:

27-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является функционирование ненадежных нарраторов в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В статье анализируются дискурсы трех рассказчиков: Максима Максимыча, не способного интерпретировать мотивы поступков Печорина и потому ограниченного в нарраториальных возможностях, и двух ненадежных нарраторов – странствующего автора и Печорина. На основании нарратологического анализа выявлено, что в романе «Герой нашего времени» происходит многоступенчатое эстетическое завершение: Печорин создает дневник (эпистолярная проза), принципиально не завершаемый, однако на страницах текста мы видим отказ от авторских амбиций в главе «Максим Максимыч», странствующий автор отбирает из его дневника события, относящиеся к

пребыванию героя на Кавказе, участвуя в акте наррации, а первичный нарратор пишет предисловие ко всему романному целому, метатекстуально оценивая своего героя («портрет, составленный из пороков поколения»). Ключевым методом исследования стал нарратологический анализ как разновидность дискурсного анализа: изучение текста как нарратива, рассказа о событиях. Научная новизна состоит в выявлении различных этосов рассказчиков романа: если странствующего нарратора отличает этос желания реализоваться в качестве автора текста, Печорина – этос желания обрести самоидентичность, то этосом имплицитного автора становится этос совести. Странствующего офицера и Печорина отличает модальность мнения, что делает их рассказчиками ненадежными, тогда как модальностью всего текста становится постижение человека своего времени. В ходе анализа дискурсов и этосов ненадежных рассказчиков романа «Герой нашего времени» установлено, что в использовании фигуры ненадежного нарратора Лермонтов следует традициям пушкинской прозы, в частности открытиям, сделанным им в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина»: многоуровневая нарративная организация, противоречивость дискурсов ненадежных рассказчиков, вероятностная картина мира.

Ключевые слова:

имплицитный автор, нарратор, ненадежный нарратор, дискурс, референтное событие, коммуникативное событие, модальность, этос, картина мира, проза Лермонтова

Введение

В последние десятилетия нарратология стала одной из наиболее быстро развивающихся отраслей гуманитарного знания. Категория нарратора позволила решить трудности, возникавшие при разделении понятий «рассказчик» и «повествователь». Под категорией нарратора понимается «носитель функции повествования безотносительно к каким бы то ни было типологическим признакам» [\[1, с. 68\]](#). Нарратор обладает «некоторым кругозором (широким, сверхшироким или узким), точкой зрения (пространственно-временной и ценностной), а также голосом (речевыми особенностями, в которых проявляются особенности менталитета» [\[2, с. 92\]](#). Одним из критериев анализа нарратора является его надежность. Уэйн Бут в своем определении называет нарратора «надежным», если он «говорит или действует в соответствии с понятием нормы, принятым в произведении (то есть с понятием нормы, принятым имплицитным автором), и ненадежен, если нет» [\[3, с. 158-159\]](#). Ансгар Нюннинг спорит с подобным подходом и предлагает определять ненадежность как драматическую иронию, когда «нарратор и / или текст говорят в двух достаточно разных контекстах» [\[4, с. 85\]](#): с одной стороны, читатель видит, что нарратор хочет и может сказать, с другой стороны, утверждения нарратора дают читателю понять, что они не вполне достоверны. Е.Ю. Моисеева предлагает определение ненадежного нарратора, характеризуя специфику его дискурса: «свидетель излагаемых событий, ограниченный в своих нарративных возможностях или намеренно вводящий в заблуждение; его свидетельство должно быть читателем в известной степени преодолено или скорректировано для постижения действительного смысла рассказанной истории» [\[5, с. 87\]](#). Представляется, что в условиях ненадежности трансформируется нарративная структура текста: повествовательные призмы, паратекстуальные элементы, дискурсы ненадежных нарраторов, различные своими этосами, особым образом направляют восприятие читателя.

Основным методом исследования стал нарратологический анализ текста. Нарратология базируется на идее М.М. Бахтина о «двоякособытийной» [\[6, с. 122\]](#) природе нарративного дискурса. Вслед за исследователем, выделявшим «событие, о котором рассказывается» и «событие рассказывания» [\[7, с. 403–404\]](#) нарратология различает референтное и коммуникативное событие. Мы предполагаем, что ненадежность нарратора относительно референтного события и относительно коммуникативного события различна. Первый случай проявляется в недоговаривании, намеренном утаивании значимых для диегетического мира подробностей, в сокрытии нарратором эпизодов в наррации, в отказе вербализовать значимое событие, в описании ложного события. Ненадежность нарратора относительно коммуникативного события выявляется в трансформации самого дискурса.

Монография В.И. Тюпы «Горизонты исторической нарратологии» и последовавший за ней экспериментальный словарь «Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы)» показали убедительность диахронического аспекта в нарратологии, необходимость изучения стадильности и преемственности нарратологических категорий. С разработкой методологического аппарата исторической нарратологии возникает интерес к исследованию основных категорий нарратологии в диахроническом аспекте, в том числе в текстах, хорошо изученных силами отечественных и зарубежных литературоведов.

Так, проблема автора, повествования и композиции романа «Герой нашего времени» является центральной. По мнению В.В. Виноградова, в решении этой проблемы Лермонтов опирается «на пушкинский принцип субъектной многопланности повествования» [\[8, с. 219\]](#). Можно предположить, что нарративная структура романа отсылает к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина», которые В.И. Тюпа называет первым текстом в русской литературе, «где появляется фигура ненадежного нарратора» [\[2, с. 104\]](#). Ненадежность конструируется благодаря сложной нарративной структуре с противоречивыми дискурсами: издателя А.П., ненарадовского помещика и Белкина как фиктивного имплицитного автора повестей. В данном тексте маркером ненадежности выступает паратекстуальность. Конструируется образ Белкина первичным нарратором А.П., который пишет предисловие и сноски к нему и приводит вставной текст — письмо ненарадовского помещика о биографии Ивана Петровича. Свидетельство А.П. противоречиво. Его уверения о публикации письма помещика без изменений, опровергаются сноской, в которой он сообщает об изъятии анекдота из текста письма. Письмо ненарадовского помещика написано в модальности мнения, его кругозор явно узок и ограничен: называя себя другом Белкина, никаких сведений о его личности и характере сообщить он не может. В своем письме он смещает точку зрения на себя, возвышая свой ум, смекалку и умение вести хозяйство. Предисловие обнаруживает явную «сделанность», «сконструированность», благодаря чему оформляется комический эффект.

Нарративная структура романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Сложная композиция романа «Герой нашего времени» также объясняется наличием нескольких рассказчиков: предисловие к роману написано от лица первичного нарратора, «Бэла» и «Максим Максимыч» — странствующим автором путевых записок, где и Максим Максимыч выступает рассказчиком, которые мотивируют переход к перволичному повествованию в «Журнале Печорина».

В научной литературе уже поднимался вопрос об ограниченности кругозоров

рассказчиков в «Герое нашего времени»: «В «Бэле» и в «Максими Максимыче» Печорин выглядел таинственным, потому что кругозор рассказчиков не позволял им раскрыть мотивы поведения героя или значение его роли в событиях» [9, с. 19]. Именно неспособность Максима Максимыча дать оценку действиям Печорина в своем нарративе делает его рассказчиком, ограниченным в нарраториальных возможностях. Его повествование достоверное, так как он был свидетелем описанных событий, однако «судией» поступков Печорина, по формуле М.М. Бахтина, он стать не может.

Маркировать странствующего автора путевых записок и Печорина как ненадежных позволяют различные этосы рассказывания. Этический потенциал нарратива, по мнению В.И. Тюпы, сопрягается в трех этосах: «субъектный этос говорящего (нарратора), объектный этос присутствующего в мире и совершающего поступки персонажа и собственно риторический (адресатный) этос “аффективного состояния получателя”» [10, с. 31]. Исследователь выделяет этосы покоя («нарративное преодоление аффектов страха, тревоги, озабоченности, депрессии» [11, с. 292], долга («назидательная организация нарратива» [11, с. 292]), желания («забота о собственной самости» [11, с. 293]) и совести («сознание событийной причастности к жизни других, интерсубъективную заботу о другой самости» [11, с. 293]).

Странствующего нарратора отличает этос желания реализоваться в качестве автора. Эта интенция прослеживается в главе «Бэла» — он сообщает о написании путевых записок о Грузии — и в «Максими Максимыче» («я для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей» [12, с. 216]. Как указывает М. Дрозда, повествование в «Бэле» строится на столкновении точек зрения странствующего автора и Максима Максимыча: если первый описывает события на Кавказе наивно, с позиций шаблонных представлений, «типичных для романтической и сентиментальной литературы», то второй смотрит на эти реалии как на «обыденно-бытовые» [9, с. 7-8]. Странствующим автором путевых записок движет интерес к «кавказской экзотике» [9, с. 9], в особенности — к личности Казбича [9, с. 9-10], так как он видит в нем сложного незаурядного героя, вокруг которого может выстроиться авантурный сюжет. Мотивировкой диалога с Максимом Максимычем выступает желание нарратора «вытянуть из него какую-нибудь историйку» [12, с. 188]. Он пытается следовать законам жанра — и потому его вниманием завладевает Казбич и Бэла. «Сюжет» Максима Максимыча он невольно «подгоняет» под литературную схему.

Предисловие к журналу Печорина также говорит об этосе желания. Автор путевых заметок признается, что известие о смерти Печорина по возвращении из Персии «очень обрадовало» [12, с. 224]: «оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить свое имя над чужим произведением» [12, с. 224]. Записки, не предназначенные для публикации, он считает искренней «историей души человеческой» [12, с. 225], написанной «без тщеславного желания возбудить участие или удивление» [12, с. 225]. Странствующий автор путевых заметок берет на себя роль издателя, отмечая, что изменил лишь фамилии действующих лиц. Однако и в выстраивании композиции он принимает непосредственное участие, что явно усложняет роль странствующего автора, делая его не только издателем, но и нарратором, ведь он отбирает эпизоды из жизни Печорина и осуществляет конфигурацию интриги рассказанной Печориным истории: «Я поместил в этой книге только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе» [12, с. 225]. Странствующий автор путевых записок

отбирает те эпизоды, содержание которых «отвечает замыслу нынешнего обладателя печоринских записок» [13]. Обращаясь к читателям, он просит извинения за этот «невинный подлог» в попытке вызвать их сочувствие. Свои авторские амбиции странствующий автор пытается скрыть, и потому объяснение мотивации желанием пользы выглядит ложным.

Из объяснения причин публикации журнала Печорина конструируется моральный облик самого странствующего автора путевых записок — его циничность, скептицизм и злая ироничность: он высказывает спорные суждения об истинной дружбе, которые вызывают у читателя вопросы и сомнения в достоверности его дискурса («коварная нескромность истинного друга — понятна каждому» [12, с. 225], «не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастья любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений» [12, с. 225]).

Странствующий автор путевых записок ненадежен и как читатель журнала Печорина, ведь в предисловии утверждает о его искренности. Как указывает А.М. Ранчин, у издателя дневника «нет никаких бесспорных данных для того, чтобы судить об искренности его автора» [14, с. 135]. Исследователь убедительно доказывает спорность суждения странствующего автора об «истории души человеческой»: «В "Журнале Печорина" нет никакой "истории души"; характер героя не развивается, а прошлое, обстоятельства, сформировавшие его личность, даже не упомянуты» [14, с. 136]. Более того, это суждение прямо противоречит свидетельству нарратора о толстой тетради, где Печорин рассказывает «всю жизнь свою», которую он отказывается публиковать «по многим важным причинам». К тому же, по наблюдению Ранчина, сравнение «истории души человеческой» с «Исповедью» Руссо, где действительно описаны ключевые события жизни, явно неуместно [14, с. 136].

Ненадежная наррация в дискурсе Печорина

Рассмотрим журнал Печорина, который опровергает оценку издателем его повествования как искреннего. Формой ненадежности Печорина относительно коммуникативного события является противоречивость в дискурсе, когда поздние записки опровергают ранние свидетельства. Приведем несколько показательных примеров. Так, герой утверждает, что не любит женщин «с характером», однако тут же исправляет себя, обращаясь к прошлому: «Правда, теперь вспомнил: один раз, один только раз я любил женщину с твердой волею...» [12, с. 252]. Описывая пение княжны Мери, Печорин невольно отмечает красоту ее голоса, однако побоявшись оказаться в своих записках излишне эмоциональным, он предпочитает поправить себя: «Она запела: ее голос недурен, но поет она плохо... впрочем, я не слушал» [12, с. 262].

Противоречивыми выглядят ремарки Печорина и его характеристики героев, которые в дальнейшем повествовании опровергаются. Как указывает В.И. Тюпа, «Печорин не слишком внимателен к чужим речам в своем "цитировании"» [15, с. 52]. Ярким тому примером становится характеристика Печорина, данная Грушницкому: «Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря об женщине, с которой они едва знакомы, называют ее моя Мери, моя Sophie, если она имела счастье им понравиться» [12, с. 250]. Однако реплики Грушницкого, переданные в нарративе Печорина, расходятся с данным описанием. В другом эпизоде ремарка Печорина о муже Веры явно противоречит его описанию их первой встречи. Он утверждает, что «не

позволил себе над ним ни одной насмешки» [\[12, с. 252\]](#), тогда как их обмен репликами и поведение Веры говорят об обратном: его колкие вопросы о молодости и богатстве мужа явно говорят о ее задетых чувствах.

Маркером ненадежности нарратора является выстраивание в дискурсе «возможных» сюжетов. «Возможный» сюжет — «потенциальный авторский сюжет, моделируемый участками неопределенности текста и провоцирующий сознание читателя на его реконструкцию» [\[16, с. 206\]](#). Характеризуя Грушницкого, Печорин сочиняет сюжет его отъезда из родительской деревни: «я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что...» [\[12, с. 238\]](#). Этот сюжет рифмуется с желанием самого Печорина «где-нибудь умереть на дороге» [\[12, с. 210\]](#), о чем свидетельствовал Максим Максимыч.

Относительно коммуникативного события показательными являются изменения характера дневниковых записей: может варьироваться их размер, тон повествования в связи с внутренним мироощущением Печорина-нарратора. Так, в записи от 4-го июня в гостях у Лиговских Печорин подмечает грусть Веры из-за его стремления понравиться княжне. Увидев ее печаль, Печорин бросился в красках описывать историю их любви, «прикрыв все это вымышленными именами» [\[12, с. 270\]](#). В следующей фразе содержится значимое умолчание, говорящее о радости быть с Верой: «Она встала, под села к нам, оживилась... и мы только в два часа ночи вспомнили, что доктора велят ложиться спать в одиннадцать» [\[12, с. 270\]](#). Свои чувства герой прикрывает шуткой, на чем останавливает запись событий этого дня, что также говорит о высокой значимости для героя времени, проведенного с Верой. Эти и многочисленные другие примеры доказывают ненадежность Печорина относительно коммуникативного события.

Проявляет ненадежность Печорин и относительно референтных событий. В.И. Тютя указывает на контраст между скупой и сдержанной «внешней речью» Печорина, обращенной к другим, и «внутренней», «риторически демонстративной» [\[15, с. 68\]](#). События он может описывать не вполне целостно и объективно, от вербализации значимых происшествий отказываться вовсе. И признаться самому себе в собственных качествах Печорин не способен. Так, свои негативные качества и поступки он опускает. К примеру, становится понятно, что Печорин явно следит за встречей Грушницкого и Мери около источника, когда тот случайно роняет свой бокал. Однако в записи Печорин скрывает свое истинное намерение описанием пейзажа: «Проходя мимо кислосерного источника, я остановился у крытой галереи, чтоб вздохнуть под ее тенью, и это доставило мне случай быть свидетелем довольно любопытной сцены» [\[12, с. 241\]](#).

Отказ от вербализации диалога с Верой — значимое умолчание о референтном событии, которое может говорить о смятении и взволнованности героя из-за неожиданности их свидания. С одной стороны, герой превозносит свои режиссерские находки в моделировании сюжета с Княжной Мери, тогда как об истинном и настоящем предпочитает умолчать, обратившись к сравнению с музыкой: «Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере» [\[12, с. 252\]](#). О смятении героя, вызванного Верой, также говорит и краткость записи от 21-го мая, в которой нарратор описывает встречу с героиней у колодца, где она высказывает ему упрек из-за отсутствия свиданий. Заканчивается запись кратким сообщением о плане танцевать мазурку с княжной, чтобы войти в дом к

Лиговским. Предыдущие же записи отличались развернутым описанием событий и обширными ремарками Печорина.

Немаловажно, что Печорин сам обнаруживает авторские амбиции, что обуславливает интерес странствующего автора к его тексту. Главы «Тамань» и «Фаталист» явно не принадлежат эпистолярному дискурсу, а представляют собой отдельные новеллы: они озаглавлены, даты, привычные для дневника, отсутствуют, события, в них описанные, явно перекликаются с литературным шаблоном. Опубликованные под заглавием «Журнал Печорина», они воплощают целостный замысел фиктивного имплицитного автора — странствующего рассказчика.

Все проанализированные выше особенности дискурса Печорина говорят об этосе желания обрести самоидентичность: он не только стремится реализоваться (как сочинитель произведений), но и переносит это желание на саму жизнь, стремясь быть «необходимым лицом пятого акта» [\[12, с. 272\]](#).

Проблема эстетического завершения

Поскольку в тексте наблюдается сложная нарративная структура с четырьмя рассказчиками, двое из которых ненадежны, и этосы их дискурсов различны, можно говорить о многоступенчатом эстетическом завершении. Первое эстетическое завершение происходит в журнале Печорина. Этот текст является незаконченным по внешним обстоятельствам: потеряв интерес жизни и устремившись на поиски смерти, герой теряет интерес к рефлексии. Как дневниковый, этот текст принципиально не завершаем.

В предисловии к журналу Печорина обнаруживается второе эстетическое завершение. Странствующий нарратор наделяет журнал статусом завершенности, ведь он осуществляет конфигурацию интриги, отбирая из журнала Печорина события, связанные с пребыванием героя на Кавказе. Внешние обстоятельства, о которых странствующий автор предпочитает умолчать, мешают ему опубликовать всю историю жизни Печорина, однако он обещает когда-нибудь предоставить эту толстую тетрадь «на суд света». Подобные умолчания В.Ш. Кривонос называет «нарративными пустотами» [\[13\]](#). Соккрытие записей позволяет оформить энигматическую интригу тайны и откровения, показывая, что целостное представление о жизни и личности Печорина создать невозможно. Странствующий автор выстраивает энигматическую интригу, манипулируя восприятием читателя, отдаляя его от разгадки личности Печорина. Так, в главе «Бэла» он надевает на себя маску сентиментального путешественника, не способного проникнуть в кавказскую жизнь и даже не распознавшего главного героя романа. В «Максими Максимыче» эта стратегия изменяется: он обнаруживает знание кавказской военной жизни и даже поясняет некоторые ее реалии. Ему необходимо продемонстрировать свою прозорливость и осведомленность, чтобы иметь право дать психологический портрет Печорину. А в предисловии авторские интенции странствующего автора обнажаются: он соотносит жизнь Печорина на Кавказе с собственной судьбой, что является мотивировкой отбора событий из дневника героя. Видя свое родство с Печориным, странствующий автор скрывает его прошлое подобно тому, как он умолчал о причинах своего приезда на Кавказ, ведь на прямой вопрос Максима Максимыча он явно дает ответ, но в дискурсе его не вербализует:

«— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче, — отвечал он, приосанившись. —

Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему» [\[12, с. 186\]](#).

Третье эстетическое завершение осуществляет имплицитный автор. Он предваряет повествование странствующего автора путевых записок предисловием первичного нарратора. М. Дрозда считает, что в этом предисловии перед читателем оказывается еще одна литературная маска — «теоретика литературы и литературного критика» [\[9, с. 5\]](#). Показательно, что паратекстуальные элементы, предисловие ко всему романному целому и предисловие к журналу Печорина, контрастны друг другу своими обращениями к читателям: первое провокативно обвиняет читателя в предвзятости и дурном воспитании, тогда как в предисловии странствующего автора явным становится желание понравиться читателю. К тому же во втором предисловии отсутствует двойственный смысл заглавия текста («Да это злая ирония!» — скажут они» [\[12, с. 225\]](#)), тогда как в первом предисловии желание составить портрет поколения говорит о модальности постигания личности человека своего времени.

Оба автора предисловий апеллируют к заглавию текста, но делают это по-разному. А.М. Ранчин отмечает, что они находятся в отношениях «напряженного, потенциально конфликтного диалога» [\[14, с. 134\]](#). Автор предисловия ко всему романному целому занимает метатекстуальную позицию, подчеркивая собирательность, типичность созданного им образа. Предисловие странствующего автора принципиально иное: он разыгрывает полемику с воображаемым читателем в попытке отвоевать свое произведение. Мнение потенциального читателя для него оказывается очень значимым. Странствующий автор, подобно Печорину, воплощает собой «героя времени». Его предисловие не металитературно, а амбициозно. Он желает «отвоевать» свое заглавие у публики, тогда как первичный нарратор, автор предисловия ко всему роману, подчеркивает креативную интенцию. Таким образом, паратекстуальность становится не только маркером ненадежности, но и демонстрирует различие в этосах рассказчиков и модальностях. Так, странствующего автора путевых записок отличает этос желания реализоваться в качестве автора текста и модальность мнения, противоположная знанию: «Рассказчики такого типа сообщают субъективную версию излагаемой истории, это они оказываются "ненадежными нарраторами"» [\[2, с. 99\]](#). Имплицитный же автор, «носитель подлинного смысла произведения» [\[2, с. 96\]](#), выстраивает повествование в модальности постигания человека своего времени: постигание «интерсубъективно, оно подлежит диалогической верификации во встрече с другим ментальным субъектом: предполагает установку на то, чтобы сделать содержание своего сознания актуальным и для другого сознания» [\[2, с. 101\]](#). О модальности постигания говорит финал главы «Фаталист», в котором «новеллистический монолог сменяется фрагментом романного диалога с постоянным, экзистенциально значимым собеседником» [\[15, с. 69\]](#). Текст формирует этос совести, подчеркивая финальным диалогом Печорина и Максима Максимыча значимость «заботы о другом» [\[2, с. 231\]](#). Имплицитный автор романа мастерски выстраивает многоуровневую нарративную организацию, подобную повестям Белкина, нарративная структура которых осложняется «эффектом двойного авторства» [\[17, с. 220\]](#).

Помимо категорий этоса и модальности, историческая нарратология вводит понятие «картина мира» как «комплекса исходных допущений о самых общих предпосылках событийного присутствия в бытии, определяющего "масштабы того, что является событием"» [18, с. 283]» [19, с. 287]. «Точки бифуркации», места неопределенности говорит о вероятностной картине мира в романе «Герой нашего времени» — такой картине мира, которая по своей природе «предполагает непрерывное (историческое) становление и развитие» [19, с. 290].

Выводы

Таким образом, нарративная структура и ненадежные наррации «Героя нашего времени» обнаруживают ориентацию на «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина. Максим Максимыч ограничен в своих нарраториальных возможностях, поскольку может лишь описать события, свидетелем которых он выступал, однако дать интерпретацию поступков Печорина он не в состоянии. Издатель журнала Печорина ненадежен в этическом плане: из предисловия конструируется его циничность и скептицизм. Опровергает его оценку и дискурс Печорина: «история души человеческой» Печориным не рассказывается. Отбор и выстраивание событий из журнала героя издателем говорят об этосе желания реализоваться в качестве автора произведения – и потому известие о смерти Печорина издателя радует, ведь дает возможность опубликовать текст и достичь желаемой цели.

Типология нарратора может быть пересмотрена относительно референтного и коммуникативного событий. Так, ненадежность Печорина относительно референтных событий проявляется в отказе от вербализации значимых происшествий, сокрытии подробностей, неполной интерпретация и оценке. Ненадежность относительно коммуникативного события состоит в противоречивости дискурса, выстраивании «возможных» сюжетов и изменениях дневниковых записей под влиянием внутренних переживаний.

По аналогии с «Повестями Белкина», Лермонтов осуществляет многоступенчатое эстетическое завершение, о чем говорят различные этосы и модальности. Если Печорина и издателя его журнала отличает этос желания (обрести самоидентичность и стать автором соответственно), то весь роман пронизан этосом совести. Различны и нарративные модальности: Печорин, странствующий автор путевых записок и Максим Максимыч повествуют в модальности мнения, тогда как весь роман написан в модальности постигания человека своего времени. Повествовательная структура текста показывает, как формируется новое художественное мышление через экспериментальную нарративную форму.

Библиография

1. Шмид, В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с. EDN: SUQJGP.
2. Тюпа, В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб: Алетейя, 2021. 270 с. EDN: FJYCEO.
3. Booth, W.C. The Rhetoric of Fiction. Chicago: The University of Chicago Press, 1968. p. 158-159.
4. Nünning, A. "But why will you say that I am mad?" On the Theory, History, and Signals of Unreliable Narration in British Fiction // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1997. Bd. 22. P. 83-105.
5. Моисеева, Е.Ю. Ненадежный нарратор // Тезаурус исторической нарратологии (на

- материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 87-91. EDN: EOWNES.
6. Тюпа, В.И. Бахтин и нарратология // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 120-133. DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.07 EDN: BNIIDD.
7. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с. EDN: WTJALN.
8. Виноградов, В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 388 с.
9. Дрозда, М. Повествовательная структура "Героя нашего времени" // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. XV. С. 5-34.
10. Тюпа, В.И. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (1). С. 29-44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102 EDN: UNLZXB.
11. Тюпа, В.И. Этнос рассказывания // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 291-294. EDN: VIUXMG.
12. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 4. Проза. Письма. Л.: Наука, 1981. С. 183-314.
13. Кривонос, В.Ш. Пустоты в нарративной структуре "Героя нашего времени" М.Ю. Лермонтова // Narratorium. 2012. № 4. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628910>.
14. Ранчин, А.М. Иронические парадоксы в "Герое нашего времени" // Литературоведческий журнал. 2023. № 2(60). С. 130-147. DOI: 10.31249/litzhur/2023.60.07 EDN: NTIFZN.
15. Тюпа, В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр "Академия", 2009. 336 с. EDN: QTXIYT.
16. Абрамовских, Е.В. "Возможный" сюжет в произведениях нон-финито: рецептивный аспект // Новый филологический вестник. 2006. № 3. С. 206-210. EDN: JTSGHI.
17. Тюпа, В.И. Теория литературы: Учебник. М.: РГГУ, 2024. 254 с.
18. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
19. Тюпа, В.И. Картина мира нарративная // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 287-291. EDN: APXJGQ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью «Ненадежная наррация в романе М.Ю. Лермонтова Герой нашего времени»

В центре статьи находится анализ категории ненадежного нарратора в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Автор ставит целью выявление специфики ненадежности в сложной нарративной структуре произведения, акцентируя внимание на различии между референтным и коммуникативным событием, а также на многоуровневой организации текста. Предмет исследования очерчен четко, он логично встроен в современный нарратологический дискурс.

Основным методом выступает нарратологический анализ, опирающийся на концепции М.М. Бахтина и В.И. Тюпы. Автор активно использует категориальный аппарат

нарратологии (понятия «этнос», «модальность», «картина мира», «возможный сюжет», «пустоты нарратива») и применяет его к конкретным эпизодам романа. Методология последовательно раскрывается: выделены критерии ненадежности, проведено разграничение между типами нарративных событий, дано сравнение с предшествующей традицией («Повести Белкина» А.С. Пушкина). При этом подход диахронический: анализ вписан в исторический контекст развития жанра и повествовательных стратегий.

Работа отличается высокой актуальностью. В последние годы исследования ненадежной наррации приобрели новое звучание благодаря развитию исторической нарратологии и внимания к этическим аспектам повествования. Статья демонстрирует, что Герой нашего времени — это текст, открытый для переосмысления в свете новых нарратологических концепций. Автор удачно связывает проблематику ненадежности с вопросами авторства, субъектной многопланности и диалогичности, что отвечает современным тенденциям гуманитарных исследований.

Научная новизна рецензируемой работы заключается в систематическом применении категорий исторической нарратологии к роману Лермонтова и в выделении многоступенчатой структуры ненадежных нарраторов. Автор показывает, что ненадежность присуща не только Печорину, но и странствующему автору путевых записок, и что их дискурсы строятся на разных этносах. Убедительно звучит мысль о трех уровнях эстетического завершения текста, что вносит вклад в интерпретацию композиции романа. Особый интерес представляет сопоставление с пушкинскими Повестями Белкина, где впервые формируется феномен ненадежного нарратора в русской литературе.

Статья отличается логичной структурой: от постановки проблемы и методологии автор переходит к последовательному анализу нарративных уровней, затем к рассмотрению отдельных примеров ненадежности Печорина и других рассказчиков, далее — к выводам о многоуровневом завершении текста. Стил изложения академический, аргументы подкреплены цитатами из романа и научной литературы. Однако можно отметить некоторую перегруженность текста теоретическими терминами и длинными цитатами: местами это затрудняет восприятие и делает текст перегруженным для неподготовленного читателя.

Список литературы обширный, включает как классические работы (Бахтин, Виноградов, Лотман), так и новейшие исследования (Ранчин, Тюпа, словарь исторической нарратологии). Ссылки оформлены корректно, источники репрезентативны и релевантны теме. Положительным моментом является присутствие работ на иностранных языках (М. Дрозда). Тем не менее, стоило бы привлечь больше зарубежных исследований по ненадежной наррации (например, труды У. Бута или Дж. Пингона), что усилило бы сравнительный аспект.

Автор ведет полемику с предшествующими интерпретациями, в частности с утверждениями о «искренности» Печорина, показывая их несостоятельность через анализ противоречий в его дискурсе. Аргументы Ранчина и Тюпы используются как отправная точка для собственных рассуждений, что придает статье диалогический характер. В то же время автор мог бы шире обозначить круг оппонентов за пределами отечественной филологии, чтобы показать международное измерение исследования.

В заключении убедительно показано, что ненадежная наррация в романе Лермонтова формируется благодаря системе разноуровневых рассказчиков и паратекстуальных элементов, а также связана с пушкинской традицией. Работа будет интересна литературоведам, специалистам по нарратологии и студентам-филологам, изучающим вопросы авторства, повествовательных стратегий и рецепции классики.

Статья представляет собой значимый вклад в современное лермонтоведение и нарратологию. Вместе с тем, для повышения научного уровня текста рекомендуется:

1. упростить перегруженные фрагменты, избыточные цитаты сократить или вынести в примечания;
2. расширить круг привлеченных зарубежных исследований по ненадежной наррации;
3. более точно обозначить собственный исследовательский вклад в сравнении с предшествующими интерпретациями;
4. на наш взгляд, было бы целесообразно разбить текст работы на основные разделы: введение, основную часть (возможно, выделить подразделы) и заключение, что, во-первых, облегчает восприятие текста, во-вторых, соответствует международной практике оформления исследования в виде научной статьи.

С учетом отмеченных достоинств и недостатков считаю возможным рекомендовать статью к публикации в высокорейтинговом научном журнале Litera после незначительной доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию ненадежной наррации в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Актуальность работы обоснована повышенным интересом научного сообщества к нарратологии и категории нарратора, а также недостаточной изученностью феномена ненадежной наррации в современном литературоведении и нарратологии, при этом ненадежная наррация является одним из сложных аспектов проблемы автора в повествовании и одним из способов построения нетрадиционного нарратива («в условиях ненадежности трансформируется нарративная структура текста: повествовательные призмы, паратекстуальные элементы, дискурсы ненадежных нарраторов, различные свои этосами, особым образом направляют восприятие читателя»).

Теоретической основой представленного исследования обоснованно выступили труды по нарратологии, структуре художественного текста, этосу рассказывания, нарративной картине мира, ненадежному нарратору, нарративной структуре «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова и др. Библиография включает 19 источников, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. В дальнейшем рекомендуем автору(ам) не апеллировать так часто к работам одного и того же ученого (речь идет о Валерии Игоревиче Тюпе). Рецензент ни в коей мере не ставит под сомнение вклад профессора в развитие нарратологии и изучение нарратологических особенностей «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, однако доля работ одного ученого не должна составлять около 40%.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, наблюдения и описания, сравнительно-сопоставительный метод; общелингвистические методы когнитивного и дискурсивного анализа с элементами интертекстуального анализа, а также нарратологический анализ текста.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достаточно подробно рассмотрена нарративная структура романа Лермонтова «Герой нашего времени» («сложная композиция романа также объясняется наличием нескольких

рассказчиков: предисловие к роману написано от лица первичного нарратора, «Бэла» и «Максим Максимыч» — странствующим автором путевых записок, где и Максим Максимыч выступает рассказчиком, которые мотивируют переход к первоначальному повествованию в «Журнале Печорина»), ненадежная наррация в дискурсе Печорина («формой ненадежности Печорина относительно коммуникативного события является противоречивость в дискурсе, когда поздние записи опровергают ранние свидетельства»), проблемы эстетического завершения («поскольку в тексте наблюдается сложная нарративная структура с четырьмя рассказчиками, двое из которых ненадежны, и этосы их дискурсов различны, можно говорить о многоступенчатом эстетическом завершении»). В заключении обобщены полученные результаты. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение феномена ненадежной наррации в современном литературоведении. Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в курсах по общей теории литературы, нарратологии, стилистике и интерпретации художественного текста и др., а также в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Меркулов Г.В. Фонетические особенности старорумынского языка XVI-XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620) // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.76039 EDN: XBPSMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76039

Фонетические особенности старорумынского языка XVI-XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)

Меркулов Глеб Васильевич

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1 стр. 51

✉ glebmerkulov@mail.ru

[Статья из рубрики "Фонетика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.76039

EDN:

XBPSMG

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Дата публикации:

29-09-2025

Аннотация: Данная статья посвящена описанию фонетических особенностей румынского языка XVI-XVII вв. на примере манускрипта Codex Neagoeanus. Предметом исследования является комплексный фонетический анализ рукописного памятника «Codex Neagoeanus» (ms. rom. 3821, Библиотека Румынской Академии), датированного началом XVII века (1620 г.). Данный кодекс представляет собой характерный для румынской культуры XVI-XVII вв. сборник религиозных и народных текстов (cărți populare), включающий переводы народного романа, дидактического трактата, краткой версии номоканона и произведения астрологической литературы. Исследование сосредоточено на системном описании и классификации архаичных и вариативных фонетических черт румынского языка, зафиксированных в текстах кодекса в сравнении как с современной нормой, так и с феноменами XVI-XVII вв. Основным методом

исследования стал комплексный фонетический анализ, направленный на выявление и классификацию характерных архаичных и инновационных элементов в фонетической системе памятника письменности. Также используются методы палеографического анализа. Научная новизна исследования заключается в проведении первого детального и системного лингвистического анализа именно Codex Neagoeanus, который вводит в научный оборот новый фактический материал. В ходе исследования было выявлено, что в фонетической системе рассматриваемого манускрипта наиболее нестабильной является система безударного и ударного вокализма. Особенно это справедливо для [e], [u] и [o], так как именно с этими звуками зарегистрировано наибольшее количество отклонений от нормы: например, из пяти зарегистрированных нами случаев ассимиляции, четыре так или иначе связаны с переходами из / в [e] и [u]. Кроме того, наиболее частотные фонетические феномены также связаны с данными гласными: например, нестабильность дифтонга [oa], его взаимзаменяемость гласной [o] сохраняется на протяжении всего манускрипта. Однако главной особенностью вокализма в текстах CN следует считать смешение языковых особенностей как северных, так и южных регионов. Например, типично северная особенность – сохранение безударного [a] – сосуществует в манускрипте с особенностью южных регионов – нестабильностью дифтонга [oa]. Феномены, относящиеся к системе консонантизма, носят скорее окказиональный характер.

Ключевые слова:

старорумынский язык, румынистика, Codex Neagoeanus, румынская кириллическая письменность, румынская фонетика, манускрипт, народные книги, палеография, диахронический анализ, языковая вариативность

Введение

Основной корпус дошедших до нашего времени румынских текстов XVI–XVII столетий состоит преимущественно из переводов религиозных книг, апокрифических произведений, а также ряда народных сказок и романов. В научной литературе подобные сочинения идентифицируются как «народные» или «популярные книги» (*scribi populare*). Как отмечают исследователи, их широкое распространение было обусловлено существовавшим в ту эпоху неудовлетворенным культурно-религиозным запросом со стороны широких слоев населения [\[1, с. 42\]](#).

Вполне очевидно, что отдельные рукописные сборники (кодексы) включают тексты, созданные значительно раньше, чем сам манускрипт [\[Ibid, с. 44\]](#). В качестве примеров таких кодексов можно привести: Кодекс Стурдзана (датируется 1580–1620 гг., переписан в Махачени) [\[2, с. 43\]](#), Воронежские Кодексы Марциана (XVI в., Буковина) [\[3, с. 41–50.\]](#), а также Кодекс из Йеуда (первая четверть XVI в.) [\[4, с. 98\]](#).

Среди этого обширного массива памятников письменности значительный интерес представляет манускрипт, известный под названием Codex Neagoeanus. Данный рукописный памятник хранится в Библиотеке Румынской Академии под шифром ms. rom. 3821 и оцифрован для открытого доступа на портале Aleph.

Материалы и методы

Объем кодекса составляет 382 страницы, при этом первые 26 листов имеют наиболее

серьезные повреждения. Характер повреждений — механический, в верхней центральной части страниц присутствуют вырванные фрагменты клиновидной формы. На некоторых страницах (98, 128, 221, 229) зафиксированы надрывы краев с незначительной утратой текстового поля. Полностью утраченных листов в кодексе не выявлено.

Текст манускрипта, как и большинство румынских памятников этого периода, выполнен кириллицей. С точки зрения палеографического анализа тип письма может быть определен как полуустав, содержащий элементы скорописи [\[5, с. 21\]](#).

Первичный анализ позволяет предположить, что данный манускрипт обладает фонетическими чертами сразу нескольких диалектных зон, что объясняется, во-первых, местом его создания — на границе ареалов говоров (Хунедоара, село Сымпетру) [\[6, с. 545–560\]](#), а во-вторых, вероятным происхождением четырех текстов кодекса из разных источников, переведенных разными лицами, но сведенных одним переписчиком.

Свое название манускрипт получил по имени первого известного владельца — Штефана Нягоя, румынского писателя и педагога XIX века [\[7, с. 2\]](#). Также существует альтернативное, описательное название — «*Misceleanu religios și de cărți populare*» («Сборник религиозных и народных книг»), которое используется исключительно на ресурсе *Medievalia* и в онлайн-каталоге *Aleph* [\[8\]](#). В академической литературе это название не применяется.

Результаты

Прежде чем перейти к анализу конкретных языковых явлений, представляется необходимым описать принятую в настоящем исследовании систему подачи иллюстративного материала. Каждое выявленное явление сопровождается примерами, которые оформляются по следующей схеме:

пример (= «перевод»; X, Y, Z...), где **X**, **Y**, **Z**... обозначают номера страниц рукописи *Codex Neagoeanus*, на которых зафиксирован соответствующий пример.

Ударный вокализм:

1. [ə], произошедший от ударного [a], после [i] оформляется как [e] / [ie]: *tă(i)e* (ср. *tăia*, 108) и *junghe* («резать/убивать», 75, 89, 105, 141, 180, 189, 271). Если же ударный [a] находится перед [n] (как, например, в латинском «*anima*»), то в некоторых случаях он преобразуется в [i]: *inima* («душа», 118, 144, 175, 178, 186, 191, 232). Такая же словоформа обнаружена и в манускриптах, написанных в Валахии [\[9, с. 452\]](#).

2. Латинский [e] в таких словах, как «*meu*», в манускрипте превращается в [ie]: *mieu* («мой», 60, 118, 120, 122, 139, 150, 215), однако встречаются и слова без подобных изменений: *perită* («погибший», 1), *tuere* («женщина», 3, 27, 28, 29, 30...).

После «z» он превращается в [ə], наиболее наглядно это отражено в словоформах *Dumnezău* («Бог», 13, 25, 27), *Dumnezăul* (73), *Dumnezăi* (31, 51, 52), *Dumnezăilor* (73). Тем не менее, встречается и форма *Dumnezeu* (67).

После согласного [r] в начале слога, [e] преимущественно сохраняется: *reu* («плохой», 56, 172, 179, 182, 183), *înderet* («сзади», 65), при этом находим *îndărăt* (36, 65, 74). Стоит обратить внимание, что варианты могут находиться на одной странице манускрипта.

Перед «ț» ([ts]) он может как сохраняться (țerile, «страны», 58), так и трансформироваться в [ə] (țări 121; țările 138, 149; țărilelor 75). Второй вариант более широко распространен.

Перед [a] и [e] имеет три варианта транскрипции: 1. «i+йако»: piatră («камень», 1, 2, 39, 41, 42, 47), apropiară («приблизился», 86), Olimbiada («Олимпиада», 53), viață («жизнь», 32, 53, 84), Diavolul («Дьявол», 162, 262), diacona («дьякон», 263); 2. «ie»: piele («кожа», 46), pieile («кожи», 48), pierde («терять», 181, 182, 186); 3. Стяжение в [e]: muere («женщина», 3, 168, 169), mueri («женщины», 28, 29, 279), muerile («женщины», 80, 84, 251).

После «ș» ([s]) оформлен как [e] в слове șerpe («змея», 92), șerpi (98), șerpiloră (99), но встречаются и варианты: șarpe (18), șarpele (18).

Перед носовыми согласными может трансформироваться в [ə]: avăm («имеем», 14), pântru («для», 45, 46, 58, 71, 119), но встречается и avem (10, 82). Переход [e] > [ə] перед и после носовых вполне нормативен для XVI в. и регистрируется в нескольких письменных источниках эпохи [Ibid., с. 446].

[e], стоящий в слоге перед [a] / [ə], дифтонгизируется, образуя «ia»: diacă («если», 59, 118, 141, 165), но обнаружена и современная форма, с уже «стянутым» дифтонгом: dacă / daca (26, 43, 45, 89, 91 и т. д.), равно как и форма без дифтонга: deca (2, 4, 13, 24, 27, 29 и т. д.). Третья форма превалирует.

Находясь в слоге перед [e], не изменяется: merse («пришел», 3, 7, 8, 15, 16 и т. д.), beserecă («церковь», 43, 158, 169, 268, 271, 272), cere («просить», 139), dedeă («дали», 3, 15, 43), dede («дает», 24, 25, 47), peștele («рыба», 38), peștere («пещера», 38).

Дифтонг «ea» после сочетания «șt» стягивается в [a]: aștaptă («ждет», 35, 135, 141, 167). Кроме того, он также нейтрализуется в [a] в слоге перед [a] или [ə] и после согласных [m], [s], [t], [d]: să marga («идти», 2, 36, 37, 157, 270, 271, 273, 277), sară («вечер», 92, 167, 172, 279), ačasta («этот», 24, 59, 60, 70), seğata («стрела», 42), săğata («стрела», 77), čara («воск», 56, 193), čapă («лук», 111). Монофтонгизация в указанных контекстах отслеживается в многих текстах XVI—XVII вв. во всех регионах, в особенности в Молдове [Ibid., с. 463]. В конце слова данный дифтонг нередко нейтрализуется: ave («имел», 4, 15, 42, 89), va vede («увидит», 197), să de («давать», 176, 219), căde («падал», 262). Стяжение дифтонга в [e] на конце слова зарегистрировано в румынских текстах XVI—XVII вв. в следующих регионах: Марамуреш, Северный Ардьял, Молдова, Банат и Буковина [Ibid., с. 461-462].

3. [i] после [r] сохраняется (т. е. не переходит в [i]) в словах urită («урод», 57, 206), pări («винить», 133), Rimul («Рим», 152, 189, 239), să omori («уморить», 147, 195), mohorite («бордовые/темные», 20, 34).

4. Дифтонг «oa», распространенный в современном румынском, в CN все еще представлен преимущественно гласным [o], т. е. на момент написания данный ударный гласный еще не «разложился» в дифтонг, чему есть множество примеров: frumose («красивый», 20, 33, 40, 42 и т. д.), oste («войско», 3, 15, 35, 42, 65 и т. д.), omeni («люди», 1, 3, 4, 5, 8 и т. д.), tote («все», 18, 21, 33, 45 и т. д.), totă («весь», 9, 11, 16, 22 и т. д.), morte («смерть», 6, 43, 45, 72 и т. д.), pičore («ноги», 15, 18, 21, 23 и т. д.), pičorele (122, 146), scote («снимает», 78, 142), scoseră («снимал», 74, 78, 146), ose («кости», 39), osele («кости», 133), sănătos(ă) («здоровый», 102, 116, 119, 145), sorele

(«солнце», 41, 49, 77, 103 и т. д.). Также в словах-заимствованиях: *golă* («голая», 20, 109), *glotă* («толпа», 91), *războe* («война», 11, 43, 51), *comoră* («клад/сокровище», 125)

Стоит отметить, что несколько раз встречаются и дифтонгизированные варианты данных слов: *frumoașe* (156, 182, 211, 221 и т. д.), *oaște* (1), *oameni* (1, 94, 175), *toate* (5, 27, 47, 76 и т. д.), *toată* (2, 46, 139, 152, 163), *moarte* (119, 135, 139, 177, 180, 203, 204 и т. д.), *pițoare(le)* (210, 243, 245, 275, 278), *scoate* (176, 181, 189, 192), *scoasera* (3, 40, 75, 78 и т. д.), *oașe* (235), *sănătoasă* (249), *soarele* (77, 150, 200, 212, 229, 247, 258 и т. д.). Также в словах-заимствованиях: *gloată* (275), *războaiele* (123). Можно заметить, что некоторые случаи дифтонгизации преобладают в более поздней части текста, в то время как некоторые просто сменяют друг друга без какой-либо системы. В целом, данный фонетический феномен был распространен в румынских текстах эпохи, в особенности в Молдове, Банате, южном Ардьяле и в Валахии [Ibid., с. 465-466].

В некоторых случаях на месте [o] мы можем обнаружить [u]: *lucure* («места», 5), *sulu* («гоним», 72).

5. В то же время ударный [u] может быть заменен [o]: *comă* («с», 146), *foră* («были», 38).

Безударный вокализм:

1. В некоторых словах мы видим безударный [a], еще не трансформировавшийся в [ə]: *noa* (5, 23, 82), *voa* (57, 253, 272), *calare* («всадник», 129), *calarași* («кавалерист», 47, 56, 60), *lacrămil(e)* («слезы», 118, 149), *tuma-sa* («его/ее мама», 90, 95, 117). Данный фонетический феномен был распространен преимущественно в северных регионах (Марамуреш, Северный Ардьял, части Молдовы) [Ibid., с. 449]. При этом, хоть и довольно редко, встречаются и формы с «ă»: *călăre* (2), *călărași* (67). В тех словах, где эта трансформация уже произошла, после согласного [t̪s̪], [ə] продолжает изменяться в [e]: *mulțemesu* («благодарю», 102, 115), *mulțemi* («он/она поблагодарил/-а», 86).

[ə] в окончании сохраняется в предлоге *cătră* («перед», 4, 14, 32, 111 и т. д.), после согласного [ʃ] трансформируется в [e]: *ușe* («дверь», 189, 190).

Также он сохраняется в словах *păharele* («стаканы», 103), *păhar* («стакан», 120, 139), *nărocul* («судьба», 57).

2. [e] сохраняется в *gemet* («рев, крик», 99), *beu* («он/она выпил/-а», 15, 140), но встречаются и формы с «ă»: *bău* (140), *băuiu* (140), *am băut* (147). Второй вариант имеет большее распространение в XVI—XVII вв [Ibid., с. 446].

[e] в возвратном местоимении «se» в большинстве случаев уже трансформировался в [ə]: *să gătașcă* («готовить», 2, 128), *să intoarcă* («возвращается», 2), *să odihniască* («отдыхает», 2, 19), *să ducă* («вести», 29, 56). Более старая форма «se» также встречается, но реже: *se odihniască* («отдыхает», 8), *se sărută* («целуется (как форма приветствия)», 145). На протяжении всего XVI в. нормативной считалась именно форма «se» [Ibid., с. 446], примеры из CN, таким образом, демонстрируют прогрессивность переписчика/переводчика.

Обнаружены случаи перехода безударного [e] в другие гласные звуки. Например, переход [e] > [ə] после [s] в форме конъюнктива 3 лица единственного числа: *să ducă* («ведет», 9, 218, 228), при этом гораздо чаще встречаются формы с [e] (особенно это видно в 3 л. мн.ч простого перфекта): *duseră* («привели», 45, 63, 135), *uciseră* («убили», 1), *aduseră* («принесли», 3), *prinseră* («схватили», 4), *ziseră* («сказали», 6) и многие

другие. Кроме того, в CN есть несколько словоформ, где произошел переход в [i]: *galbine* («желтые», 21, 34), *galbini* («золотые (монеты)», 66, 189, 190), *amă vinită* («я пришел», 11), *au vinitu* («они пришли», 215), *vinit-au* («они пришли», 25); но обнаружены и формы без перехода: *venit* (10, 36, 52, 70 и т. д.), *galbeni(i)* (79, 124). Эта особенность («е» безударный > «i») также встречается в других манускриптах эпохи [Ibid., с. 446].

3. Безударный [i] начинает переход в [e] в таких словах как *menunate* («замечательный», 21, 36, 55). Формы с [i] также встречаются: *minunate* (77), *minunat* (131).

В конце слова у безударного [i] были обнаружены следующие особенности: 1. Сохраняется без изменений при использовании графемы «и»: *omeni* («люди», 8), *sămteți* («вы есть», 5), *raci* («раки», 16), *dulci* («сладкие», 20), *veri* («пришел», 22); 2. Превращается в **полугласный** / **ă** при использовании графемы «ь»: *să mă tremeți* («отправить мне», 81), *să mă spui* («сказать мне», 31), *să mă iertați* («простить меня», 53); 3. **Не отмечается** на письме вовсе / **исчезает**: *ne vez* («ты видишь нас», 10), *ver veni* («ты придешь», 13), *ver fi* («ты будешь», 98).

4. Безударный [u] в некоторых случаях отмечается на письме с помощью графемы [o]: *potem* («можем», 13), *fromos* («красивый», 33), *Domnezău* («Бог», 51), *domnevoastră* (форма вежливого обращения, 253). В целом, взаимозаменяемость [u] и [o] была распространена на всей территории современной Румынии и Молдовы [Ibid., с. 448], о чем также может свидетельствовать и факт обнаружения обратной ситуации, указанный выше (см. п. 5 Ударного вокализма).

Касаемо безударного [u] на конце слова, следует отметить следующее: 1. Может сохраняться и отмечаться при этом на письме с помощью графем «ly» и «□»: *anu* («год», 11), *e/lu* («он», 4, 18, 22, 73), *cumu* («с», 6, 10, 28, 42 и т. д.), *căndu* («когда», 25, 119, 131, 255 и т. д.); 2. Может переходить в полугласный и графически выражаться с помощью «ь»: *lăcuiescu* («живу/обитаю», 28), *cămpŭ* («лагерь», 32), *căndŭ* («когда», 67, 87, 168, 245 и т. д.).

Что касается **ассимиляции**, в CN нами были обнаружены следующие случаи:

1. **Ă-ă > а-а**: *calaraș* («всадник», 47), *calarași* («всадники», 56, 70, 94), однако есть и неассимилированная форма *călărași* (67).

2. **Ă-е > е-е**: *beserecă* («церковь», 43, 158, 268, 271), *nestemat(e/ă)* («драгоценный/е/ая», 46, 103, 110, 117) *tremeți* («посылаешь», 50, 61, 81, 121 и т. д.), *segeți* («стрелы», 42, 82), *segețile* («стрелы», 42), *să lepez* (здесь – «брось!», 138). При этом, очевидно, встречаются и следующие формы: *năstemată* (41, 47), *seğata* (42), *săğata* (77). Данная ассимиляция так или иначе встречается во всех регионах, в особенности на севере [Ibid., с. 450].

3. **Е-ă > ă-ă**: *îndărăt(ŭ)* («назад», 36, 65, 74), но при этом находим – *înderăt* (63) и даже *înderet* (65).

4. **Е-і > і-і**: *fîcori* («мальчики», 26, 89, 136, 269 и т. д.), *fîcorii* («мальчики», 13, 91, 93, 259 и т. д.), *inima* («душа», 118, 175, 191, 201 и т. д.), *nîmic(ă)* («ничто», 106, 130, 209, 223), *nîci* («никакой», 9, 10, 12, 27 и т. д.). В то же время находим: *feçorii* (93, 105, 106, 111 и т. д.), *peci* (27, 170, 179, 183 и т. д.), *nemic(ă/a)* (10, 14, 118, 222). Такая нестабильность, причем в тех же лексемах, регистрировалась преимущественно на территории Ардьяла и Баната [Ibid., с. 447].

5. U-ă > u-u: *curundu* («скоро», 135, 141).

Также в CN был обнаружен следующий случай **диссимиляции**:

1. E-e > e-i: *nice* («никакой», 31, 46, 48, 50 и т. д.), *direptul* («прямо/напрямую», 201, 234), *niște* («несколько», 282), *trimese* («он отправил», 52, 124, 180, 191), *trimeți* («ты отправляешь», 53, 60, 119). Естественно, встречаются случаи и без диссимиляции: *dereptu* (105), *nește* (9, 20, 21, 37 и т. д.), *tremete* (95). В случае с данным фонетическим феноменом, CN демонстрирует вполне логичное развитие (переход от ассимилированных форм к диссимилированным), т. к. для XVI в. использовались преимущественно формы типа *tremeți* и *necce* [Ibid., с. 450].

Стоит отметить и несколько случаев **афerezы**, обнаруженных в манускрипте:

1. Афере́за [î]: *naltă* («высокий», 17, 19, 20, 21 и т. д.), *nainte* («перед», 9, 14, 20, 28 и т. д.), *napoi* («напротив», 37, 41, 85, 101). Встречаются и формы без афerezы: *înalt* (1), *înapoi* (2, 35), *înainte* (36, 62, 179, 217, 239).

2. Афере́за [îm] в глаголе «îmba» в форме императива: *blăm* («ступай!/иди!», 96, 217, 233).

3. Афере́за [a] в глаголе *gonisescu* (здесь – «добываю/зарабатываю», 82), ср. совр. «agonisesc».

Афerezы, указанные в пп. 1–2, регистрируются практически во всех текстах эпохи [Ibid., с. 451]. Во всех регионах афере́за [î] возникает перед носовыми согласными. При этом CN выделяется на общем фоне, сохраняя [î] перед носовыми в некоторых словах, в то время как в других письменных источниках она исчезает: *împărat*, *învățătură*, *începutul*.

Синкопа [o] обнаружена в *aclo* (=acolo, «там», 55), однако, учитывая тот факт, что это единственный случай, вполне вероятно, что это не что иное, как ошибка переписчика.

Консонантизм.

1. Губные (p, b, f, v, m) перед [i] и [ie] не изменяются и не палатализируются: *piiatră* («камень», 1, 2, 39, 41 и т. д.), *bine* («хороший/хорошо», 8, 24, 57, 102 и т. д.), *fier* («железо», 17, 46), *vin* («вино», 140, 169, 223, 276). Данный фонетический феномен чаще всего регистрируется в текстах из Валахии и южного Ардьяла, в то время как в подавляющем большинстве текстов из северных регионов мы находим изменения в губных согласных в данной позиции. Например, «*va hi*» вместо «*va fi*» в Буковине, Молдове и в Марамуреше.

2. [n] перед [i] с зиянием сохраняется в *măngăni* («ласкать», 142), *să-m spuni* («скажи мне», 100), *să vini* («приходить», 99), но есть и варианты без [n]: *măngăi* (44), *spui* (31).

3. [z] (на письме выражается графемой ж) сохраняется, за исключением случаев, когда его заменяет [dz], (на письме выражается графемой џ): *g̃os* («вниз», 75, 92), *g̃udeț* («суд», 100), *g̃udecătorului* («судый», 123). Разумеется, обнаружены и формы с сохранением «j»: *jos* (54, 113, 147), *județ* (32, 100). Стоит отметить, что варианты *g̃udeț-județ* находятся на одной странице, на соседних строчках.

4. Наконец, стоит отметить, что текст CN практически не был подвержен ротацизму, то есть спонтанному переходу [n] > [r], возникшему в XVI в., преимущественно в северных регионах [Ibid., с. 474-475]. Единственным исключением следует считать

ротацизованную форму глагола «а veni», зарегистрированную в CN восемнадцать раз: *veri* («ты идешь», 10, 22, 30, 35 и т. д.).

Касаемо **групп согласных** мы обнаруживаем следующие тенденции:

1. [nt] > [mt]: *sămtă* («я есть», 19, 26, 31, 46 и т. д.). Данный фонетический феномен можно обнаружить во всех регионах [Ibid., с. 482];
2. [ns] > [ms]: *frămsără* («разрубили / разломали на две части», 74);
3. [sf] > [sv]: *svânt* («святой», 35), *svinte* («святые», 158), *svinților* («святых/святым», 155), *nesv(ă)rșită* («бесконечный», 145). Конкретно этот случай, очевидно, произошел под влиянием славянских языков.
4. [n] + **согл.** > **согл.** На первый взгляд может показаться, что конкретно этот случай можно объяснить ошибками переписчика, однако тот факт, что подавляющее большинство этих «ошибок», возникают как раз в случаях типа «**n+согл.**» и в имени «Alexandru», заставляет нас рассматривать эти «ошибки» как часть языкового процесса, а не какую-то особенность написания Иона Влаха: *naite* (=înainte, «перед», 94, 98, 128, 147), *plăge* (=plânge, «плакать», 69), *ude* (=unde, «где», 226), *ajuseră* (=ajunseră, «прибыли», 6), *prisseră* (=prinseră, «взяли», 43), *păritele* (=părintele, «родители», 116).

Диссимиляция [r] была обнаружена в *prespe* (16, 36, 42, 51...), но есть и случаи использования формы без нее: *prespre* (8, 14, 60).

В случае с глаголом «împotrivi» («противостоять») мы наблюдаем еще не произошедшую **метатезу [r]**: *să protivește* (201, 224), *te protivești* (52), *protivi* (52).

Также обнаружен случай **синкопы [r]** в слове *drept*: *deptă* («закон», 96, 259).

Итак, мы можем увидеть, что в рамках рассматриваемого нами манускрипта наиболее нестабильной является система безударного и ударного вокализма. Особенно это справедливо для [e], [u] и [o], так как именно с этими звуками зарегистрировано наибольшее количество отклонений от нормы: например, из пяти зарегистрированных нами случаев ассимиляции, четыре так или иначе связаны с переходами из / в [e] и [u]. Кроме того, наиболее частотные фонетические феномены также связаны с данными гласными: например, нестабильность дифтонга [oa], его взаимзаменяемость гласной [o] сохраняется на протяжении всего манускрипта.

Однако главной особенностью вокализма в текстах CN мы все же считаем смешение языковых особенностей как северных, так и южных регионов. Например, типично северная особенность – сохранение безударного [a] – сосуществует в манускрипте с особенностью южных регионов – нестабильностью дифтонга [oa]. При этом практически не зарегистрированы палатализация губных перед [i] / [ie] и ротацизм (фонетические особенности северных регионов).

Касаемо консонантизма, следует отметить *окказиональный* характер большинства обнаруженных нами особенностей, то есть большинство случаев зарегистрировано лишь в отдельных лексемах и не представляют собой какую-то систему.

Библиография

1. Grosu M. Istoria Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană). București: Litografia și Tipografia Învățămintului, 1958.
2. Chivu G. Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu linvistic, editie de text si indice de

cuvinte. București: Editură Academiei Române, 1993.

3. Mareș A. Datarea Codicelui Voronețean // Limbă Română. 1982. Vol. 31, № 1. c. 41-50.

4. Teodorescu M., Gheție I. Manuscrisul de la Ieud. București: Editura Academiei RSR, 1977.

5. Чекунова А. Е. Русское кириллическое письмо XI-XVIII вв. Учебное пособие. М., 2010.

6. Ghetie I. Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Română. 1973. Vol. 22. № 6. P. 545-560.

7. Ionascu A. "Alexăndria", or the first instance of monsters in romanian culture // Journal of Romanian Literary Studies. 2019. № 17. P. 939-944.

8. Онлайн-каталог BAR "Aleph", "ms.rom. 3821". URL:

http://aleph23.biblacad.ro:8991/F/A68JRYCBMHLQN75KVHM3L9E2A7GT9GL8QF7LGUHTSL9ILYRVBK-01204?func=full-set-set&set_number=013858&set_entry=000006&format=999

9. Rosetti A. Istoria Limbii Române. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Фонетические особенности старорумынского языка XVI–XVII вв. (на примере Codex Neagoeanus, 1620)»

Автор посвящает статью анализу фонетических особенностей старорумынского языка XVI–XVII вв. на материале Codex Neagoeanus. Выбор именно этого корпуса рукописей обоснован его уникальным положением среди письменных памятников: тексты кодекса происходят из разных источников и отражают многообразие диалектных черт. Исследование затрагивает ключевые аспекты исторической фонетики румынского языка, уделяя внимание как вокализму, так и консонантизму, а также явлениям ассимиляции, диссимиляции, афрезы и синкопы. Предмет исследования определен четко и имеет несомненное значение для исторической романистики.

Методологическая база статьи включает:

1. Палеографический анализ — уточнение типа письма (полуустав с элементами скорописи).
2. Фонетический анализ — систематическая фиксация вариантов ударных и безударных гласных, согласных и их алломорфии.
3. Сравнительно-исторический метод — сопоставление данных Codex Neagoeanus с другими памятниками (Codex Sturdzanus, Codex Voronețeanus, рукописи из Йеуды и др.).
4. Диалектологический подход — выявление взаимодействия северных и южных черт румынских говоров.

Методика исследования отличается тщательностью и строгостью, примеры систематизированы и сопровождаются ссылками на страницы рукописи, что придает работе высокую степень научной достоверности.

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью Codex Neagoeanus в современном языкознании. Автор справедливо отмечает, что данный памятник отражает смешение региональных диалектных черт, что позволяет проследить динамику становления литературного языка и фонетических норм. В условиях возросшего интереса к корпусным исследованиям и к истории восточнороманских языков подобные работы востребованы и могут служить источником для дальнейших междисциплинарных исследований.

Научная новизна статьи заключается в:

- детальном описании нестабильности вокализма (особенно в отношении гласных [e], [u], [o]);

- выявлении сосуществования северных и южных фонетических признаков в одном памятнике;
- фиксации окказиональных явлений консонантизма (сохранение или выпадение звуков, отсутствие ротацизма, специфические формы ассимиляции и диссимиляции);
- систематизации фонетических особенностей Codex Neagoeanus с учетом сравнительного материала.

Тем самым автор вносит весомый вклад в разработку исторической фонетики румынского языка и уточняет картину диалектного взаимодействия XVI–XVII вв.

Статья написана академическим стилем, отличается четкой структурой: введение, характеристика памятника, методологическая база, анализ вокализма и консонантизма, заключительные наблюдения. Иллюстративный материал приведен последовательно, примеры снабжены переводами и ссылками на страницы рукописи. Однако можно отметить перегруженность текста деталями: обилие примеров иногда затрудняет восприятие общей картины. Было бы целесообразно дополнить статью итоговыми таблицами или схемами для наглядного представления результатов.

Список литературы включает как классические исследования (Rosetti, Ghetie, Mareş и др.), так и современные работы (Ionascu, 2019). Источники разнообразны и охватывают как румынскую, так и русскую научную традицию. Вместе с тем библиографический список выглядит ограниченным: явно не хватает более новых публикаций (после 2019 г.), особенно зарубежных исследований по истории восточнороманских языков. Это несколько снижает понимание о степени разработанности проблемы.

Автор учитывает позиции исследователей, ссылается на общепринятые интерпретации (например, о региональном распространении фонетических явлений), однако прямая полемика с оппонентами почти отсутствует. В тексте отмечены лишь отдельные расхождения в трактовках (например, объяснение «ошибок» переписчика как системных явлений), но полноценная дискуссия с альтернативными подходами не развита.

Работа представляет интерес для специалистов в области романской филологии, исторической фонетики, палеографии и сравнительно-исторического языкознания. Она может быть полезна также исследователям славянско-романских языковых контактов. Основной вклад статьи — уточнение диалектной картины румынского языка XVI–XVII вв. на материале одного из значимых памятников.

Рецензируемая статья в целом соответствует требованиям научного издания: она обладает актуальностью, новизной и методологической обоснованностью, и может быть рекомендована к публикации без критических замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Пуряева Н.Н. Лубочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице // Litera. 2025. № 9. С. 96-102. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.76054 EDN: TOZNGX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76054

Лубочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице

Пуряева Надежда Николаевна

ORCID: 0000-0002-9323-6850

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Институт русского языка и культуры; Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова

117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 1.

✉ nadia_np@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.9.76054

EDN:

TOZNGX

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2025

Дата публикации:

04-10-2025

Аннотация: Объектом исследования является популярный в беллетристике и массовой литературе сюжет об Н.А. Дуровой, который с 1870-х гг. послужил основой более 15 художественных произведений. Это дает основание говорить об относительно устойчивом сюжете о кавалерист-девице. В качестве предмета исследования выступает малоизвестный лубочный рассказ Кукеля (литературный псевдоним В.А. Лунина) «Кавалерист-девица» (1898). В статье обозначена специфика произведений лубочной литературы: особенности оформления и вторичность используемых сюжетов. В качестве фабульных источников писатели-лубочники использовали духовную литературу, фольклор, художественные произведения. Цель данной статьи – определить, какие элементы «дуровского» сюжета воспроизводит автор, как он интерпретирует сюжет, как это произведение вписывается в ряд других текстов, посвященных Дуровой. Методология исследования связана с использованием описательного метода, культурно-

исторического метода, а также интертекстуального анализа. Основными выводами исследования являются следующие: Лунин использует ключевые эпизоды истории Дуровой, однако, не только меняет суть сюжета, но и компилирует элементы разных сюжетов; автор переосмысляет ключевые для первоисточника (записки Дуровой) темы патриотизма и эмансипации, делая основой движения действия патриархальные семейные ценности; произведение балансирует между реальностью и сказочностью: на фоне хотя и условного, но легко узнаваемого исторического контекста (война 1812 г.) развивается вполне сказочный сюжет о сироте, спасающей жениха; прием адаптации исходного сюжета, которым пользуется автор, – это ремейк. Таким образом, произведение Лунина – это ремейк сюжета о Дуровой, упрощенный до уровня читателя и сосредоточенный на идее активной героини.

Ключевые слова:

Надежда Дурова, кавалерист-девица, лубочная литература, массовая литература, Кукель, Виктор Лунин, ремейк, беллетристика, устойчивый сюжет, активная героиня

Под лубочной литературой исследователи понимают пласт художественных произведений конца XVIII – начала XX вв., находящихся на периферии литературного поля и имеющих строго определенную целевую аудиторию – деревенское и городское население, составлявшее социальные низы российского общества. По мнению исследователей, лубочная литература имела ряд характерных особенностей, в первую очередь, «внешние характеристики книги» [\[1, с. 7\]](#): дешевая бумага, небрежное оформление, а также обязательная яркая обложка, нередко изображающая ключевой эпизод произведения. Помимо этого, книга могла содержать вклейки с иллюстрациями основных эпизодов – своего рода краткую визуализированную версию сюжета, что восходит, очевидно, к истокам лубка – собственно изображениям – и позволяет отнести такого рода произведения к смешанному или креолизованному типу текста.

Однако, на наш взгляд, более значимыми являются особенности поэтики. Как отмечает А.С. Пругавин, писатели-лубочники в качестве источников сюжета использовали духовную литературу, фольклор, художественные произведения [\[2, с. 389-391\]](#). Нередко лубочники соединяли фрагменты разных сюжетов, и в этом смысле, видимо, воспроизводили те же механизмы текстотворчества, что и сказители, создатели фольклорных произведений. Говоря иначе, лубочные тексты не предлагали оригинальных сюжетов, они вторичны и компилятивны. Взаимодействие с другими слоями литературы носило однонаправленный вектор: лубочная литература преимущественно «поглощала» литературный материал, «циркуляции» идей не происходило, быть может, за очень редкими исключениями.

В отношении лубочной литературы едва ли уместно говорить о реализации каких-либо последовательных авторских идеологических установок, поскольку, по замечанию А.И. Рейтблата, единственным критерием оценки произведений был коммерческий успех [\[3, с. 127\]](#). Продолжая эту мысль, можно предположить, что автор скорее подстраивался под вкусы своих читателей, нежели пытался воздействовать на них, иными словами, в лубочных произведениях отсутствует свойственная более «высоким» уровням литературы идейная программа, а авторам присуща значительная степень конформизма. С другой стороны, то, что лубочный автор воспроизводит идейные и эстетические взгляды своей целевой аудитории, дает, пусть опосредованное, представление о ее мировоззрении.

Начиная с 1870-х гг. история Н.А. Дуровой неоднократно становилась основой художественных произведений, что позволяет говорить об относительно устойчивом сюжете о кавалерист-девице в беллетристике, а затем массовой литературе [4]. Цель данной статьи – рассмотреть ранее не исследовавшееся лубочное произведение «Кавалерист-девица», восходящее к сюжету о Н.А. Дуровой, определить, какие элементы «дуровского» сюжета воспроизводит автор, как он интерпретирует сюжет, как это произведение вписывается в ряд других текстов, посвященных Дуровой.

Кукель – псевдоним В.А. Лунина (1838-1914), одного из наиболее плодовитых (более 150 книг) писателей-лубочников 1880-1910-х гг. Как отмечает Рейтблат, одной из особенностей произведений Лунина было то, что действие нередко разворачивалось в дворянской среде [Рейтблат, 415]. Как и другие лубочники, опираясь на готовые сюжеты, Лунин часто не менял название и в некоторые случаи даже ссылался на первоисточник. Так, основой для его произведений послужили «Песня о царе Иване Васильевиче...» М.Ю. Лермонтова [6], роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» [7], романы Р.М. Зотова «Таинственный монах» [8] и К.П. Масальского «Стрельцы» [9] и др.

Ряд произведений Лунина посвящен военной тематике: польское нашествие 1608 г., Крымская война, Русско-турецкая война 1870-х гг. В 1897 г., в 85-летнюю годовщину Отечественной войны 1812 г. выходят очерк «Бегство Наполеона из России в 1812 году» и рассказ «Старостиха Василиса». В 1898 г., в 115-летний юбилей Дуровой Лунин публикует рассказ «Кавалерист-девица». В скобках отметим, что в том же году вышло еще одно произведение о Дуровой – роман «Кавалерист-девица» Д.С. Дмитриева.

Рассказ Лунина состоит из трех частей. В первой дана предыстория героини, Наташи Березиной, во многом повторяющая обстоятельства женитьбы родителей Дуровой: дочь состоятельных родителей против их воли выходит замуж за простого офицера. Если в случае Дуровой это состоятельная малороссийская семья, у Лунина это московская княжеская семья (Крушинские). Как и в ситуации родителей Дуровой, княгиня Крушинская не признает непрошеного зятя и отказывает молодой семье в поддержке. Даже появление внучки не меняет ее неприязненного отношения. Далее Лунин отклоняется от истории Дуровых, нагнетая сюжетное напряжение: отец Наташи погибает на русско-турецкой войне, вскоре после этого от чахотки умирает мать. Поскольку княгиня-бабушка интереса к судьбе внучки не проявляет, девочку забирает на воспитание двоюродный дед, Григорий Иванович Березин, небогатый рязанский помещик. Здесь Лунин вновь использует ситуацию Дуровых: подобно денщику Дурова Астахову, Березин воспитывает двоюродную внучку на мальчишеский лад: учит ее скакать верхом, стрелять. В результате «в двенадцать лет Наташа была хорошим стрелком и отличной наездницей. Нанятая для нее гувернантка неоднократно твердила Григорию Ивановичу, что такого рода воспитание не свойственно девочке вообще и благородной в особенности...» [Кукель, с. 8].

Поворотным моментом в судьбе героини становится эпизод, когда 14-летнюю Наташу забирает бабушка, княгиня Крушинская, вернувшаяся в Москву после многолетней жизни в Париже. Он соотносится с эпизодом, когда 14-летнюю Дурову отправляют к бабушке в Малороссию, чтобы обучить манерам, более соответствующим барышне ее социального круга.

Со второй части рассказа Наташа выступает уже в качестве центральной фигуры повествования. Действие начинается в 1810 г., когда 16-летняя героиня обручается с уланским офицером Боровским. Княгиня Крушинская одобряет выбор, однако

предупреждает, что матримониальные планы придется отложить из-за скорой неотвратимой войны с Наполеоном. Далее действие переносится в начало 1812 г., когда Боровский отбывает в свой полк. После Бородинского сражения он взят в плен и вместе с французской армией оказывается в Москве. Лунин кратко, но достаточно емко описывает взятие древней столицы, а затем отступление французских войск. Описания захваченной Москвы, жестокого обращения французов с пленными напоминают описание плена Пьера Безухова. Под Вязьмой Боровский оказывается спасен партизанами, в одном из которых он с удивлением узнает свою невесту Наташу.

В третьей части рассказа действие возвращается назад к Бородинскому сражению, после которого Наташа перестала получать весточки от Боровского и забеспокоилась о его судьбе. Благодаря бежавшему из французского плена сыну дьячка из соседней деревни (автор дает ему говорящую фамилию Фортунин), героиня узнает, что Боровский жив, и решает спасти его во что бы то ни стало. Наташа уезжает от бабушки под предлогом посещения заболевшего дяди, а тому уже прямо сообщает о своих намерениях: «Будь что будет! Лучше же я умру от пули или сабли, чем умирать от тоски, которая для меня тяжелее самой жестокой пытки» [Кукель, с. 25]. Дядя помогает снарядить Наташу в опасный путь: ей шьют мужское казацкое платье, она получает коня, оружие и сопровождающего. Под именем Семен Пашутин в Серпухове Наташа присоединяется к партизанскому отряду А.Н.Сеславина. Не вдаваясь в детали, автор отмечает, что «Пашутин с первого дня заявил себя храбрецом и обратил на себя внимание Сеславина» [Кукель, с. 31], и вскоре был назначен его адъютантом. Лунин упоминает Тарутинский бой (6/18 октября 1812 г.), после которого наполеоновская армия вынуждена была отступать по разоренной смоленской дороге, однако не описывает подробно ни сражение, ни вообще участие в боевых действиях Пашутина-Наташи. Эта сюжетная ситуация не имеет прямого соответствия с событиями биографии Дуровой, как и финал рассказа. Лунин отмечает, что Пашутин-Наташа «с особенным рвением стремился отбивать русских пленных» [Кукель, с. 32], и под Вязьмой находит среди пленных Боровского. С разрешения Сеславина на одной из обозных телег Пашутин-Наташа перевозит Боровского в село неподалеку. Повествование завершается сообщением о том, что «как только Боровский оправился от болезни, Наташа увезла его в деревню к бабушке, которая еще оставалась там, и конечно вышла за него замуж. Сеславин, узнавши историю Пашутина, сожалел, что лишился столь энергичного и храброго сотоварища» [Кукель, с. 36].

Таким образом, Лунин использует ключевые эпизоды истории Дуровой (свадьба родителей без благословения; нелюбимый ребенок; «солдатское» воспитание; присоединение к действующей армии под видом казака-добровольца; самоотверженная служба и назначение адъютантом), однако, не только меняет суть сюжета, но и вплетает эпизод, соотносящийся с другим произведением, т.е. компилирует элементы разных сюжетов. Иными словами, перед нами не каноническое воспроизведение истории кавалерист-девицы, а ее фрагмент, существенно модифицированный.

Среди источников, на которые мог опираться Лунин, в первую очередь, были записки Дуровой (1836), хотя ему могли быть известны и художественные произведения о ней, в частности, роман Д.Л. Мордовцева «Двенадцатый год» (1879) и повесть В. Байдарова (псевдоним В.П. Бурнашова) «Кавалерист-девица Александров-Дурова» (1887).

Патриотический пафос, столь важный для как для первоисточника (записки Дуровой), так и для последующих художественных текстов отнюдь не является доминирующим в рассказе Лунина. Напротив, основным двигателем сюжета автор делает личный мотив – стремление героини спасти жениха, а не абстрактную цель спасти Отечество.

Героический ореол кавалерист-девицы, ассоциировавшийся с Дуровой, нивелирован.

Еще одна тема, очень важная для «дуровского» сюжета, – тема эмансипации – также существенно переосмыслена Луниным. Несмотря на самостоятельность и решительный характер героини руководствуется она патриархальными семейными ценностями. И даже нарочитое травестирование гендерных ролей: уланский офицер Боровский низведен до пассивного героя, которого спасает героиня, – не нарушает этого впечатления.

Война 1812 г. выступает как сюжетный фон, на котором разворачиваются события, однако Лунин вводит элементы, которые свидетельствуют о серьезном знании темы: упомянуты длительное время оставшиеся забытыми руководители стихийных партизанских отрядов А.Н.Сеславин и А.С.Фигнер, прослежена хронология сражений с наполеоновской армией при отступлении из Москвы (Тарутинский бой, сражение под Малоярославцем, битва при Вязьме). Вместе с тем, автор допускает довольно существенные исторические несоответствия. Согласно хронологии рассказа, Наташа родилась в 1795/6 гг., между тем, русско-турецкая война, на которой якобы погиб отец Наташи, закончилась в 1791 г., а первая волна террора после Великой французской революции, вынудившая многих дворян бежать из Франции, пришлось на 1793-1794 гг. Иными словами, исторический фон условен, он обеспечивает необходимые развития сюжета обстоятельства. Само произведение балансирует между реальностью и сказочностью: с одной стороны, достаточно легко узнаваемый исторический контекст, с другой, – вполне сказочный сюжет о сироте, спасающей жениха. Повествование имеет типичный для сказки финал: действие останавливается на моменте счастливого воссоединения героев. Лунин создает упрощенную версию истории кавалерист-девицы, мотивы действия которой просты и понятны целевой аудитории, а форма повествования ставит произведение в ряд подобных незамысловатых лубочных историй.

Прием адаптации исходного сюжета, которым пользуется Лунин, – это ремейк. По определению М.Р. Арпентьевой, суть ремейка заключается в том, что он «повторяет, воспроизводит сюжетные ходы оригинала, типы характеров, однако пытается осмыслить их в изменившихся культурно-исторических, социально-политических условиях» [Арпентьева: 9-10].

Рассматривая явление ремейка, исследователи как правило обращаются к «классическим» текстам, т.е. известным сюжетам знаковых произведений, относящихся к «центру» литературного поля. Однако ремейк возможен применительно к сюжету любого уровня литературы. Так, существуют ремейки сюжетов, не выходящих за пределы беллетристики (массовой литературы), например, сюжет о Параше Лупаловой («парашин сюжет») [\[12\]](#). Основным критерием для появления ремейка является популярность и воспроизводимость сюжета, а не его иерархический статус. Ремейк является этапом развития устойчивого популярного сюжета и одним из индикаторов его востребованности.

Таким образом, рассказ Кукеля – это ремейк сюжета о Дуровой, упрощенный до уровня читателя и сосредоточенный на идее активной героини.

Библиография

1. Рейтблат А.И. Глуп ли "Глупый милорд"? // Лубочная книга. Подгот. текста, сост., вступ. статья, коммент. А. Рейтבלата. М., 1990. С. 5-20.
2. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., знач. доп. СПб., 1895. 547 с.
3. Рейтблат А.И. Читатель лубочной литературы. // Книжное дело в России во второй

- половине XIX – начале XX века. Сборник научных трудов. Выпуск 5. Л., 1990. С. 125-137. EDN: DHVRPQ
4. Пуряева Н.Н. Надежда Дурова: миф о кавалерист-девице // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия Филология. 2018. № 3. С. 224-233.
5. Рейтблат А.И., Лунин В.А. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 414-415.
6. Бой купца Калашникова с опричником Кирибеевичем: Рассказ Кукеля, заимств. из стихотворения Лермонтова. М., 1898. 35 с.
7. Никита Романович, князь Серебряный: Повесть Рыбакова. М., 1899. 216 с.
8. Таинственный монах: Ист. роман из времен царствования Петра I: В 2 ч. / Заимств. из соч. Р. М. Зотова, изд. 1836 г. Кукулем [псевд.]. М., 1899. 216 с.
9. Стрельцы: Роман из времен Петра Великого: В 2 ч. / В.А.Л. М., 1902. 192 с.
10. Кавалерист-девица: Рассказ Кукеля. М., 1898. 36 с.
11. Арпентьева М.Р. Ремейк как сюжетная реконструкция // Сюжетология и сюжетология. 2016. № 2. С. 9-17. EDN: XROBBX
12. Пуряева Н.Н. Ремейк сюжета о Параше Оупололвой в повести Е.А. Салиаса "Ваня" // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 3. С. 36-41. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.3.045 EDN: KGURVK

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Лубочный рассказ Кукеля о кавалерист-девице»

Статья посвящена анализу произведения В.А. Лунина (псевдоним Кукель) «Кавалерист-девица», восходящего к сюжету о Надежде Андреевне Дуровой, и рассматривает его как ремейк устойчивого литературного мотива. Предметом выступает не только текстологический разбор самого произведения, но и выявление особенностей его сюжетной структуры, поэтики, историко-культурного контекста, а также взаимодействия с традицией лубочной литературы конца XIX века. Автор сосредоточен на сопоставлении с биографией и записками Дуровой, а также с рядом литературных обработок этого сюжета, что позволяет уточнить характер компилятивности и ремейковой природы рассказа.

Методологическая база статьи комплексна: используются сравнительно-исторический метод (сопоставление текста Кукеля с записками Дуровой и другими произведениями о кавалерист-девице), элементы сюжетологии (понятие ремейка в трактовке М.Р. Арпентьевой), интертекстуальный анализ, а также культурно-исторический подход. Привлекаются литературоведческие наблюдения А.И. Рейтבלата, А.С. Пругавина, Н.Н. Пуряевой. Автор убедительно демонстрирует вторичность лубочного текста и одновременно его самостоятельную ценность как свидетельства массового восприятия сюжетов.

Представленное исследование актуально как с точки зрения изучения лубочной литературы, которая все еще остается периферийной в отечественном литературоведении, так и в контексте обращения к устойчивым сюжетам, живущим в массовой культуре. Выявление ремейковой природы рассказа Кукеля расширяет представления о трансформации «дуровского» сюжета в культуре XIX века. Особенно

ценно, что автор показывает сдвиг акцентов: от патриотического и эмансипаторного пафоса к личной линии спасения жениха, что отражает социальные ожидания массового читателя.

Новизна статьи заключается в том, что произведение Кукеля «Кавалерист-девица» до сих пор не становилось предметом отдельного анализа, несмотря на популярность его автора и обилие работ о Надежде Дуровой. Автор впервые рассматривает текст Лунина в ракурсе ремейка, выявляя его сюжетные расхождения с каноном и специфику адаптации материала для массовой аудитории. Тем самым показано, что устойчивый сюжет может быть предметом ремейковой переработки не только в «высокой» литературе, но и в низовых жанрах.

Статья написана в ясной академической манере, без излишней перегруженности терминологией. Структура логична: сначала ввод в проблематику лубочной литературы, затем характеристика творчества Лунина, далее подробный разбор трех частей рассказа и сопоставление с биографией Дуровой, наконец – концептуальные выводы о ремейковой природе текста. Достоинством является богатый иллюстративный материал: приведены цитаты из произведения, показаны переклички с другими текстами. Впрочем, можно отметить некоторую избыточность пересказа сюжета, который занимает значительный объем статьи, что несколько снижает аналитическую глубину.

Список литературы включает как классические работы (Пругавин, Рейтблат), так и современные исследования (Пуряева, Арпентьева). Библиография отвечает требованиям научной публикации, содержит как источники, так и исследования.

Автор корректно полемирует с существующими подходами: суждение о вторичности лубочных сюжетов уравнивается тезисом о репрезентативности для мировоззрения массовой аудитории. Отмечено, что ранее внимание исследователей концентрировалось на «высокой» литературе и «канонических» ремейках, тогда как в статье показан иной уровень – массовый, периферийный. Этот аргумент можно считать вкладом в развитие сюжетологии и культурологии.

Статья представляет интерес как для специалистов по русской литературе XIX века, так и для исследователей массовой культуры, рецепции исторических сюжетов и феномена ремейка. Она дает материал для дальнейших исследований: сравнений между лубочной и беллетристической обработкой сюжета, а также для изучения гендерных аспектов образа кавалерист-девицы в разных культурных регистрах.

Рецензируемая работа выполнена на высоком научном уровне, обладает актуальностью и новизной и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования»

Litera

Правильная ссылка на статью:

Амиргамзаев Г.М., Гамзаев Р.Г. Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75522 EDN: QVKOWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75522

Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой

Амиргамзаев Гитинмагомед Магомедович

аспирант; Институт государственной службы и управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

367911, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, Ленинский район, село Новый Хушет, ул. Али Апиева, д. 9

✉ amirgamzaev_g98@mail.ru

Гамзаев Расул Гамзатович

директор; Профессиональной духовной исламской образовательной религиозной организации «Медресе имени Мухаммада Ярагского»

аспирант; Институт государственной службы и управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

368670, Россия, респ. Дагестан, г. Дагестанские Огни, пр-кт Михаила Ивановича Калинина, д. 104

✉ Rasul-gamzaev@rambler.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75522

EDN:

QVKOWY

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является медиакоммуникационный анализ репрезентаций различных направлений ислама – суннизма, салафизма, хариджизма, шиизма и исламского модернизма – в современном российском и международном информационном пространстве. Работа фокусируется на том, как СМИ и цифровые платформы формируют устойчивые символические образы исламских течений, нередко опираясь на бинарные оппозиции «традиционный / радикальный», «умеренный /

экстремистский» и «допустимый / угрожающий». В центре внимания находятся как корректные, так и искажённые интерпретации богословского содержания, возникающие вследствие смешения понятий и недостатка теологической экспертизы в медиа. Анализируются примеры из светских, религиозных и аналитических источников, включая российские исламские сайты, западные новостные ресурсы, а также публикации в социальных сетях. Подобное дискурсивное смешение нивелирует фундаментальные догматические и исторические различия между указанными традициями, формируя у аудитории искажённое представление об их теологической природе и соотношении внутри исламской уммы. Исследование рассматривает СМИ не только как трансляторов информации, но и как активных конструкторов религиозных образов, определяющих общественное восприятие ислама. Методологическая основа исследования включает авторскую редакцию дискурс-анализа, медиасемиотический подход, метод сравнительного анализа и контент-анализ. Эти методы применены для изучения текстовых, визуальных и символических кодов в СМИ и цифровых платформах, что позволило выявить особенности фрейминга исламских направлений в политико-информационном контексте. Научная новизна исследования заключается в разработке типологии медийных репрезентаций исламских направлений с учётом политико-идеологических контекстов, уточнении статуса суфизма как объекта медийной интерпретации и дифференциации понятий «суннизм», «салафизм» и «хариджизм». Особо подчёркивается значимость разграничения ортодоксального суннизма и хариджизма, которые в медийном дискурсе часто смешиваются, что приводит к искажению теологической картины ислама. Впервые предложен комплексный медиакоммуникационный анализ, объединяющий религиоведческий и политико-семиотический подходы. Выводы исследования показывают, что медиа не только транслируют религиозные темы, но и конструируют образы исламских течений, нередко искажая их догматическое содержание, что способствует политизации религиозного дискурса. Подчёркивается необходимость медиаграмотности и теологической экспертизы для корректной интерпретации исламских учений в публичном пространстве.

Ключевые слова:

ислам, суннизм, хариджизм, салафизм, ваххабизм, суфизм, исламский модернизм, шиизм, вилайат аль-факих, политизация религии

Введение

Современные медиакоммуникации формируют восприятие ислама как религии не только через тексты, но и посредством визуальных, символических и политических кодов. В условиях глобальной политизации религиозного дискурса особенно остро стоит проблема точной репрезентации различных течений внутри ислама. Одним из наиболее частых явлений в публичной и академической среде является отождествление салафизма с ортодоксальным суннизмом, что приводит к смешению понятий «традиционный ислам» или «ортодоксальный ислам» с радикальными проявлениями религиозности. Это смешение активно воспроизводится в журналистике, экспертных докладах, социальных сетях и даже в академических публикациях.

Актуальность исследования обусловлена тем, что медиарепрезентации исламских направлений оказывают прямое влияние на формирование общественного мнения, наработку политических решений, а также на межконфессиональные отношения. Ввиду этого необходимо:

- Представить теологический взгляд на сущность и содержание исламских конфессий;
- Критически рассмотреть, как СМИ и цифровые медиа представляют ортодоксальные и радикальные течения, и какова роль этих репрезентаций в легитимации или делегитимации исламской мысли.

Гипотеза исследования заключается в том, что в массовом медиадискурсе наблюдается устойчивая тенденция к фреймингу ортодоксального суннизма как «ислама вообще» или «нешиитского ислама», без должного учёта радикальных и реформаторских отклонений, что формирует искажённую общественную картину ислама и способствует политической инструментализации религии. Вначале приведем содержание основных направлений исламской мысли, поскольку именно неопределенность в этом, приводит к искажению объективных данных

Ортодоксальный суннизм — Ахлю-сунна валь-джамаа

Понятие «суннизм» — это европеизированное слово от арабского понятия «Ахлю-сунна валь-джамаа». Сунниты определяют понятие «ахлю-сунна валь-джамаа» следующим образом:

- ахлю-сунна - приверженцы сунны. Этим самым, сунниты отделяются от шиизма и джадидизма. Данное понятие сформировано на основе изречения (хадис) пророка: «... следуйте за моей сунной и сунной праведных халифов после меня...»; [1. с. 28]
- валь-джамаа — приверженцы большинства. Данное понятие отделяет суннитов от остальных течений, поскольку большинство в основах вероучения никогда не выходила за рамки определенных границ. Это понятие основано на изречении пророка: «Аллах не объединит мою общину на заблуждении». [2. с. 200]

Сунниты в данном случае представляет собой крупнейшее направление в исламе, основанное на вероучении трёх школ — ашаризма, матуридизма и асаризма. Все они признают четыре суннитских правовых мазхаба: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский. Ортодоксия базируется на традиции согласия общины (иджма), сохранения преемственности знания (иснад) и интерпретации Корана и Сунны в свете интеллектуальных традиций. Теологические споры решаются в рамках рационально-догматической дискуссии без такфиристских элементов. Центральной характеристикой ортодоксального суннизма является его способность к удержанию баланса между текстуальной строгостью и богословским осмыслением.

В работах одних из самых авторитетных представителей четырех богословско-правовых школ: Ибн Хаджара аль-Хайтами (шафиит) [3. с. 551], Муртазы аз-Забири (ханафит) [4. с. 356], Ахмад ад-Дардир (маликит) [5. с. 441] и Мухаммад ибн Ахмад ас-Сафарини (ханбалит) [6. с. 73], а также многих других, подтверждается признание ашаритов, матуридитов и асаритов как представителей ортодоксального направления.

В современном исламском мире практически отсутствуют государства, чья официальная политико-правовая модель реализует классическую суннитскую концепцию власти в её традиционном, догматически обоснованном виде, без включения элементов модернистской или радикально-реформаторской трактовки. Преобладающее большинство мусульманских стран демонстрируют либо светско-модернистские формы правления, либо религиозные системы с выраженными искажениями ортодоксального суннитского учения. В этом контексте наибольшее сближение с теоретической моделью суннитского государства, основанного на традиционном фикхе и ортодоксальной теологии (ашаризм,

матуридизм, ханафитский мазхаб), демонстрирует современный Афганистан, в котором после ухода иностранных сил наблюдается попытка пересмотра прежней радикальной идеологии в сторону более умеренного и теологически обоснованного подхода.

В медиа — как массовых, так и экспертных — термин «суннизм» часто используется как собирательное обозначение для любых нешиитских течений, включая салафизм или хариджитские группы. Это ведёт к нивелированию различий между традиционным исламским богословием и идеологиями, открыто отвергающими ортодоксальное наследие. В статье «Алавиты в стране победившей суннитской революции», автор пишет: «Сейчас Сирия в мировой повестке дня. Джихадисты-сунниты победили правящий клан Асадов...». [7] Сторона, взявшая вверх в конфликте в Сирии, исповедовала убеждения ваххабизма, входящее в направление хариджизма. Конечно, с приходом к власти заметны изменения во взглядах от радикального хариджизма к более умеренному подходу суннизма, однако является ошибкой соотносить джихадистов, под которыми подразумеваются хариджиты и суннитов. Подобная же картина и на многих других сайтах: «Исламское государство Ирака и Леванта» (сокращено – ИГИЛ) – это транснациональная суннитская террористическая организация.....». [8]

Частично проблему смешения суннизма с другими, в особенности радикальными течениями решила «Грозненская фетва», в которой была предпринята попытка четкого разграничения между традиционным суннизмом и иными, в том числе экстремистскими, течениями, не входящими в рамки ортодоксального исламского богословия.

Существует еще одна проблема, понятия ашаризм, матуридизм или асаризм крайне редко используется в Российских неисламских медиа и СМИ, но используется термин «суфизм», под которым подразумевают традиционный ислам. Следует указать на некорректность использования данного термина для обозначения одного из направлений ислама, поскольку наука суфизма не имеет отношения к догматическим вопросам, разногласия в которых, определяет человека представителем той или иной конфессии. Суфизм — наука, а не течение, вопреки нарративу распространяемому в научной литературе или СМИ. [9] Исследователи данной науки именуются суфиями, при этом, суфий может быть приверженцем шиизма, суннизма, мутазилизма, хариджизма и иных направлений в вопросах мировоззрения. На территории РФ подавляющее большинство суфиев являются ортодоксальными суннитами. При всем этом, репрезентация суфизма в медиа не совсем корректное, причем исходит это даже от самих верующих. Как пример, мыслитель и философ Гейдар Джемаль многократно затрагивал тематику суфизма в лекциях, статьях и интервью. Следует отметить, что данный взгляд на суфизм не основан на академических исламских знаниях, а скорее на востоковедческих трудах прошлого столетия. Он говорит: «я считаю, что суфизм — это девиация, это отклонение от ислама, попытка создать-таки клерикальную касту, не мытьем, так катаньем». [10]

Из светских медиа портал «Материк» подчёркивает, что суфизм (тасаввуф), являющийся частью суннитской традиции, служит механизмом воспитания и противодействия радикальным течениям. В статье: «Исторически Центральная Азия характеризовалась суфийской традицией... центрально-азиатские суфии активно боролись с распространением радикализма... противостояние идеологии суфизма ваххабизму даёт положительный результат». [11] Муфтий РТ также подчеркивает: «суфизм – является одной из неотъемлемых частей традиционного российского ислама». [12]

Зачастую суфизм в научной литературе представляется течением, оппонирующим салафизму (ваххабизму), и это указывается даже в названиях статей, как пример, статья

Раджабова Р.А., «Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом» [13] или философа Билалова М.И. «Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма». [14]

В суннитских медиа суфизму посвящено множество статей: «Суфизм», [15] «Суфизм — это сердце Ислама» [16] и другие. В медиа зачастую определение суфизма в точности сходится с тем, что дано в энциклопедическом словаре: «ат-Тасаввуф — суфизм, мистико-аскетическое течение в исламе». [17]

Таким образом, медиа-дискурс порой отождествляет «салафизм» и «ваххабизм» радикального толка с суннизмом, что, в сущности, уравнивает ответственность за радикальные проявления несуннитских направлений с суннитами. Суфизм же преподносится как отдельное мистическое течение и как безопасная форма ислама. Суфизм выступает в СМИ как культурно лояльная форма религиозности, противопоставляемая радикализму.

Дискурс также подчёркивает внутреннюю иерархию исламских направлений, где «суфизм» и «суннизм» представлены как союзники традиции, а «салафизм» — как угроза.

Основные религиозные сайты на территории РФ транслируют суннитскую точку зрения. Данный вывод следует из контент-анализа таких сайтов как islam.ru, azan.ru, islamdag.ru, muftiyatrd.ru, dumrt.ru, dumchr.ru, muftyat.kz, azan.kz, annisa-today.ru, dsmr.ru, taalib.ru, darulfikr.ru, huzurtv.ru и других.

Хариджизм: основы и современные проявления

Хариджиты не являются какой-то определенной идеологической группой, это скорее собирательный образ разных радикальных групп, но со схожей методологией понимания священных текстов. Особенностью хариджизма является их поверхностная и пропитанная буквализмом герменевтика священных текстов. Это и послужило основным фактором их появления после битвы при Сиффине в 657 гг., в период правления халифа Али ибн Абу Талиба.

Идеи хариджизма функционировали практически во все века существования Ислама под разными именованиями. В I веке по хиджре это были секты харуритов, азракиров, вахбитов и т.д. Со второго века в Омане закрепилось самое умеренное течение хариджитов - Ибадиты, которое существует там и по ныне. Однако их политические и мировоззренческие аспекты претерпели изменения. Во все века секты, чьи действия и аспекты мировоззрения входили в рамки хариджизма появлялись и угасали.

Суяргулов Р.Р. Довольно хорошо описал социальные особенности хариджитов, вкратце выделим следующие:

- крайняя нетерпимость;
- в основном, хариджитами становились неопиты;
- отсутствие образования;
- жители пустыни;
- крайняя фанатичность к своим принципам и нетерпимость к другим, даже если это приемлемое разногласие;

· придерживались принципа: хороший оппонент - мертвый оппонент. [18. с. 25-26]

Среди мусульманских ученых существует консенсус, что направление хариджизма является воплощением экстремизма и терроризма, кроме течения ибадитов, самых умеренных хариджитов. На протяжении веков, с появлением сект хариджитов мусульманские земли становились полигоном военных действий. В VII веке хариджизм представляли секты харуритов, азраkitов и других. К XX-XXI веку ваххабизм по мнению ученых суннитов, проявил все признаки хариджизма. Ваххабизм на данном этапе входит в более общий термин — Салафизм. Современный салафизм выражен школами Мухаммада ибн Абдуль-Ваххаба (ваххабизм) и Такиюддина ибн Таймии (таймизм). Таймиты, отрицающие наследие ваххабизма, представляют собой умеренное крыло салафизма.

Школу ваххабизма исламские ученые однозначно ввели в подгруппу хариджизма. Идею основу данного течения можно проследить в словах эпонима этой секты, Мухаммада ибн аль-Ваххаба: «Я рассказываю вам о самом себе. Клянусь Аллахом, кроме которого нет никого, достойного поклонения! Я приобретал знания, а тот, кто знал меня, был убежден, что я обладаю неким познанием, но я в то время не знал смысла слов «Нет бога, кроме Аллаха» — «Ля иляха илля-ллах» и не знал религии Ислам прежде этого блага, которым меня одарил Аллах. Также и мои учителя: среди них не было ни одного человека, кто знал бы об этом.

Тот из учёных 'Арида (Неджада), кто станет притязать на то, что знал смысл слов «Нет бога, кроме Аллаха» — «Ля иляха илля-ллах» или осознавал суть Ислама до этого времени, или же станет утверждать, что кто-то из его шейхов знал это — солжёт, возведёт клевету, запутает людей и вознесёт себе хвалу, которой недостойн». [19. с. 51]

Также, о тех, кто выступил против его исключительного понимания религии ибн Абдуль-Ваххаб заявил: «И вы, и ваши учителя, и их учителя не понимаете и не отличаете религию Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) от религии Амра ибн Люхая, который стал основателем многобожия у арабов. По их мнению, религия Амра – это верная религия». [19. с. 57]

Подобных цитат можно привести множество. Идея эксклюзивного понимания религии, сопровождаемая такфиристской практикой (обвинением в неверии тех, кто не разделяет подобного подхода), составляет идейно-доктринальную основу большинства современных радикальных группировок, ассоциирующих себя с исламом.

В современном исламском мире лишь в государстве Оман официальной идеологией обозначен умеренный хариджизм, называемый ибадизмом. Анализ мировоззренческих принципов и герменевтических подходов радикальных группировок, таких как «Аль-Каида», ИГИЛ, Джабхат ан-Нусра, Боко Харам и других, позволяет выявить их прямую идейную преемственность с хариджитской традицией. Эти движения характеризуются схожим догматическим радикализмом, такфиристским ^[1] подходом к оппонентам и крайней формой религиозного буквализма, что выявляет их как приемников хариджитских сект. Базис научной литературы практически всех современных террористических организаций, относящих себя к Исламу, в основе своей, состоят из книг представителей ваххабизма.

В медиа, как западных и российских, термин «ваххабизм» или «салафизм» часто применяется как синоним «радикального ислама» или даже «исламского фундаментализма» и зачастую употребляется в контексте обсуждения террористических

группировок. Как примеры:

- «Группировка (Вилаят-Хорасан) исповедует салафизм и противостоит «Талибану»»; [20]
- «члены ИГИЛ-Х исповедуют салафизм — консервативное течение в исламе»; [21]
- «Основное внимание в исследовании уделяется "салафитскому джихадизму" - термину, часто используемому наряду с ваххабизмом - как "единому началу", из которого произрастает Аль-Каида и ИГИЛ (запрещена на территории России)»; [22]
- «По экспертным оценкам, в России насчитывается до 700 тысяч сторонников радикального ислама - так называемого ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация - прим. Царьград) и прочих ваххабитских структур». [23]

На суннитских порталах muftyat.kz, [24] Islam.ru, [25] dumrt.ru, azan.kz и других, «салафизм» или «ваххабизм» часто преподносится как «идеология, приравниваемая к терроризму» и отличная от суннизма. На сайтах, вроде islamdag.ru, azan.ru, taalib.ru darulfikr.ru приводятся множество материалов полемического характера, в котором анализируются идеи салафизма и их отличия от суннизма.

Беря во внимание то, что в одних медиа ваххабизм или салафизм отождествляется с терроризмом, а в других, с суннизмом, деструктивно влияет на мусульман суннитов и их образ в медиа. И это усугубляется тем, что практически все террористические группировки, относящие себя к исламу (ИГИЛ, Джабхат ан-Нусра и др.) позиционируют себя как салафитские. Вследствие этого формируется устойчивый фрейм, в котором «салафизм» отождествляется с экстремизмом, а через него — и с «суннизмом» в целом. Потому следует четко разграничивать понятие «суннизм» от других.

Хариджизм, как историческое течение, возникшее в VII веке, характеризуется буквалистским подходом и крайней политической нетерпимостью. Современные движения, повторяющие эти доктрины, при этом избегают самоидентификации как хариджиты. В СМИ хариджитские взгляды почти никогда не маркируются как таковые — вместо этого используется терминология вроде «джихадист», «радикал», «исламист». Это препятствует точному отграничению хариджитской идеологии от ортодоксального суннизма, и, что не менее важно, формирует негативный фон вокруг понятий ислам, джихад, шахид и т.д.

Как отмечается в ряде исследований, в социальных сетях (Telegram, YouTube, Instagram) представители хариджитских направлений активно используют элементы медиатизации, формируя привлекательную визуально-коммуникационную оболочку своего идеологического послания. В качестве инструментов такой «медийной упаковки» применяются логотипы, фрагменты боевых действий, авторитетные богословские цитаты, нашиды, а также вырванные из контекста отрывки из Корана и хадисов. [26] Подобные репрезентации усиливают эмоциональное воздействие, создавая эффект убедительности и формируя образ «подлинного ислама», который противопоставляется традиционным религиозным институтам. С 2013 года в целях централизованного производства и распространения идеологически окрашенного контента на арабском языке были организованы такие структуры, как «Итисаам» (I'tisaam Media Foundation) и медиа-фонд «Айнад» (Ajnad Media Foundation), специализирующиеся, соответственно, на создании видеоматериалов пропагандистского характера и аудиоконтента (экстремистских проповедей и нашидов). [27] Иллюстрацией подобного медиаподхода может служить четырехсерийный фильм ИГИЛ (запрещена в РФ) «Звон мечей», в котором применены

все перечисленные средства визуально-аудиальной пропаганды.

Общие признаки экстремистского медиаконтента:

- Антимазхабизм и буквализм;
- Активное применение такфира и понятия «тагут»;
- Частое обвинение оппонентов в нововведениях;
- Риторика делигитимации ДУМов, суфийских тарикатов и шиизма;
- Визуальное оформление с символикой джихадизма (чёрные флаги, каллиграфия, оружие);
- Обращение к чувствам через нашивы, кадры боевых действий, ссылки на сирийский и афганский опыт;
- Строгая приверженность трудам Мухаммада ибн Абдульвахаба, основателя движения ваххабизма

Исламский модернизм — это интеллектуальное направление, возникшее в XIX веке в ответ на вызовы колониализма, упадка мусульманских государств и влияния западной политической мысли. Его представители стремились адаптировать ислам к реалиям модерности, используя рационализм, переосмысление шариата и обновление института иджитхада (область богословского суждения).

Классическими фигурами исламского модернизма считаются Джамал ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида. Учение аль-Афгани наследовал его ученик Мухаммад Абдо, однако Абдо позже разочаровался в антиколониальной политике аль-Афгани, и считал, что в то время следовало бы подчиниться развитым европейским империям. Идеи модернизма Абдо продвигал не без помощи влиятельных знакомств, особенно Ивлиина Бэринга Кромера, управляющим оккупированным Египтом, который проложил путь для Абдо вплоть до государственного Муфтия. Фетвы Абдо были резко отрицательно приняты верующими, поскольку грубо противоречили исламским канонам. Абдо разрешал получать проценты и дивиденды, позволял не халяльную пищу в странах иноверцев и т.д. [28]

Несмотря на значительные усилия исламских модернистов, их идеи не получили широкого распространения ни в странах арабского Востока, ни в мусульманских сообществах России. Это во многом объясняется сопротивлением со стороны традиционалистских и ортодоксальных кругов, прежде всего — официального духовенства, сохраняющего влияние как в арабском мире, так и в российских мусульманских институтах. Как отмечают исследователи, «джадидизм, который отчасти трансформировался в политическое течение, не был принят всем мусульманским сообществом. У него были авторитетные, прежде всего в среде официального мусульманского духовенства, оппоненты, критиковавшие джадидистов за отход от традиционного толкования религии, подмену исконно мусульманских духовных ценностей либеральными». [29] Такая критика модернистской идеологии указывает на глубокий ценностный разрыв между реформаторами и представителями классической исламской мысли, что и стало одной из причин ограниченного влияния модернистских идей в исламском мире.

Основные идеи:

- Синтез научной исламской и европейской методологии познания в целях выработки новой методологии понимания Ислама;
- Переформулирование догматов веры с учетом современных реалий. Для достижения этого из общепринятой методологии экзегезы Корана вытесняется аспект пророческой Сунны, что открывает доступ к субъективному толкованию, с учетом господствующих в современности идей. Это проложило путь к «гуманистической герменевтике»;
- Открытие врат «иджтихада»;
- Деконструкция традиции, выражающаяся в пересмотре феномена традиции и ортодоксальности;
- Политическая реформа. Среди модернистов идут дискуссии относительно содержания и формы исламского государства, а также того, есть ли вообще необходимость в нем.

Следует указать, что выше перечислены не все, но основные идейные наработки представителей модернизма.

В науке и медиа исламский модернизм представляется в двух противоположных образах:

1. как перспективный путь исламского обновления и борьбы с экстремизмом; [30] [31]
2. как уступка Западу и форма «размывания веры». [32]

Научный журнал «Ислам в современном мире», выпускаемый при поддержке Духовного управления мусульман Российской Федерации (dumrf.ru), занимает ключевое место в формировании дискурса об исламе на постсоветском пространстве. Особое внимание в публикациях издания уделяется вопросам исламского модернизма, теологической адаптации традиционного богословия к вызовам современности, а также трансформации религиозной идентичности в условиях глобализации. Анализ содержания журнала свидетельствует о систематическом продвижении модернистской парадигмы как приоритетного направления богословской и общественно-политической мысли.

Таким образом, исламский модернизм в медийном пространстве становится ареной идеологической борьбы, где сталкиваются приверженцы «гибкой адаптации» ислама и жёсткой охраны религиозной ортодоксии. Его репрезентация зависит от платформы, редакционной политики и аудитории, что ещё раз подчёркивает необходимость медиаграмотности и теологической экспертизы.

Шиизм и концепции «вилаят аль-факих» в медиа

Отдельного внимания заслуживает шиизм и его политико-теологическая форма — концепция «вилаят аль-факих» (правление правоведа), лежащая в основе устройства Исламской Республики Иран. Шиизм часто рассматривается в медийном поле как идеологическая альтернатива суннизму, особенно в контексте геополитического соперничества между Ираном и суннитскими государствами.

Концепция «вилаят аль-факих», разработанная аятоллой Хомейни, получила широкое освещение как в шиитских, так и в западных и суннитских СМИ. В иранском медийном пространстве (например, через агентства Press TV, Al-Alam) этот принцип подается как форма божественного попечительства над обществом и альтернатива светской демократии. Позиции школы аятоллы-Хомейни широко репрезентированы в документальных фильмах, теледебатах, официальных проповедях.

В англоязычных источниках (BBC, Al Jazeera) шиитская модель власти в Иране — «вилаят аль-факих» — преподносится как авторитарная система с подавлением свобод. [33] В то же время в иранских медиа (PressTV) подчеркивается сакральность лидерства и легитимность духовной власти. [34]

Медийная репрезентация шиизма и «вилаят аль-факих» зависит от политического контекста и целевой аудитории. В шиитских и иранских источниках доминирует идеалистический нарратив об исламской справедливости и духовной опеке. В критических источниках — акцент на ограничении свобод, милитаризованной идеологии и транснациональной доктрине.

В настоящее время шиитская концепция «вилаят аль-факих» реализуется только в политико-правовом пространстве Ирана. Сама концепция «вилаят аль-факих» неоднозначно принята в среде богословов шиитского мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый медиакоммуникационный анализ репрезентаций исламских направлений в российском информационном пространстве позволяет выделить ряд ключевых выводов, отражающих специфику современного религиозного дискурса в СМИ.

Во-первых, традиционный суннизм (ахлю-сунна валь-джамаа), обладающий богословской и правовой ортодоксией, в российских медиа часто подаётся через искажающие интерпретации, где смешиваются его классические формы и радикальной версии салафитского толка. В Общепризнанных религиозно-богословских трудах суннизм определяется тремя школами вероучения: ашаризм, матуридизм и асаризм. Это подтверждает и "грозненская фетва", к которой причастны признанные в исламском мире ученые. Салафизм, выраженный в современном мире направлениями таймизм (умеренное крыло салафизма) и ваххабизм (радикальное крыло), и который является ядром практически всех террористических группировок, зачастую вводят в подгруппу суннизма, как это было продемонстрировано в приведенных выше сайтах несмотря на то, что, в сущности, ваххабизм входит в число хариджитского направления в Исламе. Следует учесть, что в СМИ и простонародье под салафизмом практически всегда подразумевают ваххабизм. Однако для объективности следует разделять салафизм на таймизм и ваххабизм, поскольку среди таймитов не все поддерживают деятельность ваххабизма.

Во-вторых, хариджизм как богословско-историческая традиция используется в медиа крайне редко и исключительно в негативном ключе. Религиозные исламские СМИ, такие как islam.ru, islamdag.ru Muftyat.kz, и другие, обозначают салафизм, особенно его ваххабитское крыло, как прямого наследника хариджитского радикализма, используя ярлыки «псевдосалафизм» или «ваххабизм».

В-третьих, салафизм в российских СМИ стабильно маркируется как угроза, часто в связке с экстремизмом и радикализмом. Он противопоставляется суфизму, который подаётся как безопасный, культурно укоренённый и религиозно-адаптированный к межрелигиозной и межкультурной среде. В статьях на портале Islamdag.ru, в публикациях Муфтията Республики Дагестан и Татарстана подчёркивается, что суфизм олицетворяет миролюбивую традицию и духовное ядро ислама. Однако, с точки зрения исламской науки не является корректным выделять суфизм как отдельное направление в Исламе, как это презентуется в научных статьях (например: Билалов М.И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма) или в СМИ, поскольку суфизм является наукой, и не имеет отношения к идеологическим

направлениям.

В-четвёртых, исламский модернизм получает институциональную легитимацию в ряде СМИ и на сайтах, аффилированных с официальными исламскими структурами (например, журнал «Ислам в современном мире», сайт Materik.ru). Он репрезентируется как форма адаптации ислама к вызовам современности и как альтернатива догматизму. Однако, как показывают публикации на muslimskeptic.com, darulfikr.ru или IslamNews.ru, модернизм также воспринимается частью аудитории как форма десакрализации традиционной исламской теологии и религиозно-правового наследия.

В-пятых, шиизм и особенно концепция вилаят аль-факих рассматриваются медиа двойственно: как фактор теократического авторитаризма (в публикациях западных СМИ и аналитических центров), и как выражение духовной консолидации (в иранских и пророссийских источниках). В российских светских медиа он почти не анализируется системно, что порождает интерпретационный вакуум и замену содержательного анализа геополитической риторикой.

Анализ показал, что современные СМИ не просто передают информацию о религиозных течениях, но активно участвуют в формировании их образов. Они действуют как фильтры и производители смыслов, кодируют религиозные понятия в политически маркированные термины и репрезентируют ислам через бинарные схемы: «традиционный / радикальный», «умеренный / экстремистский», «допустимый / угрожающий». В этом контексте медиа не только интерпретируют религиозные доктрины, но и нормализуют определённые типы вероисповедания как легитимные в публичном пространстве.

Таким образом, ключевым объектом изучения становится не столько религиозное содержание, сколько его медийная трансляция, обусловленная политикой редакций, требованиями информационной повестки и рамками допустимого дискурса. Роль СМИ — не в объяснении религии, а в символическом управлении её образами.

Полученные результаты представляют научную и практическую значимость для изучения религиозного медиадискурса, информационной безопасности, религиозоведческой экспертизы и критической медиаграмотности. Статья подчёркивает необходимость развития специализированной теологии в медиапространстве и повышения качества публичной интерпретации религиозных тем в условиях поляризованного информационного ландшафта.

[\[1\]](#) Такфир — обвинение в неверии.

Библиография

1. Абу Абдуллах ибн Язид ибн Маджа. Сунан ибн Маджи / под ред. Шуайба аль-Арнауата. – 1-е изд. – Бейрут: ар-рисаля аль-алямийя, 2009. – 1 т. – 526 с.
2. Абу Абдуллах аль-Хаким. Мустадрак аля-сахихейн. – Бейрут: кутуб аль-ильмийя, 1990. – 200 с.
3. Ибн Хаджар аль-Хайтами. Аль-Фатава аль-Хадисийя. – Стамбул: Марказ джайляний лиль-бухус аль-ильмийя ва таб' ва нашр, 664 с.
4. Абдульвахаб ибн Такиюддин ас-Субки. Табакаташ-Шафиийя аль-кубра. – Издательство: Ихьяу кутуб аль-арабийяти, 3 т. – 616 с.
5. Ахмад ибн Мухаммад ас-Сави. Хашият аль-аллямат ас-Сави аля шарх харида аль-бахийя. – 1-е изд. – Дамаск: Ад-Даккак, 2019. – 528 с.
6. Ас-Сафарини Мухаммад ибн Ахмад. Лявами' аль-анвар аль-бахийя ва савати' аль-асрар аль-атийя. – 2-е изд. – Дамаск, 1982. – Т. 1. – 478 с.

7. Гусейнов А. Исламская революция: вызов или альтернатива? [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 17.12.2024. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2024-12-17/11_586_revolution.html (дата обращения: 29.07.2025).
8. Террористическая деятельность "Исламского государства Ирака и Леванта" в Юго-Западной Азии // Справочник. – 27.02.2023. – URL: https://spravochnik.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/terroristicheskaya_deyatelnost_islamskogo_gosudarstva_iraka_i_levanta_v_yugo-zapadnoy_azii/ (дата обращения: 05.08.2025).
9. Шахидов Ш. Суфизм – не альтернатива, а ядро традиционного ислама // Lenta.ru. – 17.05.2016. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/17/shahidov/> (дата обращения: 27.07.2025).
10. Мирзакарим Норбеков. О религии и нравственности // Litlife.club. – URL: <https://litlife.club/books/236397/read?page=6> (дата обращения: 27.07.2025).
11. Саляхутдинов А. Суфизм в России как действенная альтернатива псевдорелигиозному экстремизму // Материк. – 2022. – URL: <https://materik.ru/analitika/sufizm-v-rossii-kak-deystvennaya-alte/> (дата обращения: 28.07.2025).
12. Духовное управление мусульман РТ. Участие муфтия Татарстана в сессии Совета улемов РФ [Электронный ресурс] – URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_13441.html (дата обращения: 29.07.2025).
13. Раджабов Р. А. Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом // Журнал Ислам в современном мире. – 2009. – № 2. – С. 107-115.
14. Билалов М. И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма // Исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 61-68. – EDN: TSEANZ.
15. Суфизм как духовная традиция в исламе [Электронный ресурс] // IslamDag.ru. – URL: <https://islamdag.ru/verouchenie/22475> (дата обращения: 30.07.2025).
16. Магомедов Х. Суфизм – это сердце ислама [Электронный ресурс] // Муфтият Республики Дагестан. – URL: <https://muftiyatrd.ru/content/h-magomedov-sufizm-eto-serdce-islama> (дата обращения: 30.07.2025).
17. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 544 с.
18. Суяргулов Р. Р. Введение в "историю мазхабов". Мусульманские мазхабы и течения: учебное пособие. – Уфа: Изд-во "Восточная печать", 2021. – 106 с.
19. Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Касим ан-Неджи. Ад-Дурау с-сания фи-ль аджвиба ан-надждия. – 10 т. – 553 с.
20. Верховный муфтий Сирии: ИГИЛ создали Саудовская Аравия и Запад [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6863d61b9a794700cb318ad1> (дата обращения: 29.07.2025).
21. Россия и исламский мир: вызовы и приоритеты [Электронный ресурс] // РБК. – 24.03.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2024/65ff17d79a7947673e6e7b9d> (дата обращения: 29.07.2025).
22. Принц Мухамед не скрывает: Саудиты создали ИГИЛ [Электронный ресурс] // Rambler/Новости. – URL: <https://news.rambler.ru/other/39534315-prints-muhammed-ne-skrivaet-saudity-sozdali-igil/> (дата обращения: 29.07.2025).
23. Силантьев Р. Физическое воздействие – лучшее средство в борьбе с ваххабизмом [Электронный ресурс] // Царьград. – URL: https://tsargrad.tv/articles/roman-silantev-fizicheskoe-vozddejstvie-luchshee-sredstvo-v-borbe-s-vahhabizmom_4186 (дата обращения: 29.07.2025).
24. Салафизм – большая угроза единству мусульманской уммы // Muftyat.kz. – 08.09.2023. – URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/sermons/2023-09-08/42790-salafizm-bolshaia-ugroza-edinstvu-musulmanskoi-ummy/> (дата обращения: 28.07.2025).

25. Ислам и вызовы современности // Islam.ru. – URL: <https://islam.ru/content/analitics/30145> (дата обращения: 28.07.2025).
26. Как вербуют в ИГИЛ: медиа-империя, профессиональный пиар и онлайн-присяги террористов (опыт Казахстана) [Электронный ресурс] // ATK. – URL: <http://atk26.ru/novosti/113-17052017> (дата обращения: 03.07.2025).
27. Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим. Пропагандистская деятельность ИГИЛ и методы борьбы с ней // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 110-121. – С. 114.
28. Muhammad 'Abduh: Leading 19th Century Modernist Reformer. – 27.10.2022. – URL: <https://muslimskeptic.com/2022/10/27/muhammad-abduh-reformer/> (дата обращения: 25.06.2025).
29. Несостоявшееся обновление: почему забыли джадидизм? [Электронный ресурс] // IslamNews.ru. – 13.05.2020. – URL: <https://islamnews.ru/2020/5/13/nesostoyavsheesya-obnovlenie-pochemu-zabyli-dzhadidizm> (дата обращения: 30.07.2025).
30. Даудов Р.Х. Место и роль традиционализма и модернизма в исламской онтологии // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-3. С. 684-689; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35585> (дата обращения: 28.07.2025). EDN: STJGRP
31. Черевков О. С. Исламский модернизм в России: зарождение, особенности и возможные перспективы дальнейшего развития // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 2. – С. 5-17. – DOI: 10.31249/rimm/2021.02.01. – EDN: QXDCIW.
32. Исламский модернизм и постмодернизм: к вопросу об интерпретации традиции // Darulfikr.ru. – URL: <https://darulfikr.ru/articles/islamskij-modernizm-i-postmodernizm/> (дата обращения: 28.07.2025).
33. Iran: An Islamic experiment // BBC News. – 2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/talking_point/special/islam/3112846.stm (дата обращения: 28.07.2025).
34. Imam Khomeini's legacy a viable model of Islamic governance // PressTV. – 04.06.2023. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2023/06/04/704693/Imam-Khomeinis-legacy-a-viable-model-of-Islamic-governance> (дата обращения: 28.07.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой».

Автор статьи рассматривает медиарепрезентации различных направлений ислама в современном информационном пространстве, главным образом в российских и зарубежных СМИ. Особое внимание уделено проблеме смешения ортодоксального суннизма с радикальными течениями (салафизм, ваххабизм, хариджизм), некорректному представлению суфизма и трактовкам исламского модернизма. Статья выявляет, как медиа формируют устойчивые фреймы — «традиционный / радикальный», «умеренный / экстремистский», «допустимый / угрожающий», и тем самым воздействуют на общественное восприятие ислама.

В основе работы лежит контент-анализ религиозных и светских медиа, включая порталы islam.ru, azan.ru, islamdag.ru, muftyat.kz, а также материалы западных СМИ (BBC, Al Jazeera) и иранских ресурсов (PressTV). Приведены ссылки на научные публикации, документы и тексты богословов. Автор использует сравнительный и критический анализ, сопоставляя теологическую позицию с её отражением в медиа-дискурсе.

Методологически работа опирается на религиоведческий подход и элементы медиалингвистики, что позволяет выявить механизмы символической трансляции религиозных понятий.

Проблема представления ислама в СМИ особенно остра в условиях политизации религиозного дискурса и роста экстремистских угроз. Искажительные практики медиа влияют не только на общественное мнение, но и на принятие политических решений, межконфессиональные отношения и безопасность. Актуальность исследования подкрепляется примерами, связанными с Сирией, Афганистаном, Ираном и российским контекстом. Кроме того, затрагиваются вопросы, важные для исламоведов, религиоведов, журналистов и специалистов в сфере информационной безопасности.

Новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении исламских направлений через призму их медийной репрезентации. Автор не ограничивается религиоведческим описанием, а показывает, как именно журналистские практики создают искажённые образы. Интересным является акцент на различии между салафизмом таймидского типа и ваххабизмом, а также критика некорректного использования термина «суфизм» как конфессионального обозначения. Впервые на столь подробном материале анализируется двойственность восприятия исламского модернизма в российских СМИ.

Статья отличается высокой информативностью и широким охватом материала. Структура выстроена логично: после введения и постановки проблемы последовательно рассматриваются ортодоксальный суннизм, хариджизм, салафизм, суфизм, модернизм и шиизм. Заключение подводит итоги и обобщает наблюдения. Стил изложения академический, хотя местами автор допускает избыточную публицистичность и многословие. Текст перегружен фактологическими деталями, но это одновременно является и его сильной стороной. Автору следовало бы уточнить отдельные термины и упростить синтаксис некоторых абзацев для лучшего восприятия.

Список источников достаточно обширен и включает как классические исламские труды, так и современные публикации в научных журналах, интернет-ресурсы и медиа.

Автор активно взаимодействует с оппонентскими позициями. Так, приводятся критические мнения относительно суфизма (Гейдар Джемаль), исламского модернизма (традиционалисты), а также примеры западных СМИ, где шиизм трактуется как форма авторитаризма. Это усиливает дискуссионный характер статьи. Вместе с тем, возможно в будущих работах, полезно было бы глубже сопоставить разные исследовательские школы — исламоведческую, религиоведческую, политологическую.

Статья делает важный вывод: СМИ не просто информируют, а формируют новые образы ислама, часто искажённые и политически маркированные. Это исследование будет полезно журналистам, религиоведам, специалистам в сфере медиаграмотности и информационной безопасности. Для академической аудитории работа интересна сочетанием богословских и медиалингвистических аспектов.

Рецензируемая работа представляет собой серьёзное исследование с высокой степенью актуальности и научной новизны, она имеет ценность для научного сообщества и широкой аудитории и может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без существенных замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Булгарова Б.А., Сейшелль М.Ф., Юрова Ю.В., Шабаета И.Ю. Глобализация и зависимость от СМИ: взаимоотношения между франкоязычными африканскими странами и зарубежными СМИ (2019-2024 годы) // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75549 EDN: QKKG VZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75549

Глобализация и зависимость от СМИ: взаимоотношения между франкоязычными африканскими странами и зарубежными СМИ (2019-2024 годы)

Булгарова Белла Ахмедовна

ORCID: 0000-0001-6005-2505

кандидат филологических наук

доцент, кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Сейшелль Меленн Фэджио Замбу

ORCID: 0009-0005-5914-5276

магистр, кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ maryamfeudjio@yandex.com

Юрова Юлия Витальевна

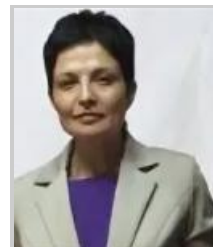
ORCID: 0000-0002-9646-2116

кандидат педагогических наук

доцент, Институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ yurova-yuv@rudn.ru

Шабаета Ирина Юрьевна

ORCID: 0000-0001-6737-7943

Педагог ДО; Институт русского языка; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ shabaeva-iyu@rudn.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75549

EDN:

QKKGZ

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является анализ медиаландшафта и медиазависимости франкофонных африканских стран от иностранных медиа (2019–2024 гг.). Авторы статьи рассматривают вопрос влияния процесса глобализации на укрепление неоколониальных систем в медиапространстве, включая доминирование таких французских СМИ, как RFI, France 24 и TV5Monde, и их непосредственную роль в формировании политического дискурса, общественного мнения и культурной идентичности. В статье анализируются попытки франкофонных стран Африки к преодолению медиазависимости через гражданскую журналистику и цифровые технологии. Через призму теории зависимости от СМИ в этом исследовании рассматривается, как экономическое давление, ограниченные государственные инвестиции и пробелы в технологической инфраструктуре заставляют франкоязычные африканские страны зависеть от внешних источников как контента, так и инфраструктуры. Примеры из практики Мали, Нигера и Камеруна иллюстрируют углубляющийся конфликт между стремлением к независимости СМИ и практическими реалиями глобализации. Усилия по развитию независимых местных СМИ сталкиваются с такими проблемами, как цензура, недостаточное финансирование, политическая нестабильность и отсутствие профессиональной подготовки. Тем временем иностранные СМИ продолжают извлекать выгоду из своего давнего влияния и технологических преимуществ. В статье используется качественный интерпретативный метод, построенный на синтезе теорий медийной зависимости, постколониальной теории коммуникации и исследованиях глобализации, для анализа взаимодействия между франкоязычными африканскими странами – Мали, Нигером и Камеруном – и международными медиа в период с 2019 по 2024 год. Научная новизна данного исследования обусловлена рядом нескольких факторов: актуальным периодом выборки исследовательского материала (2019–2024 гг.), поскольку авторами статьи впервые детально анализируются последние политические изменения в рассматриваемых странах (запрет французских СМИ, вопрос медийного суверенитета, перевороты в Нигере, Мали); комплексным теоретическим подходом (цифровые исследования, постколониализм и медиазависимость для исследований современных вызовов); взглядом на альтернативные модели (иностранное влияние, рассмотрение вопросов потенциала цифровых платформ и гражданской журналистики); рассмотрением региональной специфики через призму разных траекторий медиаполитики. Актуальность статьи определяется культурным суверенитетом (доминирование франкофонного контента и угроза исчезновения местных языков); политическим контекстом (смена геополитических траекторий и рост антифранцузских настроений); технологическими вызовами (противоречивая роль цифровых платформ).

Ключевые слова:

м е д и а , зависимость, франкофонный, А ф р и к а , колониальный, глобализация, империализм, местный, суверенитет, влияние

Введение

Глобализация преобразовала медийные системы по всему миру, создав сложные сети экономической, культурной и политической взаимозависимости. Одной из ключевых особенностей этой трансформации является модель медийной зависимости, при которой страны — особенно глобального Юга — в значительной степени полагаются на иностранные медиаконгломераты в вопросах новостей, развлечений и идеологических шаблонов [\[3\]](#). Во франкоязычной Африке эта зависимость имеет глубокие исторические корни, уходящие в колониальное прошлое, и выражается в сохраняющемся доминировании французских медиаинститутов, формирующих общественную дискуссию, политическую коммуникацию и культурную идентичность [\[11, С. 123-140; 7, С. 207-226\]](#). Хотя глобализация теоретически сделала доступ к информации более открытым, критики утверждают, что она также укрепила асимметричные властные отношения, при которых бывшие колониальные державы продолжают доминировать в производстве и распространении медиаконтента [\[8, С. 101-118; 2\]](#).

Медийный ландшафт франкоязычной Африки наглядно демонстрирует противостояние между глобализацией и национальной автономией. Французские медиаконгломераты, такие как Canal+ и RFI (Radio France Internationale), доминируют в вещании, а новостные агентства, включая AFP (Agence France-Presse), остаются ключевыми источниками информации для местных СМИ [\[11, С. 123-140; 9, С. 1-15\]](#). Такая зависимость от внешних медиа ставит фундаментальные вопросы о культурной независимости, политической субъектности и возможностях альтернативных моделей, способных бросить вызов неоколониальным медиаструктурам [\[5; 6\]](#).

Предмет данного исследования - анализ медиаландшафта и медиазависимости франкофонных африканских стран (Нигера, Мали, Камеруна) от иностранных медиа в период с 2019 по 2024 гг. В статье исследуется взаимосвязь между медийной зависимостью и глобализацией во франкоязычной Африке через призму того, как иностранные медиа формируют локальные нарративы, и могут ли цифровые технологии предложить возможности для большей независимости. Опираясь на кейс-стади и теории медиа и постколониализма, исследование ставит вопрос: сохраняют ли нынешние медиазависимости неоколониальные связи или же новые цифровые медиа обладают потенциалом для укрепления медийной демократизации [\[12, С. 133-147; 13, С. 68-84\]](#).

Анализ исследования сосредоточен вокруг трех ключевых вопросов:

- каким образом глобализация усиливает медийную зависимость франкоязычной Африки от бывших колониальных держав;
- каковы культурные и политические последствия доминирования иностранных медиа в регионе;
- могут ли новые медиамодели — такие как гражданская журналистика и онлайн-платформы — ослабить зависимость и усилить производство локального контента.

Отвечая на эти вопросы, данное исследование вносит вклад в более широкие дебаты о медийном суверенитете, культурном империализме и будущем африканских медиа в условиях растущей глобальной взаимосвязанности. Научная новизна исследования обусловлена рядом нескольких факторов: актуальным периодом выборки

исследовательского материала (2019–2024 гг.); комплексным теоретическим подходом; взглядом на альтернативные модели; рассмотрением региональной специфики через призму разных траекторий медиаполитики. Актуальность статьи определяется культурным суверенитетом (доминирование франкофонного контента и угроза исчезновения местных языков); политическим контекстом (смена геополитических траекторий и рост антифранцузских настроений); технологическими вызовами (противоречивая роль цифровых платформ).

Медийная зависимость: исторические корни

Современная медийная зависимость франкоязычной Африки неотделима от ее колониальной истории. Продолжающееся и многогранное доминирование западных держав в ключевых секторах экономики Африки свидетельствует о том, что старомодный колониализм в странах Африки к югу от Сахары еще не полностью искоренен [\[23, С.98\]](#). Французские колониальные власти создавали медийную инфраструктуру, в первую очередь служившую имперским интересам, в результате чего независимые государства унаследовали системы, предназначенные для сохранения метрополийного влияния [\[2; 9, С. 1-15\]](#). Даже после обретения политической независимости медиа франкоязычной Африки оставались экономически и структурно зависимыми от Франции: французские новостные агентства поставляли до 80% международного новостного контента в некоторых странах [\[7, С. 207-226\]](#). Эта зависимость способствовала воспроизводству системы информационного неоколониализма, при которой местные СМИ, не имея ресурсов для создания независимой журналистики, дублируют контент бывших колониальных держав [\[8, С. 101-118\]](#).

Гегемония французских медиа выходит за рамки новостей: она также формирует развлечения, образование и культурные ценности. Телеканалы, такие как TV5Monde и Canal+ Afrique, транслируют преимущественно французский контент, маргинализируя местное производство и укрепляя евроцентричные культурные модели [\[11, С. 123-140\]](#). Это привело к тому, что Туссу [\[3\]](#) называет "асимметричной глобализацией" медиапоток, остающихся односторонними — от глобального Севера к глобальному Югу — в ущерб локальному сторителлингу и критической журналистике [\[15, С. 1-18\]](#).

Культурные и политические последствия доминирования иностранных медиа

Влияние медийной зависимости носит двойственный характер, затрагивая как политическую коммуникацию, так и культурную идентичность.

Доминирование французских медиа способствует эрозии местных языков и традиций, утверждая французский как язык современности и престижа [\[8, С. 101-118\]](#). Более того, соглашения о сотрудничестве также установили французский язык в качестве официального языка во многих из этих стран, что отражает продолжающееся влияние Франции и целенаправленные усилия по языковой и культурной экспансии на этих территориях [\[24, С. 55\]](#). Эта языковая иерархия усиливает социальное расслоение, где владение французским ассоциируется с элитарным статусом, а местные языки остаются в сфере неформального общения [\[9, С. 1-15\]](#).

Материалы и методология

В данном исследовании используется качественный интерпретативный метод, основанный на теории медийной зависимости, постколониальной теории коммуникации и

исследованиях глобализации, для анализа взаимодействия между франкоязычными африканскими странами — Мали, Нигером и Камеруном — и международными медиа в период с 2019 по 2024 год. Исследование опирается на обширную теоретическую базу научной литературы, включая монографии, рецензируемые журналы и кейс-стади исторических и современных медиаотношений в странах Африки к югу от Сахары.

Основные источники исследования составили фундаментальные работы Бурго [\[2\]](#) о массмедиа в Африке южнее Сахары, исследование Туссу [\[3\]](#) о глобальной коммуникации, а также более современные аналитические работы, включая исследования Нотиас [\[14\]](#) о цифровых медиа и Мабвеазара [\[13\]](#) и цифровой журналистике в Африке. Эти работы заложили теоретическую основу для понимания динамики медиапотоков, особенно в постколониальных обществах. Анализ также опирается на труды Бурдона [\[11\]](#), который рассматривает проблему медийной зависимости франкоязычной Африки, и Ньямнджо [\[8\]](#), критикующего политику принадлежности постколониальных медиа.

В исследовании применяется сравнительный метод кейс-стади для изучения уникального, но схожего опыта Мали, Нигера и Камеруна — трех стран с общим колониальным наследием Франции, сталкивающихся с аналогичными вызовами в обеспечении медийного суверенитета. Критериями отбора для исследования стали следующие показатели: уровень проникновения иностранных медиа, политическая нестабильность и развитие локальных медийных мощностей в каждой стране. Данные были получены из исследований гражданской журналистики [\[12, С. 133-147; 19, С. 551-567\]](#), внедрения цифровых медиа [\[17, С. 366-383; 14, С. 329-348\]](#) и отношений между государством и СМИ [\[7, С. 207-226; 6\]](#).

Методология включает критический анализ структуры медиасобственности, регуляторной политики, языковых вопросов и доступа иностранных вещателей, таких как France 24, RFI и TV5Monde. Особое внимание в статье уделяется тому, как эти медиа влияют на политическую дискуссию, общественное мнение и культурную репрезентацию. Качественный анализ документов позволил выделить следующие ключевые темы: структурная медийная зависимость, неоколониальные новостные потоки и маргинализация локальных производителей контента.

Глобализация и медийная зависимость во франкоязычной Африке (на примере Камеруна, Мали, Нигера)

Теория медиазависимости, предложенная исследователями Болл-Рокич и ДеФлер, утверждает: чем сильнее индивиды или организации зависят от медиа в понимании своей социально-политической среды, тем больше власть медиасистем над обществом. Во франкоязычной Африке — Камеруне, Мали и Нигере — эта теория помогает проанализировать взаимосвязь между процессами глобализации и медиапотребления, особенно в контексте влияния иностранных медиа.

Глобализация ускорила информационные потоки, позволив транснациональным медиакорпорациям (преимущественно французским) укрепить своё присутствие в африканских медиа. Такие СМИ, как France 24, RFI и TV5Monde, стали основными источниками новостей и культурного контента, превосходя местные медиа по охвату и доверию аудитории. Бурдон [\[11, С. 123-140\]](#) отмечает, что французские медиа сохраняют прочные позиции во франкоязычной Африке, формируя нарративы и общественное мнение в интересах внешних сил, а не локальных реалий.

Теория медиазависимости объясняет этот феномен, выявляя структурные слабости местных медиаэкосистем. Как указывают Бурго [\[2\]](#) и Фрер [\[7, С. 207-226\]](#), государственный контроль, недостаток финансирования, цензура и слабая инфраструктура делают национальные СМИ неконкурентоспособными по сравнению с иностранными. По мере того как жители Мали, Нигера и Камеруна обращаются к международным вещателям за оперативными, профессиональными и якобы нейтральными новостями, их зависимость от этих источников растёт. Это предоставляет внешним игрокам весомое преимущество в формировании повестки дня.

Постколониальные исследователи, такие как Ньямнджо [\[8, С. 101-118\]](#) и Чакраварти с Роем [\[21, С. 112-134\]](#), утверждают, что эта медийная зависимость обусловлена не только экономическими или технологическими факторами, но и глубокими историко-лингвистическими связями с бывшими метрополиями. Доминирование франкоязычных медиа укрепляет культурный и эпистемологический порядок, маргинализирующий местные языки и автохтонные голоса.

Таким образом, теория медиазависимости предлагает ценный инструмент для анализа того, как глобализация усиливает асимметричные властные отношения в медийной среде франкоязычной Африки. Без инвестиций в независимые местные СМИ, регуляторных реформ и цифровых инноваций страны вроде Камеруна, Мали и Нигера рискуют замкнуть цикл зависимости, подрывающей медийный плюрализм, демократическую дискуссию и культурный суверенитет. До тех пор, пока силы гражданского общества не будут достаточно сильны, чтобы создавать свои собственные автономные медиа-системы, государственные и коммерческие системы будут продолжать доминировать [\[1, С. 120\]](#)

Колониальное наследие: гегемония французских медиа во франкоязычной Африке (Нигер, Мали, Камерун)

Медийный ландшафт Нигера, Мали и Камеруна невозможно понять без обращения к историческому наследию французского колониального управления, чьё влияние сохраняется в коммуникационных практиках, языковой политике и циркуляции информации. В колониальную эпоху Франция создавала медиаинституты в своих африканских колониях не как инструмент народного просвещения, а как средство управления, контроля и ассимиляции. Это наследие перешло в постколониальную эпоху, создав устойчивую зависимость от французского медиаконтента и форматов.

Как отмечают Бурго [\[2\]](#) и Тудеск [\[9, С.1-15\]](#), колониальная администрация внедрила радио и другие медиа как инструменты политического контроля для продвижения лояльности метрополии и подавления инакомыслия. Местные языки и голоса исключались из медийного пространства, что закрепило французский как язык модернизации и доминирования. Данная языковая гегемония продолжает определять основную траекторию медийной культуры франкоязычной Африки, где французский язык остаётся основным языком новостей и политического дискурса.

Обретение независимости не привело к подлинной медийной автономии. Инфраструктура, институциональные механизмы и даже профессиональные стандарты журналистики сохранили зависимость от французской системы. Бурдон [\[11, С. 123-140\]](#) характеризует эту ситуацию как "медийную гегемонию", когда французские государственные СМИ (RFI, TV5Monde, France 24) сохраняют доминирующие позиции в регионе. Эти каналы пользуются большим доверием аудитории благодаря своему профессионализму, в отличие от недофинансируемых и контролируемых государством

местных медиа. Особенно ярко это проявляется в Мали и Нигере, где политическая нестабильность и слабость демократических институтов подорвали независимые СМИ, сделав иностранные медиа основным источником информации [\[7, С. 207-226\]](#).

В Камеруне колониальное наследие усугубляется внутренним расколом между франко- и англофонными регионами, что усиливает доминирование французской медиамодели [\[6\]](#). Это приводит к маргинализации не только англоязычного населения, но и носителей автохтонных языков.

Таким образом, французское медийное влияние в Нигере, Мали и Камеруне представляет собой не просто продукт глобализации, но продолжение исторически сложившейся системы доминирования. Как показывают Ньямнджо [\[8, С. 101-118\]](#) и Чакраварти с Роем [\[21, С. 112-134\]](#), постколониальные медиаландшафты остаются встроенными в неоколониальные отношения власти, где информационные потоки из бывшей метрополии продолжают определять условия культурной, политической и эпистемологической гегемонии в регионе.

Глобализация как фактор усиления медийной зависимости франкоязычной Африки от бывших колониальных держав

Парадоксальным образом глобализация, часто преподносимая как путь к большей взаимосвязанности и демократизации информации, фактически укрепила медийную зависимость большинства франкоязычных африканских стран. В таких государствах, как Камерун, Нигер и Мали, глобализационные процессы усилили исторически сложившуюся зависимость от бывших метрополий, прежде всего Франции, через экономические, языковые и технологические механизмы.

Как отмечают Бурдон [\[11, С. 123-140\]](#) и Туссу [\[3\]](#), глобализация позволила медиаконгломератам глобального Севера проникнуть в информационное пространство глобального Юга. Во франкоязычной Африке это вылилось в подавляющее доминирование французских медиаинститутов - France 24, RFI и TV5Monde, чьи нарративные установки продолжают формировать новостную повестку, политический дискурс и культурную репрезентацию на континенте.

Колониальное наследие языкового и медийного доминирования [\[2; 9, С.1-15\]](#) обеспечило иностранным СМИ конкурентное преимущество в постколониальную эпоху. Глобализация лишь модернизировала эти иерархии через цифровые технологии, спутниковое телевидение и мобильную связь. Например, Нотиас [\[14\]](#) показывает, как платформы вроде Facebook Free Basics, продвигающие глобальный (и франкофонный) контент, непропорционально экспонируют африканскую аудиторию иностранным материалам, ограничивая доступ к локальному контенту.

В таких странах как Мали и Нигер, где слабая медиасистема и государственные СМИ ненадежны, иностранные вещатели воспринимаются как источник профессионализма и объективности [\[7, С. 207-226\]](#). Это создает замкнутый круг зависимости: аудитория обращается к французским источникам не только за международными, но и за местными новостями, что еще больше маргинализирует локальных производителей контента.

В Камеруне процесс глобализации усилил языковой и региональный раскол, привилегируя франкофонные СМИ в ущерб англоязычным и местным медиа. Как отмечает Эко [\[6\]](#), это укрепляет информационную гегемонию элит и воспроизводит

неоколониальные отношения в сфере знаний.

Таким образом, глобализация не создала равных условий для медиаиндустрии франкоязычной Африки. Вместо этого она углубила колониальное неравенство и перенесла медийную зависимость в цифровую эпоху. Как показывают Ньямнджо [\[8, С. 101-118\]](#) и Чакраварти с Роем [\[21, С.112-134\]](#), без инвестиций в локальное производство, медиаплюрализм и регуляторные реформы, франкоязычная Африка останется в системе внешнего контроля над местным самовыражением.

Культурные и политические последствия доминирования иностранных медиа во франкоязычной Африке

Доминирование иностранных (преимущественно французских) медиа во франкоязычной Африке, особенно в Камеруне, Нигере и Мали, имеет серьезные культурные и политические последствия. Хотя глобализация сделала международную информацию более доступной, гегемония бывших колониальных держав в медиaprостранстве привела к воспроизводству неоколониальных нарративов, маргинализации местных культур и утрате национального медиасуверенитета.

Культурные последствия

Ежедневное потребление французского медиаконтента укрепляет франкофонную культурную идентичность, которая систематически вытесняет местные языки, традиции и мировоззрение. Как отмечают Ньямнджо [\[8, С. 101-118\]](#) и Бурго [\[2\]](#), иностранные СМИ транслируют западные эстетические стандарты, ценности и идеологии, далекие от повседневных реалий африканских обществ. В Камеруне, например, преобладание франкоязычного контента усиливает позиции франкофонов за счет англоязычного населения и носителей местных языков, обостряя языковые и региональные противоречия [\[6\]](#). В Мали и Нигере французские медиа вытесняют традиционные формы повествования и подавляют системы автохтонных знаний, что ведет к культурному отчуждению молодежи.

Эта культурная зависимость усугубляется тем, что медиаконтент редко отражает африканскую идентичность. Как утверждают Чакраварти и Рой [\[21, С.112-134\]](#), гегемония иностранных нарративов создает эпистемическую несправедливость, замалчивая или искажая местные голоса. Африканские зрители потребляют новости и развлечения, отражающие мировоззрение иностранных элит, что формирует асимметричный глобальный дискурс.

Политические последствия

Политические ставки также чрезвычайно высоки. Бурдон [\[11, С. 123-140\]](#) и Фрер [\[7, С.207-226\]](#) подчеркивают, что иностранные СМИ, особенно государственные медиа вроде France 24 и RFI, оказывают значительное влияние на общественное мнение и политические дебаты в регионе. В слабых демократиях, таких как Мали и Нигер, эти медиаорганизации часто воспринимаются как более легитимные, чем местные аналоги, что позволяет иностранным государствам формировать политическую повестку, влиять на избирательные процессы и определять интервенционистскую политику.

Эта "мягкая сила" подрывает медийный суверенитет и ослабляет вклад местной журналистики в демократические процессы. Кроме того, она ставит политическое развитие региона в зависимость от иностранных интерпретаций и манипуляций, что

может угрожать локальной стабильности. Как отмечают Вассерман [\[5\]](#) и Виллемс [\[17, С. 366-383\]](#), медиагегемония иностранных игроков препятствует развитию независимых, плюралистичных и репрезентативных медиасистем - ключевых элементов культурного самоопределения и демократического управления в Камеруне, Нигере и Мали.

Роль новых медиамodelей (гражданской журналистики и цифровых платформ) в усилении производства локального контента

Появление цифровых медиа и гражданского репортажа открывает революционные возможности для рассматриваемых в исследовании франкоязычных африканских стран в сокращении зависимости от иностранных СМИ и развитии производства локализованного, participatory-контента. Процессы посредничества в Африке демонстрируют глубокие изменения не только в производстве и потреблении новостей, но и в самих медиасистемах [\[25, С. 209\]](#). Новые медиаинструменты бросают вызов традиционным властным структурам через децентрализацию медиапроизводства и альтернативные каналы распространения информации, гражданской вовлеченности и культурного самовыражения.

Как отмечают Банда [\[12, С. 133-147\]](#) и Мойо [\[19, С. 551-567\]](#), гражданская журналистика стала мощной силой в африканских странах, где информационное пространство традиционно контролируется государственными и иностранными СМИ. В Мали и Нигере гражданские репортеры заполняли критически важные информационные пробелы в периоды политической нестабильности, используя мобильные телефоны и соцсети для оперативных репортажей и прямых трансляций. Такие местные инициативы позволяют обходить как государственную цензуру, так и нарративные конструкции иностранных медиа, создавая более плюралистичную информационную среду.

Цифровые медиа, особенно социальные сети, также способствовали появлению независимых онлайн-СМИ и контент-мейкеров, работающих на местных языках и предлагающих автохтонные перспективы [\[13, С. 68-84; 14, С. 329-348\]](#). В Камеруне, например, веб-медиа сыграли ключевую роль в усилении голосов маргинализированных групп, особенно в англофонных регионах, где граждане используют Facebook, WhatsApp и YouTube для выражения альтернативных точек зрения вопреки предвзятости государственных и зарубежных СМИ [\[6\]](#).

Однако, несмотря на разрушительный потенциал, новые медиамodelи сталкиваются с серьезными ограничениями. Структурные барьеры — ограниченный доступ в интернет, цифровая неграмотность, государственный мониторинг и нехватка финансирования независимых платформ — сдерживают их масштабируемость и влияние [\[17, С. 366-383; 16, С. 58-74\]](#). Кроме того, как предупреждает в своем исследовании Нотиас [\[14, С. 329-348\]](#), глобальные цифровые платформы вроде Facebook могут практиковать "платформенный колониализм", продвигая глобальный контент и алгоритмы в ущерб локальным голосам.

Тем не менее, развитие гражданских медиа и онлайн-творчества в Африке знаменует переход к более локализованным и децентрализованным медиасистемам. При условии проведения политических реформ, развития цифровой инфраструктуры и программ медиаграмотности такие модели могут значительно снизить медийную зависимость, активизировать производство локального контента в Камеруне, Нигере и Мали, и вернуть нарративный суверенитет из-под иностранного контроля.

Политический климат в Мали, Нигере и Камеруне: трансформация медийных

ориентиров в постколониальном контексте

Политический ландшафт франкоязычной Африки, особенно в Мали и Нигере, претерпел радикальные изменения за последние годы. В то время как Камерун по-прежнему сохраняет тесные связи с бывшей колониальной метрополией через культуру, язык и медиа, Мали и Нигер демонстрируют растущий разрыв с Францией на фоне изменения геополитических союзов, что напрямую влияет на медийную зависимость, свободу слова и суверенитет.

Камерун: преемственность под французским влиянием

Политическая среда Камеруна сохраняет преемственность с колониальным прошлым, особенно в медийной сфере. При многолетнем президентстве Поля Бийа страна остается в орбите французского влияния. Французский язык доминирует в государственном управлении, образовании и СМИ, а французские медиа (RFI, France 24, TV5Monde) сохраняют широкое покрытие и доверие аудитории [\[6; 8, С. 101-118\]](#).

Внутри страны нарастает политическая нестабильность, особенно в англофонных регионах, где протесты против маргинализации переросли в вооружённые столкновения. Государственные СМИ и франкофонные нарративы продолжают формировать общественное мнение, подавляя альтернативные точки зрения. Независимая журналистика сталкивается с репрессивными законами, арестами журналистов и отсутствием свободы прессы, что укрепляет зависимость как от государственных, так и от прогосударственных иностранных медиа [\[5; 2\]](#).

Мали: восстановление суверенитета в условиях военного перехода

С 2020 года в Мали произошло два государственных переворота, и власть перешла к переходному военному правительству. Это совпало с резким разворотом от Франции и отказом от того, что воспринимается как неоколониальное доминирование, включая медийную сферу. В 2022 году правительство Мали приостановило вещание France 24 и RFI, обвинив их в предвзятом освещении действий армии в контртеррористических операциях. В 2023 году был запрещён TV5Monde.

Такого рода решения не были изолированными шагами: Мали активно развивает сотрудничество с не-западными партнёрами. Медийные запреты стали частью стратегии по защите национального суверенитета, предотвращению внешнего вмешательства и формированию новой геополитической нарративной линии [\[7, С. 207-226; 11, С. 123-140\]](#). Хотя эти меры подаются как защита национальных интересов, западные наблюдатели выражают обеспокоенность усилением государственного контроля над информацией и подавлением независимых голосов. Однако эти запреты знаменуют важный разрыв с традиционной медийной зависимостью франкоязычной Африки, указывая на потенциальную переориентацию на альтернативные медийные вселенные.

Нигер: политический кризис и антифранцузские настроения

Как и Мали, Нигер пережил государственный переворот в июле 2023 года, приведший к власти военную хунту с выраженными антифранцузскими настроениями. Вскоре после прихода к управлению страной, новые власти запретили вещание France 24 и RFI за "вмешательство во внутренние дела" и "манипулирование общественным мнением".

Новый режим также потребовал вывода французских войск и разорвал отношения с ЭКОВАС и другими региональными организациями, воспринимаемыми как прозападные.

Антифранцузские настроения также усиливаются через онлайн-дискуссии и уличные протесты, что способствует поиску новых партнёров и медийных нарративов.

Как и Мали, Нигер сталкивается с непростой задачей: снизить зависимость от французских медиа, не скатываясь в государственную пропаганду. В условиях слабых медийных институтов и отсутствия гарантий свободы прессы, отказ от иностранных СМИ не означает автоматического обретения медийной независимости.

Заключение

Различные политические траектории Камеруна, Мали и Нигера отражают более широкое напряжение в франкоязычной Африке между сохранением колониального наследия и стремлением к разрыву с ним. Если Камерун сохраняет тесную связь с Францией в медийной и политической сферах, то Мали и Нигер предпринимают радикальные шаги по пересмотру медийной зависимости — запрещая французские СМИ, оспаривая внешние нарративы и пытаясь вернуть информационный суверенитет.

Однако, как подчёркивают Чакраварти и Рой [\[21, С.112-134\]](#) и [\[17, С. 366-383\]](#), подлинная медийная независимость требует не просто запрета иностранных медиа, а инвестиций в местную журналистику, правовых гарантий для работников СМИ и создания живой, плюралистичной информационной среды. Хотя текущая политическая ситуация в Мали и Нигере указывает на возможный разрыв с французским медийным доминированием, остаётся неясным, приведёт ли это к демократизации или усилению государственного контроля над информацией.

ОБСУЖДЕНИЕ

Медийная зависимость франкоязычной Африки, в частности Мали, Нигера и Камеруна, неотделима от колониального наследия и меняющихся политических реалий XXI века. Эти три страны представляют уникальный пример того, как бывшие французские колонии продолжают бороться с влиянием иностранных медиа, особенно французских государственных СМИ, таких как RFI, France 24 и TV5Monde. Однако если Камерун остается в сфере культурного и медийного влияния Франции, то Мали и Нигер переживают глубокие политические и медийные трансформации.

Как показывают предыдущие исследования [\[9, С. 1-15; 2; 11, С.123-140\]](#), колониальное правление заложило основу централизованных франкоязычных медиасистем, предназначенных скорее для контроля, чем для информирования. Эти системы сохранились и после обретения независимости, создав зависимость от французских медиаинститутов и нарративов. В Мали, Нигере и Камеруне эта зависимость усугубилась глобализацией, в рамках которой французские СМИ доминируют в эфире, киберпространстве и общественной жизни [\[8, С. 101-118; 21, С.112-134\]](#).

Камерун: политика преемственности

За четыре десятилетия правления президента Поля Бийа государство сохраняло тесные экономические и культурные связи с Францией. Французский язык остается языком власти, а французские медиа пользуются высоким доверием населения. Местные СМИ хронически недофинансируются и находятся под строгим контролем, а оппозиционные голоса — особенно из англофонных регионов — подавляются или маргинализируются [\[6; 5\]](#). В результате международные медиа продолжают доминировать в национальном дискурсе, создавая порочный круг зависимости и препятствуя развитию автономных

медиаинститутов.

Мали и Нигер: резкий разворот

После череды военных переворотов (Мали в 2020 и 2021 годах, Нигер в 2023 году) обе страны начали сознательно дистанцироваться от Франции и французских медиа. На фоне роста антифранцузских настроений и обвинений во внешнем вмешательстве переходные правительства запретили вещание RFI, France 24, а затем и TV5Monde [\[7, С. 207-226; 22\]](#). Эти запреты стали частью более широкой стратегии по восстановлению национального суверенитета, борьбе с неоколониализмом и переориентации геополитических симпатий в сторону таких игроков, как Россия. Однако такие меры несут в себе риски.

Исключение иностранных медиа не означает автоматически свободы прессы. Вместо этого может образоваться вакуум, который заполнится государственной пропагандой или влиянием других внешних сил.

Роль цифровых технологий и гражданской журналистики

В сложившихся условиях онлайн-дискуссии и гражданская журналистика стали важными инструментами формирования новой реальности. Grassroots-медиа во всех трех странах активно развиваются, используя социальные сети, блоги и мобильные репортажи, чтобы обойти доминирование государственных и иностранных СМИ [\[12, С.133-147; 13, С.68-84; 17, С. 366-383\]](#). Эти платформы особенно активизировались в периоды политических потрясений и протестов, предлагая альтернативные нарративы и стимулируя гражданские дебаты. Однако сохраняются такие ограничивающие факторы, как слабый интернет-доступ, цензура платформ и отсутствие регуляторной поддержки.

Выводы

Медийная зависимость Нигера, Мали и Камеруна переосмысливается через перестройку политических альянсов, рост народного недовольства иностранным доминированием, расширение цифровых возможностей.

Камерун остается глубоко укоренённым во франкофонном медиапространстве, демонстрируя верность колониальным конфигурациям. Мали и Нигер выбрали путь разрыва, диверсифицируя источники информации в рамках более широких националистических и антиимпериалистических движений. Приведут ли эти изменения к подлинному медийному суверенитету или к альтернативным механизмам контроля, зависит от того, насколько эффективно будут развиваться, защищаться и укрепляться местные медиасистемы в ближайшие годы.

Учитывая меняющиеся политические реалии в Мали, Нигере и Камеруне, проблема медийной зависимости во франкоязычной Африке решается правительством рассматриваемых стран с учетом их специфики, способствуя медийной независимости, демократической коммуникации и региональному единству.

Наряду с данными региональными процессами исследователи выделяют и общие, способствующие созданию независимой и устойчивой медиасреды в этих странах:

· Развитие местных медиаинститутов

Правительство, НКО и региональные игроки инвестируют в развитие потенциала местных СМИ. Программы по обучению расследовательской журналистике, цифровым навыкам и многоязычному репортажу помогут повысить профессионализм и охват локальных медиа.

Особое внимание заслуживает развитие инфраструктуры в сельских и периферийных регионах, где иностранные СМИ пока доминируют благодаря своей доступности и технологическому превосходству [\[2; 5\]](#).

· **Правовые и политические реформы для поддержки медийного суверенитета**

Для снижения зависимости от иностранных медиа без ущерба свободе прессы принимаются законы, защищающие журналистов и стимулирующие производство локального контента. В Мали и Нигере, где французские СМИ были запрещены, важно не допустить замены одной пропаганды другой. Регуляторы должны быть независимыми и поддерживать плюрализм [\[7, С. 207-226\]](#).

· **Поддержка гражданской журналистики и цифровых инноваций**

Гражданские и массовые СМИ играют ключевую роль в заполнении информационных пробелов в периоды политических кризисов и ограничений для иностранной прессы. Правительствам следует смягчить ограничения на интернет-доступ, снизить стоимость данных и расширить общедоступный Wi-Fi, особенно в сельских районах [\[12, С. 133-147; 13, С. 68-84; 17, С. 366-383\]](#).

· **Деколонизация медиаобразования и сторителлинга**

Медиаобразование во франкоязычной Африке интегрирует местные системы знаний, языки и историю. Школы журналистики воспитывают критическое отношение к глобализации и отходят от евроцентричных моделей репортажа [\[8, С. 101-118; 21, С. 112-134\]](#).

· **Региональное сотрудничество и медийные альянсы Юг-Юг**

Развитие региональных телесетей, платформ обмена контентом и языкового партнерства снижает зависимость от западных медиа. Новые соглашения с не-западными странами и организациями (Африканский союз, ЭКОВАС, СЕМАК) создают противовес французской медиагегемонии [\[18, С. 167-182\]](#).

· **Защита свободы слова параллельно с медийными реформами**

Запреты на RFI и France 24 в Нигере и Мали сопровождались усилением репрессий против местных журналистов. Без демократических реформ деколонизация медиа может превратиться в инструмент авторитарного контроля [\[22\]](#).

Таким образом, медийный ландшафт франкоязычной Африки (Мали, Нигер, Камерун) находится на переломном этапе под влиянием исторического наследия, глобализации и меняющейся политики. Если в Камеруне сохраняется французское доминирование, то Мали и Нигер резко порвали с этой традицией, запретив ведущие французские каналы.

Эти шаги знаменуют отход от многолетней медийной зависимости, отражая растущее стремление к информационному суверенитету. Однако они также ставят сложные вопросы о свободе прессы и рисках новой пропаганды. Без сильных местных СМИ такие запреты могут стать инструментом авторитаризма.

Глобализация остается обоюдоострым мечом: она открывает возможности для альтернативных медиа, но сохраняет неравенство через "платформенный колониализм".

Для построения независимых медиасистем франкоязычной Африке необходимы

инвестиции в местные СМИ, защита свободы слова, продвижение локального контента, цифровые инновации и региональное сотрудничество.

Подлинная медийная независимость — это не просто разрыв с колониальным прошлым, а создание инклюзивных и демократичных коммуникационных систем будущего.

Библиография

1. Хакетт Р. А., Чжао Ю. Демократизация глобальных СМИ. США: Rowman & Littlefield, 2005. 248 с.
2. Бурго Л. М. Средства массовой информации в странах Африки к югу от Сахары. Индиана: Издательство университета Индианы, 1995. 320 с.
3. Туссу Д. К. Международная коммуникация: преемственность и изменения. 2-е изд. Лондон: Образование Ходдера, 2006. 317 с.
4. Томаселли К. Г., Данн Х. (ред.). СМИ, демократия и обновление в Южной Африке. Кейптаун: Антропресс, 2001. 318 с.
5. Вассерман Х. Популярные СМИ, демократия и развитие в Африке. Нью-Йорк: Рутледж, 2011. 304 с.
6. Эко Л. Новые медиа и старые режимы: тематические исследования в области сравнительного права и политики в области коммуникации. Лексингтон: Lexington Books, 2012. 492 с.
7. Фрер М.-С. Медиа и конфликты в Центральной Африке // *African Affairs*. 2007. Т. 106, № 423. С. 207-226.
8. Ньямнджо Ф. Б. Африканские СМИ: демократия и политика принадлежности // *Журнал африканских культурных исследований*. 2005. Т. 17, № 1. С. 101-118.
9. Тудеск А.-Дж. Роль СМИ в процессе демократизации во франкоязычной Африке // *Обзор африканских СМИ*. 1999. Т. 13, № 1. С. 1-15.
10. Мано У. Популярная музыка как журналистика в Зимбабве // *Исследования в области журналистики*. 2007. № 8 (1). С. 61-78.
11. Бурдон Ж. Зависимость от СМИ и глобализация: на примере франкоязычной Африки // *Глобальные СМИ и коммуникации*. 2003. Т. 9, № 2. С. 123-140.
12. Банда Ф. Гражданская журналистика и демократия в Африке: предварительное исследование // *Обзор Nordicom*. 2009. Т. 30, № 1. DOI: 10.1515/nor-2017-0181. С. 133-147.
13. Мабвизара Х. М. Цифровые технологии и развитие отдела новостей в Африке: на пути к эпистемологии африканской цифровой журналистики // *Цифровая журналистика*. 2015. Т. 3, № 1. DOI: 10.1080/21670811.2014.927986. С. 68-84.
14. Нотиас Т. Доступ предоставлен: Бесплатные основы Facebook в Африке // *Медиа, культура и общество*. 2020. Т. 42, № 3. DOI: 10.1177/0163443719853501. С. 329-348.
15. Огуньеми О. Представители "Бoko Харам": дискурсы местных и глобальных СМИ о терроризме // *Исследования в области африканской журналистики*. 2017. Т. 38, № 3. DOI: 10.1080/23743670.2017.1387976. С. 1-18.
16. Скъердал Т. С. Возрождение журналистики развития: пример Эфиопии // *Эквид Нови: Исследования африканской журналистики*. 2012. Т. 33, № 3. DOI: 10.1080/02560054.2012.759727. С. 58-74.
17. Виллемс У. За пределами платформенного колониализма: африканская аудитория и глобальная цифровая публичная сфера // *Теория коммуникации*. 2014. Т. 24, № 4. DOI: 10.1111/comt.12044. С. 366-383.
18. Зиглер Д., Асанте Р. Афроглобальные СМИ и постколониальная ответственность // *Журнал африканских исследований СМИ*. 2018. Т. 10, № 2. DOI: 10.1386/jams.10.2.167_1. С. 167-182.

19. Мойо Д. Гражданская журналистика и параллельный рынок информации на выборах в Зимбабве в 2008 году // Исследования в области журналистики. 2009. Т. 10, № 4. DOI: 10.1080/14616700902797291. С. 551-567.
20. Олорунисола А. А. СМИ в Южной Африке: между глобальным и местным // Вестник: Международный журнал коммуникационных исследований. 2002. № 64 (3). DOI: 10.1177/0016549202064003004.
21. Чакраварти П., Рой С. Восстановление плюрализма СМИ: на пути к новым формам сравнительных исследований СМИ в постколониальном мире // Международный журнал коммуникации. 2013. Т. 7. DOI: 10.1111/ijoc.1942. С. 112-134.
22. Международная амнистия. Западная Африка: Свобода выражения мнений находится под угрозой в условиях растущих репрессий. Лондон: Peter Benenson House, 2023. 412 с.
23. Флориберт Патрик К. Эндонг. Использование panaфриканизма для борьбы с французским неокOLONIALИЗМом во франкоязычной Африке: исследование аудиовизуальных СМИ и интеллигенции Камеруна // Азиатский журнал медиа и коммуникаций. 2022. Т. 6, № 1. С. 97-120.
24. Грегуар Анани. Международные политические перевороты во франкоязычных странах: причины, последствия и международная реакция в африканских странах // Африканский журнал политической науки и международных отношений. 2023. Т. 17, № 4. DOI: 10.5897/AJPSIR2023.1456. С. 54-64.
25. Шилина М. Г., Базье И., Джамии М. М., Волкова И. И., Морева А. Н. Медиа Африки в новой реальности: от медиации к медиатизации в контексте африкологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29, № 2. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212. С. 201-212.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме медийной зависимости франкоязычной Африки от бывших колониальных держав. Отмечается, что «глобализация преобразовала медийные системы по всему миру, создав сложные сети экономической, культурной и политической взаимозависимости. Одной из ключевых особенностей этой трансформации является модель медийной зависимости, при которой страны — особенно глобального Юга — в значительной степени полагаются на иностранные медиаконгломераты в вопросах новостей, развлечений и идеологических шаблонов». Принимая во внимание тот факт, что глобализация стала современной реальностью не только для экономики, политики, культуры, но и для средств массовой информации, видится необходимым изучать медийный ландшафт различных регионов с целью развития и укрепления местных медиасистем, формирования медийного суверенитета, чем и обусловлена актуальность данной работы.

Теоретической основой исследования выступают труды как российских, так и зарубежных ученых по вопросам международной коммуникации, цифровым массмедиа, развитию средств массовой коммуникации в Африке, проблеме медийной зависимости франкоязычной Африки и др. Библиография насчитывает 22 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако в тексте отсутствует ссылка на источник 1 (1. Хакетт Р. А., Чжао Ю. Демократизация глобальных СМИ. США:

Rowman & Littlefield, 2005. 248 с.), что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи». И, наоборот, в тексте даны ссылки на несуществующие источники 23 и 24 («На фоне роста антифранцузских настроений и обвинений во внешнем вмешательстве переходные правительства запретили вещание RFI, France 24, а затем и TV5Monde [7, С. 207-226; 22; 23]», «Без демократических реформ деколонизация медиа может превратиться в инструмент авторитарного контроля [22; 24]»). Можем предположить, что это техническая ошибка. Однако она требует устранения. Также автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и задачам: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, обзор научной литературы, сравнительно-исторический метод, методы когнитивного и дискурсивного анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достаточно подробно рассмотрены феномен медийной зависимости во франкоязычной Африке (Камерун, Мали, Нигер), исторические корни медийной зависимости франкоязычной Африки от бывших колониальных держав, культурные и политические последствия доминирования иностранных медиа, трансформацию медийных ориентиров в постколониальном контексте и пр. Предложены и обоснованы меры для создания независимой и устойчивой медиасреды в Мали, Нигере и Камеруне. Сформулированы выводы: «медийный ландшафт франкоязычной Африки (Мали, Нигер, Камерун) находится на переломном этапе под влиянием исторического наследия, глобализации и меняющейся политики», «глобализация остается обоюдоострым мечом: она открывает возможности для альтернативных медиа, но сохраняет неравенство через "платформенный колониализм"», «подлинная медийная независимость — это не просто разрыв с колониальным прошлым, а создание инклюзивных и демократичных коммуникационных систем будущего» и т. д.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теории медиазависимости, в изучение специфики современного медиапространства франкоязычной Африки и могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике.

Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Однако, по мнению рецензента, несмотря на логически выстроенное изложение материала, подзаголовки рукописи нуждаются в корректировке. Например, подзаголовок «Заключение» (перед «Обсуждением») целесообразно заменить на «Выводы» или просто начать с вводного слова «Таким образом,...». «Рекомендации», как правило, следуют после «Заключения» и т. п.

В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Глобализация и зависимость от СМИ: взаимоотношения между франкоязычными африканскими странами и зарубежными СМИ (2019-2024 годы)" представляет собой

исследование в области африканистики и медиадискурса.

В статье рассматривается феномен медийной зависимости стран франкоязычной Африки от СМИ бывшей метрополии.

Целью работы является выявления механизмов формирования зависимости африканских средств массовой информации от французских, а также определение роли в этом глобализации.

Методология исследования основана на качественном интерпретативном методе теории медийной зависимости, постколониальной теории коммуникации и исследованиях глобализации, а также на сравнительном методе кейс-стади.

Материалом послужили СМИ Камеруна, Нигера и Мали в период с 2019 по 2024 гг.

В результате применения указанных методов автор выделяет основную тематику проанализированных медиаисточников: структурную медийную зависимость от французского контента, неоколониальные новостные потоки и маргинализацию локальных производителей контента.

Работа опирается на обширную научную базу по теории медиазависимости.

Статья хорошо структурирована и состоит из введения, основной части, заключения, обсуждения, выводов, рекомендаций и библиографии.

В основной части работы автор подробно описывает исторические причины, современную и предполагаемые последствия исследуемой медиаполитики Камеруна, Нигера и Мали, акцентируясь на недостатках указанной медиаполитики. Автор, в частности, говорит об утрате независимости в области медиаполитики, а также о новом этапе неоколониализма, при этом подчеркивая, что есть существенные различия в том, каким образом данное явление влияет на каждую из трех стран.

В заключении автор делает три вывода. "Медийная зависимость Нигера, Мали и Камеруна переосмысливается через: перестройку политических альянсов, рост народного недовольства иностранным доминированием, расширение цифровых возможностей.

Камерун остается глубоко укоренённым во франкофонном медиапространстве, демонстрируя верность колониальным конфигурациям. Мали и Нигер выбрали путь разрыва, диверсифицируя источники информации в рамках более широких националистических и антиимпериалистических движений".

Данные выводы можно признать достоверным, учитывая подробную аргументацию автора.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Однако в работе есть недостатки.

Стиль статьи не всегда соответствует критериям научного, так как изобилует риторическими вопросами, а также содержит рекомендации, что не только не делает его научным, но и является неэтичным по отношению к исследуемым регионам.

Кроме того, в статье отсутствует актуальность и новизна исследования, не описан предмет исследования.

Учитывая данные недостатки, статья "Глобализация и зависимость от СМИ: взаимоотношения между франкоязычными африканскими странами и зарубежными СМИ (2019-2024 годы)" на данном этапе не может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera" без предварительной доработки.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Глобализация и зависимость от СМИ: взаимоотношения между франкоязычными африканскими странами и зарубежными СМИ (2019–2024 годы)»

Статья посвящена анализу феномена медийной зависимости франкоязычных африканских стран (Мали, Нигера и Камеруна) от иностранных СМИ, преимущественно французских. Рассматриваются исторические корни зависимости, влияние процессов глобализации на медийный суверенитет, культурные и политические последствия доминирования зарубежных медиа, а также возможности цифровых платформ и гражданской журналистики для формирования альтернативных медийных моделей. Таким образом, предмет исследования очерчен чётко и актуально, а сама работа опирается на широкий контекст — от колониального наследия до современных вызовов глобализации.

Автор использует качественный интерпретативный метод, опирающийся на постколониальную теорию, теорию медийной зависимости и исследования глобализации. В работе применяются кейс-стади трёх стран (Мали, Нигера и Камеруна), выбранных по критериям политической нестабильности, уровня проникновения иностранных медиа и состояния национальных медийных институтов. Методологическая база статьи достаточно проработана, однако, на наш взгляд, следовало бы подробнее остановиться на том, каким образом автор анализировал конкретные эмпирические данные (например, контент-анализ СМИ, интервью, статистику медиапотребления).

Представленная работа, несомненно, актуальна. Она затрагивает не только вопрос глобализации медиа, но и более широкую проблему культурного и политического суверенитета постколониальных обществ. События последних лет — государственные перевороты в Нигере и Мали, запрет трансляции французских СМИ в этих странах — подтверждают важность заявленной темы. Статья способна вызвать интерес как у специалистов в области медиа и коммуникации, так и у политологов, культурологов и регионоведов.

Новизна исследования заключается в том, что автор рассматривает актуальный период (2019–2024 годы), включая свежие политические события и их медийные последствия. Важным вкладом является сопоставление различных траекторий развития (сохранение зависимости в Камеруне и попытки разрыва в Мали и Нигере). Кроме того, автор привлекает концепцию «платформенного колониализма», что расширяет рамки традиционного анализа медийной зависимости.

Статья написана в академическом стиле, язык выдержан, аргументация последовательна. Структура текста логична: от введения и постановки проблемы к рассмотрению исторического контекста, анализу современного положения и роли новых медиа, а затем — к политическим аспектам и выводам. Однако местами наблюдается перегруженность текста ссылками, что затрудняет восприятие, а также некоторая повторяемость идей (например, тезис о гегемонии французских медиа повторяется в разных разделах почти в идентичной формулировке). Для улучшения текста следовало бы сгладить эти повторы и немного сократить объем за счёт упрощения избыточных объяснений.

Список литературы богат и включает как классические, так и современные источники (1990-е – 2024 годы), включая англоязычные и франкоязычные работы. Используются статьи из рецензируемых журналов, монографии, а также материалы международных организаций. При этом стоит отметить, что часть источников представлена в русскоязычных переводах, что ограничивает обращение к первоисточникам. Кроме того, возможно, в будущих работах полезным было бы добавить больше эмпирических исследований медиа во франкоязычной Африке последних лет, особенно региональных исследований и социологических опросов.

Автор активно вступает в дискуссию с различными теоретическими школами: сторонниками глобализации как демократизирующего процесса и критиками, подчеркивающими её неокOLONиальный характер. Аргументы оппонентов приводятся корректно, но преимущественно в сжатой форме. Было бы полезно шире раскрыть дискуссию о возможностях цифровых медиа: в тексте упоминается «платформенный колониализм», но эта тема могла бы быть развита более подробно, чтобы показать альтернативные взгляды.

Выводы логично вытекают из анализа: медийная зависимость во франкоязычной Африке укоренена в колониальном наследии, глобализация лишь усилила неравенство, а новые цифровые медиа способны сыграть роль в снижении зависимости, хотя сталкиваются с серьёзными ограничениями. Статья представляет интерес как для исследователей глобальных коммуникаций, так и для специалистов по Африке и постколониализму.

В заключение отметим, что статья представляет собой содержательное и хорошо структурированное исследование актуальной и сложной проблемы. Однако она в большей степени носит характер теоретико-аналитического обзора и в меньшей степени опирается на эмпирические данные. Полагаем, что данную работу можно рекомендовать к публикации в научном журнале Litera.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Щетинина Д.А. Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75470 EDN: QMJTLT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75470

Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций

Щетинина Дарья Александровна

ORCID: 0009-0007-0922-7104

ассистент; факультет социальных технологий и экономики данных Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
аспирант; институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»; Санкт-Петербургский государственный университет

193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр-т Большевиков, д.22, корп.1, ауд. 331/1

✉ shetinina.da@sut.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75470

EDN:

QMJTLT

Дата направления статьи в редакцию:

10-08-2025

Аннотация: Современное медиапространство претерпевает значительные изменения, связанные с усилением нормативного регулирования цифровой среды, что актуализирует необходимость тщательного изучения форм гражданского реагирования в условиях цифровой трансформации. Предметом данного исследования выступает цифровой активизм – особая форма гражданской коммуникации, проявляющаяся в социальных сетях и цифровых СМИ. Работа направлена на выявление речевых стратегий, посредством которых пользователи и медиаакторы интерпретируют нормативные инициативы в области медиарегулирования. Особое внимание уделяется устойчивым фреймам и речевым стратегиям, формирующим коллективные смыслы и отражающим общественное восприятие изменений в медиаполитическом пространстве России. Исследование также рассматривает роль цифровых платформ как пространства для формирования новых форм гражданской субъектности и взаимодействия между государством и обществом в условиях цифровой эпохи. Методологическая основа

исследования строится на сочетании контент-анализа и дискурс-анализа пользовательских публикаций в социальных медиа и цифровых СМИ, а также вторичный анализ динамики поисковых запросов по ключевым информационным повесткам. Проведенное исследование выявило ключевые особенности цифрового активизма в контексте трансформации медиаполитики России. Были обнаружены устойчивые фреймы интерпретации нормативных инициатив – «информационная безопасность», «тотальный контроль», «рациональное несогласие», «гражданская ответственность» – каждый из которых реализуется через разнообразные дискурсивные стратегии: ироническое дистанцирование, экспертную критику, мобилизационные призывы и прагматическую аргументацию. Анализ кейса закона о «суверенном интернете» продемонстрировал эволюцию дискурса от рациональных обсуждений к более поляризованным и эмоционально насыщенным позициям. Обнаружено, что нормативные изменения стимулируют активизацию цифрового гражданства и формируют новые формы субъектности, проявляющиеся в публичных высказываниях и дискурсе. Полученные результаты позволяют глубже понять механизмы формирования общественного мнения в цифровой среде и могут быть применены для прогнозирования реакции общества на дальнейшие изменения в медиарегулировании, а также для разработки стратегий коммуникации и участия в цифровом медиапространстве.

Ключевые слова:

медиаактивизм, медиаполитика, дискурсивные стратегии, нормативные инициативы, цифровая среда, онлайн-коммуникация, медийное регулирование, социальные медиа, публичный дискурс, цифровая субъектность

Введение

Цифровизация общественно-политических процессов привела к принципиальному изменению роли медиаактивизма, превратив его из инструмента борьбы за демократичные медиа в многогранный механизм политического воздействия, одновременно выполняющий функции катализатора изменений в обществе и посредника между обществом и властью [\[1\]](#). Медиаактивизм приобретает особое значение как форма гражданской активности, встроенная в цифровую коммуникативную реальность и тесно связанная с медиаполитическими процессами. Он предполагает использование медиаресурсов и коммуникационных стратегий для продвижения различных целей – от информирования и мобилизации до борьбы за доступ к медиа и влияния на медиарегулирование [\[2\]](#).

В рамках цифрового медиаактивизма особое значение приобретает информирование как первичный и направляющий элемент гражданского высказывания. Именно оно формирует основу для последующей общественной реакции, определяя акценты интерпретации происходящего и фокусируя внимание на ключевых проблемах. В этой связи важным понятием становится информационный активизм (или инфоактивизм), который трактуется как стратегическое использование информации и технологий для создания и распространения сообщений, способствующих социальным преобразованиям. Такая деятельность подчеркивает значение знаний и осведомлённости как условий для принятия решений и гражданского участия, направленного на достижение целей, связанных с социальной справедливостью [\[3\]](#). Таким образом, цифровое распространение информации не ограничивается описанием фактов – оно становится

осмысленным инструментом воздействия, формирующим символические рамки общественного обсуждения и инициирующим процессы коллективной рефлексии.

Однако в условиях цифровой среды информирование перестает быть лишь актом передачи фактов – оно становится дискурсивной практикой в которой активисты конструируют смысловые рамки для интерпретации социальных и правовых изменений. Эти процессы напрямую сопряжены со сферой медиаполитики, устанавливающей правила публичной коммуникации и определяющей, какие интерпретации событий получают институциональную поддержку. В трактовке Н.Б. Кирилловой, медиаполитика – это система государственного управления медиасферой, определяющая цели, содержание и формы соответствующей деятельности с учетом правовых, идеологических и экономических факторов [4]. Вместе с тем, как подчеркивает Е. Л. Вартанова, медиаполитика представляет собой не только совокупность правовых норм, но и систему политических, общественных и профессиональных действий, направленных на регулирование, корректировку и стимулирование функционирования СМИ в обществе, с учетом «многочисленных потоков» и разнообразных интересов участников медиасферы [5]. Медиарегулирование все чаще рассматривается как динамичный процесс трансформации законодательства и политических действий различных общественных институтов по корректировке деятельности СМИ [6], в котором задействовано все большее число субъектов: государственные органы, медиаиндустрия, экспертное сообщество и группы гражданского общества. В этих условиях цифровая среда становится пространством, где сталкиваются и соотносятся официальные и альтернативные способы артикуляции общественной повестки.

В связи с этим особенно важен подход В.Н. Бузина, трактующего медиаполитику как не только нормативный, но и интерпретационный механизм. По его мнению, она неразрывно связана с объяснением и интерпретацией не только целей и задач государства, но и с освещением текущих событий и состояния дел [7], что позволяет говорить о ней как о средстве институционализации смыслов, рамок интерпретации и легитимных нарративов. С этой точки зрения медиаполитика выступает не столько как фиксированная система норм, сколько как подвижное дискурсивное поле, в рамках которого цифровой активизм приобретает возможность влиять на конфигурацию публичного знания и нормативной повестки.

Медиаполитика все более отчетливо проявляет себя не просто как регулятор медиапрактик, но как пространство борьбы за символическую власть, где устанавливаются рамки допустимого публичного высказывания и формируются нормативные ожидания в отношении информации. Именно в этом поле особенно актуален подход С.В. Степановой, трактующей медиаполитику как зону пересечения интересов государства, общества и медиарынка [8]. В ее интерпретации объектом медиаполитики выступают не только правовые и институциональные формы регулирования, но и процессы трансформации медиакультуры, опосредованные цифровизацией, политической модернизацией и влиянием глобальных коммуникационных потоков. Такой ракурс позволяет рассматривать медиаполитику как интегративную систему, в которой сопрягаются социокультурные, технологические и рыночные логики — и как инструмент стратегического управления медиасредой, направленный на закрепление определенного порядка в публичной сфере.

На этом фоне особую значимость приобретает институционализация регулирования цифровой коммуникации. В российском медиапространстве происходит усиление нормативного регулирования, изменение условий функционирования платформ, а также

формализация механизмов контроля за информационными потоками, что существенно меняет правила публичной коммуникации в сети и становится катализатором общественного дискурса.

Таким образом, в фокусе настоящего исследования находится дискурсивная динамика цифрового активизма, которая рассматривается как процесс смысловой и риторической адаптации гражданского высказывания к изменяющимся условиям медиаполитического регулирования. Анализируя фреймы и языковые стратегии, используемые в российской цифровой среде, можно выявить, как гражданские акты цифровой коммуникации трансформируются в ответ на институциональные сдвиги и как они участвуют в формировании новых моделей цифровой субъектности.

Цель данной статьи – проанализировать дискурсивную динамику цифрового активизма в контексте медиаполитических трансформаций в России, выявив стратегии смыслового оформления гражданских высказываний, фреймовые структуры и риторические модели, отражающие реакцию на институциональные изменения медиасреды.

Методология исследования

Методологическая основа исследования строится на сочетании контент-анализа и дискурс-анализа, выполняющих взаимодополняющие задачи. Контент-анализ применяется на первом этапе как инструмент извлечения и систематизации эмпирических данных: позволяет выявить тематические узлы, устойчивые фреймы и направленность пользовательских реакций. Дискурс-анализ, в свою очередь, направлен на интерпретацию высказываний как элементов коммуникативной практики – с учетом контекста, риторических приемов, стратегий выражения и оформления гражданской позиции. В такой логике контент-анализ обеспечивает эмпирическую базу для последующего дискурсивного прочтения пользовательских высказываний и выведения типичных риторических паттернов цифрового реагирования.

Анализ сосредоточен на выявлении фреймов и дискурсивных стратегий, с помощью которых пользователи цифровых платформ интерпретируют нормативные инициативы, связанные с регулированием медиасреды в России. Эмпирическая база охватывает период с 2018 по 2024 год. Именно с 2018 года начинается последовательное развитие ключевых инициатив по институционализации цифрового медиарегулирования (включая обсуждение концепции «суверенного интернета», регулирования платформ и распространения информации). Верхняя граница зафиксирована текущим состоянием медиадискурса, позволяющим проследить уже сложившиеся риторические конструкции, а также оценить их устойчивость и трансформации в контексте событий 2022-2024 годов.

Корпус анализа формировался из пользовательских публикаций в открытых цифровых источниках: социальных сетях (в первую очередь, «ВКонтакте» и Telegram), медиаплатформ, а также публичных комментариев к новостным материалам. В выборку включались сообщения, содержащие прямые или имплицитные высказывания о нормативных изменениях в сфере информационной политики. Тематически анализ ограничивался обсуждением наиболее значимых и резонансных инициатив, затронувших структуру и режим функционирования цифровой среды в России в 2018–2024 гг.: это закон о «суверенном интернете», законодательство о «фейках» и «иноагентах», инициативы по ограничению «чайлдфри»-риторики, а также случаи блокировки платформ и цифровых сервисов. Эти темы репрезентативны, поскольку они стали предметом массовых публичных обсуждений, сопровождались выраженной цифровой реакцией и иллюстрируют ключевые линии медиарегуляторных изменений.

Выборка строилась по ключевым словам, отражающим обсуждение конкретных инициатив в сфере регулирования цифрового медиапространства, с учетом пиков цифровой активности, установленных на основе данных сервиса «Яндекс.Вордстат». Для обеспечения тематического охвата анализу подвергались как спонтанные пользовательские высказывания, так и структурированные публикации в СМИ, форумах, блогах и Telegram-каналах. Объем выборки составил 300 единиц сообщений. В анализ также включены ключевые кейсы, в частности, развитие общественной реакции на закон о «суверенном интернете» в 2019 году.

Анализ проводился поэтапно. На первом этапе производилось кодирование смысловых единиц в соответствии с преобладающими тематическими фреймами. На втором этапе выделялись устойчивые нарративные конструкции и речевые стратегии: ирония, тревожные сценарии, мобилизационные обращения, юридическая аргументация и другие. На третьем этапе проводилось сопоставление результатов с официальными позициями, зафиксированными в заявлениях государственных органов и в новостной повестке.

Методологический подход позволил зафиксировать устойчивые элементы цифрового дискурса, отражающие восприятие трансформаций механизмов медийного контроля и проследить динамику гражданской реакции в условиях изменения нормативной среды. Выявленные фреймы и речевые стратегии рассматриваются как формы структурированной гражданской субъектности, проявляющейся в публичной интерпретации и символической переработке медиаполитических инициатив.

Медиаполитические изменения и усиление цифрового контроля как контекст цифровой активности

В условиях цифровизации и роста значимости онлайн-коммуникации усиливается внимание государства к вопросам информационного регулирования, что находит отражение в обновлении законодательной базы, изменении моделей взаимодействия с цифровыми платформами и разработке новых механизмов регулирования контента. Данные процессы, по наблюдениям Н.А. Баранова демонстрируют фундаментальный парадокс цифровой эпохи: технологии одновременно расширяют возможности гражданской активности и создают новые инструменты контроля ^[9]. Нормативные инициативы, касающиеся цифровой среды, в последние годы стали фактором, напрямую влияющим на репертуар цифровой гражданской активности.

Одним из заметных примеров стало принятие закона № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», получивший также неформальное название закона о «суверенном интернете» (*Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон N 90-ФЗ: [принят Государственной Думой 16 апр. 2019 г.: одобрен Советом Федерации 22 апр. 2019 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*). Эта инициатива стала катализатором дискуссии об интернет-регулировании, зафиксированной как в публичной дискуссии, так и в цифровых каналах. Активизация гражданской рефлексии проявилась, в частности, в всплеске поисковых запросов «цензура в России» согласно статистическим данным сервиса «Яндекс.Вордстат» (*Яндекс.Вордстат: [сайт]. – URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения 06.07.2025))*).

Подобные цифровые реакции свидетельствуют о том, что изменения в медиаполитике

воспринимаются обществом не как абстрактные технические инициативы, а как вмешательство в знакомую, повседневную цифровую среду. Изначально формировавшаяся как «территория свободы», цифровая среда сделала общество более чувствительными к любым попыткам регулирования. В условиях открытого информационного обмена и активного сетевого взаимодействия нормативные инициативы становятся предметом интерпретации, рефлексии и символической артикуляции.

Согласно данным Яндекс.Вордстат, в период 2018-2024 гг. наблюдаются повторяющиеся всплески интереса пользователей к вопросам, связанным с медиаполитическими инициативами. Наиболее выраженные пики зафиксированы в ноябре 2019 года (в период принятия закона о «суверенном интернете») и в марте 2022 года, что соответствует моментам выхода в публичную повестку нормативных актов, затрагивающих коммуникационную сферу (рис.1).

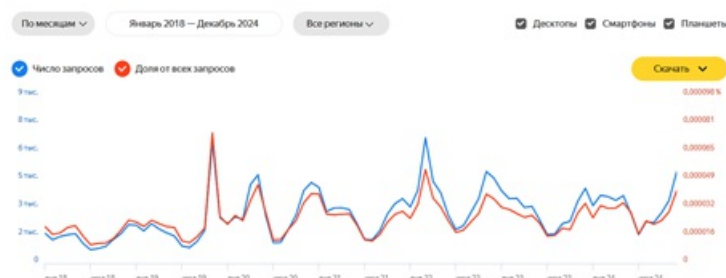

Рисунок 1 – Динамика поисковых запросов «цензура в России» (Яндекс.Вордстат)

В частности, в марте 2022 года одновременно вступили в силу и активно обсуждались следующие медиаполитические меры:

- принятие Федерального закона №32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в медиапространстве упоминаемый как «закон о «фейках», устанавливающий уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ (Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон №32-ФЗ: [принят Государственной Думой 4 мар. 2022 г.: одобрен Советом Федерации 4 мар. 2022 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);
- ограничение доступа к Facebook* и Instagram* (платформы, принадлежащие компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ) (Facebook и Instagram официально запрещены в России // Известия: [сайт]. – 2022. – URL: <https://iz.ru/1308655/2022-03-22/facebook-i-instagram-oficialno-zapreshcheny-v-rossii> (дата обращения 06.07.2025) и блокировка информационных ресурсов, признанных иностранными агентами (РКН заблокировал в России «Голос Америки», «Медузу», BBC и Deutsche Welle // Интерфакс: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/826249> (дата обращения 06.07.2025)).

Значимыми для формирования цифровой дискуссии стали и другие медиаполитические решения, в том числе:

- май 2020: удаление аккаунтов российских государственных СМИ на платформе YouTube, продолжившееся в последующие годы (YouTube заблокировал более 200 каналов российских СМИ и деятелей с 2020 года // ТАСС: [сайт]. – 2024. – URL:

<https://tass.ru/obschestvo/21327629> (дата обращения 07.07.2025), что положило начало обсуждению транснационального регулирования информации;

- декабрь 2020: принятие закона №482-ФЗ, предусматривающего возможность блокировки иностранных интернет-ресурсов за действия, интерпретируемые как дискриминация в отношении российских медиаматериалов (Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»: Федеральный закон N 482-ФЗ:[принят Государственной Думой 23 дек. 2020 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2020 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);

- ноябрь 2022: внесение изменений в закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления ответственности за распространение контента, трактуемого как пропаганда отказа от деторождения (т.н. «закон о запрете пропаганды «чайлдфри») (Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон N 401-ФЗ: [принят Государственной Думой 12 нояб. 2024 г.: одобрен Советом Федерации 20 нояб. 2024 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);

- декабрь 2023: вступление в силу закона №406-ФЗ, ограничивающего регистрацию на российских онлайн-платформах с использованием иностранных электронных почтовых сервисов (Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи»: Федеральный закон N 406-ФЗ: [принят Государственной Думой 26 июл. 2023 г.: одобрен Советом Федерации 28 июл. 2023 г.]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);

- декабрь 2024: вступление в силу закона «о запрете пропаганды «чайлдфри».

Наблюдаемая последовательность медиаполитических решений позволяет говорить о формировании целостной нормативной логики, ориентированной на институционализацию цифрового пространства, расширение оснований для ответственности за информационные действия и усиление контроля за архитектурой доступа. При этом каждое из перечисленных законодательных нововведений не просто фиксируется в правовом поле, но сопровождается публичной дискуссией в цифровой среде, что позволяет рассматривать медиаполитику не только как сферу юридической регуляции, но и как дискурсивный феномен. Эти нормативные акты становятся отправной точкой формирования коллективных представлений об информационном порядке, ценностях публичной коммуникации и допустимых границах цифрового поведения.

Реакция пользователей на медиаполитические инициативы не только носит ситуативный характер, но также демонстрирует наличие устойчивых риторических и семиотических практик, позволяющих оформлять отношение к происходящему. Нормативные изменения становятся триггерами дискурсивной активности, формирующей интерпретационные рамки. Публичные высказывания по поводу медиаполитики включают не только оценки, но и моделирование желаемой цифровой реальности, в которой гражданин стремится сохранить пространство для действия, самовыражения и информационной автономии.

Именно в этом контексте медиаполитика становится предметом дискурсивной переработки, а цифровой активизм – каналом рефлексивного участия, в котором нормативная среда интерпретируется, оспаривается, переопределяется и осмысливается

через разнообразные формы цифрового высказывания. Переходя от наблюдения за правовыми новациями к анализу фреймов, нарративов и риторических стратегий, можно более глубоко понять, как в условиях трансформирующегося медиаполя формируется современная цифровая субъектность.

Дискурсивные стратегии цифрового активизма

Рассматривая цифровой активизм как дискурсивную практику, важно учитывать, что публичные высказывания пользователей структурируются согласно определенным фреймам. В настоящем исследовании понятие фрейма используется в традиции И. Гофмана и работ по анализу социальных движений. Согласно Гофману, фреймы – это «схемы интерпретации», которые позволяют людям «находить, воспринимать, идентифицировать и обозначать события» в своём жизненном мире [10]. Они придают смысл происходящему, структурируют восприятие и направляют поведение. В рамках подхода Сноу и Бенфорда, фреймы коллективного действия не только интерпретируют реальность, но и мобилизуют сторонников, легитимируют действия и задают оппозицию [11]. Таким образом, фреймы представляют собой смысловые конструкции, организующие публичное реагирование и создающие условия для выражения цифровой субъектности.

В контексте цифрового активизма фреймы выполняют ключевую функцию структурирования гражданских высказываний: они упрощают и направляют интерпретацию медиаполитических инициатив, позволяя пользователям определить своё отношение к происходящему – как участника, критика, наблюдателя или защитника. Публичные реакции в цифровой среде формируются не хаотично, а через устойчивые фреймовые конструкции, которые придают нормативным изменениям определенный смысл: как угрозу свободе, необходимость защиты, возможность развития или повод для протеста. Эти фреймы служат когнитивными опорами, упорядочивая восприятие происходящего и превращая разрозненные высказывания в структурированные символические позиции.

Вместе с тем сами по себе фреймы задают лишь базовую структуру интерпретации. Их реализация в цифровом дискурсе осуществляется посредством дискурсивных стратегий – комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели [12]. Такие стратегии позволяют пользователям не только артикулировать определенную фреймовую позицию, но и варьировать ее модальность: усиливать эмоциональную окраску, подчеркивать рациональную аргументацию или задавать форму публичной репрезентации (табл.1).

Таблица 1. Дискурсивные стратегии в цифровом активизме

Фрейм	Интерпретационная логика	Дискурсивная стратегия	Пример
Информационная безопасность	Контроль контента и ограничение внешних платформ рассматриваются как меры по обеспечению стабильности, цифрового суверенитета и сохранению	· Инициация угрозы – представление внешних платформ как источников идеологической, культурной или политической опасности; · Противопоставление	· «Это позволило обеспечить устойчивую, безопасную работу всей критической информационной инфраструктуры... случае оказания на нее внешнего

	национальной идентичности	«своих» и «чужих» - создание бинарных оппозиций: «мы/они»; · Моральная аргументация – акцент на защите традиционных ценностей, семьи, идентичности; использование лексики моральной тревоги; · Инклюзия большинства – апелляция к общественному согласию.	враждебных воздействий»; · «...это позволило защитить пользователей соцсетей, особенно детей, о огромного количества деструктивной информации»; · «60% россияне считают цензуру в интернете необходимой»
Тотальный контроль	Подавление альтернативных мнений через манипуляцию информацией и ликвидацию независимых СМИ	· Саркастическая делегитимация – представление мер контроля через иронию и акцент на бытовых социальных издержках и негативных последствиях; · Тревожное информирование – акцент на угрозах свободе слова и неопределенности законодательных норм с целью вызвать беспокойство.	· «Создан очень мощный инструмент борьбы с мнением, отличающимся от официальной позиции. Останется понять, где именно "единственно верный" источник официальной информации» · «Сегодня блокируют сайты соцсети, а завтра запретят обсуждать политику даже в кухне» · «Размыты понятия законопроекта, их трактовки могут вызвать злоупотребления, отъем собственности, сведение счетов»
Интернационализация	Сравнение ограничений с	· Демонстрация универсальности	· «Такая ситуация с ужесточением

	опытом других государств	вызовов – подчеркивание, что проблемы регулирования интернета и баланс между свободой и безопасностью существуют во многих странах. · Инициация угрозы через иностранные практики – демонстрация и преувеличение негативных или спорных аспектов зарубежных систем. · Рационализация выбора национальной модели – объяснение преимуществ и недостатков различных зарубежных подходов с целью оправдания выбранного направления регулирования.	государственного контроля з соцсетями складывается н только в России Китае — в други странах существуют похожие законы» · «Есл сравнивать, гд свободы слов меньше: в России или в Туркмении то окажется, что Туркмении, или Северной Корее е еще меньше. Н уж на уровн Беларуси Росси находится точно» · «Россия долго время пыталас найти неки баланс межд толерантной Европой авторитарным Китаем»
Гражданская ответственность	Формирование представлений о должном порядке, участие граждан как обязанность и моральная норма	· Апелляция к гражданскому долгу – побуждение к участию в общественных процессах, представление активной позиции как значимого элемента функционирования демократического общества; · Легитимация коллективного действия – обоснование общественных инициатив (в т.ч. протестных) как допустимые и	· «Все изменится одночасье, есл людям надоес терпеть и на акци протеста выйду миллионы» · «Вопрос свободе слова - это в первую очередь вопро свободы СМИ» · «Наступление н права граждан. власть пытаетс заткнуть все рты...»

		правомерные формы выражения гражданской воли; · Акцент на солидарности – поддержка отдельных групп или инициатив через представление коллективной ответственности как нормы общественного взаимодействия; · Сопоставление ролей власти и общества – противопоставление действий граждан и институтов власти.	
Рациональное несогласие	Рациональный разбор правовых, экономических и технических аспектов с прогнозом рисков и критикой неясности и неэффективности регулирования	· Юридическая и техническая критика закона — указывать на правовые противоречия, технические сложности и уязвимости, чтобы обосновать сомнительность эффективности и безопасность закона; · Обоснование экономических последствий — продемонстрировать рост издержек, снижение конкурентоспособности и возможный отток бизнеса, чтобы подчеркнуть негативное влияние на экономику; · Апелляция к противоречию между приоритетами развития государства и результатами ограничений.	· «Централизация трафика в одних руках – критическая ошибка... Инфраструктура становится уязвимой» · «Закон суверенном интернете — это еще один косвенный налог на предпринимателей который приведет к увеличению стоимости ведения бизнеса в России» · «В условиях когда развитие науки и технологий провозглашено стране государственным приоритетом, какую пользу оно может принести ограничение обмена трафиком с зарубежными

			интернет-пространством?»

Таким образом, представленные в таблице фреймы позволяют зафиксировать широкий спектр гражданских позиций по отношению к медиаполитическим инициативам — от нормативной поддержки и мобилизационного отклика до рационального несогласия и критической оппозиции. Очевидно, что цифровая реакция на изменения в медиасреде не сводится к бинарной оппозиции «за» или «против»: она включает в себя множество смысловых градаций и форм символической обработки.

Анализ фреймов в их сопряжении с дискурсивными стратегиями позволяет утверждать, что цифровой активизм в условиях трансформации медиаполитики опирается на разнообразные риторико-семантические конструкции — от мобилизующих до защитно-дистанцирующих. Пользовательские реакции не ограничиваются поддержкой или критикой: в цифровом дискурсе фиксируется сложная палитра смыслов, включающая тревожную рефлексию, прагматическую критику, ироничные высказывания и апелляции к гражданской ответственности.

Особую значимость приобретает фреймовая конкуренция, возникающая в цифровом пространстве: один и тот же нормативный акт может интерпретироваться через противоположные смысловые конструкции — как мера по обеспечению безопасности или как шаг к цифровой изоляции. Такая конкуренция формирует динамичную и часто поляризованную среду, в которой пользователи соотносят себя с различными интерпретациями, тем самым актуализируя элементы своей гражданской идентичности.

Кроме того, в пределах одного и того же дискурсивного пространства могут сосуществовать фреймы с разной модальностью и риторической направленностью. Например, фрейм «рационального несогласия» строится на логике прагматической аргументации (экономические, технологические, правовые последствия регулирования), но часто реализуется рядом с более эмоциональными или тревожными высказываниями. Это свидетельствует о том, что цифровой активизм опирается на смешанный арсенал дискурсивных стратегий, с помощью которых пользователи не только выражают, но и оформляют, усиливают или переосмысливают свою гражданскую позицию.

Наиболее показательной иллюстрацией описанных дискурсивных стратегий выступает траектория публичного обсуждения закона о «суверенном интернете». Эта медиаполитическая инициатива спровоцировала высокую пользовательскую активность и стала точкой концентрации цифровых смыслов, в которой пересеклись разные интерпретации и коммуникативные практики. Таким образом, обсуждение «суверенного интернета» становится продуктивной эмпирической площадкой для анализа динамики фреймового оформления и стратегического выражения гражданской позиции в условиях медиаполитической трансформации.

Для анализа были отобраны 100 публикаций в СМИ и социальных сетях (в частности, «ВКонтакте» и X (Twitter)), размещенных в период с марта по декабрь 2019 года. Этот временной отрезок охватывает основные этапы: обсуждение инициативы, принятие закона, а также первые месяцы после его вступления в силу.

В официальной коммуникации подчеркивалась необходимость защиты устойчивости российской интернет-инфраструктуры в условиях возможного ограничения доступа к международным сетевым ресурсам. Подобная аргументация сопровождалась ссылками на внешнеполитические документы, в частности, Стратегию кибербезопасности США

(2018), в которой был зафиксирован курс на «поддержание мира посредством силы» (*National cyber strategy of the United States of America // The White House: [сайт]. – 2018. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 27.07.2025))*). Таким образом, нормативные меры позиционировались как превентивные в контексте усиливающейся геополитической нестабильности.

В то же время в цифровом дискурсе начала складываться альтернативная интерпретация этих инициатив, в центре которой на начальном этапе находилась техническая критика. Пользователи, специалисты в области ИТ и телекоммуникаций акцентировали внимание на рисках замедления интернет-соединения, сложностях, связанных с внедрением технологий глубокой фильтрации трафика (DPI), и высоких издержках на реализацию инфраструктурных изменений. Общественная рефлексия на данном этапе строилась преимущественно вокруг технических, технологических и экономических аргументов, формируя дискурсивную рамку рационального несогласия.

По мере продвижения законодательной процедуры в дискурсе усиливался критический компонент и происходит смещение акцентов от технической составляющей к более широким интерпретациям, в которых инициатива рассматривалась как потенциальная угроза открытости и доступности цифровой среды. Начали появляться призывы к мобилизации граждан и публичным выступлениям против предполагаемого ограничения цифровых свобод.

В июне 2019 года в официальной риторике появились ответы на критику, звучавшую в публичном пространстве: подчеркивалось, что закон предназначен исключительно для защиты цифровой инфраструктуры и «не предусматривает ограничений». В это же время в официальных заявлениях начали использоваться экономические аргументы: подчеркивалась поддержка отечественного ИТ-сектора, создание рабочих мест и повышение цифрового суверенитета. На фоне этого критические оценки стали менее интенсивными, сосредоточившись преимущественно на возможном снижении скорости интернета «до уровня 1990-х годов».

После вступления закона в силу в ноябре 2019 года фокус официальной риторики сместился к демонстрации технологической эффективности. Проведение учений и тестирования системы преподносилось как подтверждение ее стабильности даже в условиях кибератак. Акценты делались на защите от кибершпионажа, предотвращении утечек данных и обеспечении безопасного функционирования государственных сервисов.

Одновременно с этим в цифровом активистском дискурсе наблюдалось усиление политизированной критики. Пользователи акцентировали внимание на возможностях фильтрации интернет-трафика, увеличении числа блокировок сайтов, и потенциальной слежке за действиями граждан в онлайн-среде. Это сопровождалось переходом от прагматической аргументации к эмоционально окрашенным высказываниям.

Таким образом, анализ данного кейса демонстрирует, как меры медиаполитическая становятся точкой фокусировки общественного внимания, вызывая поэтапное формирование цифрового дискурса: от экспертных обсуждений – к мобилизационным и политически ангажированным стратегиям. Внутренняя динамика риторики (как со стороны официальных каналов, так и в пользовательском сегменте) иллюстрирует, каким образом трансформируются интерпретационные рамки в ходе институционализации

медиаполитических решений.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности цифрового активизма в условиях изменения медиаполитики в России. Анализ цифровых реакций на нормативные инициативы в сфере информационного регулирования показал, что медиаактивизм не только адаптируется к институциональным ограничениям, но и становится важным каналом общественной рефлексии, способным оформлять альтернативную интерпретацию происходящих изменений.

В ходе качественного анализа цифрового дискурса, сформировавшегося вокруг медиаполитических решений 2018-2024 годов, были выявлены устойчивые фреймы интерпретации (такие как «информационная безопасность», «тотальный контроль», «рациональное несогласие», «гражданская ответственность»), которые отражают ключевые линии смысловой артикуляции в реакциях на медиарегулирование и задают структуру символической репрезентации событий. Каждый из них реализуется через специфические дискурсивные стратегии — риторические ходы, позволяющие усилить, модифицировать или эмоционально окрасить гражданскую позицию. Такие стратегии включают ироническое дистанцирование, экспертную критику, мобилизационные призывы и прагматическую аргументацию, формируя разнообразный репертуар высказываний.

Кейс закона о «суверенном интернете» показал, как медиаполитическая инициатива запускает многофазную дискурсивную реакцию: от технической критики и экономических опасений — к политизированной мобилизации, символическим интерпретациям и устойчивым риторическим практикам. Наблюдаемая смена аргументации в публикациях коррелирует с изменением риторики официальных источников, что подтверждает взаимовлияние институционального и гражданского сегментов медиаполитического поля. Эта динамика демонстрирует, что цифровой активизм не просто реагирует на отдельные законы, но формирует долгосрочную символическую оптику, через которую воспринимаются последующие регуляторные меры.

Таким образом, цифровой активизм в условиях трансформирующегося медиапространства можно рассматривать как форму смысловой и коммуникативной субъектности, способную не только интерпретировать, но и моделировать альтернативные сценарии цифровой современности. Он выполняет функции медиатора между нормативными инициативами и общественным восприятием, а также способствует формированию устойчивых гражданских идентичностей в цифровой среде.

Библиография

1. Щетинина Д. А. Трансформация дефиниций медиаактивизма в исследовательском дискурсе // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 36. С. 66-82. DOI: 10.24412/2949-2513-2025-36-66-82. EDN: TJODDI.
2. Pickard V., Yang G. (ред.) Media activism in the digital age. Taylor & Francis, 2017. 248 с.
3. Cuevas-Cervero A., Colmenero-Ruiz M.-J., Martínez-Avila D. Critical information literacy as a form of information activism // The Journal of Academic Librarianship. 2023. Т. 49, Вып. 6. С. 1-7. DOI: 10.1016/j.acalib.2023.102786. EDN: NVCILR.
4. Кириллова Н. Б. Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации: [учеб. пособие] / Н. Б. Кириллова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 110 с. EDN: UWZAPH.

5. Вартанова Е. Л. Медиаполитика: актуальный академический дискурс // Меди@льманах. 2019. № 1 (90). С. 8-17. EDN: IDIJII.
6. Siune K., Truetzschler W. Dynamics of Media Politics: Broadcast and Electronic Media in Western Europe. London: Sage Publications Ltd, 1992. 230 с.
7. Бузин В. Н. Медиаполитика как интерпретация // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. № 3. С. 8-22. EDN: HNTSQL.
8. Степанова Н. В. Сущностные характеристики медиаполитического дискурса // Дискурс. 2025. Т. 11, № 1. С. 138-154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154. EDN: OZAUAX.
9. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 66-72. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072. EDN: CTZZVT.
10. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
11. Snow D. A., Benford R. D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. Т. 1. С. 197-218.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с. EDN: UFGTFJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций" представляет собой исследование в области языковой политики и медиадискурса.

В статье автор анализирует особенности функционирования российской медиасреды.

Цель исследования заключается в анализе дискурсивной динамики цифрового активизма в контексте медиаполитических трансформаций в России, а также в выявлении стратегии смыслового оформления гражданских высказываний, фреймовых структур и риторических моделей, отражающих реакцию на институциональные изменения медиасреды.

Метод исследования - сочетание контент-анализа и дискурса анализа.

Материал исследования определялся объемом выборки и составил 300 единиц сообщений, опубликованных в мессенджерах ВК и Телеграм в период с 2018 по 2024 гг. Анализ данных производился в 3 этапа, включавших кодирование единиц, выделение устойчивых нарративных конструкций и анализа результатов.

В заключении исследования автор приходит к ряду выводов.

"Анализ цифровых реакций на нормативные инициативы в сфере информационного регулирования показал, что медиаактивизм не только адаптируется к институциональным ограничениям, но и становится важным каналом общественной рефлексии, способным оформлять альтернативную интерпретацию происходящих изменений.

В ходе качественного анализа цифрового дискурса, сформировавшегося вокруг медиаполитических решений 2018-2024 годов, были выявлены устойчивые фреймы интерпретации (такие как «информационная безопасность», «тотальный контроль», «рациональное несогласие», «гражданская ответственность»), которые отражают ключевые линии смысловой артикуляции в реакциях на медиарегулирование и задают структуру символической репрезентации событий. Каждый из них реализуется через специфические дискурсивные стратегии — риторические ходы, позволяющие усилить,

модифицировать или эмоционально окрасить гражданскую позицию. Такие стратегии включают ироническое дистанцирование, экспертную критику, мобилизационные призывы и прагматическую аргументацию, формируя разнообразный репертуар высказываний.

Кейс закона о «суверенном интернете» показал, как медиаполитическая инициатива запускает многофазную дискурсивную реакцию: от технической критики и экономических опасений – к политизированной мобилизации, символическим интерпретациям и устойчивым риторическим практикам. Наблюдаемая смена аргументации в публикациях коррелирует с изменением риторики официальных источников, что подтверждает взаимовлияние институционального и гражданского сегментов медиаполитического поля. Эта динамика демонстрирует, что цифровой активизм не просто реагирует на отдельные законы, но формирует долгосрочную символическую оптику, через которую воспринимаются последующие регуляторные меры".

На основании представленной методики исследования и объёма анализируемых данных выводы можно считать достоверными.

Стиль статьи соответствует критериям научного.

Библиография содержит необходимое количество отечественных и зарубежных актуальных источников.

Автор недостаточно ясно обосновывает новизну и актуальность исследования, при том, что исследование, безусловно, является таковым.

Однако данные недостатки не препятствуют рекомендации статьи к публикации.

Таким образом, статья "Дискурсивные стратегии цифрового активизма в условиях медиаполитических трансформаций" может быть рекомендована к публикации в журнале "Litera".

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан В. Влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75852 EDN: QPHSYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75852

Влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык

Чжан Ваньцзин

ORCID: 0009-0003-0337-1907

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

✉ zhangwanjing2025@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75852

EDN:

QPHSYG

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является специфика влияния личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов (которые выражаются через ключевые культурно-философские концепты: вина, совесть, искупление, и стилистико-прагматические маркеры: экспрессивность, ирония, оценочность), при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык. Объектом исследования служит корпус русско-китайских переводов романа, принадлежащих китайским переводчикам, и сопутствующие паратекстуальные материалы (предисловия, послесловия, комментарии). Цель исследования – выявить характер и механизм воздействия субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в русско-китайских переводах романа и предложить конкретные шаги, позволяющие минимизировать их влияние. Особое внимание уделяется анализу роли таких факторов,

как личностные установки переводчика, его образование, религиозно-мировоззренческие, этические взгляды и внешние обстоятельства – издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические, цензурные ограничения. Методология исследования включает корпусный анализ китайских переводов (выполненных Жу Лунем, Ли Ганом, Юань Яньнанем, Чжу Хайгуанем и Ван Вэнем), их лингвокультурных и прагматических особенностей, методы качественного лингвистического и филологического анализа, в том числе подразумевающие контекстуальный разбор ключевых фрагментов романа, сопоставление вариантов китайского перевода, тематический анализ высказываний переводчиков в паратексте. Научная новизна исследования заключается в систематизации субъективных факторов (личностных, эстетических, идеологических, профессиональных) и их влияния на репрезентацию лингвокультурных смыслов в китайских переводах романа «Преступление и наказание», а также в разработке теоретико-практической модели детерминации и коррекции влияния субъективных факторов в процессе художественного перевода. Модель может быть использована в теории и практике художественного перевода, при подготовке учебно-методических материалов для студентов-переводчиков и программ повышения квалификации. Основные выводы: личностные установки переводчика (уровень образования, литературные предпочтения, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды) системно влияют на выбор лексико-семантических и стилистических средств и тем самым смещают акценты исходных лингвокультурных смыслов; внешние субъективные факторы (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения) становятся детерминантами адаптации, искажения культурно значимых концептов и символики, радикально меняя их смысловую нагрузку.

Ключевые слова:

субъективные факторы, репрезентация лингвокультурных смыслов, китайские переводы, Преступление и наказание, идеологические влияния, стратегии перевода, личностные установки переводчика, лексико-семантические маркеры, механизмы воздействия факторов, культурно значимые концепты

Введение

Современная переводоведческая наука все чаще выходит за рамки вопросов эквивалентности текста и фокусирует свое внимание на репрезентации лингвокультурных смыслов – тех значений, которые возникают на стыке языка и культуры и которые передаются не только посредством слов, но и культурно обусловленных контекстов [\[5\]](#). В данном случае большой интерес представляет художественный текст, в котором, как правило, сосредоточен целый комплекс лингвокультурных единиц: образов, стереотипов, ценностных коннотаций, идиоматических конструкций, межкультурных отсылок, эстетических приемов и смысловых доминант, чьи функции обусловлены как простой передачей информативного содержания текста, так и созданием художественного эффекта, формированием идеологических, эмоциональных импликаций, моделированием культурного опыта читателя [\[2\]](#). Именно поэтому перевод художественного текста требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокой культурной интуиции, способности воссоздавать ситуацию коммуникации, распознавать приоритеты оригинала и принимать осознанные решения о том, какие элементы следует сохранить, а какие – адаптировать к принимающей культуре (отсюда возникает проблема влияния

личностных установок переводчика). При этом на специфику реализации художественного перевода также влияют внешние субъективные факторы (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения), которые и обуславливают выбор переводческих стратегий и конечный «облик» текста-перевода.

В контексте исследований по художественному переводу проблема личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, определяющих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов в тексте, приобретает особую актуальность. Это обусловлено тем, что данная проблема затрагивает не только теоретические аспекты, но и практику профессионального художественного перевода: читатель получает не объективный источник информации, а продукт, несущий следы субъективности переводчика, его идеологической позиции и жизненного опыта, а также влияния условий распространения перевода в качестве печатного издания. Важно отметить, что на сегодняшний день данная проблема рассмотрена достаточно поверхностно – зачастую исследуются ее отдельные аспекты: в частности, Т. П. Андриенко уделяет внимание социокультурным детерминантам переводческой деятельности в рамках глобальных и локальных стратегий перевода [\[11\]](#); А. А. Водяницкая посвящает свою работу анализу роли субъективного фактора при переводе оценочных значений [\[3\]](#); Л. В. Крупник изучает личность переводчика как субъективный фактор (автор останавливается на психолингвистических особенностях художественного перевода) [\[8\]](#); Л. В. Кушнина выделяет объективные и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода [\[9\]](#); Т. Г. Никитченко обращается к лингвистическим и психологическим аспектам художественного перевода и его субъективным факторам, которые рассмотрены достаточно подробно [\[10\]](#). Тем не менее, все это не приводит к целостному пониманию специфики влияния субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе, поскольку зачастую преобладают фрагментарные наблюдения и описательные систематизации, при этом не хватает согласованной методологии и эффективных моделей, детерминирующих и корректирующих влияние субъективных факторов в процессе художественного перевода.

В связи с этим в рамках настоящего исследования считаем необходимым рассмотреть в комплексе специфику влияния личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов в переводе. В качестве объекта исследования считаем целесообразным обратиться к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [\[4\]](#), его китайским переводам, и сопутствующему паратексту (предисловиям, послесловиям, комментариям) [\[11–14\]](#). Выбор данного материала в качестве объекта исследования обусловлен тем, что:

- во-первых, роман «Преступление и наказание», будучи текстом исключительной художественной условности и смысловой плотности [\[6; 7\]](#), представляет собой типичный источник лингвокультурных смыслов (религиозных и философских аллюзий, бытовых реалий и социальных стереотипов, разнообразных речевых стилей;
- во-вторых, китайские переводы и сопутствующие им паратекстуальные материалы репрезентируют разные идеологические контексты восприятия русской классики в Китае; сопоставительный анализ переводов позволяет выявить, каким образом внешние субъективные факторы корректируют или усиливают личностные установки переводчика в процессе репрезентации лингвокультурных смыслов.

– в-третьих, наличие разнообразных паратекстуальных материалов – предисловий, послесловий, примечаний – позволяет проследить, как именно переводчики, издатели и комментаторы определяют читательское восприятие и предписывают интерпретативные рамки, что, в свою очередь, влияет на коммуникативный статус перевода как культурного феномена.

Таким образом, все это определило *цель настоящего исследования*, которая заключается в выявлении характера и механизма воздействия субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в русско-китайских переводах романа «Преступление и наказание» и предложении конкретных шагов, позволяющих минимизировать их влияние. При этом основной акцент определяется анализом роли таких факторов, как личностные установки переводчика, его образование, художественные вкусы, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды, а также внешние обстоятельства – издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения.

Личностные установки переводчика как фактор выбора лексико-семантических и стилистических средств репрезентации лингвокультурных смыслов

Перевод как процесс передачи языковых единиц и лингвокультурных смыслов требует от переводчика не только владения двумя языковыми системами (в данном случае русской и китайской), но и его развитых личностных установок. В данном случае под *личностными установками переводчика* понимается совокупность качеств, обусловленных уровнем образования, литературными предпочтениями, религиозно-мировоззренческими и этическими взглядами, которые (качества) определяют выбор лексико-семантических и стилистических средств, обеспечивающих репрезентацию культурно значимых явлений [8; 10]. При этом личностные установки раскрываются в умениях выявлять культурно-значимые коннотации, скрытые прагматические эффекты и межязыковые несоответствия исходного текста, а также выбирать адекватную стратегию их передачи в языке перевода.

Как показывает анализ русско-китайских переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и сопутствующих паратекстуальных материалов (предисловий, послесловий, комментариев), личностные установки китайских переводчиков оказывают значительное влияние на весь переводческий процесс. Данное влияние проявляется не только в выборе отдельных лексических эквивалентов, но и в формировании общей стратегии передачи языковых единиц, стилистических особенностей, лингвокультурных смыслов. Рассмотрим личностные установки переводчиков более подробно.

I. Влияние уровня образования и филологической подготовки переводчиков на репрезентацию лингвокультурных смыслов особенно заметно в контексте русско-китайских переводов. Китайские переводчики, стремясь к точной передаче этих лингвокультурных смыслов, зачастую прибегают к дословным соответствиям и к сохранению стилистических маркеров оригинала. Например, при переводе такого выражения, как «*русский молебен*» («*Русский молебен хочет служить, хе-хе!..*» [4, с. 83]), китайские переводчики используют различные варианты единиц, чтобы передать его значение. Например, в текст может вводиться:

– прямой эквивалент 俄祈祷仪式 [é qídǎo yíshì] / русская молитва [12] (с целью сохранения национальной и религиозной смысловой нагрузки);

– различные архаичные варианты 俄礼拜祈祷 [é lǐbài qídǎo] / *русская месса, молитвенное служение* [11] (что указывает на архаизирующую окраску и попытку сохранить историко-церковный контекст произведения);

– также может использоваться переносная или образная интерпретация 俄虔诚的祈祷 [é qiánchéng de qídǎo] / *русская благочестивая молитва* [14] (чтобы передать эмоциональную окраску и сохранить оценочные коннотации оригинала).

Данные варианты указывают на различные переводческие стратегии – стремление к кальке, архаизации или экспликации. Выбор конкретного решения во многом обусловлен уровнем образования переводчиков и глубиной их филологической подготовки: более подготовленные специалисты склонны учитывать историю употребления языковых единиц, их стилистико-семантические оттенки и возможные культурно-исторические отсылки, тогда как менее профильные переводчики чаще опираются на «согласующиеся» и понятные целевому читателю эквиваленты, что зачастую приводит к утрате культурно значимых коннотаций.

II. На репрезентацию лингвокультурных смыслов оказывают существенное влияние художественные вкусы и эстетические установки переводчиков. В данном случае речь идет не только о знании китайского и русского языков и в целом культуры, но и о том, каким образом переводчики воспринимают текст с художественной точки зрения. От этого зависит, как переводчик будет «воссоздавать» идиостиль писателя: используя приемы дословного перевода или исходить из творческого подхода, который даст возможность сохранить эмоциональный тон произведения, но будет полностью адаптирован к языку перевода. В качестве примера можно привести то, как китайские переводчики передают «идею сверхчеловека». В частности, при ее описании встречаются следующие языковые единицы:

– 超人思想 [chāorén sīxiǎng] / *суперчеловек, концепция суперчеловека* [12; 13] (в данном случае наблюдается отсылка к философии Ницше и воспринимается как калька);

– 人类的理想自我 [rénlèi de lǐxiǎng zìwǒ] / *идеальное «я», идеал человеческого «я»* [14] (в этом варианте делается акцент на психологической составляющей понятия, при этом он является пояснительным и сохраняет абстрактно-философский тон);

– 超越道德的自我塑造 [chāoyuè dàodé de zìwǒ sùzào] / *самосотворение за пределами морали, формирование «я» за пределами морали* [11] (в этом варианте делается акцент на акте самопреобразования и на морально-этическом измерении понятия).

Также встречаются такие единицы, как 超人理念 [chāorén lǐniàn], 超人观念 [chāorén guānniàn], 超人哲学 [chāorén zhéxué] / *концепция, философия суперчеловека* [13; 14] (данные единицы представляют нейтральные обозначения, лишённые ярко выраженной эмоциональной и оценочной окраски). В целом выбор конкретной лексической формулы в переводе неизбежно несёт в себе определённые смысловые импликации и стилистические акценты, которые в совокупности формируют восприятие языковых единиц в китайской культуре. При этом эстетические установки китайских переводчиков проявляются на разных уровнях и в различных решениях – от выбора отдельного лексического эквивалента до общей стратегии воссоздания художественного текста.

III. Религиозно-мировоззренческие и этические позиции переводчиков воздействуют непосредственным образом на оценочные оттенки и на то, какие мотивы будут подчеркнуты или опущены при переводе. Атеистические или коммунистические установки

китайских переводчиков определяют выбор в сторону трактовки социально-экономических детерминант поведения (акцент на бедности, социальной несправедливости, преступлении как социальном феномене), тогда как религиозно настроенные и духовно ориентированные переводчики будут выделять религиозные символы, покаянные мотивы, сакральные значения образа Сони и пр. Например, при переводе единицы «покаяние» («Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, – выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего...» [4, с. 202]) могут использоваться единицы:

- 改造 [gǎizào] / преобразование, трансформация личности или 觉悟 [juéwù] / пробуждение, осознание [12; 13] (китайские переводчики акцентируют внимание на социальной трансформации личности и воспитательной функции);
- либо 忏悔 [chàn huǐ] / раскаяние, покаяние перед Богом [11] (что подчёркивает религиозный аспект покаяния).

Кроме этих вариантов китайские переводчики также используют в тексте и более нейтральные единицы: 内疚 [nèijiù] / чувство вины, 悔过 [huǐguò] / раскаяние, исправление (в нейтрально-воспитательном ключе); 认罪 [rènzui] / признание вины (с юридическим акцентом); 后悔 [hòuhuǐ] / чувство вины, сожаление, 自责 [zìzé] / самобичевание – все эти варианты указывают на возможные смещения понятия у разных переводчиков: от социального или личностного прочтения до религиозно-этического восприятия. В данном случае выбор языковой единицы не только определяют ключевую коннотацию понятия, но и перестраивает читательское восприятие героя, мотивации их поступков.

IV. Стилистические и прагматические решения, проявляющиеся на уровне лексики, синтаксиса и прагматики, напрямую влияют на восприятие лингвокультурных смыслов романа «Преступление и наказание» китайскими читателями. Эти решения реализуются через ряд ключевых приёмов (использования кальки, дословного перевода, перефразирования, эксплицитного и имплицитного выражения), каждый из которых по своему воссоздает текстовую картину мира оригинала и тем самым формирует иную читательскую интерпретацию. Ярким примером служат нравственные сомнения главного героя, которые в оригинале зачастую представлены имплицитно, в русско-китайском переводе же они имеют более явное выражение (за счёт эксплицитных пояснений), либо наоборот, могут быть нивелированы посредством нейтральных формул. В частности, в эпизоде, где Раскольникову снится сон о «маленькой, тощей, саврасой крестьянской клячонке» [4, с. 46], которую жестоко избивают на глазах у толпы (следует отметить, что данный эпизод имеет ярко выраженное лингвокультурное значение; вся сцена представлена как характерный, но не прямо комментируемый автором образ: жестокость по отношению к бедному животному, равнодушие толпы и острое моральное потрясение главного героя; именно этот образ у русскоязычных читателей часто вызывает ассоциации с крестьянской жизнью, жестокостью повседневности и христианско-моральной категорией сострадания). Китайский перевод данного эпизода может быть представлен как:

- экспликация (с добавлением оценочных пояснений): 他看到乡下人无情地打死那匹老马——这在当时的俄国农村很常见，弱者的呻吟成了习以为常的景象；他由此深感不平与痛惜 [Tā kàn dào xiāngxià rén wúqíng de dǎ sǐ nà pǐ lǎo mǎ——zhè zài dāngshí de éguó nóngcūn hěn chángjiàn, ruòzhě de shēnyín chéngle xíyǐwéicháng de jǐngxàng; tā yóu cǐ shēn gǎn bùpíng yǐ tòngxī] / Он видел, как крестьяне немилосердно забили до смерти старую лошадь, — в то время это было обычным явлением в русской деревне, и стоны слабых стали

обычным зрелищем; он почувствовал глубокое негодование и раскаяние [12, с. 69]. В данном случае переводчиками используется историко-социальный комментарий, который дает возможность сосредоточить внимание китайского читателя и определенным образом подтолкнуть его к пониманию русской действительности того времени, где жестокость предстает как структурная черта среды. При этом прагматически экспликация снижает двусмысленность и усиливает этическую оценку, но уменьшает пространство для читательской интерпретации;

– нивелирование / нейтрализация (обобщение, потеря специфики): 他看到有人残忍对待一匹马, 马受了重伤, 路人置若罔闻, 他心中只剩下沉重的悲哀 [Tā kàn dào yǒurén cánrěn duìdài yī pǐ mǎ, mǎ shòule zhòngshāng, lùrén zhìruòwǎngwén, tā xīnzhōng zhǐ shèng xià chénzhòng de bēi'āi] / Он видел, как кто-то жестоко обращался с тяжело раненой лошастью, а прохожие закрывали на это глаза. Он был полон глубокой скорби [14, с. 53]. В рамках данного перевода утрачивается «крестьянский» контекст и социолингвистический маркер «мужики», в результате чего сцена отражает универсальные представления о жестокости. Для китайской аудитории теряется часть лингвокультурной информации о русском социальном фоне: ослабляется потенциал историко-социальной интерпретации при восприятии художественного текста (китайский читатель не получает сигнала о классовой принадлежности героев произведения и о характере описываемой социальной среды, что приводит к смещению лингвокультурных смыслов и, вероятно, к искажению авторского замысла). При этом решение о том, сохранить ли разговорные обороты, просторечные выражения и региональные языковые особенности в репликах героев, также влияет на историко-социальную палитру данного произведения: бедность и преступная среда могут выглядеть более или менее «местными» для китайских читателей при эквивалентном переводе, что определит специфику рефлексии читателя о социальном фоне преступления.

V. Наконец, на репрезентацию лингвокультурных смыслов при русско-китайском переводе романа «Преступление и наказание» также оказывает значительное влияние субъективность переводчика, проявляющаяся в паратексте: в предисловиях, комментариях и пр. В качестве примера можно привести особенности перевода слова *барин* («Не зайдете, милый барин? – спросила одна из женщин довольно звонким и не совсем еще осипшим голосом» [4, с. 122]). В русском тексте данная языковая единица несёт коннотации социального статуса, определенной модели межличностных отношений в дореволюционной России. В китайском языке прямого эквивалента этой единицы нет, в связи с этим китайским переводчикам приходится использовать один из вариантов с близким значением (что, безусловно, влияет на лингвокультурный смысл оригинала произведения). Так, в переводах романа встречаются следующие единицы: 老爷 [lǎoyé] / *хозяин, владелец*; 掌握 [zhǎngwò] / *владелец*; 地主 [dìzhǔ] / *хозяин, арендодатель*; также встречаются варианты нейтрального вежливого обращения 先生 [xiānshēng] и 绅士 [shēnshì] / *господин, сэр, джентльмен* (что, важно отметить, лишает необходимой социальной маркированности), при этом данные варианты сопровождаются, в первом случае – пояснительной сноской переводчиков (в соответствии с которой указывается, что барин – помещик / дворянин, владелец крепостных; социально-историческое понятие XVIII–XIX вв. в России) [12]; во втором случае – роман сопровождается предисловием, где переводчик подчёркивает классовую критику Ф. М. Достоевского и интерпретирует его произведение как «картину социального неравенства» [11]. Все это указывает на то, что китайские переводчики, опираясь на собственную интуицию и паратекст, могут передавать различный лингвокультурный смысл переводимого текста.

Внешние субъективные влияния и их роль в адаптации или искажении культурно значимых концептов и символики

Кроме комплекса личностных установок китайских переводчиков существенное влияние на репрезентацию лингвокультурных смыслов оказывают внешние субъективные факторы, среди которых ключевыми являются издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения. Так, китайские издатели зачастую ориентируются на государственные стандарты: с одной стороны, массовость выпускаемого издания, с другой – цензура обуславливают необходимость выхода в печать более «легкого» и сокращённого текста, что неизбежно влечет за собой упрощение сложных философско-религиозных рассуждений в произведении Ф. М. Достоевского и к удалению фрагментов, которые не считаются «необходимыми». Также все это проявляется в редакторской замене культурно значимых концептов текста-оригинала на более общие эквиваленты (в т. ч. идеологически «правильные»), в исключении подробных объяснений исторических контекстов, в редактировании символики и пр. Например, в одной из ранних редакторских версий романа «Преступление и наказание» на китайский язык ранее упомянутый «сон о лошади» (который в оригинале представлен как подробный рассказ о «маленькой, тощей, саврасой крестьянской клячонке» [4, с. 46], с описанием о ее мучениях, реакции свидетелей ситуации, внутреннем потрясении главного героя и пр.), был сокращён до нескольких предложений. Упоминание о «кошмарном сне» в переводе превратилось в общий рефрен без деталей (一匹老马被人赶打致死, 旁人冷眼围观 [Yī pǐ lǎo mǎ bèi rén gǎn dǎ zhìsǐ, páng rén lěngyǎn wéiguān] / Кто-то забил насмерть старую лошадь, а прохожие равнодушно наблюдали за этим [15, с. 193]). Была лишь отмечена жестокость, но без подробностей и психологического сопровождения. Все это порождает не только упрощение внешних деталей произведения, но и искажает его художественную и философскую глубину.

Редакторские и цензурные ограничения особенно заметны в различные исторические периоды: переводчики и редакторы в условиях государственной цензуры сознательно нейтрализуют религиозно-духовные мотивы, заменяя их нейтральными или социально-акцентированными формулировками (так, вместо понятий о духовной бедности и внутреннем возрождении героя акцент может ставиться на социальной нищете и классовых причинах совершенного преступления). Ярким примером служит сцена, где Соня, с ее верой и страдальческой смиренностью, читает Родиону Раскольникову Евангелие (в частности, эпизод о воскресении Лазаря), что побуждает героя к духовному пробуждению и покаянию (это один из важных религиозно-духовных мотивов произведения). При этом ключевыми концептами у Ф. М. Достоевского служат: *покаяние, искупление через страдание и веру, спасение через веру, духовное возрождение* [4]. Однако в одной из ранних версий перевода данные единицы были нивелированы и «заменены» на: *переоценка моральных ориентиров и ценностей, пересмотр взглядов, трансформация мировоззрения, ответственность перед обществом, роль среди и бедности в совершении преступления* [15]. Такого рода замены приводят к тому, что в тексте перевода исчезают важные религиозные понятия (信仰 [xìnyǎng] / вера, 悔改 [huǐgǎi] / покаяние, 贖回 [shú huí] / искупление, 復活 [fùhuó] / воскресение) и на их место приходят светские, социально-этические формулировки (道德 [dàodé] / мораль, 良心 [liángxīn] / совесть, 公眾譴責 [gōngzhòng qiǎnzé] / общественное осуждение, 犯罪的社會原因 [fànzui de shèhuì yuányīn] / социальные причины преступления. Все это приводит к значительной трансформации смысловой картины романа «Преступление и наказание». В результате мотивация героев произведения воспринимается в ином ключе – не как

борьба за духовное возрождение, а как следствие социальных обстоятельств или межличностных конфликтов.

На специфику перевода (кроме издательской и цензурной политики) также влияют ожидания и предпочтения самой китайской аудитории, чьи читательские запросы определяют формирование в переводах определённых приоритетов и стиля изложения художественного текста. При этом наибольшее значение, как показывает анализ, имеют:

- стремление к доступности художественного языка: упрощение синтаксических структур, отказ от использования редких и трудновоспроизводимых культурно-специфических языковых единиц (концептов); например, вместо «изба», «хоромы» более понятные единицы 小木屋 [xiǎo mùwū], 大屋 [dàwū] или 房子 [fángzǐ] / дом, домик, большой дом;
- прагматизация образных элементов художественного текста: замена значимых философско-религиозных мотивов на более понятные образы, легко воспринимаемые широкой аудиторией; например, вместо выражения «нести свой крест» используется 心中的负担, 痛苦 [xīnzhōng de fùdān, tòngkǔ] / тяжесть, боль в сердце (символ страдания трансформирован в бытовую метафору);
- локализация лингвокультурных концептов: замена «русских концептов» на локальные аналоги, сокращение или переработка исторических контекстов; например: «барин / дворянин» переводится как 老爷 [lǎoyé], 掌握 [zhǎngwò], 地主 [dìzhǔ] (замена на понятные китайскому читателю социальные категории);
- адаптация идиостиля писателя и нивелирование авторской интонации: склонность к «сглаживанию» стилистических контрастов в пользу более нейтрального, описательного языка; например, буквальный перевод (близкий к оригинальной лексике и синтаксису): 七月初, 在一个极为炎热的时节, 有一个青年从他的狭小的房间走到街上 [Qī yuèchū, zài yīgè jíwéi yánrè de shíjié, yǒu yīgè qīngnián cóng tā de xiáxiǎo de fángjiān zǒu dào jiē shàng] / В начале июля, в очень жаркую пору, молодой человек вышел из своей маленькой комнаты на улицу [\[11\]](#); адаптированный перевод: 七月初, 天特别热, 一个年轻人从自己小屋里走上街去 [Qī yuèchū, tiān tèbié rè, yīgè niánqīng rén cóng zìjǐ xiǎowū li zǒu shàng jiē qù] / В начале июля, в жаркий день, молодой человек вышел из своей комнаты на улицу [\[14\]](#);
- эксплицитность и пояснительная стратегия: тенденция к увеличению экспликаций – добавлению кратких пояснений в тексте или паратексте, что направлено на формирование определенного контекста, без обращения к внешним источникам; например, внутритекстовое уточнение социальных ролей: при переводе слова «барин» вводится пояснительная вставка 地主, 村里的有钱人 [Dìzhǔ, cūnlǐ de yǒu qián rén] / помещик, богатый человек в деревне [\[12\]](#), и т. д.

Рассмотрев характер и общий механизм воздействия субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык, целесообразно представить теоретико-практическую модель детерминации и коррекции влияния этих факторов в процессе художественного перевода. В частности, в предлагаемую модель целесообразно включить четыре взаимосвязанных блока:

1. Диагностический блок (содержит общий инструментарий для анализа личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов: корпусный подсчёт вариантов перевода и анализ их специфики, исследование паратекстуального материала, изучение релевантных лексико-семантических и стилистических маркеров);

2. Аналитический блок (включает методики системного анализа механизмов влияния выделенных факторов на предметную и прагматическую репрезентацию лингвокультурных смыслов: контент-анализ, разбор ключевых сцен произведения на лингвокультурном и лингвопрагматическом уровнях, сопоставление работ различных переводчиков);

3. Коррекционный блок (заключает в себе комплекс практических приёмов и редакторских процедур с целью минимизации «нежелательной субъективности»: развитие рефлексивного мышления переводчика, разработка словарей, обсуждение альтернативных стратегий в редакции, рекомендации по составлению и оформлению паратекста);

4. Оценочный блок (определяет критерии и стратегии перевода и эффективности коррекции влияния субъективных факторов: критерии эквивалентности, репрезентативности лингвокультурных смыслов, эмпирический анализ восприятия текста целевой аудиторией, сопоставительный анализ до/после внесения корректировок).

Данная модель позволит обеспечить системный, воспроизводимый и оперативно применимый механизм выявления, анализа и коррекции субъективных факторов, влияющих на репрезентацию лингвокультурных смыслов при переводе художественного произведения на китайский язык. При этом модель способствует сочетанию разрозненных приёмов в единый цикл процедур, который даст возможность снизить нежелательную субъективность при сохранении творческой автономии переводчика (за счет модульности, эмпиричности, практической осуществимости). Кроме того, в рамках данной модели для минимизации влияния субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе целесообразно не только повышать рефлексивность переводчика, использовать практику самоанализа, но и внедрять институциональные и методические механизмы, направленные на системное снижение субъективной инертности в переводе. Большое значение имеет:

- включение в издательские проекты переводческих примечаний и параллельных комментариев, объясняющих проблемные решения и альтернативные варианты перевода ключевых концептов, понятий, выражений с русского языка на китайский;
- поощрение коллективного перевода и редакторских консультаций, особенно при сложных лингвокультурных единицах, с целью снижения влияния субъективных факторов в процессе русско-китайского перевода;
- а также разработка прозрачных редакторских и издательских стандартов в Китае, создание специализированных (научных) версий романа, использование сносок и предисловий, а также правовая и профессиональная поддержка китайских переводчиков.

Заключение

Таким образом, рассмотрев специфику влияния личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык, пришли к следующим выводам:

Во-первых, личностные установки переводчика (уровень образования, литературные предпочтения, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды) системно влияют на выбор лексико-семантических и стилистических средств и тем самым часто смещают

акценты исходных лингвокультурных смыслов. Это делает процесс перевода субъективным актом воссоздания исходной культуры: одни элементы усиливают, другие – «приглушают» или формируют иные представления. Соответственно, с целью минимизации искажения важно повышать рефлексивность переводчика, внедрять практику самоанализа и парного/редакторского контроля, а также использовать поясняющие паратекстуальные средства (примечания, комментарии). Важно отметить, что такие средства могут служить не только справочным материалом, но и коммуникативным инструментом, позволяющим регулировать степень эксплицитности культурных элементов, формировать рамки интерпретации и ускорять процесс усвоения чужой культурной реальности китайским читателем.

Во-вторых, внешние субъективные факторы (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения) нередко становятся детерминантами адаптации или искажения культурно значимых концептов и символики, порой радикально меняя их смысловую нагрузку. В этом случае русско-китайский перевод часто видоизменяет сообщение в соответствии с внешними ожиданиями читательской аудитории, что ставит вопрос об аутентичности и этике перевода. Выходом из данной ситуации будет разработка прозрачных редакторских стандартов в Китае, создание специализированных (научных) версий романа, использование сносок и предисловий, а также правовая и профессиональная поддержка китайских переводчиков, что в целом позволит сбалансировать требования китайской аудитории и сохранить культурную целостность рассматриваемого произведения. При этом открытая, рефлексивная политика в области переводческой деятельности в Китае даст возможность сохранить диалог между культурами и одновременно обогатить читательское восприятие, порождая условия для профессионального роста переводчиков и усиления институциональной ответственности за качество передачи лингвокультурных смыслов.

При этом в качестве перспективы исследования видится дальнейшее рассмотрение научных направлений, касающихся более глубокого анализа взаимодействия русской и китайской культур в контексте художественного перевода, выявления механизмов межкультурной трансформации, а также разработки практических инструментов для минимизации искажений при переносе лингвокультурных смыслов в языковой паре «русский-китайский».

Библиография

1. Андриенко, Т. П. Глобальные и локальные стратегии перевода. Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 116 с.
2. Белова, А. В. Лингвокультурные особенности художественного перевода // Филологические науки. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-2 (78). С. 73-75. doi:10.24412/2500-1000-2023-3-2-73-75 EDN: IZPZPD
3. Водяницкая, А. А. Роль субъективного фактора при переводе оценочных значений с английского языка на русский // Проблемы языка: взгляд молодых ученых. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2012. С. 29-39. EDN: SCNMPE
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1973. 423 с.
5. Жуманазарова, С. Стратегии перевода лингвокультурных единиц // Переводоведение и лингвистика в эпоху цифровых технологий: изучение передовых подходов. 2024. № 1 (1). С. 111-113.
6. Касаткина, Т. А. "Преступление и наказание": как создается глубокий текст //

- Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 52-62. doi:10.22455/2619-0311-2022-1-52-62 EDN: OFQVUP
7. Криницын, А. Б. Полифония молчащих: специфика философского дискурса Ф. М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2006. № 3. С. 375-391. doi:10.22363/2312-9220-2021-26-3-375-391. EDN: FHLOZB
8. Крупник, Л. В. Личность переводчика как субъективный фактор художественного перевода (на материале книги Л. Уоллиса "Бен-гур") // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород: ООО "АЛЬБА", 2013. С. 121-129. EDN: RFYRFX
9. Кушнина, Л. В., Аликина, Е. В. Объективные и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 4 (37). С. 275-279. doi:10.26140/bgз3-2021-1004-0065 EDN: JXVHRQ
10. Никитченко, Т. Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты: на материале перевода: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2000. 213 с. EDN: QDIAJD
11. 汝龙译. 陀思妥耶夫斯基. 罪与罚. 安徽文艺出版社, 1999. 647 页. = Жу Лун (пер.) Федор Достоевский. Преступление и наказание. Аньхой: Аньхойское литературно-художественное издательство, 1999. 647 с.
12. 力冈、袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第七卷罪与罚 (上) / 陈荣主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010. 351 页. = Ли Ган и Юань Яньнань (пер.) Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского: в XXII тт. Т. VII. Преступление и наказание (часть 1) / под ред. Чэнь Шеня. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010. 351 с.
13. 力冈、袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第八卷罪与罚 (下) / 陈荣主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010. 368 页. = Ли Ган и Юань Яньнань (пер.) Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского: в XXII тт. Т. VIII. Преступление и наказание (часть 2) / под ред. Чэнь Шеня. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010. 368 с.
14. 朱海观、王汶译. 陀思妥耶夫斯基 罪与罚. 北京: 人民文学出版社, 2004. 540页. = Чжу Хайгуань и Ван Вэнь (пер.) Федор Достоевский. Преступление и наказание. Пекин: Изд-во народной лит-ры, 2004. 540 с.
15. 吴宇晗. 俄译汉翻译单位浅谈. 山西青年, 2017. 267 页. = У Юйхань. Краткое обсуждение русско-китайских единиц перевода. Шаньси: Молодежь провинции Шаньси, 2017. 267 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык. Актуальность предмета исследования не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется в работе: «В контексте исследований по художественному переводу проблема личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, определяющих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов в тексте, приобретает особую актуальность». Автор(ы) верно отмечают, что «на сегодняшний день данная проблема рассмотрена достаточно поверхностно – зачастую исследуются ее отдельные аспекты». Выбор романа «Преступление и наказание» в качестве эмпирической базы обусловлен тем, что «будучи текстом исключительной художественной условности и смысловой плотности [6;

7], представляет собой типичный источник лингвокультурных смыслов (религиозных и философских аллюзий, бытовых реалий и социальных стереотипов, разнообразных речевых стилей». Переводы романа на китайский язык также вызывают исследовательский интерес в связи с тем, что они «репрезентируют разные идеологические контексты восприятия русской классики в Китае», при чем «сопоставительный анализ переводов позволяет выявить, каким образом внешние субъективные факторы корректируют или усиливают личностные установки переводчика в процессе репрезентации лингвокультурных смыслов».

Теоретической основой настоящего исследования целесообразно выступили научные работы, посвященные проблемам переводоведения; лингвокультурным особенностям художественного перевода и стратегиям перевода лингвокультурных единиц; изучению личности переводчика как субъективного фактора художественного перевода; специфике идиостиля Ф. М. Достоевского и дискурсивному анализу его романа «Преступление и наказание» и др. Библиография статьи включает 15 источников, в том числе литературные на русском и китайском языках (собрание сочинений Ф. М. Достоевского), представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Методологическую базу составили сопоставительный, функциональный, прагматический методы; методы структурно-семантического, контекстуального и семантико-стилистического анализа; герменевтический и описательно-аналитический методы, а также когнитивный и дискурсивный анализы.

В ходе исследования подробно проанализированы личностные установки переводчика (уровень образования, литературные предпочтения, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды) как фактор выбора лексико-семантических и стилистических средств репрезентации лингвокультурных смыслов («это делает процесс перевода субъективным актом воссоздания исходной культуры: одни элементы усиливают, другие – «приглушают» или формируют иные представления») и внешние субъективные влияния (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения) и их роль в адаптации или искажении культурно значимых концептов и символики («становятся детерминантами адаптации или искажения культурно значимых концептов и символики, порой радикально меняя их смысловую нагрузку»). В результате рассмотрения характера и общего механизма воздействия субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык, предлагается теоретико-практическая модель детерминации и коррекции влияния этих факторов в процессе художественного перевода, что определяет теоретическую значимость и практическую ценность данного исследования.

Работа однозначно является новаторской, представляет авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение («в качестве перспективы исследования видится дальнейшее рассмотрение научных направлений, касающихся более глубокого анализа взаимодействия русской и китайской культур в контексте художественного перевода, выявления механизмов межкультурной трансформации, а также разработки практических инструментов для минимизации искажений при переносе лингвокультурных смыслов в языковой паре «русский-китайский»).

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна,

будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ш., Ван Т. Сопоставительный анализ семиотики еды и стратегий нейминга в русской и китайской лингвокультурах // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75436 EDN: QLKCGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75436

Сопоставительный анализ семиотики еды и стратегий нейминга в русской и китайской лингвокультурах

Ван Шихао

ORCID: 0009-0006-5472-0566

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра Общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

119571, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Ленинский Проспект, 148, кв. 205

✉ wsh1533951634@gmail.com

Ван Тянью

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра общего и русского языкознания; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

119571, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, Ленинский пр-кт, д. 148

✉ 291028743@qq.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75436

EDN:

QLKCGW

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2025

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам семиотики наименований еды и стратегий нейминга в аспекте сопоставления их реализации в русской и китайской лингвокультурах. В культурных кодах России и Китая еда занимает важное место, с помощью языковых средств выражается символичность и семиотичность гастрономических знаков. Эта значимость глубоко укоренена в языке, что находит

отражение в обширных пластах фразеологии (пословицы, поговорки, идиомы), ритуалах и повседневных практиках. Пища выступает не только как биологическая необходимость, но и как сложный семиотический знак, несущий символические значения (благопожелания, статус, сезонность, культурную идентичность и т.д.). Целью работы является многоаспектный анализ того, как именно символичность и семиотическая насыщенность гастрономических феноменов вербализуются в языке, конкретно – в стратегиях именования. В статье предпринята попытка анализа особенностей семиотики продуктов питания и блюд России и Китая, исследования стратегий некоммерческого и коммерческого нейминга еды. Авторы показывают, что в целом стратегии нейминга еды в русской и китайской лингвокультурах похожи, что связано с базовым характером сферы питания. Отличительной чертой является то, что нейминг продуктов питания и блюд в китайской лингвокультуре более образный, символический и поэтический, в то время как в русской лингвокультуре – прямой, описательный. Также в китайской лингвокультуре редко применяется стратегия нейминга по принципу или технологии приготовления блюда, что связано с языковыми особенностями глагола китайского языка. Таким образом, статья демонстрирует, как глубинные культурные коды, связанные с семиотикой еды, находят свое специфическое отражение в языковых стратегиях нейминга, выявляя как универсальные, так и уникальные черты русской и китайской лингвокультур в этой значимой сфере человеческой деятельности.

Ключевые слова:

нейминг, семиотика еды, гастрономия, лингвокультура, русская гастрономическая культура, китайская гастрономическая культура, гастрономический код, гастросемиотика, Сфера гастрономии, традиционная культура

Сфера гастрономии всегда являлась одним из наиболее выразительных отражений культуры народа. Названия продуктов питания, блюд и напитков часто связаны в историческом прошлом народа, его культурными традициями и обычаями, пересекаются с топонимикой и другими номинациями, характерными для конкретной национальности. Так, например, широко известное французское блюдо «Bœuf Bourguignon» (говядина по-бургундски) отсылает к названию региона, в котором это блюдо появилось. То же самое можно сказать и о немецких фрикадельках «Konigsberge Klopse», название которых указывает на их место их происхождения. В китайской кухне название знаменитого блюда «утка по-пекински» (北京烤鸭) также связано этимологически с местом происхождения этого блюда (北京 – Пекин).

Название супа русской кухни «солянка» подсказывает связь нейма с солью – в составе супа, согласно традиционного рецепта, используется соленое мясо или рыба. Технология приготовления стала основой для названия другого блюда русской кухни – «холодец», который готовится в результате застывания бульона.

Даже эти немногочисленные примеры показывают, что нейминг в сфере гастрономии (как, собственно, и сама эта сфера) базируется на культурной специфике страны и, конкретнее, на ее лингвокультурологическом потенциале.

О неразрывности мысли и языка, присутствия человека в языке говорили немецкие философы – И.Г. Гердер (2013), В. Гумбольдт (2017), Х.-Г. Гадамер (1988), заложившие основы антропоцентрической лингвистики. В языке выражается «здоровый смысл» народа

и происходит символическая репрезентация его коллективного опыта, т.е. всех форм существования (религии, мифов, обычаев, институтов). С другой стороны, сам язык задает «видение мира», определяет мировоззрение народа-носителя данного языка [6]. Именно поэтому неймы продуктов питания часто исходят из истории, специфики самого народа – они отражают окружающую действительность, «дух» народа, его коллективный опыт [2]. Сама действительность и коллективный опыт народа подсказывают нейм для товара.

Гастрономические названия, или неймы, рассматриваются в рамках семиотики еды, которая также называется гастросемиотикой.

В зарубежной науке вопросы о еде как части культуры были подробно рассмотрены, в частности, французским философом эпохи Возрождения Мишелем Монтенем. Он рассматривал еду не только как физиологическую необходимость человека, но и указывал на ее культурный, символический характер, на ее способность отражать образ жизни и ценности народа. В настоящее время его философские взгляды на еду как на часть культуры привлекают внимание ученых и исследователей [11].

Пьер Бурдьё в своей работе «Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste» (1979) анализирует взаимосвязь между социальным классом и вкусами и эстетическими предпочтениями людей, в том числе в сфере еды. Бурдьё показывает, что выбранная еда является не столько выражением вкуса конкретного человека, сколько выражением его социальной позиции и статуса, его принадлежностью к конкретному «культурному полю» (термин П. Бурдьё) [12].

В современной науке гастросемиотика изучается в работах Agnes и Gabor Kapitany [13], которые исследуют венгерскую кухню с точки зрения символики и идентичности венгерской культуры на основе опроса её представителей.

В русскоязычном научном пространстве вопросы гастросемиотики рассмотрены в трудах Я.С. Иващенко, Г.М. Боваевой, С.Т. Махлиной, Ю. Норманской и других ученых. Так, Ю. Норманская пишет: «Пищевой символизм является репрезентативным для понимания этнической культуры и культуры в целом. Очень важно для культуры повседневной жизни и гастрономической культуры рассматривать его как сложную систему знаков в структуре культуры семиографии и культуры в целом» [8, с. 319]. Это связано с тем, что пища в современной культуре выполняет далеко не только функцию обеспечения человека необходимыми для жизни питательными веществами, но и другими функциями, среди которых эстетическая, гедонистическая, социальная, культурная, экономическая, идентификационная, коммуникационная [5] и другие функции. Так, современному человеку недостаточно, чтобы еда была питательной. Современный человек получает удовольствие от пищи, идентифицирует себя и свою национальность с помощью блюд. Например, при изучении обычаев и традиций любого народа мы сталкиваемся с их национальными блюдами, которые этот народ, как правило, возносит с точки зрения семиотики до уровня других знаков этой нации – одежды, орудий и даже верований. Часто конкретные блюда оказываются связанными с разными традициями. Например, кутья в русской кухне – это блюдо, которое подается на Рождество и на поминках, блины связаны с Масленицей, крашеные куриные яйца на Пасху и т.д.

Таким образом, еда в современном мире несет большую семиотическую нагрузку. Именно такая глубокая семиотика стала основной для появления целого ряда учреждений, связанных с едой, - рестораны, бары, кафе, гастробары и др. Все эти

элементы формируют гастрономический дискурс, который отличается семиотичностью, символичностью [4].

Семиотичность гастрономических наименований состоит в том, что некоторые продукты питания и блюда не просто означают сам конкретный продукт питания, но и ту символику, которую он обрел в процессе развития культуры. Ф. де Соссюр, основоположник семиотики, писал, что «знак есть единица, которая связывает означающее и означаемое» [10]. С точки зрения характеристики гастронимов (гастрономических наименований) означающее – это сам физический продукт или блюдо, а означаемое – тот смысл, та символика, которая заключается в этом продукте, а точнее ассоциируется с ним. Например, «хлеб» как знак представляет собой две составляющие:

1. Означающее – непосредственно продукт питания, «пищевой продукт, выпекаемый из муки» [9].

2. Означаемое – хлеб в русской лингвокультуре ассоциируется с жизнью, достатком, а также с гостеприимством. Рассмотрим несколько употреблений слова «хлеб» в русском языке на материале Корпуса русского языка, которые показывают его символику:

· «Хлеб» как символ жизни, продукт, который является основой питания: «Мне, правда, многие на это готовы сказать: «Хорошо, что у тебя есть мама с папой, и тебе не нужно снимать квартиру в Москве, и ты не боишься остаться без куска **хлеба**...» [vmalcolm. Запись LiveJournal (2004)]

· «Хлеб» как символ достатка и гостеприимства: «Однако в очерке А. Фирсова говорится, что императрицу в доме купцов Дорофеевых встречали **хлебом** и солью хозяева дома и она велела принять от хозяев **хлеб** и соль» [София Привалихина. Царская скорость, или Последняя весна императрицы Елизаветы Алексеевны // «Наука и религия», 2007]

В пословицах и поговорках русского языка также отражена глубокая символика хлеба. Например: «Хлеб да соль – и добро»; «Хлеб – всему голова»; «Хлеб да вода – и хорошо»; «Дать хлеба – не разориться, а взять – не обидеть».

Приведенные примеры иллюстрируют, что слово «хлеб» не только стало символичным в русской лингвокультуре, но и метафоричным: «кусочек хлеба» – устойчивое выражение, которое означает «средства для существования», заработную плату; встречать хлебом-солью – также метафора, которая означает встречать гостеприимно, дружелюбно, открыто; радоваться гостю.

Семиотический характер показывают наименования продуктов питания и блюд в китайском языке. Например, 米 (mǐ) «рис»:

1. Означающее – непосредственно продукт питания, зерновая культура.

2. Означаемое – рис в китайской культуре символизирует жизнь, процветание и благополучие.

Символика данного продукта питания отражена в пословицах и поговорках китайского языка. Например,

· 一粥一饭, 当思来之不易 (Yī zhōu yī fàn, dāng sī lái zhī bù yì) – «Каждая каша и каждая порция риса – результат труда, о котором нужно помнить».

- 米粒虽小, 作用巨大 (Mǐ lì suī xiǎo, zuòyòng jù dà) – « Хотя зерно риса маленькое, его роль велика».
- 一粒米, 一滴汗 (Yī lì mǐ, yī dī hàn) – «Одно зерно риса – одна капля пота».
- 米贵不如人贵 (Mǐ guì bù rú rén guì) – «Ценность риса не так важна, как ценность человека».

Приведенные пословицы и идиоматические выражения китайского языка показывают, что рис является достаточно широким, всеобъемлющим символом – символом материального в целом, символом материальной жизни. Трудности добывания пищи и поэтому ее ценность ассоциируются с трудностями выращивания и сбора риса.

Процесс наименования продуктов питания или блюд – нейминг. Сегодня коммерческий нейминг является профессиональной деятельностью, но, конечно, при наименовании продуктов питания, блюд и напитков нейминг не носил коммерческий характер, а был именно отражением культуры народа, отражением специфики самого блюда. Нейминг определяется как «наука о назывании, именовании всего чего угодно» [\[3, с. 16\]](#).

Лингвистические аспекты нейминга рассматривают В.С. Елистратов, П.А. Пименов в своем труде, посвященном данному вопросу, – «Нейминг: искусство называть». Уже в самом названии заложена эстетическая, интеллектуальная и техническая сложность процесса образования имени. При образовании неймов продуктов питания, блюд и напитков реализуется ряд базовых стратегий нейминга, характерных как для русского, так и для китайского языков (табл. 1):

Таблица 1

Сопоставление стратегий нейминга продуктов питания, блюд и напитков в русской и китайской лингвокультурах

Стратегия нейминга	Примеры неймов в русской лингвокультуре	Примеры неймов в китайской лингвокультуре
1. Описание ингредиентов или вкусовых качеств продукта питания, блюда или напитка	Борщ – этимология нейма, согласно одной из версий, связана с борщевиком, молодые побеги и листочки которого применяли для варки супа. Лимонад (заимствование) Медовуха	橙子酱, Chéngzǐ jiàng – апельсиновый соус. 鱼翅汤, Yúchì tang – суп из акульих плавников; название отражает основной ингредиент – акульи плавники. 米饼 – рисовая лепешка.
2. Принцип и / или технология приготовления	Холодец – приготовление холодца предполагает охлаждение мясного бульона, который превращается в желеобразную массу.	五香牛肉, Wǔxiāng niúròu – «пять специй» - нейм отражает приготовление блюда с использованием пяти видов специй.

	Студень – при приготовлении мясной бульон остужается и получается студень (в русской кухне студень и холодец – одно и то же блюдо). Окрошка (происходит от слова «крошить») Квас (происходит от слова «квасить», то есть ферментировать, доводить до брожения) Настойка – от глагола «настаивать». Самогон – «само» предполагает, что напиток изготавливается самостоятельно, в результате естественных процессов; гон – «гнать», перегонять спирт. Варенье – от глагола «варить».	
3. Имя человека, с которым связано блюдо каким-либо образом	Павлова – десерт, который назван так в честь знаменитой русской балерины Анны Павловой, на основе ассоциаций с легкостью, воздушностью балета. Бефстроганов, строганина – название этого блюда происходит от фамилии графа Александра Строганова, который, согласно легенде, создал это блюдо в XIX в., так как любил подавать тонко нарезанное мясо (как правило, говядину), приправленное разными специями и соусами.	宫保鸡丁, Gōngbǎo jīdīng – цыпленок Кунг-па – название связано с чиновником Гонгбао из династии Мин, в честь которого названо это блюдо.
4. Топоним, с которым	Котлета по-киевски	北京烤鸭, Běijīng kǎoyā –

связано происхождение блюда / напитка	Тульский пряник Вологодский пирог	«Пекинская утка» 扬州炒面, Yángzhōu chǎomiàn – «жареная лапша Янцзы» 四川牛肉, Sìchuān niúròu – «тушеная говядина по-сычуаньски» 普洱茶, Pǔ'ěr chá – «чай Пуэр» - нейм связан с регионом Пуэр в Юньнани.
5. Метафора, ассоциация, образы, символы	Пельмень – слово происходит от коми-пермяцкого слова «пель», которое означает ухо. Пельмени действительно напоминают по своей форме ухо. Голубцы – нейм имеет как научные, так и народные версии происхождения. Согласно одной из научных версий, голубцы названы так потому, что их форма напоминает тушку голубя.	点心, Diǎnxīn – «димсам» - «утопление сердца» - это легкие блюда, которые подаются с чаем. 龙凤呈祥菜, Lóngfèng chéngxiáng cài – «блюдо «Дракон и Феникс» - праздничные блюда с изображением дракона и феникса. 汤圆 – «плавающие шары» - китайский рисовый пудинг. 金龙 - «Золотой дракон», данное блюдо часто используется на праздничном столе. 花枝 – «Цветущая ветка», нейм связан с красивым внешним видом блюда, также в нем могут применяться ветки цветов в качестве ингредиента или украшения. 金虎 – «Золотой тигр» - метафорическое название блюда, обладающего ярким цветом или острым вкусом. 荷花饼 – «Лotosовая

		лилия» - нейм образован по ассоциации внешнего вида пирога с лотосом или лилией.

Анализ стратегий некоммерческого нейминга продуктов питания и блюд в русской и китайской лингвокультурах показывает, что в целом стратегии нейминга в обеих лингвокультурах схожи, так как сфера еды является базовой для всех культур. Практически во всех культурах конкретные блюда появляются в разных уголках страны, в разных регионах и поэтому могут нести в своем наименовании черты топонимики. Также абсолютно логичным является способом наименования блюд и напитков по названиям ингредиентов, которые используются в них.

Таблица показывает, что отличием китайского нейминга еды является то, что он более образный, символический и поэтический, в то время как в русской лингвокультуре – прямой, описательный. Несомненно, и в русской лингвокультуре можно найти примеры метафорических, поэтических названий блюд, однако такие стратегии нейминга менее распространены, чем в китайской лингвокультуре.

Кроме того, в китайской лингвокультуре редко применяется стратегия нейминга по принципу или технологии приготовления блюда, что связано с языковыми особенностями китайского языка, его структурой и в частности функционированием глагола, который значительно отличается от русского.

Символику еды следует рассматривать также в рамках коммерческого нейминга, который представляет собой интерес с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии, так как наименования торговых брендов продуктов питания, как правило, отражают культурные, исторические особенности страны.

Нейминг продуктов питания относится к виду коммерческой номинации и представляет собой специфическую форму коммуникации, в которой переплетаются элементы культуры, истории и маркетинга. Наименования могут обладать метафорическим, ассоциативным или игровым характером, создавая многослойные значения, интерпретируемые потребителями в зависимости от их личного опыта и культурного контекста.

Название продукта питания, а конкретно – товара, когда мы говорим о коммерческом нейминге – должно запустить определенную цепочку психологических реакций и ассоциаций и создать конкретные образы в мышлении потребителя ^[7]. Именно эти образы могут стать тем психологическим фактором, благодаря которому потребитель примет решение о покупке продукта питания или заказе блюда. Кстати, сегодня рестораны и кафе тщательно заботятся о том, как будут названы и охарактеризованы блюда в их меню, так как от этого зависит потребительский спрос: определенные положительные эмоции переносятся со вторичного объекта на первичный объект – сам товар.

Неймы чайных брендов, представленных на российском рынке, представляют собой интересный объект практического исследования, так как они отражают менталитет россиян и восприятие российскими потребителями чайных брендов, смыслов, связанных с чайной культурой в целом.

В России чай считается одним из наиболее популярных горячих напитков. Несмотря на

то, что сырье для чая завозится в основном из-за рубежа, чай упаковывается и реализуется на рынке российскими компаниями. Названия чайных брендов часто отсылают к иностранной культуре, в частности, к английской, индийской и китайской.

Семиотика таких рекламных сообщений связана с тем, что в данных культурах чай особенно распространен и как культурный феномен, и как природный объект.

К английской культуре (и, в частности, королевской культуре) отсылает нейм чая "Richard". Семиотика оформления упаковки отражает данные концепты в нейминге: золотой лев, печать королевского титестера, герб, а также уникальные названия для каждого сорта, имеющие «королевское» происхождение.

Другим примером нейма чая, связанного с экзотическими, инокультурными аллюзиями, является нейм "Ahmad Tea".

Бренд Ahmad Tea – британская марка чая. Компания Ahmad Tea London была основана в Великобритании в 1986 г. представителем иранской династии производителей чая Ахмадом Афшаром, который дал компании и бренду чая свое имя.

Некоторые неймы чая направлены на то, чтобы задать бренду определенный имидж эксклюзивности, высокого качества и таким образом отстроить чайный бренд от конкурентов. Например, нейм «Richman». Данный чайный бренд принадлежит компании Gemi Teas Colombo (Шри-Ланка). Для нейминга использовано английское слово richman: от rich (богатый) + man (человек). Таким образом, чай позиционируется как высококачественный, премиальный, эксклюзивный – для «богатых людей». Это позиционирование отражено в семиотике упаковки чая – сдержанные тона, название бренда написано золотыми буквами на черном фоне.

С индийской культурой связаны такие названия чайных брендов, как «Принцесса Нури», «Принцесса Ява», «Принцесса Гита».

Бренды названы женскими именами, происходящими из индийской культуры. Почти каждому российскому потребителю известен популярный индийский фильм «Зита и Гита». Именно с отсылкой на этот фильм назван бренд «Принцесса Гита».

Другой пример – бренд «Indian Cup», в переводе с английского «индийская чашка». Компания стремится сделать бренд Indian Cup синонимом высочайшего качества индийского чая в России. Соучредители Indian Cup, Анкита и Сартхак Сингхал, годами путешествовали по чайным долинам и плантациям различных районов Индии в поисках отборного чая.

С китайской культурой продукт семиотически связывает нейм чайного бренда «Черный дракон». Нейм восходит к прецедентным текстам – китайским легендам. Согласно легенде, этот сорт впервые обнаружил охотник Ву Лон по прозвищу Черный Дракон. Он собирал чайные листья, но отвлекся на оленя, а когда заварил скрученные листочки через время, то почувствовал восхитительный аромат, который ему не встречался прежде.

Как показывает анализ, неймы многих чайных брендов действительно семиотически, лингвистически связаны с иностранной культурой. Однако есть категория неймов чая, связанных с исконно русской культурой. Например, бренд «Майский». Данный нейм интуитивно понятен российскому потребителю и создает ассоциации с маем, весной, пробуждением природы. Кроме того, ценители исконно русского иван-чая знают, что именно в мае листья этого растения содержат наибольшее количество витаминов и

микроэлементов. Все это создает приятные, теплые ассоциации с продуктом.

В коммерческом нейминге Китая интересно рассмотреть стратегии нейминга современных кисломолочных продуктов питания.

- 蒙牛 (Mengniu) – «Молочный бык». Данный нейм отсылает к символике быка как животного, характеризующегося выносливостью, силой.
- 光明 (Guangming) – «Светлый» или «Просвещение». Данный нейм создает такие ассоциации, как здоровье, чистота, позитив.
- 三元 (Sanyuan) – «Три элемента». Нейм основан на маркетинговой концепции бренда, который продвигает три основных аспекта: качество, натуральность и инновации.
- 完达山 (Wandashan) – «Гора Ванда». Нейм связан с природой и горными регионами, в которых растут экологически чистые травы. Таким образом создается ассоциация с натуральностью кисломолочного продукта.
- 蒙牛纯牛奶 (Mengniu Chun Niunai) – «Чистое молоко Mengniu». Нейм ставит акцент на натуральности и чистоте продукта.

Приведенные примеры показывают, что коммерческий нейминг продуктов питания в Китае характеризуется символичностью, так как все проанализированные неймы образованы на основе определенных ассоциаций, которые с помощью символа (например, молочный бык, свет, гора Ванда, чистота и т.д.) возникают в сознании потребителей.

Таким образом, анализ семиотики еды в русской и китайской лингвокультурах показал, что еда отражает культурные и исторические особенности России и Китая. Неймы традиционных блюд, как правило, образованы по таким стратегиям, как описание ингредиентов, принципы приготовления, имена собственные, связанные с блюдом, а также ассоциации и метафоры. В китайской лингвокультуре редко применяется стратегия нейминга по принципу или технологии приготовления блюда, что связано с языковыми особенностями китайского глагола.

Исследование стратегий коммерческого нейминга на примере неймов чая в России и неймов кисломолочных продуктов в Китае показало, что коммерческие неймы также глубоко символичны, что еще раз подтверждает, что еда является многомерной культурной сферой и отражает особенности менталитета и развития народа.

Библиография

1. Брыжак О.В., Ахметова Э.П. Еда как предмет семиотического анализа в западной научной традиции // МедиаВектор. 2024. № 10.
2. Дударева Я.А. Нейминговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования): словарь. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2016. 302 с.
3. Елистратов В.С., Пименов П.А. Нейминг: искусство называть. М.: Издательство "Омега-Л", 2014. 293 с.
4. Земскова А.Ю., Олянич А.В. Лингвосемиотика англоязычного гастрономического дискурса: монография. Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. 391 с.
5. Кравченко С.А. Еда как средство коммуникации: сравнительный анализ теоретико-методологических подходов // Коммуникология. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. EDN: UHMZHN.
6. Лебедева Л.В. Психология рекламы: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2013. 127 с. EDN:

SDTMBB.

7. Новичихина М.Е. Коммерческая номинация: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 192 с. EDN: QQWVJZ.

8. Норманская О.В. К проблеме анализа семиотики гастрономической культуры // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 319-328. EDN: VPMEWZ.

9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. 907 с. EDN: SIQETT.

10. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 425 с.

11. Albala K., Imhof R. Montaigne and Food // Thompson P.B., Kaplan D.M. (eds) Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics. Dordrecht: Springer, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-94-007-0929-4_51.

12. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984. 720 с.

13. Kapitány Á., Kapitány G. The Semiotics of Gastronomy – Meals and Identity // Acta Ethnographica Hungarica. 2024. № 68(1). С. 179-189.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая работа посвящена сопоставительному анализу семиотики еды и стратегий нейминга в русской и китайской лингвокультурах. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием ученых к лингвистическому анализу различного рода наименований: активно изучается нейминг предприятий торговли и общепита, бизнес-учреждений, жилых комплексов, военной техники, кондитерских и других пищевых изделий и т. д. Тщательно исследуются теоретические аспекты нейминга – его психологическая, культурологическая, лингвистическая и другие составляющие. Как верно отмечается, «сфера гастрономии всегда являлась одним из наиболее выразительных отражений культуры народа. Названия продуктов питания, блюд и напитков часто связаны с историческим прошлым народа, его культурными традициями и обычаями, пересекаются с топонимикой и другими номинациями, характерными для конкретной национальности».

Теоретической базой научной работы послужили труды российских и зарубежных исследователей по неймингу и лингвосемиотике англоязычного гастрономического дискурса, коммерческой номинации и др. Библиография включает 13 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Однако в тексте отсутствует ссылка на источник 1. Брыжак О.В., Ахметова Э.П. Еда как предмет семиотического анализа в западной научной традиции // МедиаВектор. 2024. № 10, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи».

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, сравнительно-сопоставительный и интерпретативный анализы, контекстуальный и компонентный анализы языковых единиц.

В рамках исследования рассмотрены теоретические аспекты изучаемой проблематики

(вопросы гастросемиотики в русскоязычном и зарубежном научном пространстве, семиотичность гастрономических наименований, нейминг в сфере гастрономии, коммерческий нейминг); проведен сопоставительный анализ стратегий нейминга продуктов питания, блюд и напитков в русской и китайской лингвокультурах (результаты анализа представлены в таблице 1); изучены особенности коммерческого нейминга («символику еды следует рассматривать также в рамках коммерческого нейминга, который представляет собой интерес с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии, так как наименования торговых брендов продуктов питания, как правило, отражают культурные, исторические особенности страны»). Полученные результаты позволили автору(ам) прийти к ряду обоснованных выводов: «неймы традиционных блюд, как правило, образованы по таким стратегиям, как описание ингредиентов, принципы приготовления, имена собственные, связанные с блюдом, а также ассоциации и метафоры», «коммерческие неймы также глубоко символичны, что еще раз подтверждает, что еда является многомерной культурной сферой и отражает особенности менталитета и развития народа» и др.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в разработку общей теории ономотологии и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике, а также применяться в курсах по теории языка, лексикологии, стилистике и лингвокультурологии.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. В тексте встречаются языковые недочеты технического характера: см «связаны в историческом прошлом народа», «согласно традиционного рецепта» и др.

В целом, статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Масликова А.В. Шаблоны английского научного текста: технология отбора // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.72063 EDN: QDZDZB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72063

Шаблоны английского научного текста: технология отбора

Масликова Александра Валентиновна

бакалавр; кафедра образовательных технологий в филологии; Российский государственный педагогический университет им. АИ. Герцена.

350073, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Командорская, 15

✉ horrorandpain@gmail.com

[Статья из рубрики "Профессиональный язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.72063

EDN:

QDZDZB

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию устойчивых лексико-грамматических конструкций (шаблонов) в английских научных текстах. Материалом служит корпус из 110 научных статей на английском языке, которые были опубликованы в течение последнего десятилетия в журналах с высоким индексом цитирования. Целью исследования является создание технологии отбора и классификации шаблонов, что обуславливает постановку следующих задач: 1) выявление частотных лексико-грамматических конструкций; 2) их систематизация по функциональному назначению; 3) проверка актуальности шаблонов для использования в научных текстах. Поскольку английский язык стал основным средством международной научной коммуникации, что помимо прочего позволяет ученым представлять свои результаты более широкой аудитории, многие исследователи сталкиваются с трудностями при написании научных статей, особенно в создании логических и смысловых связей в тексте. Учитывая это, исследование устойчивых лексико-грамматических конструкций, или шаблонов, приобретает особую актуальность. В работе использовались следующие общенаучные методы исследования: включенное наблюдение за лексико-грамматическими единицами научного текста с целью выявить положение шаблона в тексте; эксперимент, связанный

с тестированием и внесением изменений в созданный алгоритм отбора шаблонов; сравнение для создания системы классификации найденных шаблонов. Научная новизна данного исследования состоит в создании технологии, которая позволяет выявлять и классифицировать устойчивые лексико-грамматические конструкции (шаблоны), применяемые в современных научных текстах на английском языке. Поскольку предложенная технология основывается на анализе актуальных статей, извлеченных из журналов с высоким индексом цитирования, выявленные шаблоны соответствуют современным требованиям и тенденциям академического письма. Результаты исследования демонстрируют, что шаблоны английского научного текста могут служить опорой для формирования логико-смысловых связей, без которых невозможно представить ни одну научную работу. 57 актуальных устойчивых конструкций, выявленных в рамках применения технологии, могут быть использованы как исследователями, впервые или регулярно создающими научные статьи на английском языке, так и преподавателями, обучающими академическому письму.

Ключевые слова:

шаблоны научного текста, научный текст, академический текст, английский язык, академическое письмо, международная научная коммуникация, академическая лексика, классификация шаблонов, научная статья, академический фразеологический сборник

Введение

В настоящее время все больше и больше исследователей по всему миру выбирают английский язык для демонстрации результатов своих научных исследований. По данным 2017 года, взятым из коллективной монографии русских авторов, свыше 90% всей научной литературы опубликовано именно на английском языке [\[1, с. 145\]](#), что утверждает английский язык как основное средство международной научной коммуникации [\[2, с. 311\]](#).

Использование английского языка как лингва франка позволяет ученым представлять свои результаты более широкой, международной аудитории [\[3, с. 56\]](#), тем самым предупреждая игнорирование или недооцененность созданных работ. Кроме того, публикация на английском языке значительно увеличивает вероятность цитирования [\[4, с. 125\]](#), а это напрямую влияет на рейтинг автора, а соответственно, на получение грантов, стипендий и престижных должностей. Английский язык, следовательно, можно рассматривать как один из ключевых инструментов для передачи новых знаний и популяризации научных достижений. Это значит, что умение понимать и создавать научные тексты на английском языке является условием успешной интеграции не только в международное исследовательское сообщество, но и в глобальный образовательный процесс [\[5, с. 339\]](#).

Вопреки беспрецедентному влиянию английского языка на научную сферу, далеко не все вузы России способны обеспечить высокий уровень подготовки по английскому языку для академических и специальных целей [\[6, с. 81\]](#). Большинство исследователей обучаются написанию научных работ на английском языке самостоятельно, углубленно изучая отечественные и иностранные руководства, множественные требования журналов и английские научные статьи [\[7, с. 147\]](#). Именно анализ последних позволяет обнаружить общие композиционные элементы - устойчивые лексико-грамматические конструкции

(шаблоны), связывающие текст в единое целое.

При составлении научного текста, в особенности на английском языке, неизбежно возникают естественные вопросы: «Как перейти от одной мысли к другой?», «Как начать и оформить фразу?», «Как представить выводы?». Организующая роль в решении этих и многих других вопросов принадлежит шаблонам. Под «шаблоном» мы понимаем устойчивую лексико-грамматическую структуру, инвариантную относительно ее содержания. Знание и навык использования шаблонов является полезным инструментом на всех этапах написания научного текста, начиная с составления плана статьи до внесения в нее необходимых корректив. Поэтому вопрос сбора и классификации шаблонов английского научного текста стоит достаточно остро.

Разумеется, какая-то часть шаблонов уже была собрана энтузиастами и опубликована на различных веб-сайтах (обычно под заголовком "Academic Phrasebank"). Однако если тщательно проанализировать размещенные там конструкции, становится очевидно, что из сотен таких шаблонов действительно встречаются в научных текстах лишь некоторые. Проверить это легко: достаточно взять шаблонную фразу, заключить ее в кавычки [\[8, с. 121\]](#), дописать "article" и вставить получившийся текст в поисковую строку — результат покажет, насколько часто шаблон в действительности используется в реальных научных статьях. В большинстве случаев можно обнаружить, что шаблоны из интернета или вообще не встречаются в академической литературе, или используются в исключительных случаях, ведь «являются прагматическими фразами, характерными для определенного жанра или типа текста» [\[9, с. 3\]](#). Кроме того, нередко встречаются фразы, которые либо слишком обобщенные, либо просто не соответствуют нормам академического письма. Эти параметры уже невозможно оценить простыми инструментами вроде поиска в интернете; их адекватность и уместность может определить лишь читатель, осведомленный о специфике научного дискурса.

Среди специализированных малочисленных трудов по теме можно обнаружить «Матричный фразеологический сборник. Пособие по написанию научной статьи на английском языке» А. И. Неворотина [\[10\]](#). Пособие включает каталог из 2000 текстов-образцов, отобранных из ведущих английских научных журналов. Собранные в пособии шаблоны подходят для адаптации при создании собственного текста, так как сопровождаются не только примечанием (обычно это перевод), но и контекстом применения. Технология отбора фразеологических единиц, использованная при составлении сборника, автором не описывается, однако известно, что конструкции отбирались только из уважаемых журналов, опубликованных с 1994 по 1999 гг. Безусловно, это колоссальный труд, однако с момента его публикации прошло уже 23 года. За это время появились новые языковые конструкции, а некоторые из тех, что представлены в пособии, утратили свою актуальность. Также стоит отметить, что Неворотин отбирал конструкции по «точности передачи смысла, безупречному стилю и высокой репутации автора» [\[10, с. 10\]](#). Мы же предлагаем несколько иной подход, основанный на частоте использования конструкций.

Анализ современных исследований показал, что научное сообщество если и интересуется шаблонами английского научного текста, то только в разрезе использования этих структур: анализируется корреляция конструкций с качеством текстов и создаются рекомендации к их использованию. Например, в статье Рэнди Эппеля [\[11\]](#) лексические связки рассматриваются как показатель качества студенческих работ. Автор собрал 497 эссе на английском языке, написанных студентами

бакалавриата разных японских университетов, и пришел к выводу, что уровень академического письма на английском языке прямо соотносится с использованием этих структур – чем выше уровень английского, тем больше и корректнее они используются. Однако стоит отметить, что авторская и наша дефиниция шаблонов отличается: Рэнди Аппель рассматривает лексическую связку как последовательное сочетание слов, образующее лексическое единство, в нашей же работе рассматривается лексико-грамматический аспект, образующий инвариантные структуры.

С 2009 по 2017 год в одном из британских университетов проводился краткосрочный аудиторный курс, обучающий студентов-аспирантов создавать собственные базы данных частотных слов для последующего их использования в научных работах [\[12\]](#). Студенты выбирали статьи из авторитетных журналов разных авторов по теме и области своего исследования, а после проводили их через программу AntConc, получая необходимую базу. Некоторые студенты анализировали тексты вручную и, помимо слов, фиксировали шаблонные конструкции. Все полученные корпуса студенты размещали на институциональном сервере, обновляя их по мере появления новых слов. Куратор курса и исследователь Мэгги Чарльз посредством опроса установила, что к корпусам постоянно обращались 80-90% студентов, что утверждает предложенную технологию ценным дополнением к уже освоенным студентами инструментам письма [\[12, с. 8\]](#). И хотя в исследовании основное внимание уделено созданию базы данных слов, предложенный корпусный подход кажется нам очень удачным, что позволяет адаптировать его для поиска уже шаблонных конструкций.

Другая группа иностранных авторов предлагает уже автоматизированную технологию отбора шаблонных конструкций английского текста на базе научных статей. Предложенная технология отбора включает три компонента: «модуль корпуса повторно используемых слов, который помогает определить, принадлежит ли слово в предложении к повторно используемым фразам, модуль упрощения предложений, который предотвращает извлечение неполных повторно используемых фраз, и модуль синтаксического разбора, который определяет окончательные результаты извлечения повторно используемых фраз» [\[13, с. 5\]](#). Подход, несомненно, комплексный, однако сравнение конструкций происходит по ранее сформированной базе шаблонов, что исключает возможность поиска новых конструкций и их вариантов. Также следует учитывать, что результаты эксперимента представлены всего тремя шаблонами, по которым нельзя сделать обоснованный вывод о работоспособности технологии. Тем не менее допускается вероятность, что предложенная авторами формула отбора фраз будет эффективна при ее воспроизведении в других условиях.

Технология отбора

Чтобы узнать, какие конструкции действительно используются в современном английском научном тексте и составить актуальную базу обучающей информации, нужно анализировать научные статьи, опубликованные в журналах с высоким индексом цитирования за последнее пятилетие-десятилетие (исходя из поставленной задачи можно брать и другой диапазон). С этой целью была разработана следующая технология.

1. Провести отбор необходимого количества научных статей из журналов с высоким индексом цитирования за выбранный период, например, с 2013 по 2023-й гг. (найти такие статьи можно, например, в Scopus, Google Scholar, Mendeley и ResearchGate). Важно отметить, что: а) поскольку основной целью является поиск шаблонов, тематика и

направление исследований не играют значительной роли (независимо от предметной области, типовые языковые конструкции могут встречаться в статьях любых дисциплин); б) чем больше статей будет отобрано для анализа на этом этапе, тем больше шаблонных конструкций удастся выявить; в) в текстах, изобилующих большим количеством отвлекающих элементов (схем, формул, рисунков), лучше предварительно их удалить/закрасить через редактор файлов.

2 . Проанализировать каждую статью на предмет выделения наличия стандартизированных выражений. Важно фиксировать в отдельном текстовом файле не только потенциальные шаблоны, но и контекст их употребления, чтобы в дальнейшем вписать их в систему классификации. При этом каждый выделенный фрагмент рассматривать как маркер или поисковый ключ.

3. Сформировать поисковую строку, включающую заключенный в кавычки маркер и так же заключенный в кавычки управляющий символ «article», ограничивающий поисковое пространство научными статьями и выполнить поиск. Сформированная выдача покажет (или не покажет) множество примеров предложений, содержащих заданный ключ в разных контекстах, т.е. материал для формирования требуемого конкорданса. Фраза считается шаблоном и проходит дальнейшие этапы только в том случае, если она встретилась в 5 разных научных статьях. Например, поисковой запрос «*The article analyzes*» *article* покажет, что данная конструкция встречается как минимум в 10 разных научных статьях, а значит в рамках представленного исследования ее можно назвать шаблоном.

4 . В процессе поиска сужать или расширять ключ (усекать или распространять соответственно), чтобы получать новые конструкции. Важно отметить, что усекание и распространение зачастую происходит за счет служебных слов, артиклей и слов-синонимов, т.е. ключ не меняет первоначальный смысл.

5 . Полученные и порожденные шаблоны разместить в структуре классификации. Классификация может быть основана на принадлежности к композиционным частям текста (например, согласно формату IMRAD [\[14, с. 4\]](#)), на частоте использования или на количестве найденных контекстуальных примеров. Мы остановились на классификации по функциональной роли в тексте, т.е. на диапазоне вопросов, рассматриваемых в любой конкретной работе: введение темы, описание методов, представление результатов и т.д.

Другими словами, предложенная процедура поиска шаблонных конструкций является собой итерационный процесс, при котором шаблоны отбираются, фильтруются и корректируются в зависимости от выбранных параметров классификации.

Результаты

Разработанная технология отбора позволяет выявлять конструкции, которые исследователи могут адаптировать для своих научных работ на английском языке. Кроме того, технология исключает возможность отбора устаревших или редко используемых конструкций, что способствует соблюдению актуальных норм академического письма.

В рамках использования разработанной технологии было отобрано 57 шаблонов английского научного текста (см. Приложение 1) на основе анализа 110 научных статей из журналов с высоким индексом цитирования за последнее десятилетие. Приводим их перечень: Nature Communications, Cell, The Lancet, Advanced Materials, New England Journal of Medicine, Chemical Reviews, Nature, IEEE Communications Surveys and Tutorials,

Reviews of Modern Physics, MMWR Surveillance Summaries.

Все найденные фразовые конструкции были сгруппированы по их функциональному назначению: конструкции, отражающие основные положения работы или ее частей; конструкции, выдвигающие цели и задачи; конструкции для описания ведущих методов; фразы, указывающие на недостатки или проблемы; конструкции, используемые для классификации объектов; фразы для обозначения различий и сходств; конструкции, выражающие уверенность автора; конструкции для введения дополнительной информации; фразы для ссылок на других авторов или работы; а также конструкции, используемые для подведения итогов. Можно сказать, что каждая конструкция представляет собой мета-информационную структуру, которая обеспечивает логические и синтаксические связи между элементами научного текста и позволяет заменять содержимое на собственные данные автора без утраты целостности текста.

Стоит отметить, что результат будет совершенен в случае автоматизированного подхода, к чему мы активно стремимся в дальнейшем развитии технологии.

Выводы

Безусловно, построить научный текст только на одних шаблонах невозможно, но они могут служить опорой при формировании логико-смысловых связок. Также важно отметить, что грамотное использование шаблонных конструкций заключается не в механическом копировании, а в умении интегрировать их в текст, сохраняя при этом научную новизну и точность изложения.

Полученные результаты вносят вклад в методологию обучения написанию английской научной статьи, предоставляя авторам и преподавателям инструмент для упрощения процесса создания текста, ведь шаблоны не только упрощают восприятие сложных научных идей, но и помогают соблюдению академических стандартов независимо от дисциплины.

Приложение 1

Конструкции, отражающие главное о работе или ее части:

1. This chapter gives a.../ В данной главе дается...
2. This paper focuses on the.../ В данной работе рассматриваются...
3. In this paper we present... / В этой статье мы представляем...
4. This study analyzes... / В данной работе исследуется...
5. This article discusses a... / В данной статье обсуждается...
6. This article investigates the... / Эта статья исследует...
7. The article analyzes... / Эта статья исследует...
8. The present article demonstrates... / Настоящая статья демонстрирует...
9. The project, described in this article, studies... / Проект, описанный в этой статье, исследует...
10. The presented article is a discussion about... / Настоящая статья представляет собой дискуссию о...

11. The basic idea of this work is... / Основная идея этой работы...
12. The analysis builds on... / Анализ основывается на...
13. There is a long standing debate whether... / Давно ведутся споры о...
14. One of the pressing issues... / Одной из насущных проблем...
15. This project is yielding important understanding in... / Эта работа дает важное понимание...

Конструкции, выдвигающие цели и задачи:

16. This project aims to develop... / Эта работа направлена на развитие...
17. The purpose of the study is... / Целью исследования является...
18. The main purpose was... / Главной целью было...
19. The aim of the article is... / Цель статьи...
20. The main objective of this work is... / Основной задачей данной работы является...
21. The objective of the present investigation is to... / Целью настоящего исследования является...
22. We are specifically interested in the aspects of... / Нас особенно интересуют аспекты...
23. Specifically we aim to investigate the... / В частности, мы стремимся исследовать...
24. We also sought to identify... / Мы также стремились выявить...
25. The study also explored... / В исследовании также изучались...

Конструкции, определяющие ведущие методы:

26. With this principle, I show that a... / С помощью этого принципа я показываю, что...
27. ...follows by the same method as in... / ...следует тем же методом...
28. By the same argument / По тому же аргументу...

а. Конструкции, указывающие на недостаток или проблему:

29. The main weakness with this theory is that... / Главный недостаток этой теории в том, что...
30. One major drawback of this approach is that... / Одним из основных недостатков этого подхода является то, что...

Конструкции, классифицирующие объекты:

31. ... can be classified into... / ... можно классифицировать на...
32. ... can be categorised into... / ...можно разделить на...

Конструкции, выражающие уверенность говорящего:

33. It is clear that... / Понятно, что...

34. It has long been known that... / Давно известно, что...

35. It is evident that... / Очевидно, что...

36. It is not hard to see that... / Нетрудно заметить, что...

37. It is easy to see that... / Легко видеть, что...

38. It easily verified that... / Легко проверить, что...

39. It easily seen that... / Легко заметить, что...

Конструкции, предназначенные для введения дополнительной информации:

40. Without fear of misunderstanding... / Не боясь непонимания...

41. Without danger of misunderstanding... / Без опасности непонимания...

42. Another reason that... / Еще одна причина...

43. It should be noted that... / Следует отметить, что...

44. It turns out that... / Оказывается...

45. In the same way... / Точно так же...

Конструкции, ссылающие на другого автора или работу:

46. This can be found in... / Это можно найти в...

47. The classical work here is... / Классическая работа здесь...

48. The best general reference here is... / Лучшая общая ссылка здесь...

49. According to... / Согласно...

50. This was shown by... / Это показали...

51. As has been pointed out by... / Как было указано...

52. See... for more details / Подробнее смотрите...

Конструкции, подразумевающие вывод:

53. The findings of this study suggest that... / Результаты этого исследования показывают, что...

54. The evidence from this study suggests that... / Данные этого исследования показывают, что...

55. In general terms, this means... / В общих чертах это означает...

56. The conclusion is that the... / Вывод состоит в том, что...

57. The results presented are that the... / Представленные результаты заключаются в том, что...

Библиография

1. Лобова К. А. Английский язык для научной коммуникации // Вестник науки. 2019. №

5(14). С. 142-148.

2. Korotkina I. B. Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs // Integratsiyaobrazovaniya = Integration of Education. 2018. No. 2(22). Pp. 311-323.

3. Бондаренко В. Е. Особенности функционирования английского языка как lingua franca в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. № 16(727). С. 54-62.

4. Bitetti D. M., Ferreras JA. Publish (in English) or perish: The effect on citation rate of using languages other than English in scientific publications // Ambio. 2017. No. 46(1). Pp. 121-127.

5. Шимановская Л.А. Проблема языкового оформления научной статьи для зарубежного журнала на английском языке // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 23. С. 338-345.

6. Короткина И. Б. Модели обучения академическому письму: учебное пособие для вузов / И. Б. Короткина. М.: Издательство Юрайт. 2023. – 127-150 с.

7. Sivakumar S., Lukose L. "How to read, assess and write a research article" // Journal of the Indian Law Institute. 2017. No. 59(2). Pp. 123-52.

8. Лебедев Е.С. Поиск в Internet // Проблемы экономики, финансов и управления производством. 2023. № 52. С. 119-123.

9. Oakey D. Phrases in EAP academic writing pedagogy: Illuminating Halliday's influence on research and practice // Journal of English for Academic Purposes. Elsevier BV, 2020. № 44. Pp. 1-16.

10. Неворотин А. И. Матричный фразеологический сборник. Пособие по написанию научной статьи на английском языке / А. И. Неворотин. СПб: Изд-во СпецЛит, 2001. – 208 с.

11. Appel R. Lexical bundles in L2 English academic texts: Relationships with holistic assessments of writing quality // System. 2022. № 110. Pp. 1-12.

12. Charles M., Hadley G. Autonomous corpus use by graduate students: A long-term trend study (2009–2017) // Journal of English for Academic Purposes. 2022. (56). С. 1-14.

13. Duan X., Zan H., Bai X., Zahner C. Reusable Phrase Extraction Based on Syntactic Parsing // Chinese Computational Linguistics. Lecture Notes in Computer Science. 2020. № 12522. Pp. 1166-1171.

14. Толстова Т. В. Научная статья на английском языке: структура и элементы: учебное пособие / Т. В. Толстова. Самара: Самарский университет. 2019. – 112 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена технологии отбора шаблонов английского научного текста. Предмет исследования актуален в силу того, что в эпоху глобализации и интернационализации большое значение приобретает межкультурная коммуникация в мировом научном сообществе. Научная коммуникация представляет собой социально значимую категорию общения и имеет особые правила и приемы передачи научных идей: «умение понимать и создавать научные тексты на английском языке является условием успешной интеграции не только в международное исследовательское сообщество, но и в глобальный образовательный процесс». Отмечается, что «знание и навык использования шаблонов является полезным инструментом на всех этапах написания научного текста, начиная с составления плана статьи до внесения в нее

необходимых корректив. Поэтому вопрос сбора и классификации шаблонов английского научного текста стоит достаточно остро».

Теоретической базой данного научного исследования послужили работы таких российских и зарубежных ученых, как Л.А. Шимановская, И. Б. Короткина, В. Е. Бондаренко, К. А. Лобова, Sivanandan Sivakumar, Lisa P. Lukose, Mario Di Bitetti, Julián A. Ferreras и др. Методология исследования основана на сочетании общенаучных методов анализа и синтеза, статистическом методе, методе отбора, интерпретативном анализе отобранного материала. Автор(ы) описывают разработанную ими технологию отбора шаблонов английского научного текста, которая позволяет «выявлять конструкции, которые исследователи могут адаптировать для своих научных работ на английском языке. Кроме того, технология исключает возможность отбора устаревших или редко используемых конструкций, что способствует соблюдению актуальных норм академического письма». Подробно описывается применение данного подхода в ходе настоящего исследования. В рамках использования разработанной технологии отобрано 57 шаблонов английского научного текста на основе анализа 110 научных статей из журналов разного профиля с высоким индексом цитирования за последнее десятилетие (Nature Communications, Cell, The Lancet, Advanced Materials, New England Journal of Medicine, Chemical Reviews, Nature, IEEE Communications Surveys and Tutorials, Reviews of Modern Physics, MMWR Surveillance Summaries). Как отмечается в работе, «предложенная процедура поиска шаблонных конструкций является собой итерационный процесс, при котором шаблоны отбираются, фильтруются и корректируются в зависимости от выбранных параметров классификации».

Теоретическая и практическая значимость исследования определены тем, что полученные результаты вносят вклад в методологию написания английской научной статьи, предоставляя научному сообществу инструмент для упрощения процесса создания текста.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы; методологической части, посвященной технологии отбора; основной части, включающей обсуждение полученных результатов; выводов. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы исследования. Рекомендуем автору(ам) расширить материал, в том числе за счет теоретического обоснования исследования.

Библиография исследования включает 10 источников, в том числе лишь 7 источников научного характера, что является недостаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике (что и это наблюдается в представленной работе). Автор(ы) практически не апеллируют к научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Статья имеет заверченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – специфика отбора шаблонных конструкций английского текста

на базе научных статей. Автор рассматривает автоматизированную технологию отбора, позволяющую обнаружить в научных работах общие композиционные элементы – устойчивые лексико-грамматические конструкции, которые связывают текст в единое целое, позволяя составить лаконичный научный текст на английском языке.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и систематизации.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного научного сообщества использования английского языка как универсального языка научной коммуникации. Сегодня английский язык можно рассматривать как один из ключевых инструментов для передачи новых знаний и популяризации научных достижений, следовательно, современному учёному необходима качественная языковая подготовка, позволяющая эффективно использовать английский язык для академических и специальных целей. Исследование имеет важное практическое значение для научного сообщества: шаблоны английского научного текста существенно облегчает процесс создания научной работы, их корректное использование позволяет соблюдать академические стандарты, а также упрощают восприятие сложных научных идей, что делает коммуникацию эффективной.

Научная новизна заключается в том, что автор на практике демонстрирует автоматизированную технологию отбора шаблонных конструкций английского текста на материале научных статей, опубликованных в журналах с высоким индексом цитирования за последнее десятилетие. Автор подробно описывает каждый этап отбора, что позволяет использовать технологию на ином эмпирическом материале с учётом индивидуальных потребностей учёного.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы и приводит теоретическую базу исследования, рассмотрены существующие подходы к отбору шаблонных конструкций английского текста на базе научных статей, выполнен обзор ресурсов, которые могут быть использованы для изучения английского языка для научно-исследовательской работы); технология отбора (автор детально описывает автоматизированную технологию отбора шаблонных конструкций английского научного текста, подчёркивается, что шаблоны отбираются, фильтруются и корректируются в зависимости от выбранных параметров классификации, следовательно, технология может быть использована для индивидуальных потребностей исследователя); результаты (описывается результаты отбора по выбранным автором критериям, приводится классификация фразовых конструкций по их функциональному назначению); выводы (заключение); приложение (включает перечень отобранных конструкций); библиография (включает 14 источников отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Исследование представляет интерес для научного сообщества, полученные результаты имеют практическое значение для эффективной коммуникации на международном уровне. Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания английского для научных целей, использование описанной технологии отбора шаблонных конструкций английского текста на базе научных статей позволяет создавать пособия для конкретных отраслей науки, то есть учитывать интересы не только всего научного сообщества, так и отвечать на запросы конкретной отрасли науки.

Рекомендации автору:

1. В библиографии уместно увеличить долю работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным

статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Петрова П.С. Вторичная номинация с компонентами-соматизмами в военной лексике (на материале русского, английского и французского языков) // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.71955 EDN: QGIDAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71955

Вторичная номинация с компонентами-соматизмами в военной лексике (на материале русского, английского и французского языков)

Петрова Полина Сергеевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков; Михайловская военная артиллерийская академия
Министерства обороны РФ

194044, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22

✉ tays18@mail.ru

[Статья из рубрики "Профессиональный язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.71955

EDN:

QGIDAO

Дата направления статьи в редакцию:

12-10-2024

Аннотация: В основе вторичной номинации лежит стремление к экономии языковых знаков. Вторичная номинация всегда метафорична и служит для систематизации нового знания. Механизм систематизации знаний в военно-профессиональной сфере автор статьи рассматривает на примерах реализации устойчивых выражений, специальной лексики и терминологии с соматическим компонентом в военном лексиконе английского, французского и русского языков. Именно соматизмы, или лексические единицы, обозначающие части человеческого тела, и являются предметом настоящего исследования. В качестве объекта выбраны различные способы вторичной номинации: метафорический перенос, основанный на внешнем сходстве (форма или способ размещения в пространстве части относительно целого), а также на общности функций денотатов. Употребление соматизмов в своем прямом значении автор анализирует на их реализациях в военных командах. При описании и сопоставлении устойчивых сочетаний с компонентами-соматизмами в трех рассматриваемых языках автор обращается к

компонентному анализу, позволяющему выявлять общие семантические признаки в их значении. Гипотеза исследования заключается в том, что высокая частотность употреблений соматизмов военнослужащими объясняется, с одной стороны стремлением к упрощению терминологически перегруженной коммуникации, с другой стороны – естественной потребностью к «нормализации» окружающей действительности и снижению уровня стресса. Научная новизна исследовательской работы представлена в возможности выявить особые образы, символы и стереотипы, связанные со спецификой военной культуры и обусловленные ценностными установками, характером взаимоотношений в воинской среде и спецификой мировосприятия в вооруженных силах. Автор приходит к выводу, что вне зависимости от языка терминологически перегруженная речь со своей спецификой и особенностями может носителями одного и того же языка восприниматься как иностранная. Между тем межъязыковые связи русского, французского и английского языков прослеживаются при рассмотрении отдельных номинативных компонентов, в составе которых фигурируют соматизмы. Последнее он объясняет антропологическим типом восприятия человека, способом переосмысления и систематизации окружающей его действительности.

Ключевые слова:

соматизмы, военная терминология, специальная лексика, метафора, вторичная номинация, систематизация знания, денотат, лексическая единица, военная команда, языковая культура

ВВЕДЕНИЕ

Доступным для человека является лишь то, что соответствует объему накопленных знаний и умений, а потому восприятие нового всегда основано на предшествующем опыте. Любое новое знание на каждом из этапов своего развития тесно связано с развитием языка. За расширением знания всегда следует языковая трансформация, основанная на переосмыслении предшествующего опыта. Именно на этом этапе и возникает потребность в номинации: обозначаемый объект, нечто новое, соотносится с языковой единицей, как правило, уже существующей [\[1; 2, с. 411; 3\]](#). Согласно одной из существующих точек зрения, язык формирует знание, поскольку язык «оккупировал» мозг и адаптировался к нему в гораздо большей мере, по сравнению с эволюцией последнего в сторону языка [\[4\]](#). Согласно другой – язык и мышление удивительным образом отражают, дополняют и развивают друг друга, «шаблоны мысли и язык переплетены, составляют одно целое, а язык лишь внешняя грань мышления на наивысшем уровне символического выражения» [\[5, с. 36\]](#). Кто в этой связке ведущий или ведомый, скульптор или глина разобраться довольно сложно. Но если процесс мышления остается скрытым и неосознанным, то его результат вполне очевиден, именно по языковым «следам», номинативным единицам нового порядка и можно отследить трансформации в сознании человека, которые всегда основаны на предшествующем опыте.

В основе вторичной номинации – ассоциативный характер человеческого мышления. Вторичная номинация всегда метафорична, поскольку уже существующие языковые средства приобретают новое качество по принципу общности между элементами внеязыкового порядка, будь то форма, пространственная ориентация или функция [\[6, с. 121\]](#). Любое новое знание, предмет или явление перенимают некий предшествующий опыт

образов.

В названиях частей человеческого тела скрыты сакральные культурно-значимые смыслы. Неслучайно соматизмы становятся объектом изучения лингвистов. Языковеды сходятся во мнении, что восприятие мира и его освоение антропоцентричны или эгоцентричны [7, p. 394-395], в подтверждение этой теории – древнейший языковой пласт, закодированный фразеологизмами с компонентами-соматизмами [8, с. 139; 9; 10, p. 11]. С первых дней жизни человек постепенно включается в освоения пространства, и его тело задает первоначальные параметры пространственного измерения, «человек является мерилем всех объектов» [11, p. 390]. Считается, что тело в целом, как и отдельные его части, представляют собой основу концептуализации мира, мира внешнего и внутреннего [12, p. 454; 13, с. 74]. Описание мира и освоение человеком пространства происходило постепенно через осознание себя. Накопленный опыт и знания о самом себе человек развернул и перенес на окружающую действительность [14, с. 233]. А поскольку вне зависимости от языковой среды, несмотря на множественные отличия, все мы похожи, можно заранее предполагать некую общность, универсальность устойчивых выражений с компонентами соматизмам в различных языковых культурах [15, p. 74] и подобрать единый «ключ к пониманию культурной картины мира» [16, с. 12]. В нашей работе мы рассмотрим реализации устойчивых выражений в специальной военной лексике и терминологии с соматическими компонентами в английском, французском и русском языках.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Влияние лексики военного порядка в последние годы возрастает, она повсеместно используется в языке СМИ, что способствует ее быстрому распространению в повседневной речи. Военная терминология как составной элемент военной лексики является «формализованной системой установленных военных терминов, каждый из которых имеет строго определенное значение с очерченными рамками применения» [17, с. 7].

Военные команды – это единицы военной коммуникации с четко выверенным значением, синтаксически представленные императивными предложениями. Соматизмы в командах часто употребляются в своем основном значении, характеризуются однозначной трактовкой и служат для пространственной ориентации: *right shoulder, arms!* (англ.) - *на правое плечо!* (рус.); *arme à la main!* (фр.) – *на руку, с винтовкой наперевес* (рус.); *arme au pied !* – *к ноге!* (рус.) [18, 19, 20, 21, 22].

Лексические параллели от языка к языку не случайны, однако необязательны: *about, face!* (англ.). Так, французский и русский эквиваленты этой команды обходятся без употребления соматизмов, но также указывают на направление движения в пространстве: *demi-tour à gauche (droite)* (фр.) / *кругом!* (рус.) [18, 19, 20, 21, 22].

Несмотря на то, что военные команды задают четкий однозначный порядок действий, в них также могут прослеживаться признаки вторичной номинации, например, команда ВМФ *all hands on deck!* (англ.) - *(свистать) всех наверх!* (рус.). Лексема «*hands*» в данном случае, не «*руки*», а личный состав, вся имеющаяся (на корабле) сила.

В этом и последующих устойчивых выражениях лексема «*рука*» уже не фигурирует, как пространственный ориентир, но транслирует представление о руках как символе действия или даже угрожающей силы, сравните: *coup de main* (фр.) – *внезапный удар*,

диверсия (рус.). Метафорическое смещение в структуре значения основано на функциональном назначении рук: *mailed fist* (англ.) – *бронированный кулак, военная сила* (рус.), *knuckle section* (англ.) – *ударная (штурмовая) группа* (рус.); *donner un coup de poing* (фр.) – *наносить удар*; *coup de main* (фр.) – *внезапный удар, диверсия* (рус.) [18, 19, 20, 21, 22].

Отметим, что в нашей работе, описывая вторичную номинацию, мы не ориентируемся на формальные лингвистические критерии, в фокусе изучения не форма, но содержание. Вслед за А. П. Чудиновым мы рассматриваем метафору шире, именно множественность смыслов, семантическая составляющая «является более важным, нежели формальные языковые различия» [23, с. 13].

Угрозу с точки зрения восприятия несут не только кулаки, но и зубы. Зубы выступают как орудие защиты или нападения. В русской языковой картине мира зубы «точат, имеют, показывают, до зубов вооружаются», все эти устойчивые выражения маркированы агрессией и враждебностью. В английском языке, если мы говорим о лексике военного порядка, «*tooth pick*» (англ.) может обозначать холодное оружие «*офицерский кортик, штык, карманный нож*», а «*combat teeth arm*» (англ.) – это «*боевой род войск*».

Значение французского «*cure-dent* – *штык*» основано как на внешнем сходстве, так и функции – «исходящая угроза». Интересно в этой связи, что штык виолончели или контрабаса тоже соматизм, но уже «*pied* (фр.) / *нога, ступня*», и в основе вторичной номинации представление об устойчивости, опоре. В русском языке близким аналогом является «*подножка*», например, велосипеда.

В военной терминологии высокочастотными являются метафоры построенные по типу структурного внешнего сходства (формы / пропорции / размещения) человеческого тела и его частей. В силу универсальности соматизмов лексические совпадения при вторичной номинации в терминологии отдельных языков могут быть зеркальными, в особенности, когда речь идет об элементах целого: *кузов* (рус.) – *body* (англ.) – *corps* (фр.); *хвост самолета* (рус.) – *tail* (англ.) – *queue* (фр.), при этом лексически зеркальными они могут быть не только на уровне слова, но и сочетания: *rotor head* (англ.) / *tête de rotor* (фр.) / *ступица винта (у вертолета)* (рус.), русская номинация обходиться без соматизма *голова* [18, 19, 20, 21, 22].

Наименования военно-технических средств и вооружений часто метафорически переосмысливается. Помимо соматизмов, эти названия часто описывают посредством антропонимов, за которыми скрыты реальные или мифологические прототипы, а также некоторые явления и объекты природного мира. Интересно, что дешифровка этих названий носителями одного и того же языка, может быть менее успешной, нежели представителями разных языковых культур, объединенных общим военным делом. Например, «*dragon tooth (tank) obstacle* (англ.) – *(противотанковое) заграждение зубы дракона* (рус.)».

Метафорический перенос, основанный на функциональном применении, особенно часто встречается во всех трех языках с компонентом-соматизмом «нога». Вторичная номинация используется для обозначения военнослужащих различных родов и видов войск. В основе метафорического переноса – особенность военной службы: *foot shuffler*, *foot slogger*, *blister foot*, *leg*, *straight leg*, *legman*, что объясняется основным предназначением пехотинцев в вооруженных силах – ведением боевых действий в пешем порядке. Во французском языке пехота также ассоциируется с соматизмом «нога» или «*pied*»: *arme à pied* – *пехота*, *chasseur à pied* – *пехотинец*. Устойчивые выражения

«mettre le pied sur (досл. поставить ногу)» имеет значение «закрепляться (на позициях)», «mettre pied à terre» – высадиться, спешиться, ступить на землю, «mettre sur pied» – «привести в боевую готовность, мобилизовать». Последнее устойчивое сочетание в русском языке может передаваться выражением «поставить на рельсы», калька с соматизмом «поставить на ноги» чаще употребляется в значении «вырастить, воспитать, выучить детей», что отчасти не противоречит французскому «привести в боевое положение» [\[18, 19, 20, 21, 22\]](#).

Отметим, что метафора в названиях военной техники – явление частое. Однако нередко правильная трактовка значения фразеологизма связана с необходимостью учитывать «связь между значением свободного словосочетания и способом приобретения фразеологической единицей экспрессивности, оценочности, которые придают образность» [\[24, с. 397\]](#). Например, «*radar Cyrano* (фр.) - радиолокационная станция управления огнем самолетов «Мираж»» или досл. *Сирано*: метафору можно считать многоуровневой, поскольку вторичная номинация не ограничивается переносом значения, основанном на внешнем сходстве денотатов (их форме, способу размещения в пространстве) или общности функций. Яркость и вся полнота смыслов смещается метафорой в культурное поле, в центре – образ, личность, а точнее внешность, французского поэта, драматурга Сирано де Бержерака (1619-1655 гг.). Посредством вторичной номинации акцент смещается на примечательную внешность исторической фигуры и возвращает нас к его знаменитому носу. При этом в метафоре сочетается и перенос по типу пространственной ориентации/ размещения, поскольку описываемый радар размещен в носовой части самолета [\[25, с. 138\]](#).

Метафора может быть исторически обусловленной. Например «*redlegs*» или «*красноногие*». По одной из версий это прозвище артиллеристы США получили в период американо-мексиканской войны (1846-1848 гг.), когда военнослужащим батарей Рингголда и Дункана выдали униформу, отличающуюся алыми полосками на штанинах брюк. Другая история гласит, что свое прозвище «красноногие» появилось в период Гражданской войны (1861-1865 гг.), «*redlegs*» называли приверженцев тайного военного союза, организованного в 1862 г. в Канзасе под руководством генералов Т. Юинга и Дж. Блантона [What does «red leg» mean? // [Slauceartfair.com](https://www.slauceartfair.com), 12.19.2019. [Электронный ресурс]: <https://www.slauceartfair.com/2019/popular-lifehacks/what-does-red-leg-mean/>].

Проведенный анализ лексики и фразеологии соматического культурного кода в обиходе военнослужащих позволяет выявить особые образы, символы и стереотипы, связанные со спецификой военной культуры и обусловленные ценностными установками, характером взаимоотношений в воинской среде и спецификой мировосприятия в вооруженных силах. Вне зависимости от языка, терминологически перегруженная речь, со своей спецификой и особенностями может носителями одного и того же языка восприниматься как иностранная. Между тем межязыковые связи русского, французского и английского языков прослеживаются при рассмотрении отдельных номинативных компонентов, в составе которых фигурируют соматизмы. Последнее объясняется антропологическим типом восприятия, способом переосмысления и систематизации окружающей нас действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если бы каждое явление действительности соотносилось со своим именем, отдельной словоформой, с высокой долей вероятности, мы бы уже утратили способность к коммуникации. Благодаря уникальным свойствам нашего мышления мы не только

успешно сохраняем, но и совершенствуем язык. За каждой отдельной словоформой скрывается система значений, которые как слепки с оригинала, не дублируют, но дополняют и расширяют друг друга. Вторичную номинацию следует рассматривать как единственно возможный путь систематизации нового знания.

Принимая во внимание основное предназначение вооруженных сил любой армии мира, а именно, реализацию целей в экстремальных условиях, значимость адекватного коммуникативного контакта нельзя недооценивать. Можно предположить, что высокая частотность употреблений соматизмов военнослужащими связана с одной стороны со стремлением к упрощению терминологически перегруженной коммуникации, с другой – является естественной потребностью к «нормализации» окружающей действительности и снижению уровня стресса. Метафорическая концептуализация сложных для понимания военных реалий с опорой на знакомые и простые слова, в частности, соматизмы, служит надежным средством, упрощающим процесс коммуникации и способствующим психологической адаптации человека к критическим и нестандартным ситуациям.

Библиография

1. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. / Н.Н. Болдырев. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2018.
2. Колесов И.Ю. Языковой код пространства в английском языке в аспекте грамматики конструкций // Мат-лы II Всероссийской научной конференции: Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Барнаул, 2023. – С. 409-418.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. / Е.С. Кубрякова // Москва: Яз. слав. культуры, 2004.
4. Deacon T. W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. New York: Norton, 1997.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс – Универс, 1993.
6. Austin J. L. Sense and Sensibilia / J. Austin. – London; Oxford ; New York: Oxford University Press, 1962.
7. Miller G., Johnson-Laird P. Language and Perception. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. URL: <http://dx.doi.org/10.4159/harvard.9780674421288>
8. Федюк П. С. Эквиваленты фразеологизмов с компонентами-глаголами размещения в пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11 (192). – С. 139-142.
9. Nurillaev K.K., Jumamuratova M. A. The analysis of the somatic phraseological unit of English and Karakalpak language // Science and Education. 2023. № 1.
10. Bally Ch. Traité de stylistique française [Treatise on French stylistics]. 2 ed., vol. 1. Heidelberg, 1921.
11. Lyons J. A note on Possessive, Existential and Locative Sentences // Foundation of Language, 1967. V 3; n. 4. Pp. 390-395.
12. Lakoff G., Johnson M. Cognitive Metaphor in Everyday Language. // The Journal of Philosophy. Vol; 77, № 8; 1980. Pp. 453-486.
13. Адхамжонова И.М., Ибрагимова Э.И. Соматизмы в формировании языковой картины мира// Central Asian journal of literature, philosophy and culture, 2023. – С. 73. eISSN: 2660-6828 | Volume: 04 Issue: 12 Dec 2023. Retrieved from <https://cajlp.centralasianstudies.org>.
14. Гудков Д. Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.

15. Pirniyazova A.K., Shinnazarova S. J. Indication of somatic units as reference words in phraseological units // Science and innovation international scientific journal, Volume 2, issue 11 November 2023. – Pp. 71-75. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10222875>.
16. Бакиева М.Н., Мамажанова Г.М. Теоретические основы изучения соматизмов как составляющей языковой картины мира // Мат-лы III Международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы в экономике». – С. 11-15. Retrieved from <https://innova-science.ru/wp-content/uploads/2023/05/sbornik-nauchnyh-trudov-18.05.2023-ave-3.pdf#page=11>
17. Бидерксен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка // Казанский лингвистический журнал. 2020. № 1 (3). – С. 5-16.
18. Гуров С.В. Англо-русский военный словарь. [Электронное издание]. – Тула: На правах рукописи, 2024. – 2257 с. Retrieved from <https://missilery.info/gallery/ermd>
19. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: ок. 170000 слов и словосочетаний. 11-е изд. испр. и доп. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.
20. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – 5-е изд., испр. – М: Рус. яз. 2002.
21. Dubois J. Dictionnaire du français d'aujourd'hui. Paris: Dictionnaires Larousse, 2000. – 1406 p.
22. *Longman Dictionaries Online* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longmandictionariesonline.com>.
23. Чудинов А. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург. 2013.
24. Теганюк В.В. Изучение образности соматизмов фразеологических единиц канадского варианта французского языка, стандартного французского и английского языков // Многоязычие в образовательном пространстве. Том 15 № 4 (2023). С. 397-402. DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-4-397-402>.
25. Соловьева Е.А. Метафора в современной французской формализованной военно-профессиональной лексике // Гуманитарные и социальные науки 2016. № 5. Филология. – С. 133-140. DOI: 10.18522/2070-1403-2016-58-5-133-140

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию вторичной номинации с компонентами-соматизмами в военной лексике. Предмет исследования достаточно актуален. Во-первых, видится важным изучение вторичной номинации, в основе которой «ассоциативный характер человеческого мышления». Отмечается, что «вторичная номинация всегда метафорична, поскольку уже существующие языковые средства приобретают новое качество по принципу общности между элементами внеязыкового порядка, будь то форма, пространственная ориентация или функция». Во-вторых, сегодня все чаще объектом изучения лингвистов становятся соматизмы: «языковеды сходятся во мнении, что восприятие мира и его освоение антропоцентричны, в подтверждение этой теории – древнейший языковой пласт, закодированный фразеологизмами с компонентами-соматизмами». В-третьих, в последние годы «возрастает влияние лексики военного порядка, она повсеместно используется в языке СМИ, что способствует ее быстрому распространению в повседневной речи», а, значит, требует соответствующего изучения.

Теоретической основой исследования выступили труды таких отечественных ученых, как

Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова, А. Чудинов, П. С. Федюк, Е. А. Соловьева, Д. Бидерксен, М. Н. Бакиева, Г. М. Мамажанова, обзор которых показал, что «благодаря уникальным свойствам нашего мышления мы не только успешно сохраняем, но и совершенствуем язык. За каждой отдельной словоформой скрывается система значений, которые как слепки с оригинала, не дублируют, но дополняют и расширяют друг друга. Вторичную номинацию следует рассматривать как единственно возможный путь систематизации нового знания».

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее традиционный характер. Методы используются с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: описательный и сравнительный методы, контент-анализ материала и метод системного анализа. Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить особые образы, символы и стереотипы, связанные со спецификой военной культуры и обусловленные ценностными установками, характером взаимоотношений в воинской среде и спецификой мировосприятия в вооруженных силах, также сделать вывод о том, что «вне зависимости от языка, терминологически перегруженная речь, со своей спецификой и особенностями может носителями одного и того же языка восприниматься как иностранная. Между тем межъязыковые связи русского, французского и английского языков прослеживаются при рассмотрении отдельных номинативных компонентов в составе, которых фигурируют соматизмы. Последнее объясняется антропологическим типом восприятия, способом переосмысления и систематизации окружающей нас действительности».

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному восприятию материала. Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью.

Библиография исследования включает всего 9 русскоязычных источников, в том числе два словаря. В библиографическом списке присутствуют актуальные работы, посвященные теоретическим основам изучения соматизмов как составляющей языковой картины мира; исследованию телесного кода русской культуры; военной лексике как особому элементу лексической системы языка; метафоре в современной французской формализованной военно-профессиональной лексике и т.п. Однако такое количество научных источников является недостаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики (и это наблюдается в представленной работе). Автору(ам) также необходимо обратить внимание на оформление библиографического списка (см требования редакции).

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в изучение вопросов вторичной номинации: «любое новое знание на каждом из этапов своего развития тесно связано с развитием языка. За расширением знания всегда следует языковая трансформация, основанная на переосмыслении предшествующего опыта, возникает потребность в номинации: обозначаемый объект, нечто новое, соотносится с языковой единицей, как правило, уже существующей».

В целом, статья самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после расширения библиографии.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – специфика вторичной номинации с компонентами-соматизмами на материале военной лексики русского, английского и французского языков.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением следующих методов: контрастивный анализ и сопоставление фактического материала, обобщение и синтез.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества изучения разнообразных феноменов языка и культуры в новых контекстах. Исследование реализации устойчивых выражений в специальной военной лексике и терминологии с соматическими компонентами в английском, французском и русском языках позволяет продемонстрировать взаимосвязь языка и мышления, выявить особенности концептуализации мира в разных культурах. Кроме того, исследование имеет важное практическое значение для межличностной коммуникации, поскольку даже для носителей языка терминологически перегруженная профессиональная речь воспринимается как иностранная.

Научная новизна заключается в том, что автор анализирует и сопоставляет соматизмы в обиходе военнослужащих русского, английского и французского языков, что даёт возможность выявить и сравнить образы, символы и стереотипы военной культуры различных стран. Исследование лексики и фразеологии соматического культурного кода военнослужащих позволяет лучше понять ценностные установки, характер взаимоотношений в воинской среде и специфику мировосприятия в вооруженных силах. Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы и приводит теоретическую базу исследования); основная часть (автор наглядно демонстрирует специфику вторичной номинации с компонентами-соматизмами в военной лексике русского, английского и французского языков, автор подчёркивает, что исследование ориентировано не на формальные лингвистические критерии вторичной номинации, в фокусе изучения было содержание, теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными, для наглядности приведены иллюстративные примеры); заключение (выводы); библиография (включает 25 источников отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена профессиональной языковой картины мира. Иллюстративные примеры демонстрируют специфику вторичной номинации с компонентами-соматизмами в военной лексике русского, английского и французского языков, полученные результаты могут стать основой для исследований военной лексики на материале других языков. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации как на профессиональном, так и на межкультурном уровне.

Рекомендации автору:

1. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Необходимо из текста статьи перенести в советующий раздел источник [What does «red leg» mean? // Sluiceartfair.com, 12.19.2019. [Электронный ресурс]: <https://www.sluiceartfair.com/2019/popular-lifetips/what-does-red-leg-mean/>]. Кроме того, в библиографии уместно увеличить долю работ за последние 3 года.
2. Было бы хорошо указать источники эмпирического материала, а также обозначить объем проанализированного материала.
3. В заключение было бы уместно добавить общие выводы о сходствах и различиях

вторичной номинации с компонентами-соматизмами в исследуемых языках.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Х. Влияние образной системы игровых произведений XIX в. на русскую литературу XX в. // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75714 EDN: QKDSIV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75714

Влияние образной системы игровых произведений XIX в. на русскую литературу XX в.

Чжан Хуэйминь

аспирант; Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

262200, КИТАЙ, Шаньдун, Шунванг, переулок Чжучэна, дом 25, кв. 1601

✉ 763716643@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.75714

EDN:

QKDSIV

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является образная система русской «игровой» литературы XIX века, включающая такие ключевые элементы, как образы игрока, карт, противника, женщины, судьбы и смерти, а также её влияние на поэтику и систему образов в произведениях русской литературы XX века. Объектом исследования выступают произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Андреева, а также их рецепция в творчестве М.А. Булгакова, В.В. Набокова и В.Т. Шаламова. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как эволюция мотивов азарта и шулерства, экстраполяция игрового пространства на реальность, роль женского образа как функционального элемента сюжета. Особое внимание уделяется трансформации архетипических моделей игры и их философско-психологической функции в литературе двух столетий. Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический и интертекстуальный методы, а также структурно-типологический подход для анализа устойчивых элементов образной системы. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе эволюции образной структуры русской «игровой» литературы как непрерывного традиционного

комплекса. Впервые подробно прослеживаются не только прямые влияния, но и механизмы трансформации ключевых образов и мотивов – от их формирования у классиков XIX века до реинтерпретации у авторов XX века. Важным аспектом новизны является включение в этот контекст творчества Варлама Шаламова, чьи «Колымские рассказы» ранее не рассматривались в преемственной связи с игровой традицией XIX века. Детализируются конкретные интертекстуальные связи, такие как сопоставление «Тамбовской казначейши» Лермонтова и «Бега» Булгакова, а также применение теории Р. Кайуа (Alea/Agon) к анализу текстов Шаламова и Набокова. В результате делается вывод о том, что, несмотря на значительную эволюцию, образная система игровых произведений XIX века оказала глубокое и многогранное влияние на русскую литературу XX века, способствуя пониманию механизмов литературной преемственности.

Ключевые слова:

образная система, игровая литература, мотив игры, русская литература, азартная игра, интертекстуальность, образ игрока, поэтика, сравнительное литературоведение, литературная традиция

XIX в. в русской литературе можно обозначить как век «игровой» литературы, то есть литературы, в которой используется мотив игры, чаще всего - азартной игры ^[9] Азартные игры, в особенности, карточные, были важной характеристикой русского общества XIX в. Распространение игр было повсеместным, а манера игры часто являлась ключевой характеристикой человека. По этой причине, а также благодаря широким образным возможностям, тема игры получила широкое распространение в русской классической литературе.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом современного литературоведения к проблеме преемственности литературных традиций и межтекстовых связей. Мотив игры, и в особенности азартной игры, является одной из сквозных и структурообразующих тем в русской литературе, выполняющей не только сюжетообразующую, но и глубокую философско-психологическую функцию. Сложившаяся в XIX в. богатая образная система игровых произведений не была исчерпана, но получила новое осмысление в литературе XX века, отражая уже иные историко-культурные и экзистенциальные реалии. Выявление механизмов трансформации и адаптации ключевых образов (игрока, карт, судьбы, женщины) и мотивов (азарта, шулерства, эскапизма, смерти) в творчестве крупнейших писателей двух столетий позволяет глубже понять единство и эволюцию художественных принципов русской литературы.

Предметом исследования является образная система русской «игровой» литературы XIX века (на материале произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Андреева) и её влияние на поэтику и систему образов в произведениях русской литературы XX века (М.А. Булгакова, В.В. Набокова, В.Т. Шаламова).

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический и интертекстуальный методы. Сравнительно-исторический метод применяется для прослеживания эволюции ключевых образов и мотивов от классической литературы к литературе модернистской. Интертекстуальный анализ позволяет выявить конкретные отсылки, аллюзии и реминисценции, демонстрирующие диалог писателей XX века с

традицией их предшественников. Кроме того, в работе используется структурно-типологический подход для классификации и анализа устойчивых элементов образной системы (архетипов игрока, противника, карт и т.д.) и мотивной структуры произведений.

«Программным» произведением русской игровой литературы XIX в. можно считать «Пиковую даму» А.С. Пушкина. В данном произведении начинает складываться образная и мотивная система русской игровой литературы. Эта система, начав формироваться в «Пиковой даме», формировалась на протяжении всего века и претерпевала определенные изменения по мере развития русского общества. Образная и мотивная система русской игровой литературы сыграла значительную роль в формировании поэтики русской литературы и оказала значительное влияние на последующее развитие литературы. Целью данной статьи является выявление влияния образной системы русской игровой литературы на поэтику русской игровой литературы XX в.

К ключевым элементам образной системы можно отнести образы игрока и его противника, женский образ, образ карт и образ судьбы и смерти. Говоря об образе игрока и его противника, можно выделить два наиболее часто повторяющихся в игровых произведениях элемента: азарт и шулерство. Эти два элемента являются отражением двух разных видов игры по Р. Кайуа - Alea (азартная игра, победа зависит от воли случая) и Agon (противостояние двух соперников на равных условиях, победа зависит от мастерства) [8]. В первом случае исход игры зависит от случая, герой испытывает сильный азарт, а главным противником героя является сама судьба. Во втором случае исход игры зависит от умения играть, в том числе и нечестно, герой является шулером – в прямом или переносном смысле этого слова – а соперником его является другой игрок. При этом часто в игровых произведениях происходит смешение двух типов игры. Так, в «Пиковой даме», Германн, узнав секрет трех карт, в широком смысле является шулером (то есть его игра не зависит от случая), и его игра с Чекалинским является типичным примером Agon: «Это похоже было на поединок. Глубокое молчание царствовало кругом» [14. С. 264]. При этом в финале повести герой «обдергивается», и раскрывается уже реальная подоплека игры Германна как игры с судьбой, то есть Alea. Мотив игры с судьбой в стилистике пушкинской повести в дальнейшем повторяется в большинстве игровых произведений как XIX в., так и XX в., и также находит отражение уже и в произведениях XXI в., например, в романе «Ненастье» А.В. Иванова [15]. Также и сам образ героя сочетает в себе желание «играть наверняка» и азартное стремление к игре как таковой. Дихотомия азарта и шулерства будет встречаться в дальнейшем у Лермонтова в «Герое нашего времени» [1, С.50], Гоголя в «Игроках» и Одоевского в «Мартингале». С течением времени образ игрока-шулера вытесняется образом азартного игрока, представленного в «Игроке» Достоевского.

Также из дихотомии азарта и шулерства в образе игрока постепенно формируется мотив противостояния не реальному противнику, а судьбе и высшим мистическим силам. Образ игры как порога между мирами [6, С.75] – рациональным миром живых и иррациональным фантастическим миром мертвых – проходит линией через всю русскую игровую литературу, начиная от «Пиковой дамы» Пушкина и «Штосса» Лермонтова и заканчивая «Большим шлемом» Андреева. Со временем, однако, фантастическое как таковое из игровой литературы уходит, однако мотив смерти, физической или духовной, остается вплоть до конца XX в.

Таким образом, образ игрока в русских игровых произведениях связан с такими понятиями, как азарт и шулерство, судьба и смерть. В произведениях XX в. эти образы получают новую интерпретацию, но продолжают быть характерной чертой игровых

произведений. Так, например, в произведении Булгакова «Бег» неоднократно упоминается игровой азарт, а в описании тараканьих бегов присутствуют отсылки к «Игроку» Достоевского. Так же, как и рулетка, тараканьи бега привлекают большое количество игроков и простых зрителей. Это зрелищная и захватывающая азартная игра. И так же, как и в романе Достоевского, для кого-то эта игра является забавой, а для кого-то – попыткой заработать на жизнь и изменить свою судьбу. Азарту также предаются герои Чарноты и Корзухина в финальном противостоянии в Париже. Все описание игры пронизано тонким психологизмом, в репликах персонажей точно передается всепоглощающая сила азарта. Здесь можно отметить как влияние Достоевского, так и «Пиковой дамы» Пушкина, что автор подчеркивает эпиграфом к седьмому сну пьесы, представляющим собой арию из оперы Чайковского «Пиковая дама».

В рассказе Шаламова «На представку» также присутствуют и значительный азарт и, и шулерство. С одной стороны, игроки увлечены игрой, и Наумов готов поставить на кон все, только чтобы отыгаться. С другой стороны, упоминается, что Севочка «был шулер, конечно; честная воровская игра – это и есть игра на обман» [17. С.9]. Таким образом, с одной стороны, в рассказе раскрывается тема игры, которая является поединком, и исход игры зависит от мастерства игроков. С другой стороны, автор экстраполирует тему азартной игры за пределы игрового пространства, также, как это делает Пушкин в «Пиковой даме» (в воспаленном сознании Германа происходит «смешение и слияние реального мира с образами трех верных карт» [4, С.76]) и Гоголь в «Игроках». Жизнь в лагерной реальности «Колымских рассказов» сама является непредсказуемой карточной игрой, где ценность жизни человека не больше ценности карт в игре и где поражение означает смерть. Смерть физическая или символическая (духовная) как окончание игрового поединка с судьбой является частым сюжетом для игровых произведений. В «Пиковой даме» Пушкина и «Игроке» Достоевского герои претерпевают духовную смерть, в «Игроках» Гоголя и «Мартингале» Одоевского присутствует угроза смерти, то время как в «Штоссе» [3, С.223-225] и «Герое нашего времени» Лермонтова, «Записках маркера» Толстого и «Большом шлеме» Андреева игра заканчивается смертью главного героя. «На представку» продолжает образную систему игровых произведений, создавая образ игрока-борца с судьбой и игры как перехода между жизнью и смертью. Смертью также заканчиваются игровые произведения Набокова «Король, дама, валет» и «Защита Лужина».

Экстраполяция игры за пределы игрового пространства, а также создание в произведении образа игры как эскапистского поведения героев, когда персонажи отказываются от жизни в игре, стало частым мотивом для игровых произведений, в особенности, ко второй половине XIX в. Еще описывая «Игроков» Гоголя Ю.В. Манн указывал на «экспансивность сферы карточной игры» [11]. В «Мартингале» Одоевского, «Записках маркера» Толстого, «Игроке» Достоевского и «Большом шлеме» экспансивность игры и эскапизм героев становятся важнейшим мотивом произведения. Зыбкость реальности и уход от реальности в мир игры отразил изменения в русском обществе: «уже в начале XX в. игра в искусстве соответствовала представлению о зыбкости и непрочности окружающего мира» [16, С.140]. Этот мотив вместе с системой образов перекочевал и в игровые произведения XX в. Так, например, в произведениях Набокова эта тема является одной из центральных. «Игры Набокова – это важный аспект эстетической космологии двух миров Набокова» [5]. При этом для Набокова игра служит средством создания другой реальности, что входит в параллель с более ранними литературными произведениями, где игра служила переходом между реальным и

потусторонним мирами. У Набокова однако эта «реальность игры» экстраполируется на весь мир произведения. Так, в «Защите Лужина» «сквозной метафорой романа является сравнение жизни с законами шахматной игры» [\[16, С.144\]](#). В «Король, дама, валет», где описание собственно игры отсутствует, игра занимает все пространство реальности, где герои отождествляются с картами.

Образ карт как наиболее частой формы азартной игры начинает приобретать особенные образные характеристики еще у Пушкина. Карты у Пушкина создают символическое пространство, обеспечивающее связь реального мира и потустороннего. Именно у Пушкина карты впервые представлены в образе самостоятельных одушевленных персонажей: «пиковая дама прищурилась и усмехнулась» [\[16, С.261\]](#). В дальнейшем одушевление карт происходит в «Игроках» Гоголя, где колода имеет собственное имя, и в «Большом Шлеме» Андреева, где карты «имели свою волю, свои вкусы, симпатии и капризы» [\[2, С.151\]](#). В более поздних произведениях авторы также продолжают использовать образ карт в пушкинской традиции. Набоков с присущей ему экстраполяцией игрового мира на обычную реальность не просто превращает карты в игровых персонажей, но героев произведения делает картами. В романе «Король, дама, валет» главным героям соответствуют карты, и их поведение также соответствует их «игровым» ролям. Как в карточной игре дама не может побить короля, так и в жизни ни дама-Марта, ни валет-Франц не могут убить короля-Драйера. В «Защите Лужина» образ карт заменен образом шахмат. Шахматная игра, так же, как и карточная, создает собственную реальность, которой подчинен ход повествования и жизнь героя. Шахматы так же, как карты у Пушкина и Андреева, обладают собственной волей: ««шахматы были безжалостны, они держали и втягивали его» [\[12, С.237\]](#). Одушевление карт (и других игровых средств) позволяет авторам раскрыть мотив противостояния судьбе. Создавая при помощи одушевления карт более выразительный образ соперника, представленного не партнером по игре, а самой судьбой, авторы раскрывают проблему взаимодействия личной воли игрока и судьбы, от которой зависит исход игры и самой жизни.

Помимо образов игрока и игры, судьбы и смерти в игровых произведениях также часто присутствует женский образ. При этом чаще всего этот образ обладает характерными чертами. С одной стороны, женщина в игровом произведении чаще всего является функциональным персонажем, то есть призвана выполнять определенную функцию. Женщина в игровых произведениях является побуждением или стимулом к игре. Она может быть как непосредственным побуждением к игре, как в «Пиковой даме» Пушкина и «Игроке» Достоевского, так и символическим призом в игре, как в «Тамбовской казначейше» и «Штоссе» Лермонтова. Параллели с «Тамбовской казначейшей» можно найти в «Беге» Булгакова. В этом произведении Чарнота и Корзухин играют в карты, решая судьбу нелюбимой скупым и азартным антагонистом жены, что фактически повторяет сюжет поэмы Лермонтова. В «Король, дама, валет» карточный поединок представлен в символической форме, как приготовление к убийству Драйера, и именно женщина побуждает героя Франца к этой «игре». У Шаламова в «На представку» женщина, жена, переданный которой свитер становится причиной смерти главного героя, также косвенно влияет на роковой исход для героя в игре. [\[11, С.79\]](#)

С другой стороны, в большинстве игровых любовная линия сюжета всегда находится на втором плане. Игровая страсть, азарт в таких произведениях всегда находятся на первом месте. Главный герой в произведениях Пушкина и Достоевского отказывается от любви женщины ради азарта игры. Более того, в «Игроке» Достоевского выявляют экзистенциальное смешение любви и азартной игры. [\[7, С.1445\]](#) Наиболее ярко метафора

переноса любовной страсти на игровую представлена у Гоголя в «Игроках», где «отношение Ихарева к своей крапленой колоде, названной им женским именем, говорит о замещении любовных переживаний картами» [\[13, с.54\]](#). В более поздних игровых произведениях любовная интрига все дальше отходит на второй план. В «Беге» Булгакова также присутствует этот сюжетный ход. В четвертом действии автор четко указывает на то, что любовной страсти подвержен Голубков, который лишен азарта: на протяжении всей игры он умоляет Чарноту остановиться. При этом для Чарноты, еще в третьем действии отказавшегося от Люськи ради азарта игры, именно игровая страсть стоит на первом месте. Идея того, что игровой азарт стоит выше чести, любви и самой жизни является одной из ключевых для игровых произведений русской литературы.

В заключение следует отметить несколько ключевых моментов, касающихся влияния образной системы русской игровой литературы на поэтику литературы XX в. Во-первых, можно утверждать, что в XIX в. в русской литературе была сформирована единая система из образов и мотивов, которая переходила, эволюционируя, из произведения в произведение. Среди ключевых образов можно выделить образы игрока, в том числе шулера, противника, карт и женщин. Среди ключевых мотивов можно выделить противостояние судьбе, отказ от любви в пользу игры, эскапизм и смерть. Во-вторых, по мере изменения игровой культуры эволюционировали и образы в игровых произведениях. Однако при этом поэтика произведений имела много общих черт с самыми ранними русскими игровыми произведениями. «Пиковая дама» Пушкина сыграла ключевую роль в формировании поэтики игровых произведений. Отсылки к ней можно увидеть во многих игровых произведениях XX в., например, в «Беге» Булгакова и «На представку» Шаламова. В-третьих, со временем образная система игровых произведений приобретает более метафоричное значение. Происходит экстраполяция игрового пространства на пространство реальности. Так в литературной и культурной реальности XX в. раскрывается образ игры как порога между мирами, рефреном повторяющийся в русской игровой литературе XIX в.

Результаты исследования представляют собой комплексный системный анализ эволюции образной структуры русской «игровой» литературы на протяжении XIX–XX в. как непрерывного традиционного комплекса. Впервые прослеживается не только влияние, но и механизмы трансформации ключевых образов и мотивов — от их формирования у классиков до реинтерпретации у авторов XX в. Важным аспектом новизны является включение в этот контекст творчества Варлама Шаламова, чьи «Колымские рассказы» ранее не рассматривались в преемственной связи с игровой традицией XIX в., что позволяет выявить, как лагерная проза доводит до крайности архетипические модели игры. Детализируются конкретные интертекстуальные связи, выходящие за рамки общепризнанных параллелей: например, проводится сопоставление «Тамбовской казначейши» Лермонтова и «Бега» Булгакова в аспекте мотива игры за женщину, а также прослеживается влияние Гоголя и Одоевского на прозу XX века в формировании линии шулерства и мотива подмены реальности игровой иллюзией. Применение теории Р. Кайуа (Alea/Agon) к анализу текстов Шаламова и Набокова позволяет уточнить типы игрового конфликта в современной литературе. Наконец, новизна состоит в рассмотрении игры как целостной философско-эстетической категории, порождающей особую модель мира, экстраполируемую на реальность у таких разных авторов, как Пушкин, Достоевский, Набоков и Шаламов, что вносит вклад в понимание механизмов литературной преемственности.

Таким образом, можно сделать вывод, что образная система игровых произведений XIX в. хотя и претерпевала со временем значительные изменения, оказала сильное влияние

на русскую литературу XX в.

Библиография

1. Александрова М.А., Большухин Л.Ю. "Пиковая дама" в рецепции Лермонтова ("Фаталист") // Новый филологический вестник. 2010. № 4 (15). С. 41-55. EDN: OFWMWT.
2. Андреев Л.Н. Большой шлем // Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 148-156.
3. Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 223-225.
4. Виноградов В.В. Стилль "Пиковой дамы" // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР, Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 2. С. 74-147.
5. Джонсон Д. Миры и антимирь Владимира Набокова // Симпозиум. 2011. № [уточнить номер]. С. [уточнить страницы].
6. Дударева М.А. Преодоление "Порога" в повестях М.Ю. Лермонтова "Фаталист" и "Штосс": ритуальная действительность // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (52). С. 73-77. EDN: ZRWOWJ.
7. Жунева Е.С. Любовь как воплощение азартной игры (на материале романа Ф.М. Достоевского "Игрок") // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1442-1447. DOI: 10.30853/mns210230. EDN: WNWARX.
8. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007.
9. Королева К.А. Глубокая игра. Роман "Игрок" Достоевского // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 3. С. 117-139. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-117-139. EDN: НКССАР.
10. Крылова М.Н. Образ женщины в творчестве В.Т. Шаламова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 75-81. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.68.55.011. EDN: XSJTIA.
11. Манн Ю.В. Драматургия Гоголя // Гоголь Н.В. Комедии. Л.: Детская литература, 1988. С. 32-33.
12. Набоков В.В. Защита Лужина // Набоков В.В. Другие берега; Защита Лужина: Романы; Рассказы. М.: ДЭМ, 1990. С. 179-328.
13. Падерина Е.Г. Миражная интрига и одноактная форма гоголевской комедии "Игроки" // Литературоведческий журнал. 2009. № 24. С. 43-65. EDN: KNPZVZ.
14. Пушкин А.С. Пиковая дама // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 5. С. 233-266.
15. Сухих О.С., Юхнова И.С. Мотивы повести А.С. Пушкина "Пиковая дама" в романе А.В. Иванова "Ненастье" // Научный диалог. 2021. № 6. С. 240-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250. EDN: PYJXIH.
16. Хрулев В.И., Узбекова Г.Ф. Поэтика игры в русскоязычных романах В. Набокова // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 1. С. 140-148. EDN: YQNUJT.
17. Шаламов В.Т. На представку // Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Художественная литература; Вагриус, 1998. Т. 1. С. 8-13.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает образная система русской «игровой» литературы XIX века и её влияние на поэтику и систему образов в

произведениях русской литературы XX века. Актуальность работы обоснованно аргументируется устойчивым интересом современного литературоведения к проблеме преемственности литературных традиций и межтекстовых связей. Отмечается, что «мотив игры, и в особенности азартной игры, является одной из сквозных и структурообразующих тем в русской литературе, выполняющей не только сюжетообразующую, но и глубокую философско-психологическую функцию», «выявление механизмов трансформации и адаптации ключевых образов (игрока, карт, судьбы, женщины) и мотивов (азарта, шулерства, эскапизма, смерти) в творчестве крупнейших писателей двух столетий позволяет глубже понять единство и эволюцию художественных принципов русской литературы».

Теоретической основой научной работы являются труды, посвященные изучению произведений М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и др. Библиография насчитывает 17 источников, в т.ч. литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. К сожалению, автор(ы) практически не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Практическим материалом исследования послужили произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, Ф. М. Достоевского Л. Н. Андреева (XIX век); М. А. Булгакова, В. В. Набокова и В. Т. Шаламова (XX век).

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, метод контекстуального и дискурсивного анализа, а также интертекстуальный анализ («позволяет выявить конкретные отсылки, аллюзии и реминисценции, демонстрирующие диалог писателей XX века с традицией их предшественников») и структурно-типологический подход («для классификации и анализа устойчивых элементов образной системы и мотивной структуры произведений»).

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проведен комплексный системный анализ эволюции образной структуры русской «игровой» литературы на протяжении XIX–XX в. как непрерывного традиционного комплекса; выявлены механизмы трансформации ключевых образов и мотивов — от их формирования у классиков до реинтерпретации у писателей XX в., детально разработаны конкретные интертекстуальные связи, выходящие за рамки общепризнанных параллелей. Сделан вывод, что образная система игровых произведений XIX в. хотя и претерпевала со временем значительные изменения, оказала сильное влияние на русскую литературу XX в.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключается в том, что результаты исследования расширяют знание по теме игры в русской классической литературе и могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, по русской «игровой» литературе, стилистике и интерпретации художественного текста и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ю., Сюй Ю., Коваленко А.Г. Социально-исторический конфликт в романах Владимира Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени» и «Асан» // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75967
EDN: QJXUQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75967

Социально-исторический конфликт в романах Владимира Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени» и «Асан»

Чжан Юйкунь

ORCID: 0009-0009-2685-8885

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

д. 10, корп. 2, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Россия

✉ 954504210@qq.com

Сюй Юйминь

ORCID: 0009-0003-4298-9830

аспирант; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

д. 10, корп. 2, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Россия

✉ 1042238002@pfur.ru

Коваленко Александр Георгиевич

ORCID: 0000-0002-6747-285X

доктор философских наук

профессор, зав. кафедрой; кафедра русской и зарубежной литературы; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

д. 10, корп. 2, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Россия

✉ ak-aurus@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75967

EDN:

QJXUQM

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является художественное воплощение социально-исторического конфликта в романах Владимира Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан». Объектом исследования выступают специфика и формы проявления этого конфликта, детерминированного радикальными переменами в российском обществе конца XX – начала XXI века. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как влияние исторических катаклизмов на кризис идентичности личности, трансформацию моральных норм в условиях чеченской войны и возникновение экзистенциального разлада в постсоветский период. Особое внимание уделяется анализу многогранных образов главных героев (Петровича и майора Жилина), чьи судьбы и внутренний мир становятся полем для столкновения личного самоопределения с разрушающимися общественными устоями. Исследуется, как социальные изменения влияют на индивидуальные судьбы и общество в целом, а также как право на самоопределение вступает в конфликт с общественными нормами. Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем литературоведческий, сравнительно-сопоставительный (компаративный) и историко-культурный анализ текстов. Научная новизна исследования заключается в комплексном сравнительном анализе двух ключевых романов Маканина через призму социально-исторического конфликта, что позволяет выявить общие и специфические черты в художественном осмыслении постсоветской эпохи. В результате делается вывод, что В. Маканин создает многогранные образы героев, чьи судьбы неразрывно связаны с историческими катаклизмами. Показано, как радикальные социально-политические изменения формируют внутренние конфликты персонажей и их взаимодействие с миром, обнажая противоречивую природу человеческой души в условиях кризиса идентичности. Автор приходит к выводу, что в «Андеграунде» конфликт проявляется через маргинализацию и экзистенциальный бунт творческой личности, а в «Асане» – через трансформацию морали и мифологизацию войны, где право на самоопределение вступает в конфликт с общественными нормами.

Ключевые слова:

русская литература, Владимир Маканин, социально-исторический конфликт, Андеграунд, Асан, постсоветское общество, чеченская война, кризис идентичности, внутренняя борьба, герой нашего времени

Введение. Литература напрямую связана с историей, поскольку многие книги содержат важные идеи, распространенные в обществе того времени. Художественная литература, действие которой происходит во время более масштабного общественного конфликта, позволяет читателям сопереживать персонажам и неявно узнавать больше об их мире. Если общественный конфликт является неотъемлемой частью конфликта персонажа, как в романах Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан», важно создать сложного персонажа, который является не просто фоном для обсуждения проблем внутри общества. Воображение в синтезе с множественными уровнями социально-исторического конфликта оживляет этих персонажей и вовлекает читателей в сам общественный конфликт.

Оба романа исследуют тему социально-исторического конфликта через призму личных

переживаний героев и их взаимодействия с окружающим миром. В. Маканин формирует многослойные образы, показывающие, как исторические события и социальные изменения формируют характер и судьбу человека. Важно отметить, что хотя писатель обращался к различным временным периодам и контекстам, его произведения сходятся в отражении глубоких внутренних конфликтов и поиска личной идентичности в условиях изменяющейся реальности.

Цель написания статьи – выявить и проанализировать основные аспекты социально-исторического конфликта в романах «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан».

Исследование этих романов позволяет глубже понять природу социально-исторического конфликта и его влияние на человека, что является важным аспектом литературного анализа и критики.

Методы и материалы исследования

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: литературоведческий анализ, включающий изучение критических работ и статей, посвященных данным романам, для углубления понимания их тематики и значимости; анализ текста, включающий детальное изучение романов «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан» для выявления ключевых моментов социально-исторического конфликта; компаративный анализ, направленный на сравнение и сопоставление способов отображения социально-исторического конфликта в двух произведениях с анализом сходств и различий; историко-культурный анализ, предусматривающий исследование исторических и культурных контекстов, влияющих на развитие сюжетов и характеров героев.

Проблематика исследования

Основная проблематика исследования заключается в выявлении того, как социально-исторический конфликт влияет на формирование личности и судьбы главных героев романов «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан». Внутренний конфликт также отражается через столкновение целей и убеждений в обществе, где личный интерес становится главной целью. Важно понять, каким образом исторические события и социальные изменения отражаются в жизни персонажей, как они влияют на их мировоззрение и поступки, а также как эти персонажи взаимодействуют с окружающим миром.

Теоретической основой исследования послужил ряд работ, посвященных различным аспектам творчества В. Маканина. Фундаментальные концепции и интерпретации художественного мира писателя в целом рассмотрены в диссертации Е. А. Кравченко[8]. Поэтика романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» и центральная для него проблема героя стали предметом изучения К. О. Шилиной[18], а его сложная интертекстуальная природа была подробно проанализирована Х. А. К. Аль Шувайли[2]. В контексте романа «Асан» представляет интерес работа Я. О. Гудзовой[7], посвященная семантике имени главного героя. Более широкие социокультурные вопросы, затрагиваемые в произведениях Маканина, освещены в исследованиях Г. Л. Тульчинского о трансформации советского культурного кода[16] и В. В. Агеносова, анализирующего соотношение красоты и повседневности[1]. Комплексный анализ данных работ позволяет сформировать многовекторный подход к анализу героев произведений. Стоит отметить, что написание романа, включающего социально-исторический конфликт в качестве центральной темы, требует хорошо проработанных

персонажей, которые участвуют как в более крупном общественном конфликте, так и в личных трудностях в своей собственной жизни.

Обсуждение результатов исследования

Предпосылками конфликта в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» служат масштабные социальные и политические изменения, произошедшие в России в конце XX века. Развал Советского Союза привел к глубокому кризису, затронувшему все сферы жизни: экономику, политику, социальные отношения и культурную идентичность. Этот период характеризуется неустойчивостью, непредсказуемостью и разрушением прежних социальных структур, что создает почву для появления новых форм поведения и взаимодействия.

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) Владимир Маканин исследует проблему отношений «герой – социум» через призму другого конфликта – «социум в социуме» [\[14, с. 24\]](#). «Различие между жизнью и художественной литературой размывается. Именно поэтому повествование героя перенасыщено различного рода цитатами из литературных текстов, рассуждениями о литературе, сравнениями событий собственной жизни с сюжетами литературных произведений» [\[6, с. 95\]](#).

В самом начале своего произведения Маканин описывает своего героя. Безымянный писатель Петрович представляет собой качественно иной образ. Он является «модификацией маргинального героя, характерного для творчества В. Маканина» [\[8, с. 7\]](#) – это аутсайдер, выделяющийся из массы своим образом жизни, положением в обществе и мировоззрением, отклоняющийся от общепринятых норм. «Петрович не принадлежит ни к одному социальному слою: он бездомный, неработающий и социально жалкий, выполняющий функции сторожа, причем неофициально» [\[18, с. 47\]](#). Его нищета выписана подчеркнуто реалистично и служит показателем его свободы и независимости от социальной системы.

Интертекстуальные связи, присутствующие в названии романа и его эпиграфе («Герой – портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» М. Лермонтов), значительно усиливают его глубинный смысл, предоставляя ключ к пониманию содержания произведения. Автор, продолжая тему, заданную классиком XIX века, развивает концепцию «подполья» и «подпольного» человека. Однако стоит отметить, что Маканин переосмыслил образ главного героя с позиций постмодернизма, создав нового, современного персонажа – представителя андеграунда.

Автор сосредоточен на создании художественной реконструкции подсознания Петровича, рассматривая «андеграунд» как метафору подсознания общества. Коллектив, описанный Маканиным в «общаге», попадает в сюрреалистическое пространство, которое дополняется такими образами, как психиатрическая больница и метро. Общага выступает метафорой мира, тогда как герой существует в пространстве коридора. Это пространство коридора служит связующим звеном между различными «мирами» романа, придавая маканинскому герою многозначность.

Слухи о предстоящей приватизации вызывают беспокойство у жильцов общежития и желание всеми силами защищать свои квартиры от «тунеядцев» типа Петровича. После наступившего отчуждения Петрович оказывается вытесненным и изгнанным из общежития, что влечет за собой новые жизненные перипетии, такие как пребывание в психиатрической больнице, обман Ловяникова и смерть друзей. Ныне Петрович живет в

статусе бездомного и работает сторожем в общежитии, что стало следствием изменившихся обстоятельств его жизни. Тип данного героя трактуется литературоведами по-разному: его называют «лишним человеком», «героем нашего времени», и «экзистенциальным человеком» [\[18, с. 8\]](#).

Во второй части романа проводится тщательный анализ системы персонажей, представленных в произведении. Они условно разделены на две группы: представителей андеграунда и жителей общежития. Среди андеграундных персонажей выделяются брат главного героя, Венедикт Петрович, писатели Вик Викыч и Михаил, а также доносчик Чубисов. Эти персонажи неоднократно появляются в тексте, активно участвуя в развитии сюжета.

В понимании Петровича, андеграунд – это не литературное направление, не определенная концепция или образ жизни, а особое состояние души. Настоящий андеграунд представляет собой мир Андрея Платонова, «где он скреб своей андеграундной метлой», и Марины Цветаевой, которая «видит вне света, а порой вопреки ему» [\[12, с. 124\]](#). Петрович называет этот внутренний андеграунд подсознанием России, постоянным местом пребывания таких людей, как он и его погибшие соратники Михаил и Вик Викыч. В отличие от Дворикова, верящего, что андеграунд, даже экзистенциальный, со временем выходит на поверхность, Петрович уверен, что смерть – единственный выход из андеграунда.

Таким образом, маканинский «Андеграунд» иллюстрирует глубокие изменения и конфликты, вызванные социально-историческими переменами, и показывает, как эти изменения влияют на индивидуальные судьбы и общество в целом.

Маканин использует антитезу между Петровичем и бывшими писателями андеграунда, чтобы раскрыть мотивацию Петровича отказаться от хождения по редакциям в надежде пристроить свои старые сочинения и оказаться среди таких, как Зыков – «один из редакционного совета, куда не звонить и в дверь не стучать» [\[12, с. 210\]](#), и Смоликов, который «был в андеграунде только потому, что при брежневщине не воздали за его тексты, не сунули в рот пряник» [\[12, с. 211\]](#).

Одним из главных двойников Петровича можно считать его брата Веню. В отличие от Петровича, у Вени есть имя, и он является гениальным художником, сломленным государственной системой. Веня «распался» и был потерян в психиатрической больнице. Этот человек описывается как редкий талант и смелость, не боящийся высмеивать следователя из КГБ. Именно из-за этого он оказался не столько в ловушке чьего-то доноса, сколько в ловушке собственного превосходства над людьми [\[10, с. 76\]](#).

Основной характеристикой неофициального «общажного» сообщества является маргинальность его членов, которые находятся на периферии культурной жизни. В отличие от них, жители общежития изображены как однородная масса, где трудно выделить кого-либо отдельно. Так, Зинаида, подруга Петровича, практически не отличается от бывшего боевого офицера Акулова: «оба они не способны понять главного героя, но стремятся к пониманию и любви» [\[18, с. 115\]](#). Различаются они лишь степенью агрессивности, что подчеркивает их общую неспособность к глубоким эмоциональным связям. Тенденция к маргинализации обусловлена герметичностью этой культурной общности, которая минимизирует контакты с окружающим миром. Внутренняя среда официальных структур напоминает коммунальную квартиру. Творчество здесь воспринимается как личное и приватное дело, что подчеркивает приватность

творческого процесса.

Петрович находится на границе двух сред – «подполья» и «коридорного мира» (страны-общежития), на социальном перекрестке, часто пребывая в положении изгоя, особенно после совершенных им убийств. Когда Петрович нужен соседям, чтобы выговориться, его уважают, к нему обращаются за советом или просят посторожить квартиру, поскольку престиж писателя в первые постсоветские времена еще оставался высоким. В других случаях он воспринимается как шизофреник, сторож, неудачник, тунеядец или старый графоман.

Таким образом, Маканин создает многослойную картину общества, разделенного на две противоположные группы. Герои андеграунда представляют собой своеобразный внутренний мир, полный конфликтов и противоречий, тогда как жители общежития символизируют внешнюю обыденность и бессмысленность повседневной жизни. Эти две группы героев взаимодействуют между собой, создавая динамическое напряжение в романе и подчеркивая основные темы произведения. Пространственная модель подчеркивает разделение между официальной и неофициальной культурами, показывая, как герои стремятся найти свое место в этом разрозненном и изменчивом мире.

В романе ситуация убийства контрастирует с ситуацией самоубийства, что ставит этический вопрос о смысле собственного существования и природе смерти. Петрович объясняет духовный и идеологический кризис начала 1990-х годов, который критики того времени охарактеризовали как «кризис слова на пороге свободы» [\[15, с. 204\]](#) и «жизнью вне Слова», тогда как онтологический закон смертности усиливает осознание абсурдности человеческого бытия. Тем не менее, можно найти объяснения тому, почему одни люди погибают, а другие остаются живыми до следующего поворота судьбы.

Петрович совершает убийства лишь для подтверждения собственного достоинства. В романе отсутствует хронологическая последовательность событий, происходящих с героем; все они являются фрагментами его настоящего, адресованными читателю. Другие персонажи романа, обитатели огромной «общаги», вместе с Петровичем составляют образ «Героя нашего времени». Коллективное бессознательное, изображаемое Маканиным, сочетает в себе жалость к падшим и ненависть к чужим, способность к состраданию и хладнокровному убийству, заключая в себе агрессию и жажду покаяния [\[10, с. 79\]](#).

Герой Маканина не является убийцей по своей сути; его убийства происходят практически случайно. Случайное убийство становится второй трагедией в его жизни, вызывая у него ужас и страх: «неужели будет и третий труп – не хочу убивать!» [\[12, с. 518\]](#). Он не признает отчетности перед Богом, считая, что тот существует где-то далеко: «Он может наказать за убийство, а может и не наказать; про кого-то может забыть» [\[12, с. 420\]](#). Петрович не верит, что ему придется отвечать перед Богом за убийство: «Кто, собственно, спросит с меня – вот в чем вопрос. Бог?.. Нет и нет. Бог не спросит. Я не так воспитан. Я узнал о нем поздно, запоздало, я признаю его величие, его громадность, я даже могу сколько-то бояться Бога в темные мои минуты, но отчетности перед ним как таковой нет. Не верю в отчет» [\[12, с. 421\]](#).

Социальные перемены, вопреки ожиданиям, нередко не способствуют сплочению людей вокруг более высоких идеалов. Вместо этого, они могут вызвать углубление индивидуализма и стремление к самоутверждению. В обществе начинает доминировать принцип «право имею», который ставит личные амбиции и интересы выше общего блага.

Это явление можно объяснить тем, что в периоды кардинальных изменений люди часто сталкиваются с неопределенностью и нестабильностью. В таких условиях многие начинают ориентироваться на собственные потребности и интересы, чтобы выжить и адаптироваться к новым реалиям. Это приводит к росту конкуренции и отчужденности, когда коллективные цели отступают на второй план. Кроме того, социальные перемены часто связаны с разрушением прежних социальных норм и иерархий. В результате люди теряют чувство безопасности и принадлежности к общему делу. Это подталкивает их к поиску новых способов самоутверждения и реализации своих амбиций, что способствует усилению индивидуализма и росту конфликтов.

Маканинские герои, как правило, неспособны к любви, что является значимой интертекстуальной ссылкой. В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» главный герой представляется как экзистенциальный нигилист, отвергающий все существующие принципы истеблишмента [\[18, с. 120\]](#).

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» Владимир Маканин проникает вглубь психики своего героя-убийцы, тщательно исследуя его внутренний мир, мотивы и ощущения. Он создает детализированный психологический портрет, показывая, как внешние и внутренние факторы влияют на поведение персонажа. Петрович находит счастье в своем хрупком мире. Однако Петрович не оставляет после себя ни рукописей, ни семьи, ни детей, ни имущества – только два мертвых тела.

«Выход романа «Асан» (2008) вызвал активную полемику в литературных кругах, где обсуждался вопрос о его жанровой принадлежности и художественной ценности [\[9, с. 72\]](#)». В романе социально-исторический конфликт играет центральную роль, определяя действия и судьбы персонажей. Маканин помещает своих героев в контекст чеченской войны, что создает уникальные условия для исследования человеческой природы и социального взаимодействия.

Одной из основных предпосылок конфликта, описываемого в романе «Асан», является сложная политическая и социальная ситуация в России в начале 1990-х годов. Развал Советского Союза привел к резкому изменению социальной структуры, экономического устройства и ценностей общества. Это время хаоса и неопределенности породило новые социальные реалии, в которых люди вынуждены адаптироваться и выживать.

Чеченская война стала следствием этих изменений. Война усилила социальные противоречия и создала условия для проявления жестокости и безразличия к человеческим судьбам.

Роман «Асан» поднимает сложные социальные темы, уделяя особое внимание телесности и зыбкости жизни, пониманию справедливости и принципиальности героев, когда главная цель – выжить. Как отмечает А.Э. Васильева, изображение войны в этом произведении не сводится к реалистическому описанию событий [\[5, с. 47\]](#). Основная цель произведения заключается не в документальном отображении действительности, а в демонстрации мифотворческой силы войны. Маканина интересует исследование человеческой души и сущности современного общества в условиях войны и ее воздействия на человека.

Главный герой романа, Саша Жилин, ранее работал инженером и был направлен в Чечню для реализации строительных проектов, но теперь он превратился в человека, умеющего зарабатывать деньги [\[1, с. 18\]](#). Несмотря на амбивалентные чувства к различным людям, основное качество майора Жилина заключается в его

профессионализме на войне, особенно в качестве торговца бензином. Он создает целую сеть связей среди военных и чеченцев, что позволяет ему не только безопасно перевозить бензин для военных целей, но и лично обогащаться, чтобы построить домик для своей семьи на берегу реки в далекой России. Причиной кардинальной смены его деятельности стало предательство русских офицеров, оставивших его завскладом и поставивших перед выбором: «суд за разворованное оружие или расправа со стороны чеченцев».

На фоне конфликта происходит тесное сотрудничество между чеченцами и русскими, несмотря на взаимные неприязнь и предвзятость. Этот парадокс подчеркивает сложность социального взаимодействия и амбивалентность отношений между людьми разных национальностей, участвующих в войне. Теперь же чеченцы работают на русских, русские – на чеченцев: «Руслан – чеченец, и он ненавидит федералов, и он честен в порученном ему деле. Такой коктейль чувств... Частый здесь, в Чечне» [\[11, с. 48\]](#).

Руслан, чеченец, который работает на русских федералов, ненавидит их, но честно выполняет свои обязанности. Его радость при потерях Жилина не вызывает конфликта между ними, что иллюстрирует, как война превращает людей в профессионалов, способных абстрагироваться от личных чувств ради выполнения задач. Война представлена как своего рода игра, где каждый участник играет свою роль, и это подчеркивается сравнением с футболом: «Мы общаемся, как общаются интеллигентные любители футбола» [\[11, с. 50\]](#) и «Горцы нанесли сильный удар. Как забитый гол на футболе» [\[11, с. 51\]](#). Здесь нет места героизму, честности и усердию, их рассматривают как отклонение от нормы: «Как честно работают те, кто не в своем уме. Как ровно!.. Может, взять еще парочку? Набрать взвод контуженных» [\[11, с. 153\]](#). Этот игровой мотив отражает восприятие войны как соревнования, где важны не человеческие жизни, а результаты действий. Взаимодействия между сторонами конфликта становятся формальностью, утратившей эмоциональную составляющую. В итоге, война превращается в поле битвы, где каждая сторона стремится добиться победы, не задумываясь о последствиях для людей и общества.

Из двух зол (войны и бизнеса) Жилин выбирает меньшее – торговлю, считая это единственным способом выжить. Более того, бизнес (не всегда честный) становится для многих основой существования как в мирной жизни, так и в условиях войны. Жилин успешно адаптируется к «рыночной» войне, что позволяет ему реализовывать свои цели и обязанности, зарабатывая деньги на строительство дома для жены и дочери.

Его взгляд на военные события и окружающих людей отличается трезвостью и дистанцированностью; они теряют для него индивидуальность, превращаясь в безликие фигуры. В другом эпизоде, когда в его джипе перевозят убитого в засаде солдата, это проявляется особенно ярко: «В смерти он выглядел опрятно. Две пули точно под сердце, мало крови» [\[11, с. 189\]](#).

Честный полковник Анин, недавно прибывший на место службы, не сразу освоил установившиеся правила. Его возмущает ситуация с майором Жилиным: «Кто такой этот майор Жилин? Я эту сволочь выведу на свет... Я в штаб!.. Я к генералам!» [\[11, с. 223\]](#). Однако попытки Анина вести честную войну не находят поддержки ни среди своих, ни среди противников: «У него перехватывали по дороге все, что он заказывал. Либо наши, либо чичи... Какая разница» [\[11, с. 224\]](#). Полковник Анин вынужден уступить и подстроиться под сложившуюся среду, становясь очередной жертвой войны. Подмена ценностей стала повсеместной: «Смелый и знаменитый должен быть нелюбим

начальством. Логика войны» [\[11, с. 230\]](#). Таким образом, честность и стремление к порядку оказываются несовместимыми с военной действительностью, и полковник становится еще одним примером того, как жестокие реалии войны ломают людей и принуждают их к компромиссам.

Война в романе представлена как одушевленный организм, подвергающийся антропоморфизации через многочисленные телесные метафоры, что сопровождается специфичной телесной коммуникацией. Когда персонажи общаются, акцентируется внимание на качестве их голосов, подчеркивая телесную сущность речи, часто описываемую в терминах «звериных» звуков. Один из примеров связывает специфическую телесную метафору с характеристикой голоса: «Полевой говорил, гортанно вскрикивая... На высокой ноте... Доллары уже жгли ему нутро. Сильнейшая наших дней изжога» [\[11, с. 98\]](#). Часто жесты, мимика и движения тела заменяют слова или дополняют их, подчеркивая телесные выражения, сопровождающие речь. Рассказчик иногда пытается «читать» жесты и мимику солдат, переводя их в вербальные выражения.

Жилин показан в романе как амбивалентный герой. Помимо рационального предпринимательского подхода и стремления к личной выгоде, он также чувствует потребность защищать и помогать другим (в романе показано, как он выручил пьяных призывников и спас молодого солдата). Эта забота выражается в его привязанности к двум найденным контуженым солдатам, Алику и Олегу, которых он неоднократно спасает от наказания за дезертирство. Несмотря на связанные с ними неприятности, Сашик (как его часто называют чеченцы) продолжает нести за них ответственность, говоря: «Я успеваю подумать, зачем мне все это? А ни за чем. Вот так и посылает Бог нам идиотиков... больных... несчастных... Чтобы проверить нас на вшивость души» [\[11, с. 315\]](#).

Майор демонстрирует способность сочувствовать как своим, так и «врагам». Благодаря своим выдающимся дипломатическим навыкам и наличию ресурсов (бензин и деньги), он часто мирно решает конфликты, минимизируя потери с обеих сторон. Это качество приводит к тому, что Саша пользуется уважением среди старейшин-чеченцев. Однако ключевую роль в установлении контактов с мирным населением играет миф об Асане, вымышленном древнем божестве. По словам генерала Базанова, с языческих времен чеченцы верят в бога войны Асана, который представлялся горцам птицей, жаждущей человеческой крови во времена войны. В условиях современного рынка, Асан воплотился в образе Асана Сергеевича Жилина, и теперь жаждет денег: «Да, Асан двулик... И если торг, если с федералами можно договориться, – Асан хочет денег. Но если атака, если колонну надо брать с боем, – Асан хочет крови» [\[11, с. 410\]](#). Майор воспринимает такое обращение как знак уважения и принятия в качестве «своего», поэтому Асан всегда берет деньги, даже мелочь, чтобы поддерживать свое имя и сохранять жизни.

В судьбе майора Жилина ключевым переломным моментом становится его встреча с двумя контужеными солдатами, которых он спасает и затем всячески пытается сохранить их жизни. Эта сюжетная линия на первый взгляд может показаться нелогичной и даже абсурдной, поскольку «контузики» без явной причины застрелили своего спасителя. Возможно, что стремление Жилина помочь этим мальчишкам связано с его собственными тяжелыми детскими переживаниями, и он пытается компенсировать свои душевные травмы, проявляя заботу о них [\[4, с. 26\]](#).

Финал романа наполнен трагизмом, когда Александр погибает от руки контуженного Алика, который, заметив валюту в руках чеченца, предназначенную для расплаты с

Жилиным за бензин, начинает стрелять, но не в самого Жилина, а в пачку денег, символизирующую все беды. Даже в предсмертный момент майор не выдает юного стрелка офицеру, а просто говорит: «Нас обстреляли» [\[11, с. 475\]](#). Такое завершение жизненного пути главного героя акцентирует внимание на том, что двойственность личности Жилина делает его уязвимым в новом социуме. Расслабившись и не обеспечив свою безопасность, он расплачивается жизнью за проявленные человеческие качества, которые в таких жестоких условиях становятся недопустимой роскошью [\[3, с. 37\]](#).

Таким образом, в результате социально-исторического конфликта в романе происходит трансформация главного героя. Жилин, ранее инженер, становится «хозяином войны-бизнеса», торгуя боеприпасами, горючим и людьми. С одной стороны, Жилин, торгующий бензином с чеченцами, выступает посредником между двумя конфликтующими сторонами. С другой стороны, он использует состояние войны для личного обогащения, нелегально переводя заработанные деньги жене. В роли торговца бензином он, казалось бы, поддерживает бесконечность войны. Однако в ходе романа его товарищи постепенно погибают один за другим. В последнем эпизоде, непосредственно перед смертью, Жилин ощущает себя богом Асаном. Находясь в этой роли, он словно выпадает из метафоры и принимает на себя другую роль, которая в конечном итоге оказывается неуместной. Эта трансформация отражает изменения в обществе, где выживание становится приоритетом, а моральные ценности отступают на второй план. Тем не менее, Жилин сохраняет некоторые положительные человеческие качества, что подчеркивает его амбивалентность как героя. Он демонстрирует сочувствие и готовность помогать другим, что отличает его от полностью циничных персонажей.

Его смерть кажется случайной, но это лишь подчеркивает глубокое внутреннее противоречие Жилина и его уверенность в своей неуязвимости как торговца бензином. Он не верит, что может быть убит своими людьми. Этот трагический финал персонажа не только иллюстрирует судьбу Жилина, но и представляет скрытую критику бессмысленности чеченской войны. Роман показывает, что даже самые опытные военные не могут избежать смерти навсегда, а тело военного человека обречено на гибель. В отличие от живого организма, война как система не может умереть, потому что её сердце становится бессмертным, превращаясь в мифологическую фигуру [\[13, с. 128\]](#). Ирония конструкции метафоры военного тела в романе Маканина заключается именно в этом.

Заключение

Социально-исторический конфликт, как ключевой элемент литературы, часто становится основной темой произведений, исследующих взаимосвязь между личностью и обществом.

В романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» Маканин представляет общество через призму андеграунда – уникального культурного пространства, существовавшего автономно в оппозиции к официальному искусству. Главный герой, Петрович, олицетворяет эту маргинальную среду, сталкиваясь с постоянными внутренними и внешними конфликтами. Его положение на границе двух миров – подпольного и официального – подчеркивает его отчужденность и невозможность интеграции в общество. События, происходящие с Петровичем, отражают изменения в постсоветском обществе и влияют на его восприятие мира и самого себя.

В романе «Асан» Маканин обращается к эпохе послевоенного времени, раскрывая сложные взаимоотношения между личностью и государственной системой. Герой

произведения, Асан, представляет собой человека, ищущего свою идентичность и место в обществе, сталкивающегося с бюрократическими преградами и социальными несправедливостями. Его история отражает напряженность и противоречия, характерные для периода восстановления после войны, а также трудности адаптации к новым социальным условиям. Таким образом, герой Маканина оказывается перед сложной проблемой выбора в условиях «новой реальности», описанной Н.Л. Федченко [\[17, с. 81\]](#).

Тип героя в произведениях Владимира Маканина действительно представляет собой уникальное явление в литературе и литературоведении. Маканин создал галерею персонажей, каждый из которых являет собой определенный тип личности, отражающий особенности и проблематику своего времени. Герои Маканина часто оказываются на грани между реальностью и фантазией, между нормой и отклонением. Они борются с внутренними противоречиями, пытаются найти свое место в сложном и стремительно меняющемся мире. Важно отметить, что у Маканина нет строгих, однозначных героев. Его персонажи сложны и многогранны, что делает их живыми и настоящими.

Библиография

1. Агеносов В. В. Красота и повседневность в последнем романе В. Маканина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 4 (307). С. 15-21.
2. Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир. Интертекстуальная поэтика романа В. Маканина "Андеграунд, или Герой нашего времени" // Наука и Мир: Международный научный журнал. 2017. Т. 2. № 1 (41). С. 29-36.
3. Белоус Л. В. Особенности изображения войны в романе В. Маканина "Асан" // Наука. Образование. Проектная деятельность: Россия – XXI век: материалы III Общерос. науч.-практ. конф. Пенза, 2015. С. 32-38.
4. Бешукова Ф. Б., Шишхова Н. М. Морально-нравственная проблематика романа В. Маканина "Асан" // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2024. № 3 (342). С. 23-27. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-23-27 EDN: NGFKGH
5. Васильева А. Э. Изображение войны в романе В. С. Маканина "Асан" // Art Logos. 2021. № 3 (16). С. 46-54. DOI: 10.35231/25419803_2021_3_46 EDN: YULMBV
6. Гогина Л. П. Интертекстовость повествовательного метода В. Маканина // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: сб. науч. ст. / Отв. ред. В. В. Никульцева. М.: Моск. фин.-юрид. ун-т МФЮА, 2020. С. 94-101. EDN: WIQBPS
7. Гудзова Я. О. Герой и его имя в романе В. С. Маканина "Асан" // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 4. С. 549-555. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-4-549-555 EDN: UBMYPH
8. Кравченкова Е. А. Художественный мир В. С. Маканина: концепции и интерпретации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 273 с. EDN: NNXJZB
9. Лю Чжихуа, Маркина П. В. Творческая неудача или оригинальный жанр: о полемике вокруг романа "Асан" В. Маканина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2022. № 2 (115). С. 71-77.
10. Малькова А. В. Повторение ситуации убийства в романе В. Маканина "Андеграунд, или Герой нашего времени" // Филологический класс. 2017. № 1 (47). С. 72-83.
11. Маканин В. Асан. М.: Эксмо pocketbook, 2010. 478 с.
12. Маканин В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени. М.: Эксмо, 2010. 734 с.
13. Меер-Фраатц А. Военное тело в романе "Асан" Владимира Маканина // Вестник СПбГУ. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 3 (121). С. 120-129.

14. Середа И. А. Герой и социум в романах Владимира Маканина 1990–2000-х гг. // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2014. № 1. С. 23-27.
15. Степанян К. Кризис слова на пороге свободы // Знамя. 1999. № 8. С. 204-214.
16. Тульчинский Г. Л. Трансформация советского культурного кода человека: от героики к "озимому сознанию" (А. Гайдар и В. Маканин) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 160-167. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-160-167 EDN: JLICWD
17. Федченко Н. Л. "Новая реальность" в прозе Владимира Маканина и проблема выбора героя // Научный аспект. 2023. Т. 1. № 12. С. 80-89. EDN: WNNPWR
18. Шилина К. О. Поэтика романа В. Маканина "Андеграунд, или Герой нашего времени": Проблема героя: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2005. 150 с. EDN: NNOMNJ

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию социально-исторического конфликта в романах Владимира Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени» и «Асан». Предмет исследования достаточно актуален в силу важности изучения социально-исторического конфликта как литературоведческой категории, в частности его влияния на формирование и трансформацию личности и общества («хотя писатель [В. Маканин] обращался к различным временным периодам и контекстам, его произведения сходятся в отражении глубоких внутренних конфликтов и поиска личной идентичности в условиях изменяющейся реальности»). Выбор романов «Андеграунд, или герой нашего времени» и «Асан» обусловлен тем, что они «иллюстрируют глубокие изменения и конфликты, вызванные социально-историческими переменами, и показывают, как эти изменения влияют на индивидуальные судьбы и общество в целом».

Теоретической основой представленной работы обоснованно выступили работы, посвященные художественному миру и повествовательному методу Владимира Маканина, темам героя и социума в произведениях писателя, поэтике романов «Андеграунд, или герой нашего времени» и «Асан», трансформации советского культурного кода человека и др. Библиография насчитывает 18 источников, в том числе литературные; представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике предмета, содержательным требованиям. Однако не все источники находят отражение на страницах статьи, что противоречит правилам редакции по оформлению списка литературы: «В список литературы включаются только рецензируемые научные источники, которые упоминаются! в тексте статьи». Речь идет об источниках 5, 9, 15, 17. Также обзор литературы не следует сводить к перечислению источников: см «Многочисленные исследования российских литературоведов и критиков [1; 2; 8; 7; 16; 18] направлены на выявление общих черт и различий в представлении социально-исторического конфликта в произведениях В. Маканина,..».

Методология исследования определена спецификой предмета и объекта, целью и задачами работы: наряду с общенаучными методами анализа и синтеза, описательным методом с приёмами наблюдения и обобщения использованы методы дискурсивного и когнитивного анализа; литературоведческий и текстуальный анализы; сравнительно-сопоставительный анализ, направленный на сравнение и сопоставление способов отображения социально-исторического конфликта в двух произведениях с анализом сходств и различий, а также историко-культурный анализ, предусматривающий

исследование исторических и культурных контекстов, влияющих на развитие сюжетов и характеров героев.

В ходе исследования достигнута цель работы («выявить и проанализировать основные аспекты социально-исторического конфликта в романах «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан»). Установлено, что в романе «Андеграунд, или Герой нашего времени» Маканин «представляет общество через призму андеграунда – уникального культурного пространства, существовавшего автономно в оппозиции к официальному искусству», положение главного героя «на границе двух миров – подпольного и официального – подчеркивает его отчужденность и невозможность интеграции в общество»; в романе «Асан» писатель «помещает своих героев в контекст чеченской войны, что создает уникальные условия для исследования человеческой природы и социального взаимодействия». Важные наблюдения сделаны в отношении героев Маканина, которые «часто оказываются на грани между реальностью и фантазией, между нормой и отклонением», «борются с внутренними противоречиями, пытаются найти свое место в сложном и стремительно меняющемся мире».

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением социально-исторического конфликта как литературоведческой категории. Полученные результаты однозначно могут применяться в последующих научных изысканиях и в вузовских курсах по теории литературы; стилистике художественной речи; в спецкурсах, посвященных теме социально-исторического конфликта в литературе и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Социально-исторический конфликт в романах Владимира Маканина "Андеграунд, или Герой нашего времени" и "Асан"»

Статья посвящена анализу социально-исторического конфликта в двух ключевых романах Владимира Маканина – «Андеграунд, или Герой нашего времени» и «Асан». Автор стремится показать, как в произведениях писателя художественно осмыслены трансформации общества конца XX – начала XXI века, как они отражаются в судьбах героев и формируют их внутренний мир. Предмет исследования очерчен достаточно четко: это специфика взаимодействия личности и общества в условиях исторических потрясений, изображенных Маканиным.

Автор использует комплексный подход, что можно считать сильной стороной статьи. Применяются литературоведческий анализ, работа с критическими источниками, текстуальный и компаративный методы, а также историко-культурный контекстуальный анализ. Такой методологический арсенал обеспечивает многоплановый взгляд на проблематику, позволяя избежать односторонности. Однако иногда наблюдается избыточная детализация пересказа сюжета, что ослабляет аналитическую составляющую. Было бы полезно более активно соотносить наблюдения с существующими теориями (например, постмодернистского романа, концепций

маргинальности и т. д.), а также формулировать более обобщающие выводы.

Выбор темы представляется оправданным и своевременным. В российском литературоведении фигура Владимира Маканина давно вызывает интерес, однако сопоставительное исследование именно этих двух романов в аспекте социально-исторического конфликта имеет потенциал для развития научной дискуссии. В условиях, когда продолжается осмысление постсоветской реальности и военных конфликтов 1990–2000-х годов, обращение к прозе Маканина позволяет выявить культурные и ценностные сдвиги, значимые для понимания современности.

Статья обладает научной новизной за счет параллельного анализа двух произведений, принадлежащих к разным этапам творчества писателя. Автор выявляет сходства и различия в трактовке конфликта: «Андеграунд» отражает экзистенциальное состояние человека на фоне краха советского проекта, тогда как «Асан» осмысляет феномен войны и рыночных отношений как новой реальности.

Текст структурирован логично: введение, постановка цели, описание методов, проблематика, основное обсуждение, заключение. Последовательность выдержана, стиль преимущественно академический, хотя местами прослеживается перегруженность цитатами и излишне подробный сюжетный пересказ. Аргументация выстроена последовательно, но иногда автор ограничивается иллюстративной функцией примеров, не доводя их до уровня интерпретации. Желательно, в будущих работах, усилить аналитическую глубину и яснее формулировать собственную позицию.

Список источников впечатляет разнообразием: учтены как современные статьи (2020–2024), так и фундаментальные работы (диссертации, статьи 1990-х годов). Наличие ссылок на новейшие публикации повышает научный уровень статьи. Вместе с тем, библиография носит преимущественно описательный характер, и в тексте статьи отдельные авторы используются как справочный материал, а не как полноценные оппоненты.

В статье присутствуют отдельные упоминания полемики вокруг романа «Асан» и разные трактовки героя «Андеграунда», но их использование скорее информативное, нежели дискуссионное. Отсутствует четкая позиция автора относительно спорных интерпретаций: например, кем является Петрович – «лишним человеком», «экзистенциальным героем» или «маргиналом», и как это соотносится с более широкими литературоведческими дискуссиями. Более активное включение в полемику усилило бы критический вес работы.

В заключении подчеркивается многослойность маканинского художественного мира и сложность героев, балансирующих между личным и общественным. Итоги логично вытекают из анализа. Читательская аудитория статьи – литературоведы, аспиранты и студенты-филологи, интересующиеся постсоветской прозой. Для этой аудитории материал безусловно представляет интерес.

Статья обладает несомненной ценностью: хорошо структурирована, демонстрирует широкий охват материала, базируется на актуальных источниках. Полагаем, что данную статью можно рекомендовать к публикации без критических замечаний,

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан Х. Рецепция китайской поэтической традиции в творчестве Леонида Черкасского: культурная трансляция как путь к поэтическому синтезу // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75860 EDN: RHYDDN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75860

Рецепция китайской поэтической традиции в творчестве Леонида Черкасского: культурная трансляция как путь к поэтическому синтезу

Чжан Хуаньюй

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 37

✉ zhydwyx@outlook.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.75860

EDN:

RHYDDN

Дата направления статьи в редакцию:

12-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является рецепция китайской поэтической традиции в творчестве синолога и поэта-переводчика Л. Е. Черкасского (1925–2003). В центре анализа – его оригинальные произведения: сборник «Стихи о прекрасной даме и об одном господине» и мемуары «Я рядом с корнем души успокою». Исследуется процесс адаптации китайских художественных форм и образных систем в русскоязычном культурном пространстве. Особое внимание уделяется путям синтеза китайской жанровой поэтики – таких как «люйши» и «цзацзюй» – с русской лирической традицией, а также трансформации аллюзий к классическим китайским поэтам Тао Цяню, Лу Юю и Чжоу Дунью. Анализ направлен на выявление того, как китайские элементы через призму личного опыта и литературного мастерства Черкасского вступают в диалог с русской поэтической традицией, порождая их органичное художественное слияние. Таким образом, предметом выступает не просто влияние китайской культуры, а конкретный процесс ее претворения в русскую поэтику через творчество поэта-синолога, что делает его ключевой фигурой для изучения межкультурной рецепции в XX

веке. Метод анализа предполагает многоуровневое сопоставление творчества Черкасского с китайской поэзией: от освоения жанровых традиций до выявления трансформации образных систем в новых культурных контекстах. Новизна исследования определяется тем, что впервые творчество Л. Е. Черкасского рассматривается не как совокупность переводов, а как системная поэтическая практика, в которой китайские художественные формы и образные системы становятся основой для возникновения новых эстетических кодов в русской литературе. До настоящего времени его оригинальные произведения не изучались как единый проект культурной медиации, а роль поэта-переводчика как активного создателя межкультурной синтезированной поэтики оставалась нераскрытой. Установлено, что адаптация китайских элементов осуществляется не через поверхностное заимствование, а через глубокую переработку жанровых структур («люйши», «цзацзюй») и трансформацию аллюзий к Тао Цяню, Лу Юю и Чжоу Дуньи, что превращает их из экзотических отсылок в органичные компоненты русской лирики. Выводы подтверждают, что Черкасский выступает не как пассивный посредник, а как самообытный автор, формирующий уникальную синтетическую традицию.

Ключевые слова:

Л. Е. Черкасский, рецепция китайской поэзии, русско-китайские литературные связи, поэт-переводчик, люйши, цзацзюй, поэтический синтез, межкультурный диалог, трансформация аллюзий, художественное слияние

В 1960-е–1980-е гг. одним из очень немногих переводчиков современной китайской поэзии был Леонид Евсеевич Черкасский (1925-2003), крупный ученый-синолог, доктор филологических наук. Он автор основополагающих трудов в этой области: двухтомной монографии «Новая китайская поэзия (20-30-е гг.)» (1972), а также систематизирующего исследования «Китайская поэзия военных лет (1937-1949)» (1980), в котором подробно рассматриваются связи между китайской поэзией этого периода и мировой поэзией, особенно -советской поэзией. В книге «Маяковский в Китае» (1976) Черкасский не только проследил пути воздействия Маяковского на творчество Ай Цина, Ху Фана, Янь Чэнью, Гэ Би-чжоу, Ли Ина, Цзоу Ди-фанью, Ли Цзи, но интерпретировал китайскую тему в современной русской поэзии – у Михаила Светлова, Иосифа Уткина, Николая Асеева и самого Владимира Маяковского. В монографии «Русская литература на Востоке» (1987) ученый сопоставил два вида национальной адаптации форм в процессе литературной рецепции: прямую национальную адаптацию и национальную адаптацию-заимствование. В первом случае делается попытка сочетать чужую форму с существующими традициями, во втором – использовать чужую форму как таковую и внедрить ее в свою литературу.

В предисловии к сборнику «Чудное мгновенье – антология стихотворений Пушкина», изданному в Китае в 2014 году, профессор В. В. Агеносов высказал мнение о том, что «переводчик поэзии сам должен быть поэтом» [\[1\]](#). Л. Е. Черкасский как нельзя лучше подходил под это определение. Он не только глубоко изучил китайскую поэзию XX века и перевел многие ее лучшие образцы, но и сам был поэтом и оставил после себя незаурядное стихотворное наследие.

Этот авторитетный синолог выбрал для себя китайский псевдоним, фонетически похожий на его русское имя, – Че Лянь-и (车连义). Иероглиф «че» обычно означает «транспортное средство», а в определенном контексте может символизировать «движение». Иероглиф «лянь» означает «связь» или «соединение», он может выражать идеи единства и связи. Иероглиф «и» чаще всего означает «нравственность» или «справедливость»,

символизирует верность и честность. Таким образом, китайский псевдоним поэта-ученого передает его стремление к утверждению высоких этических норм, к синтезу культурных традиций.

В 1992 году Черкасский переехал в Израиль. В Иерусалиме он был принят на работу в Еврейский университет, где преподавал историю китайской поэзии. Под воздействием древнекитайской поэтической традиции вступать в диалог, называвшийся «хэши» (писать друг другу стихотворения на одни и те же рифмы), он в 1996 году совместно с поэтессой и переводчицей Лориной Дымовой выпустил сборник стихов-диалогов «Стихи о прекрасной даме и об одном господине», где в шуточной форме излагались вполне серьезные «соображения представителей противоположного пола по разным поводам» [2]. Умонастроение «одного господина» (alter ego Черкасского) не могло миновать любимый Восток. Стихотворение «Вздор» высмеивает человека, который из всех сил пытается казаться умным и образованным: *«Один Господин / недолюбливал танцы, / зато он себя / записал в вольтерьянцы. / В гостях он впивался/ почище занозы / в несчастную жертву / строкой из Спинозы. / Бубнил на природе / испуганной даме / о дырах озоновых / и Делай-ламе»*. Черкасский высмеивает претенциозность персонажа через смешение знаменитых имен и понятий, таких, как «вольтерьянец», Спиноза и Делай-лама. Упоминание «Делай-ламы» (вероятно, Далай-ламы) - отсылка к тибетскому буддизму. В сочетании с «вольтерьянцем» и Спинозой это образует комический эффект. В стихотворении «Кому жить хорошо?» рассказывается, как герой цикла, *«Расставшись на время / с заботливой мамой, / встречается в Индии / с Вишну и Рамой. / И курят ему / благовония / во храме / Китай и Япония»*. Здесь Восток – это место, куда отправляется богатый турист, персонаж стихотворения. Китай, Япония, Индия - эти страны становятся фоном для его путешествий, которые описываются с нотками романтизации и эскапизма.

Как вспоминает Дымова, ее соавтор Черкасский «терпеть не мог, когда неспециалист принимался рассуждать на китайские темы и всуе произносил слово Китай». Поэтому однажды он настойчиво попросил Дымову изменить ее строку «Прекрасной даме в Китае мешают китайцы», чего, впрочем, она не сделала [3].

В 2001 году Черкасский опубликовал мемуары под названием «Я рядом с корнем души успокою». Это строчка из стихотворения Цао Чжи, чье творчество стало темой кандидатской диссертации Черкасского. Названия всех глав он также взял из китайской поэзии, которой посвятил свою жизнь: «Посажена на цепь душа моя» - из Ван Тунчжао, «А у пчёл медоносящих все отобраны сады» - из Цзоу Дифаня, «Много ветра, ох, как много ветра?», «От грусти все больше в моих волосах седины», «Но блюдет чистоту совершенной души человек», «Я был ученым в северной стране» и «И синие мухи чернят белизну» - из Цао Чжи, «Друзей немало у меня в столицах» - из Ду Фу, «Я расколол нефритовый сосуд» - из Сюй Чжимо. Свои воспоминания о выдающихся востоковедах советского периода, вошедшие в книгу, автор сопровождал стихотворениями, которые он посвящал им [4].

В 1976 году Черкасский, используя жанр юаньской музыкальной драмы «цзацзюй» и взяв за образец «Западный флигель» Ван Шифу, написал юмористическую пьесу «Как Цуй Ин-ин влюбилась в Льва Николаевича Меньшикова» [5, с.115]. Пьеса была приурочена к юбилею известного востоковеда-китаиста Льва Николаевича Меньшикова (1926-2005). Сюжет не только соединяет многие века, но и преодолевает национальные границы, создавая романтическую связь между красавицей Цуй Ин-ин эпохи Тан и советским ученым.

Главная героиня «Западного флигеля» - Цуй Ин-ин, дочь бывшего премьер-министра. Вместе с матерью госпожой Чжэн и служанкой Хун-нян она остановилась в храме Пудзю. Школяр Чжан Гун, отправившийся в столицу для сдачи императорских экзаменов, ненароком увидел Ин-ин и с первого взгляда влюбился в нее. Бандит Сунь Фэйху, прослышавший о необыкновенной красоте Ин-ин, повел в храм Пудзю отряд из пяти тысяч человек, чтобы похитить её и принудить выйти за него замуж. Мать объявила, что любой человек, остановивший бандита, сможет жениться на Ин-ин. Это с помощью своего друга генерала Ду Цюэ удастся сделать Чжан Гуну. Однако госпожа Чжэн не выполнила своего обещания. Переполненный тоской по Ин-ин, Чжан Гун заболевает, но его спасает служанка, устроившая тайную встречу с любимой. Молодые люди клянутся в верности друг другу. В конечном итоге госпожа Чжэн была вынуждена принять их союз при условии, что Чжан Гун сначала сдаст экзамены и получит соответствующее звание. В начале 1950-х годов эту пьесу под названием «Пролитая чаша» с успехом поставил московский Театр Сатиры [6].

В пьесе Черкасского юбилар «пленил красавицу без всякого труда». За два дня до свадьбы Цуй Ин-ин собирается разорвать отношения с Чжан Гуном, желая выйти замуж только за Льва Николаевича. Она откровенно делится с служанкой своими чувствами к Меньшикову:

Когда он в пьесе Ван Шифу

Лишь перевел одну строку,

Я сразу, сразу поняла,

Что я желанна и мила.

Какие перлы находил,

Когда меня переводил,

Как целомудрие блюдя,

И обнаженность обходя,

Он рисовал мой стройный стан...

А когда служанка напоминает, что Меньшиков женат, Ин-ин оправдывает его: «Но в этом он не виноват», - и продолжает восхищаться:

А как мой Меньшиков речист!

Он может целый божий день

Вести беседу про бяньвэнь,

А если нужно, то и три,

А как богат он изнутри...

Но госпожа Чжэн, узнав о любви дочери к Льву, констатирует, что брак невозможен: «Не потому, что Лева плох, - несоответствие эпох». Ин-ин умирает от любви. Пьеса завершается хором:

Потянулась сквозь века и тлен руин

К Лева Меньшикову юная Ин-ин...

Слушайте, потомки, глас народа:

Чудеса творит искусство перевода!

В своем произведении Черкасский объединил формы традиционной китайской культуры с российским культурным контекстом, создав выразительный образ ученого-переводчика (чьи переводы китайской классической поэзии и традиционной драмы названы «перлами»), исследователя буддийских сказаний, упомянутых в пьесе как «бяньвэнь». В пьесе звучит характерное буддийское пожелание благополучия, а также представлены типичные китайские детали: лotosовый пруд, головные шпильки, нефрит и др. Принадлежность Цуй Ин-ин и Меньшикова к разным эпохам становится метафорой культурной долговечности, поскольку культура через перевод и литературу преодолевает время и сохраняет свою свежесть.

В пьесе мы наблюдаем необычный пример межкультурной игры жанров, где автор средствами русской образности создает комическую ситуацию, основанную на классической китайской драматургии «цзацзюй». Здесь не только пародия, но и размышление о процессах перевода, культурного взаимодействия и роли переводчика как посредника между различными традициями. Автор использует структуру и элементы китайской драмы, включая характерные для «Западного флигеля» черты: чередование прозы и песен, типичные для «цзацзюй» ситуативные конфликты (например, запрещенная любовь), а также такие традиционные образы. Органично выглядит фигура Льва Николаевича Меньшикова, переводчика «Западного флигеля» и известного исследователя «бяньвэнь» – литературных текстов, восходящих к буддийским сутрам, но адаптированных для массовой аудитории. Черкасский апеллирует к классическим буддийским образам: «Амитофо» – это имя Будды Безграничного Света, главного божества буддийской школы «Чистой земли». Ее адепты часто произносят это имя как молитву или обращение за помощью. Вот и служанка Хун-нян, видя страдания своей хозяйки Ин-ин, восклицает: *«Амитофо, опять, бедняжка, / О нем ты думала во сне»*. Это попытка обратиться к высшей силе за помощью или хотя бы выразить сочувствие к состоянию госпожи. Ин-ин просит Хун-нян воскурить благовония, что является типичным буддийским ритуалом, направленным на очищение пространства и установление связи с высшими силами: *«Зажги куренье, добрый знак, / И дай монахам серебра, / И пусть они восславят ВАК, / Обитель славы и добра»*.

Основной темой пьесы является роль переводчика как человека, который не только транслирует текст из одной культуры в другую, но и сам становится его духовной частью. Главная героиня Ин-ин влюбляется в Меньшикова именно благодаря его прекрасным переводам с китайского. Она восхищается его способностью находить «перлы» в тексте: *«Какие перлы находил, / Когда меня переводил»*.

Все песни персонажей у Черкасского сохраняют ритмическую структуру, характерную для китайской поэзии, и при этом содержат шуточные и актуальные русские ремарки. Принадлежность Цуй Ин-ин и Меньшикова к разным эпохам становится метафорой культурной долговечности.

Известный переводчик с русского, профессор Нанькайского университета Гу Юй так отозвался о пьесе Черкасского: «Хотя сюжет на первый взгляд кажется абсурдным, язык произведения изящен, а песни гармоничны, что свидетельствует о глубоком понимании “Западного флигеля” и мастерской интерпретации китайской образности» [\[7\]](#).

Кроме названной комической пьесы в стиле «цзацзюй» Черкасский написал множество шуточных стихотворений в традиционной поэтической форме «люйши», посвященных известным советским синологам, в том числе Л. Н. Меньшикову [\[5, с.110\]](#) и Л. З. Эйдлину [\[5, с.62\]](#). В послании Евгению Александровичу Серебрякову, который изучал творчество Лу Ю, известного поэта времен Сунской династии (XII в.), оживает образ классика:

В поэтическом строю

В Ленинград пришел Лу Ю.

Да, пришел поэт Лу Ю

В ЛГУ к Евгению.

"Изучи строку мою,

Жизнь мою, судьбу мою,

Вникни в то, о чем пою,

Ничего не утаю".

Так доверился Лу Ю

И не зря Евгению.

Основные характеристики жанра «люйши» включают ритмическую регулярность, при которой все строки имеют одинаковое число иероглифов, тональную параллельность, предполагающую строгий порядок чередования тональных групп, а также симметрию и антитезу, где четные строки часто образуют пары, дополняющие или противопоставленные друг другу. Хотя русский язык не обладает системой тонов, Черкасскому в его оригинальных произведениях удавалось сохранять сочетание симметрии и параллелизма, что делало их особенно близкими к стилю «люйши». Кроме того, у Черкасского рифмуются все строки (в «люйши» достаточно было бы рифмовать только четные), и длина строк относительно одинакова.

В послании Серебрякову образ классического китайского поэта предстает как метафора культурного моста между прошлым и настоящим, а также между Китаем и Россией. Он оказывается живым участником современного академического процесса: приходит в Ленинградский государственный университет (ЛГУ), чтобы встретиться со своим советским исследователем и переводчиком. Важна и тема преемственности. Лу Ю, живший в XII веке, обращается к современному ученому через века, создавая ощущение непрерывности культурного взаимодействия. Этот момент особенно важен для характеристики роли переводчиков и исследователей: они способны соединять прошлое с настоящим, позволяя современным читателям слышать голоса давно ушедших эпох. Финал о доверии («Так доверился Лу Ю и не зря Евгению»), несмотря на свою шутовскую, знаменателен. Ученый и переводчик Серебряков удостоился внимания поэта-классика благодаря большому труду и преданности делу.

К восьмидесятилетию своего учителя Ду Исиня, под руководством которого Черкасский овладевал литературным языком вэньян («слабое звено подготовке китаистов», по замечанию самого Черкасского), он «сочинил строфы, добиваясь максимальной их приближенности по форме и композиции к стихам на вэньяне» [\[5, с.50\]](#).

Как писал Тао Цянь:

"Сединою покрылись виски".

Но Учителю Ду

Не до тихой хандры и тоски.

Два по сорок ему.

И шумят юбилейные речи.

Долголетья желают

Благодарные ученики.

II

В темных дебрях вэньня,

Спотыкаясь, один бреду.

В темных дебрях вэньня

Я один совсем пропаду.

Но приходит спасенье,

И слова обретают смысл,

Прояснитель смысла –

Наш почтенный учитель Ду.

Важным образом стихотворения являются «темные дебри вэньня». Этот классический литературный язык символизирует труднодоступную глубокую мудрость. Метафора «темных дебрей» показывает трудности, с которыми сталкивается молодой китаист. Учитель Ду Исинь выступает как проводник, который помогает прояснить смысл текста и выводит ученика из «дебрей» непонимания. Этот образ подчеркивает выдающуюся роль учителя в китайской традиции, согласно которой он не только передает знание, но и является духовным наставником. Характерной особенностью стихотворений вэньня является внимание к классическим аллюзиям. Вначале Черкасский цитирует Тао Цяня, однако, в отличие от классика, который часто писал о старости и уединении, учитель Ду Исинь изображен как активный и вдохновляющий молодежь наставник. Жанровая форма и композиция стихотворения также свидетельствуют о влиянии китайской поэзии. Черкасский использует короткие строки, прибегает к параллелизмам, например, повторяя ключевой образ «В темных дебрях вэньня». Этот ритмический и смысловой повтор характерен для китайской поэтической традиции. Стихотворение является не только данью благодарности учителю, но и выражением глубокой любви к китайской культуре, к её литературным традициям.

В честь профессора Татьяны Григорьевны Петровой, автора философского труда «Дао и логос (встреча культур)», построенного на сопоставлении мировоззрения древних китайцев и древних греков, Черкасский сочинил шестистишие-сновидение:

И снится чудный сон Татьяне, / Как будто женщина в нирване / Проснулась, в ужасе

глядит: / Нет никакой тебе нирваны, / Зато прохладно плещут ванны / Пеннорожденных Афродит.

И снится чудный сон Татьяне, / Как будто дева в состоянье / Постичь дзюн-гяку тайный код. / Но тут опять звонит будильник, / Вступает в дело холодильник, / И лижет хвост соседский кот.

И снится чудный сон Татьяне, / Даосы снятся, христиане / И хокку в метр величиной; / И спящей кажется Татьяне, / Что, как ни тяжек путь познания, / Ей был бы горек путь иной [5, с.56].

В этом легком и шутовском стихотворении скрыт большой смысл. Упоминание о даосах связано с одним из основных направлений китайской философии – даосизмом. Присутствие даосов в сне Татьяны указывает на ее тяготение к китайской мудрости. Нирвана является важным элементом восточных культур, особенно в контексте буддизма. Образ внезапно проснувшейся женщины в нирване иллюстрирует духовные терзания и стремление к высшему пониманию, что характерно для восточных религий и философий.

Экзотически звучащий код «дзюн-гяку» (принцип движения туда-обратно, лежащий в основе традиционных представлений китайцев и японцев о типе всеобщего развития) символизирует жизненную тайну, которая должна быть разгадана и осознана. В то же время «пеннорожденные Афродиты» отсылают к древнегреческой мифологии, где Афродита, богиня любви и красоты, олицетворяла чувственные удовольствия. Этот образ противопоставляется нирване – состоянию духовного освобождения и просветления в буддизме, что подчеркивает контраст между греческой акцентуацией на земных наслаждениях и восточной философской традицией, уходящей от мирских забот. «Тяжесть пути познания» отсылает к таким греческим философам, как Сократ и Аристотель, которые шли к познанию человеческой природы через рациональное мышление и диалог. Это перекликается с рассуждениями автора «Дао и логоса» о различиях в путях познания, которые продемонстрировали Древняя Греция и Древний Китай.

В XI веке Чжоу Дуньи написал эссе «О любви к лотосу», ставшее знаменитым и любимым в Китае. Не будем преувеличением утверждать, что и сейчас почти каждый китаец помнит его наизусть.

«Хризантема среди цветов – то отшельник, мир презревший. А пион среди цветов – то богач, вельможа знатный. Лотос – он среди цветов – рыцарь чести, благородный человек». Далее писатель объясняет, почему он любит лотос: «А я так люблю один только лотос – за то, что из грязи выходит, но ею отнюдь не замаран, и, чистой рябью омытый, капризных причуд он не знает. Сквозной внутри, снаружи прям... Не расплзается и не ветвится. И запах от него чем далее, тем чище...» (пер. В. М. Алексеева).

Эти образы можно различить в стихотворении Черкасского, написанном в жанре «люйши» и посвященном старому поэту Анатолию Алексеевичу Кудрейко (тому самому, которого несправедливо задел Маяковский во вступлении к поэме «Во весь голос»):

За красоту и запах

Многие любят розу.

Многие – хризантему,

За то, что стойка к морозам.

Многие любят лотос

За то, что в воде белея,

Рос по соседству с тиной,

И не замаран ею [\[5, с.188\]](#).

Здесь, как и у Чжоу Дуньи, выделены образы трех цветков, каждый из которых символизирует определенную добродетель. Есть отличие: в древнем эссе хризантема – «отшельник, мир презревший», в современном стихотворении она обладает твердым характером – «стойка к морозам». Но примечательно, что образцом высшей добродетели в обоих случаях является лотос. И так не только у Чжоу Дуньи и его современного интерпретатора Черкасского. Глубоко укоренившиеся в китайской культуре представления о лотосе как символе чистоты и целомудрия оказали влияние на мировую литературу, включая русскую.

В своем творчестве Л. Е. Черкасский не только мастерски адаптировал традиционные китайские литературные формы («цзацзюй», «люйши»), но и органично вплел в русскоязычный контекст китайские образности и культурные аллюзии, восходящие к творчеству Ван Шифу, Тао Цяня, Лу Ю и Чжоу Дуньи. Это позволило ему создать уникальный синтез двух литературных традиций, где формальное заимствование стало основой для содержательного диалога культур. Результаты исследования могут быть интересны для исследований истории русско-китайских литературных связей и сравнительной поэтики, углубляя понимание роли поэтов-переводчиков как проводников межкультурного диалога.

.

Библиография

1. 阿格诺索夫·弗拉基米尔. 诗歌俄罗斯丛书总序 // 美妙的瞬间. 谷羽译. 广西师范大学出版社, 2014. (Агеносов В.В. Предисловие // Чудное мгновенье, перевод Гу Юй, Издательство Гуансиского педагогического университета, 2014).
2. Дубнова Е. Востоковеды – репатрианты из России в Израиле. Available at: <http://madan.org.il/ru/groups/yubileynaya-konferenciya-nauchno-issledovatel'skogo-centra-evrei-rossii-v-zarubezhe-i-izraile>
3. Дымова Л. Об Одном Господине... (Памяти Леонида Черкасского). Available at: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=12625>
4. 刘志强, 商博飞. 《愿与根菱连》一书中切尔卡斯基与中国诗人的隔空对话. 江苏科技大学学报(社会科学版), 2022. №22(03): 49-55. (Лю Чжицян, Шан Бофэй. Диалог через пространство между Черкасским и китайскими поэтами в книге "Я рядом с корнем души успокою" // Журнал Цзянсуского технологического университета (серия социальных наук), 2022. №22(03). С. 49-55).
5. Черкасский Л.Е. Я рядом с корнем души успокою: Монологи востоковеда. Иерусалим: Скопус, 2001.
6. Театр Сатиры-Ван Ши Фу-Пролитая чаша. Available at: <http://theatrologia.su/audio/1437>
7. 谷羽. 诗歌翻译家的幽默. 中华读书报, 北京, 2012年6月6日, 第18版. (Гу Юй. Юмор переводчика поэзии // Китайское чтение, Пекин, 2012. 6 июня. № 18).
8. Дымова Л.Е., Черкасский Л.Е. Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине.

Иерусалим, 1996.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гао Ц. Полифония как форма репрезентации женской памяти о войне в документально-художественной прозе С. Алексиевич: на примере романа «У войны не женское лицо» // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75877 EDN: RGJXIS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75877

Полифония как форма репрезентации женской памяти о войне в документально-художественной прозе С. Алексиевич: на примере романа «У войны не женское лицо»

Гао Цзысянь

соискатель; кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса; МГУ

119415, Россия, г. Москва, ул. Кравченко, 7

✉ Gaozixian@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75877

EDN:

RGJXIS

Дата направления статьи в редакцию:

14-09-2025

Аннотация: В статье предлагается особый взгляд на структурообразующую полифонию романа Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». Изучив научные труды в этой области, мы пришли к выводу, что в современном литературоведении сложилось два основных вектора исследования феномена многоголосья как ключевого композиционного принципа в творчестве Алексиевич. Первый связан с традицией, заложенной «первооткрывателями» жанра «романа голосов» в белорусской прозе – А. Адамовичем, В. Колесником, Я. Брылем. Творческий метод этих писателей основывается на магнитофонных записях устных свидетельств, сведенных в документально-художественную канву подобно монтажной киноленте. Второй вектор базируется на признании самобытности новаторских решений Алексиевич. В рамках этого вектора исследователи фокусируют свое внимание на полифонии как средстве репрезентации коллективной памяти, воссозданной в цикличной культурно-обусловленной форме. В исследовании задействованы четыре подхода: психологический (анализ памяти и её

фрагментарной природы), нарратологический (осмысление многоголосой структуры монологических фрагментов), травматологический (интерпретация женских свидетельств как проявления коллективной травмы) и гендерный (выявление специфики женского нарратива, противопоставленного маскулинной военной прозе). В работе доказывается, что человеческие воспоминания отличает фрагментарность, асинхронность и неоднородность. Но при этом совокупность разрозненных воспоминаний образует целостную структуру индивидуального и коллективного прошлого. Аналогичная закономерность обнаруживается и в композиционной организации романа, в котором мозаичная полифония соотносится с внутренними механизмами работы памяти в ее динамичной и нелинейной природе. Кроме того, мы предлагаем подробнее исследовать женский голос, долгое время остававшийся маргинализированным элементом в национально-культурной памяти о войне. Возвращая женщинам право голоса, Алексиевич не только расширяет границы документально-художественной репрезентации полифонической структуры, но и трансформирует само понимание исторического опыта и человеческого факта. В данной работе анализируется полифоническая структура как инструмент конструирования женской памяти. Актуализируемая в исследовании перспектива анализа полифонии романа открывает новые возможности для осмысления его жанровой природы, гармонично синтезирующей художественное и документальное начало.

Ключевые слова:

Светлана Алексиевич, полифония, документально-художественная проза, произведения о войне, женский голос, устный документ, нон-фикшн, Великая Отечественная война, женские воспоминания, феномен памяти

Введение

Роман Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» в полной мере можно отнести к категории документальной прозы – то есть к тексту, для которого «основополагающим является фактический материал (свидетельства, документы, интервью, дневники)» [\[16, с. 493\]](#). Формат исследуемого романа являет собой собрание устных свидетельств женщин – участниц Великой Отечественной войны, что соотносится с пониманием документальной литературы как формы текста, основанного на «точном и реалистичном изображении событий» [\[11, с. 38\]](#).

Подобный подход к изучению романа Алексиевич с позиций канонического соответствия документальной прозе опирается на широко распространенную в литературоведении оппозицию «художественная – нехудожественная литература». Так, согласно Ю.М. Лотману, художественный текст отличает «способность реализовывать эстетическую функцию в пределах данной культуры» [\[10, с. 20\]](#), а также особый способ построения и наличие многократного шифрования со стороны автора [\[10, с. 20\]](#). Следовательно, документальная литература, будучи противопоставленной художественной, характеризуется отсутствием доминирующей эстетической функции, прямолинейной организацией текста и стремлением к прозрачности авторской позиции. В произведениях, относящихся к категории документальной прозы «актуализируется роль факта не только как элемента сюжетообразующего, но и влияющего на структуру самого текста» [\[6, с. 48\]](#). Иначе говоря, тексты документальной прозы не только формируются на

реальной содержательной основе, но и имеют специфические композиционные и стилевые элементы, отличающие их от художественной литературы.

При этом, в отличие от классических образцов документального повествования (к которым, по мнению большинства современных исследователей, относятся тексты, написанные в каноничной стилистике, заложенной Труменом Капоте в романе «Хладнокровное убийство» [\[25, с. 104\]](#)), в произведении Алексиевич имеется множество структурно-содержательных элементов, сближающих роман с образцами художественной литературы. Так, в тексте «У войны не женское лицо» обнаруживаются все ключевые элементы романного жанра, описанные М.М. Бахтиным: смысловое деление на главы, художественно вычерченный образ автора, особый хронотоп, стилистическая трехмерность и т.д. [\[4, с. 250-255\]](#).

Подобно текстам художественной литературы, роман Алексиевич обнаруживает «многократное шифрование со стороны автора» (термин Ю.М. Лотмана), что предполагает наличие завуалированной авторской позиции. Несмотря на практически осязаемое авторское присутствие, в исследуемом произведении отсутствует прямая критика описываемых событий. На наш взгляд, идейная задумка автора, которую можно выразить словами самой писательницы *«написать бы такую книгу о войне, чтобы от войны тошнило, и сама мысль о ней была бы противна»* [\[3, с. 17\]](#), напрямую влияет и на то, что авторское присутствие в тексте не отражается в форме прямых оценочных суждений. Оно проявляется в более сложной и многоуровневой структуре: с одной стороны, через открытое обращение к читателю и комментарии о процессе создания книги, с другой – через «растворение» в голосах героинь, где незримо прослеживается авторская интенция. Подобная форма присутствия сближает роман Алексиевич с художественной литературой, поскольку авторский голос здесь не ограничивается функцией документатора, а становится полифоническим элементом повествования.

Именно в этой точке пересечения документального и художественного измерений обнаруживается ключ к пониманию поэтики произведения. Амбивалентность, проявляющаяся в сочетании документального и художественного начал, предопределила и специфическую форму репрезентации основного композиционного приема, который можно охарактеризовать как *полифонию голосов*. Концепт полифонии традиционно используется для характеристики художественных текстов, в которых множественность голосов и перспектив формируют особую смысловую структуру (в таком понимании термин «полифония» прочно ассоциируется с трудами М.М. Бахтина). Однако это понятие успешно применяется и к документально-художественным текстам – в частности, к изучению белорусской военной прозы, к которой относится творчество Светланы Алексиевич.

Современные исследователи отмечают, что полифония как понятие уже вышла за рамки первоначальных бахтинских идей и используется не только в анализе классического художественного романа, но и в контексте драматических произведений, а также текстов нон-фикшн, эссеистики, журналистики, военных мемуаров и интервью [\[12\]](#). Так, анализ литературоведов показывает, что полифонические структуры проявляются там, где разные голоса свидетелей, участников или наблюдателей становятся равноправными элементами текста, создают динамику смысла, в которой нет однозначной авторской оценки, но присутствует множественность точек зрения и напряжение между ними [\[20\]](#).

Исследуя существующие в настоящее время работы, посвященные анализу произведений Алексиевич, мы выявили, что полифония как структурообразующее

явление романа исследуется авторами в двух направлениях. Первое представляет собой наследие традиции, заложенной белорусскими авторами, использовавшими магнитофонный способ записи устных свидетельств. Речь идет о творчестве Алеся Адамовича, Янка Брыля, Владимира Колесника [2], которые создавали документальные сборники воспоминаний о войне, названные впоследствии книгами народной памяти. Сама писательница отмечала, что при создании многоголосых свидетельских рассказов, она опиралась на уже имеющийся в белорусской литературе опыт: «Однажды попала в руки книга «Я – из огненной деревни» А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника. Такое потрясение испытала лишь однажды, читая Достоевского. А тут – необычная форма: роман собран из голосов самой жизни» [3, с. 9].

Для понимания функционального пласта полифонии в прозе Алексиевич важно обратиться к истокам её творческого метода. Перед писательницей стояла задача объединить сотни отдельных голосов в целостный текст, создав единую сюжетную линию из отдельных свидетельств: *«Голоса... Десятки голосов... Они обрушились на меня, открывая непривычную правду, и она, эта правда, уже не вмещалась в короткую и знакомую с детства формулу – мы победили»* [3, с. 52]. Первую попытку многоголосого произведения Алексиевич предприняла ещё в 1975 году, за восемь лет до выхода «У войны не женское лицо». Тогда был создан сборник «Я уехал из деревни», представляющий собой собрание монологов жителей белорусской деревни. Принципы и архитектура этой работы, включая название, полностью опирались на роман «Я из огненной деревни» Адамовича. Впоследствии роман «У войны не женское лицо» получил более самостоятельную и оригинальную структуру, демонстрируя зрелое использование приема многоголосья.

Рассмотрение истоков метода Алексиевич открывает первое направление исследования полифонии её романа – через призму белорусской традиции военной прозы, где многоголосие становилось ключевым приёмом построения композиции. В контексте белорусской традиции полифония романа «У войны не женское лицо» рассматривается в работах О.Н. Губской [6], Й. Линдбланд, исследовавших смысловые и эстетические аспекты устных свидетельств как нарративной формы многоголосого повествования [23].

Второе направление связано с признанием специфической формы полифонии романа как самобытного явления, функционирующего в контексте уникального творческого метода Светланы Алексиевич. С этих позиций роман исследуется, например, в работе К. Гурска, которая изучает особенности циклизации композиционных фрагментов и голосов [7], или в работе Х. Ленарт-Ченг, исследовавшей полифонию как способ передачи социальной памяти войны [22]. Существует широкий пласт зарубежных исследований, в которых высоко оценивается творческая позиция автора, проявляющаяся в «бескомпромиссном поиске истины» [15, с. 407].

Но на наш взгляд, такие подходы не позволяют в полной мере оценить уникальность структурного построения романа, так как они не учитывают психических аспектов функционирования самой памяти как фундаментальной познавательной способности человека. Дополнив существующие в настоящее время исследования ретроспективного анализа, связанного с соотношением композиции текста с фрагментарным характером человеческой памяти, а также уточнив специфику именно женского взгляда на войну, мы сможем качественно расширить представления о многоголосой канве романа. Поэтому мы предлагаем рассматривать не полифонию в её общем понимании, а обозначить объект исследования более точно: как принцип композиции романа и как

способ передачи женской памяти о войне. Такой подход позволяет не только чётко очертить границы предмета анализа, но и проследить, каким образом множественность голосов формирует структурную и смысловую целостность текста.

Научная новизна данной работы заключается в том, что полифония в романе Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» осмысливается не только как художественный приём, но и как способ фиксации и репрезентации женской памяти о войне. В исследовании установлена связь полифонической структуры с белорусской устной традицией, что позволяет рассматривать роман в контексте национально-специфической модели документальной прозы.

Говоря о методологии, применяемой к анализу источников для данного исследования, можно охарактеризовать подход как комплексный. В статье с позиций психологического метода рассматривается фрагментарность человеческой памяти как ключевого механизма формирования личного и коллективного опыта. Использование травматологического метода дало возможность интерпретировать прерывистость и дискретность женских рассказов как проявление коллективной травмы. Применение инструментов нарратологии позволило анализировать отдельные монологи с учетом языковых, стилистических и ритмических особенностей, раскрывающих индивидуальные черты и личностные особенности рассказчиц. Возможности гендерного подхода к анализу полифонической структуры романа раскрыли новые векторы исследования женского свидетельства, отличающегося от маскулинной военной прозы, в первую очередь, ярко выраженным акцентом на эмоциональных деталях.

Структура статьи разделена на две части: первая - представляет собой последовательное изучение особенностей репрезентации человеческой памяти, которая в силу специфики своей структуры предопределила фрагментарность и мозаичность построения полифонии романа без потери смысловой цельности; вторая часть посвящена анализу многоголосой специфики женских воспоминаний в контексте коллективного травматического опыта и с учетом национальных особенностей белорусской традиции устного свидетельства.

Человеческая память как инструмент фрагментарной структуры полифонического романа

Светлана Алексиевич переосмысливает документальные принципы репрезентации народной памяти, обращаясь к неоднородной и многомерной сущности самого феномена памяти. Говоря о природе воспоминаний, рождающихся в человеческой памяти, писательница отмечает, что «прежде всего это – творчество. Рассказывая, люди творят, “пишут” свою жизнь. Бывает, что и “дописывают” и “переписывают”» [\[3, с. 13\]](#). В контексте полифонической структуры романа эта мысль подчёркивает неоднородность воспоминаний: различные голоса героинь не только фиксируют события, но и реконструируют опыт, формируя многомерную композицию, где каждая перспектива взаимодополняет и переосмысляет другие.

Выстраивая композиционный пласт своего романа, Алексиевич сделала отсылку к принципиальной избирательности человеческой памяти. Наши воспоминания хранятся не как цельные и фиксированные картины, а как разрозненные элементы прошедшей жизни, причем, что отмечают многие исследователи, воспоминания подвержены значительным искажениям и реконструкциям [\[21\]](#) в зависимости от контекста, эмоционального состояния, социального окружения и индивидуальных особенностей самого человека [\[24, с. 38-39\]](#). Воспоминания могут меняться под воздействием новых

интерпретаций уже прошедших событий, причем каждый эпизод весьма уязвим к изменениям и травмирующему опыту конкретного человека [\[18, с. 422\]](#). И именно в своей вариативной субъективности воспоминания и представляют документальную ценность.

Эта особенность обуславливает и тот факт, что звучащие хором голоса в романе воспроизводят не цельные завершённые рассказы, а обрывочные фрагменты, многие из которых могут показаться или незначительными, или даже ложными. Показательным в этом отношении является эпизод романа, в котором во время записи рассказа одной героини, ее настойчиво и многократно начинает прерывать муж, поправляя детали, кажущиеся ему незначительными, второстепенными, не относящимися к сути дела: *«Рассказывай, как я тебя учил. Без слез и женских мелочей: хотелось быть красивой, плакала, когда косу отрезали»* [\[3, с. 18\]](#).

В такой ретроспективе меняется восприятие не только Великой Отечественной войны, ценностные представления о которой во всех ее деталях имеют значение для каждого человека, живущего на постсоветском пространстве, но о человеческом опыте в целом. В своём романе Алексиевич провозглашает ценность субъективности, позволяющей каждому воспринимать одно и то же событие по-разному, и именно в этом, на наш взгляд, проявляется наилучшее подтверждение гуманистических идеалов современности.

С этой точки зрения, роман Алексиевич можно рассматривать не только в одном ряду с блестящими образцами документальной прозы белорусских писателей, но и с произведениями художественной литературы, воссоздающими произвольность, скачкообразность и мозаичность человеческих мыслей и памяти – с так называемыми текстами «потока сознания» (М. Пруст, В. Вулф, Дж. Джойс и др.).

В связи с этим, полифония как структурообразующий принцип романа «У войны не женское лицо» в работах исследователей часто сравнивается с монтажной кинолентой [\[5; 8; 13; 14\]](#). Монтажный принцип проявляется в том, что каждый новый рассказ начинается как бы с середины без канонических композиционных элементов – вступления, развития, кульминации, развязки. Подобно кадрам фильма, читатель сталкивается с готовой сценой без предисловий и пояснений. В качестве примера можно привести вступительные фразы рассказов некоторых героинь, например: машинистки Марии Александровны Арестовой: *«Тогда я не плакала... Я боялась одного... Схватят товарищей – несколько дней невыносимого ожидания: выдержат пытки или нет?»* [\[3, с. 305\]](#); старшего лейтенанта гвардии Анна Семеновна Дубровина-Чекунова: *«Я даже не задумывалась... У меня была специальность, нужная фронту»* [\[3, с. 77\]](#); командира отделения строительного батальона Зоя Лукьяновна Вержбицкая: *«Мы строили... Строили железные дороги, мосты понтонные, блиндажи»* [\[3, с. 188\]](#).

В романе «У войны не женское лицо» монтажный принцип позволяет раскрывать одну идейную основу через разные истории героинь: читатель, ознакомившись с заголовком и первой историей главы, уже понимает смысловой контекст, но не знает деталей сюжета и концовки, как при просмотре фильма.

Исходя из этого, мы предлагаем рассматривать принцип построения сюжета романа не через призму кинематографического монтажа, а как организацию «фотоальбома», где каждая история функционирует как отдельная фотография. Каждая страница романа, подобно снимку фотоальбома, содержит субъективно окрашенное свидетельство, которое для одних остается непонятым, а для других имеет глубокую личностную значимость. В

своей совокупности эти кадры памяти образуют целостную хронику военного опыта. Как и в альбоме, последовательность снимков не обязательно задаёт линейный сюжет: читатель видит множество индивидуальных точек зрения, каждая из которых отражает личную ценность и уникальность воспоминаний, создавая полифоническую, многомерную композицию. Такой подход подчёркивает субъективность восприятия, позволяя увидеть, как множественные голоса героинь формируют общую ткань повествования, сохраняя при этом индивидуальную окраску каждого свидетельства.

Задokumentированная ценность женской памяти о войне в национальном контексте

Многоголосое звучание романа формирует целостное представление о ключевой теме произведения – женской судьбе в период войны. Как справедливо отмечают М.П. Абашева и Д.В. Аристов, «особая форма представления прошлого (человеческие голоса) оказывается наиболее достоверным способом передачи внутренней атмосферы происшедшего и выводит документалистику на новый уровень постижения исторического события» [\[1, с. 134\]](#).

Выбор полифонической структуры позволяет писательнице решить сразу две разнонаправленные задачи – с одной стороны, обобщить женские страдания, а с другой стороны – выделить в потоке голосов индивидуальность каждой героини. Обобщение осуществляется за счет специфической группировки частей романа – каждая глава объединяет монологи женщин, имевших схожую профессию или судьбу во время войны. Так, одна часть объединяет монологи медсестёр и врачей, другая – женщин, участвовавших в сопротивлении в тылу и т.д.

На тот факт, что женский опыт, ранее замалчиваемый в официальных военных документах, преломляется в романе Алексиевич сквозь призму личной травмы, отмечается многими современными исследователями [\[17; 19\]](#).

Но мало сказано о специфике раскрытия личностей персонажей. Индивидуальность героев раскрывается не только в смысловом наполнении их историй, но и в стилистическом ритме всего романа – рассказы женщин сильно отличаются и по объёму, и по принципу абзацных членений, и по синтаксическому оформлению, так как манера разговора у каждой героини имеет ярко выраженный индивидуальный окрас.

Так, некоторые рассказы достаточно обширные и стилистически разнообразные, в них присутствуют развернутые синтаксические конструкции, передающие размышления героини, погружившейся в воспоминания. Примером такого рассказа могут служить воспоминания командира зенитного орудия – Валентины Павловны Чудаевой, которая на протяжении тринадцати страниц рассказывает свою историю, напоминающую своеобразный монолог героини, который она ведет с самой собой [\[3, с. 126\]](#). Другие же истории более лаконичные – например, короткий – в полстраницы – рассказ фельдшера Марии Васильевны Тихомировой отличается «топорным» стилем, переданным автором за счет простых предложений, парцелляций и риторических восклицаний: *«Начиналось лето... Я окончила медучилище. Получила диплом. Война!»* [\[3, с. 81\]](#).

Полифоническая структура романа позволяет одновременно обобщить женские страдания, показывая бесчеловечный облик войны, и подчеркнуть индивидуальность каждой героини. Поэтому хор голосов, звучащий в романе, не растворяет индивидуальные тембры, а напротив, он конструируется как совокупность различных интонационных и стилистических регистров. Такая мозаичная полифония позволяет

голосу каждой женщины быть услышанным.

Понимание специфики репрезентации женской памяти о войне в романе «У войны не женское лицо» становится более полноценным при учёте национально-культурного контекста. Несмотря на общую историю и тесные культурные связи России и Беларуси, белорусская традиция демонстрирует ярко выраженное стремление к сохранению собственной самобытности. Возникновение книг народной памяти, к которым относится роман Алексиевич, можно рассматривать как способ репрезентации «белорусской идеи» — концепта, аналогичного «русской идее» В.С.Соловьёва, но со специфическим акцентом на историческую уникальность белорусского народа, его национальную идентичность и культурные особенности [\[8, с. 22\]](#).

Особенности белорусской культурной и исторической традиции, строго разграничивавшей мужские и женские сферы, ограничивали возможность женщин полноценно выражать свои переживания. При этом, как отмечает сама писательница и многие героини ее романа, мужчины опасались, что женщины представят войну иначе, со своей перспективы, акцентируя внимание на деталях и бытовых нюансах, которые, по мнению мужчин, не заслуживали отдельного упоминания. *«Мужчины... Они неохотно впускают женщин в свой мир, на свою территорию <...> Пошла на завод, где, как я знала, она работает, в отделе кадров, и услышала от мужчин (директора завода и начальника отдела кадров): «Мужчин, что ли, не хватает? Зачем вам эти женские истории. Женские фантазии...». Мужчины боялись, что женщины какую-то не ту войну расскажут»* [\[3, с. 18\]](#).

Многие детали внешнего мира в романе выполняют функцию культурных кодов, отражающих своеобразие белорусской картины мира, репрезентированной в женской памяти. Так, в воспоминаниях героинь часто упоминается хрусталь – посуда и вазы как символы зажиточности: *«Ничего над нами не было, ничего под нами не было, ни у кого еще этих ковров, хрусталя... Ничего... И мы были счастливы»* [\[3, с. 136\]](#); *«А мы все такие, ты уже знаешь... Слышала... Хрусталя, видишь, не нажили. Все, что скопили с мужем, в жестяной коробке из-под конфет храним: пара орденов да медали»* [\[3, с. 125\]](#).

Голоса героинь фиксируют детали повседневной жизни и культурные коды, важные для понимания белорусской картины мира. «Расшифровка» подобных кодов отражает женское восприятие мира, которое мужскому взгляду может казаться второстепенным или неуместным, особенно в контексте войны. Героини Алексиевич сосредотачиваются не на масштабных событиях, а на личных и памятных деталях, напоминающих о радости жизни. Такая ретроспектива формирует особую динамику повествования, где смена культурных кодов передаёт непрерывность и многослойность человеческого опыта даже в условиях войны, а также подчеркивает уникальность женского взгляда и эмоциональный масштаб пережитого, демонстрируя, как полифоничная структура романа органично объединяет разрозненные индивидуальные воспоминания в целостное многоголосое повествование.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в современной литературоведческой науке исследование полифонии романа Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» ведется, как правило, в рамках двух направлений. Первое связано с белорусской традицией военной прозы и рассматривает роман в контексте традиции, заложенной Алесем Адамовичем. Второе направление нацелено на изучение самобытности текста и его полифонической структуры как уникального художественного феномена. Мы

выдвинули предположение о том, что оба этих направления могут быть качественно расширены за счет исследования структурной канвы романа в контексте репрезентации женской памяти о войне.

В предлагаемом нами подходе полифония рассматривается как самостоятельная форма, выходящая за рамки классической бахтинской концепции. Такой подход учитывает амбивалентность романа, сочетающего документальное начало с художественной выразительностью, что делает его не просто сборником устных свидетельств, а сложной и многослойной структурой.

Расширяя женский взгляд на войну, отраженный в романе Алексиевич лингвостилистическими характеристиками индивидуальных голосов и психологическими представлениями о фрагментарности человеческой памяти, мы получаем дополнительный вектор восприятия композиционной структуры романа. Полифония в исследуемом романе – это и эстетический, и композиционный прием, за счет которого в едином тексте функционируют разнородные устные свидетельства, обладающие интонационной самостоятельностью, но при этом не нарушающие цельности хоровой конструкции. Эмоционально окрашенные фрагменты женской памяти, зачастую противоречивые и незавершенные, соединяются в повествовательную ткань уникальной многоголосой хроники, в которой хаотичность и субъективность человеческих воспоминаний превращаются в документ художественной силы.

Таким образом, рассмотрение многоголосой организации художественно-документального текста через психологический, травматологический, нарратологический и гендерный подходы позволяет глубже понять специфику репрезентации женской памяти о войне, а также фрагментарность и неоднородность человеческих воспоминаний. Поэтому проведенное исследование полифонической структуры романа Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» открывает новые перспективы для анализа документальной прозы. Результаты работы впоследствии могут быть применены при исследовании других произведений Алексиевич, таких как «Цинковые мальчики» и «Чернобыльская молитва», а также для сравнительного анализа восточноевропейской документальной прозы. Предложенная методология открывает возможности для более широкого литературоведческого контекста, позволяя обсуждать жанрово-стилевые особенности, этику повествования и авторскую позицию в документально-художественной сфере повествования.

Библиография

1. Абашева М.П., Аристов Д.В. Военная проза 1990–2000-х годов: генезис поэтика // Филологический класс. 2015. № 1 (39). С. 133-138.
2. Адамович А.М., Брыль Я.А., Колесник В.А. Я из огненной деревни. М.: АСТ (ОГИЗ), 2023. 448 с.
3. Алексиевич С. У войны не женское лицо. М.: Время, 2025. 352 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 250-257.
5. Бердиева Ш.Н. Образ автора в романе-голосов С. Алексиевич "У войны не женское лицо" // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies. 2022. Т. 2. № 5. С. 499-507.
6. Губская О.Н. К вопросу о трактовке понятия литература "нон-фикшн" в рамках белорусского и русского литературоведения // Современные проблемы филологии. 2022. № 10. С. 46-52. DOI: 10.52376/978-5-907623-44-6_046 EDN: SLBDLA.
7. Гурска К. Книга С. Алексиевич "У войны не женское лицо" как циклическое

- художественно-документальное явление: структура и поэтика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2018. Т. 23. № 2. С. 198-207. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-2-198-207 EDN: USHEMQ.
8. Жилинский М.Г. Патриотизм советского народа – решающий фактор победы в Великой Отечественной войне // Развитие единого культурного пространства Беларуси и России – важнейшее направление сотрудничества в рамках Союзного государства: материалы постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства (заседание тридцать седьмое, г. Молодечно, Минск, 9-10 апреля 2014 года). 2014. С. 79-86.
9. Калашникова Е.А. Особенности композиционной организации текстов литературного протокола // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 3 (58). С. 281-284.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023. 472 с.
11. Местергази Е.Г. Литература нон-фикш. Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. 327 с. 12.
12. Мэнцю М. Возможности применения теории полифонии М.М. Бахтина к анализу драматических произведений // Litera. 2022. № 10. С. 156-167.
13. Сивакова Н.А. Специфика эволюции документальной литературы в XX веке // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2014. С. 140-145.
14. Цзысянь Г. Способы повествования в книгах С. Алексиевич: "Цинковые мальчики", "У войны не женское лицо" // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 300-303.
15. Чжоу Л. Рецепция творчества Светланы Алексиевич в Китае (проблемы перевода и исследований) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 2. С. 405-411. DOI: 10.30853/phil20230056 EDN: ZYBAXM.
16. Чукуева З.Н. Функциональная роль документального начала в современной документально-художественной прозе. 2023. № 2 (99). С. 493-496.
17. Янцен И.Д. Женская фронтовая повседневность в годы Великой Отечественной войны как историографическая проблема (в тексте обсуждается Алексиевич и её вклад) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. № 2. С. 31-36. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-2-31-36 EDN: XCUIIP.
18. Fivush R. The Development of Memory in the Context of Autobiographical Narratives // Annual Review of Developmental Psychology. 2022. Vol. 4. Pp. 421-442.
19. Haghshenash Z. Traumatic Effects of War on Women in Alexievich's The Unwomanly Face of War // ISLAH (Interdisciplinary Journal). 2025. Vol. 5. No 9. P. 181-199.
20. Hite K. Bakhtin's Polyphony in Documentary Film // Afterimage. 2023. Vol. 50, № 3. P. 10-15.
21. Grob A.-M., Ehlers D., Schwabe L. Strong but fragmented memory of a stressful episode // eNeuro. 2023. Vol. 10 (9). P. 1-16. DOI: 10.1523/eneuro.0178-23.2023 EDN: GXQVZX.
22. Lenart-Cheng H. Personal and Collective Memories in the Works of Svetlana Alexievich // History & Memory. 2020. Vol. 32, No. 2. P. 78-109. DOI: 10.2979/histmemo.32.2.04 EDN: UXYKWL.
23. Lindbladh J. The Polyphonic Performance of Testimony in Svetlana Aleksievich's Voices from Utopia // Canadian Slavonic Papers. 2017. Vol. 59, No. 3-4. P. 281-312. DOI: 10.1080/00085006.2017.1379116 EDN: XXYPVZ.
24. Schacter D.L. The seven sins of memory: An update // Memory. 2022. Vol. 30, No. 1. Pp. 37-42. DOI: 10.1080/09658211.2021.1873391 EDN: NVPXGY.
25. Young J.B. Truman Capote as a Poet // Methodist DeBakey Cardiovascular Journal. 2023. № 19 (4). P. 104-106.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает полифония как форма репрезентации женской памяти о войне в документально-художественной прозе С. Алексиевич (на примере романа «У войны не женское лицо»). Актуальность работы очевидна и определяется, во-первых, ориентированностью современной лингвистики, литературоведения и других гуманитарных дисциплин на антропоцентрический подход, развитие которого служит новым источником познания языковой ментальности, стереотипов общения и поведения, во-вторых, идеи полифонии (многоголосия) документально-художественного текста требуют лингвистической конкретизации. Исследовательский интерес вызывает и сам роман «У войны не женское лицо», который «в полной мере можно отнести к категории документальной прозы», однако он имеет «множество структурно-содержательных элементов, сближающих роман с образцами художественной литературы».

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные и актуальные работы, посвященные эволюции документальной литературы в XX веке, современной документально-художественной прозе, военной прозе, теме памяти, творчеству Светланы Алексиевич и ее роману-голосов "У войны не женское лицо" и др. Библиография составляет 20 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (около 60%), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету.

Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод; герменевтический анализ художественного текста; когнитивный и дискурсивный анализы; методы социокультурного и интертекстуального анализа и др.

В ходе работы рассмотрена проблема памяти как инструмента фрагментарной структуры полифонического романа («полифония как структурообразующий принцип романа «У войны не женское лицо» в работах исследователей часто сравнивается с монтажной кинолентой [5; 8; 9; 10] – это положение мы можем дополнить сравнением с фотоальбомом: каждая страница романа, подобно снимку фотоальбома, содержит субъективно окрашенное свидетельство, которое для одних остается непонятым, а для других имеет глубокую личностную значимость») и репрезентация в романе женской памяти о войне («выбор полифонической структуры позволяет писательнице решить сразу две разнонаправленные задачи – с одной стороны, обобщить женские страдания, а с другой стороны – выделить в потоке голосов индивидуальность каждой героини»). Делается вывод о том, что «полифония в исследуемом романе – это и эстетический, и композиционный прием, за счет которого в едином тексте функционируют разнородные устные свидетельства, обладающие интонационной самостоятельностью, но при этом не нарушающие цельности хоровой конструкции».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение вопроса полифонического структурирования документально-художественного повествования, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по лингвистическому и филологическому анализу текста, теории художественного и других типов текста, стилистике, лингвистике нарратива, теории литературы и проблемам

русской прозы, а также вопросам современной документально-художественной прозы. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью. Однако объем рукописи недостаточен для раскрытия темы. Обращаем внимание, что рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Полифония как форма репрезентации женской памяти о войне в документально-художественной прозе С. Алексиевич: на примере романа "У войны не женское лицо"»

Автор статьи обращается к ключевой проблеме современной литературоведческой науки — соотношению документального и художественного начал в прозе Светланы Алексиевич. Центральным объектом исследования становится роман «У войны не женское лицо», рассматриваемый как полифоническая структура, в которой множественные женские голоса не только фиксируют исторические факты, но и репрезентируют коллективную и индивидуальную память о войне. Предмет исследования очерчен достаточно четко: художественно-композиционные особенности романа в контексте теории полифонии и проблемы женского свидетельства.

Автор применяет комплексный междисциплинарный подход: психологический (анализ фрагментарности человеческой памяти), травматологический (интерпретация дискретности женских рассказов как проявления коллективной травмы), нарратологический (исследование монологов с учетом ритмических и языковых особенностей) и гендерный (выявление специфики женского взгляда на войну). Достоинство статьи заключается в том, что методы не просто перечислены, но и органично встроены в текст анализа. Особенно удачным представляется сопоставление полифонии романа с монтажной структурой и с образом «фотоальбома» как метафорой множественности и субъективности памяти.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. В современном гуманитарном знании вопросы памяти, травмы, гендерной репрезентации и документальной прозы занимают значительное место. Творчество С. Алексиевич активно изучается в России и за рубежом, однако предложенный ракурс — рассмотрение полифонии как формы женской памяти о войне — является востребованным, особенно в связи с современными тенденциями изучения памяти и гендерных исследований. Подчеркнутый акцент на белорусской литературной традиции и культурных кодах придает работе дополнительную значимость.

Новизна исследования заявлена и подтверждается в тексте. Автор предлагает трактовать полифонию не только в классическом бахтинском ключе, но и как особый способ фиксации и репрезентации женской памяти о войне. Впервые на материале романа акцентируется внимание на сопряжении индивидуальных женских голосов с национально-культурным контекстом Беларуси, где «книги народной памяти» стали важным инструментом сохранения идентичности. Важно и то, что статья демонстрирует отход от бинарного противопоставления «документальное — художественное»,

предлагая рассматривать роман как амбивалентную структуру.

Статья отличается продуманной структурой: введение, постановка проблемы, методология, две основные части анализа (память и её фрагментарность; женское многоголосие и национальный контекст), заключение. Изложение выдержано в академическом стиле, аргументация последовательна, текст насыщен конкретными примерами из романа (цитаты женских монологов, сопоставления с другими произведениями и традицией). При этом работа сохраняет читабельность и эмоциональную выразительность, что делает её интересной как для узкопрофессиональной аудитории, так и для более широкого круга исследователей.

Список литературы обширен и включает как классические работы (Бахтин, Лотман), так и современные исследования на русском и иностранных языках (2020–2025 гг.). Наличие международных источников (работы Lenart-Cheng, Lindbladh, Hite и др.) повышает научный уровень статьи.

Автор полемизирует с двумя основными направлениями исследований — «белорусской традицией военной прозы» и «самобытностью метода Алексиевич». Он справедливо указывает на недостатки этих подходов и предлагает собственную трактовку, учитывающую психологический и гендерный аспекты памяти. Эта апелляция выглядит убедительной и аргументированной, хотя в некоторых местах было бы полезно расширить круг оппонентов, привлекая, например, исследования по теории травмы и памяти за пределами славистики.

Выводы статьи подытоживают исследование и формулируют перспективы: разработанный метод можно применить к анализу других произведений Алексиевич и восточноевропейской документальной прозы. Работа будет интересна специалистам в области литературоведения, культурологии, гендерных исследований, а также историкам памяти и исследователям документальной прозы. Кроме того, статья обладает потенциалом для междисциплинарного прочтения.

Статья производит впечатление зрелого, методологически выверенного и актуального исследования. Её сильные стороны — новизна постановки проблемы, убедительная аргументация, междисциплинарный подход, широкая база источников. Полагаем, что рецензируемая работа может быть рекомендована к публикации без критических замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цзян Ю. Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников) // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75643 EDN: RDNHAL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75643

Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)

Цзян Юньсюе

ORCID: 0009-0000-2797-1390

аспирант, кафедра русской литературы; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. набережная реки Мойки 48

✉ jyx-1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75643

EDN:

RDNHAL

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2025

Аннотация: Статья посвящена раскрытию восточной тематики в советской литературе 1920-х годов. Цель исследования кроется в выявлении истоков популярности и основной тематики подобных сюжетов. Предметом исследования является образ Востока в русской литературе, рассматриваемый через призму творчества Вс. Вяч. Иванова (Всеволод Вячеславович Иванов) и его современников. В результате автором были установлены ключевые детерминанты интереса советских писателей к Востоку: желание осмыслить происходящие события, эстетическая тяга к экзотическому, поиск ответов на вечные темы, разочарование в западном рационализме. Также был проведен детальный разбор многообразия образа Китая и китайцев в прозе Вс. Вяч. Иванова («Возвращение Будды», «Бронепоезд 14-69», «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень», «Похождения факира») и других советских писателей, активно творивших в 1920-х годах. В процессе написания данной статьи использованы сравнительно-исторический анализ (при выявлении репрезентативных произведений эпохи и их контекстуализации),

историко-культурный анализ (при оценке литературно-исторического значения рассматриваемого явления), мотивный анализ (при выявлении характерных черт восточных мотивов), описание (при представлении ключевых проблем, волнующих умы советских писателей 1920-х гг.). Научная новизна проведённого исследования кроется в обобщении и сравнении особенностей отражения образа Востока в работах советских писателей 1920-х гг. Материалы, полученные в рамках написанной статьи, представляют собой большую ценность для специалистов в области истории русской литературы XX века и культурологии. Они могут быть использованы при разработке учебных курсов по указанным дисциплинам, а также при дальнейшем углубленном изучении творчества Вс. Вяч. Иванова. Было выявлено, что рассматриваемый пласт русской литературы был сложным, динамичным явлением, порожденным уникальным стечением исторических и культурных факторов. Дана взвешенная оценка роли восточных сюжетов 1920-х гг. В дальнейшем важно сосредоточить усилия научного сообщества на исследовании образов различных стран, в том числе восточных, в произведениях русскоязычной литературы.

Ключевые слова:

советская литература, литературное искусство, проза, 1920-е годы, XX век, Вс. Вяч. Иванов, русские писатели, образ Востока, восточная тематика, художественная антропология

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что в 1920-е годы в России произошла не только политическая, но и культурная революция. Из-за таких перемен многие писатели и поэты стали воспринимать и описывать Восток совершенно по-новому. Традиционная ориентальная тематика перестала быть объектом романтического идеализирования. Вместо этого она превратилась в средство формирования национальной идентичности в контексте конструирования нового мира, что наиболее ярко проявляется в творчестве Вс. Вяч. Иванова, Б. А. Пильняка и ряда их современников. К другим причинам значимости восточных мотивов относились разочарование в ценностях европоцентризма, желание познать нечто новое и др. К тому же, в последние годы наблюдается рост интереса к творческому наследию Вс. Вяч. Иванова, о чем свидетельствуют переиздания его произведений. Например, в 2012 году в серии «Литературные памятники» была опубликована книга рассказов «Тайное тайных», которая позволила по-новому взглянуть на роль восточной тематики в литературе 1920-х годов.

Цель данной статьи заключается в осмыслении причин популярности и тематики восточных сюжетов, представленных в произведениях советских авторов 1920-х гг.

Поставленная цель обусловила необходимость решения *исследовательских задач*:

- выявить и охарактеризовать факторы, которые обусловили повышенный интерес советских авторов первой половины XX века к восточной тематике;
- проанализировать особенности художественного воплощения восточных мотивов в творчестве писателей указанного периода;
- описать творческий подход Вс. Вяч. Иванова, который связан с разработкой восточной

проблематики, а также сопоставить с подобными художественными решениями его современников;

– оценить место восточных сюжетов в общей парадигме русской литературы 1920-х годов.

Объект исследования – русская литература 1920-х гг.

Предметом исследования является образ Востока в русской литературе, рассматриваемый через призму творческого наследия Вс. Вяч. Иванова (Всеволод Вячеславович Иванов) и ряда его современников.

Решение поставленных задач требует применения комплекса *взаимодополняющих методов*:

– историко-культурный анализ используется для погружения в интеллектуальную атмосферу эпохи;

– сравнительно-исторический анализ позволяет сопоставить художественные решения различных авторов в области изображения образа Востока;

– мотивный анализ применяется для интерпретации элементов, структурирующих образ Востока (например, мотив пути, стихии, духовной трансформации).

Несмотря на наличие работ, посвященных творчеству отдельных представителей советской литературы 1920-х гг., целостная картина остается фрагментарной. *Научная новизна исследования* кроется в том, что данная статья позволяет сопоставить способы репрезентации восточной проблематики в произведениях ключевых авторов указанного периода.

Результаты исследования

1. В отличие от эскапистских устремлений романтиков XIX века (например, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), советские писатели 1920-х гг. обратились к восточным темам, чтобы высказать свое мнение по поводу революций в Китае и Советском Союзе, а также пытались найти новые идеи, разочаровавшись в доводах западной рациональной философии. В отличие от своих современников, Вс. Вяч. Иванов воспринимает Восток как мир высокой культуры и духовности.

2. Советские читатели воспринимали Китай как страну, которая борется против колониализма. Эта освободительная борьба перекликается с российским историческим опытом. Она развеяла стереотипные представления о Китае как о загадочной экзотической стране.

3. Интерес к Востоку в советской литературе стал способом сохранения культурной памяти в период, когда революция разрушала старые устои.

Основная часть

1. Факторы популярности восточной тематики в советской литературе 1920-х гг.

Генезис проблематики Востока в русской литературе охватывает несколько столетий. Её формирование детерминировано устойчивым интересом прозаиков и поэтов к истории, культуре и философии восточных народов, а также геополитическими трансформациями, которые существенно влияли на их восприятие восточного мира. Как правило, нарративы выстраиваются вокруг приграничных регионов России и стран Азии, которые

выполняют в произведениях не только фоновую функцию, но и становятся многогранными объектами художественного исследования.

Анализ образа Востока невозможен без точного терминологического аппарата. Ключевыми понятиями в этой области выступают «ориентализм», а также «ориентальные» и «ориенталистские мотивы». Однако иногда случается так, что многие авторы используют их как взаимозаменяемые синонимы, и это приводит к смысловым искажениям в текстах, которые не отражают аутентичность восточных культур в полной мере. Поэтому следует рассмотреть их поподробнее.

Впервые явление ориентализма появилось в научных трудах Э. Саида в 1978 году, где воспринималось в качестве системы представлений, которая была сконструирована Западом для подчинения Востока (тот часто изображается как «отсталый», «деспотичный», «экзотичный», «отчужденный» в восприятии европейцев) [1]. В. В. Вялых отмечает, что процесс властвования западных ценностей осуществляется путем их трансляции в качестве доминирующих [2]. А. А. Дроздова приводит соответствующий пример: «в отношении Китая существует типичное представление о том, что там едят насекомых, но при этом не учитывается то, что в действительности это происходило из-за нехватки продовольствия и частых голодных лет» [3, с. 63].

В научном сообществе также часто встречается выражение «ориентальные мотивы» (или восточные), под которым, согласно мнению Е. А. Смышляева, подразумевается «устойчивый формально-содержательный компонент художественного текста, воплощенный в системе константных образов, которые сохраняют свою соотнесенность с ценностным предметным миром восточной культуры» [4, с. 218]. Им противопоставляются «ориенталистские мотивы», которые, как отмечает Е. Д. Андреева, выражают творческие стремления к выражению специфики «взаимодействия западной и восточной цивилизаций, их культурного различия или восприятия западным человеком природы и быта Востока» [5, с. 31].

Следовательно, рассматриваемые термины, пусть и различаются друг от друга по смыслу, выражают представления о Востоке, которые сложились на Западе. Ориентализм трактуется как инструмент для критики западной гегемонии, игнорирующей достижения других культур. Ориентальные мотивы же имеют аутентичный характер, так как появляются и распространяются внутри восточных обществ. В противоположность им выделяются ориенталистские мотивы, которые рассматривают специфику взаимодействия Запада и Востока.

Обращаясь к причинам возникновения широкого интереса советских писателей к Востоку, становится ясно, что подобное явление далеко не ново, о чем свидетельствуют художественные произведения А. С. Пушкина («Я видел Азии бесплодные пределы...») и М. Ю. Лермонтова («Измаил-бей», «Демон»). Однако если для романтиков XIX века ориентальные темы были способом эскапизма в условиях нестабильной, переменчивой эпохи, то советские писатели столкнулись с необходимостью распространения риторики антиколониализма. Многие из них также разочаровались в доводах европоцентризма, в связи с чем искали альтернативу в восточных моделях мышления, другие же стремились выразить мнение по отношению к революции, затронувшей как Китай, так и Советский Союз.

Такого мнения придерживается и А. А. Краснаярова, которая считает, что в глазах советских читателей Китай стал символом страны, освобождающейся от колониализма на

пути к национальному самоопределению. Подобная картина вызывала прямые ассоциации с российской историей, в результате чего китайцы стали восприниматься как «братья» [6, с. 90]. В этой связи уместно обратиться к словам М. А. Литовской и Яо Чэнчэн об этой великой нации: «китайцы перестали быть таинственными экзотическими персонажами с ваз и картинок, воплотились в реальных торговцев, держателей прачечных, циркачей, землекопов, солдат – реальных людей, но необычной внешности и поведения» [7, с. 134].

Необходимо учитывать и институциональный аспект: создание научных центров востоковедения (например, Коллегии востоковедов при Азиатском музее) способствовало распространению знаний о восточной культуре в обществе, и, как следствие, к появлению тематических переводческих материалов. И. А. Фомин соглашается с такой мыслью, отмечая, что писатели сознательно боролись со стереотипами, преобладавшими в российском обществе [8].

В данный временной промежуток возникло множество творческих объединений, каждое из которых стремилось адаптировать эстетические принципы к ожиданиям общества в контексте изменившихся социально-политических условий. Среди наиболее значимых коллективов выделялись «ЛЕФ» (Левый фронт искусств) и «Серапионовы братья», находившие в восточной тематике неисчерпаемый источник вдохновения для новаторских художественных решений. Причины их появления простирались от сугубо материально-бытовых (совместное выживание в условиях разрухи и голода) до идейно-эстетических (различные художественные пристрастия). Представителями ЛЕФа стали В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев и др., которые стремились к созданию утилитарного искусства. В их манифестах провозглашалось, что искусство должно быть рациональным, то есть создаваться не по вдохновению, а продуманно. Восточные сюжеты позволяли отразить им повседневность представителей национальных меньшинств.

В отличие от ЛЕФа, объединение «Серапионовы братья», возникшее в Петрограде в 1921 году, подходило к восточным сюжетам с иной позицией. Ее название было заимствовано из сборника новелл немецкого романтика Э. Т. А. Гофмана, где фигурировало литературное содружество имени пустынного Серапиона. В группу входили такие писатели, как М. М. Зощенко, Вс. Вяч. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. С. Тихонов К. А. Федин, которые выступали за высокое качество производимых образцов искусства. Многие из них использовали восточные мотивы, стремясь выйти за пределы европейской культурной традиции.

2. Художественное воплощение восточной тематики в творчестве советских писателей 1920-х гг.

Рассмотрим наиболее репрезентативные восточные тексты крупнейших писателей рассматриваемого периода.

Так, например, в поэме «Сами» (1920) Н. С. Тихонов вводит образ индийского мальчика, который борется против гнета британских колонизаторов. Писатель намеренно отказывается от презентации психологических качеств героя. В тексте он описывается как *«отбитый от стада козлёнок»*, и его роль сводится к выражению голоса угнетенного народа.

Поездка в Туркменистан дала писателю импульс к созданию нового произведения, и в 1931 году выходит сборник очерков «Кочевники». Его восхищает стойкий характер

местных жителей (*«они очень красивы, стройны, необыкновенно сильны»*), ибо они остаются непоколебимыми в контексте внешних угроз, к которым относятся холодные ночи, хлипкие дома, злые собаки. Привычные образы приобретают иной смысл: например, в прошлом караван символизировал вечное блуждание по пустыне, теперь же он воспринимается как аллегория революционного шествия к социализму, то есть к светлому будущему. В произведениях Б. А. Пильняка, таких как повесть *«Китайская повесть»* (1923), отражены моменты, позволяющие познакомиться с повседневными днями китайцев: приготовление пищи на угольных жаровнях, вышивка шелком, суеверия, связанные с духами предков, чайные церемонии. Автор сознательно отказывается от романтизации восточной действительности. Вместо этого он детально фиксирует условия жизни граждан, которые находятся в довольно уязвимом положении: их окружают бедность, антисанитария, социальная несправедливость.

В романе *«Мятеж»* (1925) Д. А. Фурманов рассказывает о Верненском мятеже, развенчивая мифы о *«бунтующей Азии»*. К примеру, образы местных жителей (казахов, киргизов) лишены экзотики. Они показаны борцами, чьи действия мотивированы социальной несправедливостью, голодом, а не *«врождённой мятежностью»*.

Авторский замысел К.К. Вагинова в *«Козлиной песни»* (1928) заключается во внедрении восточных мотивов в контекст петербургской культуры. Монгол Батаров символизировал варварское начало, угрожающее европейскому утонченному декадентству, в связи с чем сцены в буддийском храме послужили метафорой распада имперской идентичности, где Восток становится зеркалом, который отражает распад собственной культурной традиции.

Литературные обработки фольклора народов Востока, предпринятые Х. Г. Бахтиаровым (записки *«Туркменские легенды. Рассказы, поговорки и поверья»*, 1927), также отражали реалии нового социалистического общества. Это выражалось в трактовке любых магических элементов как пережитков суеверия (*«долгий вой собаки предвещает беды»*).

Другой писатель-эмигрант Б. К. Зайцев написал роман *«Золотой узор»* (1926), который был создан под впечатлением от поездки в Константинополь. В нем образ Османской империи представляется как символ отражения тоски по утраченной России: для этого были изображены полуразрушенные мечети, дервиши, базары Стамбула. Мотив *«золотого узора»* выражал скорби по сакральному единству Востока и Запада, утраченному в революции.

Примечательно, что в рассматриваемый временной промежуток одновременно работали два писателя с созвучными именами, чьи произведения на восточную тематику нередко путали читатели: Всеволод Никанорович Иванов (Вс. Н. Иванов) и Всеволод Вячеславович Иванов (Вс. Вяч. Иванов). Однако их стоит различать. Вс. Н. Иванов опубликовал стихотворения *«Голубой дракон»* и *«Китайцы»*, где лирический герой осмысляет две главные ипостаси жизни: труд и праздник. Центральные образы *«Голубого дракона»* предстают как вечные воплощения нравственных идеалов Востока (*«Как само небо древний, // Царственный синий дракон»*)^[9]. А Вс. Вяч. Иванов прославился повестью *«Бронепоезд 14-69»*, где он показал многогранный Восток, изобразив и беспощадного японца, и благородного китайца; созданные им персонажи перекликаются с героями китайской литературы тех лет. При этом авторское понимание Востока проявляется не только в персонажах, но и скрыто: в использовании национальных символов, наделенных подлинным философско-мифологическим подтекстом.

Исходя из вышесказанного, в произведениях советских писателей 1920-х гг. образ Востока предстает сложным конструктом, выполняющим различные идейно-эстетические функции. В творчестве Н. С. Тихонова и Х. Г. Бахтиярова он стремится к революции и светлому будущему. В отличие от перечисленных писателей, Б. А. Пильняк воспринимает Восток как инструмент обличения империализма, где бытовые сцены становятся свидетельствами системной эксплуатации. Д. А. Фурманов углубляет эту антиколониальную перспективу, делая Восток ареной классового конфликта, подтверждая мысль о том, что битва против колониализма тождественна борьбе пролетариата против буржуазии, тем самым стирая бинарность «Запад–Восток». Философский характер имеют произведения Вс. Н. Иванова, который искал ответы на вечные, общечеловеческие вопросы.

В перечисленных текстах главные герои не являются стереотипными азиатами, вместо этого их роль сводится к выражению нужд общества (казахи Д. А. Фурманова), отражению вневременной этики (дракон Вс. Н. Иванова), рассмотрению угроз цивилизации (Батаров у К.К. Вагинова).

Следовательно, в прошлом Восток ассоциировался с чем-то загадочным, таинственным, мистическим. В первой половине XX века все кардинально меняется. Как верно отмечает А.Ж. Алламуратова, восточные культуры «начинают приобретать конкретные очертания, с их городами, природой, людьми» [\[10\]](#). Писатели тех лет отказываются от стереотипных установок в сторону детального раскрытия психологии главных и второстепенных персонажей. Как отмечает Е.Ю. Перова, именно так они стремятся «найти идеал красоты в предметном мире» [\[11, с. 287\]](#). С ней согласна Д. А. Гаджиева, которая отмечает, что авторы прибегали к отражению восточных сюжетов, стремясь отразить «ключевые проблемы XX века: взаимодействие национальной культуры и государственной политики, а также европейские и восточные концепции природы зла» [\[12, с. 65\]](#).

Различные исторические события, которые происходили в России на рубеже XIX–XX веков, побудили интеллигенцию, включая писателей, переосмыслить вопросы, которые связаны с национальной самобытностью россиян. Благодаря этому восточная тема всегда оставалась актуальной для разных писателей: от А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, творивших в XIX веке, до И. А. Бунина, М. Горького, Л. М. Леонова, Б. Л. Пастернака, Б. А. Пильняка, М. А. Булгакова, Вс. Вяч. Иванова и др., которые писали свои творения в 1920-е годы. После революции интерес творцов к судьбам разных народов способствовал появлению множества произведений, исследующих их судьбу. Интерес к Востоку, захвативший писателей того времени, особенно ярко отразился в работах Вс. Вяч. Иванова.

3. Особенности изображения восточной тематики в творчестве Вс. Вяч. Иванова на фоне его современников.

Интерес Вс. Вяч. Иванова к йоге, магии, гипнозу и разным религиям, особенно к буддизму, возник в результате озарения, вызванного путешествиями его отца по Востоку. Этому также способствовал богатый опыт, приобретенный им во время странствий по Сибири, который он впоследствии использовал в своих работах, посвященных Востоку. Однако наиболее значимым событием в биографии рассматриваемого автора стало вступление в петроградское литературное объединение «Серapiоновы братья» (где тот получил прозвище «Брат Алеут», и был причислен к восточному крылу) в 1921 году.

Мировоззрение Вс. Вяч. Иванова, сфокусированное на самодостаточности и внутренней

ценности местных культур, окончательно сформировалось под влиянием его уникального видения Востока. В отличие от большинства советских писателей 1920-х гг., которые использовали восточную тематику для изображения революционных потрясений, а также социальных катастроф в качестве нарративного фона, Иванов воспринимает Восток как «духовный мир, насыщенный высокой культурой, строгим аскетизмом, а также предоставляющий каждому человеку внутреннюю свободу», как отмечает Е.А. Папкина [\[13, с. 90\]](#). Такая трактовка не только резко контрастирует с мейнстрим-нарративами того времени, но и свидетельствует о глубоко личном понимании философско-эстетического идеала Востока.

Так, например, автор написал повесть «Возвращение Будды» (1923), где исследует состояние человека, выброшенного из привычной жизни в водоворот исторического катаклизма. Он подчиняется естественному ходу событий: «Ах, этот поток жизни! Как он странен, непонятен и одновременно певуче нежен и кипуч!» [\[14, с. 51\]](#). С такой проблемой пытается бороться профессор Сафонов, востоковед, сопровождающий статую Будды на поезде, который проезжает через Россию, охваченную Гражданской войной. Его миссия по возвращению священного артефакта, вывезенного царским генералом, символизирует не просто жест доброй воли со стороны советской власти, но и попытку сохранения духовной непрерывности в эпоху тотального разрушения. В таких обстоятельствах дорога становится метафорой поиска смысла бытия: «Безглазой дикой тьме мы противопоставим омытое европейской пытливостью благословенное, настойчивое шествие вперед. Наши сердца! Я пока не знаю, куда, но хотя бы провести Будду через водопад, мор и голод» [\[14, с. 185\]](#).

Следовательно, Восток распространяет такие духовные ценности, как «созидание, внутренняя свобода, подвижничество», которые противопоставляются человеческой жестокости [\[15, с. 88\]](#); неудивительно, что именно там будет «искать спасения для разрушаемой цивилизации» главный герой произведения [\[16\]](#).

Большое внимание стоит уделить и повести «Бронепоезд 14-69» (1922) (одноименная пьеса вышла спустя 5 лет), где писатель вводит образ китаец по имени Син-Бин-У, сражающегося не только против конкретных врагов, но и за воплощение мифа о Красном Драконе («лун»), который олицетворяет творческую энергию Неба [\[17\]](#). Его героизм подчеркивается эпизодом, в котором он ложится на рельсы, чтобы остановить поезд противников. Акт самострела в затылок служит демонстрацией его готовности принять «белую смерть» (даосский принцип единства жизни и смерти) [\[18\]](#).

Это подчеркивает разницу в отношении к смерти по сравнению с русскими партизанами, к которым относится и Васья Окорок (он сказал фразу «Господи... и меня!» и умер); последующее превращение героя в кобру носит характер сакрального жертвоприношения высшим силам [\[18\]](#). Следовательно, несмотря на то, что действие происходит в Сибири, на Дальнем Востоке России, географически близком к Азии, ключевое значение приобретает именно сердце революционной борьбы, где сходятся судьбы людей разных национальностей. Образ рассматриваемого героя вводится с целью представления мысли о том, что как русские, так и китайские партизаны едины в борьбе с общим врагом; их даже не остановят разные культурные традиции. Это соответствует мнению З. К. Темиргазин, О. К. Андрюшенко, Р. О. Асельдеровой и С. В. Николаенко, которое звучит следующим образом: «ключевой тенденцией восточной литературы того периода стало создание образа азиата, то есть убежденного носителя социалистической идеологии, самоотверженно борющегося за нее. Такие персонажи

служили доказательством прогрессивности советской доктрины, внедряемой в азиатских республиках, и символизировали начало преобразования восточных окраин» [\[19, с. 238\]](#).

Рассказ «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» (1922), вошедший в сборник Вс. Вяч. Иванова «Седьмой берег», также создает яркий образ китайца. Он живет в горах Маньчжурии и мечтает отправиться в большой город (Шанхай), чтобы найти там настоящее счастье. Однако для осуществления своей мечты ему необходимо найти корень шень-жень, который способен даровать материальное богатство. В ходе своего путешествия главный герой встречает русского капитана и священного тигра.

В прозе Вс. Вяч. Иванова повествование строится на сложном сплетении контрастов, метафорических образов и символических обобщений. Для центрального персонажа Чжень-Люня Сихотэ-Алинь предстает местом, где неотъемлемая опасность существует в неразрывной связи с богатством: здесь сосуществуют и целебный корень шень-жень, смертоносные хищники – тигр, барс и красный волк. В противоположность этому, русский капитан воспринимает эти земли как катастрофическую реальность, требующую немедленного бегства. Чжень-Люнь обретает возможность преодоления судьбы не через её принятие, но через активное противодействие – поиск мистического корня шень-женя, который должен стать для него ключом к преображению. Символическим воплощением этого преображения становится Шанхай, то есть мифологизированный «город счастья», проецирующий западные идеалы беспредельного богатства и роскоши (*«В Шанхае в фанзе можно пить сулею – рисовую водку. Можно курить опиум и рассказывать, как жил в тайге»*) [\[20, с. 280\]](#).

Однако утопический образ Шанхая оказывается иллюзией, обнажающей трагический разрыв между мечтой об идеальной судьбе и суровой реальностью эпохи: внешнее процветание не гарантирует внутреннего освобождения. Жизненный путь героя окончательно утрачивает свою сакральность.

Ключевой поворот в сюжете происходит с неожиданным визитом русского «капитана». Он сообщает Чжень-Люню, что и Китай, и Россия погрузились в хаос войны: дома разрушены, торговые пути прерваны, а шень-жень потерял всякую ценность. Русский сам планирует пробраться в Маньчжурию или в Гирин. Чжень-Люнь, однако, с подозрением относится к этим словам, видя в них обман с целью завладеть корнем шень-женем, и вместо этого планирует использовать помощь капитана, чтобы убить белоухого священного тигра – существо, которого он, в силу своих культурных табу, победить не может. Внешне хилый русский капитан демонстрирует почти гротескную храбрость, убивая тигра, тогда как Чжень-Люнь, скованный священным статусом этого животного в китайской традиции, может лишь пассивно наблюдать из укрытия в траве. После этого происхождения их пути решительно расходятся: капитан продолжает свой путь в Маньчжурию, а Чжень-Люнь с нетерпением ищет встречи с русскими, которые смогут отвезти его в Шанхай в «железной клетке» — поезде, символе современной цивилизации в его представлении.

Вс. Вяч. Иванов создает живой и культурно достоверный образ китайца: его русская речь прерывиста, построена на коротких фразах и фонетически неточна; он одновременно осторожен и хитер, обладает ярко выраженными языковыми особенностями, сильной национальной самоидентификацией и твердыми верованиями, не склонен легко менять свои убеждения под влиянием чужих слов. Последующее описание путешествия составляет наиболее ироничный отрезок рассказа. Вс. Вяч. Иванов живописными мазками изображает лазурные волны, изумрудные луга и золотистые пески, что искусно усиливает радостное ожидание Чжень-Люня и его

надежды на богатую жизнь в Шанхае. Этот красочный пейзаж создаёт иллюзорную картину надежды, где внешняя красота природы контрастирует с недостижимостью мечты персонажа. Однако по мере того как дорога сужается, взору открывается вид на разрушенный и пустынный город-призрак. Берег, где когда-то кипела жизнь и трудились китайцы и корейцы, теперь безлюден и погружен в мертвенную тишину. Эта жестокая реальность окончательно подтверждает предупреждение капитана: беспощадная война уничтожила все, *«нет русских, шень-жень не покупают. Китаю нет, бежит народ — бьет друг друга, бежит»* [20, с. 276].

Полный крах утопической мечты и столкновение с адской реальностью окончательно ломают Чжень-Люня. В бездне отчаяния он направляет дуло ружья на свою шею и нажимает на спусковой крючок. А корень шень-женя, ради которого он положил все свои жизненные силы и который был выкопан с таким трудом, в этом хаотическом мире с разрушенной системой ценностей мгновенно падает, превращаясь в никому не нужный сорняк, разделяя участь своего хозяина. Смерть Чжень-Люня также обнажает ценность традиционной китайской культуры в трагедии судьбы: когда рушатся внешние идеалы, происходит разрушение внутреннего стержня мировоззрения, что неизбежно ведёт к добровольному уходу из жизни.

В романе «Похождения факира» (1935) скитания героя по просторам Сибири и Средней Азии представляется как архетипическое путешествие через «разлом эпох». То есть пространство романа становится мифологизированным ландшафтом внутренних испытаний, которые мучают главного героя. Хотя в нем отсутствует образ китайской цивилизации, вместо него присутствует Индия, противопоставленная серой реальности. По мнению Г. Н. Старченко, можно проследить особый авторский подход к отражению деталей: *«Два мира, живущих в подвижном сознании героя, взаимопроникаемы. И это оказывается плодотворным: мир реальности насыщается отзвуками воображаемых картин, а фантастические видения конкретизируются внесением в них реальных бытовых проблем. Постепенно мир Индии настолько «обживает» сознанием героя, что обретает возможность стать основой для его усложнившихся фантастических видений»* [21, с. 20].

Герой стремится уйти в мир фантазий, отсюда непонятно, что вымысел, а что реальность: *«Фантастичность и вместе с тем – реальность – и я сам герой, чтоб придать наибольшую реальность, даже имя сохранил, а я мог бы взять, скажем, Пётр или Дмитрий»* [22, с. 5]. Впоследствии, когда факир выполняет цирковые трюки, их можно воспринимать в качестве актов магического преодоления смерти, восходящих к шаманским практикам. Каждый фокус предстает как попытка героя утвердить свою власть над хаосом, подчинить материю духу. Писатель также стремится отразить трансцендентность духовного: в финале произведения персонаж отказывается от своей магической силы, чтобы приобщиться к иному.

Исходя из вышесказанного, в творчестве Вс. Вяч. Иванова Восток предстает в качестве мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, который противостоит хаосу, жестокости современности. Подобное отличие от современников проявляется в отказе от стереотипов в изображении азиатов, а также использовании символов, наиболее распространенных в китайской мифологии. Так, в повести «Возвращение Будды» миссия по спасению статуи Будды становится духовным паломничеством сквозь войну, а в повест «Бронепоезде 14-69» китаец Син-Бин-У воплощает собой мифологизированный образ, (даосское принятие «белой смерти» через самоубийство на рельсах и последующее сакральное превращение в кобру-жертву). В рассказе «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» корень шень-жень и бегство в утопический

Шанхай раскрывают Восток как пространство духовных поисков, а в романе «Похождения факира» скитания героя по Азии мифологизируются как паломничество сквозь «разлом эпох», где реальность сливается с воображаемой Индией. Следовательно, уникальность изображения Востока у Иванова заключается в его глубокой сакрализации.

4. Восточные сюжеты и их место в русской литературе

Значение рассматриваемого феномена для истории русской литературы представляется глубоко амбивалентным.

Несомненным достоинством распространения восточных сюжетов в русской культуре становится расширение культурного горизонта литературного сознания. Писатели стали смотреть на мир гораздо шире, в частности, больше не воспринимали Восток как нечто диковинное. Это наиболее ярко проявилось в творчестве таких авторов, как Д. А. Фурманов, чьи персонажи были лишены традиционной атрибутики «дикости» или «врожденной мятежности». Вместо этого они показаны как жертвы социальной несправедливости. К тому же, обращение к восточным темам позволило советским писателям выразить сложнейшие экзистенциальные переживания эпохи «разлома», последовавшей за крушением империи и рождением нового мира. Роль эмигрантов в развитии традиции также уникальна: оказавшись в Харбине и других китайских городах, авторы создавали образы «утраченного Востока» российской империи, что составило своеобразный диалог с советскими коллегами, как отмечает Чжан Юаньюань [\[23\]](#).

Однако это значимое явление было неразрывно связано с серьезными ограничениями, которые существенно влияли на результаты культурного обмена с другими культурами. Главным ограничением, проистекающим из самой природы ориентализма как концепта, сформулированного Э. Саидом, стала его неизбежная двойственность, то есть постоянное балансирование между подлинным интересом к иной культуре и ее редукцией до проекции собственных страхов. Отсюда возникали глубинные стереотипы, связанные с Востоком: иррациональность, мистицизм, фатализм, вневременная духовность. Это приводило к упрощению и схематизации невероятно сложных восточных культур, их сведению к набору узнаваемых, но поверхностных клише. Следовательно, подобная трансформация образа Востока из декоративного в экзистенциальное стала важнейшей вехой в истории русской литературы.

Ярким примером подобной ограниченности служит использование восточного культурного наследия в рамках конкретных идеологических установок. Это особенно наглядно проявляется в литературных адаптациях фольклорных произведений, как, например, в творчестве Х. Г. Бахтиарова.

Еще одним ограничением было и то, что, несмотря на риторику интернационализма, фокус внимания часто смещался на те восточные регионы, которые были наиболее актуальны политически (Китай, Средняя Азия в связи с советизацией) или географически близки (Дальний Восток), оставляя другие области восточного мира в тени.

Заключение

На основе проведенного анализа можно заключить, что интерес к Востоку в русской литературе имеет глубокие корни, однако в 1920-е гг. он усилился. Его популярность была обусловлена комплексом факторов: необходимостью поиска альтернативы европоцентризму (Восток, особенно Китай, воспринимался как «братский» народ на пути

к самоопределению), а также деятельностью литературных объединений (ЛЕФ, «Серапионовы братья»), которые видели в восточных сюжетах источник для новаторских художественных решений.

Неудивительно, что образ Востока в литературе 1920-х гг. был неоднороден, так как выполнял различные идейно-эстетические функции. Он мог служить воплощением революционно-утопических идеалов (Восток как союзник в борьбе за светлое будущее в произведениях Н. С. Тихонова и Х. Г. Бахтиарова), использоваться для критики империализма (как у Б. А. Пильняка), а также становиться основой для социально-классового анализа, где традиционная бинарность «Запад–Восток» преодолевалась через призму классового конфликта (например, у Д. А. Фурманова). Кроме того, восточные сюжеты нередко наполнялись философским содержанием, становясь способом поиска ответов на вечные вопросы через обращение к восточной духовности и символике (в творчестве Вс. Вяч. Иванова, К. К. Вагинова).

Особое место в этом ряду занимает писатель Вс. Вяч. Иванов, который выделяется глубоко сакрализированным восприятием Востока как мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, противостоящего хаосу современности. Его уникальность проявляется в использовании аутентичных символов китайской мифологии, таких как даосский принцип «белой смерти» или образ Красного Дракона. Следовательно, в его восприятии Восток является пространством для духовного поиска, что особенно ярко отразилось в произведениях «Возвращение Будды» и «Похождения факира».

Библиография

1. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Миръ, 2006. 640 с.
2. Дроздова А. А. Ориентализм как противоположность мультикультурализма // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2017. № 15. С. 61-65.
3. Вялых В. В. Ориентализм как типологический признак современного культурно-политического дискурса // KANT. 2019. № 1(30). С. 161-166.
4. Смышляев Е. А. Ориентальные мотивы в поэзии Н. Ф. Болдырева // Уральский филологический вестник. 2013. № 5. С. 212-219.
5. Андреева Е. Д. Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Райдера Хаггарда. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2013. 175 с.
6. Краснаярова А. А. "Китайский текст" в советской литературе 1920–1930 гг. // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 89-93.
7. Литовская М. А., Яо Чэнчэн. Китай и китайцы в русской советской детской литературе 1920–1930-х гг. // Детские чтения. 2017. № 1. С. 133-156.
8. Фомин И. А. Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии // Кунсткамера. 2021. № 4. С. 37-51. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
9. Якимова С. И. Ориентализм как идейно-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова // Филология и человек. 2022. № 2. С. 7-18. DOI: 10.14258/filichel(2022)2-01.
10. Алламуратова А. Ж. Эволюция образа Востока в русской поэзии XX века // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 916-918.
11. Перова Е. Ю. Обращение к восточной тематике в русской культуре XX–XXI веков: причины, особенности, динамика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10. С. 285-292.
12. Гаджиева Д. А. Восток в творчестве поэтов и писателей серебряного века как

отражение евразийской мысли // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 62-66.

13. Папкова Е. А. Проблемы культуры в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический форум. 2021. № 2. С. 80-91. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-80

14. Иванов В. В. Возвращение Будды: повесть. М.: Правда, 1991. 478 с.

15. Сорокина Г. А. Повесть Вс. Иванова "Возвращение Будды": идеи революции и буддизма // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2(30). С. 155-162.

16. Папкова Е. А. Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова начала 1920-х гг. // Наука и школа. 2022. № 4. С. 11-20. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-4-11-20

17. Цао Сюэмэй. Образ китайца в повести Вс. Иванова "Бронепоезд 14-69": новаторство и преемственность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7 (13). С. 54-57.

18. Иванов В. В. Бронепоезд 14-69. М.: Молодая гвардия, 1932. 102 с.

19. Темиргазина З. К., Андрищенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В. Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева-поэта азиатского фронта // Oriental Studies. 2023. № 16(1). С. 232-244. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244

20. Иванов В. В. Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. 352 с.

21. Старченко Г. Н. Реальное и вымышленное в романе Всеволода Иванова "Похождения факира" // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 19-24.

22. Иванов В. В. Избранные произведения: в 8-х т. Похождения факира: роман. М.: Художественная литература, 1985. 647 с.

23. Чжан Юаньюань. Две ветви литературы русского зарубежья: специфика и особенности взаимодействия // Миграционная лингвистика. 2021. № 3. С. 84-98.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема представленной к публикации статьи нетривиальна, по-своему нова, главное – дискуссионна. Автор обращает внимание на проблему изображения Востока в русской литературе, в частности текстах Вс. Иванова. Бесспорно, что «генезис проблематики Востока в русской литературе охватывает несколько столетий. Её формирование детерминировано устойчивым интересом прозаиков и поэтов к культуре, истории и философии восточных народов, а также геополитическими трансформациями, которые существенно влияли на восприятие восточного мира». Статья, на мой взгляд, сформирована вполне удачно; текст дробится на т.н. смысловые блоки, которые логически связаны друг с другом. Общая канва раскрытия вопроса выверена, серьезных разночтений с уже высказанными мнениями нет, но усложнить работу желательно было бы развернутым анализом критических источников, где серьезной конструктивной оценки подвергнут образ Востока в русской литературе первой половины XX века. В целом же материал имеет законченный вид, цель работы позиционно достигнута. Однако, текст необходимо вычитать, т.к. в нем встречаются ошибки / опечатки: например, «интерес к Востоку в русской литературе имеет глубокие исторические корни, однако в 1920-е гг. он усилился» и т.д. Стиль соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся с учетом прямого значения: например, «анализ образа Востока невозможен без точного терминологического аппарата. Ключевыми понятиями в этой области выступают «ориентализм», а также «ориентальные» и

«ориенталистские мотивы». Однако случается так, что многие авторы используют их как взаимозаменяемые синонимы, что приводит к смысловым искажениям в текстах, которые не отражают аутентичность восточных культур в полной мере. Поэтому следует рассмотреть их поподробнее», или «ориентализм трактуется как инструмент для критики западной гегемонии, игнорирующей достижения других культур. Ориентальные мотивы же имеют аутентичный характер, так как появляются внутри восточных обществ. Им противопоставлены ориенталистские стимулы, которые рассматривают специфику взаимодействия Запада и Востока» и т.д. Думаю, что при небольшой правке стоит убрать формальное членение некоторых позиций (1. 2. 3.); желательно сложить и выводы в формате единого текста, а не пунктов. Сноски даются как стандартные отсылки, допустим в этом случае и диалог с оппонентами: например, «такого мнения придерживается и А. А. Красноярова, который считает, что в глазах советских читателей Китай стал символом страны, освобождающейся от колониализма на пути к национальному самоопределению. Подобная картина вызывала прямые ассоциации с российской историей, в результате чего китайцы стали восприниматься как «братья» [6, с. 90]». Считаю, что материал можно использовать в рамках изучения курса «История русской литературы». Основные требования издания учтены, но, повторюсь, незначительная правка необходима. Тоже касается и списка источников: скорректировать издательство, место издания, год... Например, «Иванов В. В. Седьмой берег. М.: Круг, 1923. 296 с.», или «Иванов В. В. Возвращение Будды. М.: Правда, 1991. 480 с.» и т.д. После внесения правки статья «Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)» автором рассматриваются проблемы отражения представлений о Востоке в творчестве Вс. Иванова.

В качестве материала в статье используются тексты прозаических произведений Вс. Вяч. Иванова «Возвращение Будды», «Бронепоезд 14-69», «История Чжень-Люня, искателя корня жень-шень», а также «Похождения факира».

В данных произведениях автор рассматривает отражения образов Востока, в частности, Китая и Индии, как художественных средств, с помощью которых писатель изображает портрет эпохи.

Работа состоит из введения, результатов работы, основной части, включающей 4 подраздела, заключения и библиографии.

В основной части автор рассматривает следующие аспекты ориентализма в русской литературе 20-х годов:

- 1) Факторы популярности восточной тематики в советской литературе 1920-х гг.
- 2) Художественное воплощение восточной тематики в творчестве советских писателей 1920-х гг.
- 3) Особенности изображения восточной тематики в творчестве Вс. Вяч. Иванова на фоне его современников.
- 4) Восточные сюжеты и их место в русской литературе

Автор подчеркивает отличия стиля Вс. Вяч. Иванова от его современников – Пильняка, Вагинова, Фурманова, а также отличия его образов Востока от бытовавших в ту эпоху культурных стереотипов, связанных с восточной деспотией и варварством.

В результате автор статьи приходит к следующим выводам:

«Вс. Вяч. Иванов выделяется глубоко сакрализированным восприятием Востока как мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, противостоящего хаосу современности. Его уникальность проявляется в использовании аутентичных символов китайской мифологии, таких как даосский принцип “белой смерти” или образ Красного Дракона. Следовательно, в его восприятии Восток является пространством для духовного поиска, что особенно ярко отразилось в произведениях “Возвращение Будды” и “Похождения факира”».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Однако, в структуре статьи отсутствуют необходимые элементы: цель и задачи работы, актуальность и новизна исследования, предмет и объект исследования, методы исследования. Все это не позволяет сделать вывод об объективности полученных результатов.

Таким образом, статья «Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)» является исследованием, открывающим новые перспективы в области изучения языка русской ориенталистской мысли в литературе 20-х годов XX в., однако на данном этапе она не может быть рекомендована к публикации в журнале Litera без доработки.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом материале является восточная тематика в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Всеволода Вячеславовича Иванова и его современников). Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется как повышенным интересом к творческому наследию Вс. Вяч. Иванова («о чем свидетельствуют переиздания его произведений» в последние годы), так и значимостью ориентальной тематики, которая «превратилась в средство формирования национальной идентичности в контексте конструирования нового мира, что наиболее ярко проявляется в творчестве Вс. Вяч. Иванова, Б. А. Пильняка и ряда их современников».

Теоретической базой исследования послужили работы по ориентализму и ориентальным мотивам в литературе, по специфике обращения к восточной тематике в русской культуре XX-XXI веков, изучению творчества Всеволода Вячеславовича Иванова и др. Библиография насчитывает 23 источника, в том числе литературные, что представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью («заключается в осмыслении причин популярности и тематики восточных сюжетов, представленных в произведениях советских авторов 1920-х гг.»): применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение,

обобщение, интерпретацию, классификацию материала; культурно-исторический метод и сравнительно-исторический анализ, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также мотивный анализ («для интерпретации элементов, структурирующих образ Востока»).

В ходе работы определены и охарактеризованы факторы, которые обусловили повышенный интерес советских авторов первой половины XX века к восточной тематике; проанализированы особенности художественного воплощения восточных мотивов в творчестве советских писателей этого периода; описан и сопоставлен с художественными решениями современников творческий подход Вс. Вяч. Иванова; оценено место восточных сюжетов в общей парадигме русской литературы 1920-х годов. В заключении автор(ы) подытоживают, что интерес к Востоку в русской литературе имеет глубокие корни; однако образ Востока в литературе в 1920-е годы неоднороден, так как выполняет различные идейно-эстетические функции; Вс. Вяч. Иванов «выделяется глубоко сакрализированным восприятием Востока как мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, противостоящего хаосу современности» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно обширный анализ состояния исследуемой проблемы. Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость, которая обусловлена их вкладом в изучение русской литературы первой половины XX века. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты в курсах по общей теории литературы, по истории русской литературы XX века, в спецкурсах, посвященных творческому наследию Всеволода Вячеславовича Иванова и др.

Представленная на рассмотрение рукопись имеет четкую, логически выстроенную структуру: вводная часть с постановкой цели и задач, актуальностью и новизной; основное изложение материала с последовательным анализом; заключение, в котором обобщаются полученные результаты. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Работа будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бушуев А.В. Термины-метафоры в составе английского подязыка юриспруденции // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.71821 EDN: RERBOO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71821

Термины-метафоры в составе английского подязыка юриспруденции

Бушуев Андрей Викторович

ORCID: 0009-0003-2076-7807

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков института иностранных языков; РУДН

119049, Россия, г. Москва, ул. Мятная, 7 стр 1

✉ andrey_21b@mail.ru[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.71821

EDN:

RERBOO

Дата направления статьи в редакцию:

27-09-2024

Аннотация: Термин представляет собой специфическую, стилистически маркированную лексическую единицу, относящуюся к определенной – более или менее широкой – сфере деятельности. Предметом исследования являются структурные и семантические характеристики английской метафорической терминологии в области юриспруденции. Объектом исследования являются метафорические термины английского языка в сфере юриспруденции. Цель работы – выявить комплексную специфику метафорической англоязычной терминологии в области юриспруденции. Для достижения цели исследования нами был поставлен следующий ряд задач: 1) формулирование основных лингвистических характеристик термина; 2) определение частотности использования различных формально-структурных типов терминов в текстах юридической направленности; 3) определение частотности использования различных семантических типов терминов в текстах юридической направленности. Актуальность работы обусловлена повышенным вниманием к использованию метафоры в функциональных стилях речи, не ориентированных на реализацию эстетической функции языка – научном и официально-деловом. Методология работы соответствует поставленным задачам и включает следующие методы исследования: метод теоретического анализа, метод сбора

данных путём сплошной выборки, количественный метод. Научная новизна работы заключается в определении частотности использования семантических типов терминов в текстах юридической направленности. В результате анализа выделено 12 основных семантических областей метафорических терминов в области юриспруденции: «война», «человек», «цвет», «здоровье», «природа», «строительство», «движение», «одежда», «музыка», «кулинария», «спорт», «сверхъестественное». Формально-структурный анализ позволил установить наличие различных видов метафоризации в английской юридической терминологии, которые выражаются субстантивными, глагольными, адъективными и субстантивно-адъективными моделями. Метафорические термины, вошедшие в выборку, проанализированы по количественному и формально-грамматическому содержанию их компонентов. Единицы выборки разделены на несколько групп по их формальной структуре, а именно на однословные, бинарные (двухсловные) и трёхсловные. Также выявлена определённая избирательность образования метафорических терминов, в рамках которой некоторые семантические области являются более продуктивными, чем другие.

Ключевые слова:

термины-метафоры в юриспруденции, английский подъязык юриспруденции, метафорическая англоязычная терминология, формальная структура, полисемия, юридическая терминология, метафорические термины, метафоризация, английские юридические термины, семантические области

Введение

Термин представляет собой специфическую, стилистически маркированную лексическую единицу, относящуюся к определенной – более или менее широкой – сфере деятельности.

Актуальность работы обусловлена повышенным вниманием к использованию метафоры в функциональных стилях речи, не ориентированных на реализацию эстетической функции языка – научном и официально-деловом [\[1\]](#), [\[2\]](#), [\[3\]](#). Следует отметить достаточно большое количество современных работ, посвященных использованию англоязычной метафорической терминологии в различных типах дискурса: экономическом [\[4\]](#), [\[5\]](#), [\[6\]](#), политическом [\[7\]](#), [\[8\]](#), [\[9\]](#), медицинском [\[10\]](#), [\[11\]](#), [\[12\]](#) и т.д. При этом следует упомянуть о недостаточном внимании, уделяемом исследованию терминов-метафор в области юриспруденции. Прежде всего данное наблюдение относится к русскоязычному правовому дискурсу, состояние которого вызывает особый интерес в контексте значимых многоаспектных изменений в отечественном законодательстве.

Объектом исследования являются метафорические термины английского языка в сфере юриспруденции.

Предметом исследования являются структурные и семантические характеристики английской метафорической терминологии в области юриспруденции.

Для достижения цели исследования нами был поставлен следующий ряд **задач**: 1) формулирование основных лингвистических характеристик термина; 2) определение частотности использования различных *формально-структурных* типов терминов в текстах юридической направленности; 3) определение частотности использования различных

семантических типов терминов в текстах юридической направленности.

Методология работы соответствует поставленным задачам и включает следующие **методы исследования**: метод теоретического анализа, используемый в целях систематизации фактического материала и выявления схожих лингвистических характеристик термина в разных источниках; метод сбора данных путём сплошной выборки, используемый для отбора метафорических единиц терминологической системы юриспруденции, являющихся объектом исследования; количественный метод, используемый для подсчёта отобранных терминов и отражения их частотности.

Материалом исследования послужил корпус метафорических терминов из таких областей юридической деятельности, как общее право, уголовное право, трудовое право, цифровое право, имущественное и патентное право, торговое право, полученный методом сплошной выборки на базе одно- и двуязычных словарей, монографий, а также интернет-ресурсов (журнал «Юрист» (<https://jurist.by/>), Big Law Dictionary (<https://big-law-dictionary-legal-terminology-law-jargon.soft112.com/>), Cambridge Business English Dictionary (<https://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/catalog/business-professional-and-vocational/cambridge-business-english-dictionary/components>), Journal Legislation and Economics (<https://www.jstor.org/journal/jlaweconomics>), Longman Business English Dictionary (<https://www.ldoceonline.com/dictionary/business>)).

Теоретической базой исследования выступают работы, посвященные раскрытию концепта метафоры, исследованию её применения для создания новых значений и вариативности интерпретаций в различных контекстах [13],[14],[15],[16]. Кроме того, учитывался труд У. Крофта и А. Круза [17], посвященный изучению языка, в частности метафоры, как функции человеческого разума. Важным аспектом исследования явилось определение роли метафоры в процессе терминопорождения, что стало возможным благодаря труду Л. А. Дияровой [18].

Под **практической значимостью** исследования подразумевается применимость выводов и результатов данной работы при создании учебно-методических материалов по лексикологии, общему языкознанию, стилистике. Материалы работы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по терминоведению (для раскрытия сущности термина), правоведению и общей теории права (при составлении и категоризации терминологической базы юридического английского языка), философии науки и когнитивной лингвистике (для дискуссий о месте метафоры в научных текстах). Также предполагается, что данный труд будет полезен научному сообществу в дальнейших исследованиях метафорических терминов в различных сферах человеческой деятельности (при написании соответствующих научных статей и иных работ).

Обсуждение и результаты

Современный подход к пониманию термина имеет несколько интерпретаций. По лингвистическому энциклопедическому словарю, под термином понимается слово или словосочетание, указывающее на определенный фрагмент специфичной области знания [19]. «Термин» с позиции смежных наук имеет также несколько пониманий, в социологии, по Большому толковому социологическому словарю, термин рассматривается как принадлежащее какой-либо теории или отрасли знания имя с оттенком специального значения [20]; в философии закрепилось понимание термина как слова, отражающего фиксированные, неизменные и устойчивые аспекты реальности [21]. С точки зрения

логики под исследуемым нами понятием понимается то специальное слово или словосочетание, которое в точности передаёт сущность рассматриваемого в какой-либо среде или профессии явления [22]. Я. Р. Климовицкий предложил следующее определение для термина: если в понятийной системе отрасли знания имеется понятие, которое можно соотнести с каким-либо словом или словосочетанием по его языковому знаку, то такая единица есть не что иное, как термин [23]. В современных реалиях количество терминов постоянно растет [24]. В непрерывно развивающемся мире технологий и интернета каждый день появляются новые термины. Везде – от литературоведения до микробиологии, от проблематики социальных медиаплатформ до вопросов, связанных с криптовалютой, – существует бесчисленное множество новых терминов, которые следует изучить и понять. Помимо технологической сферы, новые термины появляются и в других областях, таких как медицина, наука и финансы. Такой рост числа терминов подчеркивает важность постоянного обучения и следования последним тенденциям. Зарубежные исследователи А. Wagner и S. Cacciaguidi-Fahy высказывают мысль о том, что увеличение количества обычных (общеразговорных, нейтральных и общелитературных) слов происходит медленнее, чем пополнение терминологических научных баз, по этой причине количество специальной терминологической лексики может со временем превысить число обычных слов языка [25]. С. В. Гринев-Гриневич, Э. А. Сорокина и М. А. Молчанова выражают идею о влиянии терминологических проблем на общеупотребительный язык ввиду множественных случаев проникновения терминологических единиц в обычную лексику, что создаёт необходимость в подробном рассмотрении возникшей ситуации [26].

Места фиксации и описания значения специальных языковых единиц известны как терминологические словари, и растущее количество словарей показывает, насколько быстро развиваются терминологические системы и насколько актуально их изучение. Важность терминографии в настоящее время трудно переоценить [27]. Ю. Н. Марчук констатирует, что в научных кругах ежедневно публикуется по крайней мере один специальный терминологический словарь [28].

С одной стороны, в разных науках наблюдаются некоторые различия в объяснении слова «термин», что может быть объяснено спецификой проблем конкретных областей знания, ведь ученые, работающие в контексте одной терминологической системы, ограничены ее рамками, в результате чего мы и можем увидеть неоднородность в интерпретации термина. С другой стороны, мы также можем проанализировать различные дефиниции термина и прийти к выводу о некоторых объединяющих их чертах: связь между термином и понятием, а также его принадлежность к специальной (научной) области знания.

Действительно, причастность термина к определенной терминологической системе не может не являться ключевой особенностью данного понятия, вне зависимости от того, в рамках какой области знания это рассматривается; ровно как и существование разъясняемого явления, дефиниция которого и заключена в термине вне зависимости от контекста – всё это есть ключевые, на наш взгляд, характеристики рассматриваемого языкового явления. Стоит признать, что термин можно адекватно воспринимать лишь в рамках определенных областей знания, за которыми он закреплён и в чьих терминологических системах зафиксирован. Терминологическая система – это набор терминов и их определений, согласованных экспертами в определенной области. Вне терминологической системы термин может иметь несколько значений, что приводит к путанице и недопониманию. Например, термин «клетка» может относиться к тюремной камере, биологической клетке или единице электричества. Однако в терминологической

системе биологии термин «клетка» относится именно к основной единице жизни. Использование терминологической системы позволяет обеспечить точную коммуникацию в рамках изучаемой области, гарантируя, что все говорят на «одном языке». Кроме того, это позволяет легче понимать и интерпретировать научную литературу. В то же время терминологическая система может развиваться по мере совершения новых открытий, что позволяет включать в нее новые термины и изменять существующие. Значение термина зависит от его использования в рамках определённой терминологической системы. Без этой системы коммуникация исследователей в рамках общей области знания была бы неточной и запутанной, что препятствовало бы научному прогрессу.

Являясь неотъемлемым компонентом речи, метафора обладает способностью проникать во все участки функционирования языка. В связи с этим, процесс метафоризации как один из способов образования терминов не кажется нам чем-то неестественным и противоречащим языковой норме. По нашему мнению, под действием активной метафоризации в языке само понятие «метафора» стало восприниматься по-разному: теперь любой способ косвенного и образного смысла причисляют к метафоре. В данном контексте мы можем отметить закономерность тенденции научных понятий к абстрактности ввиду такого глобального процесса, как метафоризация.

Считается [\[29\],\[30\],\[31\]](#), что полисемия – феномен, лежащий в основе процесса метафоризации, – является ключевой характеристикой большинства общеупотребительных слов. Общие слова легко переходят от одной вещи к другой, а также из одной конкретной сферы знаний в другую. Как отмечал Дж. Лакофф, метафорические понятия структурируют нашу сегодняшнюю реальность, новые метафоры способны создать новую реальность; это может произойти, когда мы начинаем осмысливать наш опыт в рамках метафоры, и он становится более глубокой реальностью, когда мы начинаем действовать в ее контексте [\[14\]](#). Однако термины не похожи на общеупотребительную лексику. По мнению А. А. Реформатского, термины существуют не только как часть языковой парадигмы, но и как раздел определенной номенклатуры [\[32\]](#). Как утверждает К. Я. Авербух, это является необходимым условием существования термина как явления, поскольку термин может существовать, только являясь элементом системы [\[33\]](#).

Термин «слово» обычно относится к отдельным языковым единицам, имеющим определенное значение или функцию. Они являются составными частями предложений и могут выступать в качестве законченной мысли или выражения. Однако, под «терминами» обычно понимаются конкретные слова или фразы, которые используются в определенном контексте или в определенной области знаний. Зачастую термины имеют специфическое значение, которое может быть не сразу понятно человеку, не связанному с конкретной отраслью, и часто используются для описания концепций, теорий или явлений, характерных только для определённой области знаний. Например, «эпистемология» – это термин, используемый в философии для описания изучения знаний и убеждений, а «алгоритм» – это термин, используемый в информатике для описания набора инструкций для решения задачи [\[34, с. 154\]](#).

Язык, применяемый в юридическом контексте, анализируется на предмет его потенциальной «метафоричности» [\[13, p. 201\]](#). Исследователи [\[35\],\[14\],\[15\]](#) сосредоточились на различных аспектах юридического языка и дискурса в поисках метафорического следа; неоднократно утверждалось, что метафоры пронизывают юридический язык, несмотря на его предполагаемый буквализм и отсутствие двусмысленности. Более того,

утверждается, что юридическое мышление основано на концептуальной метафоре, представленной и развитой в когнитивной теории метафоры [37],[38].

Проведённый анализ представленных в работе метафорических терминов в сфере юриспруденции и полученные на его основе результаты дают нам право сформулировать некоторые основные выводы, отражённые далее по тексту.

Согласно формально-структурному анализу терминологической базы, в данной работе были выделены односложные, бинарные (двухсловные) и трёхсловные терминологические единицы (см. Таблица 1). В результате данного анализа был установлен факт доминирования бинарных конструкций строения метафорических терминов среди изученных в данной работе слов и словосочетаний. Так называемые двухсловные термины-метафоры составляют более 65% от общего количества терминологических единиц, рассматриваемых в работе. Самой продуктивной моделью бинарных терминов является конструкция «существительное + существительное», общим количеством 79 метафорических единиц, что приравнивается к 33 процентам от всей выборки. Однословные термины в данной работе представлены 27 метафорическими единицами, что в свою очередь приравнивается к 11% от всей базы рассматриваемых терминов-метафор. Трёхсловные термины-метафоры, согласно результатам проведённого формально-структурного анализа, являются самой малочисленной группой и насчитывают всего 15% от всех упомянутых в работе метафорических единиц.

Таблица 1. Формально-структурный анализ метафорических терминов

№.	Модели	Количество терминов	Процентное соотношение к общему кол-ву, %
1	сущ.+сущ.	80	33
2	прил.+сущ.	39	17
3	глагол+сущ.	21	9
4	сущ.	18	9
5	прил.+сущ.+сущ.	18	9
6	сущ.+сущ.+сущ.	14	7
7	прич.наст.вр.+сущ.	13	6
8	глагол.+сущ.+сущ.	7	5
9	глагол.	6	3
10	прич.прош.вр.+сущ.	4	2
11	нареч.	2	1
12	сущ.+прил.+сущ.	1	1
13	прич.наст.вр.+сущ.+сущ.	1	1
14	глагол.+прил.+сущ.	1	1
15	нареч.+сущ.	1	1

При рассмотрении выборки метафорических терминов была обнаружена связь с различными семантическими областями. В работе были выделены 12 разделов областей-доноров, из которых путём метафорического переноса и пополняется юридическая терминология, такие как «война» ("war"), «человек» ("human"), «природа» ("nature"), «здоровье» ("health"), «строительство» ("construction"), «цвет» ("colour"), «спорт» ("sport"), «музыка» ("music"), «одежда» ("clothes"), «движение» ("motion"), «еда» ("food"), «сверхъестественное» ("supernatural").

К семантической области «война» были отнесены термины, отсылающие к военным действиям, оружию, насилию или иным признакам борьбы и способам убийства людей или любых живых организмов. Война есть не что иное, как крайняя форма противостояния, в которой можно рассмотреть параллели с судебным процессом, где стороны ведут ожесточенную борьбу друг с другом. Процесс подготовки к судебному заседанию напоминает планирование битвы, разработку военной стратегии, адвокаты разрабатывают тактику ведения дела, прокуроры подбирают нужных свидетелей, чтобы переломить ход дела, подобно генералам, выбирающим наиболее подходящий род войск для атаки на позиции противника. Юридические термины данной области позволяют передать серьёзность противоборства сторон (*legal siege* – досл. «правовая осада», *legal force* – «юридическая сила», *hostile witness* – досл. «враждебный свидетель»).

Второй выделенной группой терминов-метафор является «человек», к которой были отнесены метафоры, образно отсылающие к людям, их поступкам и поведению, а также к культуре и профессиям, семейным узам и т. д. (*neighbouring rights* – досл. «соседствующие права», *sister ship clause* – досл. «условие корабля-сестры»).

Следующей выделенной в анализе семантической областью стала «природа». В эту группу были включены различные термины, отсылающие к флоре, фауне, природным явлениям и т. д. Метафорический перенос в правовое поле происходит на основе образного сходства с рассматриваемым объектом или явлением либо на основе сходства в поведении с различными представителями природы, такими как акулы, быки и другими животными. Основной отличительной чертой является изображение жесткого мира природы, характера отношений между животными, их сходства с миром людей: жестокостью, стремлением к выживанию, иерархическими отношениями, конкуренцией и т. д. Зооморфные метафоры легко формируют в сознании участников юридической сферы деятельности адекватные образы и представления (*loan-shark* – досл. «акулий заём», *lame duck* – досл. «хромая утка», *lemon law* – досл. «закон о лимоне»).

К семантической области «здоровье» были причислены термины, указывающие на понятия из сферы здравоохранения о строении человеческого тела и различных заболеваниях. Обилие метафоричных переносов из медицины объясняется тем, что юридическая практика тесно связана с данной областью знания, медицинские эксперты являются незаменимыми помощниками правосудия в различных отраслях правоприменительной деятельности (*ambulance chaser* – досл. «преследователь кареты скорой помощи», *legal aid* – досл. «правовая помощь», *intoxication defense* – «защита от опьянения»).

В область «строительство» попали термины, указывающие на различные виды конструкций и сооружений, созданных человеком, а также всевозможные орудия и инструменты, которые использовались в процессе строительства. Метафоры из данной области отражают сложные юридические концепты в знакомых образах (*scarecrow patent* – досл. «патент-пугало», *legal channel* – досл. «правовой канал», *dock* – досл. «причал»).

Следующей выделенной в работе семантической областью является «цвет». Термины, основанные на цветовых ассоциациях, представляют собой особую группу в исследуемой терминологии. Цвет, являясь универсальной категорией, в каждой культуре имеет свои особенности. Цвета формируют мировоззрение, основой которого являются особенности цветовосприятия той или иной культуры и их отражение в сознании человека. В самом начале своего существования люди использовали различные цвета для описания окружающих их вещей. Вскоре цветовая лексика стала использоваться для

метафоризации объектов. В юридическом английском языке существует множество терминов, связанных с цветом, поскольку они используются для описания специфических юридических понятий (*blue-sky laws* – досл. «законы голубого неба», *blue ribbon jury* – досл. «присяжные с синей лентой», *black letter law* – досл. «закон черного письма»).

Под метафорами области «спорт» понимается специальная лексика, связанная с различными спортивными дисциплинами, Олимпийскими играми, спортивным инвентарём и так далее. Спортивная сфера не лишена правовой регуляции, специализирующиеся в ней юристы вовлечены в решение споров, периодически возникающих в индустрии. Кроме того, образ спорта как состязания двух команд на игровом поле можно сравнить с противостоянием сторон в зале суда. Данные предпосылки способствовали активному переходу терминологических единиц из сферы спорта в правовую терминологию путём метафоризации (*scoring points* – досл. «набор очков», *home court advantage* – досл. «преимущество домашнего суда», *benchwarmer* – «запасной игрок»).

К области «музыка» также были отнесены метафорические термины, которые часто используются в юридическом английском языке, в особенности в контрактах и соглашениях, связанных с музыкальной индустрией (*concerted effort* – «скоординированные усилия», *orchestrate* – досл. «дирижировать», *tempo* – «темп»).

Метафорические единицы, отсылающие к образу предметов гардероба и деталей одежды, были отнесены к семантической области «одежда». Существование подобных терминов объясняется образным сходством функций предметов данной области с дефинициями правовых концептов (*umbrella insurance* – досл. «зонтичное страхование», *power of the purse* – досл. «сила кошелька»).

В ходе семантического анализа также были выделены такие области, как «движение» (*stand up legally* – досл. «легально встать», *come into legal force* – «вступить в законную силу»), «еда» (*hodge-podge act* – букв. «акт солянки», *fresh evidence* – досл. «свежие доказательства») и «сверхъестественное» (*act of God* – досл. «акт Бога», *prayer in aid* – досл. «молитва о помощи»).

При изучении базы терминов-метафор было обнаружено, что определенные метафорические термины используются более активно и результативно, чем другие (см. Таблица 2).

Таблица 2. Семантические области употребления

метафорических терминов			
№.	Семантическая область	Кол-во терминов	Процентное отношение к общему, %
1	«Война» ("war")	43	19
2	«Человек» ("human")	41	18
3	«Природа» ("nature")	34	15
4	«Здоровье» ("health")	30	13
5	«Строительство» ("construction")	27	12
6	«Цвет» ("colour")	15	7
7	«Спорт» ("sport")	10	5
8	«Музыка» ("music")	10	5
9	«Одежда» ("clothes")	9	4

10	«Движение» ("motion")	7	3
11	«Еда» ("food")	5	3
12	«Сверхъестественное» ("supernatural")	3	2

Анализ метафорических терминов в английском юридическом языке, полученных из различных источников путем сплошной выборки, выявил такие семантические области заимствований, как «война» и «человек», каждая из которых насчитывает 19% и 18% соответственно, или приблизительно одну пятую от рассматриваемой базы. В работе также были выявлены такие семантические области, как «здоровье», насчитывающая 34 термина-метафоры (около 13% от общей базы), «природа» с 30 метафорическими единицами (около 12% от общей базы), «строительство» с 27 терминами (около 11% от общей базы), «цвет» с 15 метафорическими единицами (7% от общей базы). Наименее продуктивными семантическими областями, выделенными в данной работе, оказались «одежда», «музыка», «кулинария», «спорт», «движение» и «сверхъестественное», общее количество терминов-метафор в данных областях насчитывает всего 45 терминов, что приравнивается к 23% метафор от общей выборки.

Заключение

На базе изученного теоретического материала и проделанного анализа представляется возможным сделать **выводы**. Термин обладает рядом лингвистических особенностей: 1) термин обладает специфичным значением; 2) точное определение понятия «термин» возможно лишь в рамках определённой понятийной системы; 3) любое слово или словосочетание, которое можно рассматривать в качестве термина, обозначает профессиональное, специальное понятие.

На *формально-структурном* уровне был установлен факт доминирования в английском подязыке юриспруденции метафорических терминов, представляющих собой бинарные конструкции. Самой продуктивной моделью бинарных терминов является конструкция «существительное + существительное». Приходим к выводу, что метафорические термины в юридической сфере формируются с учетом характерных синтаксических моделей английского языка, что указывает на системность процесса создания терминов-метафор в англоязычной терминологии юриспруденции.

На *семантическом* уровне наиболее продуктивными областями употребления метафорических терминов в английском подязыке юриспруденции являются области «война» и «человек», что можно объяснить образной близостью данных полей к концепту «юриспруденция», главными особенностями которого является «противостояние сторон» (как отражение войны) и «точность» (как неотъемлемая часть мира человека).

Перспективы исследования видятся в сопоставительном анализе англо- и русскоязычных метафорических терминов, используемых в подязыке юриспруденции.

Библиография

1. Кудина И. Г. Метафора как один из способов развития переносных значений слов // Филолог года 2019: сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 27 декабря 2019 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2019.
2. Богачева Е. А., Семёнова Э. В. Метафоры и фразеологизмы в профессиональной коммуникации (на материале англоязычного юридического дискурса) // Язык науки и

профессиональная коммуникация. 2021. № 2 (5).

3. Раджабова С. Ш. Лексика официально-делового стиля английского языка // *The Scientific Heritage*. 2020. № 50-5.

4. Кириллова К. А., Шугаева Н. Ю. Образование англоязычной экономической терминологии на основе метафоры. Сборник научных статей по материалам XXXII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии в свете современных исследований». Чебоксары, 2022, 21–22 апреля 2022 г. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева.

5. Огородняя А. В. Метафорические термины в английском экономическом дискурсе // Сборник статей Внутривузовской молодежной научной конференции «Профессиональная коммуникация: язык, культура, перевод», 2 ноября 2020 г. Редколлегия: Е.Г. Баянкина (отв. ред.) [и др.]. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020.

6. Liang S. A Corpus-Based Study on Conceptual Metaphors in the Finance & Economics Column of *The Economist* // *International Journal of English Language Studies (IJELS)*. 2021. Volume 3. Issue 8. URL: <https://doi.org/10.32996/ijels.2021.3.8.3>

7. Иванова И. Е. Политическая метафора в английском и французском языках: сравнительно-сопоставительный анализ / И. Е. Иванова, Ю. Н. Карыпкина // *Political Linguistics*. – 2023. – № 4. – С. 42-50.

8. Кузнецова В. Ю. Метафора как инструмент формирования образа политического лидера (на материале американских СМИ) // *Russian Linguistic Bulletin*. 2021. № 3 (27).

9. Picard L., Stambach D. Political Metaphors in U.S. Governor Speeches (December 9, 2022). URL: <https://ssrn.com/abstract=4298372> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4298372>.

10. Сатретдинова А. Х., Пенская З. П. Особенности функционирования метафоры в медицинском дискурсе (на материале русского и английского языков) // *Гуманитарные исследования*. 2021. № 1 (77).

11. Шарапа А. А. Метафорические модели языковой репрезентации медицинской терминологии // Материалы XXI Международной научно-практической конференции «Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития». Минск, 21 октября 2021 г. Минск: Белорусский государственный медицинский университет, 2022. URL: <https://rep.bsmu.by/bitstream/handle/BSMU/35645/500-505.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

12. Have H. T., Gordijn B. Metaphors in medicine // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2022. № 25

(4). URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9584248/pdf/11019_2022_Article_10117.pdf.

13. Carston R., Wearing C. Metaphor, hyperbole and simile: A pragmatic approach // *Language and Cognition*. 2011. № 3 (2).

14. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.

15. Musolff A. Creativity in metaphor interpretation // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. № 23 (1).

16. Steen G. J. *Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.

17. Croft W., Cruse A. *Cognitive Linguistics*, Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

18. Диярова Л. А. Когнитивная метафора как механизм формирования анималистической глагольной лексики в современном английском языке // *Вестник ВятГУ*. 2017. № 6.

19. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

20. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь. 5-е изд. Т. 2: П – Я. М.: Вече, 2004.

21. Ильичёв Л. Ф., Федосеев П. Н. Философский энциклопедический словарь. 1-е изд.

М.: Советская Энциклопедия, 1983.

22. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд. М.: ЁЁ Медиа, 2012.

23. Климовицкий Я. Р. Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники // Современные проблемы терминологии в науке и технике: сборник статей. М.: Наука, 1969.

24. Ли Я. Особенности метафор в экономическом дискурсе // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-5.

25. Wagner A., Cacciaguidi-Fahy S. (Eds.) Legal Language and the Search for Clarity. Bern: Peter Lang, 2006.

26. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Терминоведение. 3-е изд. М: URSS, 2023.

27. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Ленанд, 2021.

28. Марчук Ю. Н. Информационные технологии в лингвистике. Компьютерная лингвистика. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2015.

29. Кожанов А. А. Полисемия и омонимия в юридической терминологии (на материале немецкого языка) // Пушкинские чтения. 2014. № XIX.

30. Ревеко Л. С. Метафоризация как способ образования субстантивных терминов немецкой металлообрабатывающей терминологии // Известия ВГПУ. 2020. № 4 (147).

31. Кожара О. В. Репрезентация многозначного слова в моделях ментального лексикона // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447.

32. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2022.

33. Авербух К. Я. Общая теория термина. Иваново: Ивановский государственный университет, 2004.

34. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.

35. Fernández L. J., Remondino L. G. The use of metaphors in scientific texts in English: A proposal for improving reading competence // Sino-US English Teaching. 2013. № 10 (8).

36. Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. № 21 (1).

37. Ebbesson J. (Ed.). Access to Justice in Environmental Matters in the EU. The Hague: Kluwer Law International, 2002.

38. Ebbesson J. Law, power and language: Beware of metaphors // Scandinavian Studies in Law. 2008. № 53 (12).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают структурные и семантические характеристики английской метафорической терминологии в области юриспруденции, актуальность изучения которых не вызывает сомнения: юридическая терминология представляет собой одну из наиболее сложных и востребованных сфер в лингвистике, и обусловлена повышенным интересом научного сообщества к проблеме «использования метафоры в таких функциональных стилях речи, как научный и официально-деловой», а также недостаточным вниманием к исследованию терминов-метафор в области юриспруденции.

Теоретической основой исследования выступили труды таких российских и зарубежных ученых, как А. А. Реформатский, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, К. Я. Авербух, Л. А. Диярова, Я. Р. Климовицкий, И. Г. Кудина, С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, М. А.

Молчанова, Ю. Н. Марчук, Я. Ли, J. Lakoff, M. Johnson, W. Croft, A. Cruse, G. J. Steen, A. Wagner и S. Cacciaguidi-Fahy, J. Ebbesson, A. Musolff и др., посвященные лингвистическим основам учения о терминах, раскрытию концепта метафоры, исследованию её применения для создания новых значений и вариативности интерпретаций в различных контекстах, определение роли метафоры в процессе терминопорождения и пр. Библиография статьи насчитывает 38 источников, в том числе на иностранных языках, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики.

Основным источником эмпирического материала исследования послужил корпус метафорических терминов из таких областей права, как общее право, уголовное право, трудовое право, цифровое право, имущественное и патентное право, торговое право, полученный методом сплошной выборки на базе одно- и двуязычных словарей, монографий, а также интернет-ресурсов (журнал «Юрист», Big Law Dictionary, Cambridge Business English Dictionary, Journal Legislation and Economics, Longman Business English Dictionary).

Методологическую базу исследования составили метод теоретического анализа, используемый в целях систематизации фактического материала и выявления схожих лингвистических характеристик термина в разных источниках; метод сбора данных путём сплошной выборки, используемый для отбора метафорических единиц терминологической системы юриспруденции, являющихся объектом исследования; количественный метод, используемый для подсчёта отобранных терминов и отражения их частотности. Промежуточные результаты исследования отражены в таблицах «Формально-структурный анализ метафорических терминов» и «Семантические области употребления метафорических терминов», что является несомненным преимуществом представленной научной работы, так как визуализация и авторская интерпретация данных позволяет сделать материал более доступным для восприятия и способствует более глубокому пониманию масштабов проведенной работы.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить основные лингвистические характеристики термина; определить частотность использования различных формально-структурных типов терминов и различных семантических типов терминов в текстах юридической направленности, а также сформулировать ряд выводов относительно метафорических терминов в составе английского подязыка юриспруденции. Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как юридическая лингвистика, социоллингвистика, прагматическая лингвистика, теория дискурса, лингвистическая семиотика. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при создании учебно-методических материалов по лексикологии, общему языкознанию, стилистике. Материалы работы могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении курсов по терминоведению, правоведению и общей теории права (при составлении и категоризации терминологической базы юридического английского языка), философии науки и когнитивной лингвистике. Данная работа, безусловно, будет полезна научному сообществу в дальнейших исследованиях метафорических терминов в различных сферах человеческой деятельности.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может

быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Koliadin A. V. (2025). Comparative-contrastive proxemic model of architecture of the future (based on articles of the magazines "Vokrug Sveta" and "National Geographic"). *Litera*, 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.72291

Comparative-contrastive proxemic model of architecture of the future (based on articles of the magazines "Vokrug Sveta" and "National Geographic") / Сравнительно-сопоставительная проксемная модель архитектуры будущего (на материале статей журналов «Вокруг Света» и "National Geographic")

Колядин Антон Валерьевич

ORCID: 0009-0001-6637-7244

старший преподаватель; подготовительное отделение для иностранных учащихся; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

✉ kav3105@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.72291

EDN:

RQBEYN

Дата направления статьи в редакцию:

10-11-2024

Abstract: This publication is devoted to the features of proxemic models of architecture of the future of the countries of the East and West from the point of view of their comparison and identification of the features of verbalization. It is noted that these aspects of the proxemic model of architecture of the future are a rather little-studied area of the formation of spatial relations in journalistic texts. The purpose of this article is to analyze journalistic texts that represent examples of Russian-language and English-language journalistic discourse based on the comparison of proxemic markers (proxemes-spacenames, proxemes – verbs of motion, proxemes – adjectives, proxemes – toponyms, proxemes – linguoculturemes) nominating spatial relations in the articles in popular science country-specific magazines "Vokrug Sveta" about the UAE skyscrapers Ciel Dubai Marina and Burj Azizi and "National Geographic" about wooden skyscrapers built in Northern Europ. The

analyzed samples of spatial lexemes, selected in magazine articles by the method of continuous sampling, are also considered from the point of view of their inherent informative codes, allowing readers to understand the architectural ideas of representatives of different cultures. Based on the results of the conducted analysis, it seems possible to identify the features of the axial orientation of proxemic markers in the architecture of contrasting parts of the world, which is determined by the pragmatic tasks of architects, as well as historical prerequisites, information about which is implicitly present in the text in the linguaculturemes used by the authors. Thus, the choice of certain proxemic markers contributes not only to the formation of a spatial image in the text of the publication, but also activates the individual reader's perception of the locations represented in the article, taking into account the background knowledge of the recipients, as well as their worldview.

Keywords:

proxeme, spacename, linguacultureme, proxemic model, three-dimensional space, horizontal axis, vertical axis, informative code, cultural codes, background knowledge

Аннотация: Данная научная публикация посвящена особенностям проксемных моделей архитектуры будущего стран Востока и Запада с точки зрения их сопоставления и выявления особенностей вербализации. Отмечается, что данные аспекты проксемной модели архитектуры будущего являются достаточно мало изученной областью формирования пространственных отношений в публицистических текстах. Целью данной статьи выступает проведение анализа публицистических текстов, представляющих собой образцы русскоязычного и англоязычного публицистического дискурса, основанного на сопоставлении проксемных маркеров (проксем-спейснем, проксем – глаголов движения, проксем имен прилагательных, проксем – топонимов, проксем – лингвокультурем), номинирующих пространственные отношения в статьях научно-популярных страноведческих журналов «Вокруг Света» о высотках ОАЭ Ciel Dubai Marina и Бурдж-Азизи и National Geographic о небоскребах из дерева, построенных в Финляндии, Норвегии, Германии. Анализируемые образцы пространственных лексем, отобранные в журнальных статьях методом сплошной выборки, рассматриваются также с точки зрения присущих им информативных кодов, позволяющих читателям понять архитектурные замыслы представителей разных культур. По результатам проведенного анализа представляется возможным обозначить особенности осевой направленности проксемных маркеров в архитектуре контрастирующих частей Света, что обуславливается прагматическими задачами архитекторов, а также историческими предпосылками, информация о которых имплицитно присутствует в тексте в используемых авторами лингвокультурах. Отмечается, что в материалах статей об архитектуре ОАЭ основной акцент делается на возвышении молодого государства в глазах всего мира, что находит отражение в архитектурных проектах, аналогов которым на текущий момент нет ни в одном другом государстве. В то время как в странах западной Европы наблюдается тенденция к возврату к историческим корням, что также визуализируется в архитектурных новинках. Таким образом, выбор определенных проксемных маркеров способствует не только формированию пространственного образа в тексте публикации, но и активизирует индивидуальное читательское восприятие репрезентуемых в статье локаций с учетом имеющихся у реципиентов фоновых знаний, а также особенностей мироощущения.

Ключевые слова:

проксема, спейсхема, лингвокультурема, проксемная модель, трехмерное пространство, горизонтальная ось, вертикальная ось, информативный код, культурные коды, фоновые знания

The problem of studying proxemic models from the point of view of the verbalizers of spatial relations used in them, as well as markers of non-verbal code that allow creating spatial images in the texts of journalistic discourse, has long been the subject of scientific research in the field of linguistics and related disciplines.

This article presents the results of the research based on the comparison of proxemic models of architecture of the future of the East and West based on the publications in the magazines "Vokrug Sveta" and "National Geographic", which in itself implies a possible contrast.

As R. Kipling wrote in "The Ballad of East and West": "Oh, East is East and West is West, and never the twain shall meet" [\[1\]](#). C. G. Jung, in turn, also noted the fundamental difference not only in the way of life, but also in the vision of the world between the East and the West [\[2\]](#).

In the context of the research being conducted, it should be said that the East in the analyzed journal articles is represented not by ancient countries with a thousand-year history, but by the young state of the UAE, formed in 1971 [\[3\]](#). It should be noted that in a relatively short time, the UAE entered the top ten countries of the world with the strongest economies. At the same time, the formation of the new state required the creation of a capital, which, like many other architectural objects and even islands, was built on territories covered with tons of sand.

The West in the analyzed articles, in turn, is represented by the old states of Western Europe with the established views on the universe, attitude to nature and values.

This contrast is verbalized in the analyzed articles primarily through proxemic markers, as well as linguaculturemes that allow creating three-dimensional spatial images of architectural structures of the compared states, while implicitly drawing before the readers the peculiarities of the worldview of the bearers of Eastern and European (Western) cultures, which is reflected in the approaches to architectural design.

First of all, it should be noted that in the study we used the definition of proxemes formulated by E. A. Ogneva as a fundamental one. Thus, the scientist suggests that proxemes should be understood as "linguistic structures representing spatial parameters, spatial representations of an ethnic group, recorded in the language" [\[4, p. 114\]](#). At the same time, according to the linguist, the textual conceptualization of spatial images is one of the formats of the picture of the world.

Such an interpretation of concepts is reflected in the works of other researchers, in particular, Yu. S. Stepanov, who writes about concepts as a "concentration of culture in the consciousness of a person", i.e. about "the form of the culture when it enters the mental world of a person" [\[5\]](#), but in this context it is taken into account that the verbal representation of concepts "is associated with the communicative needs of individuals, and not with the existence and functioning of the conceptual sphere as a substrate of thinking"

[\[6, p. 9\]](#), which, in our opinion, allows us to talk about the individual author's vision of the world and about certain pragmatic tasks implemented by the authors of publications through the use of certain lexical units, the semantics of which forms spatial images.

Thus, it is considered possible to note that journalistic texts, in their majority, are characterized by the presence of certain cultural codes, which, as A. P. Sadokhin notes, are characterized by the ability of linguistic cultures, using various verbal and non-verbal means, to represent the specifics of national habits and worldview of a separate ethnic group, including the peculiarities of the organization of space [\[7, p. 72-81\]](#). Thus, in this context we are talking about the possible use in journalistic texts of the linguaculturemes previously mentioned in this article, which are complex inter-level lexical units containing semantic meaning and extralinguistic cultural meaning [\[8, p. 44-45\]](#).

Taking into account the three-dimensionality of space, which allows the author to create, and the recipient to perceive volumetric images in three projections (forward - backward, up - down, right - left), we note that such a nomination is possible due to the use of various verbalizers of spatial relations, which, in turn, is reflected in the basic concept of V. G. Gak, who believed that "spatial meanings are the basis of many linguistic means of designation both at the level of the word and at the level of the sentence structure" [\[9, p. 134\]](#).

The concept of the three-dimensionality of the text space proposed by V. G. Gak (the scientist wrote about artistic space, but we believe that this approach is also applicable to journalistic texts) includes the issue of determining the locational position of the object in space. M.A. Kunizhev defines a two-member opposition of position (horizontal and vertical spatial axes) [\[10, p. 44; 85\]](#). E. A. Ogneva believes that 4 models of the text proxemic matrix should be considered (horizontal, vertical, vertical-horizontal and horizontal-vertical) [\[4, p. 114\]](#). G. Lakoff, in turn, somewhat expands the possible gradation of spatial orientations, highlighting the following types: "up-down", "in-out", "front-back", "on-off", "deep - shallow", "central - peripheral" [\[11, p. 35\]](#).

The issue of possible linguistic means - proxemic markers is presented in sufficient detail in scientific publications of the Russian scientists. Thus, M. A. Kunizhev suggests that in the process of studying locative markers we should proceed from the presence of 5 categories of lexical units (nouns with the semantic meaning of place, spatial prepositions, adverbs of place, spatial deixis, as well as verbs of movement and designation of position) [\[10, p. 44\]](#).

In turn, E. A. Ogneva typologizes proxemic units as follows: 1) lexical units and phrases with the semantic meaning of space; 2) verbs of motion; 3) proxemic toponyms and 4) proxemic landscape units [\[12, p. 54\]](#).

In the field of studying proxemic structures, the term "spacename" introduced by T. R. Tuguz is also used. The linguist proposes to use this term to denote words and constructions that mark artistic space. At the same time, it is specified that spacename is a phrase expressed by a noun with a preposition, with the semantic meaning of the location of a person or object in artistic space [\[13, pp. 128-130\]](#), which corresponds to the first category of locative markers in the previously presented typologies of M. A. Kunizhev and E. A. Ogneva.

As noted above, the empirical materials for the research were the articles from the magazines "Vokrug Sveta" and "National Geographic".

In the articles by E. Beletskaya "Burj Azizi: where will the 2nd tallest skyscraper in the world be built and what will be inside?" [14] and T. Shcheglova "The tallest skyscraper hotel in the world: 6 facts about Ciel Dubai Marina" [15], published in the magazine "Vokrug Sveta", readers are introduced to the architectural innovations of the East.

First of all, we note that to create an artistic space when describing skyscrapers, the authors mainly used proxemes-spacenames, nominating individual loci inside architectural structures, the complex perception of which allows us to visualize and feel the multidimensionality and volume of the record-breaking buildings. Thus, in the article about the skyscraper-hotel Ciel Dubai Marina [15] (the name of the toponym is presented in the article without translation, which allows the reader to feel the Europeanization of this eastern architectural giant), such proxemes-spacenames as *отель-небоскреб, небоскреб-рекордсмен, гигантский цилиндр*, related to the vertical spatial axis, were used to nominate the structure itself. While the interior space of the hotel is created by such nominees as *номера, спа, рестораны, фитнес-центры, бассейн, смотровая площадка*, forming a horizontal plane of spatial perception. An important role in the process of creating the image of a huge skyscraper is played by proxemes-adjectives, the connotative meanings of which enhance the perception of the scale of the construction and the desire of architects to go beyond the current rules and regulations not only in urban planning, but also in science. For this, the author of the article uses such epithets as *футуристический, роскошный, гигантский, огромный, захватывающий*. However, the most significant feature of the described architectural object, in our opinion, is the fact that it is made entirely of "glass, steel and concrete", which makes it the height of modern technology, while implicitly equating it to an entire city under one roof.

The second article about oriental skyscrapers is about the second tallest skyscraper in the world – Burj Azizi [14]. It should be noted that the author of this publication uses a greater number of figurative proxemes-spacenames that allow us to mentally imagine the height of this structure: *725-метровая высота, гигантская башня, второе самое высокое здание в мире, небоскреб, рекордная многоэтажка, высота, крупный город, отель, огромное здание, культовое сооружение, впечатляющая высота, уникальный вертикальный молл, резиденции башни, небоскреб в 2 км высотой*. All of the listed lexemes belong to the vertical proxemic axis. While the internal volume is created by means of such markers of the horizontal axis of space as *элитные апартаменты, пентхаусы, резиденции для отдыха, бассейны, сауны, тренажерные залы, оздоровительные центры, ночной клуб, ресторан, самая высокая смотровая площадка* (vertical-horizontal proxemic axis), *улицы, жилье*. As in the previous article, the Burj Azizi skyscraper-hotel is characterized as *высокий, рекордный, крупный, огромный, элитный, высотный, уникальный вертикальный, культовый, впечатляющий, инновационный и ультрароскошный* - i.e., striving to go beyond the ordinary, to become unique and one of a kind. At the same time, the main emphasis in the image of the skyscraper is also placed on the materials it is made of - *glass and metal*, using the latest technology and without reference to historical roots.

The explanation for this desire of the Eastern architects to build skyscrapers touching the sky can be found in the words of the chairman of the board of "Azizi Group" Mirwais Azizi, who talks about the company's commitment to "raise the image of Dubai to a new, unrivaled height" [14]. We believe that such aspiration can also be explained by the history of the young state, which sets ambitious plans for itself in many areas of human existence.

The article on trends in Western European architecture presents a sharp contrast to the Eastern innovative plans.

Saul Elbein's article "Will the skyscrapers of the future be made out of wood?" [\[16\]](#) is about skyscrapers made entirely of wood built in Finland, Norway and the German state of Thuringia. It should be noted that the linguacultural perception of the word "skyscraper" implies a very tall modern building, while European wooden high-rises have only 12-13 floors, which, despite the vertical axis of spatial perception, somewhat reduces the idea of the high-rise characteristics of the house. At the same time, wooden houses, in the general human understanding, have always been low (several floors), which indicates the use of the latest technologies that make it possible to implement such architectural projects.

It should be noted that there are quite few descriptions of wooden high-rise buildings in the article. For their nomination, the author uses a fairly limited set of proxemes-spacenames, which, however, in some cases are highly figurative: *the skyscrapers of the future, a rectangular hole, a 12-story apartment building, all-wood high-rises, the bones of skyscrapers, exposed skeleton, the tallest all-wood building in the world, apartment building, a bird's nest, a cathedral, strong structures, lobby, a line of standardized, customizable, mid-rise apartments and office buildings*. The listed lexical units relate to both horizontal and vertical proxemic planes. At the same time, the general perception of wooden new buildings seems to be quite compact and cozy for living. Such perception is reinforced by descriptions of natural locations of the European countries and spatial markers characteristic of these locations (*the river, canals, an enormous float of spruce logs, thick boreal forests, a highly managed landscape, production forests or working forests, the factory, an enormous, cozy pine cone, the valley slope, the Alpine forests, factories, sawmills, rail lines, truck routes, the surrounding spruce forests, unused land, a peat bog, the wetland forest, wildland, cropland, yard, the river cane, the cavity ripped in the woods*). The given examples of proxemic nominatives create spatial perception along the horizontal plane, which is reinforced by proxemic verbs *to grow, to run, to move through, to stretch (the horizon), to spread*, etc.

Wood is a natural material that has served humans for centuries for various purposes. As the author of the publication writes *"People were born in oak beds and rocked in poplar cradles and killed by walnut-stock rifles and buried in pine coffins"*. Thus, the concept of wood acts as a linguacultureme for representatives of the Old Europe with a centuries-old history, which is reflected in the latest architectural trends. Therefore, the author of the article calls the design of modern wooden high-rises by European architects *"a project that carries, in Finland, shades of a national religion"*. Understanding of this implicit information code is further enhanced by temporal and topographic linguaculturemes (*Notre Dame, the American Revolution, World War II, the era of industrial monoculture forests, the 19th-century works of Cotta*), which refer to historical roots and explain people's desire to be closer to nature.

Thus, the conducted research allowed us to identify the features of proxemic models of the future architecture of the West (using the UAE as an example) and the East (using the countries of Northern Europe as an example). The recently formed oriental state, striving for rapid development in all areas, the use of the latest technologies and the increase in the standard of living, builds skyscrapers from high-tech, but cold "glass, steel and concrete", throwing aside all current laws of physics and rushing to the skies, while standing on a small "triangular plot of land with an area of only 2,500 square meters" [\[15\]](#), which is a fairly metaphorical image. While European high-rise construction, although it involves the use of new technologies, turns to time-tested materials - wood. Moreover, if in the eastern architecture the space of high-rise buildings is perceived in a vertical plane, then the

European one is perceived in a horizontal plane, but widely covering the earth's surface with forests, rivers and other landscape markers.

It is supposed that an important factor for the reader's perception of spatial relations is also the recipient's possession of a certain set of background knowledge that allows them to recognize and correctly interpret the information codes implicitly present in articles and often represented by linguaculturemes and toponyms.

References

- 1 . Kipling, R. (1889). *The Ballad of East and West*. Retrieved from https://www.kiplingsociety.co.uk/poem/poems_eastwest.htm
- 2 . Jung, C. G. (1969). *Differences between Eastern and Western Thinking. Psychological commentary on the "Tibetan Book of the Great Liberation"*. Retrieved from <https://carljung.ru/biblio/psiche/vostok/ost-west/1.htm>
- 3 . MFA [Official Site]. (2024). Retrieved from <https://uae.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/abouttheuae/>
- 4 . Ogneva, E. A. (2017). Features of the spatial model "New Atlantis" in the architectonics of F. Bacon's utopia. *Humanitarian studies*, 3(63), 113-119. Retrieved from <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=1724>
- 5 . Stepanov, Yu. S. (2005). *Concept*. Retrieved from <https://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm>
- 6 . Babushkin, A. P., & Sternin, I. A. (2018). *Cognitive linguistics and semasiology*. Monograph. Voronezh: OOO "Ritm".
- 7 . Sadokhin, A. P. (2014). *Introduction to the theory of cultural communication*. Tutorial. Moscow: KNORUS.
- 8 . Vorobyov, V. V. (2006). *Lingvoculturology*. Moscow: RUDN University Publishing House.
- 9 . Gak, V. G. (2000). Space outside of space. Logical analysis of language. Languages of spaces. Pp. 127-134. Moscow: *Languages of Russian culture*.
- 10 . Kunizhev, M. A. (2005). Category "space": its status and means of verbalization [Electronic resource]: based on the material of modern English: dis. ... cand. Philological sciences: 10.02.04. Moscow: RGB. Retrieved from <https://www.dissercat.com/content/kategoriya-prostranstvo-ee-status-i-sredstva-verbalizatsii-na-materiale-sovremennogo-angliis>
- 11 . Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By: trans. from English*. Moscow: Editorial URSS.
- 12 . Ogneva, E. A. (2021). Typology of text proxemes in light of Romano-Germanic translation. *Humanitarian studies*, 2(78), 54-58. Retrieved from <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=2154>
- 13 . Tuguz, T. R. (2022). Spacenames as markers of artistic space (based on the work of G. James "The Wings of the Dove"). *Humanitarian studies*, 2(82), 128-132. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48688108_15752389.pdf
- 14 . Beletskaya, E. (2024). "Burj Azizi": where will the 2nd tallest skyscraper in the world be built and what will be inside?". "Vokrug Sveta" [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.vokrugsveta.ru/articles/burdzh-azizi-gde-postoyat-2-i-po-vysote-neboskreb-v-mire-i-chto-budet-vnutri-id5849035/>
- 15 . Scheglova, T. (2024). The tallest skyscraper hotel in the world: 6 facts about Ciel Dubai Marina. "Vokrug Sveta" [Electronic resource]. Retrieved from <https://www.vokrugsveta.ru/articles/samyi-vysokii-otel-neboskreb-v-mire-6-faktov-o-ciel-dubai-marina-id5791759/>
- 16 . Elbein, S. (2020). Will the skyscrapers of the future be made out of wood? – Retrieved from <https://www.nationalgeographic.com/science/article/skyscrapers-of-the-future-will-be->

made-out-of-wood

Библиография

1. Kipling R. The Ballad of East and West. – URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/poem/poems_eastwest.htm (дата доступа 05.11.2024)
2. Юнг К.Г. Различия между восточным и западным мышлением / Психологический комментарий к «Тибетской книге великого освобождения». – URL: <https://carljung.ru/biblio/psiche/vostok/ost-west/1.htm> (дата доступа 05.11.2024)
3. МИД [Official Site]. – URL: <https://uae.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/abouttheuae/> (дата доступа 05.11.2024)
4. Огнева Е.А. Особенности пространственной модели «Новая Атлантида» в архитектонике утопии Ф. Бэкона // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (63). – С. 113-119. – URL: <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=1724> (дата доступа 05.11.2024)
5. Степанов Ю.С. Концепт. – URL: <https://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> (дата доступа 05.11.2024)
6. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
7. Садохин А.П. Введение в теорию культурной коммуникации. Учебное пособие. М.: КНОРУС, 2014. – 254 с.
8. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: Издательство РУДН, 2006. – 330 с.
9. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.
10. Кунижев М.А. Категория «пространство»: ее статус и средства вербализации [Электронный ресурс]: на материале современного английского языка: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – М.: РГБ, 2005. – 221 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kategoriya-prostranstvo-ee-status-i-sredstva-verbalizatsii-na-materiale-sovremennogo-angliis> (дата доступа 05.11.2024)
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
12. Огнева Е.А. Типология текстовых проксем в свете романо-германского перевода // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (78). – С. 54-58. – URL: <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=2154> (дата доступа 05.11.2024)
13. Тугуз Т.Р. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья голубка») // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2(82). – С. 128-132. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48688108_15752389.pdf (дата доступа 05.11.2024)
14. Белецкая Е. «Бурдж-Азизи»: где построят 2-й по высоте небоскреб в мире и что будет внутри? // Вокруг Света [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/burdzh-azizi-gde-postoyat-2-i-po-vysote-neboskreb-v-mire-i-cto-budet-vnutri-id5849035/> (дата доступа 05.11.2024)
15. Щеглова Т. Самый высокий отель-небоскреб в мире: 6 фактов о Ciel Dubai Marina // Вокруг Света [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/samyi-vysokii-otel-neboskreb-v-mire-6-faktov-o-ciel-dubai-marina-id5791759/> (дата доступа 05.11.2024)
16. Elbein S. Will the skyscrapers of the future be made out of wood? – URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/skyscrapers-of-the-future-will-be-made-out-of-wood> (дата доступа 05.11.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу проксемики архитектуры будущего Востока и Запада. Актуальность данного исследования не вызывает сомнения. Как отмечается в работе, проблема изучения проксемики моделей с точки зрения используемых в них вербализаторов пространственных отношений, а также маркеров невербального кода, позволяющих создавать пространственные образы в текстах публицистического дискурса, уже давно является предметом научных исследований в области лингвистики и смежных дисциплин.

Теоретическую основу работы обоснованно составили труды таких российских и зарубежных исследователей, как Е. А. Огнева, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, А. П. Садохин, А. П. Бабушкин, И. А. Стернин, В. В. Воробьев, М. А. Кунижев, Т. Р. Тугуз, Дж. Лакофф и М. Джонсон, охватывающие широкий круг вопросов по когнитивной лингвистике и семасиологии, лингвокультурологии, категории «пространство» и т.д. Библиография включает 16 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Эмпирическим материалом исследования послужили статьи из журналов «Вокруг света» и «National Geographic». Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, методы лингвокультурологического анализа и сравнительно-сопоставительного анализа, контент-анализ публикаций, а также дискурс-анализ текстов для изучения используемых языковых средств и ценностных установок. Следует сказать, что Восток в анализируемых журнальных статьях представлен не древними странами с тысячелетней историей, а молодым государством ОАЭ, Запад - старыми государствами Западной Европы с устоявшимися взглядами на мироздание, отношением к природе и ценностям.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить особенности проксимальных моделей архитектуры Запада и Востока: «в то время как европейское высотное строительство, хотя и предполагает использование новых технологий, обращается к проверенным временем материалам - дереву. Причем, если в восточной архитектуре пространство высотных зданий воспринимается в вертикальной плоскости, то европейская - в горизонтальной, но широко покрывающей земную поверхность лесами, реками и другими ландшафтными маркерами».

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как лингвокультурология, межкультурная коммуникация, невербальная семиотика, лингвопрагматика и дискурсивный анализ.

В предложении *Thus, the conducted research allowed us to identify the features of proxemic models of the future architecture of the West (using the UAE as an example) and the East (using the countries of Northern Europe as an example).* автору(ам) нужно уточнить, где идет речь о Западе, где - о Востоке. Данное замечание не является существенным и не влияет на общее положительное впечатление от рецензируемой работы.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна,

оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Каратаракис Н. Словообразовательная производность глаголов с общей семой «перемещения объекта» в греческом и русском языках // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75215 EDN: RQCDYS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75215

Словообразовательная производность глаголов с общей семой «перемещения объекта» в греческом и русском языках

Каратаракис Николаос

ORCID: 0009-0000-0104-6607

аспирант, Филологический факультет, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ nikokara41@gmail.com[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.75215

EDN:

RQCDYS

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2025

Аннотация: Предметом исследования является словообразовательная производность глаголов в русском и греческом языках на примере глаголов «перемещения объекта». Объектом исследования являются глаголы базовой лексической семантики, обозначающие основные действия передачи, получения и помещения в пространстве, а именно: δίνω [дино], παίρνω [пэрно], βάζω [вазо], βγάζω [вгазо], δέχομαι [дэхомэ], λαμβάνω [ламвано] и их русских эквивалентов: давать, брать, класть/ставить, вынимать/вытаскивать/вынести, принять и получать. Исследование фокусируется на структурно-семантических характеристиках их деривационных моделей, способах образования производных глаголов, общем индоевропейском происхождении исследуемых лексем, истории развития их семантики, а также на роли синтетических и аналитических процессов в развитии глагольной деривации в двух языках. Материалом исследования послужили данные из этимологических и толковых словарей русского и греческого языков, а также корпуса современных текстов и лексикографических источников. Методы исследования включают сравнительно-сопоставительный анализ,

этимологический разбор на основе толковых и этимологических словарей, структурно-семантический анализ деривационных моделей, частотный и контекстуальный анализ глагольных производных и сопоставительный метод. Научная новизна работы заключается в выявлении системных различий в словообразовательной активности между греческим и русским языками, которые до сих пор редко рассматривались в сопоставительном аспекте. Особое внимание уделяется роли исторических изменений и синтетико-аналитических тенденций в эволюции этих языков. В результате анализа установлено, что русский язык сохраняет активные продуктивные модели глагольной деривации, в то время как в греческом наблюдается тенденция к редукции таких моделей или их функционирование в ограниченных дискурсивных условиях. Выводы подтверждают различный характер взаимодействия между лексико-грамматическими и словообразовательными уровнями в указанных языках, причиной которых становится в первую очередь их количественные типологические различия, т.е., аналитические и синтетические тенденции. Полученные результаты демонстрируют, с одной стороны, «поворот» в морфологии греческого языка, вызванный тенденцией к аналитизации, а с другой – устойчивый синтетический характер русского языка.

Ключевые слова:

словообразовательная производность, греческий язык, Русский язык, Типология, Синтетизм, Аналитизм, морфология глаголов, исторический сдвиг, глаголы перемещения объекта, префиксация

Введение

В флективных языках синтетического строя префиксация является одним из наиболее распространённых способов словообразования, что особенно характерно для глагольной лексики. Наряду с ней широко используется префиксально-суффиксальный способ, тогда как чистая суффиксация и словосложение играют менее значимую роль. В этом ключе мы начинаем настоящий анализ, обращаясь к этимологии ряда глаголов и соотнося её с их современным семантическим функционированием. При этом выявим некоторые интересные параллели между данными лексическими единицами.

В рамках данного исследования будет показано, что основное различие между глаголами, обозначающими основные действия передачи, получения и помещения в пространстве в греческом и русском языках (в греческом: *δίνω* [дино], *παίρνω* [пэрно], *βάζω* [вазо], *βάζω* [вгазо], *δέχομαι* [дэхомэ], *λαμβάνω* [ламвано] и их русских эквивалентов: давать, брать, класть/ставить, вынимать/вытаскивать/вынести, принять и получать) заключается в путях, которыми развивались их основные формы; в их актуальной частотности; в стилевой принадлежности и типах дискурса, где они используются; в исторических процессах, повлиявших на их значение; а также в способе отражения реальности, играющем ключевую роль в формировании концептов, характерных для греческой и русской языковой картины мира, выражающихся, в том числе, в словообразовании.

Основная часть

Глагол *παίρνω* [пэрно] 'брать' происходит от древнегреческого глагола *αἶρω* [эро] 'поднимать' с приставкой *ἐπί* 'над чем-то, на что-то' (< *ἐπί* (*ἐπ-*) + *αἶρω* / *ἐίρω*) и и значение "беру что-то, поднимая его откуда-то". Уже в средневековом греческом языке

засвидетельствована форма *ἐπαίρνω* со значением "беру, взять" [1, с. 1022]. Кроме того, его производящий глагол *αἶρώ* имеет крайне ограниченное количество производных, включая такие формы, как *παίρνω* 'брать' и *εξαίρω* 'подчёркивать, демонстрировать'.

Основной глагол *αἶρω* / *ἀείρω* в древнегреческом имел широкую семантику, зависящую от синтагматического окружения: *αἶρειν θυρόν* 'злиться', *αἶρειν βῆμα* 'шагать', *αἶρειν σημεῖον* 'подавать сигнал', *φυγῆν πρέσθαι* 'покидать', *αἶρεσθαι φωνήν* 'повышать голос', *αἶρω τὰς ναῦς* 'отводить корабль' и др. [2], хотя в большинстве случаев сохранялась сема 'поднимать'.

Примечательно, что в новогреческом языке глагол *αἶρω* / *ἀείρω* сохранился в крайне ограниченном значении. Это, возможно, связано с влиянием французского глагола *lever* 'снимать, удалять', а также с ограниченной сферой употребления — преимущественно в политическом стиле речи: 1) Устранение чего-либо как несуществующего: *Ἡ Ἀμερική αἶρει το casus belli* 'Америка устраняет (отменяет) повод для войны'; 2) В более редком употреблении — 'возвышаться духовно': *Οἱ μοναχοὶ αἰρῶνται ἀπὸ το εὐκόσμου εἰς το οὐρανόν* 'Монахи поднимаются от мирского к небесному' [3].

Таким образом, можно утверждать, что глагол *παίρνω* в новогреческом не только семантически отделился от своего глагола-источника в большинстве употреблений, но и стал одним из ключевых глаголов современного греческого языка, избавляясь от семы "поднимать" и получая семантическую самостоятельность. Несмотря на свою производную природу, *παίρνω* служит основой для образования новых префиксальных глаголов, таких как: *ἀποπαίρνω* [апопэрно] 'грубить, вести себя дерзко', *παρὰπαίρνω* [парапэрно] 'брать в большом количестве' (разг.) [3].

Примечательно, что его аналог в русском языке — **брать**, происходящий от праслав. *bъrati [4], не является префиксальным, но при этом образует многочисленные производные глаголы, обозначающие более конкретные действия. Глагол **брать** порождает производные не только с помощью префиксации, но и посредством префиксально-суффиксального способа, значения которых в той или иной степени отличаются от значения исходного глагола: *подбирать*, *выбирать*, *набирать*, *забирать*, *отбирать*, *собирать*, *разбирать(ся)*, *добирать(ся)*, *избирать*, *убирать(ся)*, *взбираться*, *вбираться*, *перебирать(ся)* и др.

Кроме того, глагол **брать** имеет производный совершенный вид — **взять**, который является префиксальной формой от праслав. *jъmъ : jęti, от которого также произошли формы *имѣти*, *имамь*, а также *възѣти*, *възъмѣ* [4]. Отсюда происходят глаголы **взять**, **снять**, **изъять** и другие приставочные формы на -нять/-ять (в праславянской форме — -емлю), например **принять**.

Примечательно, что употребление глагола **взять** в качестве совершенного вида глагола **брать** можно объяснить через корреляцию этимологических гнёзд *bher-* и *em-*, которые стали синонимичными в процессе исторических изменений [5, с. 141]. Это предположение легко подтверждается при анализе этимологических гнёзд с использованием историко-диахронического подхода А.А. Потебни.

Кроме глагола **взять**, от праслав. *jъmъ : jęti также образуется глагол **принять** (приставка *при-* + *-нять*), который, несмотря на префиксальную структуру, чрезвычайно часто употребляется в разговорной речи. Это подтверждается частотным словарём современного русского языка, где **принять** занимает 41-е место, опережая даже глагол

брать, находящийся на 88-м месте [6].

Одной из самых характерных черт глагола *принять* является его активное участие во фразеологических сочетаниях, где он нередко переводит значения, которые в других языках выражаются через глагол *брать*: *take a decision* (англ.) / *παίρνω απόφαση* (греч.) 'принимать решение'; *take part* (англ.) / *παίρνω μέρος* (греч.) 'принимать участие'. Более того, от глагола *принимать* / *принять* производятся новые глаголы путём префиксации, такие как: *предпринимать*, *воспринимать*, *допринимать* и др.

Его аналог в греческом языке — **δέχομαι** [дэхоме] представляет собой диахроническое заимствование из древнегреческого, восходящее к индоевропейскому корню *dek-* 'приспосабливаться, соответствовать' [1, с. 342]. Глагол *δέχομαι* является отложительным и образует производные, передающие более конкретные значения, связанные с приёмом, принятием и согласием: *αποδέχομαι* [аподэхоме] 'принимать то, что предложено', *διαδέχομαι* [диадэхоме] 'занимать чье-либо место', *αναδέχομαι* [анадэхоме] 'брать ответственность, крестить', *παραδέχομαι* [парадэхоме] 'признавать', *ενδέχεται* [эндэхете] 'возможно' (безличный глагол), *υποδέχομαι* [иподэхоме] 'приветствовать', *καταδέχομαι* [катадэхоме] 'соглашаться на что-либо ниже своего статуса' [3].

Схожая ситуация наблюдается с глаголом **λαμβάνω** [ламвано] 'получать', который восходит к индоевропейскому корню *sleg-* 'хватать, брать'. Глагол *λαμβάνω* — диахроническое заимствование из древнегреческого, где он был широко распространён благодаря своему «двойному» значению: 'брать-получать' и 'принимать-получать' [2]. От него образуются разнообразные производные глаголы, в том числе: *απολαμβάνω* [аполамвано] 'наслаждаться', *αναλαμβάνω* [аналамвано] 'брать ответственность, приступать', *επαναλαμβάνω* [эпаналамвано] 'повторять', *καταλαμβάνω* [каталамвано] 'захватывать, овладевать', *μεταλαμβάνω* [металамвано] 'принимать причастие', *προλαμβάνω* [проламвано] 'успевать', *παραλαμβάνω* [параламвано] 'получать, забирать' и др.

Интересно, что в новогреческом глагол *λαμβάνω* не является частотным. В качестве его аналога выступает глагол *παίρνω*, который не только присваивает к себе существующие фразеологические сочетания с глаголом *λαμβάνω*, но дополнительно отбирает у него свои значения. В результате всего этого глагол *λαμβάνω* употребляется больше в официально-деловой речи (политический дискурс), чем в разговорной, обычно в форме прошедшего времени *έλαβα*.

Соответствующий ему глагол **получать** является более простым относительно своей словообразовательной производности, поскольку имеет малое количество производных глаголов, таких как *заполучать* и *недополучить*. Он сам является префиксным производным с добавлением по- от праслав. **lučiti* «лучить» с первоначальным значением 'смотреть за чем-либо, выжидать', отсюда 'метить, попадать, бросать, получать' [4]. В этимологическом словаре М. Фасмера дается ещё одно объяснение его происхождения, но не касаясь глагола *получать*: «Праслав. **ločiti*, первонач., вероятно, 'гнуть, связывать', получило в сложениях с приставками *отъ* (см. *отлучить*), **orъ* знач. 'разделять'; ср. лит. *lankýti*, *lankaũ* 'посещать', *lankioti* 'обходить', *lankúoti* 'гнуть, делать гибким', лтш. *lūociāt*, *lūoku* 'наклонять, направлять'» [4]. Несмотря на всё вышесказанное, он является достаточно частотным, занимая 22-е место и превзойдя все глаголы в «ЛСГ получения» — *брать*, *принимать*, *принять*, *взять* [6].

В продолжение мы рассмотрим случай **βγάζω** [вгазо] 'вынимать, вытаскивать, вынести и

др.', который не очень далёк по значению от глагола *παίρνω*. Он коррелируется с глаголом *παίρνω* в значении «перемещаю что-то от закрытого, внутреннего в открытое, наружное место» [31]: *βγάζω μια μπίρα από το ψυγείο* 'вытаскиваю пиво из холодильника' → *παίρνω μια μπίρα από το ψυγείο* 'беру (достаю) пиво из холодильника'. Глагол *βγάζω* является производным глаголом и происходит от древнегреческого *ἐκ-* 'вы-' + *βιβάζω* [вивазо] 'поднимать, ставить', который путём гаплогонии, т.е. выпадения слога *βι-*, стал *βάζω* [1, с. 261]. В средневековом греческом отмечается форма *εβγάζω* [эвгазо] < *εκβάζω* [эквазо], которая является предпосылкой сегодняшнего *βγάζω*.

Его антоним *βάζω* [вазо] 'ставить, класть' в греческом языке не образует префиксальные глаголы, однако парадоксально он имеет несколько префиксальных вариантов. Это объясняется тем, что глагол *βάζω* унаследовал все производные от своей предыдущей формы *βιβάζω* [вивазо] 'поднимать, ставить' путём гаплогонии: *ανεβάζω* [анэвазо] 'поднимать', *κατεβάζω* [катэвазо] 'опускать, понижать', *διαβάζω* [диавазо] 'читать', *εμβάζω* [эмвазо] 'отправлять деньги кому-либо по чеку', *βγάζω* [вгазо] 'вынимать, вытаскивать, вынести и др.' [31].

Интересно, что по сравнению с древнегреческим, понятие «поднимать» выражается в новогреческом с помощью производного глагола *ανεβάζω*, в связи с исчезновением производящего глагола *βιβάζω* из повседневного употребления. На самом деле глагол *βάζω* приобрёл сегодняшнее значение 'ставить, класть, помещать' *τοποθετώ* благодаря использованию глагола-предка *βιβάζω* в значении 'поднимать что-то над чем-то' [1, с. 250]. Несмотря на исчезновение *βιβάζω* из новогреческого, он оставил свой след в производных глаголах, где сохранилась его полная форма, хотя семантически ограничено в определенных областях (армейская, юридическая, транспортировки и т.д.): *μεταβιβάζω* [мэтавивазо] 'донести', *διαβιβάζω* [диавивазо] 'передавать', *συμβιβάζομαι* [симвививазомэ] 'идти на компромисс', *αποβιβάζω* [аповивазо] 'высаживать', *επιβιβάζομαι* [эпививазомэ] 'вступать на борт', *προβιβάζω* [провивазо] 'продвигать по службе', *υποβιβάζω* [иповивазо] 'понижать' и т.д. [31].

Отмечаются также случаи, где существуют формы с одинаковыми приставками в древнегреческом (*βιβάζω*) и новогреческом (*βάζω*), но с разными значениями: первое имеет более специальное, узкое значение, а второе – более общеупотребительное: например, *διαβιβάζω* 'передавать' и *διαβάζω* 'читать', или *αναβιβάζω* 'перенести ударение' и *ανεβάζω* 'поднимать' [31]. Таким образом, словообразование глагола *βάζω* является очень комплексным из-за семантических заимствований (калек) из других языков (например, *συμβιβάζομαι* из фр. *compromettre*), исчезновения «кафаревусы» – консервативного варианта греческого языка, что повлияло на ограниченное употребление некоторых единиц из древнегреческого в определённом стиле речи (например, *διαβιβάζω* 'передавать'), а также из-за связи с древнегреческими глаголами *βαίνω* 'идти' и *βάλλω* 'бросать', которые повлияли на семантическое развитие [1, с. 250].

В противоположность этому, в русском языке понятие глагола *βάζω* выражается глаголами *ставить* и *класть* в зависимости от того, помещается ли объект вертикально или горизонтально. Супплетивные пары данных глаголов представлены глаголами *стоять* и *лежать*, которые обозначают результат действия: *я ставлю книгу – она стоит*; *я кладу книгу – она лежит*. Основная разница между парами *ставить-класть* и *стоять-лежать* заключается в оппозиции статика / динамика [7, с. 23], выражаемой также в грамматике через косвенное дополнение: «во что/куда?» против «в чём/где?».

Глагол **ставить** происходит от праслав. *stāvīti* [4], восходящего к индоевропейскому корню **stāw-* 'ставить'. От глагола *ставить* образуются многочисленные глаголы, в основном через префиксально-суффиксальный способ (-влять): *выставлять, заставлять, доставлять, поставлять, расставлять, переставлять, вставлять, представлять, приставлять* и др.; также образуется совершенный вид путём префиксации – *поставить*. Глагол *класть* от праслав. **klādō, *klāstī, klādy* [4] также имеет огромное количество производных глаголов через префиксально-суффиксальный способ (-кладывать): *выкладывать, закладывать, раскладывать, прикладывать, складывать, докладывать, перекладывать, вкладывать* и др.

Примечательно, что парный глагол **класть**, восходящий к индоевропейскому **klā-* 'класть' и праслав. *ložiti* [4], не употребляется в нормативном языке в форме *ложить*. Здесь можно отметить аналогию с глаголом *βιβάζω*, исчезнувшим из греческого, но сохранившимся в производных формах. В русском языке такие производные обозначают совершенный вид: *приложить, выложить, заложить, доложить, вложить, сложить, разложить, переложить* и др.; также существует форма совершенного вида к глаголу *класть* – *положить*.

Здесь проявляется парадокс: глагол *ложить* является не только парным к *класть*, но и к глаголу *лагать*. Глагол *лагать* употребляется в основном с приставками: *прилагать, полагать, предлагать, располагать, слагать* и т.д.; в современном русском языке форма *лагать* употребляется в жаргоне (из англ. *lag*) в значении «испытывать задержки». Этимология сложная: в словаре Фасмера указано, что окончание *-лагать* происходит от праслав. *lagati*, от которого произошли: ст.-слав. *вълагати*, русск. *налагать, полагать, слагать* и т. п.; укр. *полагати*, болг. *налага́м*, сербохорв. *излага́ти, йзла́жем* «выкладывать». Итер. от *ложить*, каузатив от *лежать*.

Таким образом, *ложить* соединяет *класть* и *лагать*, и их совпадающие совершенные виды могут вызывать путаницу: «приложил усилия» → *прилагаю*, а не *прикладываю* усилия; «сложил оружие» → *слагаю* или *складываю* оружие; «разложил семы» → *разлагаю* или *раскладываю* семы [8].

Наконец, рассмотрим глаголы **δίνω** и **да́ть**. Глагол *δίνω* [дино] 'давать' происходит от древнегреческого *δίδωμι* [дидоми] 'давать'. В койне форма *δίδω* [дидо]. Все префиксальные глаголы образованы от *δίδω*, иногда через *δίνω* и применяются в более конкретном контексте: *παραδίδω* 'доставлять', *μεταδίδω* 'передавать', *αποδίδω* 'придавать', *διαδίδω* 'распространять', *ανταποδίδω* 'отвечать взаимностью', *προδίδω* 'предавать', *αναμεταδίδω* '(ре)транслировать', *εκδίδω* 'издавать', *καταδίδω* 'сдавать' и др. Также: *ξεδίνω* 'развлекаться', *ξαναδίνω* 'пересдавать'.

Примечательно, что производные от *δίνω* почти тождественны русским: *передавать, отдавать, раздавать, выдавать, подавать, сдавать, вдаваться, придавать, задавать, предавать, издавать, преподавать* и др. Глагол *давать*, один из самых частотных в русском, происходит от *дать*, далее от праслав **dātī; *dājātī; *dāvātī* [4]. Интересно, что глаголы *дарить* и *δωρίζω* 'дарить' восходят к общему индоевропейскому корню *do-* [1, с. 374].

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ словообразовательной производности глаголов русского и новогреческого языков показал существенные различия, обусловленные как

историко-лингвистическими, так и структурно-семантическими факторами. В русском языке наблюдается активное формирование префиксальных производных глаголов, широко используемых в разговорной речи, в то время как в новогреческом аналогичные формы зачастую либо утратили продуктивность, либо используются преимущественно в формальных, профессиональных или книжных контекстах.

Особое внимание заслуживает тот факт, что греческие глаголы, такие как *δίνω*, *παίρνω* и *βάζω*, несмотря на свою древнегреческую производность, потеряли способность к образованию активных префиксальных форм, что контрастирует с древнегреческой системой, где производные формы были более частотными и функциональными. Русский язык, напротив, продолжает демонстрировать высокую степень словообразовательной активности на основе глагольных корней, поддерживая продуктивность и разнообразие глагольных префиксаций и суффиксаций.

Таким образом, можно заключить, что словообразовательные процессы в русском языке сохраняют значительную морфологическую мощь, в то время как новогреческий язык, в силу аналитических тенденций, демонстрирует отход от активного словообразования, унаследованного от древнегреческого. Это различие также свидетельствует о более общем противопоставлении синтетических и аналитических тенденций, отражающих эволюцию языковых систем.

Библиография

1. Mpampiniotis G. Etymological Dictionary of the Modern Greek Language. Athens: Lexicology Centre, 2010. 1720 p.
2. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Rev. and augm. throughout by H.S. Jones, with the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 2007. 726 p.
3. Triantafyllidis M. Dictionary of Standard Modern Greek. Thessaloniki: Institute of Modern Greek Studies, 1998. 1220 p.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 864 с.
5. Пятева Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em-i* ber-"брать, взять" в истории русского языка // Этимология 1994–1996 / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Наука, 1997. С. 140-147.
6. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с. EDN: RTAOXB
7. Федюк П.С. Глаголы размещения предметов в пространстве в языках различных групп: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 179 с.
8. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: АСТ; Астрель, 2008. 878 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Словообразовательная производность глаголов с общей семой "перемещения объекта" в греческом и русском языках»

Статья посвящена сопоставительному анализу словообразовательной производности глаголов русского и новогреческого языков, связанных с семой «перемещения объекта». Автор ставит задачу выявить различия и общие черты в функционировании

ключевых глаголов («давать», «брать», «класть/ставить» и их греческие эквиваленты), проследить историко-этимологические связи, а также описать роль этих глаголов в формировании семантических и словообразовательных гнёзд. Тематика статьи глубоко специализирована, относится к области сравнительно-исторического языкознания и словообразовательной типологии.

В работе применяются методы этимологического анализа, сопоставительной лингвистики и диахронического подхода. Автор опирается на широкий круг источников: этимологические словари (М. Фасмера, Г. Бамбинотиса), лексикографические труды (Triantafyllidis, Liddell–Scott), а также частотные словари современного русского языка. Последовательно используется принцип анализа словообразовательных гнёзд, их семантической эволюции и продуктивности в синхронии и диахронии. Методологическая база представляется убедительной и адекватной поставленным задачам.

Тема исследования актуальна в свете интереса к сопоставительной морфологии, а также к выявлению типологических различий между синтетическими и аналитическими языками. Рассмотрение греческого и русского языков в одной плоскости позволяет высветить глубинные закономерности, связанные с историческим развитием словообразования. В условиях тенденции к аналитизму в новогреческом языке и сохраняющейся морфологической мощи русского языка статья вносит вклад в обсуждение универсалий и уникальных особенностей языковой эволюции.

Научная новизна рецензируемой работы заключается в:

1. Системном сопоставлении конкретных глагольных гнёзд двух далеких, но типологически сопоставимых языков.
2. Установлении параллелей между древнегреческой и праславянской основой, прослеживании их трансформаций в современном употреблении.
3. Выявлении парадоксальных случаев (например, ограниченного употребления «ложить» при продуктивности его производных или редукции «βιβάζω» при сохранении производных в новогреческом).
4. Отражении взаимосвязи словообразования с культурными и историческими процессами (утрата кафарейусы, влияние заимствований).

Статья имеет чёткую композицию: введение, основная часть с последовательным анализом каждого глагола, заключение с типологическим обобщением, библиография. Изложение аргументированное, примеры обильны и разнообразны (цитаты из словарей, параллели с английским и французским). Однако не всегда явно выделены теоретические следствия для общей типологии словообразования.

Список литературы включает как классические труды (Фасмер, Ляшевская–Шаров), так и современные издания (Bampiniotis, Triantafyllidis). Наблюдается баланс русскоязычных и зарубежных источников. Однако отсутствует обращение к более новым работам 2015–2023 гг., посвящённым греческой и славянской деривации, что несколько снижает актуальность библиографической базы.

В статье прослеживается полемический аспект: автор противопоставляет данные русского языка и новогреческого, показывая, что продуктивность словообразования зависит не только от морфологической системы, но и от культурно-исторического контекста. Однако прямых обращений к оппонентам или дискуссии с существующими теориями недостаточно. Было бы полезно включить обзор современных подходов к деривационной типологии, а также подчеркнуть, каким образом результаты работы уточняют или оспаривают существующие концепции.

В заключении автор убедительно демонстрирует различие между русской и греческой словообразовательной системами. Работа представляет интерес для лингвистов-компаративистов, специалистов по словообразованию, этимологии, исторической семантике. Также статья может быть полезна для преподавателей сравнительной

грамматики, аспирантов и студентов филологических факультетов.

Представленная на рецензирование статья обладает высокой научной ценностью и значительной степенью проработанности материала и может быть рекомендована к публикации без существенных замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тянь Ю. Многомерная языковая игра как механизм юмористической конструкции в российских сценических миниатюрах: на материале диалогов из шоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club» // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.76016 EDN: RLSCJA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76016

Многомерная языковая игра как механизм юмористической конструкции в российских сценических миниатюрах: на материале диалогов из шоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club»

Тянь Юйчжу

аспирант; институт образование и гуманитарный наук; Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

236008, Россия, Калининградская обл., г. Калининград, Ленинградский р-н, ул. А.Невского, д. 141

✉ 3203294354@qq.com

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.76016

EDN:

RLSCJA

Дата направления статьи в редакцию:

26-09-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является функционирование языковой игры как средства создания комического эффекта в российском телевизионном юморе на примере двух ярких представителей современной сцены шоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club». Исследование сосредоточено на выявлении и классификации различных типов языковых игр, используемых в юмористических репликах, диалогах и сценках. Объектом выступают языковые и дискурсивные особенности более 50 выпусков каждого шоу, отобранных в качестве репрезентативного корпуса для сравнительного анализа. Особое внимание уделяется жанровым различиям, механизмам вовлечения зрителя, характеру взаимодействия на сцене и за её пределами, а также социокультурным функциям юмора, таким как интеграция, социализация, критическая рефлексия и провокация. В рамках анализа затрагиваются когнитивные, прагматические и культурные аспекты восприятия комического, включая контекстуальную обусловленность юмора, типологию аудитории и постмодернистскую специфику медиадискурса, что

позволяет всесторонне рассмотреть роль языковой игры как ключевого элемента современной телевизионной комедии в России. Методология включает дискурсивный и прагмалингвистический анализ, контент-анализ, а также семантико-прагматическую интерпретацию медиатекстов в рамках сравнительно-сопоставительного подхода. Научная новизна исследования заключается в разработке комплексной типологии языковых игр в формате малой сценической формы и её применении к анализу 50 эпизодов популярных телешоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club». Впервые на основе эмпирического корпуса проведено сопоставление языковых и прагматических особенностей комического дискурса в двух жанрово различных форматах. Установлено, что «Уральские пельмени» склонны к использованию фонетико-семантических и культурно маркированных языковых игр, формирующих эффект «народного» юмора и стимулирующих коллективную идентичность, в то время как «Comedy Club» опирается на прагматические и интердискурсивные приёмы, создавая интеллектуально насыщенный юмор, ориентированный на индивидуального зрителя и критическое восприятие. Выводы подчёркивают роль жанра, медиаплатформы и взаимодействия с аудиторией в построении комического. Работа расширяет перспективы медиалингвистики и теории юмора, предлагая эмпирическую базу для дальнейших исследований юмористического дискурса.

Ключевые слова:

языковая игра, юмористический дискурс, малая сценическая форма, постмодернизм, прагмалингвистика, Уральские пельмени, Comedy Club, интертекстуальность, лексико-семантический анализ, культурные стереотипы

Введение

Юмор представляет собой сложный прагматико-дискурсивный феномен, тесно связанный с когнитивной активностью, культурными установками и речевым взаимодействием. Современная лингвистика рассматривает юмор не только как средство развлечения, но и как особую форму речевой игры, в которой преломляются социальные нормы, идеологические коды и повседневные коммуникативные стратегии. В этом контексте анализ юмористических текстов требует обращения к многоуровневым моделям языковой игры, охватывающим как лексико-семантический, так и прагматический и культурно-дискурсивный уровни. Особое внимание уделяется сценарным диалогам в рамках массовых юмористических жанров, которые отражают не только языковое творчество, но и ментальные шаблоны носителей языка.

Телевизионный юмористический дискурс в последние два десятилетия занимает всё более значимое место в системе массовой коммуникации России. Программы жанра «малая сценическая форма» такие как «Уральские пельмени» и «Comedy Club» приобрели не только широкую популярность, но и статус культурных маркеров эпохи. Эти шоу репрезентируют два различных подхода к конструированию комического: первый через апелляцию к «народному» языку, вторичный через демонстрацию постмодернистской иронии, игры с культурными кодами и стилистической провокации. Оба проекта используют язык как инструмент многоуровневой игры, отражая разнообразные механизмы создания юмористического эффекта.

Выбор этих двух программ в качестве объекта анализа обусловлен их репрезентативностью и противоположностью стратегий юмористической коммуникации. В

«Уральских пельменях» преобладают ситуативные и фонетические игры, опирающиеся на культурные стереотипы и повседневные реалии, в то время как «Comedy Club» делает акцент на социально-критический дискурс, аллюзии, интертекстуальность и постмодернистскую деконструкцию речевых норм. Такой сопоставительный подход позволяет выявить не только различия в типах языковых игр, но и определить их прагматические и социокультурные функции в рамках современной российской коммуникации.

Целью настоящего исследования является выявление, описание и классификация языковых игр, лежащих в основе комического эффекта в диалогах упомянутых программ. Особое внимание уделяется многоуровневому характеру языковой игры как средству создания семантической нестабильности, провокации ожиданий аудитории и активизации фоновых знаний. В рамках анализа ставятся следующие задачи: 1) определить типологию языковых игр, используемых в диалогах сценических миниатюр; 2) описать их структурные и семантические особенности; 3) установить прагматические и дискурсивные функции игровых механизмов; 4) выявить социокультурные импликации, выраженные через юмористическую коммуникацию.

Научная новизна исследования заключается в применении многоуровневой теории языковой игры к анализу современного российского юмористического дискурса. В работе опираемся как на классические положения о языковой игре в философии языка Л. Витгенштейна [\[1\]](#), так и на лингвистические интерпретации Ю.Н. Караулова [\[2\]](#), Д.Б. Гудкова [\[3\]](#) и особенно В.З. Санникова [\[4\]](#), который рассматривает языковую игру как отклонение от языковой нормы, как коммуникативный эксперимент, порождающий особую форму поэтики повседневной речи. Такое теоретическое обоснование позволяет исследовать юмор не только как речевую деятельность, но и как форму культурного мышления, реализуемую в конкретном диалоге.

Теория и методология исследования

Исследование комического дискурса и механизмов языковой игры в рамках телевизионных сценических миниатюр требует обращения к многоаспектному теоретическому полю, охватывающему как философию языка, так и когнитивную, прагмалингвистическую и дискурсивную лингвистику. Юмор в современной медиасреде выступает не просто как форма развлечения, но как знаковый механизм, обнажающий социальные, культурные и когнитивные слои коммуникации. В данном разделе будет рассмотрено, каким образом формировалась научная база анализа языковой игры и её роли в производстве комического эффекта.

Концепт языковой игры восходит к философии позднего Л. Витгенштейна, который в «Философских исследованиях» рассматривал язык как деятельность, реализуемую в рамках определённых социальных ситуаций языковых игр, или *Sprachspiele* [\[1\]](#). Язык, согласно Витгенштейну, функционирует в «формах жизни» (*Lebensformen*), а смысл рождается в процессе взаимодействия участников коммуникации [\[5\]](#).

М. В. Захарова развила этот подход, введя понятие языковой личности как субъекта, обладающего коммуникативной и креативной компетенциями. Языковая игра в его интерпретации проявление индивидуального языкового мира, система вторичных номинаций, актуализирующих культурный и прагматический опыт говорящего [\[6\]](#).

Особое значение для настоящего исследования имеет теория В.З. Санникова, который определил языковую игру как особую форму коммуникативного эксперимента,

направленного на разрушение нормы и создание смыслового сдвига. Е. В. Муругова и Ю. В. Вербоватая выделяют различные уровни языковой игры: фонетический, лексико-семантический, морфо-синтаксический и дискурсивный, подчёркивая её повседневный, но эстетически маркированный характер [7].

С методологической точки зрения языковая игра тесно связана с когнитивными и прагмалингвистическими теориями юмора. Наиболее известной из них является теория инконгруэнтности (несоответствия), разработанная Б. Ю. Норман. Согласно ей, комический эффект возникает при столкновении двух несовместимых смысловых сценариев, между которыми происходит резкий переход, нарушающий когнитивное ожидание [8].

Кроме того, теория скриптового юмора (Script-based theory of humor) акцентирует внимание на способности адресата переключать интерпретационные рамки при восприятии текста. Как показывают исследования Е.А. Рудаковой, юмор часто возникает на пересечении научного и бытового дискурсов, где реализуется когнитивный диссонанс [9].

С прагмалингвистической точки зрения, комический эффект в речи возникает в результате семантического сдвига, нарушения речевых норм, или неожиданного переосмысления устойчивых единиц. Именно эти механизмы подробно рассмотрены в психолингвистическом анализе восприятия анекдотов Б.М. Кадырова, где юмор связывается с фоновыми знаниями, пресуппозициями и оценочной перцепцией [10].

В современной лингвистике языковая игра исследуется также в контексте медиадискурса и речевого творчества. Е. К. Карпицкая подчёркивает, что основными признаками языковой игры являются окказиональность, сознательное нарушение нормы и стремление к созданию комического эффекта. Эти приёмы активно используются в современной журналистике и шоу-дискурсе [11].

К.М. Шилихина и Е.А. Паньин в своих исследованиях предлагают рассматривать языковую игру как акт лингвокреативности, направленный на формирование языковой аномалии. Комизм возникает при интерпретации подобных аномалий, в зависимости от того, воспринимается ли речь в добросовестный или недобросовестный модусе то есть, как «серьёзное» или «игровое» высказывание [12].

М.В. Терских и О.А. Зайцева рассматривают языковую игру как инструмент рекламного и медиакреатива, показывая, что её успех зависит от сочетания креативности и ясности, а эффективность от контекста и ожиданий целевой аудитории [13].

Наконец, Б.Ю. Норман, анализируя задачи по языкознанию, отмечает, что включение комического и игрового элемента в речевые ситуации не снижает, а наоборот усиливает эвристический потенциал текста. Комическое и людическое способствуют вовлечению адресата в процесс смыслопорождения, а значит, усиливают эффект юмора [14].

Таким образом, языковая игра выступает неотъемлемым механизмом построения комического в дискурсивной практике. Она представляет собой многоуровневое и многомерное явление, охватывающее как фонетические, лексико-семантические, синтаксические, так и когнитивно-прагматические уровни речевой деятельности. В основе юмористического эффекта лежит не только структурное нарушение языковой нормы, но и её осознанная трансформация, создающая условия для инконгруэнтности,

смысловой парадоксальности и культурной иронии. Подходы Витгенштейна, Караулова и Санникова позволяют рассматривать языковую игру не просто как стилистический приём, но как форму креативного речевого мышления и коммуникативного взаимодействия. В условиях медиадискурса, к которому относятся и сценические юмористические шоу, языковая игра выполняет важные функции смыслопорождения, социокультурной репрезентации и вовлечения аудитории в процесс со-интерпретации текста.

Методологическая основа исследования представляет собой комплексную междисциплинарную стратегию, сочетающую дискурсивный, прагмалингвистический, семантико-прагматический анализ, а также количественный контент-анализ. Такой синтез методологических подходов позволяет не только идентифицировать лингвистические особенности языковой игры, но и интерпретировать их в контексте жанровых, социокультурных и прагматических условий функционирования малых сценических форм.

Результаты и обсуждения

Комический эффект в шоу «Уральские пельмени» во многом создаётся благодаря игре со значением слов омонимии, тавтологии, иронии и переосмысленным фразеологизмам. В сценке «Родительское собрание» учительница говорит: «Он сегодня пришёл на урок с глобусом и сказал, что не хочет учить географию, а хочет жить!» здесь используется гиперболизированная детская логика, вступающая в противоречие с привычным школьным дискурсом. А в фразе «Если бы у меня было два сына один как ваш, а второй нормальный» реализуется иронический приём, построенный на нарушении логической симметрии: сначала зрителю предлагается типичная конструкция сравнения, а затем она резко обрывается, рождая комизм через неожиданность и сарказм [\[15\]](#).

Юмор шоу активно формируется на уровне синтаксиса и фонетики. Так, в сценке «Аптека» персонаж заявляет: «Я пошёл в аптеку и купил себе всё! Даже то, что нельзя!» это пример преднамеренного преувеличения и нарушения логической целесообразности, создающего эффект абсурдности. Дополнительно используется фонетическая деформация речи: персонажи произносят слова как «харашо», «шопа» и др., имитируя детскую или региональную речь. Такое фонетическое искажение делает речь карикатурной, приближая её к игровому типу языка и усиливая комизм [\[16\]](#).

Особое место в юморе «Уральских пельменей» занимает отсылка к региональной специфике и культурным архетипам. В сборнике сценок «На работе» герой утверждает: «Мы в полях не только хлеб растим, но и характер!» здесь сатира достигается за счёт пафосной подачи сельскохозяйственной тематики в духе советской риторики. В другой реплике звучит: «На Урале всё по-своему: у нас президент это мэр Екатеринбурга», где происходит ироническое сопоставление политических структур и региональной гордости. Эти элементы апеллируют к локальному самосознанию, вызывая эффект узнавания у аудитории [\[17\]](#).

Юмор Comedy Club отличается высоким уровнем интертекстуальности и активной работой с культурными кодами. В сценке «РЭП Баттл: Трамп против Путина» используются пародийные стили, имитирующие политические дебаты. Фраза «Мы держим руку на пульсе... но это пульс другого государства» высмеивает абстрактные штампы политического дискурса, противопоставляя их здравому смыслу. Аналогичным приёмом служит перефразировка названия классического произведения: «Война и жир», здесь происходит комическая редукция великого текста до бытового абсурда [\[18\]](#).

Comedy Club часто использует провокационные элементы вульгаризмы, разговорный язык, гендерные и социальные стереотипы. В сценке «Сумасшедший начальник» звучит: «Ты как налоговая приходишь, когда меня дома нет, а потом штрафуешь!» аналогия между личными отношениями и бюрократическими институтами вызывает иронию через неожиданную связь. Ещё один пример: «Ум блондинки как Wi-Fi: слабый и часто пропадает» это гиперболизированное воспроизведение стереотипа, вызывающее смех через узнаваемость и сарказм [\[19\]](#).

Одним из излюбленных приёмов резидентов Comedy Club является игра с псевдологикой внешне логичными, но на деле абсурдными высказываниями. В сценке «Современная этика» персонаж заявляет: «Если соседи не шумят значит, они что-то замышляют хуже!» в этом примере разумная конструкция доводится до абсурда, подрывая доверие к рациональной логике. Такие стратегии юмора разрушают границы между серьёзным и игровым, правдой и вымыслом, что соответствует постмодернистской эстетике [\[20\]](#).

Таблица 1. Частотность языковых игр в двух шоу

Тип языковой игры	Уральские пельмени (25 эпизодов)	Comedy Club (25 эпизодов)
Лексико-семантическая	18	7
Морфолого-синтаксическая	14	5
Фонетическая	16	4
Интертекстуальная	3	18
Псевдологическая	2	19
Культурные аллюзии	12	6
Жаргон/вульгаризмы	1	16

Источник: Составлено автором

На основе анализа 50 выпусков (по 25 от каждого шоу) было составлено распределение типов языковой игры, использованных в «Уральских пельменях» и «Comedy Club». Статистика демонстрирует явные различия в доминирующих стратегиях создания комического эффекта. В «Уральских пельменях» наибольшую частотность имеют лексико-семантические (24 случая) и фонетико-морфологические игры (21 случая), в то время как интердискурсивные и прагматические игры встречаются значительно реже. Напротив, в «Comedy Club» наблюдается обратная картина: интертекстуальные игры (23 случая) и прагматические манипуляции с псевдологикой, гендерными и социальными стереотипами (21 случая) выходят на первый план, а фонетические и грамматические приемы почти не используются. Это позволяет выявить жанровую специфику и различие в стратегии обращения к аудитории.

На основе вышеизложенного статистического распределения можно утверждать, что два популярных российских юмористических шоу представляют собой различные модели реализации языковой игры. В «Уральских пельменях» комический эффект преимущественно создается за счёт фонетико-семантической игры, близкой к народной театральной традиции. Здесь доминируют искажения произношения, намеренные грамматические ошибки, паронимия, тавтология и переосмысление устойчивых выражений. Такая игра воспринимается зрителем как «бытовой» юмор, основанный на узнаваемых ситуациях и доступных речевых клише. Использование детской речи, регионального говора, упрощённых логических построений создаёт атмосферу лёгкой сатиры и добродушного смеха, направленного на укрепление групповой идентичности.

В противоположность этому, «Comedy Club» ориентирован на более «интеллектуальный» юмор постмодернистского типа. Здесь комическое рождается из междискурсивной игры, цитирования и пародирования политических и медийных текстов, а также из провокации культурных стереотипов. Псевдологика, манипуляция логическими структурами и намеренное доведение социальных стереотипов до абсурда создают сатирическую дистанцию между исполнителем и аудиторией.

Жанровые рамки двух проектов также существенно влияют на формы языковой игры. В «Уральских пельменях» преобладает репризный формат с заранее подготовленными диалогами и сценарием. Это позволяет тщательно выстраивать речевые конструкции и многослойные лингвистические шутки, опираясь на повседневные реалии. В свою очередь, «Comedy Club» чаще использует стендап-формат, предполагающий импровизацию, живой контакт со зрителем, реакцию на актуальные события. Это стимулирует использование прагматических стратегий, при которых игра строится не только на языке, но и на интонации.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует не только различие в предпочтении типов языковой игры, но и более глубокое расхождение в коммуникативной стратегии, жанровой природе и социокультурной функции юмора в современной российской медиасреде.

Проведённый сравнительный анализ юмористического дискурса телешоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club» подтвердил, что языковая игра в современной российской малой сценической форме реализуется в различных прагматических, жанровых и культурных регистрах. Несмотря на общую направленность на создание комического эффекта, каждое шоу формирует уникальную стратегию речевого воздействия, отражающую особенности целевой аудитории, медийной подачи и социокультурного контекста.

В «Уральских пельменях» преобладают фонетико-семантические игры, основанные на искажении звучания, тавтологиях, омонимии и локальных реалиях. Такой юмор характеризуется «народностью», ориентацией на бытовой опыт зрителя и акцентом на коллективном сотворчестве смыслов. Это создаёт эффект вовлечённости, близости и узнавания, способствуя эмоциональной интеграции аудитории.

В противоположность этому, «Comedy Club» демонстрирует более постмодернистскую, интердискурсивную модель комизма, где активно используются прецедентные тексты, ироническая деконструкция, псевдологика и игра с культурными кодами. Юмор здесь носит интеллектуальный, часто провокационный характер и апеллирует к критическому дистанцированию зрителя. Такая стратегия создаёт многослойность восприятия и стимулирует рефлексию над социальными и политическими явлениями.

Результаты контент-анализа показали, что «Уральские пельмени» в 68% случаев используют лексико-семантические и фонетические игры, в то время как в «Comedy Club» на 72% преобладают прагматические и интертекстуальные формы юмора, что подчёркивает жанровую обусловленность языковых механизмов.

Таким образом, исследование подтверждает, что языковая игра в юмористическом дискурсе не является универсальным приёмом, а адаптируется к жанровым, прагматическим и культурным условиям, демонстрируя многообразие форм комического в российском медиапространстве.

Заключение

Данное исследование было посвящено анализу механизмов юмористической языковой игры в российской малой сценической форме на примере телешоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club», с опорой на теоретико-методологические подходы к дискурсивной и прагмалингвистической интерпретации юмора. Целью работы являлось выявление и классификация основных типов языковых игр, используемых в данных форматах, а также установление их социокультурных функций и прагматической направленности.

Проведённый анализ более 50 эпизодов двух программ, включающих как диалогические сценки, так и монологические выступления, позволил выстроить эмпирическую базу для сопоставления. В результате контент-анализа установлено, что в «Уральских пельменях» доминируют лексико-семантические, фонетические и синтаксические игры, связанные с повседневной речевой практикой, региональными реалиями и «народным» типом юмора. Это создаёт эффект узнавания, вовлечённости и коллективного сотворчества.

В свою очередь, «Comedy Club» активно использует прагматические и интертекстуальные стратегии, включая пародию, цитирование, ироническое переосмысление культурных и политических кодов. Здесь языковая игра служит не только средством развлечения, но и инструментом социальной провокации и критического анализа.

Сравнительный подход выявил, что различия между двумя шоу обусловлены не только жанровыми рамками (сценарный диалог против стендапа), но и глубинными стратегиями построения комического: интеграция через совместный смех в «Уральских пельменях» и дистанцированная ирония как форма интеллектуального развлечения в «Comedy Club».

Таким образом, в рамках заявленной темы механизмов построения юмора как постмодернистской языковой игры было показано, что малая сценическая форма в современной России представляет собой продуктивную площадку для языковых экспериментов, отражающих культурные коды, ценности и коммуникативные установки различных аудиторий. Исследование подтверждает, что языковая игра в юмористическом дискурсе является не только эстетическим, но и социокультурным феноменом, который требует комплексного и многоуровневого анализа.

Библиография

1. Ключко М. А. Язык и познание в философии Людвиг Витгенштейна // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 2. – С. 62-73. DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-62-73.
2. Денисова П. Н., Караулова Ю. Н., Козырева В. А. и др. Лексикографический метод и сферы его применения в диалектологических исследованиях // Язык и культура в Евразийском пространстве. – 2003. – С. 110.
3. Красных В. В., Телия В. Н., Гудкова Д. Б. Понимание лингвокультурного кода в русской лингвокультурологии // Редакционная коллегия. – 2019. – С. 150.
4. Лягушкина Н. В., Полевщикова А. С. Языковая игра в медиатексте. Проблема перевода // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и лингводидактики. – 2013. – С. 89-102.
5. Выровцева Е. В., Щеглова Е. А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43, № 1. – С. 31-40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.565.
6. Захарова М. В. Языковая игра и ирония в коммуникативном взаимодействии // Отечественная филология. – 2023. – № 3. – С. 44-54. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-

44-54.

7. Муругова Е. В., Вербоватая Ю. В. Прагматическая архитектура стендап-комедии: образ актера, фактор адресата, интерактивность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 3. – С. 172-182. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-3-172-182.
8. Норман Б. Ю. Комическая и людическая составляющие в лингвистических задачах // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 579-594. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).579-594.
9. Рудакова Е. А. Лингвокогнитивный аспект американского молодежного юмора о мужчинах и женщинах (на материале телесериала "The Big Bang Theory") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 703-711. DOI: 10.30853/phil20250099.
10. Кадиров Б. М. Психолингвистический анализ анекдотов: структура, механизмы восприятия и когнитивные эффекты // Журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 16(2). – С. 174-184.
11. Карпицкая Е. К. Языковые игры через призму взглядов Л. Витгенштейна и Ж.-Ф. Лиотара // Гуманитарный акцент. – 2023. – № 1. – С. 81-89. EDN: MGGXQA.
12. Шилихина К. М., Паньин Е. А. Лингвокреативность и языковая игра: почему возникает комический эффект? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2025. – № 1. – С. 24-31. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2025/I/24-31.
13. Терских М. В., Зайцева О. А. Языковая игра как инструмент рекламного креатива // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 2. – С. 127-145. DOI: 10.29025/2079-6021-2025-2-127-145.
14. Норман Б. Ю. Комическая и людическая составляющие в лингвистических задачах // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 579-594. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).579-594.
15. Родительское собрание // Уральские пельмени [Видеозапись]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a0jC7QoMtTc> (дата обращения: 16.09.2025).
16. Аптека // Уральские пельмени [Видеозапись]. – URL: https://youtu.be/L0vEYK_sC7Y?si=_FGKeG8y_XldGKjq (дата обращения: 16.09.2025).
17. На работе // Уральские пельмени [Видеозапись]. – URL: <https://youtu.be/SI3utYrUiKo?si=GEVVqz8SAsKOTZSf> (дата обращения: 16.09.2025).
18. Comedy Club – РЭП Баттл: Трамп против Путина [Видеозапись]. – URL: https://youtu.be/YBp37EmlLUc?si=gz_DuBDwn31OLcL (дата обращения: 16.09.2025).
19. Comedy Club – Сумасшедший начальник [Видеозапись]. – URL: <https://youtu.be/PwytbNr5JOo?si=levreQImnvNWvuSx> (дата обращения: 16.09.2025).
20. Comedy Club – Современная этика [Видеозапись]. – URL: <https://youtu.be/YI7WBm30QG4?si=Ar5-qhsPo1H7CeJD> (дата обращения: 16.09.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает многомерная языковая игра как механизм юмористической конструкции в российских сценических миниатюрах. Актуальность работы очевидна и определяется, во-первых, своей новизной, которая заключается «в применении многоуровневой теории языковой игры к анализу современного российского юмористического дискурса», во-вторых, повышенным интересом научного сообщества к юмористическому дискурсу, который представляет

собой «сложный прагматико-дискурсивный феномен, тесно связанный с когнитивной активностью, культурными установками и речевым взаимодействием». Эмпирическим материалом послужили диалоги из шоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club», выбор которых обусловлен их широкой популярностью, репрезентативностью и противоположностью стратегий юмористической коммуникации.

Теоретической основой исследования послужили труды, посвященные различным аспектам феномена языковой игры; прагматической архитектонике стендап-комедии; лингвокультурному коду в русской лингвокультурологии и др. Библиография насчитывает 20 источников, в том числе электронные ресурсы, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников (около 70%), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету.

Методология исследования определена поставленной целью (выявление, описание и классификация языковых игр, лежащих в основе комического эффекта в диалогах упомянутых программ) и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сопоставление, классификация и описание; метод текстовой интерпретации; дискурс-анализ; методы когнитивного и прагмалингвистического, семантико-прагматического анализа, а также количественный контент-анализ и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования определена типология языковых игр, используемых в диалогах сценических миниатюр (лексико-семантический, морфолого-синтаксический, фонетический, интертекстуальный, псевдологический типы, культурные аллюзии, жаргон/ вульгаризмы); описаны их структурные и семантические особенности; установлены прагматические и дискурсивные функции игровых механизмов («в условиях медиадискурса, к которому относятся и сценические юмористические шоу, языковая игра выполняет важные функции смыслопорождения, социокультурной репрезентации и вовлечения аудитории в процесс со-интерпретации текста») и др. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ юмористического дискурса шоу «Уральские пельмени» и «Comedy Club», выявлено «не только различие в их предпочтении типов языковой игры, но и более глубокое расхождение в коммуникативной стратегии, жанровой природе и социокультурной функции юмора в современной российской медиасреде». Отмечено, что «языковая игра в юмористическом дискурсе не является универсальным приёмом, а адаптируется к жанровым, прагматическим и культурным условиям, демонстрируя многообразие форм комического в российском медиапространстве». В заключении обобщены основные выводы. Рекомендуем автору(ам) в дальнейшем не дублировать в заключении тему и цель работы, достаточно указать, была ли достигнута указанная цель.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в разработку многоуровневой теории языковой игры применительно к анализу современного российского юмористического дискурса, в изучение лингвистических механизмов языковой игры, а также в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории дискурса, теории текста, семасиологии и межкультурной коммуникации. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения материала четкая. В целом статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц., Вэнь Б. Когнитивные и дискурсивные особенности медиатекстов в контексте интеграции кино и игрового дизайна // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75960 EDN: RPMUXF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75960

Когнитивные и дискурсивные особенности медиатекстов в контексте интеграции кино и игрового дизайна

Ван Цзымин

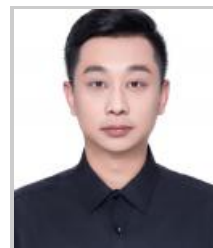
ORCID: 0009-0000-5188-4377

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

119571, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, ул. 26-ти Бакинских Комиссаров, д. 7 к. 6

✉ 1042248002@rudn.ru

Вэнь Боюань

ORCID: 0009-0007-0874-7650

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 каб. кв. 218

✉ 1042228177@pfur.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75960

EDN:

RPMUXF

Дата направления статьи в редакцию:

21-09-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются когнитивные и дискурсивные особенности медиатекстов, формирующихся на стыке кино и интерактивного игрового дизайна в условиях цифровой эпохи. Объектом выступают гибридные медиапродукты, включая интерактивные фильмы, визуальные новеллы и сюжетно-ориентированные видеоигры, которые сочетают кинематографическую

линейность с геймифицированной нелинейностью, вовлекая пользователя в активное конструирование нарратива. Автор подробно рассматривает механизмы смыслопорождения, активируемые в условиях мультимодальной репрезентации, а также когнитивные процессы, способствующие интерпретации, эмоциональной идентификации и вовлечённости аудитории. Особое внимание уделено таким феноменам, как фрейминг, сценарная активация, построение ментальных моделей, перформативность высказываний, эффект присутствия и моральная рефлексия, возникающие в процессе взаимодействия пользователя с медиатекстом. Анализ проводится в контексте трансформации медиадискурса и роли языка в цифровом сторителлинге. Методология исследования основана на междисциплинарном подходе и включает методы когнитивной лингвистики, нарратологии, критического дискурс-анализа и семиотического анализа. Научная новизна исследования заключается в комплексном описании медиатекста как динамической когнитивно-дискурсивной системы, возникающей в результате взаимодействия автора, интерфейса, медиасреды и пользователя. В отличие от традиционного подхода к медиадискурсу, работа предлагает рассматривать интерактивные медиатексты как формы соавторства, в которых пользователь не только интерпретирует, но и активно конструирует смысловую структуру. В исследовании показано, что интерактивные форматы активируют множественные ментальные модели, сценарии выбора и когнитивные траектории, сопровождаемые моральной рефлексией, эмоциональной идентификацией и полифонией нарратива. Выводы статьи способствуют более глубокому пониманию трансформации коммуникационных стратегий и механизмов смыслопорождения в условиях цифровой культуры, а также представляют ценность для дальнейших разработок в области медиалингвистики, сторителлинга и когнитивного анализа мультимодальных цифровых текстов.

Ключевые слова:

интерактивный медиатекст, когнитивная лингвистика, медиадискурс, игровая репрезентация, фрейминг, нарративная транспозиция, мультимодальность, дискурсивные стратегии, цифровой сторителлинг, пользовательская интерпретация

Введение

Интеграция кино и игрового дизайна становится одной из наиболее значимых тенденций в развитии цифрового и трансмедийного сторителлинга, отражая более широкие культурные и коммуникативные сдвиги цифровой эпохи [\[1\]](#). Данный процесс не ограничивается лишь технической конвергенцией различных медиаплатформ, но распространяется также на трансформацию дискурсивных практик и когнитивных механизмов восприятия, что требует переосмысления традиционных подходов лингвистики и медиаведения [\[2\]](#). Актуальность исследования заключается в том, что гибридные медиатексты, сочетающие линейность кинематографического повествования с интерактивностью игрового дизайна, формируют принципиально новые способы конструирования смысла, при которых размываются границы между автором и реципиентом, а интерпретация превращается в активный и динамический процесс. Эта трансформация ставит под сомнение устоявшиеся модели дискурс-анализа, поскольку классические парадигмы текстуальности и нарративности оказываются недостаточными для объяснения мультимодальных, нелинейных и партисипаторных структур, присущих современным медиапродуктам.

Объектом настоящего исследования являются медиатексты, созданные на пересечении кино и интерактивного игрового дизайна, а предметом когнитивные процессы и дискурсивные стратегии, обеспечивающие их порождение и интерпретацию. Цель работы заключается в анализе эволюции медиадискурса под влиянием интерактивного дизайна и выявлении когнитивных механизмов, формирующих вовлечённость аудитории и конструирование смысла в этих гибридных форматах. Для достижения указанной цели в исследовании ставятся следующие задачи: описать дискурсивные сдвиги, вызванные интеграцией кинематографических и игровых кодов; раскрыть роль концептуального фрейминга и когнитивных схем в восприятии интерактивных нарративов; определить специфику участия аудитории в процессе конструирования медиасмыслов. Научная новизна исследования определяется его междисциплинарным характером, поскольку в работе предлагается междотраслевая аналитическая модель, которая связывает когнитивную семантику с эволюцией структур медиадискурса и позволяет по-новому осмыслить семиотическую и дискурсивную сложность гибридных текстов, возникающих на пересечении кино и игрового дизайна.

Теоретические и методологические основания исследования

Изучение когнитивных и дискурсивных особенностей медиатекстов в цифровую эпоху получило широкое развитие в лингвистике, журналистике и социологии. Исследователи подчеркивают, что само понятие личности и дискурса в условиях цифровой коммуникации претерпевает глубокую трансформацию. Е. В. Маринова показывает, что категория «виртуальная личность» эволюционировала в самостоятельное терминологическое понятие, отражающее дуальность офлайн- и онлайн-существования, а также необходимость лингвистической адаптации к новым онтологическим реалиям [3]. В этом контексте Р. К. Потапова и И. В. Курьянова утверждают, что интернет-опосредованная коммуникация порождает гибридную форму «письменно-устной речи», которая сочетает черты устного и письменного языка, формируя интертекстуальные и паравербальные слои медиатекста [4].

Важным направлением анализа выступает также исследование интерпретативных способностей аудитории. В. Ф. Олешко и В. В. Гаврилов подчеркивают распространение «клипового мышления» в цифровой среде и указывают на необходимость формирования «активного читателя», способного критически интерпретировать медиатексты в культурном контексте [5]. В области жанровых трансформаций Н. В. Куницына вводит понятие «медиаметаморфозы», объясняя, каким образом конвергенция и цифровизация изменяют дискурсивные стратегии в гибридных форматах, таких как подкасты и ток-шоу [6]. Аналогично Е. А. Никонова отмечает размытие традиционных жанровых границ в системе массовых медиа под влиянием социокультурных тенденций, таких как псевдопризнательность и шоуизация [7].

С когнитивной точки зрения Д. Ш. Рахмонова и Д. У. Ашурова выделяют категоризацию, концептуализацию и фрейминг как ключевые механизмы анализа медиатекстов [8]. Н. И. Немкина развивает данный подход, акцентируя внимание на мультимодальной интеграции вербальных, визуальных и аудиальных кодов в современном дискурсе [9]. Эти исследовательские рамки обеспечивают инструментарий для анализа гибридных текстов, возникающих на стыке кино и игрового дизайна.

Более практико-ориентированное направление представлено в работе Д. Н. Павлова, который показывает, что мотивирующий контент на платформах TikTok и YouTube основывается на нарративных архетипах, описанных В. Я. Проппом, что объясняет

устойчивость повествовательных моделей даже в условиях высокой динамики цифровой среды [\[10\]](#). В то же время О. С. Зубкова и А. А. Карачевцева демонстрируют, что языковая игра метафоры, ирония, каламбуры, кросс-культурные аллюзии является важнейшей стратегией в публицистическом дискурсе, усиливающей его интерактивность и эмоциональное воздействие в цифровую эпоху [\[11\]](#).

Социология кино также вносит значимый вклад в понимание медиадискурса. Е. В. Андрианова и В. А. Давыденко утверждают, что кинофильмы функционируют как «ментальные сжатия» культурных и социальных смыслов, позволяя аудитории интерпретировать коллективные идентичности и повседневные практики через нарративные структуры [\[12\]](#). Это сближает кино с более широкой ролью медиатекста как формы не только развлечения, но и инструмента мировоззренческой репрезентации.

Наконец, интеграция игрового дизайна в медиадискурс рассматривается и в политическом аспекте. С. И. Каминский, Д. А. Федотов и А. А. Кривошеев показывают, что видеоигры все чаще используются как инструменты дискурса и контрдискурса, формируя политические образы и влияя на общественное восприятие в условиях конфликта [\[13\]](#). Это подтверждает возрастающую роль геймификации в конструировании не только культурных, но и политических нарративов.

Таким образом, проанализированные исследования позволяют заключить, что медиатексты, возникающие на пересечении кино и игрового дизайна, представляют собой когнитивно сложные, мультимодальные и дискурсивно гибридные феномены, объединяющие нарративные архетипы, мультимодальные стратегии и политико-символические коды. Данное междисциплинарное основание формирует концептуальный аппарат для анализа того, каким образом подобные тексты трансформируют когницию и практики дискурса в условиях цифровой коммуникации.

Методологически исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий принципы когнитивной лингвистики в частности анализ фреймов, сценариев и ментальных моделей с инструментарием критического дискурс-анализа, нарратологии и семиотического анализа, что обеспечивает комплексное рассмотрение взаимосвязи языка, когниции и мультимодальных форм медиарепрезентации.

Результаты и обсуждения

Интеграция кино и игрового дизайна в последние десятилетия стала не только технологическим феноменом, но и дискурсивным процессом, существенно изменяющим механизмы смыслопорождения в медиатексте. Если классический кинематограф традиционно строится на линейности повествования и фиксированности зрительской позиции, то гибридные форматы вводят элементы нелинейности, интерактивности и полифонии, что требует нового исследовательского инструментария. По мнению Н. Б. Афанасов, именно «конвергентная культура» формирует условия, при которых аудитория перестаёт быть пассивным потребителем и начинает активно участвовать в создании медиасмыслов [\[14\]](#).

Характеристика интегративных продуктов наглядно проявляется в таких форматах, как интерактивное кино («Бандерснэтч») или сюжетно-ориентированные видеоигры («Хэви Рейн», «Жизнь — странная штука»). В них каждая реплика (например, «Взять оружие» / «Оставить оружие») или даже пауза персонажа становится актом речевого выбора, фиксирующего не только развитие нарратива, но и когнитивную установку игрока. Такие

практики можно соотнести с идеями Р. В. Блажковский и И. В. Шаповалова о «нарративной транспозиции», где медиатекст конструируется как система возможных миров, доступных для интерпретации и выбора [15].

Особенности визуального и текстового контента в интегративных медиапродуктах проявляются в том, что текстовые элементы (меню выбора, внутриигровые диалоги, субтитры) утрачивают статус второстепенных и становятся равноправной частью дискурса. В играх жанра визуальной новеллы реплики персонажей («Я доверяю тебе...» / «Я тебе не верю...») представляют собой перформативные акты в духе Дж. Л. Остина, где выбор формулировки имеет силу не только нарративного, но и дискурсивного действия [16]. Это позволяет рассматривать медиатекст как пространство, где язык выполняет одновременно повествовательную и регулятивную функции.

Нарративные стратегии интегративных медиапродуктов основываются на принципах нелинейности и множественности точек зрения, что приводит к радикальной трансформации традиционного понимания повествования. В интерактивных форматах, таких как сюжетно-ориентированные видеоигры, одна и та же сцена может быть представлена с различных фокализаций, создавая полифоническую структуру нарратива. Такой подход позволяет пользователю воспринимать происходящее не как линейное повествование, а как сеть взаимосвязанных интерпретативных траекторий, каждая из которых отражает индивидуальные выборы и предпочтения.

Игрок в данном контексте выступает не просто как реципиент, а как активный участник дискурсивного процесса, формируя уникальную конфигурацию текста через серию решений и действий. Его выборы запускают определённые дискурсивные сценарии, изменяя как ход сюжета, так и его интерпретацию. Таким образом, медиатекст становится динамической системой, сочетающей языковые, визуальные и интерактивные элементы, а когнитивная нагрузка перераспределяется между авторскими структурами и пользовательскими стратегиями осмысления.

Современные теоретические модели медиадискурса всё чаще акцентируют внимание на феномене соавторства и взаимодействия. Язык в этих продуктах функционирует не только как средство передачи информации, но и как механизм структурирования фикционального мира, обеспечивая коммуникацию между замыслом создателей и когнитивной активностью аудитории. В результате медиапространство приобретает свойства открытой, многослойной и эволюционирующей дискурсивной среды.

Таким образом, интеграция кино и игрового дизайна ведёт к трансформации медиадискурса: он становится нелинейным, мультимодальным и интерактивным, объединяя в себе традиционные кинонарративы и игровые сценарии. Для лингвистики и медиадискурсивного анализа это означает необходимость опоры на междисциплинарные подходы, учитывающие как когнитивные механизмы восприятия, так и семиотические коды гибридных медиатекстов.

Современный медиатекст, особенно созданный на стыке кинематографа и интерактивного дизайна, активирует сложный когнитивный аппарат восприятия, в который вовлечены процессы фреймирования, сценарной активации, построения ментальных моделей, сенсорной интеграции и морально-этической рефлексии. В парадигме когнитивной лингвистики медиатекст рассматривается как полимодальный стимул, инициирующий сложную цепочку семиотической и ментальной обработки.

Одним из ключевых факторов восприятия интерактивного медиатекста выступает

эмоциональное вовлечение, усиливающееся за счет эффекта присутствия субъективного ощущения нахождения внутри нарратива. Согласно теории нарративной транспозиции, пользователь, погружаясь в повествование, формирует устойчивую эмоциональную связь с персонажами и перенимает их установки и ценности как свои собственные [17]. Например, сцена в игре Сильный дождь, в которой игроку предстоит спасти тонущего ребёнка, вызывает не только тревогу, но и моральную ответственность за исход именно за счёт когнитивного отождествления с героем и возможности выбора.

Современные интерактивные медиаплатформы, такие как Детройт: Стать человеком, активируют у пользователя ментальные модели, описанные в работах А В Колесниковой и А В. Барзенкой, где восприятие текста сопровождается построением ситуационных моделей [18]. При выборе игроком между подчинением приказу и проявлением эмпатии активируются разные когнитивные сценарии, сочетающие эмоциональную оценку, стратегию действия и этическое суждение, что иллюстрирует динамическую природу фреймовой интерпретации медиатекста.

Интерактивность медиатекста трансформирует традиционную фигуру «читателя» в активного интерпретатора, участвующего в конструировании смысла. В медиатексте это проявляется, например, через выбор реплик, активирующих разные дискурсивные ветви, или через манипуляции с интерфейсом, формирующие индивидуальную «версию» истории.

Интерактивные медиатексты характеризуются повышенной когнитивной нагрузкой, обусловленной многоканальностью: текстовой (диалог), визуальной (графические элементы, интерфейс), аудиальной (музыкальное сопровождение) и кинестетической (физические действия игрока). В ситуации, когда игроку нужно одновременно оценивать эмоциональные реакции героев, анализировать визуальные сигналы (например, мерцание экрана как знак тревоги) и принимать решения, происходит параллельная активация когнитивных модулей.

Пример: сцена в Бандерснатч, где пользователь должен выбрать между двумя действиями (например, «пойти за отцом» или «остаться дома»), сопровождается навязчивым звуковым мотивом, миганием экрана и тревожным выражением лица героя. Эти элементы образуют когнитивно-нагруженный узел, где каждая модальность несёт смысловую нагрузку, активируя ментальную схему «опасность – срочность – неопределённость».

Для углублённого анализа когнитивно-дискурсивных особенностей рассмотрим два интегративных медиатекста: интерактивный фильм Бандерснатч и видеоигру Детройт. В обоих случаях можно проследить трансформацию дискурсивных стратегий и формирование новых когнитивных структур, обусловленных мультимедийной природой текста и взаимодействием с пользователем.

В Бандерснатч речевые маркеры («Ты уверен?», «Ты хочешь выбрать это?»), развернутые на экране, не являются лишь метатекстовыми элементами они становятся дискурсивными триггерами, инициирующими фреймы выбора и сомнения. Это особенно заметно в ситуациях моральной амбивалентности: в сцене, где герой должен «убить отца» или «сдаться», система предлагает фрейм контроля/потери контроля, активируя у пользователя сценарий «психологического слома». При этом, по теории критического дискурс-анализа, язык не просто описывает ситуацию, но встраивает пользователя в идеологически окрашенный контекст, формируя ощущение неизбежности определённого выбора.

В Детройт, напротив, пользователь получает систему когнитивных последствий: карта решений, появляющаяся после каждой главы, визуализирует сеть возможных траекторий. Это можно рассматривать как метарепрезентацию нарратива, которую пользователь не только проходит сюжет, но и анализирует структуру возможных альтернатив, что активирует сложные ментальные модели. В сцене с персонажем Карой, где она может «сбежать через заднюю дверь» или «остаться и защитить ребёнка», каждое действие сопровождается репликами («Нам надо бежать!» / «Я не позволю ему тебя тронуть»), фоновой музыкой (от напряжённой до лирической) и визуальной сменой ракурсов, что в совокупности создаёт семиотическую систему вовлечения, где каждый код (текстуальный, визуальный, аудиальный) направлен на управление вниманием и интерпретацией.

Такие тексты демонстрируют сдвиг от традиционного понимания медиадискурса как авторского к пониманию его как когнитивного процесса совместного конструирования, где пользователь становится активным агентом, а не просто интерпретатором.

Выводы

Исследование подтвердило, что медиатексты, формирующиеся на пересечении кино и игрового дизайна, представляют собой особый тип когнитивно-дискурсивных конструкций, характеризующийся нелинейностью, мультимодальностью и высоким уровнем интерактивности. В отличие от традиционного кинематографического нарратива, ориентированного на линейное восприятие, интегративные форматы активизируют сложные когнитивные механизмы пользователя, включая фреймирование, построение ситуационных моделей и морально-этическую рефлексию.

Одним из основных выводов работы стало осознание того, что пользователь в подобных медиапродуктах перестаёт быть пассивным получателем информации и становится активным соавтором, принимающим решения, влияющие на развитие сюжета и структуру дискурса. Языковые реплики, визуальные сигналы и аудиальные элементы встраиваются в когнитивную систему восприятия и формируют эмоционально-насыщенные ментальные схемы, что радикально изменяет принципы медиапонимания и нарративной вовлечённости.

На эмпирических примерах (интерактивный фильм «Бандерснэтч» и видеоигра «Детройт: Стать человеком») было показано, что выбор пользователя запускает альтернативные дискурсивные сценарии, каждый из которых обладает собственным набором семиотических кодов и когнитивных импликаций. Таким образом, медиатекст становится динамически развивающейся структурой, в которой дискурс порождается во взаимодействии между автором, интерфейсом и реципиентом.

С теоретической точки зрения, данное исследование обосновывает необходимость применения междисциплинарных подходов когнитивной лингвистики, критического дискурс-анализа и семиотики для анализа медиатекстов нового типа. Именно комплексное соединение когнитивных и дискурсивных стратегий позволяет адекватно описывать процессы смыслопорождения в цифровых интерактивных средах, где границы между жанрами, медиаканалами и ролями участников дискурса стираются.

Таким образом, основным научным результатом данной работы является выявление и концептуализация новых когнитивно-дискурсивных моделей, формируемых в условиях интеграции кино и игрового дизайна. Эти модели открывают перспективы для дальнейших исследований в области цифрового сторителлинга, медийной лингвистики и когнитивной семантики, а также позволяют по-новому осмыслить роль языка и

медиадискурса в эпоху цифровой интерактивности.

Библиография

1. Meyerhofer-Parra R., González-Martínez J., Peracaula-Bosch M. Postdigital storytelling: Storytelling (within or across) the digital and transmedia field // Postdigital Science and Education. – 2024. – Vol. 6, № 3. – P. 886-901.
2. Pecheranskyi I., Humeniuk T., Shvets N., et al. Transmedia discourse in the digital age: Exploring radical intertextuality, audiovisual hybridization, and the "aporia" of homo medialis // Research Journal in Advanced Humanities. – 2023. – Vol. 4, № 2. – P. 116-130. DOI: 10.58256/rjah.v4i2.1111 EDN: JQMHI
3. Маринова Е. В. Эволюция понятия "виртуальная личность" в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // Научный диалог. – 2023. – № 12 (1). – С. 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169 EDN: XZYNZL
4. Потапова Р. К., Курьянова И. В. Особенности исследования текста в эпоху цифровой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 5-15. DOI: 10.15688/jvolsu.2021.2.1 EDN: GYQPIU
5. Олешко В. Ф., Гаврилов В. В. Медiateкст как объект активного чтения в цифровую эпоху развития СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 5-18. DOI: 10.15826/izv1.2024.30.3.043 EDN: GIYACN
6. Куницына Н. В. Жанровые трансформации в процессе медиатизации (о некоторых речевых стратегиях) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2024. – № 1 (4 (45)). – С. 185-195. DOI: 10.51965/2076-7919_2024_1_4_185 EDN: XZTUZG
7. Никонова Е. А. К вопросу о состоянии жанровой системы СМИ // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 2 (101). – С. 84-95. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-2-101-7 EDN: VDPCPX
8. Рахмонова Д. Ш., Ашурова Д. У. Когнитивный подход к анализу художественного текста // Научный вестник ФерГУ. – 2024. – № 2. – С. 109.
9. Немкина Н. И. Когнитивный подход к рассмотрению мультимодальности на современном этапе лингвистических исследований // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. – 2022. – № 3-1. – С. 178-184. EDN: SCKJSD
10. Павлов Д. Н. Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и You-Tube // Litera. 2024. № 9. С. 44-58. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71765 EDN: FEYLHC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71765
11. Зубкова О. С., Карачевцева А. А. Стратегии реализации языковой игры в англоязычном публицистическом дискурсе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2024. – № 4. – С. 18-29. DOI: 10.15593/2224-9389/2024.4.2 EDN: EBISXQ
12. Андрианова Е. В., Давыденко В. А. Социология кино: нарративные оценки зрительских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 824-839. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-824-839 EDN: GBWWLU
13. Каминский С. И., Федотов Д. А., Кривошеев А. А. Геймификация политики: видеоигры как инструмент формирования дискурса и контрдискурса в конфликте // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 164-173.
14. Афанасов Н. Б. Генри Дженкинс и фанфик по теории медиа // Galactica Media: Journal

of Media Studies. – 2019. – Т. 1, № 3. – С. 250-263. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10033 EDN: QMYBSS

15. Блажковский Р. В., Шаповалова И. В. Метамоделі сюжетостроєння в контексті нарратології і герменевтики // Universum: філологія і искусствоведение. – 2024. – № 9 (123). – С. 46-48. EDN: CZUKIX

16. Austin J. L. How to do things with words: Lecture II // In: The performance studies reader. – Routledge, 2025. – P. 177-182.

17. Моштылева Е. С. Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации: лингвопрагматический и лингвостилистический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. – 190 с.

18. Колесников А. В., Барзенков А. В. Семиотическая модель концептосферы Модели Мира субъекта деятельности по разработке и применению когнитивных гибридных интеллектуальных систем // Гибридные и синергетические интеллектуальные системы: сб. науч. тр. – 2022. – С. 44-138. DOI: 10.5922/978-5-9971-0687-4-3 EDN: IECWSA

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию когнитивных и дискурсивных особенностей медиатекстов в контексте интеграции кино и игрового дизайна. Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется тем, что «гибридные медиатексты, сочетающие линейность кинематографического повествования с интерактивностью игрового дизайна, формируют принципиально новые способы конструирования смысла, при которых размываются границы между автором и реципиентом, а интерпретация превращается в активный и динамический процесс. Эта трансформация ставит под сомнение устоявшиеся модели дискурс-анализа, поскольку классические парадигмы текстуальности и нарративности оказываются недостаточными для объяснения мультимодальных, нелинейных и партисипаторных структур, присущих современным медиапродуктам».

Теоретической основой исследования выступили научные работы, посвященные медиадискурсу, нарративным стратегиям медиадискурса, метамоделям сюжетостроения в контексте нарратологии и герменевтики, особенностям изучения текста в эпоху цифровой коммуникации и когнитивному подходу к анализу текста и др. Библиография состоит из 18 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Следует отметить, что список литературы представлен значительным количеством актуальной научной литературы (более 77% за последние 3 года), что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью: применяются как общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию материала, так и методы социокультурного и интертекстуального анализа, когнитивный анализ (анализ фреймов, сценариев и ментальных моделей) с инструментарием критического дискурс-анализа, нарратологии и семиотического анализа, что обеспечивает комплексное рассмотрение взаимосвязи языка, когниции и мультимодальных форм медиарепрезентации.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи. Установлено, что «медиатексты,

возникающие на пересечении кино и игрового дизайна, представляют собой когнитивно сложные, мультимодальные и дискурсивно гибридные феномены, объединяющие нарративные архетипы, мультимодальные стратегии и политико-символические коды». Описаны дискурсивные сдвиги, вызванные интеграцией кинематографических и игровых кодов («пользователь в подобных медиапродуктах перестаёт быть пассивным получателем информации и становится активным соавтором, принимающим решения, влияющие на развитие сюжета и структуру дискурса»). Раскрыта роль концептуального фрейминга и когнитивных схем в восприятии интерактивных нарративов («интегративные форматы активизируют сложные когнитивные механизмы пользователя, включая фреймирование, построение ситуационных моделей и морально-этическую рефлексия»). Определена специфика участия аудитории в процессе конструирования медиасмыслов («выбор пользователя запускает альтернативные дискурсивные сценарии, каждый из которых обладает собственным набором семиотических кодов и когнитивных импликаций»).

Таким образом, автором(ами) проведен достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость и практическая ценность работы неоспоримы и обусловлены его вкладом в изучение гибридных медиатекстов, в выявление и концептуализацию новых когнитивно-дискурсивных моделей, формируемых в условиях интеграции кино и игрового дизайна. Следует признать, что полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в области цифрового сторителлинга, медийной лингвистики и когнитивной семантики, а также позволяют по-новому осмыслить роль языка и медиадискурса в эпоху цифровой интерактивности.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Статья выдержана в научном стиле, содержание рукописи соответствует названию. Работа имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Менжулина Д.Е. Метафорическое структурирование представлений о любви участников публичного диалога // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.72145 EDN: RFNEOZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72145

Метафорическое структурирование представлений о любви участников публичного диалога

Менжулина Дарья Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-2147-2886

старший преподаватель; кафедра русского языка как иностранного; Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Аякс, 10, каб. D524

✉ koffikor@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.72145

EDN:

RFNEOZ

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Аннотация: В данной статье мы ставим целью рассмотреть метафорическую репрезентацию явления любовь в публичном диалоге и установить мотивированную связь между структурной метафорой и эмоцией, с которой она ассоциируется. В данной работе нас интересует только структурная метафора, а не все типы метафор. Материалом исследования являются расшифрованные телеинтервью телепередачи «Белая студия» с Дарьей Златопольской. Гостями телепередачи являются представители творческих профессий (артисты, режиссёры, музыканты и др.), мужчины. В центре нашего внимания оказывается только представление о любви как о сфере межличностных отношений. Особое внимание уделяется описанию процесса возникновения метафоры. Кроме того, в работе представлены языковые средства, демонстрирующие перенос признаков сферы-источника на сферу-мишень при метафорической проекции. В ходе исследования нами использовались метод научного наблюдения, описательный метод (включающий приёмы наблюдения, обобщения, интерпретации), метод семантического анализа, метод контекстуального анализа, метод прагматического анализа. Научная новизна

исследования заключается во взгляде на метафорический перенос в контексте публичного диалога, в котором перенос одной ситуации на другую не ограничивается одним необычным словоупотреблением, а разворачивается на протяжении целого коммуникативного эпизода или его части. В результате исследования выявлена мотивированная связь между эмоцией и метафорой, выявлено что привело к созданию говорящими метафорического переноса, структурирующего целые фрагменты интервью. Выявлены когнитивные механизмы метафоризации явления любовь, основанные на разной степени устойчивости в представлениях говорящих. Сделан вывод о том, что метафорический перенос структурирует и связывает коммуникативные эпизоды телеинтервью как коммуникативного события, выполняя интегрирующую функцию. В процессе беседы ведущий и собеседники "подсвечивают" те или иные аспекты сферы-источника или сферы-мишени, что приводит к сужению или расширению используемой метафоры на протяжении нескольких коммуникативных эпизодов.

Ключевые слова:

метафора, метафорический перенос, структурная метафора, диалогическая речь, коммуникативный эпизод, эмоциональные состояния, любовь, когнитивная метафора, публичный диалог, телеинтервью

Роль метафоры в описании эмоциональных состояний человека: обзор научной литературы

Метафора с античных времён была предметом интереса учёных. Рассматриваемая изначально только как средство риторики, с 1980-х годов метафора вызвала новую волну интереса лингвистов как особый механизм познания мира, отображающий специфику его восприятия в семантической структуре языковых знаков [\[1-7\]](#). Ещё больше интерес к метафоре усилили новые исследования XXI века, знаменующиеся появлением новых когнитивных подходов к изучению познания [\[8-11\]](#).

До 1950-х гг. метафорические переносы осмыслились как явления, не поддающиеся систематизации и моделированию [\[12, с. 68\]](#). Доказать системный и регулярный характер формирования определённых метафорических переносов удалось благодаря исследованиям, посвящённым анализу метафоризации в отдельных лексико-семантических группах, тематических группах и семантических полях [\[13, 14, 15\]](#). Особое значение в этом отношении сыграла функциональная типология метафор Н. Д. Арутюновой [\[3; 2\]](#) и В. Н. Телия [\[6; 7\]](#). Поворот современной лингвистики к эгоцентризму заставил обратить внимание исследователей на когнитивный статус метафоры, которая «возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления» [\[16, с. 11\]](#).

В основу когнитивной (концептуальной) теории метафор, которую традиционно связывают с именами Джорджа Лакоффа и М. Джонсона, легло представление о метафоричности человеческого сознания. Исследователи рассматривают метафоризацию как процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции (чаще однонаправленной) область сферы-мишени структурируется по образу сферы-источника. Знания, составляющие концептуальные домены, формируются из опыта взаимодействия человека с окружающим миром. Наибольшую часть знаний составляет физический опыт взаимодействия с материальным миром, что в языке находит отражение в виде

онтологических метафор [\[17\]](#). «Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [\[18, с. 14\]](#).

Большой интерес представляют различные эмоциональные состояния, которые, по мнению большинства исследователей (Чурилина Л.Н., Телия В.Н., Дж. Лакофф и др.), концептуализируются в языке именно через метафоры. Эта склонность использовать единицы вторичной номинации для объяснения эмоций объясняется тем, что эмоции недоступны прямому наблюдению, являясь абстрактным явлением, которое не всегда возможно «перевести в слова». Это вынуждает говорящего или указывать своему собеседнику на ситуацию, в которой обычно возникает данное явление, либо сравнивать выражающую эмоцию с другим явлением, то есть уподоблять абстрактный опыт чувств своему опыту взаимодействия с реальным, конкретным предметом. [\[20, с. 294.\]](#) «Языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. Эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-то» [\[11, с. 387\]](#) В результате переосмысления конкретных явлений и переноса их признаков в область психологической деятельности человека и рождаются метафоры. Поэтому наиболее адекватным способом лингвистического описания эмоций можно считать описание последних через метафоры, в которых эти эмоции концептуализируются в языке. [\[20, с. 295\]](#).

«Любовь» как сфера-мишень метафорического переноса

Одно из наиболее частых эмоциональных состояний, которое мы пытаемся объяснить через метафору, это любовь. Лакофф и Джонсон пишут, что концепт ЛЮБВИ в основном выражен следующими метафорическими моделями: ЛЮБОВЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ – ЭТО ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ЛЮБОВЬ – СУМАСШЕСТВИЕ, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА, ЛЮБОВЬ – ЭТО КОЛДОВСТВО.

В процессе анализа материалов интервью мы встретили следующие метафорические переносы, когда любовь объяснялась через другое явление или предмет:

- ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ (БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК); СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ;
- ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ; ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО; ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА;
- ЛЮБОВЬ – НАПОЛНЕННАЯ ЧАША, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИНЫ.

Рассмотрим подробнее развёртывание метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ на примере интервью с актёром Александром Збруевым. Начало эта метафора берёт от структурной метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО. Так как большим толковым словарём русского языка рабство определяется как состояние полной зависимости, подчинённости, мы можем говорить о том, что метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО РАБСТВО возникла в результате обращения говорящего к «невывешенной» части общепринятой метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ.

Рассуждая о том, что такое счастье, Александр Збруев говорит, что он вообще не понимает это чувство, как и любовь, так как оба эти состояния неразрывно связаны с неудачей, болью и потерей. Актёр связывает «прекрасное чувство» любви со страхом и трагедией, говоря, что второго в его жизни было больше. Ведущая, пользуясь тем, что Александр Збруев перешёл на рассуждения о любви, упоминает значимую для него книгу о любви «Митина любовь» и похожую, по её мнению, книгу «Страдания юного Вертера». Александр Збруев перебивает ведущую, предлагая метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО

РАБСТВО. По всей видимости, для Збруева эта метафора лежит в основе отношений героев упомянутых книг. Златопольская принимает знаковую систему предложенной метафоры, корректируя вопрос с её учётом.

Збруев: <...> / что такое счастье я вообще не очень понимаю / честно говоря как в любви / **любовь** она **прекрасна** она **замечательна** / но рядом с этой с этим словом с любовью / с этим чувством прекрасным / существует что-то такое / **страшное** / существует и / и **предательство** / и **ложь** / и **потеря** и это вообще **трагедия** //

Златопольская: Вот книга которую вы любите в том числе о любви / и очень многие любят это великая о любви книга «Митина любовь» // эта **любовь** которая **абсолютно разрушает человека** это / ну там «Страдания юного Вертера» вот у Гёте похожая тоже книга / молодой человек который...

Збруев: Любовь — это рабство //

Златопольская: Любит / да настолько он просто абсолютно / в результате он кончает с собой девушка эта его оставляет / но дело даже не в том что она его оставила и поэтому он покончил с собой / он и когда она была с ним и его любила он тоже не был счастливым / потому что он его мучила ревность и так далее // почему та **любовь** которую мы видим в книгах / и так ли это в реальной жизни / всегда связано с вот тем о чём вы сказали / с рабством с тем что делает тебя в конечном счёте одновременно несчастным даже если ты **любим взаимно** например?

<...>

Златопольская: Но любовь ли это то что уходит? То есть вот условно говоря конечно та любовь которая у Мити / да / Бунинского / понятно что она может либо превратиться в то что он стреляется/ если девушка его оставила если бы она ему ответила взаимностью то может быть / эта **любовь** его через какое-то время / **утихла угасла** потому что его **любовь** она носит исключительно вот такое / как бы эгоцентричное в общем достаточно он он весь в своих переживаниях / она его вообще очень мало интересует //

Збруев: Вообще-то это превращается в болезнь честно говоря // это вот так же как вот предположим если возвратиться / я люблю этого писателя очень Бунин / да?

Златопольская: Да //

Збруев: И если вспомнить его все произведения / почти все произведения которые он написал...

Златопольская: Да //

Збруев: Рассказы или новеллы / где / он говорит о любви / они все заканчиваются либо драмой какой-то либо сожалением либо трагедией / понимаете / и это не просто так это человек / который очень / это чувственный человек очень / он чувствовал / очень чувствовал женщину / он **чувствовал свои чувства** по отношению к женщине / был очень требователен к этому // у меня такое ощущение что он пишет о людях / **без кожи** // Они **без кожи** / вот та же самая предположим «Митина любовь» / да? вот **человек но он болен / он просто болен Митя болен / он влюбился да / уже дальше влюбляться было некуда** / и в каждом её слове в слове Кати / да? Катя её звали да?

Златопольская: Да Катя //

Збруев: Вот он слышал / то что может быть не надо было услышать / но он уже отмечал

для себя какие-то **царапины** на своём **сердце** в этот момент да / и ему **становилось все тяжелее и тяжелее и тяжелее эти царапины превращались в кровавые раны** и он **себя довел до** бог знает чего / и он **стал просто больным человеком** / и что а **кто его сделал больным человеком?**

<...>

Збруев: <...> То ли страх был потому что это была первая **любовь** которая его **захлестнула** это был **девятый вал любви** да / но это вот это / и он действительно **без кожи...**

Златопольская: А что **делает человека больным?** Вот почему человек ведь любовь вообще-то / она должна **делать** человека **счастливым** // Я в это вообще верю / что **любовь** должна **делать счастливым** более того если это не происходит / значит что-то не так / значит значит это не любовь // Почему? Вообще //

<...>

Любовь понимается актёром как чувство, которое полностью подчиняет человека, лишает его воли и делает зависимым от этого чувства и человека, это чувство вызывающее. Любовь – чувство, которое по мнению ведущей, должно вызывать счастье, а по словам гостя интервью, всегда идёт вместе с трагедией, чувствами разрушительными. Златопольская задаётся вопросом, всегда ли любовь связана с рабством и возможно ли быть только счастливым, если любовь взаимна. Збруев говорит о любви как о том, что может «уйти», «угаснуть» или «превратиться в болезнь». Болезнь тоже погружает человека в состояние, лишённое воли, состояние беспомощности. Метафорический перенос, в результате которого Збруев рассуждает о любви, как о болезни, отражён в выборе лексики. Так, фрагменты интервью, связанные общей темой, структурированные метафорой ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, наполнены лексикой, которую можно объединить в лексико-тематические группы с ядерными (доминантными) семантиками «ЛЮБОВЬ» и «БОЛЕЗНЬ». Наполненность ЛТГ большим количеством «физической лексики», используемой во вторичных, метафорических смыслах, в этом и других случаях связана с тем, что внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира [4, с. 95].

В ЛТГ «**ЛЮБОВЬ**» вошли группы слов и выражений со следующими значениями:

Испытываемые положительные эмоциональные состояния: любить, влюбиться, чувствовать, дышать полной грудью, взаимно (любить), любовь, счастье;

Испытываемые негативные эмоциональные состояния: жалость, обязанность, переживания, ревность, мучила (ревность), боль;

Негативная составляющая межличностного общения: ложь, потеря, предательство.

В ЛТГ «**БОЛЕЗНЬ**» вошли группы слов и выражений со следующими значениями:

Болезнь, физический недуг: превращается в болезнь, болен, царапины на сердце, кровавые раны, без кожи, травма;

Состояние при болезни: страдание, боль;

Тяжёлые последствия: становилось тяжелее, довести себя (до Бог знает чего).

Збруев: **Любовь** — это ведь это и **страсть** / это **страсть** / это ведь с этого все

начинается / хотим мы этого или нет но с этого все начинается <...>

В интервью Александр Збруев подсвечивает один из аспектов любви – страсть. Выделение страсти как одного из аспектов любви мы можем видеть и в интервью с Валерием Тодоровским, что приводит к сужению сферы-мишени метафорического переноса: ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ à СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ.

<...>

Златопольская: *Вот если мы уже начали немножко говорить как бы о вот этом понятии долга / в применительно к такой важной сфере как **любовь** / и здесь мы приходим к другой книге Толстого которую вы тоже называете как одну из своих любимых...*

Тодоровский: Анну Каренину?

Златопольская: Да // Вы сказали что это на ваш взгляд / одна из лучших лучшая книга о любви // О любви кого к кому ? вот кто там кого **любит** / ваш взгляд?

Тодоровский: Ну / мы сейчас будем погружаться я надеюсь вернее не будем погружаться в эти темы под названием / что такое **любовь**? Что есть любовь? [нрзбр.] любовь?

<...>

Новый коммуникативный эпизод маркируется сменой темы: Златопольская апеллирует к одной из любимых книг Тодоровского «Анна Каренина» и пытается сместить акцент с чувства (профессионального) долга на понятие долга применительно к сфере любви. Этот коммуникативный эпизод связан с введением новой темы – обсуждением книги «Анна Каренина».

<...>

Тодоровский: Понимаете / не в смысле **любви** или **не любви** а в смысле / архетипов отношений / вот / она одна из немногих книг которые / легко просто переносятся на сегодняшний день /

Златопольская: На любой //

Тодоровский: На любое время потому что / и будет сегодня Стива / и Вронский / и Анна и Каренин старший вот / пожалуйста банкир-чиновник старший / потому что это абсолютный энциклопедия всего вот такой квинтэссенции / рассказа про людей / в одной книге я не встречал / и там подняты самые главные вопросы которые волнуют людей каждый день // это / семья / это поиски своего предназначения в жизни / там тот же Левин да? Это / желание счастья и трудности достижения его / невероятное / это **страсть** / и как она проходит / ну то есть эта книга в которой вот такая маленькая в общем Библия нашей повседневной жизни //

<...>

Обсуждая разные типы отношений в романе, Тодоровский определяет то, что происходит между Вронским и Карениной, как страсть. Приведённый коммуникативный эпизод не структурирован метафорами ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ или СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, тематически связан с другим эпизодом интервью. Коммуниканты возвращаются к обсуждению произведения и любви, в процессе которого Златопольская возвращается к отношениям между Вронским и Карениной, запрашивая у собеседника информацию о

том, какова природа страсти.

<...>

Златопольская: Ну вообще вот **природа страсти** / вот / то что / хорошо то что вот вы видите в Карениной / что она **испытывала** к Вронскому / какова это природа?

Тодоровский: Слушайте это **химическая болезнь** //

Златопольская: Ага //

Тодоровский: а что ещё? Какая может быть здесь природа / это **вид и форма заболевания** // не случайно кстати именно **страсть-то проходит** довольно быстро / то есть она **не держится** / редко...

Златопольская: как **грипп**?

Тодоровский: да как **грипп как лихорадка** как что-то такое / это **болезнь** безусловно которая **охватывает людей** в какой-то момент / и это очень серьёзно очень **сильное состояние** / и действительно в этом **состоянии** люди реально **проживают** другую **жизнь** они / потом они **меняются** / они могут совершать / поступки которые никогда бы не совершили / если бы не эта **страсть** / они могут **сжечь мосты** / они могут / делать что-то о чём они потом всю жизнь будут **жалеть** но в этом состоянии они это делают / поэтому я отношусь к этому просто как к **болезни** / **иммунитет** может **возникать** уже у **переболевших** //

Златопольская: То есть ты вдруг понимаешь что «А!»?

Тодоровский: Вот-вот оно начинается вот сейчас / наверное вот если ещё ещё ещё пятнадцать минут и всё **конец** мне / **конец** мне / и вот у **переболевших** да...

Златопольская: А у вас есть **иммунитет** уже?

Тодоровский: Мне кажется что есть //

<...>

В результате метафорического переноса Тодоровский рассуждает о страсти как о болезни. По его мнению, страсть охватывает людей вне зависимости от их желания и заставляет совершать поступки, которые они никогда бы не совершили, если бы не страсть.

Несмотря на то, что Тодоровский говорит о страсти, коммуникативный эпизод, структурируемый метафорой СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, в основном наполнен лексикой которую можно объединить в лексико-тематическую группу с ядерной (доминантной) семой «БОЛЕЗНЬ». Лексико-тематическая группа с ядерной (доминантной) семой «СТРАСТЬ» малочисленна.

ЛТГ «СТРАСТЬ» наполнена группами слов и выражений со следующими значениями:

Непродолжительность, быстротечность: (страсть) проходит, не держится;

Эмоциональные состояния: испытывать (страсть), страсть, жалеть (о том, что сделано в состоянии страсти);

Необдуманные действия: совершать (поступки, испытывая страсть), сжечь мосты, прожить (другую жизнь);

Оказываться под влиянием чего-то: (люди) меняются (под влиянием страсти).

В ЛТГ «**БОЛЕЗНЬ**» вошли следующие группы слов и выражений:

Заболевание: болезнь, вид и форма заболевания, (химическая) болезнь, грипп, лихорадка, иммунитет, переболевшие, (сильное) состояние (в момент болезни);

Внезапно возникшее состояние: охватывает (людей).

Таким образом мы можем сказать, что метафорический перенос, в результате которого любовь осмысляется в терминах болезни мотивирован сходством «протекания» эмоции с протеканием болезни, что делает возможным использование одних языковых средств для описания обоих явлений.

Структурную метафору ЛЮБОВЬ – ОБЛАДАНИЕ мы видим в интервью Дары Златопольской с английским актёром Рэйфом Файнсом. Несмотря на то, что оригинальный язык интервью – английский, опираясь на официальный перевод передачи, мы можем проследить как метафора структурирует коммуникативный эпизод и представления говорящих о любви.

Начало коммуникативного эпизода маркируется апелляцией к фильму «Английский пациент», в котором сыграл Райф Файнс. Златопольская вспоминает слова персонажа Файнса о том, что ему больше всего не нравится чувство собственности, обладание, которое приходит вместе с любовью. Своим следующим вопросом Златопольская демонстрирует согласие с героем фильма, ставя равно между любовью и желанием обладать. Принимая предложенную знаковую систему, Файнс говорит о том, что часто любовью называют желание контролировать другого человека. Несмотря на то, что Файнс не согласен с таким пониманием любви, он принимает предложенную знаковую систему, говоря о любви как желании обладать и контролировать другого человека, то есть сделать его зависимым.

<...>

Златопольская: В «Английском пациенте» есть диалог с героиней Кристин Скотт Томас / и ваш персонаж говорит что ему больше всего не нравится **чувство собственности** // Это относится ко многим вашим картинам / это **чувство обладания** которое **приходит** вместе с **любовью** / почему откуда возникает эта наша **потребность владеть людьми** / которых мы **любим**?

Файнс: Я думаю что всё дело в нашей собственной **неуверенности** / мы часто очень **уязвимы** // Если посмотреть на эти невероятные **приливы чувств** / которое Джордж Бернارد Шоу называл **жизненной силой** проходящей через нас / мы часто сами не знаем её природы / эти **приливы эмоций** и **страсти** часто связаны с тем чего нам не хватает в нас самих / и мы как нам кажется / находим ответ в этом человеке / и именно поэтому нам так важно **захватить** и **присвоить** его / и конечно я думаю что каждый человек / как минимум в западной культуре / лелеет идею **романтической любви** / **чувства всей жизни** которые нужно **найти** / и часто **эмоции управляют** нами / в то время как в других культурах с более традиционным подходом к браку / в отношении этой сферы существуют своды правил / и **взрывам эмоций** просто нет места // Я конечно не эксперт в этих вопросах / часто то что называют любовью / я бы любовью не назвал // Зачастую это **попытка** / **контроля одного человека другим** / это **зацикленность** на себе и своих **чувствах** / хотя тому / кто это **испытывает** и может казаться что он весь **заключен в другом человеке** и **посвящает себя** ему / многие

браки на мой взгляд разрушаются из-за этого // Есть этот элемент и в Двух женщинах / это **жажда контролировать объект любви** / она есть в **страсти** Натальи Петровны к этому молодому человеку / я имею в виду что эти две дамы / особенно Наталья Петровна / её **любовь** к молодому юноше-учителю / это именно та **сила** которая **возникает** в людях / это в каком-то смысле **безумие** /

Златопольская: Да / как в Ане Карениной я уверена что вы читали этот роман / история похожа / вы ищете что-то чего не хватает в вашей жизни / вам скучно / вы стареете или / возможно вы хотите удовлетворить свои амбиции / как молодая актриса с которой был роман у Чарльза Диккенса / я считаю ее амбиции были большой частью ее **страсти** / и вы находите вот все это в ком-то / и хотите этого для себя? Хотите **захватить** этого человека?

<...>

В ЛТГ «**ЛЮБОВЬ**» вошли следующие группы слов и выражений:

Положительные эмоциональные состояния: страсть, романтическая любовь, любовь;

Негативные эмоциональные состояния: неуверенности, уязвимы, безумие;

Внезапное и бурное проявление какого-нибудь внутреннего состояния: приливы (чувств, эмоций и страсти), взрыв (эмоций), жизненная сила, (чувства) всей жизни, безумие.

В ЛТГ «**ОБЛАДАНИЕ**» вошли следующие группы слов и выражений:

Контроль над кем-то или чем-то: владеть (людьми), захватить, присвоить, контролировать (объект любви или страсти), (эмоции) управляют, попытка (контроля), заикленность (на себе и своих чувствах), заключён (в другом человеке), посвящает (себя другому);

Чувства (деструктивные): чувство собственничества, чувство обладания, жажда (контролировать).

В этом отрывке концепт ЛЮБОВЬ структурируется более чем одной метафорой, сочетающимися друг с другом: любовь устойчиво связывается с зависимостью и болезнью, что выражается в смешении ЛТГ «ЗАВИСИМОСТЬ» и «БОЛЕЗНЬ».

В интервью с Павлом Лунгиным мы можем наблюдать как ЛЮБОВЬ структурируется через метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА, которая возникает в результате сужения метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ. Тюрьма – место заключения людей, но в отличие о болезни, тюрьма лишает человека не воли поступать разумно, а ограничивает его физическую свободу и свободу принимать решения самостоятельно, без чужого разрешения.

В процессе коммуникации Златопольская апеллирует к одному из любимых фильмов Павла Лунгина «Дети райка». Ведущая задаётся вопросом, является ли любовью тот формат отношений, который изображён в фильме: любящий человек заставляет объект своих чувств оставаться рядом, хотя знает, что любовь не взаимна. Этот вопрос приводит коммуникантов к размышлению о том, что такое любовь. Лунгин говорит о любви как о сущности, с которой воют и борются люди, от которой можно умереть. В этих размышлениях мы видим онтологическую метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО СУЩНОСТЬ.

Спустя несколько коммуникативных эпизодов, Златопольская возвращает разговор к упомянутому ранее фильму «Дети райка», пересказывая слова главной героини о её поклоннике. Лунгин принимает предложенную тему, называя описанную любовь

«уродливой», когда один человек навязывает свою волю другому, «заклячая в тюрьму», «заковывая в оковы». Эта метафора структурирует и следующий коммуникативный эпизод интервью, в котором Павел Лунгин рассказывает об отношениях героев в снятом им фильме.

<...>

Златопольская: Именно / но понимаете вот если говорить об этой любви / а вот например героиня картины «Дети райка» Гаранс / она говорит о своём как бы...

Лунгин: Арлетти / блестящая //

Златопольская: Блистательная актриса да // Она говорит о **своём поклоннике** который её **любит** и говорит / вот Вы сломали я был такой сильный мужчина а теперь я **у Ваших ног** там навсегда и так далее / вот он её очень любит / как бы / но при этом она говорит о нём что его **любовь** такова / что ему не важно **люблю** ли я его / ему важно чтобы я **не любила** никого **другого** // Значит человек который живёт с тем / кого он **не любит** / и **не любит** никого **другого** / человек по определению **несчастливый** / как минимум лишаящий себя большой области / в которой в общем / по свидетельству очевидцев находится **счастье** // И тем не менее **любящий** её **мужчина** / именно этого для неё желает //

Лунгин: Из **уродливой личности** вырастает **уродливая любовь** // Есть наверное / люди / которые **навязывая** свою **волю** так сказать / **заклячая людей в тюрьму** / в **темницу** своей **воли** вообще / то есть **чувство** как **проявление воли** / и **заковывая** вообще в **оковы** / себя для них наверное для них это вызывает какой-то...

Златопольская: но часто эти **оковы** выглядят как раз как вроде как бы как **слабость** и **жертвенность** / вот ведь героиня / фильма «Дирижёр»...

Лунгин: Это жестоко да конечно / там она она совершенно очевидно что она... её роль ужасна в этом фильме / это «Дирижёр» это новый фильм который я снял на музыку / Иллариона Алфеева митрополита / который / кроме того что митрополит ещё замечательный композитор // И эта история оркестра который едет оркестра и хора который едет в Иерусалим для исполнения оратории «Страсти по Матфею» там есть такая **пара** / музыкантов / певцов которые / **живут** вот как мы часто знаем **на навязывании** / в которой **женщины держат в тюрьме** / своего **мужа** и каждый раз когда он **пытается выскочить из тюрьмы** / она **жестоко пресекает** это / продолжается тем что она невольно творит зло / приводит к гибели / той женщины которая / в которую влюблён её муж // Наверное лет / там не знаю десять тому назад я бы сказал конечно это дурно / конечно это ужасно / но но у меня сейчас такое чувство что каждый **выживает** как может / <...>

ЛТГ «**ТЮРЬМА**» наполнена словами со следующими значениями:

Принуждение, насилие: навязывать (волю), держать (в тюрьме), заключать (в тюрьму, в темницу), заковывая (в оковы), выскочить (из тюрьмы), пресекать (попытку прекратить насилие), жить (на навязывании), выживать, (находиться) у ног; воля (чужая);

Характеристика отношения к объекту контроля: жестоко (пресекать).

ЛТГ «**ЛЮБОВЬ**» наполнена словами со следующими значениями:

Участники межличностных отношений: поклонник, муж, женщина, пара, личность, (любящий) мужчина, другой;

Эмоции: чувство, любовь, несчастливый (без любви), счастье;

Черты характера: слабость, жертвенность;

Эмоциональная оценка: тяжёлая, уродливая (любовь).

Метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША и ЛЮБОВЬ – ВИТАМИНЫ, на наш взгляд являются индивидуальными творческими (нетипичными) метафорами, когда коммуниканты создают новую метафору, ранее не использовавшуюся для структурирования понятийной системы человека.

Сложнее оказалось установить мотивацию метафоры ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША, встреченную в интервью Дарьи Златопольской с актером и режиссером Сергеем Юрским. Данная метафора ограничена ответной репликой гостя и является одиночной, то есть не повторилась в других просмотренных интервью или других исследованиях. Любовь Юрским одновременно сравнивается с наполненной чашей и самой жидкостью в этой чаше. Структурная метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША совмещается онтологической метафорой ЛЮБОВЬ – ЭТО СУЩНОСТЬ. В основу понимания абстрактного явления *любовь* Юрский кладёт свой опыт взаимодействия с материальным миром, а именно жидкостью, которая может испариться, и чашей, которая может упасть и разбиться. По аналогии с этими предметами любовь осмысливается как что-то хрупкое и то, что легко может исчезнуть, «испариться». Несмотря на то, что мы определили эту метафору как нетипичную, сравнение с жидким веществом частотно для описания многих внутренних состояний человека, не только для любви. Нам присуще говорить об эмоциях как о том, что может, например, «захлестнуть» нас. [21, с. 389] Любое чувство, не только любовь, имеет тенденцию разрастаться и заполнять человека, превращая душу в «сосуд» духовных переживаний человека [4, с. 98]

Златопольская: А что на ваш взгляд главное **несёт любовь мужчине и женщине?**

Юрский: Просто жить свою жизнь и пытаться / ощутить / что/ что это значит а сейчас вот когда я уже в моём возрасте / понять / что самое главное в остатке сберечь / потому что как всякая / **наполненная чаша жидкостью** / либо она испарится / либо она прольётся / либо она **разобьётся** / эта чаша / рано или поздно / она не может вечно стоять // В конце концов если очень долго она просто испарится / но это **жидкость** / а человек / обладает / **умным сердцем и сердечным умом** поэтому тут... всё гораздо сложнее значит // Что самое главное / за что **зацепиться** чтобы / эта **чаша** / **не оказалась** просто ничем? Это ну вечный вопрос я думаю / всегда //

В интервью с режиссером Петером Штайном мы обнаружили структурную метафору ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИН, мотивацию которой раскрывает сам Петер Штайн. Прочитав книгу В. Гроссмана «Жизнь и судьба» о том, что потребность в любви – это авитаминоз души, Штайн не просто соглашается с этой знаковой системой, а перенимает её, апеллируя к этой идее в интервью с Дарьей Златопольской. Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИН (для души) структурирует конец коммуникативного фрагмента, который одновременно является концом интервью, но на примере этого фрагмента мы можем увидеть, что любовь отождествляется с тем, без чего не может продолжить жить и существовать живой организм. То есть в метафоре ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИН душа отождествляется с организмом человека, которому для продолжения функционирования нужно получать витамины, а любовь осмысливается как витамин, который будет обеспечивать функционирование души. В основу метафоры лёг опыт взаимодействия

человека с окружающим миром, а точнее, опыт взаимодействия с собственным организмом. Несмотря на то, что мы пока не встретили повторение данной метафоры в других интервью, мы можем предположить, что данная метафора будет понятной не только читателям романа В. Гроссмана, так как в её основе лежит не только прецедентный текст, но и физический опыт взаимодействия с миром.

Златопольская: Это конечно очень интересно что вы говорите о них именно втроём / потому что именно это сделал Верди // У него в конце оперы есть дуэт умирающих влюблённых который становится трио / в каком-то смысле они принимают её в свой круг несчастных влюблённых // Вы поставили историю любви // Скажите мне / что для вас **любовь**? Как бы вы определили это понятие / **любовь**?

Штайн: Как раз / работая / сейчас / здесь / я прочитал книгу которую привез с собой // Это роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» / в ней 1100 страниц в немецком переводе / и я её здесь прочитал // Я невероятно рад что мне выпал шанс прочитать эту книгу здесь в Москве / я считаю что это трагедия что автор не получил Нобелевскую премию // Для меня это совершенно фантастическая книга / в каком-то смысле я ставлю её выше Достоевского // В этом романе герои рассуждая о **любви** / называют **потребность** в ней **авитаминозом души** / это определение Гроссмана // Я думаю что это очень точно / нашей **душе нужен витамин** / **без любви невозможно жить** / понимаете о чём я? И ещё мне нравится что в этом определении есть ирония / и это близкое мне состояние души //

Выводы

Явление ЛЮБОВЬ структурируется более, чем одной метафорой, которые сочетаются друг с другом. Каждая из рассмотренных метафор формирует определенный взгляд на концепт ЛЮБВИ и структурирует одно из многих свойств этой категории.

В процессе коммуникации метафора может видоизменяться в результате сужения коммуникантами части уже используемой метафоры: ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ à СТРАСТЬ ЭТО БОЛЕЗНЬ; обращения к неиспользуемой части общепринятой метафоры: ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ à ЛЮБОВЬ ЭТО РАБСТВО / ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА; создания новой метафоры, ранее не использовавшейся для структурирования понятийной системы человека: ЛЮБОВЬ – ЭТО НАПОЛНЕННАЯ ЧАША, ЛЮБОВЬ – ЭТО ВИТАМИНЫ.

Участниками публичного диалога, как правило, становятся люди, не связанные близкими отношениями. Этой особенностью публичного диалога обусловлены стадии изменения метафоры в ходе коммуникации: предложение знаковой системы в виде метафорического переноса à раскрытие знака для собеседника à принятие или непринятие знаковой системы собеседником à постоянное возвращение к заданной знаковой системе. Говоря о чём-то, коммуникант не ограничивается сжатым обозначением, а раскрывает знак для собеседника, чтобы прийти к общей знаковой системе в коммуникации и достичь взаимопонимания. Последующее возвращение в рамки заданной знаковой системы говорит о её принятии собеседником, что позволяет коммуникантам идентифицировать себя как «свой» - «свой».

В результате любовь рассматривается как источник других эмоций и состояний как положительных (страсть, счастье), так и отрицательных (ревность, страдание, боль, жажда).

Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ и СТРАСТЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ становятся возможными благодаря устойчивой связи любви с идеей нарушения нормы — безумием, болезнью:

безумие, болезнь, травма, царапины, рана, без кожи; кровавые, тяжелее, больной человек; довести себя до.

Метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ОБЛАДАНИЕ и вытекающие из неё метафоры ЛЮБОВЬ ЭТО РАБСТВО / ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЮРЬМА мотивированы устойчивой связью любви с идеей лишения свободы, когда мы либо находимся в зависимости от другого человека, либо испытываем желание контролировать объект нашей любви: *навязывать (волю), держать (в тюрьме), заключать (в тюрьму, в темницу), заковывая (в оковы), выскочить (из тюрьмы), пресекать (попытку прекратить насилие), жить (на навязывании), выживать, (находиться) у ног.*

Любовь оценивается как чувство, являющееся источником положительно окрашенных состояний, и одновременно — как причина страданий, как болезнь. В противовес этому в ограниченном количестве случаев любовь может быть и лекарством. Люди стремятся к любви, считая, что без неё нельзя быть счастливым, но оценивают её как безумие и потерю личной независимости.

Библиография

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – XV, 895 с.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147-173.
3. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – Т. 37. С. 333-343.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
5. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 150 с.
6. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 3-9.
7. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
8. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры / Э. В. Будаев // Лингвокультурология. – Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.
9. Чудинов А. П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – №1(4). – С. 8-27.
10. Баранов А. П. Дескрипторная теория метафоры / А. П. Баранов; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 630 с.
11. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 254 с.
12. Аристотель. Поэтика / пер. и прим. Н. И. Новосадского. – Л.: Academia, 1927. – 120 с.
13. Аникин Е. Е. Спортивно-игровая метафора как средство концептуализации президентских выборов США 2008 года (на материале британских СМИ) // Политическая лингвистика. Екатеринбург. – Вып. 1(35). – 2011. – С. 87-96.
14. Брагина Н. Г. Метафоры игры в описаниях мира человека (межличностные отношения) // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М.: Индрик, 2006. – С. 120-143.
15. Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлые, настоящее, будущее: моногр. / Л. В. Балашова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 493 с.

16. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
17. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004 – С. 7-21.
18. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры / перевод под редакцией Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; вступительная статья и составление Н. Д. Арутюновой; автор примечаний М. А. Кронгауз. – Москва : Издательская группа "Прогресс", 1990. – С. 5-32.
19. Чурилина Л. Н. Концепт «Любовь» как фрагмент коллективной и индивидуальной картины мира: ассоциативный аспект // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М., 2008. – 221 с.
20. Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – Выпуск № 3. – С. 27-35.
21. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – XV, 895 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает метафорическое структурирование представлений о любви, актуальность изучения которого не вызывает сомнения: исследования метафоры как способа познания национального характера занимают значительное место в современной лингвистике и продолжают оставаться перспективными. В последние десятилетия в рамках когнитивного подхода особое внимание уделяется изучению метафоры, о чем говорит и автор статьи, апеллируя к трудам Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона: «Исследователи рассматривают метафоризацию как процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. В результате метафорической проекции (чаще однонаправленной) область сферы-мишени структурируется по образу сферы-источника». Кроме того, в русле исследований языковой картины мира, как системы концептов, имеющих языковое оформление, важными являются проблемы представления отдельным человеком универсальных понятий, к которым, бесспорно, относится любовь. Учитывая, что «наиболее адекватным способом лингвистического описания эмоций можно считать описание последних через метафоры, в которых эти эмоции концептуализируются в языке» (Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян), видится целесообразным изучение концепта «любовь» в качестве «сферы-мишени метафорического переноса».

Теоретической основой исследования обоснованно выступили труды таких российских и зарубежных ученых, как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, В. Г. Гак, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, А. П. Баранов, Л.Н. Чурилина, Н. Г. Брагина Дж. Лакофф, М. Джонсон и др., посвященные различным аспектам изучения метафоры (когнитивная теория метафоры, роль метафоры в создании языковой картины мира, метафора в семантическом представлении эмоций, метафора и дискурс, метафоры игры в описаниях мира человека) и собственно концепту «любовь», как фрагменту коллективной и индивидуальной картины мира. Библиография статьи насчитывает 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Последний, 21-й источник, нужно убрать, так как он

дублирует первый (Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека). К сожалению, автор(ы) не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы в исследовании использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный и описательный методы, социокультурный и художественный анализ, а также метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц, как и различных экстралингвистических аспектов. Метафорическое структурирование представлений о любви рассматривается на материале публичного диалога Дарьи Златопольской с Александром Збруевым, Валерием Тодоровским, Павлом Лунгиным, Сергеем Юрским, с английским актёром Рэйфом Файнсом, с немецким театральным режиссёром Петером Штайном (полагаем, в программе «Белая студия»). Однако, на наш взгляд, фрагменты интервью занимают слишком много места в статье.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) изучить метафорические модели, через которые в основном выражен концепт «любовь», и сформулировать ряд выводов относительно исследуемого предмета: «явление «любовь» структурируется более, чем одной метафорой, которые сочетаются друг с другом. Каждая из рассмотренных метафор формирует определенный взгляд на концепт «любовь» и структурирует одно из многих свойств этой категории», «в процессе коммуникации метафора может видоизменяться в результате сужения коммуникантами части уже используемой метафоры» и пр. Автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых и примеры сопровождаются авторскими комментариями.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение функционирования концептуальных метафор с концептом «любовь». Практическая значимость исследования определяется тем, что его материалы могут использоваться в вузах гуманитарного направления при изучении курсов по теории языка, когнитивной лингвистике, по лингвистическому анализу дискурса, лексикологии и стилистике.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание статьи соответствует названию, логика исследования четкая. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Гэ Ю. Черный миф: Укун — игровой нарратив и стратегия распространения // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.74318 EDN: RJVBLR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74318

Черный миф: Укун — игровой нарратив и стратегия распространения

Гэ Юньци

ORCID: 0000-0002-7075-5391

независимый исследователь

Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034

✉ st097697@student.spbu.ru[Статья из рубрики "Игра"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.74318

EDN:

RJVBLR

Дата направления статьи в редакцию:

04-05-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу игрового нарратива и проектной реализации AAA-игры «Черный миф: Укун» (Game Science, 2024), ставшей первым крупнобюджетным проектом китайской индустрии. Основной фокус исследования направлен на структурные особенности повествования, основанного на переосмыслении классического сюжета «Путешествия на Запад» в мрачно-фэнтезийном ключе. В работе раскрывается, как игра сочетает линейный сюжет с фрагментарными элементами, включая встроенные нарративы (скрытые тексты, диалоги) и эвоцирующие отсылки к оригинальному произведению. Особое внимание уделяется интерактивным механикам, которые трансформируют игрока из пассивного наблюдателя в активного участника истории, например, через выборы, влияющие на развитие сюжета, и нелинейное исследование мира. Игра получила признание на международном уровне, включая награды Golden Joystick Awards и The Game Awards, что подчеркивает её вклад в развитие AAA-сегмента за пределами западного рынка. Работа предлагает модель проектирования сложных сюжетных систем, актуальную для разработчиков, стремящихся совместить культурное наследие с современными игровыми тенденциями. Исследование сочетает структурный анализ нарратива (с опорой на постклассическую нарратологию), оценку маркетинговых

стратегий (локализация, технологический брендинг) и статистический анализ экономических данных (продажи, туристический поток), а также рассматривает техническую реализацию через интеграцию современных технологий (Unreal Engine 5, детализированная графика) и культурных элементов (архитектура, философские концепции). Результаты демонстрируют, что глобальный успех игры обусловлен синтезом технического совершенства, интерактивных механик (нелинейный сюжет, интерактивность) и глубокой адаптации культурного наследия, что подтверждается международными наградами, продажами 28 млн копий и ростом туристического потока в провинции Шаньси. Работа предлагает модель проектирования интерактивных нарративов, трансформирующих классические сюжеты через философскую деконструкцию и технологии, а также впервые детально анализирует кейс преодоления «культурного дисконта» за счет сохранения аутентичности и технологического лидерства. Выводы подчеркивают роль игры как катализатора межкультурной коммуникации, объединяющего цифровые инновации, культурное наследие и экономическую эффективность, что задает новую парадигму для глобальной индустрии, где видеоигры становятся инструментом устойчивого развития и синергии между цифровизацией, культурой и коммерцией.

Ключевые слова:

Игровой нарратив, Распространение игровых новостей, AAA игры, Интерактивное повествование, Черный миф Укун, Культурная адаптация, Сюжетное проектирование, коммуникационная стратегия, Игровые новости, новостное повествование

В ноябре 2024 года игра «Чёрный миф: Укун» была удостоена премий «Лучшая игра года» и «Лучшая визуализация» на 42-й церемонии Golden Joystick Awards^[1] — старейшей игровой премии, что свидетельствует о её глобальном признании. Помимо этого, проект получил награды «Лучшая экшн-игра» на The Game Awards (TGA)^[2], «Игра года» от Equinox LATAM, «Выбор игроков» от 3DJUEGOS, а также «Лучшая игра» и «Лучший сюжет» на Steam^[3]. Поскольку эти премии присуждаются на основе игрового сообщества, они отражают реальный отклик аудитории.

Разработанная студией Game Science и выпущенная 20 августа 2024 года, игра стала первым китайским проектом уровня AAA. В основу сюжета лег классический роман «Путешествие на Запад», однако разработчики переосмыслили его в мрачно-фэнтезийном ключе, сохранив ключевых персонажей — Сунь Укуна, Чжу Бацзе — и центральную идею борьбы с демонами. Несмотря на насыщенность традиционными китайскими элементами и восточным фэнтезийным мировоззрением, которое редко выходит за пределы азиатского рынка, «Чёрный миф: Укун» смог завоевать множество международных наград и добиться глобального культурного влияния благодаря уникальной игровой нарративной структуре.

Баланс игры и нарратива

Теория нарратологии зародилась в 1920-х годах в рамках русского формализма и структуралистской нарратологии, основанной В. Я. Проппом, что позднее получило название классической нарратологии. Ролан Барт в работе «Введение в структурный анализ повествований» подчеркивал универсальность нарратива, отмечая его присутствие в различных формах искусства и коммуникации^[4].

Его исследования заложили теоретическую основу для рассмотрения видеоигр в качестве нарративного медиума. Однако, несмотря на признание кроссмедийной природы нарратива, классическая нарратология оставалась ограниченной анализом единого медиума (язык), жанра (литература) и семиотических аспектов (формальные свойства).

С развитием нарратологии Джеральд Принс акцентировал внимание на интерактивности между текстом и читателем, утверждая, что интерпретация возникает в процессе их взаимодействия [5]. Сеймур Чатман предложил модель односторонней коммуникации «автор → читатель», которую Джеймс Фелан модифицировал, введя персонажей в качестве посредников, создав двухканальную схему:

автор → нарратор → читатель // автор → персонаж → читатель [6].

Однако эти модели оставались в рамках коммуникации между нарратором и реципиентом, игнорируя специфику видеоигр, где нарратор зачастую отсутствует, а игрок активно участвует в создании смыслов, что исключает его пассивную роль «получателя информации». Поскольку определение классической нарратологии не может быть легко расширено, но при этом нельзя полностью отрицать связь между нарративом и играми, в начале XXI века возникла дискуссия между исследователями игр и нарратологами.

Учёный Эспен Аарсет отвергает идею о том, что игры передают повествовательные эффекты посредством нарративных или литературных структур. По его мнению, способ повествования определяется именно структурой самой игры. В качестве примера он предлагает модель, основанную на текстовой приключенческой игре, где «интриган» (создатель) разрабатывает последовательность головоломок для «интриганка» (игрока), который, в свою очередь, исполняет роль «марионетки» [7].

Бритта Нейтцель, признавая и анализируя ситуационные различия между играми и литературными нарративами, предприняла попытку адаптировать игры к нарративным моделям. В частности, она провела параллель между игровым персонажем и «подразумеваемым автором» классической нарратологии. В то же время некоторые исследователи игр полностью отрицали связь между играми и нарративом, утверждая, что традиционное определение нарратива неприменимо к анализу видеоигр и что игры по своей природе не являются нарративами.

Лишь с развитием постклассической нарратологии стало возможным согласование этих двух областей. В результате была предложена более гибкая схема, согласно которой нарративность трактуется как репрезентация, формирующаяся в сознании реципиента в ответ на определённый набор символов.

Автор подчёркивает, что нарратив остаётся значимым элементом игрового дизайна. Хотя не все игры обладают выраженным сюжетом, большинство высокооценённых проектов (например, игры категории AAA) включают сложные нарративные структуры, которые усиливают игровой опыт за счёт погружения и активного участия игрока. Механики выбора, нелинейное исследование мира и вариативные концовки позволяют игроку формировать уникальные повествовательные траектории, преобразуя традиционное повествование в интерактивный процесс.

Нарратив игры «Черный миф: Укун»

Культурное ядро

Сюжетная основа игры «Черный миф: Укун» опирается на классический китайский роман «Путешествие на Запад» — одно из четырёх великих произведений национальной литературы. Этот роман, занимающий центральное место в китайской мифологии, повествует о монахе Сюаньцзане и его трёх учениках, преодолевающих 81 испытание на пути к священным писаниям. Главный герой, Сунь Укун (Царь обезьян), воплощает архетип бунтаря, чья биография и характер раскрывают мифологическую тему сопротивления власти и пробуждения воли.

Однако игра не просто воспроизводит сюжет оригинала, а переосмысляет его через деконструкцию и реконструкцию образа Укуна, усложняя его путь взросления. Сохраняя ключевые темы первоисточника — борьбу и пробуждение, — игра использует мрачную визуальную эстетику для исследования философских вопросов: власть, свобода, предопределение. Культурное ядро раскрывается не только через нарратив, но и через игровую механику: высокая сложность боевой системы заставляет игрока ощущать экзистенциальное противостояние судьбе.

Выражение традиционной китайской культуры

Художественный дизайн игры сочетает эстетику традиционной китайской живописи тушью с техническими стандартами AAA-проектов, создавая мир, где реализм переплетается с фэнтези. Каждый элемент — от архитектурных деталей (например, доугуны — кронштейны, фэйянь— загнутые карнизы) до орнаментов на одеждах персонажей (юньлэйвэнь — облачно-громовые узоры, таотевэнь — мотивы мифического существа Таоте) — демонстрирует глубокое погружение разработчиков в культурное наследие.

Музыкальное сопровождение, использующее традиционные инструменты (гуцзинь, пипа, эрху), в сочетании с динамическим звуковым дизайном, усиливает иммерсивность, превращая культурные элементы в эмоциональные проводники нарратива. В таблице 1 представлены основные традиционные культурные элементы «Черного мифа: Укун». Таким образом, игра трансформирует культурные символы из статичных объектов в инструменты сюжетного и эмоционального вовлечения, доказывая, что традиционное наследие может быть адаптировано для современных интерактивных медиа без потери глубины.

Категория культурных элементов	Элементы в игре	Реальные исторические прототипы
Архитектура и дизайн сцен	1. Реплики древних сооружений	· Храм Сюанькун-сы (провинция Шаньси): деревянный храм на скале, синтез буддизма, даосизма и конфуцианства. · Рельефы Дацзу (Чунцин) : детализированное воспроизведение скульптур, включая «Адские сцены» и «Тысячерукую Гуаньинь» (точность моделирования — до 1,2 млрд полигонов).
	2. Детали традиционной архитектуры	· Цифровые двойники исторических объектов: трещины на деревянных перилах, следы окисления на статуях, колонны храма Фогуан.
		· «Небесные доспехи» Укуна :

Костюмы визуал персонажей	и	1. Дизайн одежды и образов	основаны на танской системе чжун цзя (внутренние доспехи) с элементами минских «светящихся лат» (мин гуанкай). · Костюм «Байси»: узоры в виде монет заимствованы из минских «медных одеяний»(тун цянь и). · Маски: стилизованы под образы красных демонов-хранителей культуры нуо (нуо вэньхуа). · Доспехи Ян Цзяня: повторяют танскую систему. · Синтез антропоморфных и мифологических черт (напр., Гуанчжи — гибрид человека и животного). · 3D-сканирование артефактов:
		2. Образы монстров	использованы глиняные статуи 28 звёздных дворцов из храма Юйхуан (Цзиньчэн), включая Кан Цзиньлун(Дракон металла). · Персонажи-аллюзии: Ян Цзянь, Тудигун, Чжуцзин, Цзюйлиншэнь, Хуанмэй, Сыда Тяньван.
Музыка звуковое оформление	и	1. Использование традиционных инструментов	· Гуцин, пипа, эрху: сочетание традиционных мелодий с электронной музыкой в боях. · Естественные звуки (ветер, вода) в храмах, дополненные игрой на гуцине для создания медитативной атмосферы.
		2. Атмосферные звуковые эффекты	· Названия глав стилизованы под хуэй (формат классических романов). · Цитаты из «Ханьшу» и оригинального «Путешествия на Запад» в диалогах.
Литературные философские элементы	и	1. Структура глав	· «Тени богов»: персонажам сопутствуют классические стихи, следуя традиции «Сна в красном тереме». · Цитаты из «Ханьшу» (напр., «Гром среди зимы — знак скрытого дракона-злодея») и прямой диалог из «Путешествия на Запад».
		2. Поэзия и аллюзии	· Боевая система: основана на даосском принципе у-син (взаимопреодоление пяти элементов). · Сюжетные выборы: зависят от буддийской концепции кармы (инь-го баоин), влияя на судьбу персонажей.
Философские концепции		1. Инь-ян и карма	· Образ Укуна: воплощает конфуцианский идеал «Небесное движение вечно, благородный совершенствуется неустанно» («Тянь син цзянь, цзюньцзы и цзы цян бу си»). Его
		2. Традиционные	

Художественные стили и визуальные символы	ценности	поступки соответствуют пяти добродетелям (жэнь, и, ли, чжи, синь) — гуманность, справедливость, ритуал, мудрость, верность). 1. Чернильная анимация и каллиграфия 2. Традиционная живопись

Таблица 1. Основные элементы традиционной культуры в игре «Черный миф: Укун»

Сюжетная основа и нарративная реконструкция «Черного мифа: Укун»

Как отмечалось ранее, нарративная структура игры «Черный миф: Укун» базируется на классическом китайском романе «Путешествие на Запад», одном из «Четырёх великих классических романов». Роман представляет собой кумулятивный текст, сформированный на основе устных преданий, сказительских традиций (аналогичных европейской бардовской культуре) и театральных адаптаций, которые впоследствии были систематизированы писателем У Чэньэнем в эпоху династии Мин. Первоисточником сюжета послужило реальное путешествие монаха Сюаньцзана в Индию (629–643 гг. н. э.), зафиксированное в «Записках о Западном крае» его учениками. Многовековая эволюция устных нарративов, вобравшая идеи различных эпох, придала роману культурную полифонию, допускающую множественные интерпретации в разных исторических контекстах.

Будучи романом о духах и демонах, «Путешествие на Запад» объединяет буддийские и даосские мифологемы. В отличие от западной концепции «божественного права монархов», китайская традиция подчиняла религию имперской власти («священное через человеческое»). Конфуцианство, доминировавшее с эпохи Хань до конца Цин, служило идеологической основой легитимности власти, несмотря на сосуществование «трёх учений» (сань цзяо) — буддизма, даосизма и конфуцианства. Эта синкретичная модель отражена в романе, где божества и демоны выступают в качестве социальных метафор и этических противоречий.

На протяжении веков интерпретация романа претерпевала значительные изменения. В XVII–XVIII веках текст воспринимался прежде всего как религиозно-философский трактат («книга о постижении Дао»), синтезирующий «три учения». Однако в первой половине XX века, под влиянием «Движения за новую культуру», акцент сместился на классовую борьбу, отражая дух эпохи. После 1978 года академические исследования стали фокусироваться на эстетических аспектах, анализе персонажей и социальных отношений, избегая прямых идеологических трактовок.

Примечательно, что, несмотря на канонически позитивное изображение божеств, роман содержит элементы скрытой критики религиозных институтов, что открывает широкие

возможности для творческих реинтерпретаций. «Черный миф: Укун» мастерски использует эту нарративную гибкость, трансформируя традиционные архетипы — например, представляя божеств в виде механизированных существ, символизирующих коррумпированную власть. Одновременно игра вводит глубокие экзистенциальные темы, такие как цикличность судьбы и проблема свободы воли. В результате сюжетная реконструкция сохраняет фундаментальное культурное ядро оригинала, но предлагает его новаторское переосмысление через призму современного игрового медиума.

Игра «Черный миф: Укун» предлагает радикальный пересмотр канонического мира «Путешествия на Запад», используя мрачно-фэнтезийную эстетику как инструмент деконструкции сакральных символов. Сакральные пространства, такие как буддийская гора Линшань и даосский Небесный дворец, подвергаются художественной трансформации: божества и будды обретают механизированные, дегуманизированные формы. Например, Тысячерукая Гуаньинь изображается как конструкция из шестеренок, что служит метафорой превращения религиозных институтов в безжизненные механизмы власти. Эта концепция находит параллели в оригинальном тексте, где эпизоды с требованием взяток учениками Будды (Ана и Цзясе) или попустительством Милэ-Будды злодеяниям Желтобрового демона подчеркивают системное моральное разложение божественного пантеона.

Особого внимания заслуживает реинтерпретация роли демонов: если в романе они выступают однозначными антагонистами, то в игре они становятся хранителями исторической памяти, разоблачающими манипулятивную природу «священных сутр» как инструмента контроля. Подобное смещение акцентов трансформирует традиционную бинарность «добро vs. зло» в критический анализ идеологических конструктов.

Ключевым элементом нарратива остается образ Сунь Укуна. В оригинальном произведении его сюжетная дуга завершается просветлением и обретением статуса будды, символизируя торжество самодисциплины над хаосом. Однако игра предлагает альтернативную траекторию: финал намекает на бесконечный цикл реинкарнаций, а многочисленные «останки» Укуна, показанные в трейлерах, визуализируют повторяющиеся поражения в борьбе против предопределения. Это переосмысление актуализирует тему экзистенциального бунта, в котором свобода воли сталкивается с детерминизмом судьбы. Даже мотив бунта Укуна против Небесного двора (в романе обусловленный исключением с пира персиков) реконструируется как сопротивление тоталитарной системе божественной иерархии.

Значимым нарративным приемом становится отсутствие Сюаньцзана — центральной фигуры оригинального паломничества. Это исключение неслучайно: оно подчеркивает, что миссия по обретению сутр изначально была манипуляцией богов, направленной на концентрацию метафизической власти. Таким образом, игровая адаптация не просто пересказывает классический сюжет, но раскрывает его латентные политико-философские аспекты, трансформируя миф в инструмент критики власти и поиска экзистенциальных истин.

Нарративный анализ черного мифа Укун

Черный миф: Укун сочетает в своем повествовательном дизайне черты классической и игровой нарратологии. С одной стороны, игра сохраняет глубину и связность традиционного повествования за счет комбинации линейного сюжета и фрагментарной структуры; с другой — привносит интерактивность и открытость благодаря действиям игрока и исследованию игрового мира.

С точки зрения нарративных возможностей, предоставляемых игроку, Черный миф: Укун использует типы повествовательных структур, предложенные Генри Дженкинсом [8]. В частности, игра опирается на вызванные нарративы (Evoked narratives), которые применяются в случаях, когда оригинальный сюжет слишком сложен для полного воспроизведения в игровом формате. Этот прием характерен для таких игр, как American McGee's Alice (Rogue Entertainment, 2000) или адаптаций комиксов о Бэтмене и Человеке-пауке. Подобные нарративы вызывают у игрока вторичное сопереживание через визуальные образы, элементы персонажей и их атрибутику. В Черный миф: Укун заимствование персонажей, сюжетных линий, локаций, а также костюмов и оружия отсылает к оригинальному произведению.

Другой ключевой структурой являются введенные нарративы (Enacted narratives), характерные для большинства сюжетно-ориентированных игр. В последние годы их типичным проявлением стали интерактивные киноигры, где игрок принимает на себя роль главного героя, исследует игровое пространство и выполняет действия для продвижения по сюжету.

В Черный миф: Укун основной сюжет представлен в эпизодической структуре (Episodic structure) через линейное повествование. Центральная сюжетная линия строится вокруг становления и пробуждения Сунь Укуна, следуя классической модели «путешествия героя». От восстания против Небесного двора до финального искупления развитие сюжета последовательно, однако использование флешбэков и сновидений нарушает хронологию, формируя циклическую структуру «исследование — битва — флешбэк».

Например, в некоторых эпизодах игроки погружаются во фрагменты памяти Короля Обезьян, переживая события, предшествовавшие его поражению. Такие вставки не только усложняют нарратив, но и усиливают тему дихотомии судьбы и свободы за счет временных смещений, одновременно стимулируя интерес игрока к раскрытию основной сюжетной линии.

На уровне нарративного дискурса игра использует стратегию ненадежного повествования. В прологе легенда о поражении Короля Обезьян передается через устный рассказ старой обезьяны, однако последующие главы подвергают эту версию сомнению, предлагая альтернативные интерпретации через элементы игрового мира (разбитые статуи Будды, сломанное оружие и другие детали окружения). Это побуждает игрока к активному сбору и анализу информации, формируя множественность трактовок сюжета. Подобный подход соответствует концепции «ретроспективного повествования» Мари-Лор Райан: игрок, завершив уровень, возвращается к ранее обнаруженным подсказкам, переосмысливая их и выстраивая собственную интерпретацию событий [9].

Дополнительный слой нарративной неопределенности создается через диалоги с боссами, которые нарушают «четвертую стену», интегрируя действия игрока в повествование. Например, Гипер Джин Лонг обращается к игроку с вопросом: «Знаешь ли ты, в чем заключается судьба небес?» — тем самым подчеркивая метатекстуальную природу игры.

Игровой дизайн усиливает нарратив через механики геймплея. Например, в боях с боссами демонстрируются сюжетные анимации, раскрывающие предысторию персонажей или их внутренние конфликты. Это превращает боевую систему не только в инструмент игрового процесса, но и в средство развития сюжета.

Механика исследования также способствует нарративному погружению: игроки изучают

скрытые локации, собирают артефакты и взаимодействуют с environmental storytelling (например, читают каменные скрижали в разрушенных храмах). Эти элементы не просто расширяют игровой мир, но и дополняют основную историю, раскрывая судьбы второстепенных персонажей и ключевые события прошлого.

Особый эмоциональный эффект достигается через механику коллекционирования. Например, для получения всех достижений игрок вынужден убивать «добрых» демонов, что провоцирует рефлексию над моральными аспектами игрового мира.

Несмотря на доминирование линейного повествования, в ключевых моментах игра предлагает выбор, влияющий на развитие сюжета. Например, решение убить или пощадить определенного босса приводит к разным диалогам и изменяет контекст финальных сцен. Это повышает открытость нарратива, позволяя игроку участвовать в формировании истории.

Центральными темами игры являются предопределение и бунт, свобода воли и социальная иерархия, раскрытые через концепцию «Мандата Небес». Эти мотивы, укорененные в китайской культуре, резонируют и с западной аудиторией, чему способствует многоязычная локализация (12 языков) и адаптация мифологического контекста для международной аудитории без потери культурной уникальности. Такой подход позволил игре преодолеть локальный рынок, став примером успешной межкультурной коммуникации через интерактивное повествование.

Стратегия продвижения игры «Черный миф: Укун»

В условиях цифровой трансформации видеоигры перестали быть просто развлечением, превратившись в значимый инструмент художественной экспрессии, технологических инноваций и кросс-культурного взаимодействия. Это делает их важным элементом экспорта китайской культуры. Крупнобюджетные проекты уровня AAA, такие как «Черный миф: Укун», не только пользуются государственной поддержкой (в рамках программ Государственного совета и Министерства культуры КНР), но и демонстрируют существенный экономический потенциал.

В 2024 году на фоне роста глобальной цифровой экономики объем экспорта китайских услуг достиг рекордных 7,5 трлн юаней (прирост +14,4% по сравнению с 2023 годом), при этом видеоигры стали ведущей категорией культурного экспорта. Согласно «Отчету о глобализации китайских игр — 2024», доход от зарубежных продаж игр местной разработки составил 185,57 млрд долларов (примерно 1 298,99 млрд юаней), что на 13,39% превышает показатели предыдущего года. После релиза в 2024 году «Черный миф: Укун» возглавил чарты Steam и WeGame, а также получил ряд отраслевых наград [\[10\]](#).

Данные «Отчета о социальной ответственности китайских игровых компаний — 2024» свидетельствуют о росте индекса социальной ответственности игровой индустрии до 14,4 пунктов (годовой прирост +2,6%), что подчеркивает возрастающую роль игр в устойчивом развитии. Для «Черного мифа: Укун» кросс-отраслевой экономический эффект оценивается в 34 млрд юаней, а косвенное влияние на продвижение сопутствующих товаров превышает 60 млрд юаней [\[11\]](#). Эти данные подтверждают способность игровой индустрии стимулировать развитие смежных секторов экономики.

Студия Game Science (основана 13 июня 2014 года, Шэньчжэнь) реализовала многоуровневую стратегию продвижения игры. За год до релиза была запущена масштабная PR-кампания: 13-минутный геймплейный ролик, опубликованный в августе

2023 года, продемонстрировал цифровую реконструкцию храма Сюанькун-сы (провинция Шаньси) с использованием технологий Nanite (высокодетализированная геометрия) и Lumen (глобальное динамическое освещение) движка Unreal Engine 5. Видео собрало 38 млн просмотров на YouTube, вызвав глобальную дискуссию о потенциале китайских AAA-проектов.

Стратегия студии основана на сочетании «культурной уверенности» и «технологического превосходства». Официальные государственные СМИ, включая агентство «Синьхуа», представили игру как элемент национальной стратегии 'культурной экспансии', что привело к широкому освещению в более чем 100 медиаизданиях. Партнёрства с коммерческими брендами (такими как Luckin Coffee и Didi Qingju), а также выпуск эксклюзивной продукции (ограниченные серии видеокарт, артбуки) способствовали усилению коммерческой ценности интеллектуальной собственности (IP).

В рамках внутреннего рынка ключевая стратегия игры «Черный миф: Укун» строится на современной интерпретации классического сюжета «Путешествие на Запад» через интеграцию традиционных культурных символов и повествовательных техник.

Маркетинговая кампания реализовала модель поэтапного расширения аудитории, начиная с хардкорных геймеров и постепенно охватывая широкую развлекательную и массовую публику, что обеспечило вирусный эффект в социальных сетях. На начальном этапе публикация технических анализов в нишевых сообществах, таких как NGA и «Цзихэван», привела к 874 000 упоминаний игры в первую неделю. Далее офлайн-коллаборации с потребительскими брендами, включая лимитированную серию напитков «Летающий облачный американо» в партнерстве с Luckin Coffee, привлекли 4,5 млн покупателей за день. Наружная реклама и сотрудничество с компаниями из секторов электроники и FMCG дополнительно расширили целевую аудиторию.

Важную роль в продвижении сыграли цифровые платформы, ориентированные на молодежь. На Bilibili был создан специальный раздел с медиаобзорами и геймплейными видео от популярных авторов, а стримы полного прохождения после релиза достигли более 1 млн одновременных зрителей, превзойдя пиковую активность в Steam. В TikTok акцент был сделан на интерактивные форматы и пользовательский контент, что поддерживало интерес и стимулировало продажи. Дополнительный охват обеспечили круглосуточные трансляции на игровых стриминговых платформах DouYu и Huuа, где гайды и прямые ссылки на покупку способствовали конвертации зрительского интереса в коммерческие показатели.

Глобальная стратегия продвижения игры «Черный миф: Укун» строилась на сочетании технологического превосходства и сознательного сохранения культурной аутентичности. В качестве ключевого инструмента преодоления культурных барьеров были использованы передовые графические решения, включая поддержку NVIDIA DLSS 3.5, систему Nanite в Unreal Engine 5 и обеспечение стабильной частоты кадров 120 FPS в разрешении 4K. Эти технологические достижения позволили позиционировать проект как «визуальный эталон нового поколения», что было отмечено в аналитических материалах Digital Foundry. Технологическое лидерство дополнительно подкреплялось публикацией «Белой книги по рендерингу волос» на GDC 2025 и программой сертификации видеокарт NVIDIA серии RTX как «Wukong Ready». Эффективность данного подхода подтверждается статистикой: доля видеокарт RTX 40-й серии среди пользователей Steam выросла с 17,92% в июле 2024 года до 33,11% в январе 2025 года [\[14\]](#).

Важным аспектом стратегии стал отказ от адаптивного перевода ключевых терминов,

таких как «Укун» (Wukong) и «Цзиньгубан» (Jingu Bang), что вызвало активные дискуссии в международных игровых сообществах на платформах Steam и Reddit. Пользователи анализировали лингвистические и мифологические аспекты игры, что не только поддерживало долгосрочный интерес к проекту, но и стимулировало аудиторию к самостоятельному изучению романа «Путешествие на Запад». Культурное влияние игры было усилено партнерскими инициативами, в частности тематическими мероприятиями NVIDIA, где игровые механики разбирались в контексте китайской мифологии.

Распространение контента осуществлялось через многоуровневую систему, включавшую сотрудничество с зарубежными инфлюенсерами и платформами. Более 300 стримеров и создателей контента, среди которых были такие известные представители Twitch, как Shroud и Asmongold, получили возможность свободно интерпретировать игровые механики, способствуя переходу интереса от узкоспециализированной аудитории к массовому потребителю. Значительный вклад в популяризацию игры внесли аналитические материалы, такие как серия видео «Расшифровка восточной философии Укуна» от YouTube-аналитика SmoughTown, где игровые символы интерпретировались в философском контексте. Эти ролики, набравшие в среднем 4,8 млн просмотров на эпизод, углубили понимание игрового нарратива и привлекли внимание к первоисточнику. Дополнительный импульс обеспечили конкурсы пользовательского контента в TikTok и YouTube, где участники могли выиграть видеокарты RTX 4070 Super и эксклюзивный мерч.

Экономический успех игры оказался столь же значимым. При бюджете разработки в 3–4 млрд юаней проект окупился уже в первый день релиза за счет продажи 4,5 млн копий, что принесло выручку свыше 15 млрд юаней. К концу 2024 года совокупные продажи достигли 28 млн копий, а доход составил 90 млрд юаней ^[15], установив тем самым новый рекорд для китайских однопользовательских игр. Мультипликативный эффект на смежные отрасли оказался существенным: продажи видеокарт и мониторов выросли на 200%, увеличилась капитализация ключевых поставщиков (Lenovo, Hisense), а также выросли акции издателя Zhejiang Publishing Group на бирже.

Особого внимания заслуживает влияние игры на туристическую сферу. Из 36 локаций, представленных в игре, 27 являются историческими памятниками провинции Шаньси. В течение трех дней после релиза эти объекты посетили 126,6 тыс. туристов (прирост +21,86% по сравнению с аналогичным периодом ранее), а доход от продажи билетов составил 5,528 млн юаней (рост +16,18%) ^[16]. Данный феномен иллюстрирует, как цифровые продукты способны стимулировать интерес к культурному наследию, трансформируя виртуальный опыт в реальный экономический эффект.

Таким образом, «Черный миф: Укун» стал не только технологическим и художественным достижением, но и примером успешного сочетания культурной аутентичности с глобальным маркетингом, подтвердив роль видеоигр в качестве катализатора межотраслевого роста.

Заключение

Успех игры «Черный миф: Укун» представляет собой не только коммерческий и технологический прорыв, но и практический кейс для теоретического осмысления глобального производства и распространения цифровой культуры.

Во-первых, проект демонстрирует парадигмальный сдвиг в кросс-медийном сторителлинге. Сочетание «эвоцирующего нарратива» (evoked narratives), опирающегося

на узнаваемые символы оригинала, и «встроенного нарратива» (embedded narratives), раскрывающегося через игровое взаимодействие, позволило переосмыслить семиотическую систему классического романа «Путешествие на Запад». Это подтверждает теорию Генри Дженкинса о существовании современных нарративов в междийном пространстве, где аудитория активно участвует в создании смыслов. Деконструкция архетипов (например, механизация божеств, тема циклической судьбы) и их реконструкция через мрачно-философскую оптику демонстрируют, как цифровые медиа, благодаря интерактивности, открывают новые интерпретационные горизонты для традиционных культурных кодов. Данный пример иллюстрирует, что в цифровую эпоху кросс-медийные нарративы трансформируются из пассивной демонстрации в динамический процесс соиздания смыслов через игровое агентство (player agency).

Во-вторых, проект предлагает модель преодоления «культурного дисконта» (cultural discount), описанного Хоскинсом и Мирусом^[17]. Стратегия «технологическое превосходство + культурная символизация» снизила барьеры восприятия: транскрипция ключевых терминов (Wukong, Jingu Bang) сохранила уникальность культурного кода, а использование движка Unreal Engine 5 установило глобальный стандарт качества. Этот подход подтверждает, что технологические инновации способны компенсировать культурную гетерогенность, открывая новые возможности для изучения переводимости локальных символов в условиях цифровой глобализации.

Наконец, игра стала катализатором синергии цифровых технологий и культурной индустрии. Цифровые двойники исторических памятников провинции Шаньси и их интеграция в туристическую отрасль раскрыли потенциал технологии «цифрового близнеца» (digital twin) для сохранения наследия и монетизации культурных ресурсов. Данный феномен согласуется с теорией «новых производительных сил»^[18], согласно которой цифровизация трансформирует традиционные элементы (например, культурные активы) в драйверы экономического роста. Рост продаж аппаратного обеспечения, позитивная динамика на фондовом рынке и мультипликативный эффект в смежных отраслях подтверждают, что видеоигры стали ключевым звеном в цепочке «ядро IP → производные продукты → капитализация», предоставляя количественные метрики для оценки комплексной ценности культурных продуктов.

Таким образом, «Черный миф: Укун» устанавливает прецедент, в котором технологические достижения, культурная аутентичность и экономическая эффективность взаимно усиливают друг друга, формируя новую парадигму для глобальной культурной индустрии.

Библиография

1. Black Myth: Wukong takes top prize at awards gala. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202411/23/WS674117c0a310f1265a1cf2b6.html> (дата обращения: 23.11.2024).
2. What we should see from the awards of 'Black Myth: Wukong': Global Times editorial. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325129.shtml> (дата обращения: 16.12.2024).
3. "Черный миф: Укун" завоевывает главную награду Steam 2024 // RushBe. URL: <https://rushbe.ru/blog/news/premiya-steam-2024-black-myth-wukong-zavoevyvaet-glavnyuyu-nagradu> (дата обращения: 08.01.2025).
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествований // Исследования нарратологии. Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 1989. С. 28.
5. Принс Дж. Нарратология: Форма и функция нарратива // пер. Сюй Цян. Пекин:

Издательство Народного университета Китая, 2013. С. 102-103.

6. Ван Вэйянь. Основные теоретические проблемы коммуникативной нарратологии // Вестник Хэнаньского педагогического университета (философия и социальные науки). 2014. Т. 41, № 1. С. 126-131.

7. Aarseth E. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.

8. Jenkins H. Game Design as Narrative Architecture // Wardrip-Fruin N., Harrigan P. (eds.). First Person: New Media as Story, Performance and Game. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 118-130.

9. Райан М.-Л. Кроссмедийный нарратив // пер. Чжан Синьцзюнь, Линь Вэньцзюань. Чэнду: Издательство Сычуаньского университета, 2019. С. 305.

10. "Китайские услуги" ускоряют глобализацию // China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202411/23/WS674117c0a310f1265a1cf2b6.html> (дата обращения: 23.11.2024).

11. Гамма-данные: игровая индустрия улучшает социальную ответственность, "Черный миф" стимулирует потребление на 34 млрд юаней // Sina Finance. URL: <https://finance.sina.com.cn/stock/hkstock/ggscyd/2025-01-24/doc-inehaatx5123890.shtml> (дата обращения: 24.01.2025).

12. Коммуникационная стратегия, стоящая за черным мифом: Goku Swipe-Spread the Frog. URL: <https://www.wlcbw.com/128833.html> (дата обращения: 21.08.2024).

13. Мэн Ц. Интернационализация китайских игр: кейс "Черного мифа: Укун" // Journal of Modern Social Sciences. 2025. Т. 2, № 1. С. 13-19. DOI: 10.71113/jmss.v2i1.173.

14. Статистика Steam за февраль 2025: NVIDIA GeForce RTX 4060 лидирует // BenchLife.Info. URL: <https://benchlife.info/steam-feb-2025/> (дата обращения: 03.03.2025).

15. "Черный миф: Укун" возглавляет национальный чарт продаж игр 2024 // Weibo. URL: <https://weibo.com/7270656950/P8UtPiKzW> (дата обращения: 10.01.2025).

16. Взаимодействие игр и туризма: "Черный миф" как флагман культурного экспорта // Синьхуа. URL: <http://www.news.cn/digital/20240913/4440030ea8f34bf3ac8487ca76785ca7/c.html> (дата обращения: 13.09.2024).

17. Hoskins C., Mirus R. Reasons for the US dominance of the international trade in television programmes // Media, Culture & Society. 1988. Vol. 10, № 4. P. 499-515. DOI: 10.1177/016344388010004006 EDN: EGINCJ.

18. О развитии новых производительных сил // Официальный сайт Государственного совета КНР. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6954761.htm (дата обращения: 31.05.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена игровому нарративу и стратегии распространения игры «Чёрный миф: Укун». Предмет исследования достаточно актуален в силу значимости видеоигры для мировой культуры. Принимая во внимание, что в видеоигре реализуются сразу несколько форм выражения: текст, изображение, музыка, архитектура, дизайн и пр., нарратив объединяет все ее составляющие. Следовательно, видится важным изучение повествовательных возможностей игры. Выбор игры «Чёрный миф: Укун» обоснован тем, что благодаря уникальной игровой нарративной структуре данная игра смогла завоевать множество международных наград и добиться глобального

культурного влияния: в ноябре 2024 года эта игра была удостоена премий «Лучшая игра года» и «Лучшая визуализация» на 42-й церемонии Golden Joystick Awards; а также наградами «Лучшая экшн-игра» на The Game Awards (TGA), «Игра года» от Equinox LATAM, «Выбор игроков» от 3DJUEGOS, «Лучшая игра» и «Лучший сюжет» на Steam.

Теоретической основой научной работы послужили исследования, посвященные различным аспектам нарратологии; кроссмедийному нарративу; структурному анализу повествований; интернационализации китайских игр и т. п. Библиография состоит из 18 источников, в том числе 10 электронных ресурсов; представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология исследования выбрана с учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы: использованы описательный метод с приёмами наблюдения и обобщения, методы дискурсивного и когнитивного анализа, метод системного анализа, интерпретативный анализ отобранного материала и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены теоретические основы нарратива видеоигр; изучен нарратив игры «Черный миф: Укун» (культурное ядро, выражение традиционной китайской культуры, сюжетная основа и нарративная реконструкция «Черного мифа: Укун»); проанализирована стратегия продвижения игры на рынке («ключевая стратегия игры «Черный миф: Укун» строится на современной интерпретации классического сюжета «Путешествие на Запад» через интеграцию традиционных культурных символов и повествовательных техник»). В заключении делается ряд обоснованных выводов: «проект демонстрирует парадигмальный сдвиг в кросс-медийном сторителлинге»; «проект предлагает модель преодоления «культурного дисконта» (cultural discount)»; «игра стала катализатором синергии цифровых технологий и культурной индустрии». Отмечается, что «Черный миф: Укун» устанавливает прецедент, в котором технологические достижения, культурная аутентичность и экономическая эффективность взаимно усиливают друг друга, формируя новую парадигму для глобальной культурной индустрии.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в решение современных проблем в области нарратологии видеоигр, а также в развитие теории транслингвальности и транскультурности в контексте видеоигр. Рецензируемая работа имеет практическую значимость, которая заключается в возможности использовать ее результаты в вузовских курсах по лингвокультурологии, стилистике, теории дискурса, лингвистике текста, по лингвопрагматике и когнитивной лингвистике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется доступностью и логичностью. Статья имеет завершённый вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Платонов Ф.Е. «Происшествие на реке Тун» Вс. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75963 EDN: RSLIKK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75963

«Происшествие на реке Тун» Вс. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии

Платонов Федор Евгеньевич

ORCID: 0009-0005-5904-343X

аспирант; факультет Медиакоммуникации и журналистика; образовательное частное учреждение высшего образования "Московский университет имени А.С. Грибоедова"

109559, Россия, г. Москва, р-н Люблино, ул. Краснодарская, д. 52, кв. 8

✉ fedor.platonoff@yandex.ru

[Статья из рубрики "Поэтика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75963

EDN:

RSLIKK

Дата направления статьи в редакцию:

22-09-2025

Аннотация: Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925) представляет собой один из вариантов реализации жанра антиутопии в творчестве известного советского писателя. Так, написанный совместно с В. Б. Шкловским роман «Иприт» (1925) – трагическое произведение и одновременно серьёзное предупреждение о возможности перерастания технической антиутопии в апокалипсис. Роман «У» (1931–1933) обнаруживает скрытую антиутопию, на пути которой встаёт аффектированный мещанин. В этом ряду «Происшествие на реке Тун» показывает, как будущее оказывается проекцией настоящего. В качестве объекта исследования в статье выступают дистопические и антиутопические мотивы рассказа Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун». Предмет исследования – специфика реализации элементов этих жанров с учетом анализа мотивной структуры произведения. Используются методы жанрового, мотивного и герменевтического анализа. Рассказ квалифицируется одновременно как антиутопия и дистопия. Также в нём исследуются мотивы холода, насилия, смерти, техники, архитектуры, присутствующие в настоящем и проецирующиеся

в будущее время. На основе произведённого мотивного анализа произведения делаются предположения о специфике восприятия революционного проекта писателем и читателем. Актуальность исследования определяется интересом литературоведения к творчеству Вс. Иванова, которое до сих пор оказывается не только недостаточно изученным, но и не полностью опубликованным. Новизна исследования определяется осуществлённым в статье подробным мотивным анализом «Происшествия на реке Тун». В нем выявлены ведущие мотивы, которые влияют на его смысловую структуру (например, мотив холода): тот, кто позволяет «замёрзнуть» своему человеческому чувству, ведёт себя и других к нравственной и физической гибели. Образ антиутопии/дистопии в рассказе создаётся посредством образов человекоубийственной техники и образов нечеловеческой архитектуры. Человек в будущем обезобразил не только рукотворное, но и природное: и то, и другое источает опасность и смерть. Огромные размеры зданий, холодные и грубые материалы, из которых они сделаны, тяготение форм к трубообразности и замкнутости – всё это определяет бытие будущего человека.

Ключевые слова:

антиутопия, дистопия, онейрическая проекция, замкнутое пространство, научно-технический прогресс, литературные жанры, Гражданская война, мотивика, зооморфизация, видение

Введение

«Происшествие на реке Тун»: между дистопией и антиутопией

Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925) в статье Е. А. Папковой «"Видения грядущего" в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг.» [\[3, с. 186\]](#), совершенно справедливо назван дистопией, потому что дистопия, в отличие от антиутопии, которая является чем-то вроде карикатуры на утопию, описывает «сегодняшний ад, который, как опасается автор, продолжится и углубится в будущем» [\[6, с. 13\]](#). Хотя элементы антиутопии в нём тоже присутствуют. О них также говорит Е. А. Папкова в статье, что была опубликована раньше, — «Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910-1930-х годов»: образ будущего в рассказе характеризует «необычайный технический взлёт» и «продолжающаяся борьба с "врагами", которые должны быть уничтожены, чему весьма способствуют технические достижения» [\[5, с. 35\]](#).

Б. А. Ланин в монографии «Русская литературная антиутопия XX века» выделяет несколько характерных черт антиутопии (дистопии). Применительно к ивановскому рассказу можно отметить, в частности, неявный, но спор с утопией (идеального государства, в котором победила суровая революция); страх, оборачивающийся неустанным поиском врагов; выпадение из привычной реальности главного героя, задумавшегося и потерявшего; ритуализация жизни антиутопического общества, что ходит строем и уничтожает вражескую «биомассу»; подавление сексуального (в один из моментов рассказчик спрашивает своего товарища: «— Была ли там, при последней революции, у нас с вами любовь? То есть, может быть, мы любили одну женщину?» [\[2\]](#), и, кажется, что это двусмысленно звучащий вопрос с не менее двусмысленной поправкой); превращение людей в животных; замкнутость пространства и неподвижность времени; аффектированность отдельных героев и людских множеств [\[8\]](#).

Жанр антиутопии в советской литературе 1920-х годов и в творчестве Вс. Иванова

Жанр антиутопии для советской литературы 1920-х — один из наиболее востребованных [8; 9; 10; 11; 12]. Новое государство ищет новые формы развития, и на этом пути видит не только возможности, но и опасности. Особенно внимательно в контуры и в содержание будущего вглядывается литература. В этом ряду особую активность проявляет Вс. Иванов.

Антиутопические мотивы можно увидеть в его романе «Иприт» (1925) (написан совместно с В. Б. Шкловским). Это произведение, хотя на первый взгляд и кажется авантюрным или пародийным романом, в котором присутствует множество отсылок к современной авторам геополитической, внутривластной, общественно-литературной действительности, к отечественной и мировой литературе и культуре, на самом деле затрагивает серьёзные вопросы мировой безопасности. Вс. Иванов и Шкловский демонстрируют варианты антиутопий, создаваемых западным миром, и одновременно (вероятно, невольно) указывают на антиутопический потенциал преобразовательных проектов родной страны. Экзотические антиутопии «Иприта», основанные на фактах динамичного развития химии и биохимии, естественным образом вызывают в романе вопросы о характере, специфике приближающихся пусть локальных, но апокалипсисов и о постапокалиптической реальности. Отдельная сюжетная линия «Иприта» — пространное травестирование «Краткой повести об антихристе» В. С. Соловьёва, которое наряду с комическим измерением сохраняет и предиктивный потенциал этого соловьёвского текста.

Антиутопические конструкции можно обнаружить также в романе «У» (1931–1933). Вс. Иванов в этой книге (и в последующей её редакции, что называется «Багровый закат») демонстрирует, как попытка создания утопии оборачивается рождением её противоположности. Роман «У» — сложный текст, и, как пишут критики, возможно, не вполне удавшийся, а потому запутанный. Но, несмотря на это, видно, как художественная интуиция приводит писателя к мысли о несовершенстве человеческой природы, что не только может создать антиутопию вместо утопии, но и способна при этом сопротивляться оформлению, закреплению этой антиутопии. Звук «у», истолкование которого Ивановым восходит к метафизической ономастике о. Павла Флоренского, в романе символизирует аффектированную, страдательную, но всё же предохраняющую человека от губительного обезличивания.

Наконец, ещё один вариант реализации антиутопического жанра в творчестве Вс. Иванова — это рассказ «Происшествие на реке Тун».

Цель и задачи статьи

Цель статьи — проанализировать рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» с точки зрения реализации в нём жанров дистопии и антиутопии, а также рассмотреть характер и особенности его мотивной структуры.

Актуальность и научная новизна исследования

Актуальность исследования определяется интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений двойственной жанровой природы. Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» является одновременно дистопией и антиутопией. Также сложна квалификация онейрического состояния одного из главных героев — сон, видение, галлюцинация. Новизна обусловлена впервые проведённым подробным анализом мотивной структуры этого произведения. При том, что ивановеды уже обращали внимание на элементы жанра антиутопии в этом рассказе, никто не погружался в его мотивную структуру.

Методы исследования

В статье используются методы жанрового, мотивного и герменевтического анализа. Рассказ квалифицируется одновременно как антиутопия и дистопия. Также в нём исследуются мотивы холода, насилия, смерти, техники, архитектуры, присутствующие в настоящем и проецирующиеся в будущее время. На основе произведённого мотивного анализа произведения делаются предположения о специфике восприятия революционного проекта писателем и читателем.

Объект и предмет исследования

В качестве объекта исследования в статье выступают дистопические и антиутопические мотивы рассказа Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун», предмета исследования — специфика реализации элементов этих жанров с учетом анализа мотивной структуры текста.

Основная часть

Телесное и душевное выхолаживание героев как ведущий мотив рассказа

Всё же преимущественно образ будущего в этом рассказе является тёмной проекцией мрачного настоящего. Идёт Гражданская война, и два героя произведения — автор-рассказчик и комиссар Хабиев — живя в теплушке, борются с холодом окружающего пространства: «Звонкий снег точился у наших дверей», «Хилое утро метнуло к его валенкам снег» [2]. Образ открывающего рассказ санитара, также связан с холодом: у него ноги «точно изо льда» и во рту у него были будто «ледяные сосульки» [2]. Последнее — характеристика его голоса, шёпота. Автор-рассказчик, чувствуя безответность своей любви, дрожит, но эта дрожь связана не только с его внутренним состоянием, но и с холодным воздухом и видом бумаги, на которой написано письмо, оно напоминает снег: «Голубое пространство бумаги наполнило меня дрожью» [2]. Рассказчик предполагает, что сон Хабиева рождает «Мороз, теплушки, снега и скука» [2]. Зима в «Происшествии на реке Тун» — это состояние реальности, в которой, замерзая, отмирает человечность, любовь. Беженцы для автора-рассказчика — трусы и мещане, и, с его точки зрения, правильно, что «Дорожные канавы, не глубже беженских сундуков, великодушно согласившиеся быть могилами!» [2]. Хабиев «Родителей своих <...> называл мещанами» [2]. И автор-рассказчик добавляет, что, по-видимому, они его «тоже не любили» [2]. Впрочем, и он сам, вначале завидующий любви Хабиева к Варе, когда наконец оказывается у неё, со злостью отмечает, что «её нелепо раскормленный зад» приготовился «к хуторам и к широким кроватям» [2]. Социальный класс и принадлежность или равнодушие/враждебность к революции определяет для этих двоих ценность человека. Люди (враги или мещане) подобны в рассказе животным или растениям. Фраза «Школу <...> очищали от белых раненых» [2] остаётся двусмысленной даже после того, как выясняется, что речь идёт об одежде и вшах. Хабиев анекдотически каламбурит: «— Зайцы зимой белые. Там белые деревья портят, а здесь — людей» [2]. Но этот юмор по сути своей является чёрным: однажды Хабиев поставил рядом два трупа белых офицеров, прилавив их обниматься и держать знамёна, за которые они погибли. Смерть не вызывает почтения у героев «Происшествия на реке Тун», бытие человека для них завершается с его жизнью, а потому мёртвое тело — только лишь труп.

Зооморфизация человека настоящего и будущего

Кошмарный сон, видение, поделённое в рассказе три части, снова и снова мучительно возвращающееся, повторяет, усиливает множество этих мотивов. Хабиев в ответ на вопрос товарища говорит про будущее так: «Уверенно могу сказать вам — никакой любви у меня не было» [2]. Холод настоящего догоняет Хабиева и в видении будущего: «Густой снег, точно мы мчимся в сугробе, сыплется мне на голову, за шею» [2]. В будущем убийства совершаются так же бестрепетно и массово, как в настоящем. Люди сгорают, как листы бумаги, от огня, выпущенного из некой машины с кишкой, а смрад от горения тел всасывает труба, подобная граммофонной. Смерть символически сопровождается мертвящей музыкой. Трупы вывозятся при помощи «стеклянной вагонетки» [2]. Смерть безлика и технична; врач не лечит, а лишь фиксирует гибель, санитары не помогают лечить, а убирают трупы. Отдельно в рассказе говорится про уничтожение врагов при помощи уютнообразной машины (что заставляет подумать, что те, о которых было сказано раньше, не чужие, а свои, бывшие сограждане нового мира). Идея машинной утопии по-разному, но широко проявившаяся в 1920-е годы в Европе и СССР, оборачивается в «Происшествии на реке Тун» своей противоположностью. Например, Уильям Моррис в лекции «Искусство и социализм» говорил, что «чудесные машины, которые в руках справедливых и разумных людей могли бы служить для облегчения труда и производства благ, или, другими словами, для улучшения жизни человеческого рода» [7, p. 201]. В рассказе Иванова вместо этого они служат для аннигиляции людей. Человек оказался «не умножен машинами», как мечталось Ф. Маринетти, а «минусован» ими.

Костюмные и архитектурные образы: нивелирование антиутопического общества

Будущее в «Происшествии на реке Тун» выглядит как возможная утопия, но реверсированная. Архитектура зданий несет на себе отпечаток раннесоветских увлечений древностью, воспроизводимой на новом уровне благодаря современным технологическим решениям и материалам (например, мавзолей Ленина, похожий на зиккурат), и конструктивизмом (бесчеловечное выхолащенное «сочетание кубов, ромбов, параллелепипедов — голых геометрических форм» [11]). (Говоря про парадоксальное соединение в рассказе древности и будущего, можно также заметить, что Хабиев смотрит в грядущее, а автор-рассказчик при этом оглядывается в прошлое: «А ведь с времён Ермака и ещё назад пятьсот лет, — это первая война, — и я в ней участвую» [2]. Думается, впрочем, что здесь ему вернее было бы вспомнить про Емельяна Пугачёва.) По потолку огромного здания «похожие на тараканов, по величине, рабочие в коричневых балахонах переползали взад вперед» [2]. Такова оптика сна, который видит Хабиев, но мотив маленького размера людей поддержан и размером строения: оно громадное, и «в форме пирамиды» [2] из светящегося металла. Его металлические стены блестят, а стеклянные крыши пропускают свет. Мир будущего светел, прозрачен и беззвучен («Всё вокруг происходило почти беззвучно. Беззвучная борьба, беззвучная смерть» [2]), но усомнившийся Хабиев испытывает облегчение лишь когда этот мир начинают бомбить и когда в нём появляются звуки.

Неподалёку от «пирамиды» стоит «Плоское серое здание во всю сотню своих этажей» [2] тоже из стекла и, вероятно, бетона, и этот «дом <...> наполнен людьми, как амбар — зерном» [2]. Это здание с точки зрения цвета и целостности — противоположность предыдущего. Но оно похоже на вагоны из настоящего. Они и описаны схожими

конструкциями перечисления однородных определений: «нелепый, плоский, серый дом» — «бесчисленные, трусливые и холодные эшелоны!..» [2]. Одни люди в будущем низведены до насекомых, у которых даже во время их убийства на лицах застывает радость, другие, остатки «поработителей народов» [2], представлены зёрнами, которым нужно пасть в землю ради светлого будущего. Более того, по выражению автора-рассказчика из будущего, они все уже мертвы — даже до того, как здание будет разрушено. Все жители будущего, те, кто наследовал мир, и те, кто оказался жертвой, одеты в нивелирующие их балахоны: коричневые балахоны у рабочих, оранжевые — у санитаров, серые — у солдат, убитые лежат «в плотно, как купальные костюмы, обтягивающих тело одеждах» [2]. Парадоксально нивелируют людей и знаки отличия: у одного из санитаров Хабиев увидел нашивку, «отдалённо похожую на крест», у солдат «на месте сердца <...> были нашиты пурпуровые, красные звёзды» [2]. Их обтягивающие, «резино-шёлковые одежды» вызывают ассоциацию с кем-нибудь вроде морских млекопитающих, а не людей.

Замкнутое пространство: границы бесчеловечной антиутопии

Геометрия нового мира тяготеет к замкнутым конструкциям (как и место пребывания героев настоящем — вагоны, теплушки). Они могут быть большими или тесными, предназначенными для послушных граждан и разоблачённых внутренних врагов, но пребывание в них в любом случае вызывает чувство духоты и страха: «...сжалось моё сердце, когда я увидел коридор», «Мост через ров был узок и напоминал сетчатую трубу. Я ещё боялся на него вступить», люди в сером здании «не кричали о пощаде, по-видимому, из боязни криком вызвать смерть», они «смотрели на нас из всех доступных им щелей» [2]. Финал рассказа — гибель Хабиева в аэроплане, в котором он, задыхаясь, убегал в чужую страну из псевдоутопического реальности. Одна из самых частых фигур, форм в рассказе — труба или её подобия: «узкая струя огня, выпущенная из кишки», уничтожает мертвые тела; машины, убивающие «белых», оканчиваются чем-то вроде хобота; «странное оружие, похожее на небольшой рупор» [2] убивает Хабиева; по большой светящейся трубе катит вагонетка, увозящая трупы; мост через ров напоминает сетчатую трубу. Эта фигура — символ перехода из жизни в смерть. Смертью в рассказе пропитаны не только оба здания, но и природа: море «было мертвенно спокойно» [2].

Самоуничтожение как закономерный итог расчеловечивания

Рассказ Хабиева о своём сне-видении начинается с его предуведомления, что ему снилась «последняя революция» [2]. Определение «последняя» здесь говорит не только о победе революции, но и о победе над революцией, то есть о её поражении. Мир будущего, как это становится ясно в конце, гибнет. Погибает и его усомнившийся герой — Хабиев, — предчувствовавший, что беседа с другом окажется последней. Он погибает от руки этого самого друга, который во сне направил на него «весёлый газ», равно как и еле удерживался, чтобы в настоящем не зарубить его топором. Причём попытка убийства совершается им дважды. Приехав к Варе, он пробует уничтожить Хабиева в её глазах: «— Он умер, как герой <...> сознающий все свои ошибки» [2]. Впрочем, Варя и сама способна на подобное, когда замечает, что тому было бы более к лицу умереть от пули, а не от тифа. Главная же причина смерти Хабиева — действительно в ошибках, но не тех, о которых думает автор-рассказчик. В финале открывается, что человек, которого он видел в сером здании во сне, это его отец, которого он не узнал или не хотел узнать среди беженцев, фактически приговорённых к смерти, своего отца и, кажется, своих братьев. Хабиев болен тифом, но подлинная его болезнь — это отказ от

семейных связей, от любви в пользу головных классовых конструкций. При этом его товарищ, его друг-враг, его двойник остаётся жить, но и он, автор-рассказчик, не остаётся без наказания: Варя смотрит на него не с любовью и не с уважением, а с жалостью.

Заключение

Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун» одновременно может быть прочитан и как дистопия, и как антиутопия, так как содержит черты обоих жанров. Писатель балансирует также и в том, как квалифицировать природу повествования: то, что видит и о чём рассказывает герой, можно понять как видение, как сновидение или как галлюцинацию человека, больного тифом. В любом случае «Происшествие на реке Тун» воспринимается как глубокое проникновение писателя в реальность Революции и Гражданской войны и как прозрение в возможное негативное будущее. Настоящее и грядущее в рассказе связаны, первое проецируется во второе: их объединяют главные герои, присутствующие в обоих временах (в будущем они романтически преображены) и схожие мотивы (в частности, мотивы холода, приводящего к состоянию без любви, мотивы насилия и смерти, мотивы расчеловечивания и зооморфизации человека). Образ антиутопии/дистопии в рассказе создаётся посредством образов человекоубийственной техники и образов не-человеческой архитектуры. Человек в будущем обезобразил не только рукотворное, но и природное: и то, и другое источает опасность и смерть. Психика и тела живых видоизменены, тела убитых не вызывают уважения. Огромные размеры зданий, холодные и грубые материалы, из которых они сделаны, тяготение форм к трубообразности и замкнутости — всё это соответствующим образом определяет бытие будущего человека. Финал «Происшествия на реке Тун» показывает гибель обоих главных героев: оба оказываются само-уничтожены своими собственными аффектами, а вместе с их гибелью у читателя (и у писателя [\[4, с. 9\]](#)) возникает вопрос о перспективах того дела, за которое они оба воевали.

Библиография

1. Андреев Д. Л. Роза мира. URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/roza_mira.pdf
2. Иванов Вс. Происшествие на реке Тун. URL: https://www.promegalit.ru/public/16083_vsevolod_ivanov_proisshestvie_na_reke_tun.html
3. Папкова Е. А. "Видения грядущего" в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг. ("Страна Гонгури" и "Происшествие на реке Тун") // Соловьёвские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 180-193. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.180-193 EDN: ZSLCGC
4. Папкова Е. А. Сны о будущем в прозе Всеволода Иванова 1920–1930-х годов // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 1. С. 7-17. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-7-17 EDN: VJODXP
5. Папкова Е. А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27-39. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39 EDN: YFCZTI
6. Чаликова В. О типологии литературных утопий // Феномен утопии в общественном сознании и культуре. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 9-13.
7. The collected Works of William Morris / Ed. by May Morris. Vol. XXIII. Longman Green and Co., London; New York; Bombay; Calcutta, 1915. 309 p.
8. Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Б. А. Ланин. М., 1993. 344 с. EDN: NLITFN
9. Морщикина Л. А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Л. А. Морщикина. Архангельск, 2004. 195 с. EDN: NMQNHT

10. Платонов Ф. Е. Утопические и антиутопические модели в послереволюционной России и их отражение в литературе 1920-х годов / Ф. Е. Платонов // Казанская наука. 2024. № 11. С. 324-327. EDN: ITVJBF
11. Плех З. И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX века (на материале произведений Е. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.01.02 / З. И. Плех. Бишкек, 2008. 23 с. EDN: ZNMBRB
12. Шишкина С. Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке. Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2009. 230 с. EDN: QVBELL

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается реализация жанров дистопии и антиутопии в рассказе Всеволода Иванова «Происшествие на реке Тун», а также характер и особенности мотивной структуры текста. Актуальность работы очевидна; она обоснованно аргументируется как популярностью жанра антиутопии для советской литературы 1920-х («новое государство ищет новые формы развития, и на этом пути видит не только возможности, но и опасности»), так и интересом современного литературоведения к рассмотрению явлений двойственной жанровой природы. Рассказ Вс. Иванова «Происшествие на реке Тун», как утверждается в статье, является одновременно дистопией и антиутопией. Вслед за Викторией Атомовной Чаликовой автор(ы) проводят различие между этими жанрами («дистопия, в отличие от антиутопии, которая является чем-то вроде карикатуры на утопию, описывает «сегодняшний ад, который, как опасается автор, продолжится и углубится в будущем» [6, с. 13]»).

Теоретической основой работы выступили труды по вопросам русской литературной антиутопии (истоки и трансформации жанра литературной антиутопии, становление жанра антиутопии в русской литературе XX века); типологии литературных утопий, а также исследования различных аспектов прозы Всеволода Иванова. Библиография составляет 12 источников, в том числе литературные, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Однако теоретическая часть, так называемый обзор литературы, по мнению рецензента, раскрыта недостаточно, фактически она представляет собой два абзаца. В частности, обзор пяти источников сводится в одно предложение: «Жанр антиутопии для советской литературы 1920-х — один из наиболее востребованных [8; 9; 10; 11; 12]».

Исследование опирается на методологию, сочетающую общенаучные методы (анализ и синтез, описательный и сравнительно-сопоставительный методы) и частнонаучные методы (текстуально-герменевтический анализ произведения, литературоведческий и художественный анализ). Значительное место занимают методы жанрового и мотивного анализа (исследуются мотивы холода, насилия, смерти, техники, архитектуры, присутствующие в настоящем и проецирующиеся в будущее время).

В ходе исследования изучена специфика реализации в «Происшествии на реке Тун» жанров дистопии и антиутопии («образ антиутопии/ дистопии в рассказе создается посредством образов человекоубийственной техники и образов не-человеческой архитектуры»); рассмотрен характер и особенности его мотивной структуры («мотивы холода, приводящего к состоянию без любви, мотивы насилия и смерти, мотивы расчеловечивания и зооморфизации человека»), а также онейрическая проекция будущего («то, что видит и о чём рассказывает герой, можно понять как видение, как сновидение или как галлюцинацию человека, больного тифом», «воспринимается как

глубокое проникновение писателя в реальность Революции и Гражданской войны и как прозрение в возможное негативное будущее»).

Проведенное исследование обладает теоретической значимостью и практической ценностью: вносит вклад в изучение жанра антиутопии в русской литературе начала XX века, явлений двойственной жанровой природы и произведений Всеволода Иванова с точки зрения их мотивной структуры.

Работа обладает четкой структурой: введение с обоснованием актуальности, постановкой задач, характеристикой методов, объекта и предмета исследования; основная часть с изложением материала, положения которого убедительно иллюстрируются автором(ами), а также заключение с формулировкой выводов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса.

Однако объем рукописи, особенно ее теоретической части, недостаточен для научной статьи ВАК (рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков).

В целом статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera» после расширения ее объема.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью «Происшествие на реке Тун В.с. Иванова: онейрическая проекция будущего и замкнутое пространство дистопии»

Статья посвящена анализу рассказа Всеволода Иванова «Происшествие на реке Тун» (1925) сквозь призму жанров дистопии и антиутопии. Автор статьи рассматривает не только жанровые особенности текста, но и мотивную структуру произведения, уделяя особое внимание образам холода, смерти, техники, архитектуры, зооморфизации человека и замкнутого пространства. Таким образом, предметом исследования выступает своеобразная художественная проекция будущего, созданная Ивановым, и её связь с историческим опытом Революции и Гражданской войны.

В основе работы лежит комплексный подход, объединяющий жанровый, мотивный и герменевтический анализ. Такой выбор методов позволяет автору одновременно учитывать формальные характеристики текста и интерпретировать скрытые смыслы, выявляемые через повторяющиеся мотивы. Мотивный анализ используется последовательно и продуктивно: прослеживается, каким образом холод, смерть и механизация бытия формируют у Иванова образ античеловеческой реальности. Методология выглядит адекватной поставленным задачам и демонстрирует высокий уровень аналитической работы.

Вопросы жанровой двойственности (дистопия / антиутопия) в современной гуманитарной науке находятся в центре внимания, особенно в свете переосмысления утопического и антиутопического наследия XX века. Рассказ Иванова до сих пор недостаточно глубоко рассматривался с позиции мотивного анализа, что делает исследование своевременным. Кроме того, актуальность подтверждается интересом литературоведения к репрезентациям революционного опыта и их связи с предчувствием будущих катастроф. Новизна работы заключается в первом подробном анализе мотивной структуры рассказа «Происшествие на реке Тун». Автор статьи справедливо указывает, что ивановеды отмечали антиутопические элементы произведения, однако мотивный ряд (холод,

смерть, техника, архитектура, одежда, замкнутое пространство) до сих пор не стал объектом столь развернутого исследования. Дополнительную новизну представляет интерпретация сна комиссара Хабиева как онейрической проекции будущего, позволяющей понять мировоззренческие опасения писателя.

Статья написана в академическом стиле, выдержанном и аргументированном. Текст логично структурирован: введение, постановка целей и задач, методология, основная часть с мотивным анализом, заключение. Особое достоинство работы — подробная работа с текстом Иванова: многочисленные цитаты демонстрируют тесную связь анализа с художественным материалом. Автор умело сопоставляет рассказ с другими произведениями Иванова («Иприт», «У») и с традицией антиутопического жанра. Однако в некоторых фрагментах наблюдается некоторая избыточность цитирования, что может утяжелять восприятие.

Список литературы репрезентативен и включает как фундаментальные работы (Ланин, Чаликова, Плех и др.), так и современные исследования (Папкова, Платонов). Использованы как отечественные, так и зарубежные источники. Библиография демонстрирует хороший охват научного поля, хотя можно было бы добавить работы по общим вопросам онейрической поэтики или психоаналитической интерпретации сна, чтобы расширить контекст.

Автор статьи корректно опирается на существующие интерпретации (работы Е. А. Папковой, Б. А. Ланина), указывает на расхождения и уточнения, избегая полемической агрессивности. Апелляция к оппонентам строится скорее в форме диалога, чем полемики, что является плюсом. Тем не менее можно было бы острее выделить отличия предложенного подхода от существующих трактовок, чтобы подчеркнуть научную новизну еще более убедительно.

Заключение статьи подводит итоги мотивного анализа, показывая, что рассказ Иванова совмещает черты дистопии и антиутопии, а также предвосхищает образ будущего как продолжение мрачной реальности Гражданской войны. Работа будет интересна исследователям русской литературы XX века, специалистам по утопическим и антиутопическим жанрам, а также студентам-филологам.

Статья представляет собой оригинальное и аргументированное исследование, обладающее несомненной научной ценностью. Она отличается актуальностью, новизной и высоким уровнем аналитической работы. Полагаем, что рецензируемая работа может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без критических замечаний.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сапрыкин М.Е. Чужое слово в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960–1980-х гг // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75719 EDN: RQXKIT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75719

Чужое слово в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960–1980-х гг.

Сапрыкин Михаил Евгеньевич

ORCID: 0009-0002-0030-113X

аспирант; Филологический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

108840, Россия, г. Москва, г. Троицк, Троицкий округ, Октябрьский пр-кт, д. 29А

✉ mikhail2909@gmail.com[Статья из рубрики "Поэтика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.9.75719

EDN:

RQXKIT

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2025

Аннотация: Объектом исследования данной статьи является чужое слово в поэзии такого представителя неофициальной литературы как Вс. Н. Некрасов. Активное использование чужого слова в лирических произведениях можно назвать общей поэтической чертой как европейской, так и русской поэзии второй половины XX века. Катастрофические события XX века актуализировали сомнения многих авторов в возможностях прямого лирического высказывания и сподвигнули их обратиться к поискам новых форм выразительности. В среде московских концептуалистов в 1970–1980-е гг. распространенной была творческая практика, которая заключалась в использовании советских визуальных образов или вербальных клише в качестве поэтического материала. Эта особенность поэтики Некрасова, входившего в концептуалистский круг, уже становилась предметом изучения, однако в данном исследовании предлагается выбрать иной методологический подход. Методология данного исследования строится на анализе корпуса текстов поэта 1960–1980-х гг., выявлении интертекстуальных связей, присутствующих в произведениях Некрасова, а также на их герменевтической интерпретации. Новизна исследования заключается в выявлении нескольких особенностей функционирования чужой речи в поэзии Некрасова. Во-первых, следует отметить, не частое, но уже заметное обращение поэта к

чужой речи на рубеже 1960–1970-х гг. и интенсификацию этого приема в 1970–1980-е гг. Во-вторых, отмечаются такие черты поэтики автора, как сохранение выраженного голоса лирического субъекта и, следовательно, возникновение антитезы между речью субъекта и чужой речью в структуре поэтических произведений. В-третьих, сделанные наблюдения способствовали выявлению специфики обращения Некрасова к чужой речи в сопоставлении с творческой практикой Д.А. Пригова. Это позволяет переосмыслить привычные подходы к анализу поэтики Некрасова как части общей поэтической идентичности.

Ключевые слова:

Вс.Н. Некрасов, Д.А. Пригов, интертекстуальность, чужое слово, московский концептуализм, неофициальная литература, герменевтика, лирика, реди-мейд, деконструкция

Включение чужого слова [\[1\]](#) в словесную ткань художественного произведения было характерной чертой многих текстов русской литературы, в том числе и лирических по своей родовой принадлежности. Однако особенно интенсивно чужое слово стало включаться в состав лирических произведений во второй половине XX века. Вероятнее всего, это было связано с общими для послевоенной Европы культурными тенденциям, ставившими под вопрос саму возможность и релевантность прямого поэтического высказывания, что ярче всего выразилось в знаменитом высказывании немецкого философа франкфуртской школы Т. Адорно из эссе «Призмы. Критика культуры и общества»: «Критика культуры оказывается перед последней ступенью диалектики культуры и варварства: писать после Освенцима стихи — это варварство, оно подтачивает и понимание того, почему сегодня стало невозможно писать стихи» [\[2\]](#). Адорно, разумеется, не имеет в виду, что стихи следует перестать писать вовсе: речь идет только о том, что стихи следует писать иначе, ставя вопрос об ответственности довоенной культуры за разрушительные катастрофы XX века (что было одной из основных смысловых линий той самой франкфуртской школы в философии). И хотя это эссе Адорно могло быть (и, вероятнее всего, не было) неизвестно многим его современникам, стремление переосмыслить структуру поэтического высказывания было свойственно многим поэтам второй половины XX века, в том числе и Всеволоду Николаевичу Некрасову (1934–2009).

Настоящая статья посвящена одному из аспектов поэтики Некрасова, а именно активной практике включения им чужого слова в словесную ткань собственных произведений. Этот аспект поэтики Некрасова уже становился темой ряда исследований, однако под определенным теоретическим углом. Такие исследователи, как, например, Дж. Янечек [\[3\]](#), И.С. Скоропанова [\[4\]](#), М.Ю. Берг [\[5\]](#) и М.Н. Липовецкий [\[6\]](#) рассматривают Некрасова как автора, принадлежащего к концептуалистскому кругу (что само по себе абсолютно верно и не вызывает никаких сомнений), а потому видят в обращении Некрасова к чужой речи черту такой коллективной идентичности, как московский концептуализм. Как известно, авторы этого круга (и в его живописном, и в его литературном изводе) активно обращались к советским визуальным (плакаты, шрифты, графика и пр.) и вербальным (лозунги, бюрократические формулировки, газетные клише) реди-мейдам, что отличало их от многих других авторов из среды неофициальной литературы, стремившихся, напротив, резко дистанцироваться от официальной советской культуры. Перечисленные выше исследователи находят примеры использования советских речевых формул в

произведениях и на этом основании абсолютно справедливо пишут о концептуалистской природе творчества поэта. Однако в данной статье мы постараемся сделать ряд дополнений, которые могут усложнить представление о природе функционирования чужого слова в поэзии Некрасова. В основе нашего исследования лежит анализ корпуса произведений Некрасова, представленного в двух посмертных изданиях: сборником «Авторский самиздат (1961–1976)» [7], в котором усилиями наследников поэта и литературоведов Е.Н. Пенской и Г.В. Зыковой, а также усилиями поэта М.А. Сухотина были воспроизведены прижизненные самиздатские сборники поэта, а также сборник «Стихи 1956–1983» [8], в основе которого лежит прижизненный поэтический свод под условным названием «Геркулес», подготовленный самим Некрасовым в начале 1980-х гг. Анализ состава двух этих сборников, а также определение той функции, которую чужое слово играет в этих произведениях, позволяет утверждать, что, во-первых, Некрасов в своих текстах обращается не только к советским языковым формулам, а во-вторых, что обращение к чужому слову функционирует несколько иначе, чем в творчестве одного из главных концептуалистов, Д.А. Пригова.

Анализ издания «Авторский самиздат (1961–1976)» показывает, что особенно активно к чужому слову Некрасов начинает обращаться во второй половине 1960-х гг. В 1970 г. Некрасов подготовил самиздатский сборник под названием «Авторский поэтический свод», куда вошло триста десять текстов, созданных между 1965 и 1970 гг. Нам удалось найти только одно произведение, созданное ранее — это стихотворение «Мусор мусор // Всякая муть...» [7, с. 226], которое ранее входило в состав авторского самиздатского сборника «Слово за слово» (1961) под названием «Пляж» [7, с. 27]. О том, что в «Авторском поэтическом своде» Некрасов активно прибегает к использованию чужого слова писал М.А. Сухотин при публикации этого сборника: «Стихи свода несут следы сознательного обращения автора к поп-арту. Это видно по использованию реди-мейд ("Чего же ты хочешь" — перечень трёх произведений советских писателей: Всеволода Кочетова, Ивана Шевцова и Олега Бенюха), коллажа ("Коляжик"), по работе с "чужим" материалом-цитатой ("Из Лермонтова", "Реплика Слуцкому"). <...> Интерес Некрасова к поп-арту проявился и в его работе с серийностью в поэзии ("Ещё одно / Последнее сказанье" или, например, лермонтовское "Есть речи", которое в рабочих фонограммах 1970 года он так и комментирует: "Разработка методом поп-арта"). Неслучайно и повтор в стихотворении-схеме "Почему Лифшиц не модернист" называется здесь "Эпиграмма-поп"» [7, с. 9].

Тем не менее, в составе «Авторского поэтического свода» есть не так много текстов, в которых присутствует чужое слово — нам удалось обнаружить двадцать таких произведений из трехсот десяти текстов. Эти тексты можно разделить на две группы: на те, в которых обыгрывается цитата из художественного произведения или высказывание другого автора («Вас примет радостно у входа...» [7, с. 159], «Товарищ верь...» [7, с. 159], «Из Пушкина («Он прорубил окно в Европу...» [7, с. 197], «Из Пушкина («День-то чудесный...» [7, с. 197], «Из Тютчева» [7, с. 198], «Из Пушкина («Луна...» [7, с. 364], «Из Лермонтова» [7, с. 365], «Еще одно / последнее сказанье...» [7, с. 366], «Коляжик» [7, с. 367], «Эпиграмма-поп» [7, с. 368], «Реплика Слуцкому» [7, с. 369], «Реплика Солженицыну» [7, с. 370], «Очень оно...» [7, с. 395], «Вот тебе и первый снег...» [7, с. 398]), и те, в которых звучит подчеркнуто чужой голос, не принадлежащий лирическому субъекту («Товарищи // Вы товарищ...» [7, с. 155], «Математиматематиматематика» [7, с. 156], «Нечего // Нечего...» [7, с. 157], «Власть / Ум...» [7, с. 304], «Родина должна знать своих героев...» [7,

[с. 345\]](#), «Динамо» [\[7, с. 433\]](#)). Однако по своей функции обращение к чужому слову в обеих группах достаточно схоже. Обращаясь к традиционным мотивам и образам Пушкина, Лермонтова или Тютчева или цитируя современников, Некрасов в первую очередь подчеркивает речевую автономность собственного лирического субъекта. Особенно четко эта черта выделяет в тех текстах, где звучит не только голос лирического героя, но и чужая речь, например, в «Товарищи...». Стихотворение открывается традиционным обращением, принятым в СССР, однако после череды лексических повторов звучит реплика, имплицатура которой явно отличается от принятого приветствия: «Товарищ / Вы палач? / Вам помочь?». Паронимическая аттракция на основе фонетического сходства звуков [щ] и [ч] сближает по смыслу слова «товарищ» и «палач». Этот пример показывает характер функционирования чужого слова в поэзии Некрасова: даже если на эксплицитном уровне текста используется подчеркнута советская речь, на имплицитном уровне сохраняется принципиальная антитеза между речью лирического субъекта и чужой речью. Смысл же обращения к такой речи, судя по всему, заключается в выявлении пресуппозиций и имплицатур любого авторитарного дискурса, как например, в следующем стихотворении: «Родина должна знать своих героев / <...> / Но что родина обязана / Обязана / Родина / Обязана / Знать / Своих / Негодяев <...>». Тем не менее, подобных примеров работы с чужим словом в поэзии Некрасова 1960–1970-х гг. относительно немного. Гораздо чаще чужое слово будет использоваться Некрасовым в творчестве 1970–1980-х гг.

Если во второй половине 1960-х гг. Некрасов только начинал эксперименты с чужим словом, то в 1970–1980-е гг. таких текстов становится значительно больше. На наш взгляд, можно выделить три типа чужого слова, которые встречаются в корпусе текстов Некрасова этих десятилетий: 1) цитаты из произведений близких ему поэтов и порой художников (Я. Сатуновского, М.Е. Соковнина, Э.В. Булатова и др.); 2) цитаты из текстов, которые воспринимаются Некрасовым критически (А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной, А.А. Блока и др.); 3) официальный советский дискурс. Каждый из этих трех типов чужого слова по-своему функционирует в каждом из текстов.

В текстах Некрасова можно встретить либо цитаты из произведений тех авторов, которых сам поэт оценивал высоко, либо прямое название их имен (к их числу относятся М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, В.В. Маяковский, О.Э. Мандельштам, Я.А. Сатуновский, М.Е. Соковнин). В этих текстах чужое слово функционирует по тому же принципу, который, согласно Некрасову, свойственна лирике. Как мы отмечали в первой главе, лирика понимается Некрасова чуть более широко, чем фиксация субъектных сиюминутных впечатлений, а именно как «совпадение речи читателя и автора со всеми-всеми колебаниями и обертонами, когда прицепится, и не отвяжешься» [\[9, с. 583\]](#). То есть лирика — это такая особенность, благодаря которой текст начинает функционировать как связь между речевым опытом автора и читателя. Настоящее произведение искусства понимается и как маркировано индивидуальная речь автора, но и как вместе с тем уже речь общая, ставшая общеупотребительным фактом, частью языка. Приведем характерный пример функционирования такого типа чужого слова: «вот // что вот // воздух // Мандельштам // это он нам // надышал» [\[8, с. 217\]](#). В этом тексте цитируется известное высказывание Мандельштама о природе истинной литературы: «Поэзия — это ворованный воздух». В этом определении, с одной стороны, подчеркивается исключительная и неконформистская природа поэзии, выступающей против общепринятых (языковых, но не только) норм, а с другой стороны, делается акцент на ее жизненной необходимости, без которой буквально невозможно дышать. В своем стихотворении Некрасов подхватывает эту телесную метафору: воздух — необходимый

для всех источник жизни — оказывается в произведении пронизан дыханием Мандельштама. И даже более того — его источником оказывается дыхание Мандельштама, то есть его легкие, гортань и другие части дыхательной системы человека. Другими словами, поэзия Мандельштама, с одной стороны, имеет сугубо индивидуальную природу (дыхание человека может принадлежать только ему), а с другой стороны, оказывается растворена в общем пространстве и обладает животворной природой. Примеры подобного «врастание» индивидуального творчества в общее мировосприятие в поэзии Некрасова связаны не только с Мандельштамом, но, например, и с Сатуновским: «весным весна // сказано было / Сатуновским // полным полно весны // и какие были / смыслы Москвы // все // всплыли» [8, с. 221]. Как указывает М.А. Сухотин, вероятнее всего, речь идет об устном высказывании Сатуновского: в его письменных текстах это сочетание не встречается. Также встречается в текстах 1970–1980-х гг. и прямая цитата из творчества М.Е. Соковнина: «словом дом / домишка // в нем Соковнин / Мишка // живой живьем // еще и мы / так не можем / как там у него / там / “шевеля языком”» [8, с. 522]. Нам удалось найти только один фрагмент, где используется это выражение: в минималистичной пьесе «Считанная минута» оно является ремаркой к реплике одного из персонажей: «ЧЕТВЕРТЫЙ(шевеля языком). Девяносто восемь. (Помолчав). Сто девяносто восемь. (Еще помолчав). В периоде» [10, с. 98]. В обоих случаях для Некрасов, сохраняя и отмечая авторство Сатуновского и Соковнина, обращается к фрагментам из их текстов как к поэтическому источнику, из которого рождаются и собственные оригинальные тексты.

Ко второму тип чужого слова, который встречается в творчестве Некрасова, мы относим цитаты из произведений (а иногда и внехудожественные высказывания), к которым Некрасов относился критически. Чаще всего такого рода цитаты оказываются окружены многочисленными созвучиями, о которых мы говорили в прошлой главе: чужая речь здесь включается поэтом в фоническую систему текста и «обрастает» многочисленными созвучиями, рифмами и паронимическими аттракциями, которые не только выражают оценку поэта, но и становятся способом деконструкции.

В качестве примера можно вспомнить следующие строки Некрасова: «золотая моя Москва / голодаемая моя [На этом месте в тексте Некрасова стоит сноска, мы опускаем ее в целях экономии места. — С.М.] // слезам / не верит // чему верит / словам // чтобы всегда бы / повторял я слова // Да? // Нет. // и привет / и от Оскара Рабина // (а свои слова / я повторял да / и повторяю» [8, с. 524]. Поэт противопоставляет банальному, державно-патетическому образу из советской военной песни представление о Москве, как о городе, который страдает от голода. Кроме того, в тексте образуется важная антитеза: если лирический герой утверждает, что он «свои слова <...> повторял», то есть говорил, то о каких словах идет речь в стихах «чтобы всегда бы / повторял я слова»? Видимо, о чужих, навязанных образом из советской песни, которые и противопоставляются настоящему образу Москвы. Тем самым Некрасов деконструирует советскую идеологию, показывая искусственность образа, который вводят в свой текст М.С. Лисянский и С.И. Агранян.

Аналогичную работу с чужим словом можно видеть и в следующем тексте [8, с. 392]:

широка

страна моя родная

ах начальникам

да на такой
 широте
 при эдакой-то до-
 лготе
 это от звонка
 до звонка
 да и нам
 маленьким
 ну как не повалять дурака
 как от края
 так и до края

Стихотворение начинается со строк популярной советской патриотической песни 1930-х годов В.И. Лебедева-Кумача, в которой звучат слова: «Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек». Однако в стихотворении Некрасова воссоздаётся иная картина. Родная страна оказывается местом заключения многих людей, а строка из советской песни используется в тексте Некрасова как синекдоха официального искусства, лишённого искренности и используемого в СССР в качестве пропаганды. В своём творчестве Некрасов часто обыгрывает устоявшиеся речевые и ментальные концепты соцреализма, снимая с них характерный для мифа сакральный ореол. Описанный тип функционирования чужого слова в поэзии Некрасова является, пожалуй, наиболее схожим с общей практикой обращения московских концептуалистов, которые зачастую в своих работах обращались к советским визуальным и вербальным реди-мейдам.

Помимо текстов, в которых обыгрываются цитаты из конкретных произведений, в некрасовском поэтическом корпусе присутствуют и такие тексты, в которых «чужое слово» является частью общей советской повседневной речи, лишенной конкретного автора. Обращение к советскому дискурсу было частью многих авторов концептуалистского круга, поэтому эта особенность поэзии Некрасова часто становилась объектом анализа и трактовалась как доказательство принадлежности Некрасова к концептуализму, о чем мы писали выше. С этой справедливой оценкой можно только согласиться, однако мы позволим себе сделать небольшое уточнение, чтобы показать разницу в том, как чужая речь работает в текстах, например, Д.А. Пригова и Некрасова.

Пригов стремился «спрятаться» за литературной маской Дмитрия Александровича Пригова, нарочито искусственной фигурой, в которой сочетаются сразу несколько дискурсивных позиций. Сам Пригов рефлексировал эту творческую стратегию и называл ее «мерцательностью». В «Словаре терминов московской концептуальной школы» Пригов так определяет этот термин: «МЕРЦАТЕЛЬНОСТЬ — утвердившаяся в последние годы стратегия отстояния художника от текстов, жестов и поведения предполагает временное “влипание” его в вышеназванные язык, жесты и поведение ровно на то время, чтобы не быть полностью с ними идентифицированным, — и снова “отлетание” от них в метаточку стратегемы и не “влипание” в нее на достаточно долгое время, чтобы не быть полностью идентифицированным и с ней, — и называется “мерцательностью”. Полагание себя в

зоне между этой точкой и языком, жестом и поведением и является способом художественной манифестации “мерцательности”» [11, с. 58–59]. Определение, данное Пригов, весьма точно описывает его индивидуальную творческую практику. Лирический субъект его стихотворений стремится представить себя то Милиционером («Хочу кому-нибудь присниться / В мундире, в сапогах и в кобуре / Посланцем незапамятной Милицы / И представителем её серьёзных дел...») [12, с. 240], то героиней женского пола («Я шла Москвой, Москвой красивой...» [12, с. 202]), то обывателем («Китайцы скажем нападут / На нас войной — что будет-то!?!..») [12, с. 148], то малокультурным поэтом, прославляющим главных героев советской пропаганды: политических лидеров, генералов, героев вроде Павлика Морозова и пр. (сборник «Исторические и героические песни» [12, с. 480–499]). В основательном исследовании творческих практик Пригова М.Н. Липовецкий и И.В. Кукулин рассматривают «мерцательность» как одну из творческих тактик Пригова, реализуемую в составе более общей творческой стратегии под названием, данным самим Приговым в одном из своих стихотворных произведений — «партизанский логос». Выбирая ту или иную дискурсивную маску, Пригов тем самым ставит под вопрос саму возможность и легитимность субъектности в эпоху постмодерна и, следовательно, правомерность авторитетного и истинного высказывания о мире. Пригов настаивает не на последних, а на предпоследних истинах, то есть «сопротивляющихся универсальным и “вечным” философским и эстетическим системам» [13, с. 120], что и определяет специфику и индивидуальность его художественного мира.

Совершенно иначе функционирует чужое слово в поэзии Некрасова. Для Некрасова, в отличие от Пригова, важным оказывается авторский, личный голос, который отчётливо звучит во всем корпусе его текстов от самых ранних до самых поздних стихов: («Причина смерти / что мы жили на свете // и непосредственная / причина смерти // это что мы жили в Москве» [8, с. 509], «мои / папа и мама [На этом месте в тексте Некрасова стоит сноска, мы опускаем ее в целях экономии места. — С.М.] // Москва / трамвайная // если завтра война // и тоже жили / скажи // при папе и при маме // прибавь / при папе маме / и при Папанине» [8, с. 166], «Поровну всего / Парк Сокольники / И клуб Русакова / Метро Скольники / Депо Русакова / Улица Большая / И Малая / Остроумовская / Больница / И Медведица / И Большая / Над Сокольниками / Не так высоко / Лапу на лапу / Морду на лапу / Лапу на морду / Светится / Чего суетиться / Большой Медведь / Анна Ивановна / И маленький медведь / Анька» [8, с. 457]). Некрасов вместо со своей женой Анной Ивановной Журавлевой проживал на улице Большая Остроумовская в московском районе Сокольники. Возможно, что именно этот явный индивидуальный характер личного голоса вместе с частым упоминанием различных биографических деталей в стихотворениях определяет создает контрастную антитезу с советским дискурсом: «Родина тебе // И / ну / и гадина ты // гад ты // и вся твоя родина / твоя левая нога» [8, с. 278]. В этом примере можно говорить о двух голосах: первый явно принадлежит чужому лицу, упрекающему адресата в неуважении и не любви к родине (реплика «родина тебе», вероятно, будет продолжена словами «столько дала» или схожими). Но на оскорбление («и гадина ты») лирический субъект отвечает аналогичным оскорблением («гад ты»), где ударение ставится уже на втором слоге, за чем следует и обоснование: для субъекта чужой речи «родина» — это собственный интерес («твоя левая нога»), поэтому обвиняя лирического субъекта в непатриотизме, он подменяет понятия. Иначе работает чужая речь в следующем стихотворении: «Охохо // у нас-то хорошо // у них плохо // что у них плохо // то у нас хорошо // почему уж так // потому что // у нас / Родина // а у них что» [8, с. 284]. Здесь диалогическая структура сохраняется, однако

практически все реплики (кроме одной — «почему уж так») принадлежат субъекту чужой речи, поскольку в тексте воссоздается примитивное и полярное противопоставление своего и чужого с очевидными оценками. Причина такой оценки тоже весьма банальна: «у нас / Родина // а у них что». И хотя в этом тексте нет столь явного противопоставления двух говорящих субъектов, как в предыдущем примере, инерция, создавая остальным корпусом текстов, позволяет говорить о явном зазоре между чужой речью и речью лирической.

Нам представляется, что функция чужого слова этого типа в поэзии Некрасова иная, чем в творчестве Пригова. Воспроизводя речевые и, следовательно, культурные штампы советского, Пригов стремится деконструировать не только его образы, но и саму грамматику этого мышления. Концептуалистское творчество Некрасова, строится на иных основаниях: во-первых, на доверии слову, а во-вторых, на стремлении не разрушить, но исцелить речь. Официозная, советская речь в художественном мире Некрасова тоже клиширована и бесплодна, однако ей противопоставлена речь живая, которую и стремится найти поэт в ежедневной речевой практике. Пригов стремится к деконструкции не только языка, но и форм сознания, которые он обслуживает; Некрасов не ставит перед собой столь амбициозных задач, работая в «пространство речи». И суть этой работы, как было показано выше, достаточно далека от того тех действий, которые осуществляет Пригов своими художественными произведениями.

Итак, наш анализ показал, что функционирование чужого слова в поэзии Некрасова оказывается шире и разнообразнее, чем в творчестве московских концептуалистов и, в частности, Д.А. Пригова. Это в свою очередь позволяет нам говорить о необходимости иного подхода к поэзии Некрасова (и, возможно, к поэтическим мирам других представителей неофициальной литературы): рассмотрение творчества автора в контексте той или иной формы авторской консолидации (Лианозовской группы, московских концептуалистов и т.д.) не всегда позволяет проанализировать специфические черты поэтики. Вместо этого нам представляется более плодотворным корпусный подход к анализу творчества Некрасова. Кроме того, проведенное исследование может быть продолжено на материале поэзии Некрасова 1990–2000-х гг., что позволит выявить специфические черты его постсоветского творчества.

Библиография

1. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 2: "Проблемы творчества Достоевского", Статьи о Толстом, Записи курса лекций по истории русской литературы. М.: Русские словари, 2000. С. 5-175.
2. Адорно Т. Критика культуры и общество / Пер. В. Котлеровской // Артгид. 8 июня 2018. URL: <https://artguide.com/posts/1519> (дата актуализации 1.09.2025).
3. Янечек Дж. Теория и практика концептуализма у Всеволода Некрасова // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 196-201.
4. Janeczek G. Everything Has Already Been Written: Moscow Conceptualist Poetry and Performance. Evanston: Northwestern University Press, 2019. Pp. 33-52.
5. Скоропанова И.С. Стихи-диссиденты Всеволода Некрасова. Минск: ИВЦ Минфина, 2020. 466 с. EDN: PJTKAS.
6. Липовецкий М.Н. "Цитатный" субъект: неоакмеизм, концептуализм, пост-концептуализм // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Berlin: 2018. С. 397-414.
7. Некрасов Вс.Н. Авторский самиздат (1961–1976). М.: Совпадение, 2013. 540 с.
8. Некрасов Вс.Н. Стихи 1956–1983. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.

9. Некрасов Вс.Н. Блат // Некрасов Вс.Н., Журавлева А.И. Пакет. М.: Меридиан, 1996. С. 574-599.
10. Соковнин М.Е. Замечательные пьесы // Рассыпанный набор: избранные произведения. М.: Граффити, 1994. С. 96-102.
11. Словарь терминов московской концептуальной школы. М.: Ad Marginem, 1999. 221 с.
12. Пригов Д.А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. Москва. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 952 с.
13. Липовецкий М.Н., Кукулин И.В. Партизанский логос: Проект Дмитрия Александровича Пригова. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 704 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена практике включения чужого слова Вс. Н. Некрасовым в словесную ткань собственных произведений. Предмет исследования актуален ввиду того, что во второй половине XX века, как верно отмечено в рукописи, чужое слово стало включаться в состав лирических произведений особенно интенсивно. Автор(ы) предполагают, что «это было связано с общими для послевоенной Европы культурными тенденциям, ставившими под вопрос саму возможность и релевантность прямого поэтического высказывания». Также не меньший исследовательский интерес представляет само творчество Всеволода Николаевича Некрасова (1934–2009), одного из самых заметных представителей второго русского авангарда и основателей «московского концептуализма».

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные различным аспектам поэтики Всеволода Некрасова и др. Конечно, автор(ы) обращаются к труду «Проблемы творчества Достоевского» Михаила Михайловича Бахтина, известного русский философа, языковеда, литературоведа, который ввел в научный оборот термин «чужое слово». Библиография составляет 13 источников, в т. ч. литературные, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями («Такие исследователи, как, например, Дж. Янечек [3], И.С. Скоропанова [4], М.Ю. Берг [5] и М.Н. Липовецкий [6] рассматривают Некрасова как автора, принадлежащего к концептуалистскому кругу (что само по себе абсолютно верно и не вызывает никаких сомнений), а потому видят в обращении Некрасова к чужой речи черту такой коллективной идентичности, как московский концептуализм» и пр.). Обращаем внимание, что автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, сравнительно-сопоставительный и статистический методы; методы дискурсивного и интертекстуального анализа. Эмпирической базой послужил корпус произведений Некрасова, представленный в двух посмертных изданиях: сборниками «Авторский самиздат (1961–1976)» и «Стихи 1956–1983».

В ходе исследования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: проанализированы особенности включения чужого слова и функции, которые играет данное явление в произведениях Некрасова; проведено сравнение с творчеством Д. А.

Пригова, одного из главных концептуалистов. Сформулированы обоснованные выводы о том, что «функционирование чужого слова в поэзии Некрасова оказывается шире и разнообразнее, чем в творчестве московских концептуалистов», что позволяет говорить «о необходимости иного подхода к поэзии Некрасова (и, возможно, к поэтическим мирам других представителей неофициальной литературы): рассмотрение творчества автора в контексте той или иной формы авторской консолидации (Лианозовской группы, московских концептуалистов и т. д.) не всегда позволяет проанализировать специфические черты поэтики» и др.

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность, так как способствуют развитию концепции «чужое слово», теории интертекстуальности, лингвистики текста и функциональной стилистики, и могут быть использованы при разработке курсов по теории языка, стилистике, теории литературы, интерпретации текста др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

Inner speech as one of the aspects of poetry by V. S. Nekrasov

Saprykin Mikhail Evgen'evich

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

29A Oktyabrsky ave., Troitsk, Troitskiy District, Moscow, 108840, Russia

✉ mikhail2909@gmail.com

Abstract. The subject of the article is a particular feature of the poetics of the unofficial poet V. N. Nekrasov, namely the similarity of the syntactic structure of the text to inner speech. The article analyzes the differences between how inner speech functions in the poetry of Y. A. Satunovsky, whose creative discoveries Nekrasov was influenced by, and in Nekrasov's own poetry: while Satunovsky's poetry maintains a completed character of syntax, the structure of Nekrasov's poems lacks wholeness, as the main text of the works consists of numerous discursive markers and deictic units. It seems that the use of these linguistic units as a primary part of a work of art is common in Russian concretism, which aimed to abandon the "poetized word" and focused on everyday speech as poetic. The methodology of the study is based on linguopoetics: first, the article notes a characteristic feature of inner speech in the structure of Nekrasov's poetic works, such as the frequent use of discursive markers and deictic units, and then attempts an analysis of their functioning in the text. The main conclusions of the conducted research indicate that through text graphics, various phonetic techniques, and other methods, the poet creates a particular composition in his works, where the semantic emphasis is placed on the last line. Meanwhile, the main part of the artistic work may consist of discursive markers or deictic units. However, unlike everyday discourse, where these linguistic units ensure the success of the communicative act, in Nekrasov's creativity, they, along with other artistic techniques, perform the function of defamiliarization, which underlies every artistic act. Thus, discursive markers and deictic units both reveal their own creative potential and actualize inner speech as a source of poetic expression, which appears to be a distinctive feature of Nekrasov's poetry.

Keywords: Lianozovo group, unofficial literature, deictic units, discursive markers, inner speech, linguopoetics, Yan Satunovsky, Vsevolod Nekrasov, concrete poetry, graphics

References (transliterated)

1. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech'. L.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934. 324 s.
2. Grois B.E. Poeziya, kul'tura i smert' v gorode Moskva / Grois B.E. Rannie teksty. M.: Ad Marginem Press, 2017. S. 107-125.
3. Bibler V.S. Poetika Vs. Nekrasova. // Zamysly: v 2 kn. M.: RGGU, 2002. Kn. 2. S. 985-1001.
4. Kulakov V.G. Neskol'ko slov ob osobykh zaslugakh: Rech' o Vsevolode Nekrasove // Premiya Andrey Belogo. 2007–2008. Al'manakh. № 2. S. 147-149.
5. Nekrasov Vs.N. Stikhi 1956–1983. Vologda: Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, 2012. 591 s.
6. Nekrasov Vs.N. Iz interv'yuu V.G. Kulakovu // "Zhivem slovom": Vsevolod Nekrasov v

pis'makh i vospominaniyakh / sost. i otv. red. G.V. Zykova, E.N. Penskaya. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2022. S. 56-125.

7. Korchagin K.M. "Konstrikom, no s novolefovskim uklonom". Yan Satunovskii i evolyutsiya konstruktivistskoi poetiki // Lianozovskaya shkola: mezhdubarachnoi poeziei i russkim konkretizmom. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. S. 547-571.
8. Satunovskii Ya. Stikhi i proza k stikham. M.: Virtual'naya galereya, 2012. 816 s.
9. Pavlovets M.G. "Lianozovskaya shkola" i "konkretnaya poeziya" // Lianozovskaya shkola: mezhdubarachnoi poeziei i russkim konkretizmom. M.: Novoe lit. obozrenie, 2021. S. 32-59.
10. Sokolova O.V., Zakharkiv E.V. Pragmatika i poetika: poeticheskii diskurs v novykh media. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. 327 s.
11. Orlitskii B.Yu. Vizual'nyi komponent v sovremennoi russkoi poezii // Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 16. S. 181-192; EDN: QWNSAX.
12. Pavlovets M.G. "Nulevye" i "pustotnye" teksty v russkoi poezii: ot "istoricheskogo avangarda" k nepodtsenzurnoi poezii vtoroi poloviny XX veka // Sto let russkogo avangarda. M.: NITs "Moskovskaya Konservatoriya", 2013. S. 375-384.
13. Grois B.E. O pol'ze teorii dlya iskusstva // Literaturnaya gazeta. 1990. № 44. S. 5.

Media Image of the Republic of Tatarstan in Post-Soviet Russia: The Factor of Polycentrism

Vasilova Diana Anvarovna

Lecturer; Higher School of Journalism and Media Communications; Kazan (Volga Region) Federal University
Deputy Head; Republican Agency for Press and Mass Communications Tatmedia

420061, Russia, Rep. Tatarstan, Kazan, Sovetsky district, Razvedchik Akhmerova str., 9-86

✉ vasilova18@gmail.com

Abstract. One of the indicators of state information policy in the media sphere is the manifestation of polycentricity at the regional level. The post-Soviet period of media space development offers a wide field for research, as differences in agenda formation and its evaluations are particularly evident at federal and regional levels. Based on the analysis of the media image of the region according to the established criteria, conclusions can be drawn about the influence of polycentricity on state information policy at both federal and regional levels. The study analyzes television materials from federal and regional broadcasts and establishes criteria for analyzing the media image, such as the theme of the image, the relevance of the image (its correspondence with reality), the function of the image, and the methodology for creating the image (in textual or audiovisual format). The research has practical implications, and its methodology can be further used to study the media image of the region, as well as to analyze the transformation of state information policy of the state or a specific region.

The study specifically examines the post-Soviet period in the history of media sphere development. Significant limitations arise from the lack of a structured video archive of materials from the chosen period. The research employs a method of selective content analysis of television materials from federal and regional channels from 1990 to 1998. The novelty of the study lies in the developed methodology for analyzing television materials concerning the factor of polycentricity. Polycentricity is considered in the article as a component of the state policy complex in the field of television. Currently, there are few

studies examining polycentricity as part of state policy in the media.

The analysis of the positioning of the Republic of Tatarstan in federal television broadcasts during the post-Soviet period identified three main periods of change in the factor of polycentricity, along with their important characteristics. For example, the years 1990–1994 were marked by the emergence of critical materials on central television channels. The main semantics of messages focused on the alleged separatist activities of the republic.

The data from the analysis have been presented in a comparative table for clarity and evaluation of major media topics during the specified periods, which reveals the specifics of coverage of media topics in the regional television broadcast of the Republic of Tatarstan and in the federal broadcast of nationwide channels.

Keywords: History of regional media, History of the media, Factors of information policy, Polycentrism, Media image of the region, Regional television, Television, Regulation of the media sector, Media sphere, State information policy

References (transliterated)

1. Fisher N. L. Mediaobraz i izmeneniya v yazyke na osnove izmenenii putei peredachi informatsii // Mediaobraz regiona v sovremennoi massovoi kommunikatsii. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 15-28.
2. Vazhenina I. S. Imidzh i brend regiona: sushchnost' i osobennosti formirovaniya // Ekonomika regiona. 2008. № 1. S. 52. EDN: JWVUAH.
3. Khlyzova A. A. Analiz audiovizual'nykh obrazov, reprezentiruemykh televideniem // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2012. № 4. S. 85-92. EDN: PUZOOB.
4. Bogdan E. N. Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2007. № 4. S. 122. EDN: ICDAKV.
5. Vartanova E. L., Dunas D. V. Rossiya. Sredstva massovoi informatsii. Mediapolitika [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://bigenc.ru/c/rossiia-sredstva-massovoi-informatsii-mediapolitika-fe2351>.
6. Vasil'eva Yu. A. Formirovanie gosudarstvennoi regional'noi informatsionnoi politiki v Respublike Tatarstan: avtoreferat dis. kandidata polit. nauk / Kazanskii gos. universitet. Kazan', 2005. S. 15-18. EDN: NJSZXV.
7. Galinskaya T. N. Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoi lingvistike // Vestnik OGU. 2013. № 11. S. 91-94. EDN: RSXGRN.
8. Danilov A. A. Gosudarstvennaya politika v oblasti regional'nogo televeshchaniya v 1990-kh godakh – nachale XXI veka // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2009. № 1. S. 39-46. EDN: KDYIXL.
9. Dautova R. V. Vlast' i regional'nye SMI: istoriya vzaimootnoshenii (period "khrushchevskoi ottepeli" v respublikakh Povolzh'ya i Priural'ya): monografiya. Kazan': Yunikom, 2019. 346 s.
10. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI. M.: MGU, 2008. S. 43-47. EDN: QTPFSV.
11. Dracheva Yu. N., Il'ina E. N. Vvedenie // Mediaobraz regiona v sovremennoi massovoi kommunikatsii: monografiya. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2021. 329 s.
12. Evdokimov V. A. Massmedia kak sfera primeneniya politicheskikh tekhnologii: ucheb.

- posobie. M.: INFRA-M, 2018. 356 s. EDN: YOPVOR. DOI: 10.12737/textbook_59d230b58e4868.44153905.
13. Potschka C., Golding P. The Structural Developments of Regional Television in Britain and Germany. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. S. 443-448.
  14. Vukanovich Z. (ed.) Television and Digital Media in the 21st Century: New Business, Economic and Technological Paradigms. Montenegro: Media Art Service International, 2009. S. 113-114.
  15. Quandt S., Calließ J. (eds.) Die Regionalisierung der historisch-politischen Kultur: Nahwelt und Geschichte im Rundfunk [Regionalisation of the Political Culture and Broadcasting History]. Giessen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1984. 187 s.
  16. Nisnevich Yu. A. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika Rossii segodnya i zavtra // Informatsionnoe obshchestvo. 1999. Vyp. 2. S. 4-9. EDN: HRNSGN.
  17. Resnyanskaya L. SMI i politika: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2007. 254 s.
  18. Fatykhova M. Kh. Redaktsiya propagandy Kazanskoi studii televideniya kak element sovetskoi ideologii // Nauchnye vedomosti BelGU: Seriya Gumanitarnye nauki. 2015. № 24 (221). Vypusk 28. S. 118-122.
  19. Tsybul'skii I., Shaidullina N. Mintimer Shaimiev. M.: Izd-vo AO "Molodaya gvardiya", 2016. 591 s.
  20. Shcherbina V. V. Sotsial'nye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformatsiya sodержaniya, sovremennoe sostoyanie // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 7. S. 113-124. EDN: SMHNTF.

Video Games as a Tool for Shaping Political Perception in the Digital Era

Li Yukai

Postgraduate student; Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications; St. Petersburg State University

199004, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 1-ya.O., 26

✉ lyk485772815@gmail.com

Abstract. Modern video games, due to their interactive nature and high level of immersion, have become more than just a form of entertainment. They constitute a complex medium that reflects and transforms political and philosophical ideas, modeling social conflicts and testing the boundaries of individual freedom. This paper explores video games as platforms of political socialization, analyzing their role in shaping worldviews, collective identity, and ideological norms under conditions of digitalization. The research focuses on key philosophical and political themes presented in digital games—such as free will, moral choice, identity, and power—and investigates how narrative structures, gameplay mechanics, and online communities contribute to the reproduction or transformation of political values. Particular attention is paid to case studies of popular and narratively complex projects, including *Cyberpunk 2077*, *Metro: Exodus*, *Counter-Strike 2*, *Assassin's Creed: Unity*, and *Battlefield 1*. Methodologically, the study employs qualitative content analysis and case analysis, drawing on political philosophy, social theory, and philosophy of technology. The novelty of this research lies in its comprehensive approach, combining theoretical reflection with empirical analysis of specific game projects, in order to evaluate the potential of video games as instruments of cultural diplomacy, soft power, and ideological influence. The results indicate

that video games increasingly act as laboratories of digital experience, where values are tested, social roles are reproduced, and interaction with authority is modeled. Thus, video games should be regarded not only as cultural artifacts but also as active mechanisms of political socialization in the digital era.

Keywords: Ideological influence, Social constructs, Political communication, Digital era, Political perception, Media identity, Political socialization, Soft power, Interactive media, Video games

References (transliterated)

1. Sereso-Pisarro M., Revuel'ta-Domingues F., Gerra-Antekera Kh., Melo-Sanches Kh. Kul'turnoe vozdeistvie videoigr: sistematicheskii obzor literatury // Education Sciences. 2023. T. 13. № 11. S. 1116. DOI: 10.3390/educsci13111116.
2. Bogost I. Ritorika videoigr // The Ecology of Games: Connecting Youth, Games, and Learning / red. K. Seilen. Kembriđzh, Massachusetts: MIT Press, 2008. S. 117-140. URL: <https://se4n.org/papers/bogost-rhetoric.pdf>
3. Chzhou V. Igra: arkhimedova tochka filosofskikh issledovaniy // Akademicheskie issledovaniya. 2011. № 7. S. 32-37.
4. Elliot A., Kapell M. V. Sozdanie proshlogo, kotoroe "vystoit ispytanie vremenem": obnaruzhenie istoricheskikh faktov, postroenie istoricheskikh narrativov // Igraya s proshlym: tsifrovye igry i simulyatsiya istorii / pod red. A. B. R. Elliotta, M. V. Kapella. N'yu-Iork; London: Bloomsbury, 2013. S. 1-30.
5. Chernyi S. Yu. Konstruirovaniye proshlogo v videoigrakh: igrok kak potrebitel' i soavtor istoricheskogo narrativa (proekt "Europa Universalis IV") // Shagi/Steps. 2017. № 2.
6. Ni Shan'chuan', Tsai Chzhun. Elektronnye videoigry kak mekhanizm kul'turnoi identichnosti: filosofskaya interpretatsiya na osnove kul'turnoi germeneytiki Dona Ide // Tszyankhuai luntan. 2024. № 3. S. 140-146. DOI: 10.16064/j.cnki.cn34-1003/g0.2024.03.016.
7. Aarset E. Computer Game Studies, Year One // Game Studies. 2001. T. 1, № 1. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.gamestudies.org/0101/editorial.html>
8. Mok. Poluperevod-obzor: chitatel'skie zametki po knige "Filosofiya videoigr" [Elektronnyi resurs] // GCORES // 22.07.2022. URL: <https://www.gcores.com/articles/153926>
9. Chatfild T. Osobyie trudnosti, osobyie vozmozhnosti // Rannyaya modernost' i videoigry / pod red. T. Vinnerlinga, F. Kershbaumera. N'yukasl-apon-Tain: Cambridge Scholars Publishing, 2014. S. xxi-xxiii.
10. Newzoo Global Games Market Report (Free Version) [Elektronnyi resurs]. Amsterdam: Newzoo, 2024. PDF. URL: https://best-of-gaming.be/wp-content/uploads/2024/09/2024_Newzoo_Global_Games_Market_Report.pdf
11. Beisman M. Mirovoi rynek videoigr: otsenki vyruchki i prognozy na 2024 g. // Newzoo (blog) [Elektronnyi resurs]. 13.08.2024. URL: <https://newzoo.com/resources/blog/global-games-market-revenue-estimates-and-forecasts-in-2024>
12. U I. Filosofskoe issledovanie komp'yuternykh igr i ikh dizaina: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filosofskikh nauk // Yugo-Vostochnyi universitet. – Nankin: Yugo-Vostochnyi universitet, 2019. – 248 s.
13. Syue Sh., Van Yuisyuan'. Kak videoigry sposobstvuyut filosofskim issledovaniyam // Issledovaniya po estestvennoi dialektike. 2022. № 12. S. 30-37. DOI:

- 10.19484/j.cnki.1000-8934.2022.12.018.
14. Aarset E. Kibertekst: perspektivy ergodicheskoi literatury. Baltimor: Johns Hopkins University Press, 1997. 216 s.
  15. Myurrei Dzh. "Gamlet" na golodeke: budushchee povestvovaniya v kiberprostranstve. Kembridzh, Massachusetts: MIT Press, 1997. 324 s.
  16. "Cyberpunk 2077". Ofitsial'nyi sait [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.cyberpunk.net/us/zh-cn/cyberpunk-2077>
  17. -C1-1T053 (blog). Nachinaya s igry "Cyberpunk 2077", issleduem problemy postcheloveka i romanticheskogo bunta [Elektronnyi resurs] // GCORES. URL: <https://www.gcores.com/articles/133662>
  18. Upravlenie delami budushchego (blog). Ispol'zuya zametki ob'emom 20 000 ieroglifov, razberemsiya v pyati klyuchevykh filosofskikh voprosakh, postavlennykh videoigroi "Cyberpunk 2077" // GCORES. URL: <https://www.gcores.com/articles/132812>
  19. Parker L. V "Cyberpunk 2077" net edinoi shkaly morali – i eto osoznannoe reshenie [Elektronnyi resurs] // GamesRadar+. 04.09.2019. URL: <https://www.gamesradar.com/cyberpunk-2077-no-morality/>
  20. Beili D. Sistema morali v "Cyberpunk 2077": chto izvestno [Elektronnyi resurs] // PCGamesN. 28.06.2019. URL: <https://www.pcgamesn.com/cyberpunk-2077/morality-system>
  21. Reddit-tred: Does this game have meaningful choice? // r/cyberpunkgame. 2021. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.reddit.com/r/cyberpunkgame/comments/qa65yf/does_this_game_have_meaningful_choice/
  22. Gilbert B. "Cyberpunk 2077" zarabotala ne menee \$480 mln do reliza – a zatem vozglavila charty Steam i Twitch [Elektronnyi resurs] // Business Insider. 10.12.2020. URL: <https://www.businessinsider.com/cyberpunk-2077-earned-480-million-before-release-2020-12>
  23. SteamDB. Most Followed Games – SteamDB. [Elektronnyi resurs] URL: <https://steamdb.info/stats/mostfollowed/>
  24. StreamsCharts. Cyberpunk 2077 – release statistics (live). [Elektronnyi resurs] URL: <https://streamscharts.com/news/live-cyberpunk-2077-release-statistics>
  25. PCGamesN. Cyberpunk 2077 – rekord odnovremennykh igrokov v Steam. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.pcgamesn.com/cyberpunk-2077/steam-player-count>
  26. Metro Wiki (Fandom). Moral Points. [Elektronnyi resurs] URL: https://metrovideogame.fandom.com/wiki/Moral_Points
  27. Reddit-tred: What if you eliminate an enemy as they surrender? // r/metro_exodus. 2024. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.reddit.com/r/metro_exodus/comments/1g4wli1/what_if_you_eliminate_an_enemy_as_they_surrender/
  28. Steam Community. Metro Exodus – obshchie sovety po "khoroshei" kontsovke (diskussiya). [Elektronnyi resurs] URL: <https://steamcommunity.com/app/412020/discussions/0/3109143313949997105/>
  29. Reddit-tred: About getting good endings for regions in Exodus // r/metro. 2023. [Elektronnyi resurs] URL: https://www.reddit.com/r/metro/comments/1agri3d/about_getting_good_endings_for_regions_in_exodus
  30. Steam Community. [Obsuzhdenie pravil morali v Metro Exodus]. [Elektronnyi resurs]

- URL: <https://steamcommunity.com/app/412020/discussions/0/598533015389407796/>
31. Reddit-tred: Got the bad ending in Volga without killing // r/metro. 2021. [Elektronnyi resurs] URL:
https://www.reddit.com/r/metro/comments/lp7xi3/got_the_bad_ending_in_volga_without_killing
  32. SteamDB. Metro Exodus – Charts. [Elektronnyi resurs] URL:
<https://steamdb.info/app/412020/charts/>
  33. SteamCharts. Metro Exodus – Concurrent Players. [Elektronnyi resurs] URL:
<https://steamcharts.com/app/412020>
  34. Khuan Minfen. Narratologiya i ludologiya: debaty v zapadnykh issledovaniyakh tsifrovyykh igr v nachale XXI v. // Zhurnal Nankinskogo universiteta pochy i telekommunikatsii (Sotsial'nye nauki). 2011. T. 13. № 1. S. 8-15.
  35. Belyatskaya E. V. Diskurs i vlast' v kontseptsii M. Fuko: tochki peresecheniya [Elektronnyi resurs] // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki. 2022. № 13.
  36. SteamDB. Steam – Concurrent Users (AppID 753). 16.03.2025 – pik 41 239 880. [Elektronnyi resurs] URL: <https://steamdb.info/app/753/charts/>
  37. Reddit-tred: What's with the severe lack of comms? // r/cs2. 2023. [Elektronnyi resurs] URL:
https://www.reddit.com/r/cs2/comments/18ghapx/whats_with_the_severe_lack_of_comms/
  38. Reddit-tred: Players without mic shouldn't be able to queue for Premier // r/GlobalOffensive. 2024. [Elektronnyi resurs] URL:
https://www.reddit.com/r/GlobalOffensive/comments/1iq2kyl/players_without_mic_shouldnt_be_able_to_queue_for
  39. Reddit-tred: Toxicity in literally every single match is ... // r/cs2. 2024. [Elektronnyi resurs] URL:
https://www.reddit.com/r/cs2/comments/1b8tpj0/toxicity_in_literally_every_single_match_is/
  40. Reddit-tred: A lot of my teammates seem to have mic issues... // r/GlobalOffensive. 2023. [Elektronnyi resurs] URL:
https://www.reddit.com/r/GlobalOffensive/comments/178ym51/a_lot_of_my_teammates_seem_to_have_mic_issues
  41. Steam Community. The in-game voice chat should be only way people can talk (diskussiya). [Elektronnyi resurs] URL:
<https://steamcommunity.com/app/730/discussions/0/7342617747185416774/>
  42. YouTube. BLAST Premier – voice comms (listen-in) [Elektronnyi resurs]. URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=y7bTlr8tBSw>
  43. Rutkovskaya M. V. Filosofiya igry: ot istoricheskikh modulusov k matematike // Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva. 2011. № 2.
  44. "Assassin's Creed: Unity". Ofitsial'naya stranitsa v Steam. [Elektronnyi resurs] URL:
https://store.steampowered.com/app/289650/Assassins_Creed_Unity/
  45. Ubisoft. Supporting Notre-Dame de Paris (novost'). 2019. [Elektronnyi resurs] URL:
<https://news.ubisoft.com/enus/article/2Hh4JLkK1GJIMEg0Ik3Lfy/supporting-notredame-de-paris>
  46. The Guardian. Assassin's Creed creators pledge €500 000 to Notre-Dame restoration. 17.04.2019. [Elektronnyi resurs] URL:
<https://www.theguardian.com/games/2019/apr/17/assassins-creed-creators-pledge->

500000-notre-dame-restoration

47. "Battlefield 1". Ofitsial'nyi sait EA. [Elektronnyi resurs] URL:
<https://www.ea.com/games/battlefield/battlefield-1>
48. Otzyvy igrokov o "Battlefield 1" (KNR) // Zhihu. [Elektronnyi resurs]. URL:
<https://www.zhihu.com/question/316154081/answer/2725732577>
49. Iorgensen K. Igrovaya politika i politicheskaya igra: kontseptualizatsiya videoigr kak politicheskoi areny // Abstract Proceedings of DiGRA 2022 Conference: "Bringing Worlds Together 2022". Tampere: Digital Games Research Association (DiGRA), 2022. DOI:
 10.26503/dl.v2022i1.1312.
50. Gomes-Garsiya S., de la Era T. Igry kak politicheskie aktory v tsifrovoi zhurnalistike // Media and Communication. 2023. T. 11. № 2. S. 278-290. DOI:
 10.17645/mac.v11i2.6515.

Structural types of noun adaptation in Kyrgyz-Russian code-switching.

Altynbekova Begaiym

independent researcher

10/2 Mklukho-Maklaya str., Moscow, Russia

✉ altynbek0810@gmail.com

Abstract. This article examines Kyrgyz-Russian code-switching, which is a natural and regular process in situations of language contact. The object of the study is the cases of code-switching in the comments of bilingual Kyrgyz speakers about the series. The subject of the research is the structural types of adaptation of Russian nouns during Kyrgyz-Russian code-switching. Within this study, the concept of code-switching is considered in a broad sense, encompassing insertions that need to be distinguished from borrowings. The article also touches upon concepts related to code-switching: code-mixing and interference, and highlights different approaches to studying code-switching: sociolinguistic, psycholinguistic, and linguistic. To identify the structural features of Russian language insertions within the Kyrgyz morphosyntactic framework, a linguistic approach to studying Kyrgyz-Russian code-switching was applied. The method of structural analysis was used. In the analysis of insertions, K. Myers-Scotton's approach was employed, which classifies insertions into proper insertions, bare forms, pidginized insertions, and islands of the guest language. The scientific novelty of the work lies in the analysis of the degree of adaptation of insertions expressed by Russian nouns in the Kyrgyz morphosyntactic framework. During the material analysis, it was found that nouns are the most amenable to grammatical adaptation since this part of speech has corresponding grammatical categories (case and number) in both languages, allowing for the seamless integration of Russian insertions into the receiving Kyrgyz language. Based on the research material, it was established that insertions represented by nouns can undergo limited, incomplete, and full adaptation in the matrix Kyrgyz language. It was also found that the introduction of types of insertions: bare forms, pidginized insertions, and insertions in the morphosyntactic framework—are formal strategies for incorporating a code-switching unit into the matrix language. These strategies are related to the mechanisms for adapting the code-switching unit to the structure of the matrix language.

Keywords: morphosyntactic frame, nouns, insertions, guest language, matrix language, code-switching, Russian language, Kyrgyz language, bilingualism, affix of the Kyrgyz language

References (transliterated)

1. Sputnik Kyrgyzstan [Novostnoi sait Sputnik Kyrgyzstan]: [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20230929/uroven-znaniya-kyrgyzskogo-russkogo-yazykov-regionah-kr-1079010702.html> (data obrashcheniya: 23.08.2025).
2. Mikhal'chenko V. Yu. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. – M.: INFRA-M, 2006. – 312 s. EDN: RVZDGH.
3. Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Strukturnye tipy vnutrifrazovykh pereklyuchenii kodov v rechi trekhletnikh bilingval'nykh detei // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 6 (93). – S. 160-171. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-6-93-14 EDN: IBPAIN.
4. Papinova Zh. B. Lingvostrukturnye kharakteristiki pereklyucheniya kodov v spontannoi rechi buryat-bilingvov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – Vyp. 6. – S. 75-80. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-6-75-80 EDN: ZTHOLD.
5. Myers-Scotton C. Duelling languages: grammatical structure in code-switching. – Oxford: Clarendon Press, 1997. – 286 p.
6. Thomason S. Language contact: an introduction. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2001. – 312 p.
7. Treffers-Daller J. Mixing two languages: French-Dutch contact in a comparative perspective. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
8. Milroy L. One speaker, two languages: cross-disciplinary perspectives on codeswitching. – New York, 1995. – 365 p.
9. Myers-Scotton C. Duelling languages: grammatical structure in code-switching. – Oxford: Clarendon Press, 1993a. – 304 p.
10. Shcherba L. V. O ponyatii smesheniya yazykov // Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. – L.: Nauka, 1974. – 427 s.
11. Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika: Uchebnik dlya vuzov. – M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. – 315 s.
12. Khaugen E. Yazykovoi kontakt // Novoe v lingvistike. Vyp. 6. – M., 1972. – S. 61-80.
13. Vinogradov V. A. Interferentsiya / V. A. Vinogradov // Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. V. N. Yartsevoi. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. – 197 s.
14. Protsenko E. A. Problema pereklyucheniya kodov v zarubezhnoi lingvistike // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2004. – № 1. – S. 123-127. EDN: PIJLBF.
15. Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 342 p.
16. Abduldaev E. A. i dr. Grammatika kirgizskogo literaturnogo yazyka. Chast' 1. Fonetika i morfologiya. – Frunze: Ilim, 1987. – 399 s.

Transformation of headlines in online media under the influence of content distribution channels

Maksimova Al'bina

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication;
Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov

Abstract. Modern journalism is undergoing a profound transformation driven primarily by the development of contemporary technologies for content creation (artificial intelligence) and distribution (social networks, messengers). This change affects not only the content of journalistic creativity but also the forms of media products. We are witnessing the emergence of a new genre system in the media that demonstrates a shift in traditional approaches to creating text elements. The subject of the study is the headline as a component of journalistic material. Today, headlines are created not only to attract the reader's attention and to accumulate important content or ideas of the text but also considering the technical characteristics of content distribution on the Internet. The article examines the influence of content distribution channels on headline construction to capture another relatively new condition when formulating headlines in Internet media. The empirical basis of the study includes the regional and city internet agencies Ura.ru and "Verstov.Info". The headlines of texts from these media were analyzed using qualitative content analysis. As a result of the research, the author concludes that the role of the headline becomes especially pronounced in the context of unprecedented competition for readers' attention. In an attempt to attract the audience's attention, media outlets transform the semantics, syntax, and formatting of headlines. In the realm of semantics, we observe a rigid, sometimes borderline linguistic play with the use of buzzwords such as sensation, exclusive, scandal, etc. In terms of layout, compound tag-like headlines, "ears," and headline complexes with illustrations (for example, the author's photo) are actively used. Online publications, when formulating headlines, must consider the influence of content distribution channels. The latter largely dictate the formulations of headlines in online media, sometimes contrary to professional standards. In formulating headlines, there is an overall trend of attracting and retaining audience attention. At the same time, there is a tendency towards formalization: headlines are often artificially adjusted to fit the structure necessary for successful content distribution, which carries certain risks – standardization of content in online media, departure from traditional principles of headlines such as informativeness and succinctness, and a conscious allowance for factual inaccuracies and the effect of disappointed expectations for the reader.

Keywords: news agenda, text, mass media, headline, audience, news aggregator, seo, content distribution, online media, journalism

References (transliterated)

1. Mil'chin, E. Izdatel'skii slovar'-spravochnik [Elektronnyi resurs] / E. Mil'chin. – URL: https://publishing_dictionary.academic.ru/193/Zagolovok (data obrashcheniya: 25.03.2025).
2. Van Dijk, T. A. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
3. Man'kova, L. A. Lingvisticheskaya tipologiya gazetnykh zagolovkov (90-e gody XX veka): Dis. ... kand. filol. nauk / L. A. Man'kova. – Simferopol', 2000. – 192 s. – EDN: NLPQEF.
4. Surnin, D. Gazetnyi zagolovok: struktura i sodержanie [Elektronnyi resurs] / D. Surnin. – URL: <https://jmlst.ru/2018/07/13/7407/> (data obrashcheniya: 25.03.2025).
5. Ifantidou, E. Newspaper headlines and relevance: Ad hoc concepts in ad hoc contexts. Journal of Pragmatics, 2009, 41, 699-720.
6. Kononova, T. L. Ispol'zovanie pretsedentnykh fenomenov v zagolovkakh SMI / T. L.

- Kononova // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2021. – № 3(42). – S. 110-116. – EDN IEZYYG.
7. Mousoulidou, M.; Taxitari, L.; Christodoulou, A. Social Media News Headlines and Their Influence on Well-Being: Emotional States, Emotion Regulation, and Resilience. *Eur. J. Investig. Health Psychol. Educ.*, 2024, 14, 1647-1665. – DOI: <https://doi.org/10.3390/ejihpe14060109>. – EDN: JALXGG.
  8. Bedrichova, L. Headlines and Sub Headlines in Newspaper Reporting: MA thesis. Masaryk University, 2006.
  9. Kostomarov, V. G. Iz nablyudenii nad yazykom gazety: gazetnye zagolovki / V. G. Kostomarov // Iz opyta prepodavaniya russkogo yazyka nerusskim. – M.: Mysl', 1965. – 241 s. – EDN: ALKBXE.
  10. Ishchenko, D. S. Bazovye printsipy sozdaniya zagolovkov dlya setevykh SMI / D. S. Ishchenko // Kazanskaya nauka. – 2023. – № 8. – S. 122-125. – EDN SWBWZM.
  11. Komanda Magnitogorskogo metkombinata edet v Sochi na sorevnovaniya po mnogobor'yu GTO // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/sports/komanda-magnitogorskogo-metkombinata-edet-v-sochi-na-sorevnovaniya-po-mnogoboryu-gto> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  12. Praktiki aktivnogo dolgoletiya ot magnitogorskogo metkombinata otmetili na natsional'nom urovne // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/praktiki-aktivnogo-dolgoletiya-ot-magnitogorskogo-metkombinata-otmetili-na-natsionalnom-urovne> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  13. Na magnitogorskom metkombinate rasskazali ob ekonomicheskom effekte v 1,2 mlrd rublei // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/na-magnitogorskom-metkombinate-rasskazali-ob-ekonomicheskom-effekte-v-1-2-mlrd-rublei> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  14. Innovatsii v deistvii: v magnitogorskom vuze poyavilas' novaya sovremennaya laboratoriya // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/innovatsii-v-deystvii-v-mgtu-poyavilas-novaya-sovremennaya-laboratoriya> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  15. Sotrudnitsu magnitogorskogo vuza osudili i zapretili ei prepodavat' – ona pisala kursovye svoim studentam // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/sotrudnitsu-magnitogorskogo-vuza-osudili-i-zapretili-ey-prepodavat-ona-pisala-kursovye-svoim-student> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  16. V zapovednike pod Magnitogorskom uzhe poyavilis' pervotsvety // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/v-zapovednike-pod-magnitogorskom-uzhe-poyavilis-pervotsvety> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  17. Posle vzryva gaza v chelyabinskom poselke vzbudili ugovnoe delo // Ura.ru [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ura.news/news/1052909021> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  18. Sverdlovchan zovut rabotat' svarshchikami za 300 tysyach v mesyats: podborka vakansii. Skrin // Ura.ru [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ura.news/news/1052913704> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
  19. V Chelyabinskoi oblasti iz-za utechki gaza proizoshel vzryv v magazine. Video // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/criminal/v-chelyabinskoy-oblasti-iz-za-utechki-gaza-proizoshel-vzryv-v-magazine-video> (data obrashcheniya: 01.06.2025).

20. Volodchenko, O. N.; Shelkovenko, Yu. V. Vliyanie poiskovykh sistem na formirovaniye povestki dnya informagentstvami / O. N. Volodchenko, Yu. V. Shelkovenko // Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya. – 2017. – № 1. – S. 9-12. – EDN WOIYNE.
21. Sinoptiki rasskazali, kogda v Chelyabinsk i Magnitogorsk pridet vesna. Screenshot // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/sinoptiki-rasskazali-kogda-v-chelyabinsk-i-magnitogorsk-pridet-vesna-skrin> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
22. V merii Magnitogorska rasskazali, skol'ko derev'ev i kustarnika vysadili za god // Verstov.Info [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.verstov.info/news/society/v-merii-magnitogorska-rasskazali-skolko-derevev-i-kustarnika-posadili-za-god> (data obrashcheniya: 01.06.2025).
23. Lutovinova, O. V. Manipulyativnye priemy v klikbeitnykh zagolovkakh internet-SMI / O. V. Lutovinova // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – 2023. – № 2. – S. 55-69. – DOI 10.29025/2079-6021-2023-2-55-69. – EDN SINMLU.

The representation of revolution in V. Lavrov's novel "Gallows and Money, or The Mistake of Azef"

Zhang Shicong

Postgraduate student; Faculty of Philology, St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199406, Russia.

 aidazh@126.com

Abstract. The subject of this study is the representation of socialist-revolutionary figures in Valentin Lavrov's novel "The Gallows and Money, or Azef's Mistake." Despite the designation of the genre as a detective story, the author seeks to ensure the plausibility of reproducing the past in order to establish an unusual interpretation of the image of the greatest revolutionary traitor in the history of the Russian Empire – Evno Azef – in the readers' consciousness. In this article, the text of the novel is compared with possible documentary sources that the author relied on when portraying the images of revolutionaries such as Y. F. Azef and S. V. Balmashov. Correspondences and differences between the artistic representation of these figures and the real historical figures are indicated. The techniques used by Lavrov in the process of creating his own narrative about the revolutionary underground in imperial Russia are identified. The main methods of research in this article are the comparative-historical method and the historical-genetic method. The novelty of this research is due to the fact that the specifics of the representation of the revolutionary movement in contemporary historical fiction remains underexplored, which typically plays a significant role in shaping and fixing social and historical consciousness. At the same time, Lavrov's artistic work, despite its popularity, has hardly fallen into the sights of researchers. The author of the article argues that theatricality represents one of the main categories of the poetics of Lavrov's novel. In the historical space of the novel, revolutionaries appear as actors playing predetermined roles in accordance with widely spread mythologized notions of heroism and martyrdom of revolutionaries. In constructing the novel, the writer often deviates from the genre convention of the detective. In the image of the main character, a conditional investigator of crimes, contradictory components coexist. From the above, it follows that Lavrov's novel exemplifies the blurring of the boundary between mass and "high" literature.

Keywords: historical-genetic method, theatricalization, historical fiction, depiction of the

revolution, S. V. Balmashev, Evno Azef, detective, the scaffold and money, Valentin Lavrov, comparative-historical method

References (transliterated)

1. Lobin A. M. Belletrizatsiya istorii kak metod reprezentatsii istorii v russkoi literature XXI veka // Gramota. 2017. № 12 (78). S. 32-35.
2. Grinkevich E. V. Stereotipnost' tekstov sovremennoi massovoi literatury // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2023. № 1 (113). S. 103-107. DOI: 10.18522/2072-0181-2023-113-103-107 EDN: INZDQZ.
3. Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa. M.: Intrada, 1998. 256 s. EDN: IEPFRG.
4. Lavrov V. V. Eshafot i den'gi, ili Oshibka Azefa. M.: Tsentrpoligraf, 2020. 571 s.
5. Geifman A. Entangled in terror: the Azef affair and the Russian Revolution. Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 2000. 247 p.
6. Chernov V. M. Pered burei. Vospominaniya. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1993. 408 c.
7. Pamyati S. V. Balmasheva. Zheneva: izd. i tip. Partii sotsialistov-revolutsionerov, 1902. 40 s.
8. Polyakova E. A. Teatral'nost' v literature. URL: <https://sciup.org/teatralnost-v-literature-14914132> (data obrashcheniya: 18.09.2025).
9. Legg O. O. Teatral'nost' kak tip khudozhestvennogo mirovospriyatiya v angliiskoi literature XIX–XX vv. (na primere romanov U. Tekkereya "Yarmarka tshcheslaviya", O. Uail'da "Portret Dorian Greya", S. Moema "Teatr": dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03. Sankt-Peterburg: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena, 2004. 170 s. EDN: NNABKH.
10. Kak sdelat' detektiv / per. s angl., frants., nem., isp. Poslesl. G. Andzhaparidze. M.: Raduga, 1990. 320 s.
11. Iz istorii partii S.-R. // Novyi zhurnal. 1970. № 101. S. 172-197.
12. Za kulisami okhrannogo otdeleniya: S dnevnikom provokatora, pis'mami okhrannikov, tain. instruktsiyami / Sost. A. B. Berlin: H. Carspari, 1910. 348 s.

Unreliable Narration in M.Yu. Lermontov's Novel "A Hero of Our Time"

Smolenskaya Mariya Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Literature, Journalism and Teaching Methods; Samara State Socio-Pedagogical University

47 Lva Tolstogo str., Samara, Samara region, 443010, Russia

✉ pema96@mail.ru

Abstract. The subject of the article is the functioning of unreliable narrators in M.Y. Lermontov's novel "The Hero of Our Time". The article analyzes the discourses of three narrators: Maxim Maksimych, who is unable to interpret the motives of Pechorin's actions and is therefore limited in narrative possibilities, and two unreliable narrators— the wandering author and Pechorin. The key research method was the narratological analysis as a kind of discourse analysis. The scientific novelty consists in identifying the different ethos of the novel's narrators: if the wandering narrator is distinguished by the ethos of wanting to realize himself as the author of the text, Pechorin by the ethos of wanting to gain self—identity, then the ethos of the implicit author becomes the ethos of conscience. The itinerant officer and

Pechorin are distinguished by the modality of opinion, which makes them unreliable narrators, whereas the comprehension of a man of his time becomes the modality of the entire text. Based on the narratological analysis, it has been revealed that in the novel "The Hero of Our Time" there is a multi-stage aesthetic completion: Pechorin creates a diary (epistolary prose), which is fundamentally incomplete, however, on the pages of the text we see a rejection of the author's ambitions in the chapter "Maxim Maksimych", the wandering author selects from his diary the events related to the staying of the hero in the Caucasus, participating in the act of narration, and the primary narrator writes a preface to the entire novel, metatextually evaluating his hero ("portrait, made up of the vices of a generation"). During the analysis of the discourses and ethos of unreliable narrators of the novel "Hero of Our Time", it was found that in using the figure of an unreliable narrator, Lermontov follows the traditions of Pushkin's prose, in particular the discoveries he made in "The Stories of the Late Ivan Petrovich Belkin": multilevel narrative organization, contradictory discourses of unreliable narrators, probabilistic worldview.

Keywords: worldview, ethos, modality, communicative event, referential event, discourse, unreliable narrator, narrator, implicit author, Lermontov's prose

References (transliterated)

1. Shmid, V. Narratologiya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. 304 s. EDN: SUQJGP.
2. Tyupa, V.I. Gorizonty istoricheskoi narratologii. SPb: Aleteiya, 2021. 270 s. EDN: FJYCEO.
3. Booth, W.C. The Rhetoric of Fiction. Chicago: The University of Chicago Press, 1968. p. 158-159.
4. Nünning, A. "But why will you say that I am mad?" On the Theory, History, and Signals of Unreliable Narration in British Fiction // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1997. Bd. 22. P. 83-105.
5. Moiseeva, E.Yu. Nenadezhnyi narrator // Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar' / pod red. V.I. Tyupy. M.: Editus, 2022. S. 87-91. EDN: EOWHES.
6. Tyupa, V.I. Bakhtin i narratologiya // Literaturovedcheskii zhurnal. 2021. № 4(54). S. 120-133. DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.07 EDN: BNIIDD.
7. Bakhtin, M.M. Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 504 s. EDN: WTJALN.
8. Vinogradov, V.V. Izbrannye trudy. Yazyk i stil' russkikh pisatelei. Ot Karamzina do Gogolya. M.: Nauka, 1990. 388 s.
9. Drozda, M. Povestvovatel'naya struktura "Geroya nashego vremeni" // Wiener Slawistischer Almanach. 1985. Bd. XV. S. 5-34.
10. Tyupa, V.I. Narratologiya i etika // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura. 2022. № 19 (1). S. 29-44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102 EDN: UNLZXB.
11. Tyupa, V.I. Etos rasskazyvaniya // Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar' / pod red. V.I. Tyupy. M.: Editus, 2022. S. 291-294. EDN: VIUXMG.
12. Lermontov, M.Yu. Geroi nashego vremeni // Lermontov, M.Yu. Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. T. 4. Proza. Pis'ma. L.: Nauka, 1981. S. 183-314.
13. Krivonos, V.Sh. Pustoty v narrativnoi strukture "Geroya nashego vremeni" M.Yu. Lermontova // Narratorium. 2012. № 4. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html>

id=2628910.

14. Ranchin, A.M. Ironicheskie paradoksy v "Geroe nashego vremeni" // Literaturovedcheskii zhurnal. 2023. № 2(60). С. 130-147. DOI: 10.31249/litzhur/2023.60.07 EDN: NTIFZN.
15. Tyupa, V.I. Analiz khudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii. 3-e izd., ster. M.: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2009. 336 s. EDN: QTXIYT.
16. Abramovskikh, E.V. "Vozmozhnyi" syuzhet v proizvedeniyakh non-finito: retseptivnyi aspekt // Novyi filologicheskii vestnik. 2006. № 3. S. 206-210. EDN: JTSGHI.
17. Tyupa, V.I. Teoriya literatury: Uchebnik. M.: RGGU, 2024. 254 s.
18. Lotman, Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M.: Iskusstvo, 1970. 384 s.
19. Tyupa, V.I. Kartina mira narrativnaya // Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar' / pod red. V.I. Tyupy. M.: Editus, 2022. S. 287-291. EDN: APXJGQ.

Phonetic features of the Old Romanian language of the 16th-17th centuries (Codex Neagoeanus, 1620)

Merkulov Gleb Vasil'evich

Postgraduate student; Faculty of Philology; Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Ramenki district, ter. Leninskie Gory, 1, p. 51

✉ glebmerkulov@mail.ru

Abstract. This article describes the phonetic features of the Romanian language in the 16th–17th centuries, using the Codex Neagoeanus manuscript as an example. The subject of the study is a comprehensive phonetic analysis of the manuscript "Codex Neagoeanus" (ms. rom. 3821, Library of the Romanian Academy), dating back to the early 17th century (1620). This codex is a collection of religious and folk texts (cărți populare), characteristic of Romanian culture in the 16th–17th centuries, including translations of a folk novel, a didactic treatise, a short version of the nomocanon, and a work of astrological literature. The study focuses on a systematic description and classification of archaic and variable phonetic features of the Romanian language, recorded in the codex texts, in comparison with both the modern norm and the phenomena of the 16th–17th centuries. The primary research method was a comprehensive phonetic analysis aimed at identifying and classifying characteristic archaic and innovative elements in the phonetic system of the written monument. Paleographic analysis methods were also employed. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first detailed and systematic linguistic analysis of the Codex Neagoeanus, introducing new factual material into scientific circulation. The study revealed that the most unstable system of unstressed and stressed vocalizations in the phonetic system of the manuscript under study is the system of unstressed and stressed vocalizations. This is especially true for [e], [u], and [o], as these sounds are associated with the greatest number of deviations from the norm: for example, of the five cases of assimilation we recorded, four are in some way related to transitions from / to [e] and [u]. Furthermore, the most frequent phonetic phenomena are also associated with these vowels: for example, the instability of the diphthong [oa], its interchangeability with the vowel [o], is preserved throughout the manuscript. However, the main feature of vocalism in CN texts should be considered the mixture of linguistic features of both northern and southern regions. For example, a typically northern feature—the preservation of the unstressed [a] – coexists in the manuscript with a feature of the southern

regions—the instability of the diphthong [oa]. Phenomena related to the consonant system are rather occasional in nature.

Keywords: linguistic variation, diachronic analysis, paleography, folk books, manuscript, Romanian Cyrillic script, Romanian phonetics, Codex Neagoeanus, Romanian studies, Old Romanian language

References (transliterated)

1. Grosu M. *Istoria Literaturii Române (Epoca veche și școala ardeleană)*. București: Litografia și Tipografia Învățământului, 1958.
2. Chivu G. *Codex Sturdzanus, Studiu filologic, studiu lingvistic, editie de text si indice de cuvinte*. București: Editură Academiei Române, 1993.
3. Mareș A. *Datarea Codicelui Voronețean // Limbă Română*. 1982. Vol. 31, № 1. s. 41-50.
4. Teodorescu M., Gheție I. *Manuscrisul de la Ieud*. București: Editura Academiei RSR, 1977.
5. Chekunova A. E. *Russkoe kirillichesкое pis'mo XI–XVIII vv. Uchebnoe posobie*. M., 2010.
6. Ghetie I. *Unde s-au tradus si unde s-au copiat textele din Codex Neagoeanus // Limba Română*. 1973. Vol. 22. № 6. P. 545-560.
7. Ionascu A. "Alexăndria", or the first instance of monsters in romanian culture // *Journal of Romanian Literary Studies*. 2019. № 17. P. 939-944.
8. Onlajn-katalog BAR "Aleph", "ms.rom. 3821". URL: http://aleph23.biblacad.ro:8991/F/A68JRYCBMHLQN75KVHM3L9E2A7GT9GL8QF7LGUHTSL9ILYRVBK-01204?func=full-set-set&set_number=013858&set_entry=000006&format=999
9. Rosetti A. *Istoria Limbii Române*. București: Editura Științifică și Enciclopedică, 1986.

Lubok story about Cavalry Maiden by Kukel

Puriaeua Nadezhda Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of the Institute of Russian Language and Culture; Lomonosov Moscow State University

24/35 Krzhizhanovskogo str., building 1, Moscow, 117218, Russia.

✉ nadia_np@mail.ru

Abstract. The object of the research is a popular fiction about N.A. Durova, which has served as the basis for more than 15 works of fiction since the 1870s. This gives reason to talk about a relatively stable plot about a cavalry girl. The subject of the study is a little-known short story by Kukel (V.A. Lunin's literary pseudonym) "The Cavalry Girl" (1898). The article outlines the specifics of the works of fiction: the design features and the secondary nature of the plots used. The lubochnik writers used spiritual literature, folklore, and works of art as plot sources. The purpose of this article is to determine which elements of the "Durov" plot are reproduced by the author, how he interprets the plot, and how this work fits into a number of other texts dedicated to Durova. The research methodology is related to the use of the descriptive method, the cultural-historical method, as well as intertextual analysis. The main conclusions of the study are as follows: Lunin uses key episodes of Durova's story, however, not only

changes the essence of the plot, but also compiles elements of different plots; the author rethinks the key themes of patriotism and emancipation for the original source (Durova's notes), making patriarchal family values the basis of the action movement; the work balances reality and fabulousness: against the background of although and from a conventional but easily recognizable historical context (the war of 1812), a completely fabulous story about an orphan rescuing a groom develops.; The method of adapting the original plot used by the author is a remake. Thus, Lunin's work is a remake of the plot about Durova, simplified to the reader's level and focused on the idea of an active heroine.

Keywords: active heroine, stable plot, belles-lettres, remake, Viktor Lunin, mass literature, Kukel, lubok literature, cavalry girl, Nadezhda Durova

References (transliterated)

1. Reitblat A.I. Glup li "Glupyi milord"? // *Lubochnaya kniga. Podgot. teksta, sost., vstup. stat'ya, komment. A. Reitblata. M., 1990. S. 5-20.*
2. Prugavin A.S. Zaprotsy naroda i obyazannosti intelligentsii v oblasti prosveshcheniya i vospitaniya. 2-e izd., znach. dop. SPb., 1895. 547 s.
3. Reitblat A.I. Chitatel' lubochnoi literatury. // *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 5. L., 1990. S. 125-137. EDN: DHVRPQ*
4. Puryaeva N.N. Nadezhda Durova: mif o kavalerist-devitse // *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. 2018. № 3. S. 224-233.*
5. Reitblat A.I., Lunin V.A. // *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. T. 3. M., 1994. S. 414-415.*
6. Boi kuptsa Kalashnikova s oprichnikom Kiribeevichem: Rasskaz Kukelya, zaimstv. iz stikhotvoreniya Lermontova. M., 1898. 35 s.
7. Nikita Romanovich, knyaz' Serebryanyi: Povest' Rybakova. M., 1899. 216 s.
8. Tainstvennyi monakh: Ist. roman iz vremen tsarstvovaniya Petra I: V 2 ch. / Zaimstv. iz soch. R. M. Zotova, izd. 1836 g. Kukelem [psevd.]. M., 1899. 216 s.
9. Strel'tsy: Roman iz vremen Petra Velikogo: V 2 ch. / V.A.L. M., 1902. 192 s.
10. Kavalerist-devitsa: Rasskaz Kukelya. M., 1898. 36 s.
11. Arpent'eva M.R. Remeik kak syuzhetnaya rekonstruktsiya // *Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2016. № 2. S. 9-17. EDN: XROBBX*
12. Puryaeva N.N. Remeik syuzheta o Parashe Oupololvoi v povesti E.A. Saliasa "Vanya" // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2023. T. 29. № 3. S. 36-41. DOI: 10.15826/izv1.2023.29.3.045 EDN: KGURVK*

The specifics of the representation of Islamic movements in modern media: between religious content and political agenda.

Amirgamzaev Gtinmagomed Magomedovich

Postgraduate Student; Institute of Public Administration and Management; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

367911, Russia, Rep. Dagestan, Makhachkala, Leninsky district, NowyKhushet village, Ali Aliyev str., 9

✉ amirgamzaev_g98@mail.ru

Gamzaev Rasul Gamzatovich

Director; Professional Spiritual Islamic Educational Religious Organization 'Muhammad Yaragsky Madrasah'
Postgraduate student; Institute of Public Administration and Management; Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

368670, Russia, Rep. Dagestan, Dagestan Lights, Mkhail Ivanovich Kalinin ave., 104

✉ Rasul-gamzaev@rambler.ru

Abstract. The subject of the research is the media communication analysis of representations of various branches of Islam – Sunni, Salafism, Kharijism, Shiism, and Islamic modernism – in the contemporary Russian and international media. The work focuses on how the media and digital platforms shape stable symbolic images of Islamic trends, often relying on binary oppositions such as "traditional / radical," "moderate / extremist," and "acceptable / threatening." The analysis centers on both correct and distorted interpretations of theological content that arise from the blending of concepts and a lack of theological expertise in the media. Examples are analyzed from secular, religious, and analytical sources, including Russian Islamic websites, Western news resources, and social media publications. This discursive mixing dilutes fundamental doctrinal and historical differences among these traditions, leading the audience to have a distorted perception of their theological nature and relationships within the Islamic ummah. The study views the media not only as conveyors of information but also as active constructors of religious images that shape public perception of Islam. The methodological framework includes an author's adaptation of discourse analysis, a media semiotic approach, comparative analysis, and content analysis. These methods have been applied to study textual, visual, and symbolic codes in the media and digital platforms, revealing the characteristics of framing Islamic trends in the political and informational context. The scientific novelty of the research lies in the development of a typology of media representations of Islamic movements, taking into account political-ideological contexts, clarifying the status of Sufism as an object of media interpretation, and differentiating the concepts of "Sunni," "Salafism," and "Kharijism." The importance of distinguishing between orthodox Sunni Islam and Kharijism is particularly emphasized, as they are often conflated in media discourse, leading to a distortion of the theological picture of Islam. A comprehensive media communication analysis is proposed for the first time, combining religious studies and political-semiotic approaches. The findings of the study show that the media not only transmit religious themes but also construct images of Islamic movements, often distorting their dogmatic content, which contributes to the politicization of religious discourse. The necessity of media literacy and theological expertise for the correct interpretation of Islamic teachings in the public space is emphasized.

Keywords: Shiism, Islamic modernism, Sufism, Wahhabism, Salafism, Kharijism, Sunnism, Islam, Wilayat al-Faqih, politicization of religion.

References (transliterated)

1. Abu Abdullakh ibn Yazid ibn Madzha. Sunan ibn Madzhi / pod red. Shuaiba al'-Arnauta. – 1-e izd. – Beirut: ar-risalya al'-alyamiiya, 2009. – 1 t. – 526 s.
2. Abu Abdullakh al'-Khakim. Mustadrak alya-sakhikhein. – Beirut: kutub al'-il'miiya, 1990. – 200 s.
3. Ibn Khadzhar al'-Khaitami. Al'-Fatava al'-Khadisiya. – Stambul: Markaz dzhailyanii lil'-bukhus al'-il'miiya va tab' va nashr, 664 s.
4. Abdul'vakhkhab ibn Takiyuddin as-Subki. Tabakatash-Shafiiya al'-kubra. – Izdatel'stvo: Ikh'yau kutub al'-arabiyati, 3 t. – 616 s.

5. Akhmad ibn Mukhammad as-Savi. Khashiyat al'-allyamati as-Savi alya sharkh kharida al'-bakhiiya. – 1-e izd. – Damask: Ad-Dakkak, 2019. – 528 s.
6. As-Safarini Mukhammad ibn Akhmad. Lyavami' al'-anvar al'-bakhiiya va savati' al'-asarar al'-atiiya. – 2-e izd. – Damask, 1982. – T. 1. – 478 s.
7. Guseinov A. Islamskaya revolyutsiya: vyzov ili al'ternativa? [Elektronnyi resurs] // Nezavisimaya gazeta. – 17.12.2024. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2024-12-17/11_586_revolution.html (data obrashcheniya: 29.07.2025).
8. Terroristicheskaya deyatel'nost' "Islamskogo gosudarstva Iraka i Levanta" v YugoZapadnoi Azii // Spravochnik. – 27.02.2023. – URL: https://spravochnik.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/terroristicheskaya_deyatelnost_i_slamskogo_gosudarstva_iraka_i_levanta_v_yugo-zapadnoy_azii/ (data obrashcheniya: 05.08.2025).
9. Shakhidov Sh. Sufizm – ne al'ternativa, a yadro traditsionnogo islama // Lenta.ru. – 17.05.2016. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/17/shahidov/> (data obrashcheniya: 27.07.2025).
10. Mirzakarim Norbekov. O religii i nravstvennosti // Litlife.club. – URL: <https://litlife.club/books/236397/read?page=6> (data obrashcheniya: 27.07.2025).
11. Salyakhutdinov A. Sufizm v Rossii kak deistvennaya al'ternativa psevdoreligioznomu ekstremizmu // Materik. – 2022. – URL: <https://materik.ru/analitika/sufizm-v-rossii-kak-deystvennaya-alte/> (data obrashcheniya: 28.07.2025).
12. Dukhovnoe upravlenie musul'man RT. Uchastie muftiya Tatarstana v sessii Soveta ulemov RF [Elektronnyi resurs] – URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_13441.html (data obrashcheniya: 29.07.2025).
13. Radzhabov R. A. Osnovnye konfessional'nye protivorechiya mezhdru sufizmom i vakhkhabizmom // Zhurnal Islam v sovremennom mire. – 2009. – № 2. – S. 107-115.
14. Bilalov M. I. Ontologicheskie i gnoseologicheskie razlichiya sufizma i salafizma // Islamovedenie. – 2015. – № 1. – S. 61-68. – EDN: TSEANZ.
15. Sufizm kak dukhovnaya traditsiya v islame [Elektronnyi resurs] // IslamDag.ru. – URL: <https://islamdag.ru/verouchenie/22475> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
16. Magomedov Kh. Sufizm – eto serdtse islama [Elektronnyi resurs] // Muftiyat Respubliki Dagestan. – URL: <https://muftiyatrd.ru/content/h-magomedov-sufizm-eto-serdce-islama> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
17. Entsiklopedicheskii slovar'. – M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1991. – 544 s.
18. Suyargulov R. R. Vvedenie v "istoriyu mazkhabov". Musul'manskies mazkhaby i techeniya: uchebnoe posobie. – Ufa: Izd-vo "Vostochnaya pechat'", 2021. – 106 s.
19. Abdurrahman ibn Mukhammad ibn Kasim an-Nedzhdi. Ad-Duraru s-saniya fi-l'adzhviba an-nadzhdiya. – 10 t. – 553 s.
20. Verkhovnyi muftii Sirii: IGIL sozdali Saudovskaya Araviya i Zapad [Elektronnyi resurs] // RBK. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6863d61b9a794700cb318ad1> (data obrashcheniya: 29.07.2025).
21. Rossiya i islamskii mir: vyzovy i priority [Elektronnyi resurs] // RBK. – 24.03.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2024/65ff17d79a7947673e6e7b9d> (data obrashcheniya: 29.07.2025).
22. Prints Mukhamed ne skryvaet: Saudity sozdali IGIL [Elektronnyi resurs] // Rambler/Novosti. – URL: <https://news.rambler.ru/other/39534315-prints-muhammed-ne-skryvaet-saudity-sozdali-igil/> (data obrashcheniya: 29.07.2025).

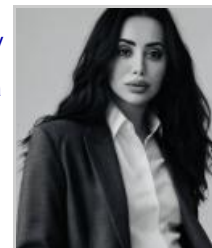
23. Silant'ev R. Fizicheskoe vozdeistvie – luchshee sredstvo v bor'be s vakhkhabizmom [Elektronnyi resurs] // Tsar'grad. – URL: https://tsargrad.tv/articles/roman-silantev-fizicheskoe-vozdjestvie-luchshee-sredstvo-v-borbe-s-vahhabizmom_4186 (data obrashcheniya: 29.07.2025).
24. Salafizm – bol'shaya ugroza edinstvu musul'manskoi ummy // Muftyat.kz. – 08.09.2023. – URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/sermons/2023-09-08/42790-salafizm-bolshaia-ugroza-edinstvu-musulmanskoj-ummy/> (data obrashcheniya: 28.07.2025).
25. Islam i vyzovy sovremennosti // Islam.ru. – URL: <https://islam.ru/content/analitics/30145> (data obrashcheniya: 28.07.2025).
26. Kak verbuyut v IGIL: media-imperiya, professional'nyi piar i onlain-prisyagi terroristov (opyt Kazakhstana) [Elektronnyi resurs] // ATK. – URL: <http://atk26.ru/novosti/113-17052017> (data obrashcheniya: 03.07.2025).
27. Al'bo Taslikh Mokhammed Imad Kadim. Propagandistskaya deyatel'nost' IGIL i metody bor'by s nei // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. – 2022. – T. 2, № 2. – S. 110-121. – S. 114.
28. Muhammad 'Abduh: Leading 19th Century Modernist Reformer. – 27.10.2022. – URL: <https://muslimskeptic.com/2022/10/27/muhammad-abduh-reformer/> (data obrashcheniya: 25.06.2025).
29. Nesostoyavsheesya obnovenie: pochemu zabyli dzhadidizm? [Elektronnyi resurs] // IslamNews.ru. – 13.05.2020. – URL: <https://islamnews.ru/2020/5/13/nesostoyavsheesya-obnovenie-pochemu-zabyli-dzhadidizm> (data obrashcheniya: 30.07.2025).
30. Daudov R.Kh. Mesto i rol' traditsionalizma i modernizma v islamskoi ontologii // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 11-3. S. 684-689; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35585> (data obrashcheniya: 28.07.2025). EDN: STJGRP
31. Cherevkov O. S. Islamskii modernizm v Rossii: zarozhdenie, osobennosti i vozmozhnye perspektivy dal'neishego razvitiya // Rossiya i musul'manskii mir. – 2021. – № 2. – S. 5-17. – DOI: 10.31249/rimm/2021.02.01. – EDN: QXDCIW.
32. Islamskii modernizm i postmodernizm: k voprosu ob interpretatsii traditsii // Darulfikr.ru. – URL: <https://darulfikr.ru/articles/islamskij-modernizm-i-postmodernizm/> (data obrashcheniya: 28.07.2025).
33. Iran: An Islamic experiment // BBC News. – 2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/talking_point/special/islam/3112846.stm (data obrashcheniya: 28.07.2025).
34. Imam Khomeini's legacy a viable model of Islamic governance // PressTV. – 04.06.2023. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2023/06/04/704693/Imam-Khomeinis-legacy-a-viable-model-of-Islamic-governance> (data obrashcheniya: 28.07.2025).

Globalization and Media Dependency: The Relationship Between Francophone African Countries and Foreign Media (2019-2024)

Associate Professor; Department of Mass Communications; RUDN University

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ bulgarova-ba@rudn.ru

Seychelle Melainne Feudjio Zambou

Graduate student; Mass Communications Department; RUDN University named after P. Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ maryamfeudjio@yandex.com

Yurova Yuliya Vitaliyevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Institute of the Russian Language; RUDN University named after P. Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ yurova-yuv@rudn.ru

Shabaeva Irina Yurjevna

Teacher of Further education ; Institute of the Russian Language; RUDN University named after P. Lumumba

6 Mklukho-Maklaya str., Obruchevsky district, Moscow, 117198, Russia

✉ shabaeva-iyu@rudn.ru

Abstract. The subject of the study is the analysis of the media landscape and the media dependence of francophone African countries on foreign media (2019–2024). The authors of the article consider the impact of the globalization process on the strengthening of neocolonial systems in the media space, including the dominance of French media such as RFI, France 24 and TV5Monde, and their direct role in shaping political discourse, public opinion and cultural identity. The article also analyzes the attempts of francophone African countries to overcome media dependence through citizen journalism and digital technologies. Through the lens of media dependence theory, this study examines how economic pressures, limited public investment, and gaps in technological infrastructure are forcing French-speaking African countries to depend on external sources for both content and infrastructure. Examples from Mali, Niger, and Cameroon illustrate the deepening conflict between the desire for media independence and the practical realities of globalization. Efforts to develop independent local media face challenges such as censorship, insufficient funding, political instability, and lack of professional training. Meanwhile, foreign media continue to benefit from their long-standing influence and technological advantages. The article uses a qualitative interpretative method based on the synthesis of theories of media addiction, postcolonial communication theory and globalization studies to analyze the interaction between French-speaking African countries – Mali, Niger and Cameroon - and international media in the period from 2019 to 2024. The scientific novelty of this study is due to several factors: the current period of sampling research material (2019–2024), since the authors of the article for the first time analyze in detail the latest political changes in the countries under consideration (the ban on French media, the issue of media sovereignty, coups in Niger, Mali); a comprehensive theoretical approach (digital research, postcolonialism and media dependence for research on modern challenges); a look at alternative models (foreign influence, consideration of the potential of digital platforms and citizen journalism); consideration of regional specifics through the prism

of different media policy trajectories. The relevance of the article is determined by cultural sovereignty (the dominance of Francophone content and the threat of the disappearance of local languages); the political context (changing geopolitical trajectories and the growth of anti-French sentiments); technological challenges (the contradictory role of digital platforms).

Keywords: influence, sovereignty, local, imperialism, globalization, colonial, Africa, francophone, dependency, media

References (transliterated)

1. Khakett R. A., Chzhao Yu. Demokratizatsiya global'nykh SMI. SShA: Rowman & Littlefield, 2005. 248 s.
2. Burgo L. M. Sredstva massovoi informatsii v stranakh Afriki k yugu ot Sakhary. Indiana: Izdatel'stvo universiteta Indiany, 1995. 320 s.
3. Tussu D. K. Mezhdunarodnaya kommunikatsiya: preemstvennost' i izmeneniya. 2-e izd. London: Obrazovanie Khoddera, 2006. 317 s.
4. Tomaselli K. G., Dann Kh. (red.). SMI, demokratiya i obnovenie v Yuzhnoi Afrike. Keiptaun: Antropress, 2001. 318 s.
5. Vasserman Kh. Populyarnye SMI, demokratiya i razvitie v Afrike. N'yu-Iork: Rutledzh, 2011. 304 s.
6. Eko L. Novye media i starye rezhimy: tematicheskie issledovaniya v oblasti sravnitel'nogo prava i politiki v oblasti kommunikatsii. Leksington: Lexington Books, 2012. 492 s.
7. Frer M.-S. Media i konflikty v Tsentral'noi Afrike // African Affairs. 2007. T. 106, № 423. S. 207-226.
8. N'yamndzho F. B. Afrikanskii SMI: demokratiya i politika prinalozhnosti // Zhurnal afrikanskikh kul'turnykh issledovaniy. 2005. T. 17, № 1. S. 101-118.
9. Tudesk A.-Dzh. Rol' SMI v protsesse demokratizatsii vo frankoyazychnoi Afrike // Obzor afrikanskikh SMI. 1999. T. 13, № 1. S. 1-15.
10. Mano U. Populyarnaya muzyka kak zhurnalistika v Zimbabve // Issledovaniya v oblasti zhurnalistiki. 2007. № 8 (1). S. 61-78.
11. Burdon Zh. Zavisimost' ot SMI i globalizatsiya: na primere frankoyazychnoi Afriki // Global'nye SMI i kommunikatsii. 2003. T. 9, № 2. S. 123-140.
12. Banda F. Grazhdanskaya zhurnalistika i demokratiya v Afrike: predvaritel'noe issledovanie // Obzor Nordicom. 2009. T. 30, № 1. DOI: 10.1515/nor-2017-0181. S. 133-147.
13. Mabvizara Kh. M. Tsifrovyye tekhnologii i razvitie otdela novostey v Afrike: na puti k epistemologii afrikanskoy tsifrovoy zhurnalistiki // Tsifrovaya zhurnalistika. 2015. T. 3, № 1. DOI: 10.1080/21670811.2014.927986. S. 68-84.
14. Notias T. Dostup predostavlennyy: Besplatnyye osnovy Facebook v Afrike // Media, kul'tura i obshchestvo. 2020. T. 42, № 3. DOI: 10.1177/0163443719853501. S. 329-348.
15. Ogun'emi O. Predstaviteli "Boko Kharam": diskursy mestnykh i global'nykh SMI o terrorizme // Issledovaniya v oblasti afrikanskoy zhurnalistiki. 2017. T. 38, № 3. DOI: 10.1080/23743670.2017.1387976. S. 1-18.
16. Sk'erdal T. S. Vozrozhdenie zhurnalistiki razvitiya: primer Efiopii // Ekvid Novi: Issledovaniya afrikanskoy zhurnalistiki. 2012. T. 33, № 3. DOI: 10.1080/02560054.2012.759727. S. 58-74.
17. VILLEMS U. Za predelami platformennogo kolonializma: afrikanskaya auditoriya i

- global'naya tsifrovaya publichnaya sfera // Teoriya kommunikatsii. 2014. T. 24, № 4. DOI: 10.1111/comt.12044. S. 366-383.
18. Zigler D., Asante R. Afroglobal'nye SMI i postkolonial'naya otvetstvennost' // Zhurnal afrikanskikh issledovaniy SMI. 2018. T. 10, № 2. DOI: 10.1386/jams.10.2.167_1. S. 167-182.
  19. Moio D. Grazhdanskaya zhurnalistika i parallel'nyi rynek informatsii na vyborakh v Zimbabve v 2008 godu // Issledovaniya v oblasti zhurnalistiki. 2009. T. 10, № 4. DOI: 10.1080/14616700902797291. S. 551-567.
  20. Olorunisola A. A. SMI v Yuzhnoi Afrike: mezhdunarodnyy i mestnyy // Vestnik: Mezhdunarodnyi zhurnal kommunikatsionnykh issledovaniy. 2002. № 64 (3). DOI: 10.1177/0016549202064003004.
  21. Chakravarti P., Roi S. Vosstanovlenie plyuralizma SMI: na puti k novym formam sravnitel'nykh issledovaniy SMI v postkolonial'nom mire // Mezhdunarodnyi zhurnal kommunikatsii. 2013. T. 7. DOI: 10.1111/ijoc.1942. S. 112-134.
  22. Mezhdunarodnaya amnistiya. Zapadnaya Afrika: Svoboda vyrazheniya mnenii nakhoditsya pod ugrozoi v usloviyakh rastushchikh repressii. London: Peter Benenson House, 2023. 412 s.
  23. Floribert Patrik K. Endong. Ispol'zovanie panafrikanizma dlya bor'by s frantsuzskim neokolonializmom vo frankoyazychnoi Afrike: issledovanie audiovizual'nykh SMI i intelligentsii Kameruna // Aziatskii zhurnal media i kommunikatsii. 2022. T. 6, № 1. S. 97-120.
  24. Greguar Anani. Mezhdunarodnye politicheskie perevoroty vo frankoyazychnykh stranakh: prichiny, posledstviya i mezhdunarodnaya reaktsiya v afrikanskikh stranakh // Afrikanskii zhurnal politicheskoi nauki i mezhdunarodnykh otnosheniy. 2023. T. 17, № 4. DOI: 10.5897/AJPSIR2023.1456. S. 54-64.
  25. Shilina M. G., Baz'e I., Dzhamiu M. M., Volkova I. I., Moreva A. N. Media Afriki v novoi real'nosti: ot mediatsii k mediatizatsii v kontekste afrikologii // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2024. T. 29, № 2. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212. S. 201-212.

Discursive strategies of digital activism in the context of media-political transformations

Shchetinina Daria Aleksandrovna

Assistant Professor; Faculty of Social Technologies and Data Economics; St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruевич
Postgraduate student; Institute 'Higher School of Journalism and Mass Communications'; St. Petersburg State University

22 Bolshhevikov Ave., building 1, room 331/1, Saint Petersburg, Russia, 193232

✉ shetinina.da@sut.ru

Abstract. The modern media landscape is undergoing significant changes due to the increasing regulatory framework in the digital environment, highlighting the need for a thorough study of forms of civic response in the context of digital transformation. The subject of this research is digital activism – a specific form of civic communication manifested in social networks and digital media. The work aims to identify the speech strategies through which users and media actors interpret regulatory initiatives in the field of media regulation. Special attention is given to sustainable frames and speech strategies that shape collective meanings and reflect public perception of changes in the media-political space of Russia. The study also

explores the role of digital platforms as spaces for the emergence of new forms of civic subjectivity and interaction between the state and society in the digital age. The methodological foundation of the research is based on a combination of content analysis and discourse analysis of user publications in social media and digital media, as well as secondary analysis of the dynamics of search queries on key information agendas. The conducted research has revealed key features of digital activism in the context of the transformation of media policy in Russia. Sustainable frames for interpreting regulatory initiatives have been identified: "information security," "total control," "rational dissent," "civic responsibility" – each of which is realized through various discursive strategies: ironic distancing, expert criticism, mobilizing calls, and pragmatic arguments. The analysis of the case of the "sovereign internet" law demonstrated the evolution of discourse from rational discussions to more polarized and emotionally charged positions. It was found that regulatory changes stimulate the activation of digital citizenship and form new forms of subjectivity, which are expressed in public statements and discourse. The results obtained allow for a deeper understanding of the mechanisms of public opinion formation in the digital environment and can be applied to forecast societal responses to further changes in media regulation, as well as to develop communication and participation strategies in the digital media space.

Keywords: social media, media regulation, online communication, digital environment, regulatory initiatives, discursive strategies, media policy, public discourse, media activism, digital subjectivity

References (transliterated)

1. Shchetinina D. A. Transformatsiya definitsii mediaaktivizma v issledovatel'skom diskurse // Rossiiskaya shkola svyazei s obshchestvennost'yu. 2025. № 36. S. 66-82. DOI: 10.24412/2949-2513-2025-36-66-82. EDN: TJODDI.
2. Pickard V., Yang G. (red.) Media activism in the digital age. Taylor & Francis, 2017. 248 s.
3. Cuevas-Cervero A., Colmenero-Ruiz M.-J., Martínez-Avila D. Critical information literacy as a form of information activism // The Journal of Academic Librarianship. 2023. T. 49, Vyp. 6. S. 1-7. DOI: 10.1016/j.acalib.2023.102786. EDN: NVCILR.
4. Kirillova N. B. Mediapolitika gosudarstva v usloviyakh sotsiokul'turnoi modernizatsii: [ucheb. posobie] / N. B. Kirillova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015. 110 s. EDN: UWZAPH.
5. Vartanova E. L. Mediapolitika: aktual'nyi akademicheskii diskurs // Medi@l'manakh. 2019. № 1 (90). S. 8-17. EDN: IDIJII.
6. Siune K., Truetzschler W. Dynamics of Media Politics: Broadcast and Electronic Media in Western Europe. London: Sage Publications Ltd, 1992. 230 s.
7. Buzin V. N. Mediapolitika kak interpretatsiya // Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2021. № 3. S. 8-22. EDN: HNTSQL.
8. Stepanova N. V. Sushchnostnye kharakteristiki mediapoliticheskogo diskursa // Diskurs. 2025. T. 11, № 1. S. 138-154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154. EDN: OZAUAX.
9. Baranov N. A. Tsifrovoe politicheskoe uchastie kak forma politicheskoi mobilizatsii // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2020. № 3 (64). S. 66-72. DOI: 10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072. EDN: CTZZVT.
10. Gofman I. Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta: Per. s angl. / Pod red. S. Batygina i L. A. Kozlovoi. M.: Institut sotsiologii RAN, 2003. 752 s.

11. Snow D. A., Benford R. D. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International Social Movement Research. 1988. T. 1. S. 197-218.
12. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. M.: URSS; LKI, 2008. 288 s. EDN: UFGTFJ.

The Influence of Subjective Factors on the Representation of Linguocultural Meanings in the Translation of F. M. Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment» into Chinese

Zhang Wanjing

Postgraduate Student; Department of Theory and Practice of Foreign Languages; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198

✉ zhangwanjing2025@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the specificity of the influence of the translator's personal attitudes and external subjective factors that determine the features of the representation of linguocultural meanings (which are expressed through key cultural and philosophical concepts: guilt, conscience, atonement, and stylistic and pragmatic markers: expressiveness, irony, evaluativeness), when translating F. M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» into Chinese. The object of the study is the corpus of Russian-Chinese translations of the novel, belonging to modern Chinese translators, and accompanying paratextual materials (prefaces, afterwords, comments). The purpose of the study is to identify the nature and mechanism of the influence of subjective factors on the representation of linguacultural meanings in Russian-Chinese translations of the novel and to propose specific steps to minimize their influence. The research methodology includes corpus analysis of Chinese translations (by Zhu Lun, Li Gang, Yuan Yannan, Zhu Haiguan and Wang Wen), their linguacultural and pragmatic features, methods of qualitative linguistic and philological analysis. All this implies a contextual analysis of key fragments of the novel, a comparison of variants of the Chinese translation, and a thematic analysis of the statements of the translators in the paratext. The scientific novelty of the study lies in the systematization of subjective factors (personal, aesthetic, ideological, professional) and their specific influence on the representation of linguacultural meanings in Chinese translations of the novel «Crime and Punishment». The novelty also lies in the development of a theoretical and practical model for determining and correcting the influence of subjective factors in the process of literary translation. Key findings: the personal attitudes of the translator systematically influence the choice of lexical-semantic and stylistic means and thereby shift the emphasis of the original linguacultural meanings; external subjective factors become determinants of adaptation, distortion of culturally significant concepts and symbols, radically changing their semantic load.

Keywords: culturally significant concepts, lexical-semantic markers, mechanisms of influence of factors, personal attitudes of the translator, translation strategies, ideological influences, Chinese translations, Crime and Punishment, representation of linguacultural meanings, subjective factors

References (transliterated)

1. Andrienko, T. P. Global'nye i lokal'nye strategii perevoda. Germaniya: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 116 s.

2. Belova, A. V. Lingvokul'turnye osobennosti khudozhestvennogo perevoda // Filologicheskie nauki. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2023. № 3-2 (78). S. 73-75. doi:10.24412/2500-1000-2023-3-2-73-75 EDN: IZPZPD
3. Vodyanitskaya, A. A. Rol' sub"ektivnogo faktora pri perevode otsenochnykh znachenii s angliiskogo yazyka na russkii // Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh. Moskva: Institut yazykoznaniya Rossiiskoi akademii nauk, 2012. S. 29-39. EDN: SCNMPE
4. Dostoevskii, F. M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. T. 6: Prestuplenie i nakazanie: Roman v 6 ch. s epilogom / tekst podgot. L. D. Opol'skaya. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otделение, 1973. 423 s.
5. Zhumanazarova, C. Strategii perevoda lingvokul'turnykh edinits // Perevodovedenie i lingvistika v epokhu tsifrovyykh tekhnologii: izuchenie peredovykh podkhodov. 2024. № 1 (1). S. 111-113.
6. Kasatkina, T. A. "Prestuplenie i nakazanie": kak sozdaetsya glubokii tekst // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal. 2022. № 1 (17). S. 52-62. doi:10.22455/2619-0311-2022-1-52-62 EDN: OFQBUP
7. Krinitsyn, A. B. Polifoniya molchashchikh: spetsifika filosofskogo diskursa F. M. Dostoevskogo // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2006. № 3. S. 375-391. doi:10.22363/2312-9220-2021-26-3-375-391. EDN: FHLOZB
8. Krupnik, L. V. Lichnost' perevodchika kak sub"ektivnyi faktor khudozhestvennogo perevoda (na materiale knigi L. Uollisa "Ben-gur") // Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda. Nizhnii Novgorod: OOO "AL"BA", 2013. S. 121-129. EDN: RFYRFX
9. Kushnina, L. V., Alikina, E. V. Ob"ektivnye i sub"ektivnye faktory v semioticheskom prostranstve perevoda // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2021. № 4 (37). S. 275-279. doi:10.26140/bg3-2021-1004-0065 EDN: JXVHRQ
10. Nikitchenko, T. G. Sub"ektivnyi faktor v khudozhestvennom tekste: lingvisticheskii i psikhologicheskii aspekty: na materiale perevoda: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / Kubanskii gos. un-t. Krasnodar, 2000. 213 s. EDN: QDIAJD
11. 汝龙译. 陀思妥耶夫斯基. 罪与罚. 安徽文艺出版社, 1999. 647 页. = Zhu Lun (per.) Fedor Dostoevskii. Prestuplenie i nakazanie. An'khai: An'khaiskoe literaturno-khudozhestvennoe izdatel'stvo, 1999. 647 s.
12. 力冈、袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第七卷罪与罚 (上) / 陈染主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010. 351 页. = Li Gan i Yuan' Yan'nan' (per.) Polnoe sobranie sochinenii F.M. Dostoevskogo: v XXII tt. T. VII. Prestuplenie i nakazanie (chast' 1) / pod red. Chen' Sheny. Shitszyachzhuan: Hebei Education Press, 2010. 351 s.
13. 力冈、袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基 全集. 第八卷罪与罚 (下) / 陈染主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010. 368 页. = Li Gan i Yuan' Yan'nan' (per.) Polnoe sobranie sochinenii F.M. Dostoevskogo: v XXII tt. T. VIII. Prestuplenie i nakazanie (chast' 2) / pod red. Chen' Sheny. Shitszyachzhuan: Hebei Education Press, 2010. 368 s.
14. 朱海观、王汶译. 陀思妥耶夫斯基 罪与罚. 北京: 人民文学出版社, 2004. 540 页. = Chzhu Khaiguan' i Van Ven' (per.) Fedor Dostoevskii. Prestuplenie i nakazanie. Pekin: Izd-vo narodnoi lit-ry, 2004. 540 s.
15. 吴宇晗. 俄译汉翻译单位浅谈. 山西青年, 2017. 267 页. = U Yuikhan'. Kratkoe obsuzhdenie russko-kitaiskikh edinits perevoda. Shan'si: Molodezh' provintsii Shan'si, 2017. 267 s.

Comparative Analysis of Food Semiotics and Naming

Strategies in Russian and Chinese Linguistic Cultures

Wang Shihao

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of General and Russian Linguistics; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

148 Leninsky Prospekt, block 205, Moscow region, 119571, Russia

✉ wsh1533951634@gmail.com

Wang Tianyou

PhD in Philology

Postgraduate Student; Department of General and Russian Linguistics; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

148 Leninsky Prospekt, Troparevo-Nikulino district, Moscow, 119571, Russia

✉ 291028743@qq.com

Abstract. This article is devoted to the issues of semiotics of food names and naming strategies in the aspect of comparing their implementation in Russian and Chinese linguistic cultures.

In the cultural codes of Russia and China, food occupies an important place; symbolism and semiotics of gastronomic signs are expressed with the help of linguistic means. This significance is deeply rooted in the language, which is reflected in extensive layers of phraseology (proverbs, sayings, idioms), rituals and everyday practices. Food acts not only as a biological necessity, but also as a complex semiotic sign carrying symbolic meanings (good wishes, status, seasonality, cultural identity, etc.).

The aim of the work is a multi-faceted analysis of how exactly the symbolism and semiotic richness of gastronomic phenomena are verbalized in language, specifically in naming strategies.

The article attempts to analyze the features of the semiotics of food products and dishes in Russia and China, and to study the strategies of non-commercial and commercial food naming. The authors show that, in general, food naming strategies in Russian and Chinese linguacultures are similar, which is due to the basic nature of the food sphere. A distinctive feature is that the naming of food products and dishes in Chinese linguaculture is more figurative, symbolic and poetic, while in Russian linguaculture it is direct and descriptive. Also, in Chinese linguaculture, the naming strategy based on the principle or technology of cooking a dish is rarely used, which is due to the linguistic features of the verb in the Chinese language. Thus, the article demonstrates how deep cultural codes associated with the semiotics of food find their specific reflection in linguistic naming strategies, revealing both universal and unique features of Russian and Chinese linguacultures in this significant area of human activity.

Keywords: gastronomic code, Chinese food culture, Russian gastronomic culture, linguaculture, semiotics of food, naming, gastronomy, gastrosemiotics, Gastronomy sphere, traditional culture

References (transliterated)

1. Bryzhak O.V., Akhmetova E.P. Eda kak predmet semioticheskogo analiza v zapadnoi nauchnoi traditsii // MediaVektor. 2024. № 10.

2. Dudareva Ya.A. Neimirovyyi slovar' russkogo yazyka (slova-bionimy kak firmennyye naimenovaniya): slovar'. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, 2016. 302 s.
3. Elistratov V.S., Pimenov P.A. Neimiro: iskusstvo nazyvat'. M.: Izdatel'stvo "Omega-L", 2014. 293 s.
4. Zemskova A.Yu., Olyanich A.V. Lingvosemiotika angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: monografiya. Volgograd: Volgogradskii GAU, 2015. 391 s.
5. Kravchenko S.A. Eda kak sredstvo kommunikatsii: sravnitel'nyi analiz teoretiko-metodologicheskikh podkhodov // Kommunikologiya. 2015. № 3. [Elektronnyi resurs]. EDN: UHMZHN.
6. Lebedeva L.V. Psikhologiya reklamy: uchebnoe posobie. M.: FLINTA, 2013. 127 s. EDN: SDTMBB.
7. Novichikhina M.E. Kommercheskaya nominatsiya: monografiya. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2003. 192 s. EDN: QQWVJZ.
8. Normanskaya O.V. K probleme analiza semiotiki gastronomicheskoi kul'tury // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. 2015. № 2. S. 319-328. EDN: VPMEWZ.
9. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka. M.: Az", 1995. 907 s. EDN: SIQETT.
10. Sosyur F. de. Kurs obshchei lingvistiki. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 425 s.
11. Albala K., Imhof R. Montaigne and Food // Thompson P.B., Kaplan D.M. (eds) Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics. Dordrecht: Springer, 2014. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://link.springer.com/rwe/10.1007/978-94-007-0929-4_51.
12. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984. 720 s.
13. Kapitány Á., Kapitány G. The Semiotics of Gastronomy – Meals and Identity // Acta Ethnographica Hungarica. 2024. № 68(1). S. 179-189.

Phrases in EAP academic writing: selection technology

Maslikova Aleksandra Valentinovna

Bachelor's degree; Department of Educational Technologies in Philology; A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.

15 Komandorskaya str., Krasnodar Territory, 350073, Russia

✉ horrorandpain@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of stable lexical and grammatical constructions (patterns) in English scientific texts. The material is a corpus of 110 scientific articles in English, which have been published over the past decade in journals with a high citation index. The purpose of the study is to create a technology for the selection and classification of templates, which determines the formulation of the following tasks: 1) identification of frequent lexical and grammatical constructions; 2) their systematization according to their functional purpose; 3) checking the relevance of templates for use in scientific texts. The following general scientific research methods were used in the work: observation of lexical and grammatical units of a scientific text in order to identify the position of a template in the text; an experiment related to testing and making changes to the created template selection algorithm; comparison to create a classification system for the found templates. The scientific novelty of this research consists in the creation of a technology that allows to identify and classify stable lexical and grammatical constructions (templates) used in modern scientific

texts in English. Since the proposed technology is based on the analysis of relevant articles extracted from journals with a high citation index, the identified patterns correspond to modern requirements and trends in academic writing. The results of the study demonstrate that the templates of the English scientific text can serve as a support for the formation of logical and semantic connectives, without which it is impossible to imagine any scientific work. 57 relevant stable structures identified within the framework of the technology application can be used both by researchers who for the first time or regularly create scientific articles in English, and by teachers teaching academic writing.

Keywords: English language, academic writing, international scientific communication, academic vocabulary, classification of templates, scientific article, academic phrasebank, academic text, scientific text, academic templates

References (transliterated)

1. Lobova K. A. Angliiskii yazyk dlya nauchnoi kommunikatsii // Vestnik nauki. 2019. № 5(14). S. 142-148.
2. Korotkina I. B. Russian Scholarly Publications in Anglophone Academic Discourse: The Clash of Tyrannosaurs // Integratsiyaobrazovaniya = Integration of Education. 2018. No. 2(22). Pp. 311-323.
3. Bondarenko V. E. Osobennosti funktsionirovaniya angliiskogo yazyka kak lingua franca v Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2015. № 16(727). S. 54-62.
4. Bitetti D. M., Ferreras JA. Publish (in English) or perish: The effect on citation rate of using languages other than English in scientific publications // Ambio. 2017. No. 46(1). Pp. 121-127.
5. Shimanovskaya L.A. Problema yazykovogo oformleniya nauchnoi stat'i dlya zarubezhnogo zhurnala na angliiskom yazyke // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. 2011. № 23. S. 338-345.
6. Korotkina I. B. Modeli obucheniya akademicheskomu pis'mu: uchebnoe posobie dlya vuzov / I. B. Korotkina. M.: Izdatel'stvo Yurait. 2023. – 127-150 s.
7. Sivakumar S., Lukose L. "How to read, assess and write a research article" // Journal of the Indian Law Institute. 2017. No. 59(2). Pp. 123-52.
8. Lebedev E.S. Poisk v Internet // Problemy ekonomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom. 2023. № 52. S. 119-123.
9. Oakey D. Phrases in EAP academic writing pedagogy: Illuminating Halliday's influence on research and practice // Journal of English for Academic Purposes. Elsevier BV, 2020. № 44. Pp. 1-16.
10. Nevorotin A. I. Matrichnyi frazeologicheskii sbornik. Posobie po napisaniyu nauchnoi stat'i na angliiskom yazyke / A. I. Nevorotin. SPb: Izd-vo SpetsLit, 2001. – 208 s.
11. Appel R. Lexical bundles in L2 English academic texts: Relationships with holistic assessments of writing quality // System. 2022. № 110. Pp. 1-12.
12. Charles M., Hadley G. Autonomous corpus use by graduate students: A long-term trend study (2009–2017) // Journal of English for Academic Purposes. 2022. (56). C. 1-14.
13. Duan X., Zan H., Bai X., Zahner C. Reusable Phrase Extraction Based on Syntactic Parsing // Chinese Computational Linguistics. Lecture Notes in Computer Science. 2020. № 12522. Pp. 1166-1171.
14. Tolstova T. V. Nauchnaya stat'ya na angliiskom yazyke: struktura i elementy:

Secondary nomination with somatic components as a part of military vocabulary (a case study on Russian, English and French)

Petrova Polina Sergeevna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; Mikhailovskaya Military Artillery Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation

194044, Russia, Saint Petersburg, Komsomol str., 22

✉ tays18@mail.ru

Abstract. The secondary nomination is based on the desire to save linguistic signs. The secondary nomination is always metaphorical and serves to systematize new knowledge. The author examines the mechanism of systematization of knowledge in the military professional sphere using examples of the implementation of stable expressions, special vocabulary and terminology with a somatic component in the military lexicon of English, French and Russian languages. It is the somaticisms or lexical units denoting parts of the human body that are the subjects of this study. As an object, various methods of secondary nomination are chosen: metaphorical transfer based on external similarity (the form or method of placing a part in space relative to the whole), as well as on the commonality of the functions of denotations. The author analyzes the use of somatism in its direct meaning on their implementations in military commands. When describing and comparing stable combinations with somatic components in the three languages under consideration, the author turns to component analysis, which allows identifying common semantic features in their meaning. The hypothesis of the study is that the high frequency of use of somatism by military personnel is explained on the one hand by the desire to simplify terminologically overloaded communication, on the other hand by the natural need to "normalize" the surrounding reality and reduce stress levels. The scientific novelty of the research work is presented in the opportunity to identify special images, symbols and stereotypes associated with the specifics of military culture and conditioned by values, the nature of relationships in the military environment and the specifics of worldview in the armed forces. The author comes to the conclusion that, regardless of the language, terminologically overloaded speech, with its specifics and peculiarities, can be perceived by native speakers of the same language as a foreign one. Meanwhile, the interlanguage links of the Russian, French and English languages can be traced when considering individual nominative components in the composition of which somatisms appear. He explains the latter by the anthropological type of human perception, a way of rethinking and systematizing the reality around him.

Keywords: linguistic culture, lexical unit, military command, denotation, systematization of knowledge, secondary nomination, metaphor, special vocabulary, military terminology, somaticisms

References (transliterated)

1. Boldyrev N. N. Yazyk i sistema znanii. Kognitivnaya teoriya yazyka. / N.N. Boldyrev. Moskva: Izdatel'skii Dom YaSK, 2018.
2. Kolesov I.Yu. Yazykovoi kod prostranstva v angliiskom yazyke v aspekte grammatiki konstruktsii // Mat-ly II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii: Innovatsionnye tekhnologii

- i podkhody v mezhkul'turnoi kommunikatsii, lingvistike i lingvodidaktike. Barnaul, 2023. – S. 409-418.
3. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. / E.S. Kubryakova // Moskva: Yaz. slav. kul'tury, 2004.
  4. Deacon T. W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. New York: Norton, 1997.
  5. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii. Moskva: Progress – Univers, 1993.
  6. Austin J. L. Sense and Sensibilia / J. Austin. – London; Oxford ; New York: Oxford University Press, 1962.
  7. Miller G., Johnson-Laird P. Language and Perception. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. URL: <http://dx.doi.org/10.4159/harvard.9780674421288>
  8. Fedyuk P. S. Ekvivalenty frazeologizmov s komponentami-glagolami razmeshcheniya v prostranstve // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 11 (192). – S. 139-142.
  9. Nurillaev K.K., Jumamuratova M. A. The analysis of the somatic phraseological unit of English and Karakalpak language // Science and Education. 2023. № 1.
  10. Bally Ch. Traité de stylistique française [Treatise on French stylistics]. 2 ed., vol. 1. Heidelberg, 1921.
  11. Lyons J. A note on Possessive, Existential and Locative Sentences // Foundation of Language, 1967. V 3; n. 4. Pp. 390-395.
  12. Lakoff G., Johnson M. Cognitive Metaphor in Everyday Language. // The Journal of Philosophy. Vol; 77, № 8; 1980. Pp. 453-486.
  13. Adkhamzhonova I.M., Ibragimova E.I. Somatizmy v formirovaniy yazykovoi kartiny mira// Central Asian journal of literature, philosophy and culture, 2023. – S. 73. eISSN: 2660-6828 | Volume: 04 Issue: 12 Dec 2023. Retrieved from <https://cajipc.centralasianstudies.org>.
  14. Gudkov D. B., Kovshova M.L. Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu. – M.: Gnozis, 2007. – 288 s.
  15. Pirmiyazova A.K., Shinnazarova S. J. Indication of somatic units as reference words in phraseological units // Science and innovation international scientific journal, Volume 2, issue 11 November 2023. – Pp. 71-75. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10222875>.
  16. Bakieva M.N., Mamazhanova G.M. Teoreticheskie osnovy izucheniya somatizmov kak sostavlyayushchei yazykovoi kartiny mira // Mat-ly III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: «Aktual'nye voprosy v ekonomike». – S. 11-15. Retrieved from <https://innova-science.ru/wp-content/uploads/2023/05/sbornik-nauchnyh-trudov-18.05.2023-ave-3.pdf#page=11>
  17. Biderksen D. Voennaya leksika kak osobyi element leksicheskoi sistemy yazyka // Kazanskii lingvisticheskii zhurnal. 2020. № 1 (3). – S. 5-16.
  18. Gurov S.V. Anglo-russkii voennyi slovar'. [Elektronnoe izdanie]. – Tula: Na pravakh rukopisi, 2024. – 2257 s. Retrieved from <https://missilery.info/gallery/ermd>
  19. Myuller V.K. Novyi anglo-russkii slovar': ok. 170000 slov i slovosochetanii. 11-e izd. ispr. i dop. – M.: Rus. yaz. – Media, 2004.
  20. Gak V.G., Ganshina K.A Novyi frantsuzsko-russkii slovar'. – 5-e izd., ispr. – M: Rus. yaz. 2002.

21. Dubois J. Dictionnaire du français d'aujourd'hui. Paris: Dictionnaires Larousse, 2000. – 1406 p.
22. *Longman Dictionaries Online* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.longmandictionariesonline.com>.
23. Chudinov A. Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii. Ekaterinburg. 2013.
24. Teganyuk V.V. Izuchenie obraznosti somatizmov frazeologicheskikh edinit kanadskogo varianta frantsuzskogo yazyka, standartnogo frantsuzskogo i angliiskogo yazykov // *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve*. Tom 15 № 4 (2023). S. 397-402. DOI: <https://doi.org/10.35634/2500-0748-2023-15-4-397-402>.
25. Solov'eva E.A. Metafora v sovremennoi frantsuzskoi formalizovannoi voenno-professional'noi leksike // *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* 2016. № 5. Filologiya. – С. 133-140. DOI: 10.18522/2070-1403-2016-58-5-133-140

The influence of the imagery system of game works of the 19th century on Russian literature of the 20th century

Zhang Huimin

Postgraduate student; Faculty of Philology; St. Petersburg State University

25 Zhucheng Lane, sq.1601, Shandong, Shunwang, 262200, CHINA

✉ 763716643@qq.com

Abstract. The subject of the research is the imagery system of Russian "gaming" literature of the 19th century, which includes key elements such as the images of the player, cards, the opponent, women, fate, and death, as well as its influence on the poetics and imagery system in the works of Russian literature of the 20th century. The object of the study includes the works of A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.V. Gogol, V.F. Odoevsky, F.M. Dostoevsky, L.N. Andreev, and their reception in the works of M.A. Bulgakov, V.V. Nabokov, and V.T. Shalamov. The author examines aspects of the topic such as the evolution of gambling and cheating motifs, the extrapolation of gaming space onto reality, and the role of the female image as a functional element of the plot. Special attention is paid to the transformation of archetypal models of games and their philosophical-psychological functions in the literature of two centuries. The methodological basis of the work consists of comparative-historical and intertextual methods, as well as a structural-typological approach to analyze stable elements of the imagery system. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the evolution of the imagery structure of Russian "gaming" literature as a continuous traditional complex. For the first time, it explores not only direct influences but also the mechanisms of transformation of key images and motifs—from their formation in the classics of the 19th century to their reinterpretation in the works of the 20th century. An important aspect of this novelty is the inclusion of Varlaam Shalamov's work in this context, whose "Kolyma Tales" have not previously been examined in succession with the gaming tradition of the 19th century. Specific intertextual connections are detailed, such as the comparison of Lermontov's "The Tambov Treasurer" and Bulgakov's "The Run," as well as the application of R. Caillois's theory (Alea/Agon) to the analysis of the texts by Shalamov and Nabokov. As a result, it is concluded that despite significant evolution, the imagery system of gaming works of the 19th century had a profound and multifaceted influence on Russian literature of the 20th century, contributing to the understanding of the mechanisms of literary succession.

Keywords: motive of the game, comparative literature, poetics, gambler image, intertextuality, gambling, Russian literature, game literature, figurative system, literary

tradition

References (transliterated)

1. Aleksandrova M.A., Bol'shukhin L.Yu. "Pikovaya dama" v retseptsii Lermontova ("Fatalist") // Novyi filologicheskii vestnik. 2010. № 4 (15). S. 41-55. EDN: OFWMWT.
2. Andreev L.N. Bol'shoi shlem // Andreev L.N. Sobranie sochinenii: v 6 t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. T. 1. S. 148-156.
3. Vatsuro V.E. Poslednyaya povest' Lermontova // M.Yu. Lermontov: Issledovaniya i materialy. L.: Nauka, 1979. S. 223-225.
4. Vinogradov V.V. Stil' "Pikovoï damy" // Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii / AN SSSR, In-t literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. [Vyp.] 2. S. 74-147.
5. Dzhonson D. Miry i antimiry Vladimira Nabokova // Simpozium. 2011. № [utochnit' nomer]. S. [utochnit' stranitsy].
6. Dudareva M.A. Preodolenie "Poroga" v povest'yakh M.Yu. Lermontova "Fatalist" i "Shtoss": ritual'naya deistvitel'nost' // Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. 2017. № 3 (52). S. 73-77. EDN: ZRWOWJ.
7. Zhuneva E.S. Lyubov' kak voploshchenie azartnoi igry (na materiale romana F.M. Dostoevskogo "Igrok") // Manuskript. 2021. T. 14. № 7. S. 1442-1447. DOI: 10.30853/mns210230. EDN: WNWARX.
8. Kaiua R. Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury. M.: OGI, 2007.
9. Koroleva K.A. Glubokaya igra. Roman "Igrok" Dostoevskogo // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. T. 5. № 3. S. 117-139. DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-117-139. EDN: HKCCAP.
10. Krylova M.N. Obraz zhenshchiny v tvorchestve V.T. Shalamova // Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki. 2021. № 1 (40). S. 75-81. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.68.55.011. EDN: XSJTIA.
11. Mann Yu.V. Dramaturgiya Gogolya // Gogol' N.V. Komedii. L.: Detskaya literatura, 1988. S. 32-33.
12. Nabokov V.V. Zashchita Luzhina // Nabokov V.V. Drugie berega; Zashchita Luzhina: Romany; Rasskazy. M.: DEM, 1990. S. 179-328.
13. Paderina E.G. Mirazhnaya intriga i odnoaktnaya forma gogolevskoi komedii "Igroki" // Literaturovedcheskii zhurnal. 2009. № 24. S. 43-65. EDN: KNPZVZ.
14. Pushkin A.S. Pikovaya dama // Pushkin A.S. Sobranie sochinenii: v 10 t. M.: GIKhL, 1960. T. 5. S. 233-266.
15. Sukhikh O.S., Yukhnova I.S. Motivy povesti A.S. Pushkina "Pikovaya dama" v romane A.V. Ivanova "Nenast'e" // Nauchnyi dialog. 2021. № 6. S. 240-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-240-250. EDN: PYJXIH.
16. Khrulev V.I., Uzbekova G.F. Poetika igry v russkoyazychnykh romanakh V. Nabokova // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2019. T. 24. № 1. S. 140-148. EDN: YQNUJT.
17. Shalamov V.T. Na predstavku // Shalamov V.T. Sobranie sochinenii: v 4 t. M.: Khudozhestvennaya literatura; Vagrius, 1998. T. 1. S. 8-13.

The socio-historical conflict in the novels of Vladimir Makanin "Underground, or a Hero of Our Time" and "Asan"

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10, building 2, Mklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

✉ 954504210@qq.com

Xu Yumin

Postgraduate student; Department of Russian and Foreign Literature; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10, building 2, Mklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

✉ 1042238002@pfur.ru

Kovalenko Aleksandr Georgievich

Doctor of Philosophy

Professor, Head of the Department; Department of Russian and Foreign Literature; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

10, building 2, Mklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

✉ ak-aurus@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the artistic embodiment of the socio-historical conflict in Vladimir Makanin's novels "Underground, or the Hero of Our Time" and "Asan." The object of the research is the specificity and forms of manifestation of this conflict, determined by radical changes in Russian society at the end of the 20th – beginning of the 21st century. The author examines aspects of the theme in detail, such as the influence of historical cataclysms on the crisis of personal identity, the transformation of moral norms in the context of the Chechen war, and the emergence of existential discord in the post-Soviet period. Special attention is paid to the analysis of the multifaceted images of the main characters (Petrovich and Major Zhilin), whose fates and inner worlds become a field for the clash of personal self-determination with collapsing societal foundations. The research explores how social changes impact individual destinies and society as a whole, as well as how the right to self-determination conflicts with social norms. The methodology of the research is based on a comprehensive approach, including literary studies, comparative analysis, and historical-cultural analysis of the texts. The scientific novelty of the research lies in the comprehensive comparative analysis of two key novels by Makanin through the prism of socio-historical conflict, which allows for the identification of common and specific features in the artistic interpretation of the post-Soviet era. As a result, it concludes that V. Makanin creates multifaceted images of heroes whose fates are inextricably linked to historical cataclysms. It shows how radical socio-political changes shape the internal conflicts of characters and their interaction with the world, exposing the contradictory nature of the human soul in the context of an identity crisis. The author concludes that in "Underground," the conflict manifests through the marginalization and existential rebellion of the creative individual, while in "Asan," it is expressed through the transformation of morality and the mythologization of war, where the right to self-determination conflicts with social norms.

Keywords: a hero of our time, inner struggle, identity crisis, Chechen War, post-Soviet society, Asan, Underground, socio-historical conflict, Vladimir Makanin, Russian literature

References (transliterated)

1. Agenosov V. V. Krasota i povsednevnost' v poslednem romane V. Makanina // Vestnik

- Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2022. № 4 (307). S. 15-21.
2. Al' Shuvaili Khussein Ali Kudkhir. Intertekstual'naya poetika romana V. Makanina "Andegraund, ili Geroi nashego vremeni" // Nauka i Mir: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal. 2017. T. 2. № 1 (41). S. 29-36.
  3. Belous L. V. Osobennosti izobrazheniya voyny v romane V. Makanina "Asan" // Nauka. Obrazovanie. Proektnaya deyatel'nost': Rossiya – XXI vek: materialy III Obshcheros. nauch.-prakt. konf. Penza, 2015. S. 32-38.
  4. Beshukova F. B., Shishkhova N. M. Moral'no-nravstvennaya problematika romana V. Makanina "Asan" // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedenie. 2024. № 3 (342). S. 23-27. DOI: 10.53598/2410-3489-2024-3-342-23-27 EDN: NGFKGH
  5. Vasil'eva A. E. Izobrazhenie voyny v romane V. S. Makanina "Asan" // Art Logos. 2021. № 3 (16). S. 46-54. DOI: 10.35231/25419803_2021_3_46 EDN: YULMBB
  6. Gogina L. P. Intertekstovost' povestvovatel'nogo metoda V. Makanina // Tekst v sotsial'nom, politicheskom, kul'turnom prostranstve: sb. nauch. st. / Otv. red. V. V. Nikul'tseva. M.: Mosk. fin.-yurid. un-t MFYuA, 2020. S. 94-101. EDN: WIQBPS
  7. Gudzova Ya. O. Geroi i ego imya v romane V. S. Makanina "Asan" // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. T. 18. № 4. S. 549-555. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-4-549-555 EDN: UBMYP
  8. Kravchenkova E. A. Khudozhestvennyi mir V. S. Makanina: kontseptsii i interpretatsii: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 273 s. EDN: NNXJZB
  9. Lyu Chzhikhua, Markina P. V. Tvorcheskaya neudacha ili original'nyi zhanr: o polemike vokrug romana "Asan" V. Makanina // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. 2022. № 2 (115). S. 71-77.
  10. Mal'kova A. V. Povtorenie situatsii ubiistva v romane V. Makanina "Andegraund, ili Geroi nashego vremeni" // Filologicheskii klass. 2017. № 1 (47). S. 72-83.
  11. Makanin V. Asan. M.: Eksmo pocketbook, 2010. 478 s.
  12. Makanin V. S. Andegraund, ili Geroi nashego vremeni. M.: Eksmo, 2010. 734 s.
  13. Meer-Fraatts A. Voennoe telo v romane "Asan" Vladimira Makanina // Vestnik SPbGU. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2016. № 3 (121). S. 120-129.
  14. Sereda I. A. Geroi i sotsium v romanakh Vladimira Makanina 1990–2000-kh gg. // Vestnik BDU. Seriya 4: Filologiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. 2014. № 1. S. 23-27.
  15. Stepanyan K. Krizis slova na poroge svobody // Znamya. 1999. № 8. S. 204-214.
  16. Tul'chinskii G. L. Transformatsiya sovetskogo kul'turnogo koda cheloveka: ot geroiki k "ozimomu soznaniyu" (A. Gaidar i V. Makanin) // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2022. № 3 (126). S. 160-167. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-160-167 EDN: JLICWD
  17. Fedchenko N. L. "Novaya real'nost'" v proze Vladimira Makanina i problema vybora geroya // Nauchnyi aspekt. 2023. T. 1. № 12. S. 80-89. EDN: WHHPWR
  18. Shilina K. O. Poetika romana V. Makanina "Andegraund, ili Geroi nashego vremeni": Problema geroya: dis. ... kand. filol. nauk. Tyumen': Tyumen. gos. un-t, 2005. 150 s. EDN: NNOMNJ

The reception of the chinese poetic tradition in the work of Leonid Cherkassky: cultural transmission as a path to poetic synthesis

Zhang Huanyu

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow, Vernadsky ave., 37

✉ zhydwgyx@outlook.com

Abstract. The subject of this research is the reception of the Chinese poetic tradition in the works of the sinologist and poet-translator L. E. Cherkassky (1925–2003). The analysis focuses on his original works: the poetry collection *"Stikhi o prekrasnoi dame i ob odnom gospodine"* ("Poems about a Beautiful Lady and a Certain Gentleman") and the memoirs *"Yaryadom s kornem dushu uspokoyu"* ("I Shall Soothe My Soul Near the Root"). The study examines the process of adapting Chinese artistic forms and imagery systems within the Russian-speaking cultural space. Particular attention is paid to the ways of synthesizing Chinese genre poetics—such as *"lüshi"* (regulated verse) and *"zaju"* (variety play)—with the Russian lyrical tradition, as well as the transformation of allusions to classical Chinese poets Tao Qian, Lu You, and Zhou Dunyi. The analysis aims to reveal how Chinese elements, through the prism of Cherkassky's personal experience and literary mastery, enter into a dialogue with the Russian poetic tradition, giving rise to their organic artistic fusion. Thus, the focus is not merely on the influence of Chinese culture, but on the specific process of its transmutation into Russian poetics through the work of the poet-sinologist, which establishes him as a key figure for studying intercultural reception in the 20th century. The method of analysis involves a multi-level comparison of Cherkassky's work with Chinese poetry: from the assimilation of genre traditions to the identification of imagery system transformations in new cultural contexts. The novelty of the research is determined by the fact that for the first time, Cherkassky's work is considered not as a collection of translations, but as a systematic poetic practice in which Chinese artistic forms and imagery systems become the basis for the emergence of new aesthetic codes in Russian literature. Until now, his original works have not been studied as a unified project of cultural mediation, and the role of the poet-translator as an active creator of an intercultural synthesized poetics remained unexplored. It is established that the adaptation of Chinese elements occurs not through superficial borrowing, but through a deep reworking of genre structures (*"lüshi"*, *"zaju"*) and the transformation of allusions to Tao Qian, Lu You, and Zhou Dunyi, which turns them from exotic references into organic components of Russian lyricism. The findings confirm that Cherkassky acts not as a passive intermediary, but as an original author, forming a unique synthetic tradition. The results of the study may be of interest for research in the history of Russian-Chinese literary relations and comparative poetics, deepening the understanding of the role of poet-translators as conductors of intercultural dialogue.

Keywords: artistic merging, transformation of allusions, intercultural dialogue, poetic synthesis, *zaju*, *lüshi*, poet-translator, Russian-Chinese literary connections, reception of Chinese poetry, L. E. Cherkassky

References (transliterated)

1. 阿格诺索夫·弗拉基米尔. 诗歌俄罗斯丛书总序 // 美妙的瞬间. 谷羽译. 广西师范大学出版社, 2014. (Agenosov V.V. Predislovie // Chudnoe mgnoven'e, perevod Gu Yui, Izdatel'stvo Guansiskogo pedagogicheskogo universiteta, 2014).
2. Dubnova E. Vostokovedy – repatrianty iz Rossii v Izraile. Available at: <http://madan.org.il/ru/groups/yubileynaya-konferenciya-nauchno-issledovatel'skogo->

centra-evrei-rossii-v-zarubezhe-i-izraile

3. Dymova L. Ob Odnom Gospodine... (Pamyati Leonida Cherkasskogo). Available at: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=12625>
4. 刘志强, 商博飞. 《愿与根菱连》一书中切尔卡斯基与中国诗人的隔空对话. 江苏科技大学学报(社会科学版), 2022. №22(03): 49-55. (Lyu Chzhitsyan, Shan Bofei. Dialog cherez prostranstvo mezhdru Cherkasskim i kitaiskimi poetami v knige "Ya ryadom s kornem dushu uspokoyu" // Zhurnal Tszyansuskogo tekhnologicheskogo universiteta (seriya sotsial'nykh nauk), 2022. №22(03). S. 49-55).
5. Cherkasskii L.E. Ya ryadom s kornem dushu uspokoyu: Monologi vostokoveda. Ierusalim: Skopus, 2001.
6. Teatr Satiry-Van Shi Fu-Prolitaya chasha. Available at: <http://theatrologia.su/audio/1437>
7. 谷羽. 诗歌翻译家的幽默. 中华读书报, 北京, 2012年6月6日, 第18版. (Gu Yui. Yumor perevodchika poezii // Kitaiskoe chtenie, Pekin, 2012. 6 iyunya. № 18).
8. Dymova L.E., Cherkasskii L.E. Stikhi o Prekrasnoi Dame i ob Odnom Gospodine. Ierusalim, 1996.

Polyphony as a form of representation of women's memory of war in the documentary-artistic prose of S. Alexievich: based on the example of the novel "War's Unwomanly Face."

Gao Zixian

Postgraduate student; Department of the History of Modern Russian Literature and the Modern Literary Process;
Mbscow State University

7 Kravchenko St., Moscow, 119415, Russia

✉ Gaozixian@yandex.ru

Abstract. The article offers a unique perspective on the structural polyphony of Svetlana Alexievich's novel "War Does Not Have a Woman's Face." After studying scientific works in this field, we concluded that contemporary literary studies have developed two main vectors for researching the phenomenon of polyphony as a key compositional principle in Alexievich's work. The first is linked to the tradition laid down by the "pioneers" of the "novel of voices" genre in Belarusian prose – A. Adamovich, V. Kolesnik, and Y. Bryl. The creative method of these writers is based on tape recordings of oral testimonies, woven into a documentary-artistic fabric akin to a montage film. The second vector is based on recognizing the originality of Alexievich's innovative solutions. Within this vector, researchers focus on polyphony as a means of representing collective memory, recreated in a cyclically culturally conditioned form. In this article, we propose a psychological study of the polyphonic organization of the novel "War Does Not Have a Woman's Face," concentrating on the psychological aspects of the phenomenon of memory in connection with the specifics of women's recollections. The work demonstrates that human memories are characterized by fragmentarity, asynchronicity, and heterogeneity. Yet, the aggregate of disparate memories forms a coherent structure of individual and collective past. A similar pattern is found in the compositional organization of the novel, where mosaic polyphony relates to the internal mechanisms of memory functioning in its dynamic and nonlinear nature. Furthermore, we propose to explore the female voice in greater detail, which has long remained a marginalized element in the national cultural memory of war. By restoring women's right to speak, Alexievich not only expands the boundaries of documentary-artistic representation of the polyphonic structure but also transforms the very understanding of historical experience and the human fact. The

perspective for analyzing the polyphony of the novel, as highlighted in this study, opens new possibilities for comprehending its genre nature, harmoniously synthesizing artistic and documentary principles.

Keywords: women's memories, Great Patriotic War, non-fiction, oral document, female voice, works about war, documentary art prose, polyphony, Svetlana Alexievich, phenomenon of memory

References (transliterated)

1. Abasheva M.P., Aristov D.V. Voennaya proza 1990–2000-kh godov: genezis poetika // Filologicheskii klass. 2015. № 1 (39). S. 133-138.
2. Adamovich A.M., Bryl' Ya.A., Kolesnik V.A. Ya iz ognennoi derevni. M.: AST (OGIZ), 2023. 448 s.
3. Aleksievich S. U voiny ne zhenskoe litso. M.: Vremya, 2025. 352 s.
4. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane // Voprosy literatury i estetiki. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1975. S. 250-257.
5. Berdieva Sh.N. Obraz avtora v romane-golosov S. Aleksievich "U voiny ne zhenskoe litso" // Central Asian Research Journal for Interdisciplinary Studies. 2022. T. 2. № 5. S. 499-507.
6. Gubskaya O.N. K voprosu o traktovke ponyatiya literatura "non-fikshn" v ramkakh belorusskogo i russkogo literaturovedeniya // Sovremennye problemy filologii. 2022. № 10. S. 46-52. DOI: 10.52376/978-5-907623-44-6_046 EDN: SLBDLA.
7. Gurska K. Kniga S. Aleksievich "U voiny ne zhenskoe litso" kak tsiklichesкое khudozhestvenno-dokumental'noe yavlenie: struktura i poetika // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika. 2018. T. 23. № 2. S. 198-207. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-2-198-207 EDN: USHEMQ.
8. Zhilinskii M.G. Patriotizm sovetskogo naroda – reshayushchii faktor pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine // Razvitie edinogo kul'turnogo prostranstva Belarusi i Rossii – vazhneishee napravlenie sotrudnichestva v ramkakh Soyuznogo gosudarstva: materialy postoyanno deistvuyushchego seminara pri Parlamentskom Sobranii Soyuzna Belarusi i Rossii po voprosam stroitel'stva Soyuznogo gosudarstva (zasedanie tridsat' sed'moe, g. Molodechno, Minsk, 9-10 aprelya 2014 goda). 2014. S. 79-86.
9. Kalashnikova E.A. Osobennosti kompozitsionnoi organizatsii tekstov literaturnogo protokola // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2016. № 3 (58). S. 281-284.
10. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M.: Eksmo, 2023. 472 s.
11. Mestergazi E.G. Literatura non-fiksh. Eksperimental'naya entsiklopediya. M.: Sovpadenie, 2007. 327 s. 12.
12. Mentsyu M. Vozmozhnosti primeneniya teorii polifonii M.M. Bakhtina k analizu dramaticheskikh proizvedenii // Litera. 2022. № 10. S. 156-167.
13. Sivakova N.A. Spetsifika evolyutsii dokumental'noi literatury v KhKh veke // Vestnik Mazyrskaga dzyarzhaynaga pedagagichnaga ūniversiteta imya I.P. Shamyakina. 2014. S. 140-145.
14. Tszysyan' G. Sposoby povestvovaniya v knigakh S. Aleksievich: "Tsinkovye mal'chiki", "U voiny ne zhenskoe litso" // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2022. № 4 (95). S. 300-303.
15. Chzhou L. Retseptsiya tvorchestva Svetlany Aleksievich v Kitae (problemy perevoda i issledovanii) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. № 2. S.

- 405-411. DOI: 10.30853/phil20230056 EDN: ZYBAXM.
16. Chukueva Z.N. Funktsional'naya rol' dokumental'nogo nachala v sovremennoi dokumental'no-khudozhestvennoi proze. 2023. № 2 (99). S. 493-496.
  17. Yantsen I.D. Zhenskaya frontovaya povsednevnost' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny kak istoriograficheskaya problema (v tekste obsuzhdaetsya Aleksievich i ee vklad) // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2024. T. 30. № 2. S. 31-36. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-2-31-36 EDN: XCUIIP.
  18. Fivush R. The Development of Memory in the Context of Autobiographical Narratives // Annual Review of Developmental Psychology. 2022. Vol. 4. Pp. 421-442.
  19. Haghshehshenash Z. Traumatic Effects of War on Women in Alexievich's The Unwomanly Face of War // ISLAH (Interdisciplinary Journal). 2025. Vol. 5. No 9. P. 181-199.
  20. Hite K. Bakhtin's Polyphony in Documentary Film // Afterimage. 2023. Vol. 50, № 3. P. 10-15.
  21. Grob A.-M., Ehlers D., Schwabe L. Strong but fragmented memory of a stressful episode // eNeuro. 2023. Vol. 10 (9). P. 1-16. DOI: 10.1523/eneuro.0178-23.2023 EDN: GXQVZX.
  22. Lenart-Cheng H. Personal and Collective Memories in the Works of Svetlana Alexievich // History & Memory. 2020. Vol. 32, No. 2. P. 78-109. DOI: 10.2979/histmemo.32.2.04 EDN: UXYKWL.
  23. Lindbladh J. The Polyphonic Performance of Testimony in Svetlana Aleksievich's Voices from Utopia // Canadian Slavonic Papers. 2017. Vol. 59, No. 3-4. P. 281-312. DOI: 10.1080/00085006.2017.1379116 EDN: XXYPVZ.
  24. Schacter D.L. The seven sins of memory: An update // Memory. 2022. Vol. 30, No. 1. Pp. 37-42. DOI: 10.1080/09658211.2021.1873391 EDN: NVPXGY.
  25. Young J.B. Truman Capote as a Poet // Methodist DeBakey Cardiovascular Journal. 2023. № 19 (4). P. 104-106.

The Reasons for the Popularity and Genesis of Eastern Themes in the Russian Literature of the 1920s (a Case Study of the Works of Vsevolod Ivanov and His Contemporaries)

Jiang Yunxue

Postgraduate student; Department of Russian Literature; A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

48 Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191186

✉ jyx-1@yandex.ru

Abstract. The article explores the depiction of Eastern themes in Soviet literature of the 1920s. The aim of the study is to identify the sources of this popularity and the main themes of such narratives. The subject of the research is the Asian image in Russian literature, examined through the prism of the works of Vsevolod Vyacheslavovich Ivanov (V. V. Ivanov) and his contemporaries. As a result, the author has identified the key determinants of Soviet writers' interest in the East: a desire to comprehend contemporary events, an aesthetic attraction to the exotic, a search for answers to eternal questions, and a disillusionment with Western rationalism. A detailed analysis is provided of the specifics of the image of China and the Chinese in the prose of V. V. Ivanov ("The Return of Buddha", "Armored Train 14-69", "Sho-Guang-Go, the Amulet of the Great City", "The Adventures of a Fakir") and other Soviet writers who were active in the 1920s. The methodology employed in the article includes comparative historical analysis (to identify representative works of the era and contextualize

them), historical and cultural analysis (to assess the literary and historical significance of the phenomenon), motif analysis (to identify the characteristic features of Eastern motifs), and descriptive analysis (to present the key issues that preoccupied Soviet writers of the 1920s). The scientific novelty of the research lies in the generalization and comparison of how the image of the East was reflected in the works of Soviet writers of the 1920s. The findings of the study are of great value to specialists in the history of 20th-century Russian literature and cultural studies. They can be used in developing university courses on these disciplines and for further in-depth study of V. V. Ivanov's works. It was revealed that this layer of Russian literature was a complex and dynamic phenomenon, born from a unique confluence of historical and cultural factors. A balanced assessment of the role of Eastern narratives in the 1920s is provided. Finally, the article suggests that it is important for the scholarly community to focus future efforts on studying the images of various countries, including Eastern ones, in Russian-language literature.

Keywords: artistic anthropology, Far Eastern theme, image of the East, Russian writers, Vyacheslav Ivanov, 20th century, 1920s, literary art, prose, soviet literature

References (transliterated)

1. Said E. V. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka / per. s angl. A. V. Govorunova. SPb.: Russkii Mir", 2006. 640 s.
2. Drozdova A. A. Orientalizm kak protivopozhnost' mul'tikul'turalizma // Vestnik Universiteta mirovykh tsivilizatsii. 2017. № 15. S. 61-65.
3. Vyalykh V. V. Orientalizm kak tipologicheskii priznak sovremennogo kul'turno-politicheskogo diskursa // KANT. 2019. № 1(30). S. 161-166.
4. Smyshlyaev E. A. Oriental'nye motivy v poezii N. F. Boldyreva // Ural'skii filologicheskii vestnik. 2013. № 5. S. 212-219.
5. Andreeva E. D. Orientalistskie motivy v tvorchestve Genri Raidera Khaggarda. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi universitet, 2013. 175 s.
6. Krasnoyarova A. A. "Kitaiskii tekst" v sovetskoi literature 1920–1930 gg. // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2020. № 3. S. 89-93.
7. Litovskaya M. A., Yao Chenchen. Kitai i kitaitsy v russkoi sovetskoi detskoj literature 1920–1930-kh gg. // Detskie chteniya. 2017. № 1. S. 133-156.
8. Fomin I. A. Orientalistskii diskurs v rannesovetskoi khudozhestvennoj literature o Srednei Azii // Kunstkamera. 2021. № 4. S. 37-51. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
9. Yakimova S. I. Orientalizm kak ideino-khudozhestvennyi kontsept tvorchestva pisatelya, myslitelya i zhurnalista Vs. N. Ivanova // Filologiya i chelovek. 2022. № 2. S. 7-18. DOI: 10.14258/filichel(2022)2-01.
10. Allamuratova A. Zh. Evolyutsiya obraza Vostoka v russkoi poezii KhKh veka // Molodoi uchenyi. 2015. № 7 (87). S. 916-918.
11. Perova E. Yu. Obrashchenie k vostochnoi tematike v russkoi kul'ture XX–XXI vekov: prichiny, osobennosti, dinamika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 10. S. 285-292.
12. Gadzhieva D. A. Vostok v tvorchestve poetov i pisatelei serebryanogo veka kak otrazhenie evraziiskoi mysli // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki. 2015. № 4. S. 62-66.
13. Papkova E. A. Problemy kul'tury v tvorchestve Vsevoloda Ivanova // Sibirskii

- filologicheskii forum. 2021. № 2. S. 80-91. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-80
14. Ivanov V. V. Vozvrashchenie Buddy: povest'. M.: Pravda, 1991. 478 s.
  15. Sorokina G. A. Povest' Vs. Ivanova "Vozvrashchenie Buddy": idei revolyutsii i buddizma // Vestnik Kalmytskogo universiteta. 2016. № 2(30). S. 155-162.
  16. Papkova E. A. Dal'nevostochnye rasskazy Vsevoloda Ivanova nachala 1920-kh gg. // Nauka i shkola. 2022. № 4. S. 11-20. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-4-11-20
  17. Tsao Syuemei. Obraz kitaitsa v povesti Vs. Ivanova "Bronepoezd 14-69": novatorstvo i preemstvennost' // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 7 (13). S. 54-57.
  18. Ivanov V. V. Bronepoezd 14-69. M.: Molodaya gvardiya, 1932. 102 s.
  19. Temirgazina Z. K., Andryushchenko O. K., Asel'derova R. O., Nikolaenko S. V. Spetsifika orientalisticheskikh motivov v tvorchestve Pavla Vasil'eva-poeta aziatskogo frontira // Oriental Studies. 2023. № 16(1). S. 232-244. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244
  20. Ivanov V. V. Bronepoezd 14-69. M.: Veche, 2012. 352 s.
  21. Starchenko G. N. Real'noe i vymyshlennoe v romane Vsevoloda Ivanova "Pokhozhdeniya fakira" // Molodoi uchenyi. 2013. № 1. S. 19-24.
  22. Ivanov V. V. Izbrannye proizvedeniya: v 8-kh t. Pokhozhdeniya fakira: roman. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1985. 647 s.
  23. Chzhan Yuan'yuan'. Dve vetvi literatury russkogo zarubezh'ya: spetsifika i osobennosti vzaimodeistviya // Migratsionnaya lingvistika. 2021. № 3. S. 84-98.

Metaphor terms in the English sublanguage of jurisprudence

Bushuev Andrei Viktorovich

Postgraduate student; Department of Theory and Practice of Foreign Languages of the Institute of Foreign Languages ; RUDN

119049, Russia, Moscow, Mytnaya str., 7 page 1

✉ andrey_21b@mail.ru

Abstract. A term is a specific, stylistically labeled lexical unit related to a certain – more or less broad – field of activity. The subject of the study is the structural and semantic characteristics of English metaphorical terminology in the field of jurisprudence. The object of the study is the metaphorical terms of the English language in the field of jurisprudence. The purpose of the work is to identify the complex specifics of metaphorical English terminology in the field of jurisprudence. To achieve the purpose of the study, we set the following tasks: 1) formulation of the main linguistic characteristics of the term; 2) determination of the frequency of use of various formal and structural types of terms in legal texts; 3) determination of the frequency of use of various semantic types of terms in legal texts. The relevance of the work is due to the increased attention to the use of metaphor in functional speech styles that are not focused on the implementation of the aesthetic function of language – scientific and official-business Methodology of the work corresponds to the tasks set and includes the following research methods: the method of theoretical analysis, the method of data collection by continuous sampling, the quantitative method. The scientific novelty of the work lies in determining the frequency of use of semantic types of terms in legal texts. As a result of the analysis, 12 main semantic areas of metaphorical terms in the field of jurisprudence are identified: "war", "man", "color", "health", "nature", "construction", "movement", "clothes", "music", "cooking", "sports", "supernatural". The formal structural

analysis allowed us to establish the presence of various types of metaphorization in English legal terminology, which are expressed by substantive, verbal, adjectival and substantive-adjectival models. The metaphorical terms included in the sample are analyzed according to the quantitative and formal-grammatical content of their components. The sample units are divided into several groups according to their formal structure, namely, one-word, binary (two-word) and three-word. There is also a certain selectivity in the formation of metaphorical terms, in which some semantic areas are more productive than others.

Keywords: semantic areas, English legal terms, metaphorization, Metaphor terms, legal terminology, polysemy, English metaphorical terms, formal structure, Metaphorical terms in jurisprudence, the English sublanguage of jurisprudence

References (transliterated)

1. Kudina I. G. Metafora kak odin iz sposobov razvitiya perenosnykh znachenii slov // Filolog goda 2019: sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Petrozavodsk, 27 dekabrya 2019 goda. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyi tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka», 2019.
2. Bogacheva E. A., Semenova E. V. Metafory i frazeologizmy v professional'noi kommunikatsii (na materiale angloyazychnogo yuridicheskogo diskursa) // Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya. 2021. № 2 (5).
3. Radzhabova S. Sh. Leksika ofitsial'no-delovogo stilya angliiskogo yazyka // The Scientific Heritage. 2020. № 50-5.
4. Kirillova K. A., Shugaeva N. Yu. Obrazovanie angloyazychnoi ekonomicheskoi terminologii na osnove metafory. Sbornik nauchnykh statei po materialam XXXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy filologii v svete sovremennykh issledovaniy». Cheboksary, 2022, 21–22 aprelya 2022 g. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ya. Yakovleva.
5. Ogorodnyaya A. V. Metaforicheskie terminy v angliiskom ekonomicheskom diskurse // Sbornik statei Vnutrivuzovskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii «Professional'naya kommunikatsiya: yazyk, kul'tura, perevod», 2 noyabrya 2020 g. Redkollegiya: E.G. Bayankina (otv. red.) [i dr.]. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet, 2020.
6. Liang S. A Corpus-Based Study on Conceptual Metaphors in the Finance & Economics Column of The Economist // International Journal of English Language Studies (IJELS). 2021. Volume 3. Issue 8. URL: <https://doi.org/10.32996/ijels.2021.3.8.3>
7. Ivanova I. E. Politicheskaya metafora v angliiskom i frantsuzskom yazykakh: sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz / I. E. Ivanova, Yu. N. Karypkina // Political Linguistics. – 2023. – № 4. – S. 42–50.
8. Kuznetsova V. Yu. Metafora kak instrument formirovaniya obraza politicheskogo lidera (na materiale amerikanskikh SMI) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 3 (27).
9. Picard L., Stambach D. Political Metaphors in U.S. Governor Speeches (December 9, 2022). URL: <https://ssrn.com/abstract=4298372> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4298372>.
10. Satretdinova A. Kh., Penskaya Z. P. Osobennosti funktsionirovaniya metafory v meditsinskom diskurse (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // Gumanitarnye issledovaniya. 2021. № 1 (77).
11. Sharapa A. A. Metaforicheskie modeli yazykovoi reprezentatsii meditsinskoj terminologii // Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii

- «Tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu i diagnostika rechevogo razvitiya». Minsk, 21 oktyabrya 2021 g. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 2022. URL: <https://rep.bsmu.by/bitstream/handle/BSMU/35645/500-505.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.
12. Have H. T., Gordijn B. Metaphors in medicine // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2022. № 25
(4). URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9584248/pdf/11019_2022_Article_10117.pdf.
  13. Carston R., Wearing C. Metaphor, hyperbole and simile: A pragmatic approach // *Language and Cognition*. 2011. № 3 (2).
  14. Lakoff J., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2008.
  15. Musolff A. Creativity in metaphor interpretation // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. № 23 (1).
  16. Steen G. J. *Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.
  17. Croft W., Cruse A. *Cognitive Linguistics*, Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
  18. Diyarova L. A. Kognitivnaya metafora kak mekhanizm formirovaniya animalisticheskoi glagol'noi leksiki v sovremennom angliiskom yazyke // *Vestnik VyatGU*. 2017. № 6.
  19. Yartseva V. N. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Pod red. V. N. Yartsevoi. 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2002.
  20. Dzheri D., Dzheri D. *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'*. 5-e izd. T. 2: P – Ya. M.: Veche, 2004.
  21. Il'ichev L. F., Fedoseev P. N. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'*. 1-e izd. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983.
  22. Kondakov N. I. *Logicheskii slovar'-spravochnik*. 2-e izd. M.: EE Media, 2012.
  23. Klimovitskii Ya. R. Nekotorye metodologicheskie voprosy raboty nad terminologiei nauki i tekhniki // *Sovremennye problemy terminologii v nauke i tekhnike: sbornik statei*. M.: Nauka, 1969.
  24. Li Ya. Osobennosti metafor v ekonomicheskom diskurse // *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 2017. № 2-5.
  25. Wagner A., Cacciaguidi-Fahy S. (Eds.) *Legal Language and the Search for Clarity*. Bern: Peter Lang, 2006.
  26. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Molchanova M. A. *Terminovedenie*. 3-e izd. M: URSS, 2023.
  27. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. M.: Lenand, 2021.
  28. Marchuk Yu. N. *Informatsionnye tekhnologii v lingvistike. Komp'yuternaya lingvistika*. Saarbrykken: Palmarium Academic Publishing, 2015.
  29. Kozhanov A. A. Polisemiya i omonimiya v yuridicheskoi terminologii (na materiale nemetskogo yazyka) // *Pushkinskie chteniya*. 2014. № XIX.
  30. Reveko L. S. Metaforizatsiya kak sposob obrazovaniya substantivnykh terminov nemetskoi metalloobrabatyvayushchei terminologii // *Izvestiya VGPU*. 2020. № 4 (147).
  31. Kozhara O. V. Reprezentatsiya mnogoznachnogo slova v modelyakh mental'nogo leksikona // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 447.
  32. Reformatskii A. A. *Vvedenie v yazykovedenie*. M.: Aspekt Press, 2022.
  33. Averbukh K. Ya. *Obshchaya teoriya termina*. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi

universitet, 2004.

34. Golovin B. N., Kobrin R. Yu. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh. M.: Vysshaya shkola, 1987.
35. Fernández L. J., Remondino L. G. The use of metaphors in scientific texts in English: A proposal for improving reading competence // Sino-US English Teaching. 2013. № 10 (8).
36. Musolff A. Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol. 2006. № 21 (1).
37. Ebbesson J. (Ed.). Access to Justice in Environmental Matters in the EU. The Hague: Kluwer Law International, 2002.
38. Ebbesson J. Law, power and language: Beware of metaphors // Scandinavian Studies in Law. 2008. № 53 (12).

Comparative-contrastive proxemic model of architecture of the future (based on articles of the magazines "Vokrug Sveta" and "National Geographic")

Koliadin Anton Valerevich

senior lecturer; preparatory department for foreign students; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

19 Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russia

✉ kav3105@yandex.ru

Abstract. This publication is devoted to the features of proxemic models of architecture of the future of the countries of the East and West from the point of view of their comparison and identification of the features of verbalization. It is noted that these aspects of the proxemic model of architecture of the future are a rather little-studied area of the formation of spatial relations in journalistic texts. The purpose of this article is to analyze journalistic texts that represent examples of Russian-language and English-language journalistic discourse based on the comparison of proxemic markers (proxemes-spacenames, proxemes – verbs of motion, proxemes – adjectives, proxemes – toponyms, proxemes – linguoculturemes) nominating spatial relations in the articles in popular science country-specific magazines "Vokrug Sveta" about the UAE skyscrapers Ciel Dubai Marina and Burj Azizi and "National Geographic" about wooden skyscrapers built in Northern Europ. The analyzed samples of spatial lexemes, selected in magazine articles by the method of continuous sampling, are also considered from the point of view of their inherent informative codes, allowing readers to understand the architectural ideas of representatives of different cultures. Based on the results of the conducted analysis, it seems possible to identify the features of the axial orientation of proxemic markers in the architecture of contrasting parts of the world, which is determined by the pragmatic tasks of architects, as well as historical prerequisites, information about which is implicitly present in the text in the linguaculturemes used by the authors. Thus, the choice of certain proxemic markers contributes not only to the formation of a spatial image in the text of the publication, but also activates the individual reader's perception of the locations represented in the article, taking into account the background knowledge of the recipients, as well as their worldview.

Keywords: background knowledge, cultural codes, informative code, vertical axis, horizontal axis, three-dimensional space, proxemic model, linguacultureme, spacename, proxeme

References (transliterated)

1. Kipling R. The Ballad of East and West. – URL: https://www.kiplingsociety.co.uk/poem/poems_eastwest.htm (data dostupa 05.11.2024)
2. Yung K.G. Razlichiya mezhdru vostochnym i zapadnym myshleniem / Psikhologicheskii kommentarii k «Tibetskoi knige velikogo osvobozhdeniya». – URL: <https://carljung.ru/biblio/psiche/vostok/ost-west/1.htm> (data dostupa 05.11.2024)
3. MID [Official Site]. – URL: <https://uae.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/abouttheuae/> (data dostupa 05.11.2024)
4. Ogneva E.A. Osobennosti prostranstvennoi modeli «Novaya Atlantida» v arkhitektonike utopii F. Bekona // Gumanitarnye issledovaniya. – 2017. – № 3 (63). – S. 113-119. – URL: <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=1724> (data dostupa 05.11.2024)
5. Stepanov Yu.S. Kontsept. – URL: <https://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> (data dostupa 05.11.2024)
6. Babushkin A.P., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya. Monografiya. – Voronezh: OOO «Ritm», 2018. – 229 s.
7. Sadokhin A.P. Vvedenie v teoriyu kul'turnoi kommunikatsii. Uchebnoe posobie. M.: KNORUS, 2014. – 254 s.
8. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2006. – 330 s.
9. Gak V.G. Prostranstvo vne prostranstva // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. – S. 127-134.
10. Kunizhev M.A. Kategoriya «prostranstvo»: ee status i sredstva verbalizatsii [Elektronnyi resurs]: na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.04. – M.: RGB, 2005. – 221 s. – URL: <https://www.dissercat.com/content/kategoriya-prostranstvo-ee-status-i-sredstva-verbalizatsii-na-materiale-sovremennogo-angliis> (data dostupa 05.11.2024)
11. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem: per. s angl. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 s.
12. Ogneva E.A. Tipologiya tekstovykh proksem v svete romano-germanskogo perevoda // Gumanitarnye issledovaniya. – 2021. – № 2 (78). – S. 54-58. – URL: <https://humanities.asu.edu.ru/?articleId=2154> (data dostupa 05.11.2024)
13. Tuguz T.R. Speisnemy kak markery khudozhestvennogo prostranstva (na materiale proizvedeniya G. Dzheimsa «Kryl'ya golubka») // Gumanitarnye issledovaniya. – 2022. – № 2(82). – S. 128-132. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48688108_15752389.pdf (data dostupa 05.11.2024)
14. Beletskaya E. «Burdzh-Azizi»: gde postroyat 2-i po vysote neboskreb v mire i chto budet vnutri? // Vokrug Sveta [Elektronnyi resurs]. 2024. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/burdzh-azizi-gde-postoyat-2-i-po-vysote-neboskreb-v-mire-i-cto-budet-vnutri-id5849035/> (data dostupa 05.11.2024)
15. Shcheglova T. Samyi vysokii otel'-neboskreb v mire: 6 faktov o Ciel Dubai Marina // Vokrug Sveta [Elektronnyi resurs]. 2024. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/samyi-vysokii-otel-neboskreb-v-mire-6-faktov-o-ciel-dubai-marina-id5791759/> (data dostupa 05.11.2024)
16. Elbein S. Will the skyscrapers of the future be made out of wood? – URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/skyscrapers-of-the-future-will-be-made-out-of-wood> (data dostupa 05.11.2024)

Derivational productivity of verbs denoting object movement in Greek and Russian

Karatarakis Nikolaos

Postgraduate student; Faculty of Philology, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ nikokara41@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the derivational productivity of verbs denoting object movement in Greek and Russian. The object of the study comprises verbs of basic lexical semantics that denote the fundamental actions of transferring, receiving, and placing in space, namely: δίνω [dino], παίρνω [perno], βάζω [vazo], βγάζω [vgazo], δέχομαι [dekhome], λαμβάνω [lamvano] and their Russian equivalents: давать, брать, класть/ставить, вынимать/вытаскивать/вынести, принять and получать. The research focuses on the structural-semantic characteristics of their derivational models, the methods of forming derivative verbs, the common Indo-European origin of the studied lexemes, the history of their semantic development, as well as the role of synthetic and analytic processes in the development of verb derivation in the two languages. The material for the study consists of data from etymological and explanatory dictionaries of the Russian and Greek languages, as well as from a corpus of contemporary texts and lexicographic sources. The research methods include comparative analysis, etymological analysis based on explanatory and etymological dictionaries, structural-semantic analysis of derivational models, frequency and contextual analysis of verb derivatives, and the comparative method. The scientific novelty of the work lies in identifying systemic differences in derivational activity between the Greek and Russian languages, which have rarely been examined in a comparative aspect. Special attention is paid to the role of historical changes and synthetic-analytic tendencies in the evolution of these languages. The analysis established that the Russian language retains active productive models of verb derivation, whereas in Greek, there is a tendency towards the reduction of such models or their operation in limited discursive conditions. The conclusions confirm the different nature of the interaction between the lexical-grammatical and derivational levels in the specified languages, primarily caused by their quantitative typological differences, i.e., analytic and synthetic trends. The obtained results demonstrate, on the one hand, a "turn" in the morphology of the Greek language, driven by the tendency toward analysis, and on the other, the enduring synthetic nature of the Russian language.

Keywords: historical shift, verb morphology, analytic, synthetic, typology, Russian Language, Greek Language, word-formation derivation, moving object verbs, prefixation

References (transliterated)

1. Mpampiniotis G. Etymological Dictionary of the Modern Greek Language. Athens: Lexicology Centre, 2010. 1720 p.
2. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Rev. and augm. throughout by H.S. Jones, with the assistance of R. McKenzie. Oxford: Clarendon Press, 2007. 726 p.
3. Triantafyllidis M. Dictionary of Standard Modern Greek. Thessaloniki: Institute of Modern Greek Studies, 1998. 1220 p.
4. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Per. s nem. i dop. O.N.

- Trubacheva. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1986. 864 s.
5. Pyateva N.V. Opyt dinamicheskogo opisaniya sinonimichnykh etimologicheskikh gnezd *em-i ber-"brat", vzyat"* v istorii russkogo yazyka // Etimologiya 1994–1996 / Otv. red. O.N. Trubachev. M.: Nauka, 1997. S. 140–147.
  6. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). M.: Azbukovnik, 2009. 1087 s. EDN: RTAOXB
  7. Feduk P.S. Glagoly razmeshcheniya predmetov v prostranstve v yazykakh razlichnykh grupp: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2011. 179 s.
  8. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: okolo 13000 frazeologicheskikh edinits. 3-e izd., ispr. M.: AST; Astrel', 2008. 878 s.

Multidimensional Language Play as a Mechanism of Humorous Construction in Russian Sketch Comedy: A Case Study of Dialogues from “Ural Dumplings” and “Comedy Club”

Tian Yuzhu

Postgraduate student; Institute of Education and Humanities; Immanuel Kant Baltic Federal University

141 A.Nevsky St., Kaliningrad, Kaliningrad region, 236008, Russia

✉ 3203294354@qq.com

Abstract. This study investigates the functioning of language play as a mechanism for generating comic effects in Russian television humor, with a particular focus on two prominent shows, Ural Dumplings and Comedy Club. Drawing on a representative corpus of 50 episodes (25 from each program), the research seeks to identify, describe, and classify various types of language play occurring in humorous dialogues, replicas, and sketches. Special attention is devoted to genre-specific distinctions, strategies of audience involvement, and the sociocultural roles of humor, including integration, socialization, critical reflection, and provocation. The methodological framework combines discourse and pragmalinguistic analysis with content analysis and semantico-pragmatic interpretation, implemented within a comparative approach. The scientific novelty of the work lies in developing a comprehensive typology of language play in small stage forms and applying it to the comparative study of television comedy. For the first time, on the basis of an empirically constructed corpus, the linguistic and pragmatic features of comic discourse are contrasted across two genre-different formats. The findings demonstrate that Ural Dumplings predominantly employ phonetic-semantic and culturally marked games, creating the effect of “folk” humor and strengthening collective identity, whereas Comedy Club relies on pragmatic and interdiscursive strategies, constructing intellectually saturated humor oriented toward individual perception and critical reception. The conclusions emphasize the role of genre, media platform, and communicative interaction with the audience in shaping the comic effect. The study thereby broadens the perspectives of media linguistics and humor theory, while providing an empirical foundation for subsequent interdisciplinary investigations of humorous discourse.

Keywords: lexico-semantic analysis, intertextuality, Comedy Club, Ural Dumplings, pragmalinguistics, postmodernism, small stage form, humorous discourse, language play, cultural stereotypes

References (transliterated)

1. Klochko M. A. Yazyk i poznanie v filosofii Lyudviga Vitgenshteina // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2022. – № 2. – S. 62-73. DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-62-73.
2. Denisova P. N., Karaulova Yu. N., Kozyreva V. A. i dr. Leksikograficheskii metod i sfery ego primeneniya v dialektologicheskikh issledovaniyakh // Yazyk i kul'tura v Evraziiskom prostranstve. – 2003. – S. 110.
3. Krasnykh V. V., Teliya V. N., Gudkova D. B. Ponimanie lingvokul'turnogo koda v russkoi lingvokul'turologii // Redaktsionnaya kollegiya. – 2019. – S. 150.
4. Lyagushkina N. V., Polevshchikova A. S. Yazykovaya igra v mediatekste. Problema perevoda // Aktual'nye problemy lingvistiki, literaturovedeniya i lingvodidaktiki. – 2013. – S. 89-102.
5. Vyrovtsseva E. V., Shcheglova E. A. Yazykovaya igra kak sredstvo komicheskogo v sovremennom mediadiskurse // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2021. – T. 43, № 1. – S. 31-40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.565.
6. Zakharova M. V. Yazykovaya igra i ironiya v kommunikativnom vzaimodeistvii // Otechestvennaya filologiya. – 2023. – № 3. – S. 44-54. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54.
7. Murugova E. V., Verbovataya Yu. V. Pragmaticheskaya arkhitektonika standap-komedii: obraz aktera, faktor adresata, interaktivnost' // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – 2023. – № 3. – S. 172-182. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-3-172-182.
8. Norman B. Yu. Komicheskaya i lyudicheskaya sostavlyayushchie v lingvisticheskikh zadachakh // Kommunikativnye issledovaniya. – 2023. – T. 10, № 3. – S. 579-594. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).579-594.
9. Rudakova E. A. Lingvokognitivnyi aspekt amerikanskogo molodezhnogo yumora o muzhchinakh i zhenshchinakh (na materiale teleseriala "The Big Bang Theory") // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – T. 18, № 2. – S. 703-711. DOI: 10.30853/phil20250099.
10. Kadirov B. M. Psikholingvisticheskii analiz anekdotov: struktura, mekhanizmy vospriyatiya i kognitivnye efekty // Zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2024. – № 16(2). – S. 174-184.
11. Karpitskaya E. K. Yazykovye igry cherez prizmu vzglyadov L. Vitgenshteina i Zh.-F. Liotara // Gumanitarnyi aktsent. – 2023. – № 1. – S. 81-89. EDN: MGGXQA.
12. Shilikhina K. M., Pan'in E. A. Lingvokreativnost' i yazykovaya igra: pochemu vznikaet komicheskii effekt? // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2025. – № 1. – S. 24-31. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2025/I/24-31.
13. Terskikh M. V., Zaitseva O. A. Yazykovaya igra kak instrument reklamnogo kreativa // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – 2025. – № 2. – S. 127-145. DOI: 10.29025/2079-6021-2025-2-127-145.
14. Norman B. Yu. Komicheskaya i lyudicheskaya sostavlyayushchie v lingvisticheskikh zadachakh // Kommunikativnye issledovaniya. – 2023. – T. 10, № 3. – S. 579-594. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(3).579-594.
15. Roditel'skoe sobranie // Ural'skie pel'meni [Videozapis']. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a0jC7QoMtTc> (data obrashcheniya: 16.09.2025).

16. Apteka // Ural'skie pel'meni [Videozapis']. – URL: https://youtu.be/L0vEYK_sC7Y?si=_FGKeG8y_XldGKjq (data obrashcheniya: 16.09.2025).
17. Na rabote // Ural'skie pel'meni [Videozapis']. – URL: <https://youtu.be/SI3utYrUiKo?si=GEVVqz8SAsKOTZSf> (data obrashcheniya: 16.09.2025).
18. Comedy Club – REP Battl: Tramp protiv Putina [Videozapis']. – URL: https://youtu.be/YBp37EmILuc?si=gz_DuBDwn31OLcL (data obrashcheniya: 16.09.2025).
19. Comedy Club – Sumasshedshii nachal'nik [Videozapis']. – URL: <https://youtu.be/PwytbNr5JOo?si=levreQImnvNWvuSx> (data obrashcheniya: 16.09.2025).
20. Comedy Club – Sovremennaya etika [Videozapis']. – URL: <https://youtu.be/YI7WBm30QG4?si=Ar5-qhsPo1H7CeJD> (data obrashcheniya: 16.09.2025).

Cognitive and Discursive Features of Media Texts in the Context of Film and Game Design Integration

Wang Ziming

PhD in Philology

PhD student; Department of Mass Communications; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

119571, Russia, Moscow, Troparevo-Nikulino district, 26 Bakinsky Komissarov St., 7 K. 6

✉ 1042248002@rudn.ru

Wen Boyuan

PhD in Philology

Postgraduate Student; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6kab, sq. 218

✉ 1042228177@pfur.ru

Abstract. This study explores the cognitive and discursive features of media texts created at the intersection of cinema and interactive game design in the digital age. The research focuses on hybrid media products—interactive films, visual novels, and story-driven video games that combine cinematic linearity with gamified non-linearity, engaging users in active narrative construction. The paper examines meaning-making mechanisms triggered by multimodal representation and the cognitive processes involved in interpretation, emotional identification, and audience engagement. Special attention is given to phenomena such as framing, scenario activation, mental modeling, performativity of utterances, the effect of presence, and moral reflection within user interaction with the media text. The analysis is situated within the broader context of media discourse transformation and the evolving role of language in digital storytelling. Methodologically, the study applies an interdisciplinary approach that integrates cognitive linguistics, narratology, critical discourse analysis, and semiotics. The novelty of the research lies in its conceptualization of media text as a dynamic cognitive-discursive system emerging from the interaction between the author, interface, media environment, and user. Unlike traditional models, the study views interactive media texts as co-authored structures, where users not only interpret but actively shape narrative meaning. It is shown that interactive formats activate complex mental models and decision-

making trajectories, supported by moral evaluation, emotional engagement, and narrative polyphony. The findings offer new insights into the transformation of communicative strategies and meaning-construction mechanisms in digital culture and are valuable for future work in media linguistics, digital storytelling, and the cognitive analysis of multimodal texts.

Keywords: digital storytelling, discursive strategies, multimodality, narrative transposition, framing, game-based representation, media discourse, cognitive linguistics, interactive media text, user interpretation

References (transliterated)

1. Meyerhofer-Parra R., González-Martínez J., Peracaula-Bosch M. Postdigital storytelling: Storytelling (within or across) the digital and transmedia field // *Postdigital Science and Education*. – 2024. – Vol. 6, № 3. – P. 886-901.
2. Pecheranskyi I., Humeniuk T., Shvets N., et al. Transmedia discourse in the digital age: Exploring radical intertextuality, audiovisual hybridization, and the "aporia" of homo medialis // *Research Journal in Advanced Humanities*. – 2023. – Vol. 4, № 2. – P. 116-130. DOI: 10.58256/rjah.v4i2.1111 EDN: JQMHII
3. Marinova E. V. Evolyutsiya ponyatiya "virtual'naya lichnost'" v tsifrovuyu epokhu (sotsiolingvisticheskoe issledovanie na materiale russkikh tekstov) // *Nauchnyi dialog*. – 2023. – № 12 (1). – S. 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169 EDN: XZYNZL
4. Potapova R. K., Kur'yanova I. V. Osobennosti issledovaniya teksta v epokhu tsifrovoy kommunikatsii // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. – 2021. – T. 20, № 2. – S. 5-15. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.2.1 EDN: GYQPIU
5. Oleshko V. F., Gavrilov V. V. Mediatekst kak ob'ekt aktivnogo chteniya v tsifrovuyu epokhu razvitiya SMI // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. – 2024. – T. 30, № 3. – S. 5-18. DOI: 10.15826/izv1.2024.30.3.043 EDN: GIYACN
6. Kunitsyna N. V. Zhanrovye transformatsii v protsesse mediatizatsii (o nekotorykh rechevykh strategiyyakh) // *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*. – 2024. – № 1 (4 (45)). – S. 185-195. DOI: 10.51965/2076-7919_2024_1_4_185 EDN: XZTUZG
7. Nikonova E. A. K voprosu o sostoyanii zhanrovoy sistemy SMI // *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2021. – № 2 (101). – S. 84-95. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-2-101-7 EDN: VDPCPX
8. Rakhmonova D. Sh., Ashurova D. U. Kognitivnyi podkhod k analizu khudozhestvennogo teksta // *Nauchnyi vestnik FerGU*. – 2024. – № 2. – S. 109.
9. Nemkina N. I. Kognitivnyi podkhod k rassmotreniyu mul'timodal'nosti na sovremennom etape lingvisticheskikh issledovaniy // *Yazyk i kul'tura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya*. – 2022. – № 3-1. – S. 178-184. EDN: SCKJSD
10. Pavlov D.N. Narrativnye strategii mediadiskursa: motiviruyushchii kontent vizual'nykh platform TikTok i You-Tube // *Litera*. 2024. № 9. S. 44-58. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.9.71765 EDN: FEYLHC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71765
11. Zubkova O. S., Karachevtseva A. A. Strategii realizatsii yazykovoi igry v angloyazychnom publitsisticheskom diskurse // *Vestnik Permskogo natsional'nogo*

- issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki. – 2024. – № 4. – S. 18-29. DOI: 10.15593/2224-9389/2024.4.2 EDN: EBISXQ
12. Andrianova E. V., Davydenko V. A. Sotsiologiya kino: narrativnye otsenki zritel'skikh praktik // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya. – 2024. – T. 24, № 3. – S. 824-839. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-824-839 EDN: GBWWLU
  13. Kaminskii S. I., Fedotov D. A., Krivosheev A. A. Geimifikatsiya politiki: videoigry kak instrument formirovaniya diskursa i kontrdiskursa v konflikte // Sotsial'no-politicheskie nauki. – 2024. – T. 14, № 6. – S. 164-173.
  14. Afanasov N. B. Genri Dzhenskins i fanfik po teorii media // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – T. 1, № 3. – S. 250-263. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10033 EDN: QMYBSS
  15. Blazhkovskii R. V., Shapovalova I. V. Metamodeli syuzhetostroeniya v kontekste narratologii i germenevtiki // Universum: filologiya i iskusstvovedenie. – 2024. – № 9 (123). – S. 46-48. EDN: CZUKIX
  16. Austin J. L. How to do things with words: Lecture II // In: The performance studies reader. – Routledge, 2025. – P. 177-182.
  17. Moshtyleva E. S. Modeli narratsii v sovremennoi russkoyazychnoi internet-kommunikatsii: lingvopragmaticheskii i lingvisticheskii analiz: dis. ... kand. filol. nauk. – Nizhnii Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2021. – 190 s.
  18. Kolesnikov A. V., Barzenkov A. V. Semioticheskaya model' kontseptosfery Modeli Mira sub'ekta deyatel'nosti po razrabotke i primeneniyu kognitivnykh gibridnykh intellektual'nykh sistem // Gibridnye i sinergeticheskie intellektual'nye sistemy: sb. nauch. tr. – 2022. – S. 44-138. DOI: 10.5922/978-5-9971-0687-4-3 EDN: IECW SA

Metaphorical structuring of ideas about the love of participants in a public dialogue

Menzhulina Daria

Senior Lecturer; Department of Russian as a Foreign Language; Far Eastern Federal University

690922, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Ajax St., 10, office D524

✉ koffikor@yandex.ru

Abstract. In this article, we aim to consider the metaphorical representation of the phenomenon of love in public dialogue and establish a motivated connection between the structural metaphor and the emotion with which it is associated. In this paper, we are only interested in the structural metaphor, and not all types of metaphors. The research material is the transcribed TV interviews of the TV program "White Studio" with Daria Zlatopolskaya. The guests of the TV show are representatives of creative professions (artists, directors, musicians, etc.), men. The focus of our attention is only the idea of love as a sphere of interpersonal relations. Special attention is paid to the description of the process of metaphor emergence. In addition, the paper presents linguistic tools demonstrating the transfer of signs of the source sphere to the target sphere in metaphorical projection. In the course of the research, we used the method of scientific observation, the descriptive method (including methods of observation, generalization, interpretation), the method of semantic analysis, the method of contextual analysis, the method of pragmatic analysis. The scientific novelty of the research lies in the view of metaphorical transfer in the context of public dialogue, in which

the transfer of one situation to another is not limited to one unusual word usage, but unfolds throughout the whole communicative episode or part of it. As a result of the study, a motivated connection between an emotion and a metaphor describing this emotion was revealed, which led to the creation of a metaphorical transfer by the speakers, structuring entire fragments of the interview. The cognitive mechanisms of metaphorization of the phenomenon of love are revealed, based on varying degrees of stability of the speakers' ideas. It is concluded that metaphorical transference structures and connects the communicative episodes of a TV interview as a communicative event, performing an integrating function. During the conversation, the presenter and the interlocutors "highlight" certain aspects of the source sphere or the target sphere, which leads to a narrowing or expansion of the metaphor used over several communicative episodes.

Keywords: television interview, public dialogue, love, cognitive metaphor, emotional state, communicative episode, dialogic speech, structural metaphor, metaphorical transfer, metaphor

References (transliterated)

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. – Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. – XV, 895 s.
2. Arutyunova N. D. Yazykovaya metafora (sintaksis i leksika) // Lingvistika i poetika. – M.: Nauka, 1979. – S. 147-173.
3. Arutyunova N. D. Funktsional'nye tipy yazykovoi metafory // Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz. – 1978. – T. 37. S. 333-343.
4. Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy / N. D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1976. – 383 s.
5. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka / G. N. Sklyarevskaya. – Sankt-Peterburg: Nauka, 1993. – 150 s.
6. Teliya V. N. Predislovie // Metafora v yazyke i tekste. – M.: Nauka, 1988. – S. 3-9.
7. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira / V. N. Teliya // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. – M.: Nauka, 1988. – S. 173-204.
8. Budaev E. V. Stanovlenie kognitivnoi teorii metafory / E. V. Budaev // Lingvokul'turologiya. – Vyp. 1. – Ekaterinburg, 2007. – S. 16-32.
9. Chudinov A. P. Stanovlenie i evolyutsiya kognitivnogo podkhoda k metafore / A. P. Chudinov, E. V. Budaev // Novyi filologicheskii vestnik. – 2007. – № 1(4). – S. 8-27.
10. Baranov A. P. Deskriptornaya teoriya metafory / A. P. Baranov; Ros. akad. nauk, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. – 630 s.
11. Lakoff Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson; per. s angl. A. N. Baranova, A. V. Morozovoi; pod red. i s predisl. A. N. Baranova. – M.: URSS, 2004. – 254 s.
12. Aristotel'. Poetika / per. i prim. N. I. Novosadskogo. – L.: Academia, 1927. – 120 s.
13. Anikin E. E. Sportivno-igrovaya metafora kak sredstvo kontseptualizatsii prezidentskikh vyborov SShA 2008 goda (na materiale britanskikh SMK) // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg. – Vyp. 1(35). – 2011. – S. 87-96.
14. Bragina N. G. Metafory igry v opisaniyakh mira cheloveka (mezhlchnostnye otnosheniya) // Logicheskii analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igry. – M.: Indrik, 2006. – S. 120-143.
15. Balashova L. V. Russkaya metafora. Proshloe, nastoyashchee, budushchee: monogr. /

- L. V. Balashova. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. – 493 s.
16. Gak V. G. Metafora: universal'noe i spetsificheskoe // Metafora v yazyke i tekste. – M.: Nauka, 1988. – S. 11-26.
17. Baranov A.N. Predislovie redaktora. Kognitivnaya teoriya metafory pochtu 20 let spustya // Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafora, kotorymi my zhivem. – M.: Editorial URSS, 2004 – S. 7-21.
18. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs / N. D. Arutyunova // Teoriya metafory / perevod pod redaktsiei N. D. Arutyunovoi, M. A. Zhurinskoi; vstupitel'naya stat'ya i sostavlenie N. D. Arutyunovoi; avtor primechanii M. A. Krongauz. – Moskva : Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1990. – S. 5-32.
19. Churilina L. N. Kontsept «Lyubov'» kak fragment kollektivnoi i individual'noi kartiny mira: assotsiativnyi aspekt // Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki. – M., 2008. – 221 s.
20. Apresyan Yu. D., Apresyan V. Yu. Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsii // Voprosy yazykoznaniya. – 1993. – Vypusk № 3. – C. 27-35.
21. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. – Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. – XV, 895 s.

Black Myth: Ukun — Game Narrative and Distribution Strategy

Ge yunqi

Independent researcher

Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, 199034

✉ st097697@student.spbu.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of game narrative and the design implementation of the AAA game "Black Myth: Wukong" (Game Science, 2024), which became the first major project of the Chinese industry. The main focus of the research is on the structural features of the narrative, based on the reinterpretation of the classic plot of "Journey to the West" in a dark fantasy context. The paper reveals how the game combines a linear storyline with fragmented elements, including embedded narratives (hidden texts, dialogues) and evocative references to the original work. Special attention is given to interactive mechanics that transform the player from a passive observer into an active participant in the story, for example, through choices that influence the plot's development and nonlinear world exploration. The game has received international recognition, including awards from the Golden Joystick Awards and The Game Awards, highlighting its contribution to the development of the AAA segment beyond the Western market. The work proposes a model for designing complex narrative systems, relevant for developers aiming to blend cultural heritage with modern gaming trends. The research combines structural narrative analysis (drawing on post-classical narratology), assessment of marketing strategies (localization, technological branding), and statistical analysis of economic data (sales, tourist flow), while also examining technical implementation through the integration of modern technologies (Unreal Engine 5, detailed graphics) and cultural elements (architecture, philosophical concepts). The results demonstrate that the global success of the game is attributed to the synthesis of technical excellence, interactive mechanics (nonlinear plot, interactivity), and a deep adaptation of cultural heritage, as evidenced by international awards, sales of 28 million copies, and an increase in tourist flow to Shanxi Province. The work offers a model for designing interactive narratives that transform classic plots through philosophical deconstruction and technology, as well as providing a detailed analysis of the case of

overcoming "cultural discount" by preserving authenticity and technological leadership. The conclusions highlight the role of the game as a catalyst for intercultural communication, linking digital innovation, cultural heritage, and economic efficiency, setting a new paradigm for the global industry where video games become a tool for sustainable development and synergy between digitization, culture, and commerce.

Keywords: communication strategy, Story design, Black Myth Wukong, Cultural adaptation, Interactive storytelling, AAA games, Gaming News Dissemination, Game narrative, Game News, news narrative

References (transliterated)

1. Black Myth: Wukong takes top prize at awards gala. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202411/23/WS674117c0a310f1265a1cf2b6.html> (data obrashcheniya: 23.11.2024).
2. What we should see from the awards of 'Black Myth: Wukong': Global Times editorial. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325129.shtml> (data obrashcheniya: 16.12.2024).
3. "Chernyi mif: Ukun" zavoevyaet glavnuyu nagradu Steam 2024 // RushBe. URL: <https://rushbe.ru/blog/news/premiya-steam-2024-black-myth-wukong-zavoevyaet-glavnuyu-nagradu> (data obrashcheniya: 08.01.2025).
4. Bart R. Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovaniy // Issledovaniya narratologii. Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskoi akademii obshchestvennykh nauk, 1989. S. 28.
5. Prins Dzh. Narratologiya: Forma i funktsiya narrativa // per. Syui Tsyun. Pekin: Izdatel'stvo Narodnogo universiteta Kitaya, 2013. S. 102-103.
6. Van Veijan'. Osnovnye teoreticheskie problemy kommunikativnoi narratologii // Vestnik Khenan'skogo pedagogicheskogo universiteta (filosofiya i sotsial'nye nauki). 2014. T. 41, № 1. S. 126-131.
7. Aarseth E. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997.
8. Jenkins H. Game Design as Narrative Architecture // Wardrip-Fruin N., Harrigan P. (eds.). First Person: New Media as Story, Performance and Game. Cambridge: MIT Press, 2004. P. 118-130.
9. Raian M.-L. Krossmediinyi narrativ // per. Chzhan Sin'tszyun', Lin' Ven'tszyuan'. Chendu: Izdatel'stvo Sychuan'skogo universiteta, 2019. S. 305.
10. "Kitaiskie uslugi" uskoryayut globalizatsiyu // China Daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202411/23/WS674117c0a310f1265a1cf2b6.html> (data obrashcheniya: 23.11.2024).
11. Gamma-dannye: igrovaya industriya uluchshaet sotsial'nuyu otvetstvennost', "Chernyi mif" stimuliruet potreblenie na 34 mlrd yuanei // Sina Finance. URL: <https://finance.sina.com.cn/stock/hkstock/ggscyd/2025-01-24/doc-inehaatx5123890.shtml> (data obrashcheniya: 24.01.2025).
12. Kommunikatsionnaya strategiya, stoyashchaya za chernym mifom: Goku Swipe-Spread the Frog. URL: <https://www.wlcbw.com/128833.html> (data obrashcheniya: 21.08.2024).
13. Men Ts. Internatsionalizatsiya kitaiskikh igr: keis "Chernogo mifa: Ukun" // Journal of Modern Social Sciences. 2025. T. 2, № 1. S. 13-19. DOI: 10.71113/jmss.v2i1.173.
14. Statistika Steam za fevral' 2025: NVIDIA GeForce RTX 4060 lideruet // BenchLife.Info. URL: <https://benchlife.info/steam-feb-2025/> (data obrashcheniya: 03.03.2025).

15. "Chernyi mif: Ukun" vozglavlyayet natsional'nyi chart prodazh igr 2024 // Weibo. URL: <https://weibo.com/7270656950/P8UtPiKzW> (data obrashcheniya: 10.01.2025).
16. Vzaimodeistvie igr i turizma: "Chernyi mif" kak flagman kul'turnogo eksporta // Sin'khua. URL: <http://www.news.cn/digital/20240913/4440030ea8f34bf3ac8487ca76785ca7/c.html> (data obrashcheniya: 13.09.2024).
17. Hoskins C., Mirus R. Reasons for the US dominance of the international trade in television programmes // Media, Culture & Society. 1988. Vol. 10, № 4. P. 499-515. DOI: 10.1177/016344388010004006 EDN: EGINCJ.
18. O razvitii novykh proizvoditel'nykh sil // Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennogo soveta KNR. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6954761.htm (data obrashcheniya: 31.05.2024).

"Incident on the Tun River" by Vs. Ivanov: a oneiric projection of the future and the enclosed space of dystopia

Platonov Fedor Evgen'evich

Postgraduate student; Faculty of Media Communication and Journalism; Moscow University named after A.S. Griboyedov

109559, Russia, Moscow, Lyublino district, Krasnodarskaya str., 52, sq. 8

✉ fedor.platonoff@yandex.ru

Abstract. The short story "Incident on the Tun River" (1925) by V. Ivanov in the works of the renowned Soviet author represents one of the variants of the dystopian genre. Thus, the novel "Iprite," co-written with V. B. Shklovsky (1925), is a travesty work that simultaneously serves as a serious warning about the potential for a technical dystopia to devolve into an apocalypse. The novel "U" (1931–1933) reveals a hidden dystopia obstructed by an affectatious petty bourgeois. In this context, "Incident on the Tun River" illustrates how the future becomes a projection of the present. The object of research in the article is the dystopian and antiutopian motifs in Ivanov's "Incident on the Tun River," while the subject of the research is the specificity of the implementation of elements of these genres, considering the analysis of the motif structure of the text. Methods of genre, motif, and hermeneutic analysis are employed. The story is simultaneously classified as an antiutopia and a dystopia. It also investigates motifs of cold, violence, death, technology, and architecture, present in the current time and projected into the future. Based on the motif analysis conducted, assumptions are made regarding the specificity of the perception of the revolutionary project by both the author and the reader. The relevance of the study is determined by literary scholarship's interest in Ivanov's works, which remain not only insufficiently studied but also not fully published. The novelty of the research stems from the detailed motif analysis of "Incident on the Tun River," revealing the leading motifs that influence its semantic structure (for example, the motif of cold): he who allows his human feelings to "freeze" leads himself and others to moral and physical destruction. The image of dystopia/antiutopia in the story is created through images of murderous technology and non-human architecture. In the future, humanity has disfigured both the man-made and the natural: both emanate danger and death. The enormous sizes of buildings, the cold and crude materials from which they are made, and the tendency toward tubular and enclosed forms—all these factors respectively define the existence of future humanity.

Keywords: vision, zoomorphization, motifs, literary genres, Civil War, enclosed space,

scientific and technological progress, oneiric projection, dystopia, anti-utopia

References (transliterated)

1. Andreev D. L. Roza mira. URL:
https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/roza_mira.pdf
2. Ivanov Vs. Proisshestvie na reke Tun. URL:
https://www.promegalit.ru/public/16083_vsevolod_ivanov_proisshestvie_na_reke_tun.html
3. Papkova E. A. "Videniya gryadushchego" v proze V. Itina i Vs. Ivanova 1920-kh gg. ("Strana Gonguri" i "Proisshestvie na reke Tun") // Solov'evskie issledovaniya. 2025. Vyp. 1(85). S. 180-193. DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.180-193 EDN: ZSLCGC
4. Papkova E. A. Sny o budushchem v proze Vsevoloda Ivanova 1920–1930-kh godov // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2019. № 1. S. 7-17. DOI: 10.25205/2410-7883-2019-1-7-17 EDN: VJODXP
5. Papkova E. A. Fantasticheskoe v proze Vsevoloda Ivanova 1910–1930-kh godov // Literatura v shkole. 2022. № 4. S. 27-39. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-4-27-39 EDN: YFCZTI
6. Chalikova V. O tipologii literaturnykh utopii // Fenomen utopii v obshchestvennom soznanii i kul'ture. M.: INION RAN, 2021. S. 9-13.
7. The collected Works of William Morris / Ed. by May Morris. Vol. XXIII. Longman Green and Co., London; New York; Bombay; Calcutta, 1915. 309 p.
8. Lanin B. A. Russkaya literaturnaya antiutopiya XX veka: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.02 / B. A. Lanin. M., 1993. 344 s. EDN: NLITFN
9. Morshchikhina L. A. Klassicheskie i neklassicheskie utopii v kontekste sotsial'no-filosofskikh issledovaniy: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11 / L. A. Morshchikhina. Arkhangel'sk, 2004. 195 s. EDN: NMQHHT
10. Platonov F. E. Utopicheskie i antiutopicheskie modeli v poslerevolutsionnoi Rossii i ikh otrazhenie v literature 1920-kh godov / F. E. Platonov // Kazanskaya nauka. 2024. № 11. S. 324-327. EDN: ITVJBF
11. Plekh Z. I. Stanovlenie zhanra antiutopii v russkoi literature 20-kh gg. XX veka (na materiale proizvedenii E. Zamyatina, A. Platonova, M. Bulgakova): avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk: 10.01.02 / Z. I. Plekh. Bishkek, 2008. 23 s. EDN: ZNMBRB
12. Shishkina S. G. Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke. Ivan. gos. khim.-tekhnol. un-t. Ivanovo, 2009. 230 s. EDN: QVBELL

The Foreign Word in the Poetry of V. N. Nekrasov in the 1960s–1980s

Saprykin Mikhail Evgen'evich

Postgraduate student; Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

29A Oktyabrskiy ave., Troitsk, Troitskiy District, Moscow, 108840, Russia

✉ mikhail2909@gmail.com

Abstract. The object of this research article is the borrowed words in the poetry of a representative of unofficial literature, V. S. N. Nekrasov. The active use of borrowed words in lyrical works can be called a common poetic feature of both European and Russian poetry in

the second half of the 20th century. The catastrophic events of the 20th century brought to the forefront the doubts of many authors regarding the possibilities of direct lyrical expression and prompted them to seek new forms of expressiveness. Among the Moscow conceptualists in the 1970s and 1980s, a creative practice was widespread that involved the use of Soviet visual images or verbal clichés as poetic material. This characteristic of Nekrasov's poetics, who belonged to the conceptualist circle, has already been the subject of study; however, this research proposes a different methodological approach. The methodology of this study is based on the analysis of the poet's corpus of texts from the 1960s to the 1980s, the identification of intertextual connections present in Nekrasov's works, as well as their hermeneutic interpretation. The novelty of the research lies in the identification of several features of the functioning of borrowed speech in Nekrasov's poetry. First, it is important to note the poet's infrequent, yet noticeable, references to borrowed speech at the turn of the 1960s and 1970s, and the intensification of this technique in the 1970s and 1980s. Secondly, the distinctive traits of the author's poetics are noted, such as the preservation of a distinct voice of the lyrical subject and, consequently, the emergence of antithesis between the speech of the subject and borrowed speech in the structure of poetic works. Third, the observations made contributed to the identification of the specifics of Nekrasov's references to borrowed speech in comparison with the creative practice of D. A. Prigov. This allows for a reevaluation of the conventional approaches to analyzing Nekrasov's poetics as part of a broader poetic identity.

Keywords: unofficial literature, Moscow conceptualism, alien voice, intertextuality, Dmitriy Prigov, Vsevolod Nekrasov, hermeneutics, lyrics, ready-made, deconstruction

References (transliterated)

1. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo // Bakhtin M. M. Sbranie sochinenii. T. 2: "Problemy tvorchestva Dostoevskogo", Stat'i o Tolstom, Zapisi kursa lektsii po istorii russkoi literatury. M.: Russkie slovari, 2000. S. 5-175.
2. Adorno T. Kritika kul'tury i obshchestvo / Per. V. Kotlerovskoi // Artgid. 8 iyunya 2018. URL: <https://artguide.com/posts/1519> (data aktualizatsii 1.09.2025).
3. Yanechek Dzh. Teoriya i praktika kontseptualizma u Vsevoloda Nekrasova // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 5. S. 196-201.
4. Janecek G. Everything Has Already Been Written: Moscow Conceptualist Poetry and Performance. Evanston: Northwestern University Press, 2019. Pp. 33-52.
5. Skoropanova I.S. Stikhi-dissidenty Vsevoloda Nekrasova. Minsk: IVTs Minfina, 2020. 466 s. EDN: PJTKAS.
6. Lipovetskii M.N. "Tsitatnyi" sub"ekt: neoakmeizm, kontseptualizm, post-kontseptualizm // Sub"ekt v noveishei russkoyazychnoi poezii – teoriya i praktika. Berlin: 2018. S. 397-414.
7. Nekrasov Vs.N. Avtorskii samizdat (1961–1976). M.: Sovpadenie, 2013. 540 s.
8. Nekrasov Vs.N. Stikhi 1956–1983. Vologda: Biblioteka moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, 2012. 591 s.
9. Nekrasov Vs.N. Blat // Nekrasov Vs.N., Zhuravleva A.I. Paket. M.: Meridian, 1996. S. 574-599.
10. Sokovnin M.E. Zamechatel'nye p'esy // Rassypannyi nabor: izbrannye proizvedeniya. M.: Graffiti, 1994. S. 96-102.
11. Slovar' terminov moskovskoi kontseptual'noi shkoly. M.: Ad Marginem, 1999. 221 s.
12. Prigov D.A. Sbranie sochinenii v 5 t. T. 2. Moskva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie,

2016. 952 s.

13. Lipovetskii M.N., Kukul'in I.V. Partizanskii logos: Proekt Dmitriya Aleksandrovicha Prigova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 704 s.